

Белоруссия и Украина

*История
и культура*

Выпуск 5
2015

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

БЕЛОРУССИЯ И УКРАИНА: ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

Выпуск 5

Москва
2015

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(Бел+4Укр)
Б43

Издание основано в 2003 г.

**Главный редактор
член-корреспондент РАН
Б.Н. ФЛОРЯ**

Редколлегия:

М.А. РОБИНСОН (заместитель главного редактора), **Е.Ю. БОРИСЕНОК**,
Л.Е. ГОРИЗОНТОВ, **М.Ю. ДРОНОВ**, **Ю.А. ЛАБЫНЦЕВ**, **С.С. ЛУКАШОВА**
(секретарь), **Г.Ф. МАТВЕЕВ**, **В.И. МИРОНЕНКО**, **К.В. НИКИФОРОВ**,
О.А. ОСТАПЧУК

Рецензенты:

доктор исторических наук О.В. Петровская,
О.Б. Неменский

БЕЛОРУССИЯ И УКРАИНА: ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА. Вып. 5. Сб. статей /
Б43 Гл. ред. Б.Н. Флоря. — М.: Институт славяноведения РАН, 2015. — 540 с.

ISBN 978-5-7576-0334-6

Очередной том сборника продолжает и развивает сложившиеся традиции издания с характерными для него разнообразием проблематики и полидисциплинарностью. Сборник отражает точки зрения национальных историографий на развитие и взаимодействие восточнославянских культур с раннего Средневековья до наших дней, выдерживая при этом научный характер издания. Большинство статей, обзоров и рецензий пятого выпуска посвящено научно и общественно актуальным и даже острым проблемам истории и культуры Украины и Белоруссии конца XIX — первой половины XX в.

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(Бел+4Укр)

ISBN 978-5-7576-0334-6

9 785757 603346

© Коллектив авторов, 2015
© Институт славяноведения РАН, 2015

СТАТЪИ

Владимир Иванович
ФЕНИЧ

«МОНАСТЫРСКАЯ ЦЕРКОВЬ»: ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАННЯЯ ИСТОРИЯ МУКАЧЕВСКОГО ЕПИСКОПСТВА (СЕРЕДИНА XV В.)

В одном из наиболее неоднозначных недавних исследований по церковной истории Подкарпатья, автор которого скрывается под псевдонимом «Vladimirus de juxta Hornad», утверждается, что до образования Римским престолом полноценной канонической Мукачевской епархии (1771) имеющиеся письменные источники, датируемые не ранее XIV–XV в., позволяют сделать вывод о существовании своеобразной «монастырской епархии», «монастырской структуры Церкви»¹. Все предыдущие попытки историков дать однозначный и утвердительный ответ на этот, как и на многие другие вопросы, связанные со средневековой историей Мукачевского епископства, не достигли успеха. Попытаемся разобраться в этом ребусе истории местной церкви восточного обряда в предлагаемом исследовании.

1. Сомнительные истоки первых монастырей

Момент зарождения христианства византийского обряда в Верхней части Венгерского королевства теряется в раннем средневековье. В традиционной местной церковной историографии он связывается с активной миссионерской деятельностью в Великоморавском государстве во второй половине IX в. равноапостольных св. Константина (Кирилла) и Мефодия². Однако, эта красочная и льстящая региональному патриотизму легенда не находит своего подтверждения в источниках, в которых сведения о началах церковно-монастырской жизни края относятся не ранее, как к концу XIV в.³ Как убедительно доказали в своих исследованиях А. Годинка и Д. Моравчик, существующие в эпоху Арпадов

четыре монастыря восточного обряда были грекоязычными и не имели никакого отношения к славяно-валашской христианской традиции юго-востока Карпатского региона⁴. Иными словами, доказать влияние апостольской миссии св. Кирилла и Мефодия и их учеников, в частности архиепископа Моравского Горазда, на распространение в крае славянского обряда⁵ при отсутствии надежных свидетельств источников куда труднее, чем искренне верить в якобы более раннее, чем в самой Киевской Руси, крещение обывателей Подкарпатья.

Аналогично обстоит вопрос и об истоках деятельности первых монастырей на территории расселения карпатских русинов и волохов — Свято-Николаевского на Чернечьей горе вблизи Мукачева и Св. Архангела Михаила в Грушеве (ныне Тячевский район Закарпатской области)⁶. Особые страсти сопровождают полемику относительно так называемой «грамоты подольского князя Феодора Кориатовича от 1360 г.», которой он якобы основал Мукачевский монастырь, одарив его разными бенефициями, в т. ч. близлежащими 2–3 селами⁷. Несмотря на то, что еще в начале прошлого века почти одновременно и в Петербурге, и в Будапеште такими видными учеными, как Алексей Петров и Антал Годинка, убедительно была доказана подложность этой «грамоты» (поскольку подольским князем Феодор Кориатович стал значительно позже упомянутой даты, а его пребывание в Мукачехе и его окраинах венгерские источники относят ко времени между 1396 и 1415 гг.)⁸, изложенная ими версия об «обретении» монастырем своих прав имеет своих сторонников⁹, но справедливости ради отметим, что и скептиков — хоть отбавляй¹⁰.

Мнение местных церквей восточного обряда предугадать несложно, ибо речь идет о краеугольном камне официальной версии церковной истории. Мукачевский монастырь, являясь традиционным духовным центром, своеобразной отправной точкой для Восточной Церкви на канонической территории Подкарпатья, составляет часть исторического наследия каждой из доминирующих ныне в крае конфессий — православной и греко-католической. Причем обе ревностно стараются «приватизировать» это наследие, связанное с так называемым «Феодоровым даром», сознательно игнорируя при этом профессиональные заключения

ученых, особо не ангажирующих себя какой-либо из экклезиальных идентичностей¹¹.

Не менее запутанным до сего времени остается вопрос, связанный с пониманием содержания первого из известных ныне документов, затрагивающего вопросы церковной структуры и канонического подчинения на территории будущей Мукачевской епархии. Речь идет о письме константинопольского патриарха Антония IV от 14 августа 1391 г., изданного по просьбе наместников венгерского короля в комитате Марамуреш валашских воевод Балицы и Драга относительно Грушевского монастыря. Этим письмом патриарх предоставляет монастырю право ставропигии, а его игумену Пахомию право юрисдикции над проживающими в окрестностях монастыря и во владениях семьи его основателя, валашского воеводы Саса (речь идет о прибол. 34 селах, географически разбросанных в комитатах Марамуреш, Угоча и Берег, доходя почти до р. Латорица, протекающей через Мукачево)¹².

Из этих фактов А. Годинка сделал обоснованное заключение, что воевода Драг «обратился к самому патриарху о предоставлении епископских прав игумену, наделив его управленческой юрисдикцией, по причине отсутствия епископа»¹³. Во всяком случае, в известных науке документах этого времени не упоминается ни мукачевский, ни какой-либо иной, находящийся по соседству епископ, который бы духовно окормлял паству греческого обряда на этой территории.

Исходя из того факта, что упоминаемая патриаршая грамота Антония IV от 1391 г. является, по меткому замечанию современного римского католического историка словацкого происхождения Цирила Василя, «первым документом, касающимся исключительно конкретной восточной церковной структуры и канонической материи» в северо-восточной части Венгерского королевства¹⁴, юрисдикция вселенского Константинопольского патриарха на землях русинов и волохов восточного обряда вряд ли имела какой-то предыдущий континуитет.

Считая сосуществование двух независимых друг от друга монастырско-церковных образований в Грушево и в Мукачево с конца XIV и до середины XVI в. (а затем с середины XVII и до 20-х гг. XVIII в.) вполне очевидной исторической реальностью¹⁵,

предполагаю нецелесообразным в данном исследовании вести речь сразу о двух «монастырских церквях». Тем более, что впервые они соприкоснутся друг с другом как конфликтующие стороны с разными юрисдикциями только в 1491 г. А это уже выходит за хронологические пределы актуального очерка.

2. Пресвитер Лука и монастырская церковь

Если же согласиться с бытующим в историографии мнением о том, что более-менее массовое русинское заселение (не считая тех одиночных русских стражников, которые несли королевскую службу начиная с XI в.) северо-восточной части Венгрии, начавшееся не ранее XIII в., проходило по маршруту от современного польско-словацкого пограничья — северо-западного комитата Спиш и до юго-восточного фронта — комитата Мараморош¹⁶, то логично предположить, что вместе с новыми колонистами сюда прибывали и священники.

Некоторые местные ученые (к примеру, Юрий Жаткович), считающие, что первого самостоятельного епископа русины и волохи получили только в 1491 г. в лице архимандрита Мукачевского монастыря Иоанна, вольны полагать, что «Тех верующих восточной церкви, которые проживали в Мараморошской и Угочанской и на восточном крае Бережской вармеди¹⁷, Антоний, патриарх Константинограда, подчинил года 1391-го протоархимандриту монастыря Грушевского в Марамороше, — а для других верующих восточной церкви года 1360-го был данный духовным настоятелем архимандрит монастыря Мукачевского в Бережской вармеди. Протоархимандрит Грушевский подчинен был архиепископу Молдавскому, а архимандрит Мукачевский — Перемышльскому в Галиции». Отсюда сельским приходским ученым делается и соответствующий вывод: не имея до 1491 г. своих архиереев верующие и священники прибегали к духовному окормлению епископов из соседних Галиции и Молдавии¹⁸.

Первым документом, четко указывающим на существование Мукачевского монастыря, является грамота венгерского короля Матяша Корвина от 14 августа 1458 г., которой подтверждаются некоторые привилегии для его игумена Луки. Об этом же идет речь в ином подобном документе от 1488 г.¹⁹ Эти источники со-

держат важные для понимания положения вещей статусные характеристики монастыря-прихода — «*plebania Ruthenicae sancti Nicolai prope possessionem Munkacs Monostor*» и его предстоятеля, именуемого «пресвитером русинов» (*presbyter Ruthenus*).

Остановимся подробнее на трактованиях этих понятий. Принимая во внимание замечание церковных исследователей А. Бобака и А. Пекара, напоминающих о публичном праве венгерских королей жаловать церковным предстоятелям инвеституру, опираясь на так называемое право верховного патроната — «*iure patronatus supreme*»²⁰, в любом случае в упоминаемом документе мы не находим чего-то необычного, отличающего статус прихода «*sancti Nicolai prope possessionem Munkacs Monostor*». Обозначение его термином *plebania* (этот термин является специфическим юридическим определением для венгерского латиноязычного ареала. — В. Ф.) предполагает разве что освобождение от юрисдикции архидиакона и право сбора десятины²¹. Поэтому следует выстроить некоторую цепь посылок и следствий для более ясного понимания далеко не однозначных латинских юридических терминов того отдаленного времени.

Отвечая же на вопрос, какое значение имеет выражение «*plebaniam [...] cum sua solita iurisdicione*» в его применении к пониманию статуса пресвитера Луки, все авторы соглашаются, что речь идет не об обычном священнике (что, впрочем, не предполагает обязательного наличия у него епископского сана), а о настоятеле общины Мукачевского монастыря, обычная юрисдикция которого распространялась только на подвластных ему монахов²². Игумен Лука полагал своим естественным правом сбор десятины с виноградников, а также управление и распоряжение достоянием монастыря. С этой точки зрения интересным представляется замечание А. Петрова, утверждающего, что полномочия игумена распространялись и на территорию, расположенную вблизи монастыря, но не более того²³.

В тексте королевской грамоты от 14 августа 1458 г., в которой хоть и не четко, но все же прослеживается намек на особое положение игумена Луки, названного «русским пресвитером»²⁴, его безупречная репутация и благочестие в совокупности с наличием письменных рекомендаций дали Матяшу Корвину основания

для его назначения «на основанный, согласно русскому обряду, приход в монастыре св. Николая подле Мукачева с его обычной юрисдикцией», по поводу которой сам Лука утверждал, что законно занимал ее в течение многих предшествующих лет. Король же, пользуясь монаршей прерогативой назначения, юридически оформил существующее положение, объявив Луке, что «дарует ему этот приход как новый и издревле принадлежавшие к нему села Бобовище и Лавки со всеми доходами двух сел». Далее король дает указание Лелескому конвенту, чтобы Луку «по обычаю было вновь назначено владельцем прихода и двух сел, и его в тех владениях королевской властью, которой я в связи с этим предоставил конвенту, от всех защитил»²⁵.

Из вышеизложенного можно заключить, что приход уже имел «обычную» юрисдикцию, что Лука уже и в предыдущие годы обладал ею и, наконец, что король Матяш по примеру своих предшественников произвел назначение на него. Все эти выражения являются характерными для данного столетия. Проблемными остаются вопросы о том, сколь долго перед 1458 г. Лука владел этим приходом, был ли он первым его предстоятелем и кто из предшественников Матяша уже назначал кого-либо на эту должность?

Отправной точкой ответа на первый вопрос может послужить грамота герцога города Мукачево Яноша Корвина от 6 февраля 1493 г. В ней он перечисляет представленные ему Мукачевским епископом Иоанном шесть писем-грамот, расположенные в хронологическом порядке. Первое, якобы от подольского князя Феодора Кориатовича, датируемое между 1418 и 1426 гг. Автором второго был сербский деспот Георгий Бранкович, владевший Мукачевским замком и доминией на протяжении 1428–1439 гг. Третьим было письмо Яноша Хуньяди, который, начиная с 1445 г., владел г. Мукачево и в 1446 г. побывал в с. Вары, что подтверждается грамотой, пожалованной одному из береговских цехов. Янош Корвин же, проинформированный латинским настоятелем церкви св. Мартина в г. Мукачево Денисом, о предшественнике епископа Иоанна пресвитере Луке говорит, что письма «нашего деда и прадеда» тот добыл при помощи неправдивых свидетельств, тогда как о предыдущих двух молчит. Соответственно, грамоты от сербского деспота он в действительности не получал.

Об этом факте настоятель Денис знал наверняка, ибо епископ Иоанн, лицо, подчеркнем, весьма заинтересованное, который должен был знать об этих вещах наверняка, мог бы опровергнуть утверждения настоятеля мукачевского латинского храма, если бы они не соответствовали действительности²⁶.

Таким образом, грамота Яноша Корвина от 1493 г. позволяет сделать вывод о том, что выдерживающим проверку хронологическим стартом владения Лукой его приходом является время между деспотом Георгием Бранковичем (1439) и королем Матяшем Хуньяди (1445).

Продвигаясь в поисках ответа на второй вопрос, обнаруживаем, что ни грамота короля Матяша от 1458 г., ни извещение Яноша Корвина от 1493 г. не упоминают о предшественниках Луки, хотя и ему, и упомянутому настоятелю Денису целесообразно было бы сослаться на них, если бы таковые имелись. Молчание Луки о том, что он владеет приходом по примеру своих предшественников, кажется, является достаточным доказательством того, что их попросту не было. Точно так же, как отсутствие в информации настоятеля Дениса упоминания о том, кто же был счастливым, получившим владельческую грамоту от деспота Бранковича, — монастырь или же все-таки предшественник Луки? По мнению как всегда наблюдательного А. Годинки, «вероятно им обоим было известно действительное положение, исходя из которого, смеем предположить, что Лука все же был первым владельцем этого прихода и что до него им никто не владел. Это подтверждает и то, что он называется только приходом, и что Матяш Луку называет только предстоятелем. Если б у Луки были предшественники, тогда бы было применено и наименование епископа, как это произошло с преемником Луки Иоанном, которого грамоты уже называют епископом»²⁷.

Лука, впрочем, должен был иметь власть большую, чем у простого пресвитера, и, соответственно, монастырская община превышала значение обычного прихода. У А. Годинки на этот счет имеются несколько весьма убедительных соображений. Во-первых, заслуживает внимания уже то, что сама грамота короля Матяша Корвина, называя приходом этот бенефиций, жалует ему такие права, каковые не может иметь обычный приход. Более того,

уже и само статусное определение «*plebania*» указывает на то, что с монастырем связан независимый от него бенефиций, имеющий определенную юрисдикцию.

«А так как обычный приход не владеет своей юрисдикцией, а король не называет никакого епископства, от которого он это право мог бы получить, а непосредственно говорит о том, что он имеет свою юрисдикцию, а такую юрисдикцию может иметь только епископство, то исходя из этого мы не можем его считать обычным приходом. Еще и потому нельзя считать его обычным приходом, ибо он имеет не только свою юрисдикцию, но имеет в своем владении еще и целых два села, Бобовище и Лавки, а такого никакой другой схизматический русский приход не имел и не мог иметь, особенно в то время, когда русские приходы только в 1692 г., только тогда, после принятия Унии могли получить некоторые приходские земли. На то, что это есть приход с большим бенефицием, указывает и то обстоятельство, что назначение его пресвитера входило в функцию самого короля. В Латинской Церкви были тоже исключительные приходы, на которые назначения давал лично король, но для схизматической Церкви такие случаи были невероятными»²⁸.

При этом, однако, надо учитывать еще и тот факт, что король Матяш беспокоится о каком-то приходе настолько, что, назначая его предстоятеля, старается следовать своим предшественникам, при том что это владение даже не составляло королевской собственности. Объяснением этому, принимая во внимание аргументы А. Годинки, мы полагаем заявление мукачевского патера Дениса, отображенное в грамоте Яноша Корвина от 6 февраля 1493 г., в котором он вполне определенно называет Луку предшественником епископа Иоанна²⁹.

Между прочим, определение «пресвитер» лишено «монашеского» контекста и предполагает наличие у его носителя управленческих функций в общине и в религиозной, и в светской сферах ее жизнедеятельности одновременно. Однако такое лицо, если оно не являлось епископом, в монастыре не могло иметь какой-либо юрисдикции. По мнению А. Годинки, с учетом переходного состояния церковного статуса территории, наиболее вероятным будет считать Луку помазанным епископом с властью простого

поддержания порядка и у которого еще нет юрисдикции, полномочий, верующих, территории, кафедрального собора, а его деятельность распространяется только на монастырь и в основном на тех, которые добровольно соглашаются к рукоположению на священников³⁰.

3. Киевский митрополит Исидор и его «послание» 1440 г.

Теперь же, если Луку считать предшественником епископа Иоанна и до него источники не упоминают никого иного в ипостаси главы монастырского прихода «особого значения» возле Мукачево, остается ответить на последние, касающиеся нашей темы вопросы: когда, где и кем он мог быть хиротонисан? Двигаясь в этом направлении, следует упомянуть митрополита Киевского и всея Руси Исидора. Утверждение о том, что пресвитер Лука якобы находился под юрисдикцией митрополита Исидора, который, пребывая в марте 1440 г. в Буде, посетив того с визитом в Мукачево, со временем оказалось исторически бездоказательным. Однако с легкой руки известного галичского церковного исследователя XIX в. о. Михаила Гарасевича³¹ подобное мнение бытовало в греко-католической историографии, а недавно было поддержано не менее известным в католических кругах исследователем закарпатского происхождения Александром Бараном³².

Однако же, опираясь на такой важный источник, как дневник путешествия самого инициатора Флорентийской унии (1439) под названием «Хождение митрополита Исидора»³³, видный словацкий католический историк Михал Лацко категорически отверг подобную возможность архиерейского путешествия в Мукачево. Основанием этому послужил тот факт, что «общий» польско-венгерский король Владислав III (в Венгрии правил под именем Уласло I) вначале относился к сторонникам антипапы Феликса V. В связи с этим само собой разумеется, что ему было совсем не по душе появление в пределах его королевства легата папы Евгения IV, одного из инициаторов Ферраро-Флорентийской унии 1438–1439 гг., митрополита Исидора, который позже все-таки возымел определенное влияние на близлежащее к г. Мукачево

славянское епископство в польском Перемышле, которое, судя по всему, приняло провозглашенную им унию³⁴.

В декрете унии, торжественно провозглашенной 6 июля 1439 г. в кафедральном соборе во Флоренции, как известно, папа был провозглашен «преемником апостола Петра», «истинным викарием Христа», «главой всей Церкви», «отцом и учителем всех христиан», получившим от самого Иисуса Христа всю полноту власти над Вселенской Церковью. Добившись победы в решении главного догматического вопроса, латинские участники Собора согласились на сохранение православной Церковью ее традиционных обрядов. В декрете унии была специально оговорена равноценность литургии, совершаемой и по западному, и по восточному обряду³⁵.

Осуществить принятые на Флорентийском Соборе решения на территории Восточной Европы как раз и должен был киевский митрополит Исидор, получивший для этого от папы кардинальский сан и полномочия папского легата в Литве, Ливонии, Руси и Польше, т. е. на всей территории восточноевропейского региона. 6 сентября 1439 г. он покинул Флоренцию и, миновав Венецию, отбыл ко двору Владислава III в Буде для обсуждения планов крестового похода против турок³⁶.

Выдавая желаемое за действительное, некоторые историки сочли уместным признать эти факты в качестве «убедительного» аргумента пока еще не доказанному утверждению о подчинении Мукачевской епархии юрисдикции Киевского митрополита еще в середине XV в., руководствуясь при этом далеко не научными побуждениями. Однако сама версия вовсе не выглядит беспочвенной. Для поиска ее возможного «прочтения» попробуем синхронизировать события давно ушедших лет несколько с иной парадигмы.

Вероятно предположить, что первое упоминание о Мукачевском монастыре в королевской грамоте под 1458 г. неслучайно. Возможно, что пресвитер Лука, немногим ранее занявший монастырский приход, начал искать королевской санкции своей юрисдикции над верующими греческого обряда в поселениях района Чернечьей горы именно после того, как в Буде появился возвращавшийся с экуменического собора папский «легатос и от

ребра апостольского седалища лятцкого и литовскаго и немецкаго» (от 17 августа) и кардинал (от 18 декабря 1439 г.) архиепископ Киевский и всея Руси Исидор³⁷.

5 марта 1440 г. Исидор в Буде обратился к пастве с «Окружным посланием», в котором призвал «возрадуйтеся и възвеселитеся все ныне, яко и церковь восточная [и западная], коликое время разделения быша и едина ко единеи враждебны, а ныне истинным соединением соединишася во изначальственнейшее во свое соединение и в мир и в единство древнее, без всякого разделения. Всеи ж христоименитии людие, и как латыни, так и грекове, и ти иже вси подлежат святей соборней церкви костантинополстей, еже суть Русь, и серби, и влахи, и инии вси христианстии роди примете тое же и пресвятое единачество с великою духовною радостию и честию»³⁸.

Из столицы Венгрии митрополит Исидор 14 марта 1440 г. направился через Санч в Краков, где, отслужив молебен в Вавельском соборе, отбыл в Перемышль, а оттуда — во Львов, Галич и Холм, где 27 июля 1440 г. издал пастырское письмо о неприкосновенности церковного достоинства³⁹. И в Санче, и в Кракове Исидор совершил богослужение по греческому обряду в латинских храмах. Этими своими действиями, а особенно — адресованной холмским старостам и воеводам грамотой от 27 июля 1440 г., митрополит-униат полностью следовал экуменической программе Флорентийского Собора⁴⁰.

Показательно, что, посетив в конце весны 1440 г. православную епархию в Перемышле, где, судя по всему, епископская кафедра была вакантной (епископ Илья последний раз в документах упоминается в феврале 1440 г.), Исидор назначил после него Александра или Афанасия, его преемника, происходившего из семьи местных вотчинников — Бирецких. Своими действиями митрополит не последовал рекомендациям папы, согласно которым из двух епископов, одновременно служивших на территории одного диоцеза, единственным его хозяином останется тот, кто переживет другого, и не передал православную Перемышльскую кафедру латинскому епископу в этом городе⁴¹.

Этот пример достаточно важен в нашем исследовании, поскольку в местной церковной историографии еще в конце XIX в.,

как было замечено выше, утвердилось мнение (Ю. Жаткович) о том, что северо-западная часть ранней Мукачевской епархии какое-то время пополнялась священнослужителями — выходцами из Перемышльского епископства. Проблематичным остается только вопрос, были ли в этом случае эти священники униатами в том понимании, в каком их имел в виду Флорентийский Собор. Если да, то пресвитер Лука вполне мог получить святительские регалии от униатского епископа в Перемышле. Но это пока лишь наше предположение.

Доказанным на данный момент является следующее. В Галиции Исидор пребывал в течении двух месяцев — примерно с 15 мая до 10 июля⁴². Относительно же его гипотетического появления в Мукачево в марте 1440 г. в руках историков имеется авторитетное мнение известного василианского историка Атанасия Великого: «Не знаем также, выбрался ли Исидор дальше на восток: на Подолию или Валахию, Закарпатье, бывал ли в Мукачево. Наверно для этого он не имел ни времени, ни основательных причин, поскольку церковная ситуация на этом пространстве была неясной»⁴³. Именно на это мнение в качестве признанного исследователями мы и будем опираться.

4. Привилей Владислава III 1443 г. и судьба Флорентийской унии

Побег попавшего в опалу Исидора из Москвы 15 сентября 1441 г. пролегал через Тверь, где он так же, как и в Москве, попал в заключение. После удачного побега митрополит остановился в Новоградке Литовском в Белой Руси, где почти год исполнял свои архиерейские обязанности, высветив, по всей видимости, Холмского епископа Григория⁴⁴. Во время скитаний Исидора на протяжении 1441–1442 гг. отношение Владислава III к унии круто изменилось.

За это время папе Евгению IV удалось привлечь на свою сторону молодого и энергичного короля для решения важных дел: крестового похода и церковного единства. В результате активной дипломатической подготовки, осуществленной папским легатом кардиналом Джулиано Чезарини, папская булла от 1 января

1443 г. провозглашала антитурецкий крестовый поход в целях защиты восточного христианства⁴⁵. Таким образом, единым безопасным прибежищем для Исидора в сложившейся ситуации оказалась столица Венгрии.

Весной 1443 г., перед непосредственным началом крестового похода, король Владислав III представил Церкви восточного обряда на подвластных ему территориях грамоту, которую он вручил Исидору 22 марта, когда тот, возвращаясь в Рим, остановился в Буде⁴⁶. Из этого, склонный к произвольным предположениям С. Пап, заключил, что киевский униатский митрополит в начале 1443 г. «уж наверняка шел через Закарпатье, ибо спешил к королю Владиславу III». [...] «Это тем очевиднее, — продолжает настаивать церковный историк, — что в Будине митрополит Исидор написал «Диплом Владислава» об уравнивании украинского духовенства в привилегиях с латинским в соответствии с постановлениями Флорентийского Собора»⁴⁷.

На самом же деле, это король Владислав III в присутствии католического епископа Эгера Шимона Розгони 22 марта 1443 г. издал экуменический диплом⁴⁸. В грамоте несколько раз использованы следующие формулировки: «Церковь восточного обряда, то есть греков и русинов»; «Восточная Церковь и ее настоятели и весь клир того же греческого и русского обряда, который существует на пространствах наших владений, нам подчиненных», или же в форме обращения — «всем церквам, их епископам, то есть владыкам, настоятелям, духовенству и всем церковным людям того же греческого и русского обряда». Что же касается географии распространения данного диплома, то, как видно из текста, речь идет о «всех церквах наших владений в Польше и Венгрии и других», или же — «нашего Польского королевства, поименно же наших Земель Руси и Подолья и других с ними соединенных»⁴⁹, проще говоря — на всей территории, подвластной в то время Владиславу III.

В связи с этим, остается непонятным вопрос, в качестве кого именно принимал король Исидора: как все еще митрополита Киевского и всея Руси (его официальное низвержение произойдет на соборе в Москве только в декабре 1448 г.)⁵⁰, или же, что, скорее всего, в сложившихся обстоятельствах выглядит правдоподобнее,

как папского легата для Восточной Европы и кардинала Римской Церкви? Утвердительно дать ответ на этот вопрос пока затруднительно, но очевидно одно: грамота Владислава вручалась не Исидору, он даже не упоминается в ней среди присутствующих во время ее обнаружения.

Тем не менее, этот неопровержимый факт не помешал некоторым украинским церковным ученым утверждать, например, что «он [Исидор] позаботился о королевской привилегии автономии нашего обряда..., который был потом до Брестской унии *Magna charta libertatum* для нашей Церкви и в таком понимании подтверждался польскими королями»⁵¹, или же что его (диплом) дескать «составил сам Исидор, а король подписал», ибо «стиль и нежность первой части, ведущей речь о воссоединении, равенстве является таким красивым и нежным, на который не решился бы гордый латинский епископ»⁵², или же, как пишет Б. Гудзяк в одном месте, «грамоту о признании Исидор получил в Буде»⁵³, а в другом: уже король «вручил ее Исидору в Буде»⁵⁴.

Свою версию причастности митрополита Исидора к данной королевской грамоте предлагает авторитетный российский ученый Борис Николаевич Флоря. По его мнению, Исидор перебрался в Буду к 22 марта, а привилей короля Владислава Ягеллончика, предоставлявший православной Церкви в его владениях все права и свободы, которыми пользовалась в Польском королевстве католическая Церковь, появился 23 марта 1443 г. «С высокой степенью вероятности можно говорить об участии митрополита в подготовке этого документа», — заключает Б.Н. Флоря⁵⁵. Но вопрос, каким образом это могло происходить, если на стадии подготовки документа Исидора даже поблизости не было, остается неразрешенным.

Следом за украинским исследователем начала XX в. Б. Бучинским, который предположил, что замысел издания такого документа мог зародиться у Исидора еще во время пребывания в Холме⁵⁶, Б.Н. Флоря обращает внимание на то, что «диплом Владислава» с начала XVI в. находился у православных епископов Холма, представлявших его на подтверждение польским королям⁵⁷. Очевидно речь идет об Александре, затем Сигизмунде I и Сигизмунде III в 1504, 1543 и 1621 гг.

Действительно, территория Холмского диоцеза в сложившейся церковно-политической ситуации 1440—1443 гг. была едва ли не единственным местом, где легат папы Евгения IV кардинал Исидор мог рассчитывать на хороший прием. Холмским латинским епископом в то время был крупный теолог и канонист, глава польской провинции Ордена доминиканцев, духовник и советник короля Ягайла Ян Бискупец. О его отношении к Флорентийской унии красноречиво свидетельствует тот факт, что еще в 1449 г. он приказал всем приходским священникам вписать в находившиеся у них церковные книги декрет папы Евгения IV о соединении римской и греческой Церквей. «По-видимому, в беседах Холмского епископа с митрополитом Исидором и возник замысел добиться у короля издания акта об уравнивании в правах католической и православной Церквей и тем самым заинтересовать православное население в реализации унии на территории Польского королевства», — заключает Б.Н. Флоря⁵⁸.

Их соучастником с высокой степенью вероятности можно полагать Холмского православного епископа Григория, которого в 1440 г. после смерти его предшественника Саввы Исидор возвел на кафедру. Успеху акции также способствовало содействие влиятельных при дворе светских вельмож, как, например, подольского воеводы и холмского старосты Грицка из рода Кирдеев, отмеченного в кругу свидетелей, присутствовавших при выдаче привилея. К тому же он принадлежал к числу пока еще немногих семей русской знати, принявших католицизм. Этот сановник в числе редких польских гостей неоднократно навещал молодого короля Владислава в столице Венгрии Буде⁵⁹.

Известную роль также могли сыграть расчеты венгерских советников короля и папского легата в Венгрии Джулиано Чезарини. Они полагали, что издание такого акта накануне крестового похода против турок расположит в пользу крестоносцев славянское православное население Балкан. Таким образом, предложения, обращенные к молодому монарху, были плодом совместных усилий митрополита Исидора, части польского духовенства и светской верхушки местного русского общества. Издание привилея должно было положить конец недовольству православного духовенства отсутствием положительных изменений

после Флорентийской унии в плане неравноправного положения по отношению к католикам и заинтересовать его в сохранении унии. Тем более что и сам Владислав еще в сентябре 1442 г. подтвердил дискриминировавшие православных распоряжения своего покойного отца⁶⁰.

Но был ли привилей Владислава действительно тем документом, который отображал чаяния сторонников Флорентийского единения церквей в религиозной жизни христиан обоих обрядов? Сопоставление вступительной, декларативной части документа с последующими статьями дает возможность отыскать ответ на этот вопрос. Привилей Владислава III, адресованный церкви «восточного обряда», т.е. «греков и русских», в его владениях (Польском и Венгерском королевствах) начинался с того, что монарх, выражая радость в связи с происшедшим соединением церквей, высказывал желание освободить восточную Церковь от тех преследований, которым она подвергалась ранее, и жаловал ей все права и вольности, которыми пользовалась римская Церковь в его владениях. В этом смысле привилей формально соответствовал программе уравнивания в правах и объединения православной и католической церквей под властью папы. Именно этого добивался митрополит-униат Исидор, но многое зависело от того, как будет раскрыта общая формула вступительной части привилея в последующих статьях документа⁶¹.

Анализ отдельных норм и привилегий показывает, что на практике права, предоставлявшиеся православной Церкви под властью папы, были несколько скромнее, чем принято считать. Грамота гарантировала иерархам и духовенству восточной Церкви греческого и русского обрядов вечное право на владения селами и землями, которые им законно принадлежали, санкционировала возвращение ей незаконно отобранных земель, защищала судебные прерогативы епископов восточного обряда и восстанавливала право иерархов вести и решать бракоразводные дела, в т.ч. и разрешать разрыв санкционированных православными канонами браков и т.п.⁶²

По мнению Б.Н. Флори, в данном положении не было ничего нового, поскольку такое право было предоставлено, например, Ягайлом Перемышльскому православному епископу за-

долго до Флорентийского Собора грамотой 1407 г. «Новым был запрет государственным чиновникам разных рангов (названных почему-то абстрактными понятиями «дигнитарии» и «официалы». — В. Ф.) вмешиваться в церковный суд или присваивать себе его функции»⁶³. Тут мы должны возразить именитому ученому: то, что было для Польши преданием давно ушедших дней, в Венгрии только что вводилось.

Важным положением привилея было предписание не устранять существующие обычаи, даже если они и не соответствуют принятым в католическом мире порядкам. Значение данного пункта грамоты возрастает при рассмотрении нами источников, упоминающих об объеме прав и привилегий «пресвитера Луки». В заключительной части грамоты Владислава III содержалось подтверждение прав Церкви «греков и русских» на все «издавна принадлежащие ей земли». Новым в данном случае было то, что эта норма была дополнена подтверждением прав восточной Церкви на земли, к моменту провозглашения грамоты ею утраченные, «во владении каких бы лиц и какой бы из земель и поветов они ни находились». А вот о включении православных епископов в состав сената/сейма, о предоставлении православному духовенству «*privilegium fori*», а также о праве выбора епископов капитулами в грамоте речь не шла⁶⁴, что сужало объем привилегий православного духовенства по сравнению со священнослужителями католического вероисповедания.

Однако в любом случае привилей Владислава III потенциально мог привлечь на сторону унии какую-то часть православного общества, если бы не пресловутая практика воплощения в жизнь любого самого распрекрасного законодательного решения. Более того, после трагической гибели Владислава III в битве под Варной 1444 г., его брат и преемник Казимир IV привилей от 23 марта 1443 г. не подтвердил. Не мог способствовать его подтверждению и митрополит Исидор, отправленный в том же 1443 г. папой Евгением IV после смерти патриарха Митрофана с важной миссией в Константинополь. В своем диоцезе он больше не появится. Так закончилась неудачей единственная серьезная попытка заинтересовать православное духовенство в польских и венгерских владениях Ягеллонов в принятии Флорентийской унии⁶⁵.

5. «Диплом» короля Владислава 1443 г. и пресвитер Лука

«Диплом Владислава» в духе флорентийского единения Церкви провозглашал равенство клира восточной Церкви греческого и русского обрядов с католическим духовенством на подвластной королю территории, а значит и в Верхней Венгрии, где проживали православные русины и волохи. Ведя речь об этом регионе, непременно следует учитывать тот факт, что латинские епископы Эгера, один из которых присутствовал во время подписания королевской грамоты от 22 марта 1443 г., ссылаясь на постановление IV Латеранского собора 1215 г. «*De superbia Graecorum contra Latinos*» («О дерзости греков против латинян») о подчинении латинскому иерарху христиан восточного обряда в случае, если они проживают на территории его диоцеза⁶⁶, имели заметное влияние на события во многих случаях. Это объясняет активность усилий пресвитера Луки в свете происходивших событий в Буде в 1440 и особенно 1443 г. в юридическом оформлении статуса монастырского прихода в Мукачево.

Отдельные обращения из Буды сначала униатского митрополита Исидора в марте 1440 г., а затем короля Владислава III в марте 1443 г. ко всем христианам латинского, греческого и русского обрядов не могли не отразиться на подданных подвластных им земель, чем, не исключено, и воспользовался (по крайней мере, пытался) пресвитер Лука, получив для начала архиерейские полномочия, скажем, в Перемышле (?), а затем став добиваться их признания государственной властью у себя в Венгрии.

Относительно данного пока лишь только предположения, можем опереться на информацию Холмского униатского епископа Якова Суши, который, пребывая в 1665 г. в Риме с запросом о подчинении Мукачевского епископства Киевскому униатскому митрополиту⁶⁷, утверждал, по словам А. Годинки, что ближайший по соседству Перемышльский епископ из-за большого расстояния и в чужой стране не мог надлежащим образом исполнять епископские функции. Он ограничивался присылкой освященных священников при возникновении в них потребности. Однако практичнее было бы иметь своего местного епископа⁶⁸.

Несмотря на то, что информация Я. Суши будет обнародована более чем через 200 лет после обсуждаемых нами событий, остается бесспорным долговременное окормление православного населения Подкарпатья священниками из соседней Перемышльской епархии. К большому сожалению, об освящении Мукачевских епископов вплоть до Василия III (Ардановского), которого трансильванский князь Жигмонд Ракоци в 1597 г. отправит с этой целью к Молдавскому митрополиту в Яссы⁶⁹, нет никаких известий. Как архиепископ Эстергомский и венгерский примас Дьердь Липпай в 1654 г.⁷⁰, так и его преемник Дьердь Селепчени в 1665 г.⁷¹, предоставляя в апостолическую столицу информацию о мукачевских епископах и их епархии, в один голос утверждали, что их всегда хиротонисали русские схизматические епископы. А так как, начиная от Василия III (Ардановского) и до XIX в., мукачевских епископов, за малым исключением, в большинстве случаев возводили в сан именно в Галиции, то, как заключил А. Гординка, «сомнений быть не может в том, что в 1458 г. и пресвитера Луку высветили там же»⁷².

Из заявлений вышеупомянутых примасов становится известным также, что Лука не был случайно попавшим сюда странствующим епископом или же сосланным в Мукачевский монастырь, каковых немало число появится после смерти первого возвратившегося в унию мукачевского епископа Петра Партения (†1665) и до назначения на эту кафедру грека Иосифа Иоанна де Камиллиса (1689)⁷³. Случилось иное. Избрание Луки монахами, позже — с участием приходских священников, стало прецедентом, поскольку по подобному «обычному праву» мукачевские епископы замещали вакантную кафедру вплоть до 1733 г.⁷⁴

Вариаций же на тему где, когда и у кого пресвитер Лука мог получить епископское облачение — сколько угодно. Однако, учитывая все вышеизложенные факты и аргументы, это должно было случиться где-то в 40-е гг. XV в., и не исключено, что святителем Луки мог быть какой-то униатский архиерей. В данном случае вариантов всего два: принявший унию Перемышльский епископ или же лично митрополит Исидор, что отнюдь не предусматривает автоматического подчинения мукачевского пресвитера его/их архиерейской власти. Однако это не помешало

некоторым украинским ученым, в частности Игорю Мончаку, прямо отнести еще непонятно существующую ли вообще юридически Мукачевскую епархию к «нижней [юго-западной] части» Киевской митрополии⁷⁵.

Наконец, предлагаем еще раз обратиться к тексту королевской грамоты от 1458 г. Хотя Лука в ней и упоминается всего лишь как пресвитер, все-таки в ней встречаем такие выражения, какие подтверждают, что он должен был быть больше, нежели обычный пресвитер или игумен. Слова этого документа «нашей королевской властью определено, что приход такого значения по обычаю наших предшественников королей Венгрии принадлежит к нашему назначению»⁷⁶ подтверждают, что Лука занимал должность, принадлежащую прерогативе «королевского назначения». Значит, Лука должен был быть больше чем обыкновенным настоятелем монастыря, ибо зачем ему тогда не какой-нибудь там, а именно королевской грамотой дается власть «на неограниченные времена беречь и сохранять юрисдикцию»⁷⁷.

Более того, согласно второму документу, в котором упоминается имя пресвитера Луки, являющегося личным письмом короля Матяша Корвина от 1 мая 1488 г., ему предоставляется право десятины⁷⁸. В то же время, забегаая чуть вперед, в документе короля Владислава II от 31 июля 1491 г. значится, что «русскому епископу» Иоанну «согласно древнему обычаю» должны были подчиняться верующие русины и волохи. Значит в монастыре св. Николая на Чернечьей горе и перед Иоанном был епископ, которому также были подчинены верующие.

Почему Лука именуется пресвитером, а не епископом, неизвестный автор в 1920-х г., на наш взгляд, очень удачно заметил: «Это можно объяснить тем, что как он, так и его преемники соглашались быть терпимыми епископами и таких латинские епископы запрещали называть епископами. Ведь и эгерские епископы наших епископов называли только викариями»⁷⁹. А значит в церковной практике венгерских католиков отношение к своим братьям во Христе — русинам и волохам греческого обряда, а тем более к сомнительным в плане их хиротонии епископам, — еще длительное время спустя оставалось *ipse posse*.

Позже, после появления грамоты Матяша Корвина от 3 сентября 1458 г., только что взошедший на кафедру св. Петра папа Пий II булдой, которой назначил киевским митрополитом Григория II Болгарина, заручившись согласием униатского митрополита Исидора, «...разделил ту церковную русскую область на две части, то есть на верхнюю, что находилась под властью невоссоединенного властелина, и на нижнюю, которая была под властью католика, то есть дорогого сына нашего во Христе, Казимира светлого короля Польши. И то таким образом, что одна часть русской области осталась и далее под властью и управлением митрополита Исидора, который одновременно уступил часть своей власти и управления, для ниже определенных целей, а именно: в нижней Руси — епархию Киевскую с Литвою и с теми частями нижней Руси, которые живут в греческом обряде под русским митрополитом и находятся под властью вышеупомянутого короля Польши, вознеся ее до митрополичьего достоинства со всеми отличиями, привилегиями и почестями, которые по праву и обычаю принадлежат митрополичьей церкви», [...] «Она будет под властью и управою отдельного архиепископа, вместе с вышеупомянутыми южными ее частями, или же, епархиями: брянской, смоленской, полоцкой, туровской, луцкой, владимирской, перемышльской, холмской и галичской», которые отделил от той части русской Церкви, в которой была распространена власть «сына нечестия и погибели» митрополита Ионы⁸⁰.

Учитывая, что предшественник Казимира Владислав III одновременно являлся и королем Венгрии, а пресвитер Лука только что инициировал «процедуру» признания его юрисдикции королевской властью Венгрии, неудивительно, что в папском документе (примечание 11) среди поименного перечисления всех существующих на тот момент в «нижней» части Киевской митрополии епархий Мукачевской не обнаружено. Очевидно, именно на славян и волохов Подкарпатья распространялись слова папской буллы — «и с теми частями нижней Руси, которые живут в греческом обряде под русским митрополитом и находятся под властью вышеупомянутого короля Польши»⁸¹. Таковыми могли быть Перемышльская или Львовская епархии.

Выводы

Подытоживая историческое значение доселе упоминаемых первых источников о церковно-монастырской жизни славяно-волохов Верхней Венгрии, вслед за А. Годинкою будет уместным полагать, что относимая ко времени между 1418–1426 гг. так называемая грамота Феодора Кориатовича если и не упоминает прямо о епископстве, а королевская грамота Матяша Корвина от 1458 г. подтверждает предшествующее назначение пресвитера Луки настоятелем монастырского прихода на Чернечьей горе, время основания епархии возле Мукачева следует отнести на период между 1426 и 1458 г., с тем, правда, условием, что под епископством будем понимать «монастырский приход»⁸².

Лука должен был стать предстоятелем монашеской общины где-то между 1439 и 1445 г., о чем свидетельствуют грамоты владельца Мукачевского замка, сербского деспота Георгия Бранковича и Яноша Хуньяди. Об этом же идет речь и в информации Холмского униатского епископа Якова Суши, представленной Св. Престолу в 1665 г. Таким образом, очевидно следует согласиться с мнением А. Годинки, согласно которому Мукачевское епископство было основано между 1439 и 1445 г., то есть во время правления в Венгрии короля Владислава III под именем Уласло I (1440–1444), когда и были обнародованы известные нам обращения — кардинала-митрополита Исидора (1440) и, собственно, самого молодого монарха в 1443 г.⁸³

Другими словами, начало становления «первой» епархии с центром в монастыре св. Николая возле Мукачево пришлось на период между провозглашением Флорентийской унии (1439) и образованием Римским престолом католической церковной провинции из епархий «нижней» части доселе неразделенной Киевской митрополии в 1458 г. Об этом, по крайней мере, свидетельствуют анализированные нами выше грамоты. Завершение же процесса становления Мукачевской епархии относится к концу XV в., и связано это было уже с епископом Иоанном, упоминаемым в письменных источниках от 1491 до 1498 г.⁸⁴

Последний ребус, который предстоит расшифровать, сводится к не совсем понятному в историографии вопросу: кому, в свою

очередь, подчинялся епископ Мукачева. Упомянутый нами иезуитский историк М. Лацко по этому поводу пишет: «Subordinatio hierarchica episcopatus Mukaeuensis non est clara. Ex una parte videtur nulli fuisse metropolis stricte subiecta, ex alia verro parte sunt indicia quae monstrantur relatiijnes frequentes cum metropolis Kioviensi, ubi probabolissime praeteritis temporibus episcopo Mukaeuenses consecrabantur: Saeculo XVII ante unionem Uzhorodensem vero, consacrationem accipiebant a metropolitae Moldaviae» («Иерархическая подчиненность Мукачевского епископства остается непонятной. С одной стороны, кажется, что [она] не была подчинена никакой митрополии, с другой стороны, существующие предположения указывают на частые связи с Киевской митрополией, где мукачевские епископы в предыдущих годах правдоподобно получали освящение. В XVII в., вплоть до Ужгородской унии, они принимали освящение от молдавских митрополитов»⁸⁵).

Нетрудно понять, что длительное время вопрос о субординации иерархов Мукачевского епископства оставался неизвестным. Предположения о якобы имевшей место юрисдикции Киевского митрополита остаются без определенных письменных источников всего лишь предположениями. Единственное, что можно утверждать с уверенностью, — это освящение претендентов на Мукачевский владычный престол к моменту Ужгородской унии середины XVII в., проводимое с конца предыдущего столетия митрополитами Молдавии.

Но даже если самое древнее упоминание о епископе восточной традиции в Мукачеве исходит от 1491 г., то это вовсе не доказывает существования самого епископства, тем более, что о нем в изложенных выше грамотах — ни слова. В позднесредневековой Венгрии еще и в XV в. находились монастыри восточного обряда, настоятели которых опекались религиозно-церковною жизнью православных общин с ближних или более отдаленных окраин. Так было, между прочим, в Трансильвании, так было и в Верхней части Венгрии⁸⁶. Даже если там и не существовало иерархии в полном каноническом смысле, некоторые настоятели монастырей все же получали епископские освящения. Монастырь Св. Николая возле Мукачево стал в конце XV в. именно таким центром/резиденцией предстоятелей в сане епископов, которые

с самого начала исполняли свой пастырский надзор за восточными христианами Верхней Венгрии, хотя в нашем распоряжении и нет никаких письменных известий о формальном основании местной епархии включительно до 1771 г.⁸⁷

Что же касается «неисчислимого стада», выпасаемого духовными пастырями, то к нему принадлежали верующие различных этнических групп. Кроме области, где расположена сегодня Мукачевская епархия с преобладающей украинско-русинской национальной идентичностью и с незначительным вкраплением в ее среде венгерских, румынских и словацких греко-католиков, и не менее многочисленными би- и полилингвами⁸⁸, компетенция мукачевских пастырей длительное время распространялась на пределы образованных в XIX — начале XX в. Прешовской (где сегодня большинство верующих составляют словаки), Гайдудорогской (венгры) и румынской епархии в Бая Маре. Все они ныне представляют собою отдельные национальные ГКЦ, но уже в Словакии, Венгрии и Румынии⁸⁹.

Таким образом, верующие, руководимые владыками из монастыря Св. Николая возле Мукачева, объединялись только общей церковно-обрядовой традицией, хотя никогда не разговаривали на одном языке, и подчинялись светской власти, представители которой принадлежали преимущественно к римской Церкви. Отсюда и неустойчивость, нечеткая определенность правового статуса как мукачевских епископов, так и местных священников вместе с приходами, которые им подчинялись. Впервые полноценная институционализация церковно-обрядовых и литургических практик в истории епархии произошла на синоде униатских (греко-католических) епископов Венгрии, созванном Марией Терезией в Вене весной 1773 г.⁹⁰

Особо не углубляясь в дискуссию о «каноническом» существовании Мукачевской епархии во время ее так называемого «первого основания» (второе, по нашему мнению, настоящее ее каноническое учреждение произойдет только в 1771 г.)⁹¹, являющегося воистину большим местом для церковных историков местных греко-католической и православной конфессий⁹², из-за недостатка аутентичных письменных источников, ограничимся как всегда наблюдательным замечанием А. Петрова о том, что начала

Мукачевской епархии «ignotamus et ignogabimus»⁹³, с той, правда, разницей, что все-таки к информации тех немногих, имеющих в распоряжении историков грамот XV в. стоит, однако, прислушаться, а не рубить, как говорится, с плеча.

ПРИМЕЧАНИЯ

Автор признателен Сергею Ганусу за предварительное прочтение и редактирование текста статьи.

¹ Hornad Vladimirus de juxta. Dejiny gréckokatolíkov Podkarpatska (9.–18. storočie). Košice, 2004.

² Подобные утверждения относятся к представителям обеих конфессий: *Пан С.* Початки християнства на Закарпатті. На основі нових наукових дослідів. Філадельфія, 1983; *Тімковіч Горазд А.*, OSBM. Sv. Cyril (+869) bol katánskym episkopom // Krásnobrodský zborník. Prešov, 1996. I (1–2). S. 53–90. *Его же:* Sv. Cyril a Metod priniesli a šírili na Veľkej Morave byzantskú liturgiu sv. Jána Zlatoústeho // Krásnobrodský zborník. Prešov, 1996. I (1–2). S. 91–135; *Коссей Ю.* До питання про першопочатки християнства на Закарпатті // Ужгородський університет — 350 років. Матеріали міжнародних наукових конференцій (Ужгород, квітень 1996 р.). Ужгород, 1997. С. 27–32; Hornad Vladimirus de juxta. Op. cit. S. 193–198; *Василий (Пронин), архим.* История Православной Церкви на Закарпатье. Свято-Николаевский Мукачевский монастырь, 2005. С. 49–71; *Павло В.* Християнські місії св. Кирила і Мефодія. Пряшів, 2008; *Олександр (Монич), диякон.* Марамороська святиня: нариси з історії Грушівського монастиря. Ужгород, 2008. С. 5.

³ *Hodinka A.* A Munkácsi görög-katholikus püspökség története. Budapest, 1909. P. 1–34. Old.; *Петров А.* Древнейшие грамоты по истории карпаторусской церкви и иерархии 1391–1498 г. Прага, 1930. С. 1–88; *Papp G.* I monaci dell'ordine di S. Basilio in Ungheria nel secolo XIII // Analecta Ordinis S. Basilii Magni. Series II. Sectio II. Vol. I (VII). Fasc. I. Romae, 1949. P. 39–56; *о. Ціріл Василь, Ті.* Мукачівська епархія та її єпископи. Історія походження // Матеріали конференції, присвяченої сторічному ювілею першого друкованого видання «Церковного Простопінія» о. І. Бокшая. Ужгород, 2007. С. 29–47.

⁴ *Hodinka A.* A Munkácsi görög-katholikus püspökség története... 6–15. Old.; *Moravcsik G.* Görögnyelvű monostorok Szent István korában // Emlékkönyv Szent István Király halálának kilencszázadik évfordulóján / Szerkesztette Serédi Jusztián. Első kötet. Budapest, 1938. 388–422. Old.

⁵ О более менее взвешенной позиции по данному вопросу см.: *Тамашівський С.* Вступ до історії Церкви на Україні // Записки Чину Святого Василя Великого. Жовква, 1932. Т. 4 (1–2). С. 57–61. Перезид.: Ковчег. Науковий збірник із церковної історії. Число 3. Львів, 2001. С. 47–51; *Тржешитик Д., Достал Б.* Великая Моравия и зарождение Чешского государства // Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI–XII вв.). М., 1991. С. 87–106.

⁶ *о. Ціріл Василь, Ті.* Мукачівська епархія та її єпископи. Історія походження... С. 29–32. Романтически-позитивистская визия истории Грушевского монастыря наилучше представлена работой: *Олександр (Монич), диякон.* Марамороська святиня: нариси з історії Грушівського монастиря...

⁷ Сознательным виновником введения в историографический дискурс этой знаменитой и в то же время удачной средневековой подделки был настоятель Мукачевского монастыря, протоигумен Ордена Св. Василия Великого в конце XVIII — в начале XIX вв. Иоанникий Базилевич. См.: *Basilovits Joannico, R.P.* Brevis notitia foundationis Theodori Koriathovits, olim Ducis de Munkacs, religiosus ruthenis Ordinis Sancti Basilii Magni, in monte csernek ad Mankacs, Anno MCCLX. Facte. Exhibens Serium episcoporum greco-catholicorum Munkacsiensium, cum proepiscis eorumdem aliorumque Illuftrium Virorum Geftis, e variis Diplomatum, Decretisque Regiis, ac allis Documentis, authenticis potissimum concinnatam. Pars Prima. Cassovie, 1799. *Его же:* Brevis notitia foundationis Theodori Koriathovits, olim Ducis de Munkacs, & exhibens

Statum Greco-Catholicae Dioecelis Munkacsienlis Hierarchicum, juxta ferium episcoporum cum proecipus eorundem, aliorumque Illuftrum Virorum Gefits, e variis Bullis Pontificiis, Diplomatus, Decretisque Regiis, ac allis Documentis, authenticis potissimum concinnatam. Pars Quarta. Tomus II. Cassovie, 1804; Brevis notitia foundationis Theodori Koriathovits, olim Ducis de Munkacs, & exhibens Statum Greco-Catholicae Dioecelis Munkacsienlis Hierarchicum, juxta ferium episcoporum cum proecipus eorundem, aliorumque Illuftrum Virorum Gefits, e variis Bullis Pontificiis, Diplomatus, Decretisque Regiis, ac allis Documentis, authenticis potissimum concinnatam. Pars Quarta. Tomus II. Cassovie, 1805.

⁸ О подложности грамоты князя Феодора Кориатовича 1360 г. С четырьмя снимками / Критические замечания А. Петрова; Палеографический этюд И. Холодняка // *Материалы для истории Угорской Руси*. Т. III. СПб, 1906; Munkácsi gör. szert. püspökség okmánytára. I. köt. 1458–1715 / Gyűjtötte, összeállította és közrebocsátja: Hodinka Antal. Ungvár, 1911. 1–10. Old.

⁹ *Кобаль Й.* Федір Корятювич у світлі нових джерел // *Carpatica–Карпатика*. Випуск 32. Науковий збірник, присвячений світлій пам'яті педагога і вченого Томаша Сопка. Ужгород, 2005. С. 75–115; *Фенич В.* Заснування Мукачівської єпархії у XV ст.: історіографічні міфи та історичні реалії // Там же. С. 168–184. *Его же.* «Київська Церква» і Мукачівська єпархія: відомі та невідомі сторінки «непрочитаної» історії XIV–XVII ст. // *Науковий вісник*. Серія: Історія. Випуск 21. Ужгород, 2008. С. 3–14.

¹⁰ Показательной иллюстрацией подобной «дихотомии» взглядов на вопрос о «Феодоре Кориатовиче и основании Мукачевского монастыря» удивительным образом демонстрируют ученые Ужгородского университета. См.: *Нариси історії Закарпаття: У трьох томах*. Том I (з найдавніших часів до 1918 року). Ужгород, 1993. С. 61, 159–160; *Данилюк Д.* Історія Закарпаття в біографіях і портретах (з давніх часів до початку XX ст.). Ужгород, 1997. С. 24–33; *Сенько І.* Де витоки легенд про Корятювича? // *Сенько Іван*. Земля з іменем: Краєзнавчі студії. Ужгород, 1998. С. 21–41.

¹¹ См. работы хотя бы все тех же А. Годинки, А. Петрова, Ц. Василя, Й. Кобалья и выступления покорного автора этих строк на научных конференциях в конце прошлого года, состоявшихся в Ужгороде 7–8 октября в рамках «Других Ужгородських історіографічних читань» под названием «Теодорів дарунок»: імперські, національні та регіональні історичні дискурси у полоні однієї сумнівної грамоти» и 30 ноября в Виноградове, посвященной 610-летию Королевскому Евангелию под названием «Грамота Федора Кориатовича як вдала середньовічна підробка», матеріали которых готовятся к печати; *Фенич В.* «Теодорів дарунок»: історичні дискурси та комеморативні практики у полоні однієї сумнівної грамоти // *Наукові записки Ужгородського університету*. Серія: історично-релігійні студії. Вип. 1. Ужгород, 2012. С. 140–158.

¹² *Diplôme Maramuresène din secolul XIV. și XV. / Adunate și comentate prin Joan Mihályi de Apsa, doctor in drepturi, procurator al comitatului. Maramureș-Sziget, 1900. S. 247. Пепеизд.: Dr. Joan Mihályi de Apsa. Diplôme Maramuresène din secolul XIV. și XV. / Editia a II-a. Cluj-Napoca, 2000. S. 109–111; Miklosich F. Acta patriarchatus Constantinopolitani. Vol 2. Vindobonae, 1860. P. 156–157; *Лучкай М. М.* Історія карпатських русинів: У шести томах. Т. II. Ужгород, 1999. С. 172–183; *Петров А.* Древнейшие грамоты по истории карпаторусской церкви и иерархии 1391–1498 г. ... С. 102–137. Текст грамоты на греческом и латинском языках см.: С. 151–155. Белоземитрантский исследователь обнаружил, что латинский перевод, подготовленный для венгерского короля Владислава II 14 мая 1494 г. не отвечал его греческому оригиналу, более того, имел существенные изменения канонического характера: С. 126–128, обобщенных современным римским историком-езуитом Цирил Василом к пяти основным расхождениям: *о. Цирил Василь, П.* Мукачівська єпархія та її єпископи. Історія походження... С. 30–31.*

¹³ *Hodinka A.* A Munkácsi görög-katholikus püspökség története... 26–27. Old.

¹⁴ *Vasil' Ciril.* Kánonické pramene byzantsko-slovenskej katolíckej cirkvi v Mukačevskej a Prešovskej eparchii v porovnaní s Kódexom kánonov východných cirkví. Trnava: Dobrá kniha, 2000. S. 35; *о. Цирил Василь, П.* Мукачівська єпархія та її єпископи... С. 29–30.

¹⁵ *Фенич В.* До питання про історію взаємовідносин між єпископами Мукачева і марамороськими православними центрами (1391–1733 рр.) // *Румунсько-українські відносини: історія і сучасність*. Satu Mare, 1999. С. 185–199.

¹⁶ К примеру см. работы: *Петров А.* Древнейшие грамоты по истории карпаторусской церкви и иерархии 1391–1498 г... С. 1–88; *Hodinka A.* A Munkácsi görög-katholikus

püspökség története... 1–34, 58–89. Old. *Ego же*: Утцюзнина, газдуство и прошлость южнокарпатських русинувъ = A kárpátaljai rutének lakóhelye, gazdaságuk és múltjuk c.műve (Budapest, 1923) ruszin nyelvű változatának hasonmás kiadása / A művet kiadásra előkészítette, utószót írta: Udvari István Nyíregyháza, 2000. 24–55. Old.

¹⁷ Комитат, жупа — территориально-административная единица Венгерского королевства.

¹⁸ *Жаткович Ю.* Етнографический очерк угро-русских // *Мазурок О.С.* Юрій Жаткович як історик та етнограф. Ужгород, 2001. С. 167–168.

¹⁹ Munkácsi gör. szert. püspökség okmánytára. I. köt. 1458–1715... 1–2. Old. Более пространно и убедительно вопрос о так называемом «первом» основании Мукачевской епархии освещён бывшим официальным историографом Гайдудорогской греко-католической епархии в Венгрии середины прошлого века Дьордем Паппом: *Papp G.* A Munkácsi püspökség eredete. Miskolc, 1940. Old. 24.

²⁰ *Bobák A.* De iure petronatus supreme quad Ecclesiam ruthenicam in Hungariae. Vol. I. Roma, 1943. P. 44, 49; *Pekar Basilius.* De erectione canonica eparchiae Mukačoviensis (anno 1771). Ed. 2. Romae, 1956. P. 19–22.

²¹ *о. Ціріл Василь, ПІ.* Мукачівська епархія та її єпископи. Історія походження... С. 36.

²² Там же.

²³ *Петров А.* Древнейшие грамоты по истории карпаторусской церкви и иерархии 1391–1498 г.... С. 140.

²⁴ Здесь и далее по тексту под «русским» автор понимает «русинский». Аналогично под «русским обрядом» следует понимать греческий (византийский) обряд венгерских русинов и волохов, имеющего некоторые местные отклонения от доктринально-канонической нормы.

²⁵ Munkácsi gör. szert. püspökség okmánytára. I. köt. 1458–1715... 1–2. Old.

²⁶ *Ibid.* 7–9. Old.; *Hodinka A.* A Munkácsi görög-katholikus püspökség története... 186–188. Old.

²⁷ *Hodinka A.* A Munkácsi görög-katholikus püspökség története... 189. Old.

²⁸ *Ibid.* 195. Old.

²⁹ Текст грамоты опубликован: Munkácsi gör. szert. püspökség okmánytára. I. köt. 1458–1715... 7–9. Old.

³⁰ *Ibid.*

³¹ *Harasiewicz M.* Annales Ecclesiae Ruthenae. Leopoli, 1862. P. 79–80.

³² *Baran A.* Metropolia Kioviensis et eparchia Mukačoviensis / Ed. 2. Romae, 1960. P. 15–25.

³³ На самом деле речь идёт о двух источниках XV в. происходивших из Московского государства и имеющих извещение о Ферраро-Флорентийском соборе: нейтрального по своему содержанию — «*Хождения во Флоренцию*» и крайне критического и негативного — «*Исидоров собор и хождение на него*». Просторный анализ этих источников см.: *Зема В.С.* Флорентійська унія та автокефалія церкви // Український історичний журнал. 2003. № 1. С. 53–67. Хотя по мнению известного современного русского учёного Б.Н. Флори, речь идёт о повести Симеона Суздальца о восьмом Соборе под названием «Исидоров Собор и хождение его»: Исидоров Собор и хождение его [Текст] // *Флоря Б.Н.* Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье: Сборник. М., 2007. С. 388–396.

³⁴ *Lacko M.* Z našej minulosti. Vznik mukačevského biskupstva // *Mária.* 1978. 10. S. 15.

³⁵ *Флоря Б.Н.* Исследования по истории Церкви... С. 326–327.

³⁶ Там же. С. 336.

³⁷ *о. Ваврик Михайло, ЧСВВ.* Кардинал Исидор (У 500-ліття його смерті) // Наукові записки Українського Вільного Університету 1967–68. Ч. 9–10. На пошану Блаженнішого Верховного Архієпископа Кардинала Йосифа Сліпого у 30-ліття Єпископських Свячень та 25-ліття вступлення на Митрополичий Престол. Мюнхен–Рим–Париж, 1969. С. 53; *Великий А.Г.* З літопису християнської України. Церковно-історичні радіолекції з Ватикану. Т. III: XIV–XV–XVI ст. Рим–Львів, 1999. С. 78; *Пелешенко Ю.* Київський митрополит Исидор і доля Флорентійської унії в Україні // Київська старина. 2000. № 2. С. 137.

- ³⁸ Текст полностью опубликован: Полное собрание русских летописей. СПб., 1851. Т. 6. С. 159–160; *Gili J. Isidore's Encyclical Leterr from Buda* // *Analecta Ordinis Sancti Basilii Magni. Romae*, 1963. Ser. 2, fasc. 2.4. P. 1–8; *Literae Encyclicae Icidori Metropolitae Budaee, die 5 Martii 1440 datae* // *Concilium Florentinum. Documenta et scriptores. Roma*, 1976. Vol. 11. *Acta Slavica Concilii Florentini. Narrationes et documenta*. P. 140–142; *Левина С.А.* Списки Воскресенской летописи // *Летописи и хроники* 1984. М., 1984. С. 57–58; *Флоря Б.Н.* Исследования по истории Церкви... С. 336, 397; Украинский перевод латинского текста обращения митрополита Исидора от 5 марта 1440 г. опубликовано: *Великий А.Г.* Указ. соч. Т. III. С. 80–81.
- ³⁹ *о. Ваврик Михайло, ЧСВВ.* Кардинал Исидор... С. 53.
- ⁴⁰ *Бучинський Б.* Студії з історії церковної унії. I. Исидорова унія // *Записки НТШ. Львів*, 1908. Т. 85. С. 31; *Флоря Б.Н.* Исследования по истории Церкви... С. 337–338.
- ⁴¹ *Флоря Б.Н.* Исследования по истории Церкви... С. 338.
- ⁴² *Кочан Н.* Флорентійська унія і Київська митрополія та її історична доля на українсько-білоруських землях // Другий міжнародний конгрес українців (Львів, 22–28 серпня 1993 р.). Доповіді і повідомлення. Історія. Част. I. Львів, 1994. С. 33–34.
- ⁴³ *Великий А.Г.* Указ. соч. Т. III. С. 84.
- ⁴⁴ *Бучинський Б.* Указ. соч. Т. 85. Кн. 5. С. 41; *Пелешенко Ю.* Київський митрополит Исидор і доля Флорентійської унії в Україні // *Київська старина*. 2000. № 2. С. 138–139.
- ⁴⁵ *Великий А.Г.* Указ. соч. Т. III. С. 89–90; *Контлер Л.* История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы. М., 2002. С. 142–143; *Дворнік Ф.* Слов'яни в європейській цивілізації. Київ, 2000. С. 205–206.
- ⁴⁶ *Великий А.Г.* Указ. соч. Т. III. С. 90.
- ⁴⁷ *Пан С.* Початки християнства на Закарпатті... С. 85.
- ⁴⁸ Текст грамоты см.: Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб., 1846. Т. 1. № 42. С. 56–57; *Narasiewicz M.* *Annales Ecclesiae Ruthenae.* Leopoli, 1862. P. 78–81; Украинский перевод грамоты опубликован: *Великий А.Г.* Указ. соч. Т. III. С. 93–96.
- ⁴⁹ *Великий А.Г.* Указ. соч. Т. III. С. 94–95.
- ⁵⁰ Там же. С. 105.
- ⁵¹ *о. Ваврик Михайло, ЧСВВ.* Кардинал Исидор... С. 53.
- ⁵² *Пан С.* Початки християнства на Закарпатті... С. 85.
- ⁵³ *Гудзяк Б.* Грецький схід, Київська митрополія і Флорентійська унія // *Записки Наукового товариства імені Шевченка. Т. ССХХVIII. Праці Історично-філософської секції.* Львів, 1994. С. 49.
- ⁵⁴ *Гудзяк Б.* Криза і реформа. Київська митрополія, Царгородський патріархат і генеза Берестейської унії. Львів, 2000. С. 60.
- ⁵⁵ *Флоря Б.Н.* Исследования по истории Церкви... С. 348.
- ⁵⁶ *Бучинський Б.* Указ. соч. Т. 85. Кн. 5. С. 31.
- ⁵⁷ *Флоря Б.Н.* Исследования по истории Церкви... С. 349.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ Там же. С. 350.
- ⁶⁰ Там же. С. 351.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² Там же; *Гудзяк Б.* Грецький схід, Київська митрополія і Флорентійська унія... С. 49. *Его же:* Криза і реформа... С. 61.
- ⁶³ *Флоря Б.Н.* Исследования по истории Церкви... С. 351.
- ⁶⁴ Там же. С. 351–352.
- ⁶⁵ Там же. С. 352–353.
- ⁶⁶ *Суттнер Е.К.* Церковні розколи і єдність Церкви. Львів, 2007. С. 53–54; *Аввакумов Ю.* Витоки унійного богослов'я: Проблема церковної єдності в обрядових дискусіях між Римом і Константинополем в XI–XIII століттях. Львів, 2011. С. 247–250.
- ⁶⁷ Документи, связанные с римским турне Я. Суши, см.: *Munkácsi gör. szert. püspökség okmánytára. I. köt. 1458–1715... 208–212. Old.*

- ⁶⁸ *Hodinka A. A Munkácsi görög-katholikus püspökség története... 197–198. Old.*
- ⁶⁹ Упоминающие его документы опубликованы: Munkácsi gör. szert. püspökség okmánytára. I. köt. 1458–1715... 30–42. Old.
- ⁷⁰ Перевод текста на украинский опубликован: *Лучкай М.М.* Історія карпатських русинів... Т. II. С. 275–282.
- ⁷¹ Munkácsi gör. szert. püspökség okmánytára. I. köt. 1458–1715... 208–213. Old.
- ⁷² *Hodinka A. A Munkácsi görög-katholikus püspökség története... 198. Old.*
- ⁷³ См. к примеру: *Баран О.* Церква на Закарпатті в роках 1665–1691 / Видання «Богословів». Ч. 36. Рим, 1968.
- ⁷⁴ *Hodinka A. A Munkácsi görög-katholikus püspökség története... 198. Old.*
- ⁷⁵ *Мончак І.* Самоуправна Київська Церква. Львів, 1994. С. 11.
- ⁷⁶ Munkácsi gör. szert. püspökség okmánytára. I. köt. 1458–1715... 1. Old.
- ⁷⁷ *Ibid.* 2. Old.
- ⁷⁸ *Ibid.* 3–4. Old.
- ⁷⁹ Начала Мукачевської єпархії // Карпаторуський вестник. Ужгород, 1926. Ч. 35.
- ⁸⁰ Текст папської булли в укр. пер.: *Великий А.Г.* Указ. соч. Т. III. С. 109–112.
- ⁸¹ По крайней мере, такого мнения придерживаются некоторые уже не раз упоминаемые нами исследователи, как, например, А. Годинка, А. Пекар, А. Баран. См. также: *Мончак І.* Самоуправна Київська Церква. С. 10–11.
- ⁸² Подобное понимание вопроса о происхождении Мукачевской епархии предлагается в упоминаемой нами вначале исследования книге загадного автора под именем Владимира де юкта Горнад, содержание которой подняло много шумихи в современном католическом мире: *Hornad Vladimirus de juxta. Dejiny gréckokatolíkov Podkarpatstva (9.–18. storočie)...* S. 9–12, 37–38, 79–191, 469–858.
- ⁸³ *Hodinka A. A Munkácsi görög-katholikus püspökség története... 186–189, 191–193. Old.*
- ⁸⁴ Munkácsi gör. szert. püspökség okmánytára. I. köt. 1458–1715... 5–10. Old.; *Hodinka A. A Munkácsi görög-katholikus püspökség története... 201–221. Old.*; Более подробно об этом см. мои публ.: *Фенич В.* Заснування Мукачівської єпархії у XV ст.: історіографічні міфи та історичні реалії. С. 168–184, *Фенич В.* «Київська Церква» і Мукачівська єпархія: відомі та невідомі сторінки «непрочитаної» історії XIV–XVII ст. ... С. 3–14.
- ⁸⁵ *Lacko M., S.J.* The Union of Užhorod // *Slovak studies.* VI. Cleveland–Rome, 1966. P. 18–19.
- ⁸⁶ *Peкар B.* De erectione canonica eparchiae Mukačoviensis (anno. 1771)... P. 15–19; *Суттнер Е.К.* Значення Замойського (1720) та Віденського (1773) синодів для уніатів Речі Посполитої та Габсбурзької монархії // *Ковчег. Науковий збірник із церковної історії.* Львів, 2000. Число 2. С. 108.
- ⁸⁷ *Lacko M.* Unio Užhorodensis Ruthenorum cum Ecclesia Catholica. Romae, 1955. S. 12–19 [= *Orientalia Christiana Analecta* 143]; *Суттнер Е.К.* Значення Замойського (1720) та Віденського (1773) синодів для уніатів Речі Посполитої та Габсбурзької монархії... С. 108.
- ⁸⁸ *Фенич В.* Етнонаціональна ідентичність греко-католиків Мукачівської єпархії // *Історична школа професора Володимира Задорожного: Науковий збірник.* Випуск 2. Срагата–Карпатика. Вип. 30. Ужгород, 2004. С. 38–62. *Его же:* Конфесійна та національна ідентичність духовенства Мукачівської греко-католицької єпархії 1771–1949 рр. // *Ковчег. Науковий збірник із церковної історії.* Число 4: Еклезіяльна й національна ідентичність греко-католиків Центрально-Східної Європи. Львів, 2003. С. 146–161; В оточенні інших: греко-католики Мукачівської єпархії та їх сусіди у світлі сучасних досліджень офіційної статистики кінця XIX — початку XX ст. // *Науковий вісник Ужгородського університету.* Серія: Історія Ужгород, 2010. Вип. 25. С. 104–125; *Fenici V.* Konfessionelle und nationale Identität der Katholiken griechischer Konfession von Transkarpatien im 18.–20. Jahrhundert // *Materielle und geistige Volkskultur des Oberen Theißbeckens. Einfluss der deutschen Bevölkerung auf die anderen Ethnien der Region.* Satu Mare–Tübingen, 2003. S. 83–104; *Konfessionelle und nationale Identität des Klerus der griechisch-katholischen Diözese von Munkács 1771–1949 // Konfessionelle Identität und Nationsbildung. Die griechisch-katholischen Kirchen in Ostmittel- und Südosteuropa im 19. und 20. Jahrhundert.* Stuttgart, 2007. S. 113–128.

⁸⁹ Проблемам еклезиальной и национальной идентификации современных греко-католиков в странах Центрально-Восточной Европы посвящен специальный выпуск известного научного сборника из церковной истории Ковчег. Ковчег. Науковий збірник із церковної історії. Число 4: Екклезиальна й національна ідентичність греко-католиків Центрально-Східної Європи. Львів, 2003. С. 55–269. См. также: *Фенч В.* Екклезиальне становище греко-католиків до встановлення комуністичних режимів у країнах Центрально-Східної Європи // Науковий збірник Музею української культури у Свиднику. Випуск 24: Словацько-українські взаємини в області історії, культури, мови та літератури. Матеріали міжнародної наукової конференції (Свидник, 23–24 червня 2006 р.). Свидник, 2007. С. 95–117.

⁹⁰ Подробнее см.: *Баран О.* Синод Мукачівської, Фогарашської і Свидницької єпархій у Відні 1773-го року // *Analecta Ordinis S. Basilii Magni. Series II. Sectio II. Vol. III (IX). Fasc. 3–4. Romae, 1960. P. 394–403; Synodus Episcoporum ritus bizantini catholicorum ex antiqua Hungaria Vindobonae a. 1773 celebrata / Collegit et introduction: Michael Lacko, S.J. Roma, 1975. 320 p. [Orientalia Christiana Analecta. 199]; *Суттнер Е.К.* Значення Замоїського (1720) та Віденського (1773) синодів для уніатів Речі Посполитої та Габсбурзької монархії... С. 109.*

⁹¹ По этому поводу см. специальные исследования и опубликованные документы: *Peкар В.* De erectione canonica eparchiae mukačoviensis (anno 1771). Ed. 2. Romae, 1956. 136 p.; *De processibus canonicis ecclesiae catholicae Ucrainorum in Transcarpathia ab 1771 usque 1853 / Collegit: Dr. Alexander Baran. Romae, 1973.*

⁹² *Пекар Атанасій В., ЧСВВ.* Нариси історії Церкви Закарпаття. Том I. С. 15–16; *Пан С.* Початки християнства на Закарпатті... С. 83–86; *Пронин Василь, архимандрит.* Історія Православної Церкви на Закарпатті... С. 151–154; *Попович М.* Про світле вогнище нашого минулого (до 500-річчя Мукачівської єпархії) // Науковий збірник Музею української культури у Свиднику. Випуск 19. Пряшів, 1994. С. 11–23.

⁹³ *Петров А.* Древнейшие грамоты по истории карпаторусской церкви и иерархии 1391–1498 г... С. 146.

*Борис Николаевич
ФЛОРЯ*

УКРАИНСКОЕ ОБЩЕСТВО XVII ВЕКА И ЕГО ЭЛИТА В «ЛЕТОПИСИ» САМОЙЛА ВЕЛИЧКО

«Летопись» Григория Грабянки в обеих ее редакциях была хорошо известна образованным кругам украинской социальной элиты. Однако параллельно с ней создавалось гораздо более масштабное произведение, посвященное истории Украины XVII века — «Летопись» Самойла Величко.

К сожалению, о жизни создателя этого произведения до сих пор мало что известно. Как отметил исследователь его творчества Я.И. Дзира, круг наших сведений ограничивается тем, что сообщил о себе сам Величко в своих сочинениях¹. Если Григорий Грабянка был типичным представителем старшины, хотя и не высшего ее слоя, то Величко был представителем несколько иной общественной группы — канцеляристов, сотрудников одного из главных органов управления гетманством — Генеральной войсковой канцелярии². В ряде случаев именно в стенах этого учреждения начинали свою карьеру старшины, однако вход в ряды членов этой группы был открыт и для представителей других кругов населения, предварительным условием было наличие образования. С. Величко, хорошо владевший, судя по содержанию его «Летописи», польским и немецким языками и латынью, вполне отвечал этому условию, хотя остается неизвестным, как и где он приобрел свое образование. По его собственному утверждению, он начал свою службу в 1690 г. в «дому» одного из наиболее влиятельных представителей левобережной старшины генерального писаря Василия Кочубея. Он был посвящен в самые тайные и секретные дела, участвовал в доверительных миссиях и к Петру I, и к господарям Дунайских княжеств³. В авторском предисловии к труду упоминается о его участии в походе русско-

украинских войск на земли Правобережной Украины в 1702 г.⁴ Положение летописца в эти годы было, по-видимому, важным, но не формальным. В 1705 г. по его сообщению он стал сотрудником генеральной войсковой канцелярии. Рекомендация Кочубея, надо думать, сыграла свою роль.

В канцелярии С. Величко работал до конца 1708 г., когда с ним случилось «нечастие», и он попал в тюрьму⁵. О причинах «нечастия» были высказаны разные точки зрения. Одни исследователи предполагали, что он пострадал за близость к Кочубею, другие — за то, что он работал в канцелярии при Мазепе⁶. Однако в первом случае уместно было указать на близость к Кочубею, во втором объявить обвинения клеветой. Но ни того, ни другого летописец не сделал.

Как представляется, определенное решение позволяют предложить наблюдения исследователей над оригиналом «Летописи». А.М. Бовгиря отметил, что в произведение XVIII в. вклеены копии документов, сделанные, судя по бумажным знакам, в 90-х годах XVII в.⁷, то есть во время работы в администрации гетманства Величко уже тогда начал собирать исторические материалы. Т.Г. Яковлева справедливо обратила внимание, что целый ряд подлинных документов, вклеенных в «Летопись», должны были находиться не у Величко, а в гетманской канцелярии⁸. Эти документы служат важным доводом в пользу того, что «несчастье» случилось, вероятно, когда летописец выносил очередные документы из канцелярии.

Судя по сообщениям Величко, он пробыл в тюрьме до 1715 г. когда его освободили по ходатайству сына Кочубея. В последующие годы он жил во владениях В.В. Кочубея, селах Жук и Диканька на землях Полтавского полка. Он учил детей Кочубея и работал над «Летописью». Водные знаки бумаги, датируемые 1719 г.⁹, указывают на время начала работы над «Летописью». На заглавном листе указывается, что работа над ней была завершена в селе Жуках в 1720 г. Однако уже издатели рукописи отметили присутствие в ней обширной характеристики деятельности Петра I, внесенной в исторический труд в связи с его смертью¹⁰. Обращает на себя внимание, что характеристика эта была внесена в текст вслед за сообщением о смерти его старшего брата Федора

в 1682 г.¹¹ Таким образом, в 1725 г. автору предстояло еще написать достаточно обширный текст с изложением событий 1682–1700 годов..

«Летопись» представляет собой огромный манускрипт с красными заголовками и заглавными буквами с выделением и начальных букв абзацев. Большой объем работы над «Летописью», работы, в которой, по-видимому, участвовала группа людей¹², приемы ее оформления возможно говорят о том, что рукопись предназначалась для поднесения избранному гетманом в 1727 г. Даниилу Апостолу, известному патрону семьи Кочубеев, когда покровитель Величко Василий Васильевич Кочубей стал полтавским полковником¹³. В рукописи помещено 10 портретов 9 гетманов (2 портрета Брюховецкого)¹⁴.

В этой связи заслуживает внимания читающийся в «Летописи» рассказ о судьбе «скарбов» Самойловича после его опалы и ссылки. Расхищение этих «скарбов» произошло потому, что в гетманстве не было особого заведующего финансами — подскарбия. Теперь, — писал летописец, — старшине следовало бы «тот ерор поправить и скарбу войсковому в заведованию гетманском не допустить»¹⁵. Очевидно, эти слова писались, когда уже шли разговоры о восстановлении гетманства, и до того, как при избрании Даниила Апостола были назначены двое подскарбиев.

Ряд признаков указывает на то, что работа над рукописью не была завершена. Автор явно не предполагал прерывать свое повествование на событиях 1700 г. Так, он сообщал о своем намерении написать об основании Петербурга и строительстве Балтийского флота¹⁶. На последних страницах рукописи отмечено, что здесь должны быть помещены стихи о бедствиях, постигших Малую Россию в связи с неурожаем 1699 г., для стихов оставлено место, но оно так и не было заполнено¹⁷. Т.Г. Таирова-Яковлева указала на существование в рукописи мест для трех ненаписанных портретов¹⁸.

Возможно, завершению работы помешала слепота автора. В октябре 1728 г. был завершён его учениками перевод Космографии, который учитель поправлял на слух, «не могучи видеть писания»¹⁹. Судьба рукописи до того, как она попала в собрание известного русского коллекционера Лаптева, на распродаже ко-

торого ее приобрел М.П. Погодин, остается неизвестной. Однако сохранилась и копия рукописи, выполненная, когда в ней еще не было некоторых утрат, приобретенная у наследников Г.А. Полетики, известного лидера украинского дворянства 60-х годов XVIII в.²⁰ Очевидно, в середине XVIII в. памятник стал известен видному представителю украинской политической элиты, для которого была скопирована эта огромная рукопись.

Самое обширное украинское повествование о событиях середины — второй половины XVII в. должно было опираться на обширный круг источников. На некоторые из них указал в авторском предисловии сам автор. Главным из них было сочинение С. Твардовского «*Wojna domowa w Polsce*», напечатанное в Калише в 1681 г. В тексте Величко обнаруживаются многочисленные ссылки на Твардовского и не менее многочисленные случаи прямой полемики летописца со своим источником²¹. К Твардовскому восходит прежде всего та часть повествования, где характеризуются те международные условия, в которых протекал польско-украинский конфликт, но уже характеристика самой войны и отношений в самом украинском обществе не могли быть просто заимствованы у Твардовского. К тому же этот исторический труд завершался известием о заключении Оливского мира в 1660 г. То, «чего в Твардовском не ставало, тое з Зорки и инших летописцев и записок доложили», — писал Величко²². Главным из этих источников, по утверждению летописца, был «диариуш» — дневник Самойла Зорки, писаря и секретаря Хмельницкого, «чрез увесь час войны козацкой з поляками»²³. Вопрос о существовании такого дневника был предметом дискуссии среди исследователей, пока М.М. Петровский не показал убедительно, что он представляет собой очевидный фальсификат, сочиненный, вероятно, самим Величко²⁴. Какие-то другие «казацкие летописи» в распоряжении Величко несомненно были, так как его описания событий, происходивших в конце 50—60-х годов на Левобережье, иногда достаточно подробные, находят подтверждение в свидетельствах современных событиям источников. Один из таких летописцев был, по-видимому, написан в Лубнах, так как в «Летописи» Величко неоднократно встречаются известия о событиях, происходивших в городе и его округе, либо касавшиеся Лубенского

Мгарского монастыря²⁵. Ряд известных восходит явно к какой-то местной полтавской традиции²⁶. Однако эти летописцы в их первоначальной форме не сохранились, и поэтому невозможно установить, какую работу проделал над ними Величко, включая их в свой текст.

В отличие от светского Грабянки Величко активно интересовался церковными делами и творчеством церковных писателей — своих старших современников. Так, он использовал тексты ряда сочинений Иоанникия Галятовского, одно из них — «Розмову белоцерковскую» — он целиком включил в свой текст²⁷. В «Летопись» вошли эпитафия Лазаря Барановича Иосифу Тукальскому, фрагмент «Вечери душевной» Симеона Полоцкого, сообщения «Синописа» о событиях 1677–1679 годов.²⁸

Навыки Величко как сотрудника гетманской канцелярии сказались в том, что он включил в свое повествование большое количество документов. Как показали подсчеты, количество таких вкраплений постепенно росло по мере развития повествования. Если I том содержит 19 документов, то II — уже 37, а третий, последний — 50²⁹. Повествование о событиях конца 80–90-х годов XVII в. постепенно превращается в собрание документов, которые перемежаются короткими авторским вставками.

Документы включают в себя тексты межгосударственных договоров, записи важных переговоров, грамоты и послания. Как уже отмечалось, в рукопись были включены оригиналы ряда таких документов. В ряде случаев речь идет о копиях важных общеизвестных документов, таких как договор о «вечном мире» между Россией и Польшей 1686 г.; копиях Андрусовского договора 1667 г., грамоты Алексея Михайловича Войску Запорожскому или его же грамоты казакам Полтавского полка об измене Выговского; к 90-м годам XVII в. относится и целый ряд посланий церковных иерархов Москвы, Киева и Константинополя.

Из этих документов выделяется комплекс переписки гетманов и Запорожской Сечи. Величко приводит тексты 13 посланий из Сечи и 7 посланий гетманов — Богдана Хмельницкого, Ивана Выговского, Петра Дорошенко и Ивана Самойловича. Хотя среди документальных материалов российских архивов сохранился целый ряд посланий, как из Сечи, адресованных гетманам, так

и (в меньшем количестве) посланий гетманов, направленных в Сечь, однако ни одно из этих посланий в подборку, помещенную в «Летописи», не попало. Уже М.С. Грушевский, изучая подлинную переписку между Сечью и Выговским, справедливо отметил ее отличие по своему характеру от той переписки, которую приводит в своей «Летописи» Величко³⁰. Обращает на себя внимание и другое обстоятельство, на которое обратила внимание Н.М. Яковенко³¹. В посланиях, которые Величко включил в свою «Летопись», запорожцы постоянно развивают те же идеи, что неоднократно присутствуют и в авторском тексте. Все это позволяет согласиться с выводом Н.М. Яковенко, что эти послания представляют собой результат творчества самого С. Величко. Это делает их важным источником для изучения взглядов летописца и его представлений об исторической роли Запорожской Сечи.

Начальная часть произведения, как отметили уже ее первые издатели, утрачена, но утраты эти не были очень значительны. Судя по сохранившейся нумерации, утрачено было первых 5 листов рукописи³². Уже издатели, разбирая упоминания самого хрониста, установили, что на них должно содержаться изложение событий конца XVI — начала XVII вв., включавшее сообщения о заключении Брестской унии и восстановлении православной иерархии патриархом Феофаном³³.

Таким образом, в отличие от «Летописи» Грабянки «Летопись» Величко не содержала в себе какого-либо очерка древних судеб «русского народа» или казаков. Однако экскурсы в эту древнюю историю встречаются в первой части «Летописи», посвященной восстанию Хмельницкого, и в речах действующих лиц, и в документах, явно сочиненных самим летописцем. Очевидно, что Величко не только имел определенные взгляды на древнее прошлое своего народа, но и старался таким способом внушить их читателю.

Уже в авторском предисловии можно прочесть про «бывшие рыцерские отваги и богатырские деяния» «Сармато-казацких предков»³⁴. Затем в повествовании о Хмельницком идет речь о «волному шляхетскому Савроматийскому Казакорускому» народе «з давних лет отвагами своими не толко в своей Европе, но и в дальних странах Азиятицких прославльшемуся»³⁵. Народ назван

«вольным» и «шляхетным», прославленным своими воинскими подвигами. Все это близко к характеристике предков казаков у Грабянки. Вместе с тем этих предков Величко называет «сарматами». Значение этого термина раскрывается в двух местах «Летописи» как триада — кимвры, скифы и хазары³⁶. Вероятно, речь идет о славянском народе, который с течением времени менял свое название. Почему этот народ Величко одновременно называл сарматами? Достаточно ясный ответ содержится в документе — универсале, якобы разосланном Хмельницким по Украине после победы под Корсунью. Здесь говорится, что поляки, по свидетельству польских хроник, «от нас Савроматов и Руссов, уродившиеся и сами власною братию нашою Савроматами и Руссами с початку бывши», желая славы и «богатства душевреднаго», ушли на Вислу, напали на соседние немецкие земли, овладели ими «военным и разбойническим способом», а потом «за прешествием многих времен» «повстали напрасно и безсовестно (яко иногда Каин на Авеля) на Руссов албо Савроматов власную... з древности преродную братию свою»³⁷. Таким образом, наименование предков «Козакорусского народа» сарматами имело своей целью дать дополнительное обоснование справедливости начавшегося на Украине восстания и вопиющей несправедливости действий поляков.

В экскурсах в древнюю историю, как и в Летописи Грабянки, говорится о ратных подвигах далеких предков. В речи на похоронах Хмельницкого эти предки выступают, как «старовечные сподвижники великаго Александра Македонского»³⁸. Особое внимание читателя летописец привлекает к фигуре Одоакра. Важное место ему отведено в заключительной части уже упоминавшегося «универсала» Хмельницкого. Призывая следовать примеру «древних Руссов, предков наших», автор «универсала» указывал на Одоакра (в «Летописи» — Одоначера), князя «валечных Руссов з Ругии от Помори Балтицкого», который захватил сам «ветхий Рим» и владел им 14 лет³⁹. Фигуре этой придавалось столь большое значение, что в речи над гробом Хмельницкого он был назван «древним русским Одоначерем»⁴⁰. Таким образом, уже подвиги «валечных Руссов» обеспечивали им важное почетное место в обществе и среди европейских народов.

Если в ранних разделах «Летописи» Грабянки проводится четкое различие между общностью «хазар» — предков казаков и населением будущей «Малой России», то в экскурсах текстов Величко такое различие четко не прослеживается. Однако некоторые наблюдения говорят, что это различие было в определенной мере присуще его взглядам. Так и он определенно признавал преемственную связь между казаками и хазарами. В его последней работе — «Космографии» автор фигурировал как «Малые России сын з племени Хазарского»⁴¹. Одновременно в «универсале» Хмельницкого, обличая поляков, что они «славное имя наше Козацкое испразнили и загладили», он одновременно писал, что они «братию нашу Роксолянов» обратили в «неволичное подданское ярмо»⁴². Таким образом, жители «Малой России» — «братья» казаков принадлежали все же к иной этнической общности.

Новый период в жизни и казачества, и населения Малой России начался с переходом под власть польских королей. Общая характеристика этого периода содержится в двух разных местах «Летописи» — в начале повествования о восстании Хмельницкого и в неоднократно упоминавшемся его «универсале». Характеристика эта отчасти схожа с характеристикой, помещенной в «Летописи» Грабянки, но отличается от нее некоторыми важными нюансами. Как и Грабянка, Величко разделяет этот период на два этапа. Первый, когда положение в течение длительного времени было сносным, и второй, когда условия жизни под польской властью резко ухудшились. Вслед за Грабянкой Величко очень позитивно оценивает королевскую власть и ее действия. Перечислив польских правителей XIV–XVII вв., Величко писал, что «все монархи полские, яко им прислушало и подобало, бяху к своим подвласним людем, руссом и козаком, ласкавыми и милостивыми панамы, имущее их в своей особливо охороне и протекции и древнейшие их права и волности новыми своими грамотами и привилеями умоцняли». Беда была в том, что «шляхта полская», «панове державци полские и их дозорци» этих установлений «не слушала и не исполняла»⁴³.

Как и Грабянка, Величко достаточно последовательно проводит различие между «казаками» и «руссами», они между собой не отождествляются, а постоянно фигурируют рядом, как рав-

новеликие понятия. У Грабянки это четкое различие связано не только с тем, что это две разные по происхождению общности, но и с тем, что в отличие от жителей «Малой России» казаки не подчинились «работному игу». В тексте Величко различие также присутствует. Говорится, что поляки «начаша... болшие Руссе и козаком творити обиди и утеснения»⁴⁴; «бьяше Русь с козаками в неудобостерпимом от поляков озлоблении»⁴⁵.

Ряд свидетельств позволяет установить, с чем связывалось для летописца это различие. В начальной части своего повествования Величко поместил переводы польских сочинений, рассказывавших о подвигах казаков во время Хотинской войны и о казацких восстаниях 20–30-х годов XVII в. Одним из этих источников был дневник событий, происходивших во время восстания 1637–1638 годов, написанный Ш. Окольским. Величко отметил, что в дневнике ничего не говорится о причинах прошедшей войны, и поэтому присоединил к дневнику «универсал» Яцка Острянина, одного из предводителей восстания, где об этих причинах говорилось⁴⁶. Знакомство с «универсалом» показывает, что он представляет собой яркое литературное произведение, резко отличающееся от сохранившихся воззваний предводителей восстания, и носящее яркий отпечаток литературного стиля самого летописца. Перед нами первый (но, отнюдь, не последний) пример создания С. Величко документальных свидетельств о прошлом.

Универсал начинается с обращения гетмана Острянина к «шляхетне урожоним козаком, брате нашей, от многих лет премногими рицерскими делами и отвагами во всей подсолнечной прославившимся»⁴⁷. Следовало подняться на восстание для «отмщения... обид» «брате нашей шляхетне урожоной и всему посполству рода Русского»⁴⁸. В универсале содержался призыв пойти в войско восставших «со всем мещанским и селским посполитым народом»⁴⁹. Призыв, таким образом, был обращен ко всему населению Украины, но казаки, как «шляхетне урожонии», явно отличались от других его частей.

В универсале значительное место занимает рассказ о том, как польский управитель Остра издевался над отцом гетмана, а затем убил его. Ненависть управителя к его отцу была ненавис-

тью к человеку «шляхетским казацким правом за предков своих щитящемуся»⁵⁰. Рассказ «Летописи» о Хмельницком позволяет конкретизировать представление о «шляхетском» статусе казаков. Сам главный герой повествования — Богдан Хмельницкий — «волний и значний шляхты Русской сын»⁵¹. За свои военные заслуги он получил от короля земли в Субботове, где «осадил слободу Суботовскую»⁵². В рассказе о похоронах Хмельницкого в Субботове летописец подчеркивал, что гетман, «будучи породы шляхетской русской», хотел быть похороненным «на своей истой, власною кровию заслужоной земле»⁵³. Таким образом, важная часть особого казацкого статуса — возможность приобретать землю за свои военные заслуги, землю, на которую казак имел полное право и где он мог «осаживать посполитых».

Ляхи попытались лишить казаков этого права. Первоначально казаки могли получать земли за свои военные заслуги «по обоих сторонах реки Днепра», но ляхи лишили их этой возможности. Убежищем казаков оставался Чигиринский повет, но потом и там «тое старожитное право казацкое над слушность и совесть христианскую» было уничтожено⁵⁴.

Не случайно в тексте письма Хмельницкого гетману Потоцкому, помещенном в «Летописи», говорилось, что кривда, постигшая Хмельницкого, у которого отобрали его землю, постигла «пред сим многих братью нашу, шляхетне урожоних казаков, добрих рицеров»⁵⁵.

Казаки явно выступают здесь как благородные (как Хмельницкий) люди, также получившие землю за свои «рицерские» подвиги. Летописец говорит и об особой «чести», присущей казакам. В универсале Хмельницкого содержался призыв, обращенный к тем, «кому из Вас любима ... честь ваша шляхетская от поляков ругаемая, уничтожаемая»⁵⁶.

За дело освобождения Хмельницкий взялся «з кильконадцятма друзьями своими... шляхетне урожоними казаками». Он отправился в Сечь «с товариством предпомененым и челядью своею»⁵⁷. Шляхетными были, однако, не только Хмельницкий и его спутники. Из Сечи Хмельницкий обращался к гетману Потоцкому «зо всем шляхетне урожоним Войском Запорожским и народом Украинским Малороссийским»⁵⁸.

Постоянное использование такой терминологии и таких выражений говорит о том, что С. Величко последовательно проводил в своем труде представление о казачестве как общности людей «благородного» («шляхетного») происхождения, которая этим отличается от остального «Украинского Малороссийского» народа.

В начальной части повествования С. Величко рассматриваются разные стороны отношений так понимаемого казачества с польской властью в десятилетия, предшествовавшие восстанию Хмельницкого.

Дошедший до нас текст повествования открывается переводом рассказа Матфея Дидлевского о Хотинской войне со вставками из какого-то «казацкого летописца». Повествование должно было показать читателю, какие серьезные услуги оказали казаки во главе с гетманом Сагайдачным Речи Посполитой, защитив ее от войск султана Османа II. Заслуги эти были признаны самими властями, о чем свидетельствует рассказ о щедрых дарах королевича Владислава и казацкому войску, и самому Сагайдачному⁵⁹.

Все это должно было служить иллюстрацией к словам, вложенным летописцем в уста короля Яна Казимира, сожалевшего о разрыве с «рыцарским народом казацким»: «чуждими zostали добрих молодцов козаков, брате нашей, за которых оружием и стражею чрез многие времени, яко за крепкими мурами ... в тишине и покою zostавалисмо»⁶⁰.

Однако за свои заслуги казаки не получили достойного вознаграждения. Об этом говорит помещенная на страницах «Летописи» воображаемая переписка короля Сигизмунда и гетмана Сагайдачного. В грамоте короля, адресованной гетману «z całym guserstwem kozackim ukraińskim», Сигизмунд III благодарил казаков за их славные деяния, обещая утвердить за ними «вольности», полученные от Батория, и еще их увеличить. 50-тысячному казацкому войску он посылал 400 тыс. «szeregonych złotych», не считая даров самому Сагайдачному⁶¹. В своем ответе гетман, благодаря монарха за милости и за желание «примножить» казацкие «вольности», сообщал, что не так ведут себя «паны коронные», которые хотят казаков — «слуг» короля и Речи Посполитой «в подданство и ярмо работническое себе наклонити». Старосты,

когда казацкое войско ушло под Хотин, стали «козачок бедных... на всякие роботизны панские... часто выгонити, бити и везенями неслухающих мордовати». Сагайдачный предвещал серьезные неприятности, если казаки не получают от короля «презрения и респекту»⁶². Такие же просьбы и предостережения содержало и предсмертное письмо Сагайдачного⁶³.

Из повествования о событиях, предшествовавших восстанию Хмельницкого, следует, что, несмотря на наличие привилеев, «шляхта польская» их «не слушала и не исполняла», так что сам король Владислав, выдавая казацким послам новый «привилей», сказал: «яко военные есте люди, так, маючи шаблю при боку своем и в руках самопал, можете своих древних волностей тем оружием у поляков доходити»⁶⁴.

Так обосновывалась справедливость решения о восстании.

Из этого же текста следует, что, как главный враг восставших выступают «поляки», «шляхта польская». Если в «Летописи» Грабянки мы находим попытку объяснить, откуда на землях Украины появилась «польская шляхта», то для Величко ее наличие — объективный факт, не требующий пояснений.

Как главная сила восстания выступает казацкое войско. По замечанию летописца лишь часть собравшихся в Сечи войск участвовало в походе Хмельницкого, так как Хмельницкий и кошевой атаман полагали, «иж скоро придут на Украину, то зараз и войска козацкого городского к нему примножится; що ся и стало»⁶⁵. Это казацкое войско своими действиями и определяет ход событий. Хотя в «Летописи» Величко сохранилось описание событий лета—осени 1648 г., в ней, как и в «Летописи» Грабянки, отсутствуют картины массового народного восстания, так выразительно описанные Самовидцем и так ярко выступающие в свидетельствах современных событиям русских и польских источников. Правда, в некоторых местах повествования война рассматривается как дело всего народа. Так, уже неоднократно упоминавшийся «универсал» Хмельницкого был адресован «Малоросияном, шляхетным и посполитым и меншого чина людем»⁶⁶. В другом месте читается, что вид победоносного войска после победы под Корсунью «всех целе украинских малоросийских мешканцов, казаков и посполитых на брань пришлюю

против поляков загрекло и воспламенило»⁶⁷. В рассказе о попытках И. Вишневецкого подавить восстание говорится, что из резиденции в Лубнах его изгнали «буйные ветры казацкой войны и бунтов посполитых»⁶⁸.

Таким образом, в отличие от Грабянки Величко говорит, хотя и в самой общей форме, об участии в освободительной войне не только казаков, но и «посполитых». Однако для встречающегося у одного из исследователей утверждения, что в «Летописи» Величко «велике місце у визвольний боротьбі... надано посполитим»⁶⁹, текст источника никаких оснований не дает. Как сила, играющая главную роль, в «Летописи» неизменно выступает казацкое войско, чьи действия и определяют исход событий.

Это описание первого этапа восстания Хмельницкого есть смысл сопоставить с напечатанным издателями «Летописи», сделанным в Левобережной Украине переводом рассказа Твардовского о восстании Хмельницкого, скопированным для Величко. В труде Твардовского, как и в других свидетельствах современников, говорится об участии «черни» в происходивших событиях. Так, здесь читаем, что под Белой Церковью Хмельницкий дождался «болшой к себе умноженя черни»⁷⁰. Иеремия Вишневецкий вынужден был уйти из своих владений за Днепр, «видя чернь на разбой и бунты в превеликие збираючуся купы»⁷¹. Как один из главных участников событий выступает наряду с Хмельницким Кривонос⁷². Все это Величко в своей «Летописи» не воспроизвел.

Этими наблюдениями и приходится ограничиться, так как описание событий 1649–1651 годов в «Летописи» утрачено.

Рассказ начинается с утверждения, что Хмельницкий старался добросовестно соблюдать условия Белоцерковского договора, но поляки его постоянно нарушали, обращаясь «жестоко и тиранско з Малоросийским народом»⁷³. В последующем изложении читается о сожалениях короля Яна Казимира, что он не смог положить конец войне «приверненем» Украине «прежних ея прав и волностей» тем более, что участники восстания «многократними апелляциями своими до его королевского величества свою в том являли склонность»⁷⁴. Как и у Грабянки, в «Летописи» содержится высокая оценка Гадячского договора и утверждается, что сейм

подтвердил договор именно в том виде, в каком он был подписан в Гадяче⁷⁵. По-видимому, для той среды, к которой принадлежал Величко, идеалом было, чтобы Украина вошла в Польско-Литовское государство, где казачество пользовалось бы «правами» и «вольностями» польской шляхты, и враждебное отношение к «польским панам» не в последнюю очередь было связано с тем, что из-за их действий такой результат не был достигнут.

Исследователи справедливо указывают, что для правильного понимания основной части повествования «Летописи», важно обратить внимание на то, каков был авторский замысел Величко, когда он приступал к написанию своего труда⁷⁶. Замысел этот определенно изложен в авторском предисловии. Описав открывшуюся ему во время похода 1702 г. страшную картину запустения Правобережной Украины, летописец задался вопросом, почему после побед Хмельницкого и освобождения «от Лядского ига» Украина пришла в упадок, наступило «украинское тогбочное запустение и сегобочное повреждение»⁷⁷ (ограничение Петром I автономии гетманства).

Развернутый ответ на этот вопрос содержит основная часть повествования Величко. Главная причина упадка — внутренние раздоры в украинском обществе, которые привели к разделению гетманства на две части и войнам между ними. Главную ответственность за это летописец возлагает на гетманов — преемников Хмельницкого, которые своей борьбой за власть разрушили единое гетманство. Такие мысли и оценки встречаются в целом ряде мест повествования⁷⁸. Однако ответственность за такой печальный исход ложилась и на тех, кто по призыву гетманов участвовал в братоубийственных войнах. Об этом ясно говорится в авторском предисловии ко II тому повествования «умножися тогда абие в Украине, а наипервие в значних, потом в посполитих казаках гневь, несогласия, властолюбие»⁷⁹.

При таком взгляде на прошлое проблема отношений между разными слоями украинского общества не могла быть в центре внимания летописца. Сопоставление с другими свидетельствами показывает, что, сталкиваясь с известиями о выступлениях низов, Величко в целом ряде случаев или изменял их характер, или обходил их молчанием. Так, известно, что после победы Хмель-

ницкого под Батогом в 1652 г. Левобережье было охвачено восстанием, восставшие убивали панов, вернувшихся в свои имения после заключения невыгодного для гетманства Белоцерковского договора.

По ясному свидетельству Самовидца, их убивало «поспольство», «тая своеволя»⁸⁰. У Величко картина иная, за бегущими «панами» по приказу прилуцкого полковника Сомко отправился бывший полковник Прилуцкий Яско Воронко «з казаками», который их и казнит⁸¹. Особенно показательно в этом плане сообщение Величко о «черной раде» 1663 г., которая закончилась резней левобережной старшины. Память об этих событиях отразилась в целом ряде текстов, созданных в среде верхов левобережного казачества, начиная с подробного рассказа «Самовидца». Хотя отдельные авторы характеризовали происшедшее по-разному, у них не было сомнения, что имело место мощное выступление низов. Величко обошел происшедшее полным молчанием, отметив очень кратко, что Брюховецкий был избран гетманом, «чи то волними голосами, чили чрез скритии факции»⁸². Возможно, такие особенности повествования повлияли на заключение современного украинского исследователя А.М. Бовгири, что в отличие от Самовидца Величко положительно оценивал роль и действия «черни»⁸³.

Изучение повествования Величко не позволяет согласиться с этим выводом. Заслуживает особого внимания его рассказ о конфликте Пушкаря и Выговского. Этот конфликт был, как известно, первым серьезным столкновением, в котором проявились социальные противоречия уже на почве гетманства, а в самом столкновении активно участвовал Полтавский полк. К тому времени, когда Величко стал писать свою «Летопись», в украинской исторической традиции сложилось определенное представление о событиях, происходивших на Украине в первые годы после смерти Богдана Хмельницкого. Уже у Самовидца верный царю полтавский полковник Мартын Пушкарь противопоставлялся «изменнику» Ивану Выговскому⁸⁴. Такую характеристику находим и в современной Величко «Летописи» Грабянки⁸⁵.

У Величко характеристика событий иная, в соответствии с его общей концепцией. Он осуждает и Выговского и Пуш-

каря за то, что они начали братоубийственную войну: «з причины двох человек... огонь ... добра людские пожирающий ... воспламеняется»⁸⁶.

Однако при более внимательном анализе его повествования видно, что его отношение к Пушкарю и его сторонникам гораздо более отрицательное. Представляется, что совсем неслучайно Величко сообщает, что Выговский «килкокrotnie» писал Пушкарю «лагodne и ласкове призываючи его к себе в приязнь и згodu», но успеха не добился⁸⁷. Тем самым на Пушкаря падала главная ответственность за братоубийственную войну. Далее говорится, что Пушкарь «собрал себе з винников, browарников, пастухов и наймитов людских полк пехотный». Это были люди «толко з рогатинами, косами и киями»⁸⁸. Это были люди, не знавшие военного дела, но желавшие распорядиться. Пушкарь хотел обороняться против войск Выговского в Полтаве, но «чернь альбо голота ... в поле против Виговского вийти принудила»⁸⁹. Это стало причиной поражения полтавского полковника.

Важно, что, характеризуя сторонников Пушкаря как людей низкого социального положения и плохо вооруженных, летописец отметил также, что это были люди «серцами до убийства и разграбления имений людских готовими». Эти стремления сторонники Пушкаря смогли затем удовлетворить, присоединившись к армии Г. Ромодановского. Они «шарпали и обдирали и не без убийства людского, все руйновали и в невець обретали»⁹⁰. Таких обвинений по адресу сторонников Выговского в «Летописи» не содержится. Как представляется, М.С. Грушевский был прав, увидев в этих высказываниях отражение памяти об этих событиях; сохранявшейся в среде левобережной старшины⁹¹. Воспроизводя эти высказывания и оценки, летописец явно солидаризировался с этой традицией.

Некоторые и другие черты такой традиции могут быть выявлены в тексте «Летописи». Это касается, в частности, изображения в ней Якима Сомко. Сопоставление текстов свидетельств о нем Самовидца и Грабянки показывает, что в исторической традиции происходила все большая героизация образа этого лидера левобережной старшины. Для Величко Яким Сомко, как и другие гетманы и претенденты на гетманскую власть, был отрицатель-

ным персонажем. В его сочинении Сомко фигурирует в ряду других «разорителей отечества»⁹². Вместе с тем в «Летописи» Сомко оказывается более крупной исторической фигурой, чем в сочинениях других авторов. Так, как уже отмечалось выше, именно по приказу Грабянка были убиты бежавшие с Левобережья польские паны. При описании событий 1659 г. Величко сообщает об избрании Сомко наказным гетманом, о его победе над Выговским и его войском под Хмельником, когда в руки Сомко попали оригиналы Гадячских договоров⁹³. Весь этот эпизод совсем не соответствует историческим фактам. В сражении под Хмельником 18 ноября 1659 г., когда был разбит Выговский, участвовали русские войска и казаки Киевского и Паволоцкого полков⁹⁴. Перед нами явно эпизод легенды о Якиме Сомко, формировавшийся в сознании левобережной старшины. Не соглашаясь с ее оценкой деятельности этого лидера, летописец все же заимствовал ее отдельные эпизоды.

К этой же традиции, как представляется, восходит и описание событий, происходивших после убийства Брюховецкого в 1668 г. Об этих событиях Самовидец записал очень коротко, что «много людей значних казаков и запорожцов позабивали»⁹⁵. Очень кратко коснулся этих событий и Грабянка. По его словам, дело ограничилось убийствами его сторонников — запорожцев⁹⁶.

У Величко обо всем рассказано гораздо подробнее. Так, здесь читаем, что Брюховецкий опасался за свою власть, «знаячи к себе гнев и незичливість черни войсковою». Затем эта «чернь у многом числе»... «з великом гуком» хватает Брюховецкого, а затем эти люди «его начаша терзати и бити и убиша его тирански». Потом, вернувшись в свой лагерь, они «знову учинивши гомон и разрух, несколько начальных людей своих забили и пошарпали». Затем, «зверонравное войско козацкое» хотело было убить и Дорошенко, гетман «куфами горелки улагодил оное» и, «свирепству и шаленству их не доверяючи», покинул казацкий лагерь⁹⁷.

Конец рассказа ясно показывает, откуда идет это описание событий: узнав о смерти Брюховецкого, в Полтаве полковника и есаула «гвалтовне з домов их побрали, до армат поковали и вскоре тиранско в смерть позабывали, а дома их зо всего до щенту розграбовали»⁹⁸.

Этот рассказ Величко в его сопоставлении с рассказом того же автора о восстании Пушкаря показывает, что связь летописца с исторической традицией, формировавшейся в среде левобережной старшины, отнюдь не ограничивалась заимствованием фактических сведений. К этой традиции восходит и представление летописца о «черни», как силе, способной на дурные деяния, грабежи и убийства, которую можно, однако, успокоить с помощью водки. Если в рассказе о восстании Пушкаря подобные высказывания относились к «посполитым», то в рассказе о событиях, связанных с убийством Брюховецкого, подобные оценки распространяются на «зверонравное» казачье войско.

В этом ряду следует рассматривать и сообщение Величко о волнениях, вспыхнувших на Левобережье после низложения Самойловича. Волнения эти были значительным явлением, получившим отражение в целом ряде источников. Волнения начались в собранных для похода казачьих полках сразу, как стало известно о низложении гетмана. При этом был убит прилуцкий полковник Лазарь Горленко, стоявший во главе полка с 1658 г., взяты под арест полковники переяславский и наказной нежинский⁹⁹. Волнения охватили Гадячский и Прилуцкий полки, затем Лубенский и Миргородский. Об участниках волнений говорили: «хотят клейноты войсковые отобрать, ибо про то войско не ведало, а, отобрав клейноты, всю генеральную старшину отставить»¹⁰⁰. Это свидетельство ясно указывает на участие в волнениях недовольных казаков.

Согласно сообщению Величко, после низложения Самойловича «зараз со всех полков городовых многие своевольци ... отъехали самоволне з обозу в дома свои». Там они устроили «крамолу и бунт», когда они «не только арендаров (сборщиков ненавистного населению налога — «аранды»), але и инших можних людей и крамаров невинних безумне брали и имение их между себе разшарповали, а некоторых и самих в смерть забивали»¹⁰¹. Очевидно, крайне отрицательное отношение летописца к участникам волнений — казакам, которые без всяких причин бросились убивать и грабить «невинных» людей.

Новому гетману Ивану Мазепе пришлось прибегнуть к суровым мерам для умирения волнений: «одним виннейшим руки и

ноги поламано, другим голови неистовии постоимано, четвертих на худобах карано, у пятих глупство киями выгоняно». После этих казней «знову станула в мире тишина и безбоязненным людем тамошним мешкане», т. е. перечисленные суровые меры были необходимыми и дали желательный результат.

Рассмотрение этого ряда известий показывает неизменно враждебное отношение летописца к выступлениям низов против существующего порядка, независимо от того, кто участники восстаний — «посполитые» или казаки.

В этом ряде следует рассматривать и «универсал» Мазепы 1692 г., в котором гетман призывал не реагировать на призывы к восстанию против старшины претендента на гетманство Петрика. Стоит отметить, что и Н.И. Костомаров, обратившийся в своей монографии о Мазепе к материалам о событиях начала 90-х годов XVII в. в богатом фонде Малороссийского приказа, обнаружил там «универсал» Петрика (Величко тоже включил его в свою «Летопись»), но ответного «универсала» Мазепы он не нашел и цитировал его по сочинению Величко¹⁰². И, как представляется, все это неслучайно. В «универсале» нетрудно найти отзвук размышлений Величко и в повествовании от автора, и в сочиненных им посланиях о причинах запустения Правобережья.

В «универсале» читается, что этого не произошло бы, если бы народ «заховал свою статечность и подлуг установленного порядку ... не слушаючи жадних оман мятежничих»¹⁰³. Таким образом, как главная причина запустения Правобережья у летописца выступают «мятежи» — выступления против существующего порядка. Эта мысль подробно развивается в начальной части документа, содержащей целый исторический экскурс в прошлые времена, особенно на Правобережье. В «универсале» упоминаются «прежние колотнечи и замешания ... коли належитому владцы и региментару своему от многих неуважных чинилося противенство», «когда оказалось знищення и на хлеб скудость». Далее о характере таких выступлений говорится более определенно — один из их организаторов «многих людей приправил до смерти и множайших худобы подал в рабунек». Все это привело к тому, что предводители мятежей «не только оний край знищили, але до остатку разорили».

Таким образом, по отношению к социальным низам, их желаниям, требованиям и действиям взгляды Самойла Величко, как следует из приведенных фактов, ничем существенным не отличались от взглядов Самовидца или Грабянки. В них он видел прежде всего опасную разрушительную силу.

Исследователи неоднократно обращали внимание на особый образ Запорожья и особое место Запорожья в историческом замысле Величко.

В формировавшейся традиции о прошлом образ Запорожья был окрашен в значительной мере в негативные тона. Хотя было известно, что Хмельницкий пришел с войском на Украину от днепровских порогов, в описании событий в «Летописи Самовидца» запорожское казачество никакой роли не играло. При описании событий 60–90-х годов XVII в. запорожцы выступают как враждебная сила, которая хочет «старшину городовую ... вибити», «яко то у оных звичай давній»¹⁰⁴. Потом, придя к власти с гетманом Брюховецким, они «людем незносную кривду чинили, а звлаща значним»¹⁰⁵. Приход запорожцев на Украину и позже вызывает выступления «голоты»¹⁰⁶. «Яко люди своевольнии», запорожцы «наприкрилися» присланому им на помощь русскому войску, и оно было вынуждено оставить Запорожье¹⁰⁷. Запорожье выступает в тексте как приют всех недовольных, которые вступают там в ряды казацкого войска — «на Запороже волно ити в козацтво так козакові, яко теж и мешчанину, там того не постерігають»¹⁰⁸. В другом месте повествования речь идет о том, что Дорошенко «жадною мірою не хотіл в згоді з Запорожжем мешкати ... промишлях и поднимался турчінові зносити Запоржже», а теперь он находится с ними в дружбе, так как посылает им «живность, горілки, тютюн, гроши»¹⁰⁹. Сообщал летописец и о том, что когда в 1692 г. Петрик «стал хана поднимати на Україну на старшину українскую», то к нему «запорожці пристали»¹¹⁰.

В «Летописи» Грабянки присутствуют как бы два разных образа Запорожья. В первой части его труда описывается суровая и героическая жизнь содружества воинов, сумевшего сохранить свою свободу, когда все население Малой Руси подчинилось «Лядскому игу»¹¹¹. Далее, однако, как и у Самовидца, о какой-либо роли Запорожья в событиях восстания Хмельницкого не гово-

рится. Запорожцы появляются в «Летописи» только в рассказе о «черной раде» 1663 г., когда они хотели «самовольне»¹¹² поставить Брюховецкого гетманом. Далее поясняется, что это действия, «нравам их свойственная»¹¹³. Созывая «черную раду», Брюховецкий рассчитывал, что запорожцы, «бунты начавши», «насилно» поставят его гетманом, и его надежды оправдались¹¹⁴. Даже говорится о грабежах запорожской «голоты»¹¹⁵. Затем снова говорится о том, что запорожцы в 1668 г. «народ возбуждали до бунтов»¹¹⁶. Запорожье выступало в этом повествовании не как сила, влияющая позитивно на происходящие события, а как опасный очаг недовольства и анархии.

Совсем иное место занимали запорожцы в повествовании Самойла Величко. Уже в начальной части его повествования Сечь во главе со своим атаманом выступает как сила, организующая восстание вместе с Хмельницким. Именно «с атаманею куренною и из кошовим» Хмельницкий тайно советуется «о подлежащей на поляков войне»¹¹⁷, по их совету он стал искать союза с Крымом¹¹⁸. В дальнейшем повествовании ярко описывается картина сбора в Сечь с разных «курений» многотысячного казацкого войска, которое приняло решение о войне и избрало Хмельницкого своим гетманом¹¹⁹. После первых побед над польскими войсками Хмельницкий извещает об этом Сечь¹²⁰ и посылает туда богатые подарки¹²¹.

В повествовании о событиях 50-х годов Сечь выступает как важный политический партнер Хмельницкого, с которым он советуется при решении важных вопросов. Так, в приведенном в «Летописи» послании Хмельницкий спрашивал совета, перейти ли под протекцию русского царя. «Кгди ж мы яко махину войны з поляками зачинали не без воли и совета вашего, брате нашой, — говорилось в послании, — так и сего не меньшего дела о протекции помененой Московской без вашего созволения и порады чинити не хотим»¹²². Сечь одобряла такое решение и рекомендовала «абисте того дела не оставляли и оно кончили». Вместе с тем гетман должен был позаботиться, чтобы при заключении договоров с царем «не было в них чого лишнего и отчизне нашей шкодливого»¹²³.

Преемник Хмельницкого Иван Выговский, сообщая Сечи о своем избрании, одновременно заявляет, что «без воли и консенсу Вас, братье нашой цале утвержатися на том гетманском уряде

не хочу». В том же послании читается, что и его предшественник Хмельницкий «все чинил за порадую Вас, брате своей». Наконец, в послании читается, что казачество в Сечи — это «корень и утверждение чести и векопомной славы прочим войскам Україно-Малоросійским»¹²⁴.

Таким образом, уже в начальной части повествования Величко Сечь выступает как одна из главных политических сил на Украине, без участия которой не принимаются никакие важные политические решения, в частности, потому, что Сечь является хранителем подлинных казацких традиций, высоко чтимым предком казацкого городского войска.

Комментируя эти послания, Н.М. Яковенко выдвинула положение, что налицо явный вымысел летописца, излагающего в этих и других посланиях собственные взгляды¹²⁵. Это положение можно подкрепить рядом наблюдений. Так, если в сношениях Хмельницкого с Сечью нам практически ничего неизвестно, то отношения Выговского с Сечью носили совсем иной характер, чем в «Летописи» Величко, и сохранившиеся послания резко отличаются от приведенных у него «листов»¹²⁶.

Аналогичная картина обрисовывается при обращении к помещенным в «Летописи» грамотам кошевого атамана Ивана Серко. В сравнительно недавнее время украинский исследователь Ю.А. Мищик осуществил издание посланий И. Серко, явившееся результатом обследования целого ряда архивов. «Листов», включенных Величко в его «Летопись», в этих архивах обнаружить не удалось. Из писем, собранных Ю.А. Мищиком, видно, что в 70-х годах XVII в. перед лицом наступления татар и османов Сечь находилась в тяжелом положении и искала поддержки гетманства. В послании И. Серко говорится, что Сечь желает сохранения «общего добру надобного союза»¹²⁷, в другом он просит «совету и вспомошения»¹²⁸, в третьем просит гетмана Ивана Самойловича «ласкавое око и милостивое рассмотрение нам показати»¹²⁹. Эти «листы» и по языку, и по характеру резко отличаются от текстов в «Летописи» Величко, содержащих резкие и пренебрежительные высказывания о гетмане.

Еще более значительной оказывается роль Сечи в повествовании о событиях конца 50-х — 70-х годов XVII в. Если, как уже

отмечалось выше, Величко резко порицает гетманов, которые своими действиями привели к расколу Украины и ее разорению в братоубийственных войнах, то и Сечь в посланиях, помещенных в «Летописи» Величко, выступает как суровый обличитель этих правителей. Так, здесь помещено послание Выговскому, в котором Сечь, порицая его за переход на сторону поляков и братоубийственную войну с Пушкарем, отказывает ему в повинности¹³⁰.

Несколько лет спустя в «Летописи» читается послание Ю. Хмельницкому, в котором запорожцы резко порицают его за то, что «для власти гетманской» он устроил «междоусобную брань» с Якимом Сомко, «подобним тебе властолюбцем», и угрожают, что они отстранят его от власти и вместе с «добрими молодцами» поставят на Правобережье другого гетмана¹³¹. Наконец, здесь помещено письмо запорожцев к только что избранному гетману Петру Дорошенку, где говорится о его предшественниках — И. Выговском, Ю. Хмельницком, И. Тетере, что «не были они истими сыны, но выродки отчизны нашея», они устроили междоусобные войны, «выгубивши множество добрых молодцов казаков» и «не слухаючи здоровой ради нашей всего войска Низового Запорожского ... приклонялися до поляков». Дорошенко не должен следовать их примеру¹³².

Н.М. Яковенко справедливо констатирует, что эти «листы» также сочинены самим Величко и отражают его взгляды на близкое прошлое Украины¹³³. Как представляется, летописец испытывал потребность подкрепить свои взгляды, доказать их правильность свидетельством, исходящим от некоей важной авторитетной силы, стоящей «над схваткой», участников которой он сурово порицал. В качестве такого авторитета в его сочинении выступает Сечь, высокий статус которой якобы признавал самый авторитетный из гетманов — Богдан Хмельницкий. Имело, думается, значение и другое обстоятельство. Рисуя столь мрачную картину прошлого, раскола и бедствий Руины, Величко испытывал потребность показать читателю, что в стране существовало все же светлое начало, существовала сила, старавшаяся заботиться о стране и ее интересах, — это Сечь, колыбель казачества и хранитель ее традиций.

Определенные трудности возникли перед Величко, когда ему пришлось описывать отношения между Запорожьем и Петром Дорошенко. Летописец считал оправданным, что гетман, когда Россия по Андрусовскому договору 1667 г. отказалась от борьбы за Правобережье с Речью Посполитой, стал искать покровительства Османской империи для защиты от поляков¹³⁴. Между тем людям, обладавшим знанием о прошлом, было известно об остром конфликте между Дорошенко и Запорожьем, о попытках гетмана уничтожить Сечь. При освещении этих событий в повествовании Величко ясный однозначный образ Сечи осложнился. Было достаточно широко известно, что запорожцы не только выступили против Дорошенко, но и выставили своего кандидата на гетманство — Суховея. Величко не решился отрицать или замалчивать эти факты. У него читается, что Сухой привлек к себе «подобных легкомислников запорожцов»¹³⁵. Таким образом, и среди запорожцев оказываются люди, способные на неправильные действия. Еще более определенно о наличии в Сечи таких людей говорится в повествовании Величко несколько далее.

В «Летописи» приводится текст послания, отправленного Дорошенко в Сечь, в котором подробно обосновывалось его решение искать турецкой «протекции». Когда, по сообщению Величко, послание это было прочитано перед казаками, то «статечными и разумнии плакали, уваживши силу писма оного», в то время как другие «невегласи и пянице Дорошенкове и посланцу его лаяли»¹³⁶. И их было не так мало, так как, когда кошевой атаман хотел ответить на послание, «халастра помененая запорожская не позволила»¹³⁷.

Это важное сообщение не получает, однако, в повествовании Величко никакого развития и остается эпизодом без последствий. Когда через несколько лет Дорошенко прислал на Сечь новое послание со своими сожалениями о тяжелой судьбе Правобережья, то после его зачтения «мал и не все запорожци плакали» и никаких разногласий в их среде не обнаружилось¹³⁸.

Какова же была действительная историческая роль Запорожской Сечи в событиях, происходивших на Украине в середине и второй половине XVII в.? Запорожское казачество насчитывает, как известно, достаточно долгий период существования, но на

этом протяжении многие основные особенности этой общности людей устойчиво сохранялись, в том числе и во второй половине XVII в. Достаточно ясны для исследователей основные источники ее существования. Земледелие на окружающих Сечь поселениях не получило развития, и хлеб запорожцам приходилось закупать на близких украинских землях. Это способствовало установлению связей между запорожцами и их населением и одновременно открывало возможности для соответствующих властей оказывать давление на Сечь. Запорожцы занимались разведением скота, ловлей рыбы и зверя¹³⁹. Важным источником существования была добыча, которую захватывали во время военных походов. Как известно, характерной чертой порядков в Сечи были отсутствие там сколько-нибудь значительного аппарата управления, выборность и кошевого атамана — главы Сечи, и куренных атаманов, стоявших во главе «курений» — отдельных казацких поселений. Недовольные их действиями казаки могли в любое время их сместить. Конечно, полного равенства в среде запорожцев уже в середине XVII в. не было. Уже в написанном осенью 1656 г. письме кошевого атамана Барабаша гетману Ивану Выговскому проводилось различие между находящимися в Сечи неимущими людьми, у которых даже нет оружия, и «сверстными казаками», которые имеют семьи и «маетности»¹⁴⁰. В Сечи во второй половине XVII в. была зажиточная верхушка, представители которой владели «зимовниками», челнами, стадами, имевшие и запасы оружия. Ряд ее представителей владел имениями на соседних украинских землях (как, например, кошевой атаман Иван Серко). В источниках такие люди обозначались как «значные казаки»¹⁴¹. К 70-м годам XVII в. относятся попытки решать различные вопросы на собраниях куренных атаманов и значных казаков¹⁴².

Однако в отличие от элиты гетманства позиции этой верхушки были гораздо более слабыми, не в последнюю очередь потому, что ряды запорожского казачества во второй половине XVII в. пополнялись людьми, недовольными теми отношениями, которые стали постепенно складываться в Левобережном и в Правобережном гетманстве. В качестве примера можно привести свидетельство о положении, сложившемся на Правобережье в 1663–1664 годах: «и от той, де, налоги вся чернь в Запороги к

Серику идут, а в войско не идут»¹⁴³. Уже это обстоятельство превращало Запорожье в очаг оппозиции формирующимся общественным порядкам.

Дополнительная опасность для власти состояла в установлении связи между Запорожьем и той массой недовольных, которая оставалась на месте. Контакты были многообразными: если запорожцы были вынуждены посещать эти земли для приобретения хлеба или приходили туда «зимовать», то жители Левобережья приходили на лето в Сечь для участия в промыслах и военных походах¹⁴⁴. Возникла угроза совместного выступления против старшинской верхушки и запорожцев, и недовольной сложившимся порядком «черни». Неудивительно, что гетманы неоднократно прибегали к блокаде Сечи, пытались препятствовать переходам жителей на Запорожье¹⁴⁵. Опасность соединения запорожцев и недовольных становилась все более реальной по мере того, как обострялись социальные противоречия на землях гетманства.

Осложнения в отношениях между казацкой верхушкой и массой людей, которые стали казаками в годы восстания Хмельницкого, стали серьезно обостряться в середине 50-х годов XVII в. Казачество после победы восстания стало привилегированной социальной группой, но материальное положение многих из новых членов этого слоя — «показаченных» оставалось трудным, и трудности усугублялись тем, что члены казацкого сословия должны были, как члены военно-служилой общности, нести военную службу, они не были в состоянии делать это, не имея материальной поддержки, а собиравшихся в гетманстве доходов не хватало для обеспечения всего этого слоя, сильно разросшегося в условиях непрерывной войны. У широкого слоя «показаченных» постепенно складывалось убеждение, что казацкая верхушка присваивает себе все доходы, и в этом причина бедственного положения «черни»¹⁴⁶.

Напряженное положение в этом плане стало складываться уже в конце правления Хмельницкого. Весной 1657 г. киевский воевода сообщал царю, что недовольные казаки собираются на Запорожье и «хотять приходить в Ч[игирин] на гетмана, на писаря и на пол[ковников] и на иных начальных лю[дей] ... разграбить и побить» за то, что все эти представители казацкой верхуш-

ки «со всех городов, с ранд и сел и з деревень емают себе поборы большие, и тем самым они [бога]теют, а им, казакам, ничего не дают»¹⁴⁷.

Конфликт разразился при преемнике Хмельницкого Иване Выговском, который первым из гетманов, чтобы подавить недовольство, предпринял блокаду Сечи. В этой борьбе скоро обозначилось единство действий запорожцев и казаков из полков в южной части Левобережья, тесно связанных разнообразными связями с Сечью. Главным лозунгом, объединявшим тех и других, стало требование созыва «черной рады» — собрания казаков поблизости от Сечи, в котором приняла бы участие «вся чернь», как из Сечи, так и с «волости». Недовольные рассчитывали, что на этой раде гетман и полковники будут отстранены от власти, а войско выберет вместо них других людей, которые будут действовать в интересах «черни». Согласия на созыв такой рады добивались запорожские послы в Москве¹⁴⁸. Выступление недовольных было подавлено в 1658 г., но перспектива объединения запорожцев и недовольных «городовых» казаков для выступления против старшины оставалась реальной, как актуальным оставалось и выдвижение требования созыва «черной рады».

Такая возможность стала реальностью при созыве «черной рады» в Нежине 1 июня 1663 г., которая завершилась приходом к власти гетмана Ивана Брюховецкого и репрессиями по отношению к казацкой верхушке Левобережья¹⁴⁹. Украинская историческая традиция сохранила память об активном участии запорожцев в происходивших событиях. В летописи Лизогуба, памятнике, современном сочинениям Величко и Грабянки, читается, что «запорожци великую беду людям чинили и грабительство ... Обезчестило себе людославне низовее войско Запорожское ... не мение татар, знушаящаяся всячески»¹⁵⁰. Особый интерес представляет свидетельство такого осведомленного современника событий, как Роман Ракушка Романовский. Здесь рассказывается об убийствах старшин, продолжавшихся несколько дней, и о том, как запорожцы «людем незносную кривду чинили, а звлаща значним». В отличие от создателя летописи Лизогуба Роман Ракушка объясняет причины этих насилий: среди запорожцев были такие люди, «кто служил (раньше) у якого человека значного, то

тоже свое зомщовали на господах»¹⁵¹. Таким образом, из Запорожья пришли люди, нашедшие там убежище от несправедливых хозяев и вернувшиеся, чтобы отомстить. Хотя гетман Иван Брюховецкий захватил власть при поддержке запорожцев, достаточно скоро отношения между ним и Сечью осложнились. Уже в 1664–1665 годах он стал выдвигать планы постройки укреплений на Базавлуцком острове, посылки войск в Кодак и Кременчуг, чтобы помешать уходу людей на Запорожье¹⁵². Снова стала образовываться общность запорожцев и недовольных «городовых» казаков, направленная против власти. В начале 1667 г. в разговорах с царским посланцем И. Телепневым И. Брюховецкий говорил об опасности, угрожающей ему со стороны Сечи, куда «многие люди из всех мест хотят ити». Он просил отправить войска в Кодак и Кременчуг, «чтоб в Запороги хлеба не возили», тогда казаки будут вынуждены оттуда разойтись¹⁵³. В мае 1667 г. он просил белгородского воеводу кн. Ю.Н. Барятинского о присылке русских войск, так как запорожцы «шатаютца здесь в городех Малороссийских ... щоб чего не учинилось дурного»¹⁵⁴. Отправленное одновременно послание царю содержало откровенное признание, что на свое войско он не может положиться, так как среди казаков «есть таких много, что такими ж могут починитца запорожцами»¹⁵⁵. Летом 1667 г. в Москву стали приходиться сообщения, что отряды казаков идут к р. Солонице, где должна собраться «черная рада», чтобы выбрать нового гетмана¹⁵⁶. К этому же времени относятся сообщения о контактах левобережного казачества с Сечью, когда запорожцы «тайно» посылали «до Полтавы и в иные города»¹⁵⁷. Левобережной старшине удалось предотвратить созыв «черной рады», но напряженность в отношениях сохранялась. В конце 60-х годов XVII в. имел место острый конфликт между Сечью и гетманом Петром Дорошенко, когда запорожцы провозгласили гетманом сечевого писаря Петра Сухова. В современной украинской историографии отмечается, что запорожцы руководствовались при этом «собственными интересами»¹⁵⁸, но не разъясняется, в чем эти интересы состояли.

Воззвания, исходившие от Петра Сухова¹⁵⁹, показывают, что в оценке международной ситуации его взгляды ничем не отличались от взглядов Петра Дорошенко. Очевидно, причины конф-

ликта лежали в иной, социальной сфере. Петр Дорошенко стремился укрепить свою власть. По решениям рады в Корсуні его власть стала пожизненной (а, возможно, и наследственной)¹⁶⁰. Он создавал зависевшую от него наемную армию — «средняцкие» войска, уже в 1668 г. принимавшие участие военных действиях¹⁶¹. Усиление власти гетмана означало и укрепление власти социальной элиты. Неслучайно Петр Дорошенко ставил себе в заслугу, что в его войске давно не собираются «черные рады»¹⁶². Под властью Дорошенко казацкая верхушка, рекрутировавшаяся из рядов старого «реестрового» казачества, превратилась в своеобразную касту, высокомерно третировавшую левобережную старшину, в составе которой были «не природные казаки»¹⁶³. В интересах старшины и своих П. Дорошенко держал войска в Каневе, Черкасах и Вороне, чтобы препятствовать уходу людей в Сечь¹⁶⁴. Наконец, весной 1668 г. послы Дорошенко на переговорах с ханом предлагали «Zarogozе znieść»¹⁶⁵. Все это должно было вызывать враждебную реакцию запорожцев.

Характерно, что провозглашенный гетманом Петр Сухойей требовал, чтобы Дорошенко пришел «на черную раду в Запорожье и кого войско оберет ... тот у нас и будет гетманом»¹⁶⁶. Придя с войском на Левобережье, где его поддержали полки, исторически связанные с Сечью, он снова требовал, чтобы Дорошенко прибыл на раду, где должны «установить прямого гетмана»¹⁶⁷. Конфликт оказался продолжительным. Когда Петр Сухойей потерпел поражение, Сечь поддержала другого претендента на гетманство — уманского полковника Михаила Ханенко, который также, потерпев поражение, нашел приют в Сечи¹⁶⁸.

После падения Правобережного гетманства продолжала сохраняться напряженность отношений между Сечью и Левобережным гетманством. Характерно, что избрание в 1672 г. гетманом Ивана Самойловича произошло на старшинской раде, без участия «черни». В 1708 г. покровитель С. Величко Кочубей вспоминал, что в это время полтавский полковник Жученко арестовал Ивана Серко и благодаря этому рада прошла «без препятія низовых людей»¹⁶⁹. В переписке между Самойловичем и русскими властями обсуждалось, как помешать уходу людей на Запорожье, предпринимались и попытки блокады Сечи¹⁷⁰.

О настроениях людей, собиравшихся в Сечи в конце столетия, говорит ряд свидетельств источников о событиях начала 90-х годов XVII в. В это время на Сечь бежал служащий гетманской канцелярии Петрик, призывавший оттуда население Левобережья к восстанию против русских властей и казацкой верхушки. Стояли ли за Петриком какие-либо силы на Левобережье, и какие именно, во многом остается неясным. Важно, какую реакцию вызвали эти призывы у собравшихся в Сечи людей. Характерно, что Сечь не только отказалась выдать Петрика, но запорожцы избрали его сечевым писарем¹⁷¹. В письме кошевого атамана Гусака Мазеле по существу повторялись те же обвинения, которые выдвигал Петрик. В нем говорилось, что появились новые паны, которые заставляют бедных людей работать на себя, «совершая дела не лучше тех, что делались при ляхах»¹⁷². Правда, Сечь отказалась прямо поддержать Петрика, но добровольцы могли к нему присоединиться, и не все запорожцы этим воспользовались¹⁷³. Дело, однако, было в том, что сама личность Петрика не вызывала доверия у собравшихся в Сечи казаков. Совсем иной оказалась их реакция, когда до них дошли слухи об осложнениях в отношениях между левобережным старшиной и фастовским полковником Семеном Палеем, известным своими победами над польскими войсками. В 1693 г. осведомитель гетмана Мазепы Г. Якубенко сообщал о намерениях запорожцев — «подадим Палею гетманство и клейноты все вручим ему и уже, де, Палей пойдет не Петриковым поступком, и ведает он, как панов украинских взять в руки»¹⁷⁴. Слова об «украинских панах» получают ясный комментарий в другом донесении осведомителя: «и как, де, будет Палей гетманом, то, де, уже может управитца со всею старшиною начальною»¹⁷⁵. Сохранялась и опасность соединения запорожцев с недовольными социальными низами. В 1693 г. Мазепа с тревогой писал царю, что среди «посполитых» много людей, которые желали бы волнений, чтобы захватывать имущество богатых. Образцом для них служат запорожцы, и какое бы от запорожцев ни началось зло, они к ним присоединятся¹⁷⁶.

В начале XVIII в. В Сечи снова стали собираться недовольные, выражавшие желание «арендаров и панов бити и грабити и зовсем разбитии». Они «отцов и братьов и кривных наших держали

в неволе и в конец хотели закабалити», поэтому «мы за вольность казацкую идем на таких противных нам воевати»¹⁷⁷. Таким образом, в начале XVIII в. Запорожье оставалось очагом недовольства формирующимися в левобережном гетманстве общественными порядками.

Это представление о характере Запорожской Сечи и ее участии в исторических событиях следует сопоставить с тем образом Сечи, который обрисован на страницах «Летописи» Величко. Это — содружество воинов-«рыцарей» и такой его характер подчеркивается неоднократно. Так, после тайного нападения татар и янычар на Сечь кошевой Иван Серко писал хану, что не ожидал такого от татар как от «тих людей, котории рыцерским промыслом бавячися и правду в себе заховати любите». После такого нападения запорожцы дали ответ «прикладом древних предков», «но явно, а не тайно, по рыцерску»¹⁷⁸. Еще показательнее в этом плане послание запорожцев гетману Ивану Самойловичу, в котором говорится, что он стал гетманом «з мелкой кондиции», а в Сечи есть «получшии от Вашей милости ... товарищи заслужонии и в рыцерских справах досведочонии кавалери, котории во всем тому уряду гетманскому ... могли би здолати». Христианские монархи «хваля рыцерство нашего не понижают, як Ваша милость чинила»¹⁷⁹. В этом же ряду следует рассматривать и послание запорожцев Ивану Мазепе, где говорится, что запорожцы «здавна обикыше промисли военние над неприятелями чинили отвагою нашею рыцерскою, полем и морем», и теперь «добрии молодци отвагою своею делности рыцерской, знаючи тракт ... бусурманом по силе своей значне шкодят»¹⁸⁰.

Таким образом, запорожцы на страницах «Летописи» это — сообщество сражающихся с «бусурманами» «рыцарей» и «кавалеров», в совершенстве владеющих «рыцарским делом» — военным ремеслом. О присутствии в этом сообществе беглых подданных казацкой верхушки, недовольных своей судьбой, читателю «Летопись» ничего не сообщает. Тема участия запорожцев во внутренних конфликтах на территории как Левобережья, так и Правобережья в «Летописи» присутствует, но она крайне приглушена.

Конечно, Величко пишет о посылке запорожцами помощи Мартыну Пушкарю, выступившему против Выговского, но сдела-

но это кратко и бегло¹⁸¹, так что в сознании читателя не возникает связи между этими запорожцами и «винниками, броварниками, пастухами и наймитами»¹⁸², которые выступали с Пушкарем против гетмана.

Как известно, запорожцы активно участвовали в событиях начала 60-х годов XVII в., связанных с избиением левобережных старшин и приходом к власти гетмана Брюховецкого. Память об этом была достаточно прочной в исторической традиции на Левобережье. Характерно, что в «Летописи» Величко все участие запорожцев в событиях ограничивается тем, что «желаючи» Левобережью «тишины и всякого благостроения» они рекомендовали Брюховецкого князю Г.Г. Ромодановскому, считая его способным быть гетманом¹⁸³. В событиях, происшедших в 1668 г., запорожцы защищали Брюховецкого от выступившей против него «черни»¹⁸⁴.

Длительный конфликт между Сечью и гетманом П.Д. Дорошенко Величко не мог обойти молчанием и посвятил ему довольно много места в своем повествовании. Однако в его высказываниях были тщательно обойдены социальные аспекты конфликта. Здесь читаем, что П.Д. Дорошенко стал испытывать злобу «против Запорожцов», когда они предложили ему присоединиться к России¹⁸⁵. Когда с притязаниями на гетманство на Правобережье выступил вышедший из Сечи Сухойей, это был «властолюбец», который привлек к себе подобных ему «легкомыслников». Сечь его не поддержала, но Дорошенко об этом не знал, поэтому конфликт продолжался¹⁸⁶. Новое обострение отношений летописец связывает с тем, что Сечь выступила против попыток Дорошенко захватить Левобережье, как против «братоубийственной войны»¹⁸⁷. «В гневе и распре будучи» с Дорошенко Сечь оказала поддержку его противнику М. Ханенко¹⁸⁸. Неудивительно, что, спустя некоторое время, когда Дорошенко обратился к запорожцам, «первобитную оферуючи им приязнь и зичливість», то и запорожцы «начали к нему от тово часу знову з приязнию своєю прихиятися» и кошевой атаман Серко посетил Чигирин с большим отрядом казаков, где им были поднесены дары¹⁸⁹.

Особый интерес представляет рассмотрение рассказа Величко о поведении запорожцев во время выступления Петрика. Ле-

тописец не скрывает от читателя, что ушедший в Сечь Петрик призывал население Левобережья к выступлению против русских властей и казацкой верхушки. В свой труд он включил текст универсала Петрика, содержащий призывы к выступлению и против «Москалей», и против «драпежных панов» и «арендаров», которые «обиздили вам шии и худобы ваши все пооберали»¹⁹⁰.

Вместе с тем, хотя по приезде в Запорожье он был «учинен писарем сечовым»¹⁹¹, к его последующим действиям запорожцы не имели никакого отношения. Когда Петрик вступил в союз с татарами и призывал запорожцев присоединиться к ним, то запорожцы, «старшина и чернь» ответили, что «до Петриковой душегубной прелести не приклонятся» и назвали Петрика Иудой¹⁹².

Рассмотрение этого эпизода в повествовании Величко представляет особый интерес. Об отношениях Выговского или Дорошенко с запорожцами Величко теоретически мог и не знать, восполняя пробелы в своих познаниях собственными представлениями.

В связи с Петриком дело обстоит иначе. Те сведения, которыми располагают исследователи о настроениях на Запорожье, о столкновениях здесь сторонников и противников Петрика, почерпнуты из сведений, доставлявшихся различными осведомителями Мазепы и пересылавшимися гетманом в Москву. Величко, как сотрудник канцелярии, имел доступ к этим материалам. В свою «Летопись» он включил целый ряд грамот, посылавшихся Мазепой царю в течение 1692 г. Он, очевидно, сознательно опустил факты, не отвечавшие созданному на страницах его повествования образу Сечи. В украинской литературе неоднократно высказывалась точка зрения, что «Летопись» Величко не получила распространения на Украине из-за симпатий автора к Запорожью¹⁹³. Думается, однако, что Запорожье, как оно описано у Величко, не могло вызывать антипатий казацкой верхушки.

Подводя итоги, следует сделать вывод, что, несмотря на ряд значительных новаций, Самоил Величко создал образ прошлого, который принципиально не расходится с образом, созданным в «Летописи» Григория Грабянки. Оба летописца стремились к укреплению места и значения социальной элиты в украинском обществе. В конечном итоге и то поучение, которое хотели дать

авторы этой элите, было во многом сходным. Уже у Грабянки можно встретить ряд отрицательных суждений о раздорах в правящей элите Левобережного гетманства. Осуждение таких раздоров между разными частями политической элиты становится одной из главных тем повествования Величко. Такие раздоры летописец многократно осуждает от своего имени и от имени хранителя казацких традиций — Запорожской Сечи. Такой призыв становился актуальным в условиях, когда элита гетманства вела борьбу за восстановление автономии, нарушенной распоряжениями Петра I. Величко мог рассчитывать, что с избранием гетманом Даниила Апостола такой результат мог быть достигнут.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дзира Я.І. Самійло Величко та його літопис // Історіографічні дослідження в Україні РПР. Київ, 1971. С. 202.

² О статусе канцеляристов см.: Панащенко В.В. Соціальна еліта Гетьманщини (друга половина XVII–XVIII ст.) Київ, 1995. С. 76–77.

³ Самоил Величко. Летопись событий в Юго-Западной России в XVII веке (далее — ЛВ). Т. III. Киев, 1855. С. 90.

⁴ ЛВ. Т. I. Киев, 1848. С. 4–5.

⁵ ЛВ. Т. III. С. 90.

⁶ Дзира Я.І. Указ. соч. С. 200–201.

⁷ Бовгиря А.М. Козацьке історіописання в рукописній традиції XVIII ст. // Історія українського козацтва. Т. II. Київ, 2007. С. 264.

⁸ Таїрова-Яковлева Т.Г. Літопис Самійла Величко: до питання про нове академічне видання // Український історичний журнал. 2012. № 2. С. 193.

⁹ Бовгиря А.М. Козацьке історіописання. С. 261.

¹⁰ ЛВ. Т. I. С. V.

¹¹ ЛВ. Т. II. Київ, 1851. С. 513 и сл.

¹² Таїрова-Яковлева Т.Г. Літопис... С. 193 и сл. См. и замечания самого Величко, что грамота Алексея Михайловича находится в рукописи не на месте «з помилки прежних переписчиков». ЛВ. Т. II. С. 235.

¹³ Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси. Киев, 1888. С. 58 (летописная запись о избрании Даниила Апостола гетманом, а Василия Кочубея полковником).

¹⁴ Там же. С. 190–192.

¹⁵ ЛВ. Т. III. С. 55.

¹⁶ ЛВ. Т. III. С. 387.

¹⁷ Там же. С. 543.

¹⁸ Таїрова-Яковлева Т.Г. Літопис... С. 194.

¹⁹ ЛВ. Т. IV. Киев, 1864. С. II.

²⁰ ЛВ. Т. IV. С. VII.

²¹ Вопрос о работе Величко с этим своим источником подробно рассмотрен в работах: Петрикевич В. Літопис Самійла Величко а «Вojна домовча» Самійла Твардовського. Тернополь, 1910; Клепацький П.Г. Літопис Самійла Величко. Полтава, 1926.

²² ЛВ. Т. I. С. 6.

- ²³ Там же. С. 54.
- ²⁴ *Петровський М.М.* Псевдодіяриш Самійла Зірки // Записки іст.-філ. відділу Укр. АН. Кн. XVII. Київ, 1928.
- ²⁵ ЛВ. Т. I. С. 191, 339–340; т. II. С. 22, 96–97, 222, 289, 461, 545–546.
- ²⁶ Таков рассказ о гибели Искры, «знатного товарища» из Полтавы в 1659 г. (ЛВ. Т. I. С. 362–364), о волнениях в Полтаве после убийства Брюховецкого (ЛВ. Т. II. С. 165).
- ²⁷ ЛВ. Т. II. С. 23–25, 29–30, 41 и сл., 372.
- ²⁸ ЛВ. Т. II. С. 385, 419 и сл., 433, 476.
- ²⁹ *Бовгиря А.М.* Козацьке історіописання... С. 263.
- ³⁰ *Грушевський М.С.* Історія України–Руси. Т. X. Київ, 1998. С. 102–103.
- ³¹ *Яковенко Н.М.* Нарис історії середньовічної та ранньомодерної України. Київ, 2005. С. 442–443.
- ³² ЛВ. Т. I. С. I.
- ³³ Там же. С. IV–V.
- ³⁴ ЛВ. Т. I. С. 1.
- ³⁵ ЛВ. Т. I. С. 31.
- ³⁶ ЛВ. Т. I. С. 31, 291–292.
- ³⁷ ЛВ. Т. I. С. 81–82.
- ³⁸ ЛВ. Т. I. С. 291.
- ³⁹ ЛВ. Т. I. С. 89.
- ⁴⁰ ЛВ. Т. I. С. 292.
- ⁴¹ ЛВ. Т. IV. С. 3.
- ⁴² ЛВ. Т. I. С. 82.
- ⁴³ ЛВ. Т. I. С. 23–24.
- ⁴⁴ ЛВ. Т. I. С. 20.
- ⁴⁵ ЛВ. Т. I. С. 21–22.
- ⁴⁶ ЛВ. Т. IV. С. 144.
- ⁴⁷ ЛВ. Т. IV. С. 135.
- ⁴⁸ Там же. С. 139.
- ⁴⁹ Там же. С. 140.
- ⁵⁰ ЛВ. Т. IV. С. 137.
- ⁵¹ ЛВ. Т. I. С. 11.
- ⁵² Там же. С. 13.
- ⁵³ Там же. С. 297.
- ⁵⁴ Там же. С. 298–299.
- ⁵⁵ ЛВ. Т. I. С. 37–38.
- ⁵⁶ ЛВ. Т. I. С. 85.
- ⁵⁷ Там же. С. 29.
- ⁵⁸ Там же. С. 35.
- ⁵⁹ ЛВ. Т. I, прил. С. 33–36.
- ⁶⁰ ЛВ. Т. I. С. 173.
- ⁶¹ ЛВ. Т. I, прил. С. 38–42.
- ⁶² ЛВ. Т. I, прил. С. 43–47.
- ⁶³ ЛВ. Т. I, прил. С. 47–49.
- ⁶⁴ ЛВ. Т. I. С. 26.
- ⁶⁵ ЛВ. Т. I. С. 53.
- ⁶⁶ ЛВ. Т. I. С. 80.
- ⁶⁷ ЛВ. Т. I. С. 72.
- ⁶⁸ ЛВ. Т. I. С. 75.

- ⁶⁹ *Марченко М.І.* Українська історіографія. Київ, 1959. С. 78.
- ⁷⁰ ЛВ. Т. IV. С. 12.
- ⁷¹ ЛВ. Т. IV. С. 14.
- ⁷² ЛВ. Т. IV. С. 13, 15, 18–21, 23.
- ⁷³ ЛВ. Т. I. С. 106–107.
- ⁷⁴ ЛВ. Т. I. С. 174.
- ⁷⁵ ЛВ. Т. I. С. 335 и сл., 391 и сл..
- ⁷⁶ *Дзира Я.І.* Указ. соч. С. 208, 210; *Бовгиря А.М.* Козацьке історіописання. С. 261–262.
- ⁷⁷ ЛВ. Т. I. С. 3–7.
- ⁷⁸ См. об этом подробнее *Дзира Я.І.* Указ. соч. С. 207, 210, 219.
- ⁷⁹ ЛВ. Т. II. С. 7.
- ⁸⁰ Літопис Самовидця (далее — ЛС) / Від. підг. Я.І. Дзира. Київ, 1971. С. 64, 65.
- ⁸¹ ЛВ. Т. I. С. 119.
- ⁸² ЛВ. Т. II. С. 37.
- ⁸³ *Бовгиря А.М.* Козацьке історіописання. С. 258.
- ⁸⁴ ЛС. С. 77, 78.
- ⁸⁵ Летопись Грабянки (далее — ЛГ). Киев, 1854. С. 158, 165.
- ⁸⁶ ЛВ. Т. I. С. 328. См. также «Отчизны вашей разорители... Виговский и Пушкар полтавский». Т. II. С. 39.
- ⁸⁷ ЛВ. Т. I. С. 318.
- ⁸⁸ ЛВ. Т. I. С. 328.
- ⁸⁹ ЛВ. Т. I. С. 327.
- ⁹⁰ ЛВ. Т. I. С. 340.
- ⁹¹ *Грушевський М.С.* Історія України–Руси. Т. X. С. 154.
- ⁹² ЛВ. Т. II. С. 39.
- ⁹³ ЛВ. Т. I. С. 398–399.
- ⁹⁴ *Флоря Б.Н.* Русское государство и его западные соседи (1655–1661 гг.). М., 2010. С. 524.
- ⁹⁵ ЛС. С. 105.
- ⁹⁶ ЛГ. С. 198.
- ⁹⁷ ЛВ. Т. II. С. 162–164.
- ⁹⁸ ЛВ. Т. II. С. 164.
- ⁹⁹ *Костомаров Н.И.* Руина // *Костомаров Н.И.* Собрание сочинений. Кн. VI. СПб., 1905. С. 364.
- ¹⁰⁰ Цит. по: *Дядиченко В.* Нариси суспільно-політичного устрою Левобережної України кінця XVII – початку XVIII ст. Київ, 1959. С. 94, 96.
- ¹⁰¹ ЛВ. Т. III. С. 53.
- ¹⁰² *Костомаров Н.И.* Собрание сочинений. Кн. 6. СПб., 1905. С. 438–439.
- ¹⁰³ ЛВ. Т. III. С. 108.
- ¹⁰⁴ ЛС. С. 88.
- ¹⁰⁵ Там же. С. 92.
- ¹⁰⁶ ЛС. С. 95.
- ¹⁰⁷ Там же. С. 101.
- ¹⁰⁸ Там же. С. 101–102.
- ¹⁰⁹ Там же. С. 121.
- ¹¹⁰ Там же. С. 153.
- ¹¹¹ ЛГ. С. 18–20.
- ¹¹² Там же. С. 175.
- ¹¹³ Там же. С. 178.

- 114 Там же. С. 179–180.
 115 Там же. С. 181.
 116 Там же. С. 192.
 117 ЛВ. Т. I. С. 43.
 118 Там же. С. 44.
 119 Там же. С. 51 і сл.
 120 Там же. С. 70.
 121 Там же. С. 74 і сл.
 122 ЛВ. Т. I. С. 167–168.
 123 Там же. С. 169–170.
 124 ЛВ. Т. I. С. 307.
 125 *Яковенко Н.М.* Нарис... С. 442–443.
 126 *Грушевський М.С.* Історія України–Руси. Т. X.. С. 82–84, 90–91, 103 і сл.
 127 Листи Івана Сірка. Матеріали до українського дипломатію / Укл. Ю.А Мищик, М.В. Кравець. Київ, 1995. № 15.
 128 Там же. № 18.
 129 Там же. № 22.
 130 ЛВ. Т. I. С. 353–356.
 131 ЛВ. Т. II. С. 31–34.
 132 ЛВ. Т. II. С. 98–100.
 133 *Яковенко Н.М.* Нарис... С. 442.
 134 ЛВ. Т. II. С. 348.
 135 Там же. С. 167.
 136 Там же. С. 302.
 137 Там же.
 138 ЛВ. Т. II. С. 393.
 139 *Апанович О.М.* Запорізька Січ у боротьбі проти турецько-татарської агресії (50–70-і роки XVII ст.). Київ, 1961. С. 22–23.
 140 Акты, относящиеся к истории Юго-Западной России (далее — АЮЗР). Т. IV. СПб., 1863. № 41. С. 59–60.
 141 *Апанович О.М.* Указ. соч. С. 30–31.
 142 Там же. С. 34.
 143 Цит. по: *Апанович О.М.* Указ. соч. С. 175.
 144 *Апанович О.М.* Указ. соч. С. 23–25, 28.
 145 *Апанович О.М.* Указ. соч. С. 26–28.
 146 О «показаченных», настроениях в их среде, их первых столкновениях с властью см.: *Яковлева Т.Г.* Гетьманщина в другій половині 50-х років XVII століття. Причини і початок Руїни. Київ, 1988. С. 79 і сл.
 147 Цит. по: *Яковлева Т.Г.* Гетьманщина... С. 85.
 148 *Грушевський М.С.* Історія України–Руси. Т. X.. С. 111, 114–115.
 149 Подробная характеристика событий см. *Яковлева Т.* Руїна Гетьманщини: Від Переяславської ради-2 до Андрусівської угоди (1659–1667 рр.). Київ, 2003. С. 308 і сл.
 150 Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси. Киев, 1888. С. 21.
 151 ЛС. С. 91–92.
 152 *Станіславський В.В.* Запорозька Січ у другій половині XVII – на початку XVIII ст. // Історія українського козацтва: Нариси в 2-х томах. Т. I. С. 565.
 153 АЮЗР. Т. VI. СПб., 1869. № 60. С. 174.
 154 РГАДА. Ф. 210 Белгородский стол. Стб. 600. Л. 933–934.
 155 АЮЗР. Т. VI. № 62.

- 156 РГАДА. Ф. 210 Белгородский стол. Стб. 656. Л. 717–718, 885.
- 157 Там же. Л. 382–383.
- 158 *Станіславський В.В.* Запорозька Січ... С. 567.
- 159 АЮЗР. Т. VII. СПб., 1872. № 32. С. 84–85.
- 160 *Смолій В., Степанков В.* Правобережна Україна у другій половині XVII–XVIII ст.: проблема державотворення. Київ, 1993. С. 42.
- 161 АЮЗР. Т. VII. № 31. С. 83.
- 162 *Апанович О.М.* Запорізька Січ... С. 217.
- 163 АЮЗР. Т. VI. № 71. С. 251.
- 164 *Станіславський В.В.* Запорозька Січ... С. 569.
- 165 *Pisma do wieku i spraw Jana Sobeskiego.* Т. 1. Cz. 1. Kraków, 1880. № 145.
- 166 АЮЗР. Т. VII. № 36. С. 103.
- 167 РГАДА. Ф. 210 Московский стол. Стб. 409. Столпик 3. Л. 68, 75.
- 168 *Чухліб Т.* З історії політичної боротьби в Українській державі у 60–70-х роках XVII ст.: Діяльність правобережного гетьмана Михайла Ханенка // *Середньовічна Україна.* Вип. 2. Київ, 1997.
- 169 *Баньши-Каменский Д.Н.* Источники Малороссийской истории. Ч. II (1691–1722 гг.) // *Чтения ОИДР.* 1859. Кн. I. С. 147.
- 170 *Апанович О.М.* Запорізька Січ... С. 26–28.
- 171 *Костомаров Н.И.* Мазепа // *Костомаров Н.И.* Исторические монографии и исследования. Кн. VI. СПб., 1905. С. 432.
- 172 Там же. С. 437.
- 173 Там же.
- 174 *Станіславський В.В.* Запорозька Січ та Річ Посполита: 1686–1699. Київ., 2004. С. 319–320.
- 175 Там же. С. 321.
- 176 *Станіславський В.В.* Запорозька Січ... С. 560.
- 177 *Костомаров Н.И.* Мазепа... С. 524.
- 178 ЛВ. Т. II. С. 379.
- 179 ЛВ. Т. II. С. 559–560.
- 180 ЛВ. Т. III. С. 172.
- 181 ЛВ. Т. I. С. 387.
- 182 Перечень «Летописи» заставляет вспомнить текст Коломацкий статей 1687 г., приведенных в том же источнике – «великое междоусобие и невинных кровей розлитие ... чинища от своевольных людей ... понеже, оставя они работы свои пахотния мужики, будники, виокури, а отзываютца козаками». – ЛВ. Т. III. С. 42–43.
- 183 ЛВ. Т. II. Вставка по копии между с. 36–37.
- 184 ЛВ. Т. II. С. 163.
- 185 Там же. С. 100.
- 186 Там же. С. 166–170, 177–178.
- 187 ЛВ. Т. II. С. 224–226.
- 188 Там же. С. 339.
- 189 Там же. С. 365, 370–371.
- 190 ЛВ. Т. III. С. 112.
- 191 Там же. С. 95.
- 192 Там же. С. 104–105.
- 193 См., например, *Бовгиря А.М.* Козацьке історіописання... С. 260.

Мария Александровна
МАХАНЬКО

КУЛЬТУРНОЕ ВЛИЯНИЕ МАЛОРОССИИ В ЦЕРКОВНОМ ИСКУССТВЕ КАЗАНСКОЙ ЕПАРХИИ XVII—XVIII ВВ.

Малороссийское (украинское) влияние на культуру и быт России стало нарастать с присоединением Левобережной Украины в 1654 г. и Киева в 1681 г. С петровского времени (90-е гг. XVII в. — 1725) и на протяжении всего XVIII в. оно охватывало различные аспекты культурной и повседневной жизни Церкви в России. Его стали раньше изучать на материале церковного образования и быта¹. В современной науке все больше уделяется внимания памятникам России позднего Средневековья и раннего Нового времени, в которых это влияние запечатлелось в художественных формах — в изобразительном искусстве, иконописи, декоративно-прикладном или в монументальных формах зодчества². Мы хотим обратить внимание на памятники, находящиеся на территории Казанской епархии, к возникновению которых были причастны архиереи-малороссы либо мастера, испытывавшие малороссийское влияние.

Уже со второй половины XVII в. в Казанской епархии получают известность киевские иконы. Например, на территории казанского посада за рекою Булак (к юго-востоку от крепости) в 1665 г. была построена церковь во имя Печерской иконы Божией Матери с придельной церковью во имя свв. Бориса и Глеба³. В церковь практически сразу после ее возведения был вложен ряд драгоценных предметов, например, напрестольный крест при митрополите Лаврентии II в 1671 г., серебряное кадило в 1676 г.⁴ Почитание самой Печерской иконы, размещавшейся в придельном Борисоглебском храме, началось в конце XVII — начале XVIII в., когда произошел ряд чудесных исцелений. Они были зафиксированы в особом сказании, известном по рукописи

1870 г. и опубликованном в пересказе протоиереем Е.А. Маловым в 1884 г.⁵ Первое чудо произошло в 1682 г., когда икона еще находилась в церкви во имя свв. Бориса и Глеба, а в 1696 г. икона получила в знак особого почитания киот, в надписи на котором она поименована иконой «Одигитрии, нарицаемые Печерские»⁶. Храмовым образом в Печерской церкви икона могла стать после сноса Борисоглебского придела в 1782 г.⁷, а к началу XIX в., видимо, была перенесена в соседний с Печерской церковью Успенский собор⁸.

Росту украинского влияния в искусстве Казанского края XVIII в. способствовало то, что целый ряд епископов с конца 20-х и до середины 70-х годов происходил из Малороссии. Это были люди, знакомые друг с другом, служившие одному делу и призывавшие друг друга себе на смену. Уроженец Минска, польской Литвы, шляхтич Илларион Рогалевский (1732–1735)⁹ задумал в Казани духовную семинарию и для этого приглашал выпускников Киевской духовной академии¹⁰. Так в Казани оказался Вениамин Григорович, с хорошим аттестатом, заверенным преосвященным Рафаилом Киевским, с 1736 по 1744 гг. он обучал богословию, греческому языку, отчасти математике, занимался катехизацией и проповедями, позднее сам занял Казанскую кафедру и возглавлял ее почти 20 лет (1762–1782)¹¹. Еще одним выпускником Киево-Могилянской академии был архиепископ Лука Конашевич (1738–1755), постриженник преосвященного Варлаама Ванатовича. О Луке Конашевиче настоятель казанского Спасо-Преображенского монастыря архимандрит Платон (Любарский) писал так: «В бессмертную сего мужа похвалу можно прибавить, что казанская епархия своим просвещением, благочинием и добрым во всем порядком ему первому должна»¹². Архиепископ Лука продолжал поддержку духовной семинарии в Казани, при нем была учреждена «новокрещенская» Контора в Свяжске (1731); он поддерживал престиж древнего свяжского Успенского монастыря, одаривая его настоятелей, например, архимандрита Сильвестра Гловатского, также малороссиянина, выпускника Киевской академии и преподавателя Казанской семинарии, которому был подарен серебряный посох¹³. Еще один архимандрит того же монастыря был выпускником Киевской академии и сотрудником ар-

хиепископа Луки — Евмений Скаловский (1750—1767). «Талантливый малоросс»¹⁴, выпускник киевской академии, он поступил в Казанскую семинарию. Евмений Скаловский, Сильвестр Гловатский и Вениамин Пуцек-Григорович вместе работали в свияжской «новокрещенской» Конторе. Сильвестр Лебединский, также малоросс и выпускник Киевской академии, был архимандритом свияжского Успенского монастыря в 1797—1799 гг.

Выходцы из Малороссии занимали пост архимандрита старинного казанского Спасо-Преображенского монастыря. Герман II (Барутович), постриженник Киево-Братского монастыря, был возведен в архимандриты казанского Спасо-Преображенского монастыря (1732—1737)¹⁵ архиепископом Илларионом и развернул активную строительную деятельность. При нем были растесаны окна соборного храма конца XVI в., очевидно, прежде всего в алтарных апсидах и восточных ячейках боковых фасадов, что позволило улучшить освещение во время богослужения; был создан новый иконостас¹⁶. Изменения коснулись перестройки братских келий и надвратной церкви над святыми воротами монастыря, имевшей с середины XVII в. посвящение Положению честных риз Богородицы, а теперь посвященной великомученице Варваре¹⁷. Тот же пост занимал Феофил Игнатович (архимандрит в 1754—1765 гг.)¹⁸, призванный из Киевской академии архиепископом Лукой Конашевичем для преподавания в казанской семинарии и принявший постриг уже в Казани «в архиерейском доме»¹⁹. Он был некоторое время настоятелем Успенского Зилантова монастыря близ Казани. Этому настоятелю выпала доля возрождать Спасо-Преображенский монастырь после пожара 1749 г., совершить настоящее дело обновления обители. Тогда были переделаны заново все главы на соборе, оштукатурены стены снаружи и внутри, созданы новые иконостасы в главном храме и приделах («построены, написаны, вызолочены и освящены»²⁰). Архимандрит Феофил делал много заказов ювелирам: по его распоряжению была обложена медью гробница (рака) святителя Варсонофия, епископа Тверского и Казанского чудотворца (основателя монастыря), затем позолочена и расписана; созданы две новые архимандричьи шапки, серебряные венцы к иконам, лампады; вероятно, большое число новых облачений («множество

настоятельской и братской ризницы»²¹). Некоторое время настоятелями были выпускники Киевской академии Вениамин (Пуцек-Григорович) (1744–1748), будущий архиепископ Казанский и Свяжский; Константин Борковский, призванный из Киева на должность учителя в Московскую академию, где был также и проповедником. Возглавляя казанский монастырь (1767–1772)²², он занимался и преподавательской деятельностью — был ректором и учителем богословия²³. Одним из самых замечательных настоятелей Спасского монастыря стал архимандрит Платон (Любарский), уроженец черниговской земли, города Мены, также получивший образование в Киевской академии, откуда был вызван на Вятку, а в 1772 г. Вениамином (Пуцек-Григоровичем), епископом Казанским и Свяжским, произведен в настоятеля Спасского монастыря (до 1785 г.)²⁴. Архимандрит Платон также продолжал строительные и ремонтные работы в соборе и других монастырских зданиях (больничной церкви Сампсония и надвратной Варвары), пополнял ризницу, заказывал церковную утварь. Главным его трудом следует считать сборник материалов, в котором собраны Жития святых Гурия и Варсонофия, чудотворцев Казанских и другие сведения о древностях и «достопамятностях», связанных с Казанской епархией и ее историей. Сборник был составлен в 1782 г. и опубликован в 1868 г.²⁵ и поныне сохраняет свое значение не только как часть научной историографии о Казани, но и как исторический источник.

Яркость и красочность южной архитектуры повлияли, возможно, на скульптурную декорацию и полихромную Петропавловского собора (1723–1726). Первым обратил внимание на его архитектуру как проявление стиля барокко П.М. Дульский²⁶. Некоторые особенности ее яркого облика были связаны с подражанием строгановским постройкам в Поволжье, например, возводившейся в то же время в Нижнем Новгороде Рождественской (в честь Собора Богородицы) «строгановской» церкви. Наиболее впечатляет в архитектуре Петропавловского собора Казани активное узорочье — объемная лепнина на колонках и угловых тягах внешних фасадов, внутри на стенах и сводах храма, трапезной; эти лепные композиции представляют искусные обрамления из цветов, листьев, виноградных лоз, связок плодов — груш

и персиков, имеют полихромную раскраску и близки не только столичным усадебным храмам той эпохи, но и украинским памятникам зодчества²⁷. Именно монументальная архитектурная пластика создавала очарование архитектурного образа в барочном стиле. Основной объем церкви во имя Московских чудотворцев на подворье Раифского монастыря в Казани (1739) по типологии и композиции очень близок Петропавловскому собору: тот же двухсветный наос с композицией из окон — два сверху и три внизу; отделенный от него карнизом нижний этаж-подклет²⁸. Скупая декорация в виде простых оконных наличников, оживленных лишь небольшими фронтонами, объясняется практическими причинами (монастырский заказ, а не купеческий), но не способна наполнить образ храма той жизнелюбивой, полнокровной красотой, растительным изобилием, которое и должно напомнить о рае.

Влияние украинской культуры сказывается в архитектуре и изобразительном искусстве на территории Казанской епархии в 30-е гг. XVIII в.²⁹ В 1733 г. начали покрывать заново центральную главу кафедрального Благовещенского собора, в 1734–1736 гг. — остальные 4 главы, главы были вызолочены в 1744 г.³⁰ Центральной главе была придана грушевидная форма, в сочетании с золочением она уподобляла казанский собор древнейшим храмам Киева — Софийскому собору³¹ или Успенскому собору Киево-Печерской лавры³². Не следует забывать, что на рубеже XVII–XVIII вв. шли активные работы по перестройке, созданию новых покрытий и глав, декоративных украшений и в других зданиях Киево-Печерской лавры. Получила новый облик древняя Троицкая надвратная церковь лавры³³, возводилась новая пятиглавая церковь Всех святых над Экономическими воротами лавры (1696–1698, приписывается архитектору Д.В. Аксамитову)³⁴, церковь Николая Больничного³⁵. В этот же период (очевидно, в 1740-х гг.³⁶) была заменена подобной же формой глава Успенского собора в одноименном свияжском монастыре. Помимо того была переделана первоначальная, видимо, восьмискатная кровля на единую, полусферическую; прясла фасадов были подняты на одинаковую высоту и отмечены декоративными фигурными аттиками, которые были расписаны, дополняя ансамбль старинных

настенных росписей собора. В центре каждого аттика находится полукруглая ниша в обрамлении полуколонок, видимо, здесь и находились изображения, скорее всего, отдельных святых³⁷. Формой аттики различаются, каждая из них чрезвычайно выразительна: все они имеют волютообразные очертания по бокам, увенчиваются подобием разорванного треугольного фронтона. В общей компоновке аттиков отмечена вертикальная ось — в центре фасада аттик имеет несколько больший размер, его завершение сделано трехъярусным и напоминает небольшую пирамидку, увенчанную миниатюрной главкой. Боковые аттики несут ажурные металлические кресты. Формы и очертания декоративных элементов в аттиках напоминают фронтоны отдельных корпусов Киево-Печерской лавры, возведенных в XVII–XVIII вв., с волютообразными очертаниями — Кельи соборных старцев (1720–1721)³⁸, Ковнировский³⁹. В своем стремлении украсить, обновить, осовременить облик древних храмов Казанской земли, наполнить его ризницы и книгохранилища современными, прекрасными предметами богослужения и книгами казанские иерархи не были одиноки. Это желание отличало и других архиереев-малороссов, поставленных на великорусские кафедры, например, Псковского архиепископа Симона (Тодорского)⁴⁰.

С появлением архимандритов-малороссов связаны и переделки в старинных храмах Свяжска, призванные улучшить освещение в алтарной части. В Успенском соборе свяжского мужского монастыря было растесано древнее окно в алтаре и добавлены по его сторонам два окна меньшего размера, сделаны окна в алтарных северной и южной апсиде, в обеих зонах западного прясла на южном фасаде; после пристройки трапезной с крыльцом древнее щелевидное окно в центральном прясле было почти заложено, за исключением верхней части, растесанной выше уровня перекрытия трапезной. Новые окна имели прямоугольные завершения и деревянные расписные «потолки», украшенные орнаментальными мотивами (вьющиеся цветущие стебли, венки по сторонам креста). Как правило, при этом были утрачены фрагменты древних стенописей около 1605 г. Снаружи древние и новые окна получили одинаковое обрамление — в виде прямоугольных наличников с полуколонками по сторонам и завершением в виде «гребня».

Иконы из Киева продолжали поступать в Казань и ее земли в начале XVIII в., в том числе благодаря незаурядным обстоятельствам. Как и во многих случаях, объединяющей оказалась фигура царя-реформатора, для которого и древний Киев, и полуазиатская Казань представляли интерес с точки зрения различных политических, военных и экономических задач. Вероятно, вместе с Петром I в Казань попала икона Богоматерь «Неопалимая купина», подаренная ему в Киеве и сопровождавшая его в персидском походе. Она позднее принадлежала казанскому губернскому прокурору Г.И. Солнцеву, который вложил ее в домовую церковь казанского тюремного замка; на иконе был изображен двуглавый орел с образом Богоматери «Неопалимой купины» посередине и ликами святых по окружности⁴¹. Вероятно, эта несохранившаяся историческая реликвия была сродни другим примерам барочных изводов 1-й четверти XVIII в., в которых использовалась государственная символика — например, иконам «Азовская Божия Матерь»⁴², Ильинская-Черниговская или редчайшим памятникам, как икона устюженского мастера Семена Иванова «Орел зря в Вышних Бога» (1729 г., ныне в Национальном музее Стокгольма)⁴³. Из Киева жители Среднего Поволжья вывозили иконы, например, «вымененная» козмодемьянскими стрельцами Киево-Печерская икона Божьей Матери была принесена в Козмодемьянск и поставлена в церкви Богоявления (каменная с 1734 г.)⁴⁴. Список с иконы Богоматери Черниговской (явлена в 1662 г.), написанный в 1722 г. «Крещенским Киевлянином» (по надписи), бытовал в Никольской церкви свияжского Успенского монастыря⁴⁵; не исключено, что эта икона появилась при архимандрите Платоне Любарском (управлял монастырем в 1785–1787 гг.), уроженце черниговских земель.

В Казанской епархии был известен тип церковного здания, отдельные черты архитектуры которого указывают на знакомство с украинским зодчеством: это храм, окруженный с трех сторон полукруглыми пристройками-«певницами», апсидами. Он получил распространение в усадьбах московских придворных конца XVII — начала XVIII вв.⁴⁶ В Казани владельцем, способным построить подобный храм, был помещик генерал-майор М.Н. Кудрявцев, сын казанского вице-губернатора Н.Е. Кудряв-

цева и приближенный Петра I. Возведенные с таким планом здания — это церковь в его усадьбе в селе Каймары (ныне Лаишевский район Республики Татарстан) во имя преподобного Кирилла Белозерского с приделами Александра Невского и Мефодия Патарского (1723)⁴⁷ и церковь великомученицы Варвары на его же загородном дворе близ Сибирской заставы в Казани (по антиминсу датируется 1781 г., полностью перестроена в новом стиле в начале XX в.)⁴⁸. Семья Кудрявцевых занимала видное положение в казанском обществе и могла позволить себе заказ иконостаса для усадебной церкви в Вене⁴⁹; позднее в церкви села Каймары почиталась чудотворная Краковская икона Божией Матери; по преданию, обретенная в 40-х годах XVIII в. свящ. Тимофеем Вороновым и крестьянином Симоном в лугах, праздновалась 26 сентября⁵⁰.

Киевской была предыстория мощей великомученицы Варвары, хранившихся в храмах Казанской епархии⁵¹. По заказу архимандрита казанского Спасо-Преображенского Германа II (Барутовича) для надвратной церкви, посвященной великомученице, была написана храмовая икона с ее образом, на которой в правую руку святой был вставлен мощевик с частицей мощей, «испрошенных из Киева»⁵². Не исключено, что храмовая икона Варваринской церкви у Сибирской заставы в Казани, в среднике которой также был мощевик (не на уровне фигуры, а на пейзаже), восходила к этой монастырской святыне. По стилю исполнения, явно барочному — с небом, закрытым облаками, прорывающимся сквозь них лучом света, темным ландшафтом, подчеркивающим фигуру святой, икона близка произведениям украинской иконописи. Более всего это сходство проявляется в облике святой: милостивое, полное, белое лицо, с темными миндалевидными глазами, темными волосами, сияющими украшениями, которые лишь подчеркивают цветущий облик юной мученицы, — наголовной цепочкой-диадемой и блестящими серьгами, в украшенном цветами платье она чрезвычайно похожа на изображение Богоматери на иконе «Благовещение» — некогда храмовой иконе церкви Киево-Братского монастыря, освященной в 1740 г. (ныне хранится в Национальном музее-заповеднике «Киево-Печерская лавра») ⁵³. Сходны не только типы ликов, белых, чуть полноватых, с мягкой улыбкой и темными волосами, но и неспешные движе-

ния фигур, достойно принимающих Божественную волю. Мастер казанской иконы стремился приблизиться к тому мастерству в передаче расшитых узорами драгоценных тканей, которое было свойственно его киевским коллегам.

Сохранившиеся иконы XVIII в. из Казани и Свяжска свидетельствуют о малороссийском влиянии, об участии мастеров или знакомстве с их приемами письма. Это не уникальный случай для церковного искусства Великороссии в петровские и более поздние времена. С обращением придворной художественной культуры к западным образцам мастера церковных художеств и ремесел должны были совершить те же усилия. Например, эмальерное дело в Троице-Сергиевой лавре с 1747 г. развивалось также благодаря участию мастеров-малороссов⁵⁴. Иконы из неизвестных церквей Свяжска или окрестных сел, в основном составлявших вотчину Успенского монастыря, имеют необычные форматы, например, трапециевидные. Это указывает на иконостасы сложных, барочных форм. Таковы иконы из Музея изобразительных искусств Республики Татарстан с ликами преподобных Антония, Феодосия, Никона Печерских, Стефана Первомученика и святых воинов — Димитрия и Георгия. Их лики округлы, яркий румянец контрастирует со светотеневой трактовкой на краях; пластичность фигур подчеркивается вниманием к анатомии рук, выписанными фалангами указующих пальцев. Фоном для фигур святых служат темнеющие облака, что усиливает эффект драматического ожидания. Некоторые иконы имеют цветные фоны (синие, желтые), яркий колорит, изводы, восходящие к греческим образцам; как «Богородица» (из собрания Государственного музея изобразительных искусств, Казань), на которой Богородица держит в руке цветущую ветку, что сближает ее изображение с изводом «Богородица Неувядаемый цвет»⁵⁵. Парная к ней икона «Иоанн Предтеча» помимо тщательно выписанного лика привлекает к себе внимание тем, как мастер старался передать анатомическое строение рук. Икона «Богородица Одигитрия» написана на ярко-синем фоне; Богородица держит на руках рыжеволосого Младенца, она облачена в мафорий с богато украшенными каймами. По степени узорочья, а также пропорциям и передаче движений свияжскую икону интересно сравнить с почитаемой

иконой «Богоматери Братской» XVIII в. из Братской обители на Подоле, где размещалась Киево-Могилянская академия⁵⁶. Очень похожи контуры склоненных друг к другу голов Матери и Младенца. Не исключено, что малороссийские мастера использовали композиции своих почитаемых образцов в разных регионах: похожий на Братскую и Свяжскую икону вариант можно встретить на небольшой эмалевой иконе с образом Богоматери Владимирской, украшающей оборот драгоценного оклада Евангелия 1754 г. из ризницы Троице-Сергиевой лавры⁵⁷. Схожи пропорции фигур, тип лица Богоматери с чуть вытянутым носом, большими доверчиво распахнутыми глазами; яркое, праздничное сочетание красного с золотом на иконе Богоматери Братской, лазурного фона с малиновым мафорием — на эмалевом изображении Богоматери Владимирской, традиционно вишневого мафория и интенсивного синего фона на иконе из Свяжска; чрезвычайно близки по рисунку каймы мафориев, все расшитые крупными драгоценными камнями в золотых кастах. В духе елизаветинского барокко, впитавшего многое из малороссийской живописной традиции, написана икона «Архангел Михаил с избранными святыми». Сама иконография стандартна, представляет собой сопоставление наиболее почитаемых в сельском быту святых, издавна почитавшихся как покровители скотоводства — мучеников Флора и Лавра, епископа Власия Севастийского и патриарха Модеста («Медоста»). Подчеркнутой объемностью ликов, чрезмерно высветленных, почти белых в освященных частях и темных — в теневых, с яркой алой подрумянкой, активной жестикуляцией (поднятыми или разведенными в стороны руками, обращенными вверх взглядами) и трепетной трактовкой драпировок она близка барочному искусству в т. ч. Украины.

В традициях малороссийского искусства с его любовью к пластичному и живописному создавались облачения и предметы шитья, сохранившиеся от некогда богатых ризниц казанских храмов и монастырей. В собрании Национального музея Республики Татарстан находится фелонь из итальянского бархата, расшитая золотом и серебром, с лицевыми изображениями на спине и плече. На заднем полотнище фелони вышит Деисус с фигурами апостолов и медальонами с Вселенскими святителями. На перед-

ней части — медальоны с Евангелистами. Особенностью вышивки является то, что лики святых не шиты, а написаны масляными красками на небольших пластинках-медальонах. Вероятно, что она происходит из ризницы свияжского Успенского монастыря, где в начале XX в. сберегалась «фелонь бархатная, с разными цветами; оплечье украшено изображениями, шитыми золотом и серебром: сидящий Спаситель и по Его сторонам апостолы, над ними св. Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст, наперед евангелисты»⁵⁸. Это столь подробное описание не оставляет сомнений, что сохранившаяся в собрании Национального музея фелонь происходит из ризницы свияжского Успенского монастыря. Золотым и серебряным шитьем исполнены не только орнаменты, но и фигуры и поясняющие надписи. В Деисусе перед Спасителем стоят апостолы, фигуры которых на отдельных постаментах образуют особый апостольский «чин». Такое внимание именно к образам учеников Спасителя согласуется с миссионерскими традициями монастыря, участием многих клириков Казанской епархии и в том числе настоятелей свияжского монастыря в деятельности «новокрещенской» Конторы. Живописные изображения Евангелистов с подчеркнута объемной, светотеневой моделировкой, подобны статуям и бюстам античных философов. Возможно, подобного уровня фелонь была изготовлена вместе с бархатной митрой в 1767 г. для архимандрита Успенского монастыря Иеронима (Формиковского) (1767–1770)⁵⁹. В том же стиле — с прописью масляными красками шитых ликов — была поновлена палица в казанском Зилантовом монастыре (не сохранилась⁶⁰). Изображение пророка также было выполнено золотыми и серебряными нитями, отличалось затейливым контуром. Предтеча был изображен крылатым, с чашей в левой руке и с посохом в правой. Шитье отличалось хорошим качеством исполнения: «не вполне потерявшая стройность композиция» была омрачена, по мнению Б.П. Денике, лишь неверным угловатым рисунком левой обнаженной ноги. По иконографии изображение довольно интересно. Как правило, пророка в XVI–XVII вв. изображали с благословляющей правой рукой, а все необходимые атрибуты (посох, свиток, чаша с собственной главой или Младенцем-Агнцем) находились

в правой. Здесь в левой руке пророк держал чашу, в правой — посох, свиток отсутствовал, и не было выражено благословение. Изображение было перенесено на новый фон, абрикосовый цвет которого нехарактерен для средневековых шитых произведений. Вероятно, тогда же была шита серебряными нитями надпись, воспроизводящая тропарь святому, исполненная, по словам Денике, «поздним и неискusным шрифтом»⁶¹. К тому же позднему времени относилась раскраска ликов масляными красками, которая придавала несвойственную древнему изображению живописность. Если палица была переделана из древней пелены, то, возможно, архимандрит, которому она предназначалась, управлял монастырем, где был древний, возможно, храмовый образ пророка. Такие иконы были в нескольких монастырях Казани, в том числе в самом Зилантовом — икона в местном ряду иконостаса Успенского собора, на которой пророк был изображен с чашей в руке и Младенцем Христом в ней⁶². Не исключено, что настоятель монастыря, желавший иметь лицевую палицу с образом пророка, управлял до этого Иоанно-Предтеченским монастырем в Казани, основанным позднее Зилантова, возникшего уже в 1550-х гг., но еще в пределах XVI в. Таким архимандритом мог быть Патрикий Аристовский, пришедший из Иоанно-Предтеченского монастыря в Зилантов в 1757–1763 гг.⁶³ Нам неизвестно происхождение архимандрита Патрикия, но особенности поновления несохранившейся палицы, появившейся в монастыре в его время, представляются нам созвучными художественным памятникам, связанным с именами других архиереев и настоятелей из малороссиян. Это внимание к древнему произведению, в данном случае лицевой пелене, желание включить ее в новый культурный контекст, дать новую жизнь, используя как предмет с новой функцией, представляется не просто переделкой. Благодаря масляной прокраске ликов была предпринята возможность усилить выразительность в соответствии со вкусами эпохи барокко середины XVIII в.

В том, что большое число памятников изобразительного искусства было создано под малороссийским влиянием или при участии мастеров из Малороссии, особенно из Киева, Казанская епархия в первой половине — середине XVIII в. не одинока. По-

сколько малороссы-архиереи занимали многие кафедры, искусство тех мастеров, которых они приглашали с собой, обогатило различные регионы России как на юге, например, Воронежскую епархию, так и на востоке, не только Казанскую епархию, но и Тобольскую кафедру, включавшую всю Сибирь. Украинским мастерам приписывают возведение кафедрального Благовещенского собора в Воронеже, который известен теперь лишь по изобразительным источникам и описаниям XIX в.⁶⁴ Распространение церковных зданий «украинского» типа в Воронежской епархии было связано и с близостью самой Украины — южные области принадлежали к старинным малороссийским землям Слободжанщины (Слободско-Украинской губернии) были выделены в 1797 г. шесть уездов Воронежской губернии)⁶⁵. Возведенные здесь в 1780-е гг. здания, например, Троицкий собор Острогожска, даже без участия украинских мастеров тем не менее следовали тем архитектурным типам, что бытовали на Украине. Сохранившиеся памятники архитектуры Тюмени, Тобольска XVIII в. позволяют исследователям видеть устойчивую популярность украинских архитектурных типов и форм⁶⁶; иконы обширных сибирских областей, таких как Енисейский край, демонстрируют ориентацию на иконопись Украины⁶⁷; храмовые иконы для Софийско-Успенского собора Тобольска воспроизводили в качестве образца киевские изводы Софии Премудрости Божией⁶⁸. Малороссийские архиереи в Сибири укрепляли почитание киевских святых подвижников. Во время правления митрополита Иоанна Максимовича при кафедральном соборе Тобольска был возведен придел, посвященный преподобным Антонию и Феодосию Печерским (1704 г., в середине XVIII в. переосвящен во имя свт. Иоанна Златоуста); в это же время пользовался почитанием один из Киево-Печерских преподобных, Иоанн Многострадальный, несколько чтимых резных изображений которого было в Енисейском уезде⁶⁹.

Малороссийское влияние в архитектуре Казанской епархии коснулось лишь наиболее древних храмов и монастырей — кафедрального Благовещенского собора и кремлевского Спасо-Преображенского монастыря в Казани, а также Успенского собора свияжского монастыря, возведенных в XVI в. сразу после присоединения к Московской Руси. Оно не было связано с созданием

новых комплексов и зданий, а затронуло лишь некоторые черты внешнего облика древних сооружений. Получив завершения в стиле барочной киевской архитектуры, древнейшие казанские соборы были отмечены «знаками» древности, включены в круг «православного наследия». Присутствие в казанской иерархии малороссов — выпускников Киево-Могилянской академии оставило след в развитии не только духовного просвещения в Поволжье, но и в архитектуре и художественной культуре. Древнейшие храмы и монастыри Казани и Свяжска, возведенные первыми иерархами и просветителями «инородческого» Поволжья середины XVI в. на границе христианского мира, благодаря участию просвещенных и талантливых архиереев и мастеров из Малороссии, «маркировали» культурную традицию самой Казанской епархии, веки ее истории и величия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Харлампович К.В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. Т. 1.

² Приведем в пример работу: Масиель-Санчес Л.К. К вопросу об «украинизмах» тюменского Троицкого монастыря // Искусство христианского мира: Сборник статей. М., 2003. Вып. 7. С. 234–242.

³ Малов Е.А., прот. Историческое описание церквей города Казани. Казань, 1884. Вып. 1. С. 94–105.

⁴ Там же. С. 91, 92.

⁵ Там же. С. 95–106.

⁶ Там же. С. 101.

⁷ Там же. С. 95.

⁸ Там же. С. 91.

⁹ Платон (Любарский), архим. Сборник древностей Казанской епархии и других принопамятных обстоятельств. Казань, 1868. С. 98.

¹⁰ Там же. С. 103.

¹¹ До 1782 г. уволен на покой, см.: Строев П.М. Списки российских иерархов. СПб., 1877. Стб. 289.

¹² Платон (Любарский), архим. Сборник древностей... С. 103–104.

¹³ Яблоков А.П., прот. Город Свяжск Казанской губернии и его святыни. Казань, 1907. С. 82.

¹⁴ Там же. С. 108.

¹⁵ Строев П.М. Списки российских иерархов. Стб. 294.

¹⁶ Собор, как и весь монастырь, был разрушен в 1927–1930 годах. Позднее на его территории были возведены сооружения для нужд администрации города и республики, размещившихся в Казанском кремле. Сохранились подвалы собора, в которых с 1995 г. велись археологические работы, см.: Фролов Г.В. Путеводитель по храмам и монастырям города Казани. Казань, 2005. С. 13.

¹⁷ Платон (Любарский), архим. Сборник древностей Казанской епархии и других принопамятных обстоятельств. С. 48.

¹⁸ Строев П.М. Списки... Стб. 295.

- ¹⁹ Платон (Любарский), архим. Сборник древностей... С. 49.
- ²⁰ Там же. С. 50.
- ²¹ Там же.
- ²² Строев П.М. Списки... Стб. 295.
- ²³ Платон (Любарский), архим. Сборник древностей... С. 51.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Платон (Любарский), архим. Сборник древностей...
- ²⁶ Дульский П.М. Барокко в Казани. Казань, 1927. С. 6.
- ²⁷ Там же. С. 15.
- ²⁸ Там же. С. 32.
- ²⁹ Там же. С. 25.
- ³⁰ Платон (Любарский), архим. Сборник древностей... С. 99.
- ³¹ Получил барочные фасады и главы в 1685–1707 годах, см.: Кресальный Н.И. Софийский заповедник в Киеве. Киев, 1966. С. 33.
- ³² Новый барочный архитектурный облик фасадов и формы глав возникли после 1718 г., см.: Архитектура Украинской ССР: Альбом / Авторы вввод. статьи: Ю.С. Асеев, Г.Н. Логвин. М., 1954. Т. 1. Ил. 101; Килессо С.К. Киево-Печерская лавра: Памятники архитектуры и искусства. М., 1975. С. 34.
- ³³ Архитектура Украинской ССР: Альбом. С. 13. Илл. 100; Килессо С.К. Киево-Печерская лавра. Ил. 7, 11.
- ³⁴ Архитектура Украинской ССР: Альбом. С. 13. Илл. 99; Килессо С.К. Киево-Печерская лавра. Ил. 50–51. С. 59.
- ³⁵ Архитектура Украинской ССР: Альбом... С. 13. Илл. 102; Килессо С.К. Киево-Печерская лавра. Ил. 47–49. С. 56.
- ³⁶ Яблоков А.П., прот. Первоклассный свияжский мужской Успенский монастырь. Казань, 1907. С. 40.
- ³⁷ По докладу свияжского архимандрита Мартирия, в 1857 г. было предпринято поновление наружной росписи на аттиках Успенского собора и Вознесенской церкви монастыря отпущенным на волю бывшим крепостным помещика г-на Геркена с. Юматова Свияжского уезда, см.: Ключевская Е.П., Маханько М.А. Казанская епархия. Изобразительное искусство // Православная энциклопедия. М., 2012. Т. 29. С. 191.
- ³⁸ Килессо С.К. Киево-Печерская лавра. С. 63, 75. Ил. 56.
- ³⁹ Там же. С. 65–67, 79. Ил. 58–60. Как отмечает автор, фронтоны над корпусом пекарни и книжной лавки возникли в разное время — над хлебопекарней они более вычурны, возведены в 20-е гг. XVIII в., над книжной лавкой — более просты и относятся к 1744–1746 гг., видимо, работы мастера С.Д. Ковнира.
- ⁴⁰ Родникова И.С. «...из собственной келейной его преосвященства суммы» // «Светильник»: Религиозное искусство в прошлом и настоящем. 2003. М., 2003. Вып. 1–2. С. 75–96.
- ⁴¹ Шпилевский С.М. Указатель исторических достопримечательностей города Казани. Казань, 1873. С. 61; Спутник по Казани: Иллюстрированный указатель достопримечательностей и справочная книжка города / Под ред. Н.П. Загоскина. Казань, 1895. С. 193.
- ⁴² Например, происходящая из Саратовской губернии и еще в конце XIX в. вошедшая в состав коллекций ГИМ (Государственный Исторический музей) Россия: Православие: Культура: Каталог выставки ноябрь 2000 – февраль 2001. М., 2000. Кат. 192. Ил. 66–67); Буренкова Е.В. Азовская икона Божией Матери // Православная энциклопедия. М., 2000. Т. 1: А-Алексий Студит. С. 337.
- ⁴³ Красилин М.М. Русская икона XVIII – начала XX вв. // История иконописи: Истоки. Традиции. Современность / Колл. авт. М., 2010. С. 215.
- ⁴⁴ Стариков С.В., Левенштейн О.Г. Православные храмы и монастыри Марийского края. Йошкар-Ола, 2001. С. 10, 19, 34, 81.
- ⁴⁵ Яблоков А.П., прот. Город Свияжск Казанской губернии и его святыни. С. 60. Судьба ее неизвестна.

⁴⁶ Например, в храмах подмосковных усадеб Апраксиных наиболее очевидны украинские элементы архитектуры в виде граненых обрамлений оконных и дверных проемов в Никольском храме Стрелкова (Памятники архитектуры Московской обл.: Кат. / Общ. ред.: Е.Н. Подъяпольская. М., 1975. Т. 2. С. 144), или во Владимирской церкви в Никитском (Там же. С. 175).

⁴⁷ Согласно сведениям из литературы, церковь могла существовать и ранее 1723 г., но, видимо, была деревянной и другой по архитектурному облику. В конце XIX в. сохранился серебряный напрестольный крест, пожертвованный в храм М.Н. Кудрявцевым 6 декабря 1717 г. См.: Обзорение высокопреосвященнейшим Арсением Казанской епархии в 1897 и 1898 гг. Казань, 1898. С. 270.

⁴⁸ Старинный облик известен по гравюре 1837 г. Э. Турнерелли, посетившего Казань, и фотография конца XIX в., см.: Республика Татарстан: Православные памятники. Казань, 1998. С. 62; *Фролов Г.В.* Путеводитель по храмам и монастырям города Казани. С. 33.

⁴⁹ Обзорение высокопреосвященнейшим Арсением Казанской епархии в 1897 и 1898 гг. С. 270. Хотя об этом говорится в ряду других событий петровского времени, вероятно, подобный заказ мог быть сделан значительно позже. Для выяснения подобного обстоятельства необходимо специальное исследование; см. также: *Харламович К.В.* Об изучении церковных древностей Казанского края. Казань, 1909. С. 7.

⁵⁰ Обзорение высокопреосвященнейшим Арсением Казанской епархии... С. 270; см. также: *Харламович К.В.* Об изучении церковных древностей Казанского края. С. 7.

⁵¹ Мощи Варвары издана хранились в древнем киевском Михайловском Златоверхом монастыре. С конца XVII в. части этих мощей начинают появляться в Московской Руси. В 1690 г. боярин Л.Р. Неплюев вложил в новгородский Варваринский монастырь золотой крест, «а в нем мощей ея святыя великомученицы Варвары часть ... а тою частию благословил его боярина во граде Киеве Михайловского монастыря игумен, как он [Л.Р. Неплюев. — М.М.] был воеводою в Киеве, понеже убо святыя великомученицы Варвары мощи ея и до днесь в Киеве лежат нетленныи» — Макарий (Веретеников) архим. Русская святость в истории, иконе и словесности: Очерки русской агиологии: Сборник статей. М., 1998. С. 28–29). Повесть о перенесении мощей св. Варвары в Киев при князе Святополке Изяславиче была написана в 1670 г. Феодосием Сафоновичем.

⁵² *Платон (Любарский), архим.* Сборник древностей... С. 48.

⁵³ Православная икона России, Украины, Беларуси: Каталог выставки. М., 2008. С. 112–113 (далее — Православная икона...).

⁵⁴ *Штотова Л.А.* Троицкая эмальерная школа XVIII — начала XX вв. // Сергиево-Посадский музей-заповедник: Сообщения. 1995. М., 1995. С. 170–171; *Она же.* О взаимосвязи финифтяного промысла Троице-Сергиевой Лавры и Ростова // История и культура Ростовской земли. 1997. Ростов, 1998. С. 105.

⁵⁵ Икона находится на реставрации.

⁵⁶ Православная икона России, Украины, Беларуси: Каталог выставки. С. 122–123.

⁵⁷ Изготовлен мастерами Троице-Сергиевой лавры (1754, Сергиево-Посадский музей-заповедник; *Штотова Л.А.* Троицкая эмальерная школа XVIII — начала XX вв... С. 169. Ил. 63). Эмальерное дело в Троице-Сергиевой лавре с 1747 г. развивалось также благодаря участию мастеров-малороссов, см.: Там же. С. 170–171; а также: *Она же.* О взаимосвязи финифтяного промысла Троице-Сергиевой Лавры и Ростова. С. 105.

⁵⁸ *Яблоков А.П., прот.* Город Свяжск... С. 82.

⁵⁹ Там же. С. 81–82. Упоминается, что она также была выполнена из бархата.

⁶⁰ *Денике Б.П.* Древнерусское шитье в ризнице Зилантова монастыря. Казань, 1917. С. 7, 10–12. Небольшая работа Б.П. Денике была посвящена четырем наиболее древним, по его мнению, предметам лицевого шитья из ризницы Успенского Зилантова монастыря и сопровождалась фотоснимками трех из них. К сожалению, лицевую палицу автор, видимо, не снимал либо по каким-то причинам не поместил ее фотоснимок в окончательный вариант. Автор приводит странный размер произведения 30 на 30 ст. — видимо, стежков; очевидно, что изображение пророка было небольшим. По мнению А.С. Преображенского, выбор такого святого как Иоанн Предтеча может быть связан с посвящением церковного престола в монастыре, которым заказчику или обладателю подобной палицы довелось управлять. Подробнее о типологии оформления расшитых палиц (эпигоналиев, набедренников) лицевыми

композициями см.: *Преображенский А.С.* «Полица Властелинская» // Церковное шитье в Древней Руси: Сборник статей / Ред.-сост.: Э.С. Смирнова. М., 2010. С. 183–235.

⁶¹ *Денике Б.П.* Древнерусское шитье в ризнице Зилантова монастыря. С. 10.

⁶² На основе монастырской описи 1813 г. отмечена А.В. Рошкетаяевым: *Рошкетаяев А.В.* История Свято-Успенского монастыря, что на Зилантовой горе г. Казани. Казань, 2004. С. 84.

⁶³ *Строев П.М.* Списки... Стб. 297. По мнению А.В. Рошкетаяева — в 1760–1763 гг., см.: *Рошкетаяев А.В.* История Свято-Успенского монастыря, что на Зилантовой горе г. Казани. С. 183. Исследователь вслед за П.М. Строевым считает, что было два архимандрита с именем Патрикий и первый управлял монастырем в 1757–1759 годах.

⁶⁴ *Кригер Л.В., Преображенский А.С.* Воронежская и Борисоглебская епархия. Памятники церковной архитектуры // Православная энциклопедия. М., 2005. Т. 9: Владимирская икона Божией Матери — Второе пришествие. С. 381.

⁶⁵ *Митрофан (Шкурин), иером.* Воронежская и Борисоглебская епархия // Там же. С. 369.

⁶⁶ *Масиель-Санчес Л.К.* К вопросу об «украинизмах» ... С. 241.

⁶⁷ Подробнее см.: *Клокова Г.С.* Иконы Енисейского края (по материалам экспедиций 1983–1988 гг.) // Искусство христианского мира: Сборник статей. М., 1996. Вып. 1. С. 101–103; *Исаева Н.Н.* Художественное наследие Приенисейского региона (XVIII – начала XIX вв.): Проблемы иконографии и стиля. Автореф. дис. на соискание уч. ст. д. иск. М., 1997. С. 9, 12, 23, 29–30.

⁶⁸ *Исаева Н.Н.* Художественное наследие Приенисейского региона. С. 9.

⁶⁹ Там же. С. 28–29. Исследователь видит причину такого почитания киевского святого в желании современников выразить почтение свт. Иоанну Максимовичу, митрополиту Тобольскому, небесным покровителем которого и был, очевидно, преподобный Иоанн Многострадальный (Там же. С. 30). См. также: *Она же.* Иоанн Многострадальный на Енисее и Ангаре // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник за 1998. М., 1999. С. 254–263.

*Климентий Климентьевич
ФЕДЕВИЧ*

МАЛУРУССКИЙ МОНАРХИЗМ И ЧЕРНАЯ СОТНЯ В ИМПЕРИИ РОМАНОВЫХ КАК ЧАСТЬ ИСТОРИИ УКРАИНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

В современной России в последние годы большое распространение получили идеи, что украинский народ, украинское национальное движение и государство являются «искусственно» созданными и не имеют право на существование. Такой позиции придерживается не только часть общества, шовинистически настроенные публицисты, но и часть российских профессиональных историков. Идеи об «искусственности» Украины подкрепляются распространенными в российской историографии представлениями о доминировании русской национальной идеи на Украине-Малороссии и маргинальности украинского движения в Российской империи до 1917 г. Утверждается, что украинское движение «создали» польские шовинисты, коммунисты, евреи, а также австрийская и немецкая разведка.

Если даже не обращать внимания на факт, что каждое современное государство и общество «искусственны», так как специально созданы людьми, а не существовали «изначально», тезис о «слабости» украинского движения в монархии Романовых до 1917 г. не отражает действительности. Частью истории украинского национального движения по праву можно считать малорусский вариант российского имперского монархического черносотенного движения. Именно черносотенцы и малорусские монархисты сыграли одну из ведущих ролей в распространении современного украинского национального самосознания среди этнических украинцев Российской империи. Малорусские монархисты проделали значительную часть работы по подготовке массового успеха украинского движения на Надднепрянщине и других украинских землях бывшей Российской империи в 1917–1918 годах.

Весьма парадоксально, что мнение о немногочисленности и слабости украинского движения в Российской империи до 1917 г. разделяется современной украинской историографией. Украинская историография традиционно причисляет к участникам украинского движения в монархии Романовых только представителей небольшой группы либеральной или революционной интеллигенции, которые противопоставляли себя русскому национализму и монархизму. В украинской исторической науке априори считается, что украинский патриот и участник украинского движения до 1917 г. не мог быть одновременно монархистом и сторонником Российской империи и «триединой русской нации», состоящей из отдельных народов: «малорусов», «великорусов» и «белорусов».

В этом отношении украинская историография фактически подходит с двойным стандартом к истории украинского национального движения в империях Романовых и Габсбургов. Она более или менее благосклонно относится к прогабсбургскому монархизму этнических украинцев Галиции. Русинское национальное возрождение Галиции в XIX в. однозначно считается частью истории украинского движения, хотя в нем участвовали как будущие сторонники украинского, так и русского национального выбора. В то же время, в принадлежности к украинскому движению полностью отказано движению малорусского монархизма в рамках общерусского проекта в империи Романовых.

Малорусские монархисты и, с 1905 г., православно-консервативное черносотенное движение¹ по праву должны считаться частью истории украинского движения в Российской империи. Они были самой массовой и влиятельной национальной политической силой на украинских землях монархии Романовых в XIX – начале XX в. В движение входило или разделяло его взгляды большинство православного духовенства. Поэтому, в отличие от немногочисленной украинофильской интеллигенции, малорусские монархисты имели прямой постоянный доступ к украинскому крестьянству и мещанству и оказывали на них большое влияние. Православные священники и Союз русского народа первыми стали действительно массово распространять современное украинское национальное самосознание под названием *ма-*

лорусского. Они распространяли знания по истории украинских земель и героическую мифологизацию украинского казачества среди миллионов украинских крестьян. Без наследия малорусских монархистов крайне малочисленному украинскому движению вряд ли бы удалось в 1917 г. убедить этнических малороссов признать себя украинцами и создать собственное государство.

Огромную роль малорусского монархического и черносотенного движения для истории украинского движения ярче всего можно проиллюстрировать на примере Западной Волыни. Регион, который во время Второй мировой войны стал местом создания Украинской повстанческой армии, до 1914 г. был оплотом малорусского монархизма и черносотенного движения. При этом именно наследие малорусских монархистов и черносотенцев сыграло большую роль в том, что в 1943 г. из волинских украинцев была создана армия для борьбы за украинскую независимость. Отцы и деды многих солдат и офицеров УПА были малорусскими черносотенцами или находились под сильным влиянием их идеологии.

Малорусский монархизм на Волыни и Надднепрянщине по своему типу и движущим силам был очень похож на прогабсбургский монархизм украинско-русинского движения в соседней Восточной Галиции. Как и в случае с Галицией, первыми национальными будителями на Волыни стали священники. Обе церкви, греко-католическая в Галиции и православная на Волыни, в XIX в. направили свои усилия против польского национального движения и в защиту правящих династий². В обоих случаях власти Австрии и России стремились использовать греко-католическую и православную церкви, чтобы сделать украинцев своими союзниками и сделать их религиозное и национальное самосознание антипольским. Общим катализатором такой политики австрийских и российских властей были польские антиавстрийские и антирусские восстания в XIX в.³

В своей агитации православная церковь и государственная администрация Российской империи стремились использовать местные православные антикатолические и антипольские традиционные настроения, к которым апеллировало и украинское движение. В 1860-е гг. царскими властями на Волыни начали

организовываться православно-просветительские братства по аналогии с православными антикатолическими братствами на украинских землях в XVI—XVII вв. Одной из целей новых братств была пропаганда местной православной исторической антипольской и антикатолической традиции. В 1865 г. в Остроге было создано Кирилло-Мефодиевское православное братство, в 1870 г. в Староконстантинове — Братство Святого Креста, в 1873 г. в Луцке — Крестовоздвиженское братство, в 1880 г. в Кременце — Божоявленское Святониколаевское братство, в 1887 г. во Владимире — Свято-Владимирское и в 1888 г. в Житомире — Владимиро-Васильевское.

В братства входило практически все местное православное духовенство, а также многие церковные служащие и представители церковного актива⁴. Весьма характерно, что название первого созданного царскими властями православного братства на Волыни в XIX в., Кирилло-Мефодиевского братства в Остроге, по своему названию перекликалось с названием первой украинской национальной организации на Надднепрянщине — Кирилло-Мефодиевского братства 1845—1847 годов.

Главной задачей православных братств на Волыни была защита православия и поддержка царствующего дома Романовых. Для этого братства занимались пропагандой лозунгов об исконно православном характере Волыни, напоминали о традициях борьбы православных с католицизмом и поляками, а также занимались издательской деятельностью. Волынские братства устраивали общественные чтения для простого народа, организовывали массовые церковные и государственные празднества, распространяли брошюры и портреты царствующей семьи⁵. Одной из самых популярных книг для распространения были «Очерки из истории православной церкви и древнего благочестия на Волыни» протоиерея Андрея (Хойнацкого)⁶. Кроме того, братства активно занимались развитием начального образования и подготовкой учителей сельских школ. Одной из основных задач братств также было строительство и восстановление православных храмов на Волыни⁷.

Можно провести параллель между деятельностью промонархических православно-просветительских братств на Волыни и

знаменитого Ставропигийского братства в соседней австрийской Галиции. Основанное во Львове в 1586 г., Успенское ставропигийское братство⁸ в середине XIX в. при поддержке австрийских властей стало одним из лидеров украинского национального возрождения, которое носило промонархический прогабсбургский характер. Как и волынские братства, Ставропигийское братство занималось религиозным просвещением галицийских русин-украинцев в антипольском ключе и издательской деятельностью⁹.

В 1850-е гг. православная церковь в Российской империи проявляла определенную готовность использовать украинский язык для работы среди этнических украинцев. В этой связи весьма примечательна деятельность в 1879–1882 годах епископа Кременецкого и основателя Святоникалаевского братства в Кременце Виталия (Гречулевича)¹⁰. Он еще в 1840–1850-е гг. издал в Петербурге несколько религиозных пособий для священников на «малороссийском» языке, которые оказались востребованными православным духовенством Надднепрянщины¹¹.

Православная церковь и православные церковные братства были почти единственными, кто в XIX в. вел массовую пропагандистскую работу в западноволынских селах. Их деятельность подготовила успех Союза русского народа и его малорусско-монархической идеологии в начале XX в.¹²

Союз русского народа был создан в 1905 г. при одобрении царя Николая II и финансовой поддержке Министерства внутренних дел. Целью союза, как и всего черносотенного движения, была мобилизация подданных на защиту самодержавия и православия от революции и враждебных национальных движений. Благодаря активной поддержке православного духовенства, Союз русского народа охватил своим влиянием значительную часть украинского крестьянства, которое, за редкими исключениями, до 1917 г. не обладало современным национальным самосознанием. Не менее 200 000 из более чем 400 000 членов союза проживали на территории современной Украины и в основном были украинцами по происхождению. Из нескольких тысяч черносотенных организаций на Украине практически не было ни одной, в которой отсутствовали бы этнические украинцы¹³. Одним из главных оплотов черносотенного движения была Западная Волынь, где ук-

раинские крестьяне на выборах в Государственную думу Российской империи почти единогласно поддерживали Черную сотню.

Союз русского народа и все черносотенное движение были попыткой монархии Романовых повторить успешный опыт не только промонархической религиозной, но и национальной политики династии Габсбургов. К началу XX в. Вене удалось полностью подчинить национальные движения подвластных народов, включая галицийских украинцев, и обеспечить их лояльность монархии. Во время первой русской революции 1905–1907 годов часть правящей элиты Российской империи решила сделать то же самое с национальным движением русских, украинских и белорусских подданных монархии. На вооружение массовой пропаганды была взята концепция триединого русского народа из великороссов, малороссов и белорусов, которые сохраняли бы свои культурные и национальные особенности.

Через Союз русского народа царские власти в 1905 г. начали реально содействовать развитию украинско-малорусского движения как части монархического и общерусского имперского проекта. На украинских и белорусских землях главной целью Союза была не только защита монархии и православия от революционеров и безбожников¹⁴. Не меньшей, а в некоторых украинских регионах гораздо более важной задачей Союза русского народа были защита православия от католицизма и протестантизма, борьба с «еврейским засильем», противодействие польскому влиянию, а также русификация и христианизация преимущественно еврейских городов¹⁵. Угроза со стороны украинского антирусского движения руководством Союза русского народа на Волыни понималась, но не муслировалась в повседневной работе и пропаганде организации.

Главным внутренним врагом на украинских этнических землях Российской империи в XIX и в начале XX в. было польское национальное движение, поднявшее два мощных кровопролитных восстания в 1830 и 1863 годах. Польские националисты претендовали на включение в будущее польское государство всей Правобережной Украины. Польская шляхта на украинских землях значительно превосходила по численности дворянство великорусского и малорусского происхождения. Поэтому на-

стоящим шоком для царских властей стали последствия указа о веротерпимости от 17 апреля 1905 г. В 1905–1907 гг. из православия в римско-католическую церковь перешло не менее 170 000 бывших греко-католиков украинского и белорусского происхождения, которые были насильственно обращены в православие в XIX в. Перешедших в католицизм было бы больше, если бы указ разрешил восстановление греко-католической церкви, а местные власти не заблокировали бы переход в католицизм других православных.

События вокруг указа о веротерпимости наглядно продемонстрировали неэффективность акцентирования внимания в имперской пропаганде на украинских и белорусских землях на православии и монархизме. В кризисных условиях революции 1905–1907 годов у части высшей государственной администрации Российской империи и у руководства Русской православной церкви возникло четкое понимание необходимости развития в нужном русле основанного на местных особенностях национального самосознания малорусского крестьянства. В противном случае, монархия Романовых и православная церковь и дальше теряли бы на украинских землях свое влияние. Также следует учитывать, что в 1905–1907 годах у царских властей впервые появилось множество легальных конкурентов по завоеванию поддержки подданных в лице политических партий и общественных организаций. Часть из них носила украинский характер. В такой ситуации одной из самых эффективных тактик для царских властей стала «игра на опережение» и захват инициативы в национальном вопросе.

Неслучайно, что именно весной 1905 г., сразу после появления указа о веротерпимости, Священный Синод Русской православной церкви принял решение об издании Евангелия на украинском языке¹⁶. Четыре книги Евангелия были напечатаны в кратчайшие сроки в 1906–1912 годах под руководством епископа Подольского и Брацлавского Парфения (Левицкого)¹⁷. Инициатива исходила не только от епископов на украинских землях, но и от высшего руководства церкви в Петербурге. Как можно быстрее напечатать Евангелие на украинском языке требовал лидер русских монархистских консерваторов обер-прокурор Синода Константин Победоносцев¹⁸.

В своей повседневной деятельности созданный царскими властями и православной церковью Союз русского народа демонстративно подчеркивал культурные отличия малороссов от великороссов и использовал их в своей пропаганде. Например, на праздновании 200-летия Полтавской битвы в Полтаве в 1909 г. от членов Союза специально требовалось, чтобы они были в национальных костюмах — «великорусских», «белорусских» или «малорусских»¹⁹. Украинский язык мог использоваться в театральных представлениях, организованных черносотенными организациями²⁰ и, естественно, был разговорным языком в тысячах низовых черносотенных организациях в украинских селах. Крестьяне могли войти в Союз русского народа даже декларируя свою украинскую национальность. В частности, как доносил вице-губернатор Подольской губернии, в селе Семидубы Балтского уезда существовал отдел монархического союза из «православных украинцев» в количестве 140 человек²¹.

Главный акцент исторической пропаганды Союза русского народа среди этнических украинцев делался на верности православной церкви, русскому царю и борьбе малороссов-украинцев против поляков, католицизма, «униатской» церкви и «еврейского засилья». Большое место отводилось также прославлению присоединения Малороссии к России и нерушимости триединого «великого русского народа из великороссов, малороссов и белорусов» под эгидой династии Романовых. За исключением неприятия антирусских моментов, историческая концепция черносотенцев совпадала с идеологическими постулатами украинского движения.

В качестве характерного примера совпадения позиций украинофилов и сторонников малорусского общеимперского монархизма можно привести многочисленные многотиражные издания в царской России «Кобзаря» Тараса Шевченко. Из «библии» украинского национального возрождения царской цензурой были исключены все антирусские и антицарские высказывания поэта. Но зато оставлена поэма «Гайдамаки» с описанием крайне жестокого поголовного уничтожения украинскими повстанцами польской шляхты, ксендзов, евреев и греко-католиков, включая женщин и детей. Неслучайно стихи Т. Шевченко наизусть знали лидеры черносотенного движения на Волыни архиепископы Ан-

тоний (Храповицкий) и Евлогий (Георгиевский)²². В 1900-е гг. зафиксированы случаи приобретения западноволынскими украинцами «Кобзарей» Т. Шевченко, что по времени совпало с бурным ростом черносотенного движения²³. Также можно вспомнить первоначальный вариант памятника Богдану Хмельницкому, который был установлен в Киеве в 1888 г. Он был создан по инициативе участников украинского движения Николая Костомарова и Михаила Максимовича, а также оппонента украинофилов историка Михаила Юзефовича. Проект скульптора Михаила Микешина предполагал, что конь гетмана убивал польского шляхтича, еврея-арендатора и иезуита, сталкивая их со скалы, перед которой малоросс, червоноросс (галицкий украинец), белорус и великоросс слушали песню слепого кобзаря²⁴. Подобные взгляды украинофилов не могли встретить возражений духовенства православной церкви, а также значительной части имперского чиновничества и интеллигенции на украинских землях, среди которых большинство были местными уроженцами. В 1905 г. черносотенцы и православная церковь начали широкомасштабно использовать эти исторические концепции в своей работе с украинским крестьянством.

Огромное количество сельских черносотенных организаций и массовое участие в движении православных священников обеспечило проникновение знаний об украинской истории и новых национальных идеях в традиционное неграмотное украинское крестьянство. В это время только 10–20 % украинского крестьянства обладало элементарной грамотностью и оно часто было враждебно настроено по отношению к внешнему воздействию любой интеллигенции независимо от ее национальной принадлежности. Среди массово выпускавшихся в типографии Почаевской лавры исторических брошюр для простого народа были не только издания о царской семье, войне 1812 г., но и такие, как «Крест над Берестечком. О славном украинском гетмане Зиновии-Богдане Хмельницком и о Берестеченской битве 1651 г.» авторства архимандрита Виталия (Максименко), «Борьба Малороссии с Польшей и Берестецкая битва»²⁵.

Согласно программе Союза русского народа, «казачьи сословия ныне расформированных прежних малороссийских и ново-

российских полков в Полтавской, Черниговской, Киевской и Бессарабской губерниях должны быть уравнены в преимуществах и обязанностях с остальным казачеством»²⁶. Фактически Черная сотня требовала восстановления антипольского и антикатолического украинского казачества, которое бы стало опорой монархии Романовых наравне с другими казачьими войсками Российской империи. Следует помнить, что в начале XX в. в империи Романовых продолжали верно служить прямые потомки запорожских казаков в Кубанском казачьем войске.

Этот призыв фактически означал требование предоставить малорусскую казачью автономию этническим украинцам. Малочисленное на тот момент украинское национальное движение на Надднепрянщине выдвинуло похожее, но гораздо менее радикальное требование в виде украинской национально-культурной автономии. Призывы к казачьей автономии черносотенцев шли гораздо дальше. Они подразумевали наличие у малорусской казачьей автономии собственной администрации, армии и значительных прав в экономике²⁷.

Огромное влияние на волынских украинцев оказали созданные Союзом русского народа визуальные образы и символы их личной связи и преемственности с героическим прошлым украинского казачества. Черносотенцы делали это целенаправленно. Волынь не была главной исторической территорией украинских казачьих полков. Но, тем не менее, Союз русского народа под руководством местных иерархов православной церкви предпринял реальные шаги для «оказачивания» Волыни. Именно по инициативе и под руководством православной церкви и Союза русского народа к 1914 г. был сооружен популярный сегодня на Украине уникальный церковный мемориал «Казацкие могилы» под Берестечком²⁸.

Мемориал был построен на месте проигранной православными казаками Богдана Хмельницкого битвы с польской католической армией в 1651 г. Это крайне удачно реализованный проект прославления памяти украинских казаков как борцов за православие против поляков-католиков. Он оказал огромное и ни с чем не сравнимое эмоциональное, национальное и политическое воздействие на православных украинцев и, прежде всего, украинцев Волыни.

Воображения волынских украинцев не могли не поразить многотысячные траурные богослужения и манифестации на поле битвы с участием множества священников. Призывы священников защитить православие и самих себя от католицизма и поляков раздавались в храме под открытым небом над могилой павших в битве. Участники богослужений могли посетить места казачьих подвигов, увидеть кресты на казачьих могилах и поклониться их останкам в катакомбах под мемориальным храмом. Эмоциональное воздействие от поклонения погибшим казакам было тем более мощным, что поляки-католики продолжали владеть почти половиной всей земли Волыни и в перспективе претендовали на принадлежность Волыни к Польше.

Участники черносотенных и православных манифестаций в Берестечке соприкасались не только с казачьим прошлым, но и с живым казачьим настоящим. Деньги на мемориал собирались в Кубанском и Донском казачьих войсках. Отряды казаков в 1914 г. участвовали в торжественном параде на открытии мемориала. Этим подчеркивалась связь между современными кубанскими и донскими казаками и запорожскими и донскими казаками, которые принимали участие в битве. На колокольню храма-памятника был поднят 14-тонный военный казачий колокол²⁹.

Союз русского народа и созданный им мемориал в Берестечке оказывал на волынских украинцев влияние, которое стремилось оказывать и украинское движение. Об этом свидетельствует возобновление траурных митингов-богослужений на Казачьих могилах в 1920-е гг. украинским движением. А в 1930-е гг. организацию украинских молодежных патриотических манифестаций в Берестечке взяла в свои руки Организация украинских националистов. При этом в самом мемориале продолжал действовать православный монастырь. Православное духовенство, которое служило богослужения во время патриотических торжеств черносотенцев до 1914 г., в 1920–1930-е гг. делало то же самое уже во время манифестаций украинских националистов.

Поэтому совершенно неудивительно, что представители украинского движения с самого начала поддерживали создание черносотенцами мемориала в Берестечке. Создание мемориала поддержала известная украинская писательница, активная участница

украинского движения на Надднепрянщине и мать украинской поэтессы Леси Украинки Олена Пчилка. Создание мемориала также поддержал известный украинский политик и член Украинской центральной рады и министр иностранных дел Украинской державы в 1918 г. Дмитро Дорошенко. Весьма показательно, что церковь святого Георгия в мемориале в 1911 г. расписал известный украинский художник и иллюстратор произведений Т. Шевченко Иван Ижакевич³⁰.

Пропаганда православной церкви и черносотенного движения на Волыни была близка концепции украинского движения не только в прославлении казачества как защитника православия. О своеобразии подхода православного духовенства Волыни к истории свидетельствует прославление православных князей Острожских. Острожские владели значительной частью Волыни в XV—XVII вв. и использовались православной церковью в XIX — начале XX вв. в качестве символов борьбы за православие и против унии с Римом. Данное почитание князей Острожских выглядит достаточно странно с точки зрения истории русско-украинских и русско-польских отношений. Православные князья Острожские воевали против Московского государства во многих русско-литовских и русско-польских войнах и одерживали многочисленные победы над московским войском. Несмотря на это, подчиненный руководителя волынских черносотенцев архиепископа Антония (Храповицкого), настоятель Богоявленского собора в Остроге и инспектор церковно-приходских школ в Острожском уезде Михаил (Тучемский) в 1909—1916 гг. создал в Остроге православное религиозно-просветительское, благотворительное и научно-краеведческое Братство Острожских князей. Он отреставрировал замок Острожских, создал в нем исторический музей и организовал торжественные празднования в их честь³¹. Значительную поддержку братству и музею в Остроге оказывал один из лидеров черносотенцев на Волыни епископ Кременецкий Никон (Бессонов)³².

Успеху малорусской черносотенной пропаганды на украинских землях и на Волыни способствовало не только обращение к теме православия и местной истории. Усилению национального самосознания волынских украинцев содействовали попыт-

ки реализации социальной и экономической программы Союза русского народа. Руководившие малорусскими черносотенцами православные священники пошли гораздо дальше положения общероссийской программы союза о выкупе государством помещичьих земель и их продаже по льготной цене малоземельным крестьянам³³. Священники начали призывать к передаче православным крестьянам земли помещиков-поляков по национальному и религиозному признакам³⁴. Такие идеи встретили немедленный и почти восторженный отклик крестьян, что способствовало быстрому количественному росту Черной сотни. В результате в Союз русского народа могли вступать целыми селами³⁵.

Благодаря черносотенной пропаганде украинское крестьянство осознало возможность получения конкретной выгоды от своей национальной принадлежности к титульному народу империи и в первую очередь Малороссии. Крестьяне начали вступать в Союз русского народа не только в надежде получить помещичью землю, но и с целью использовать организацию как аналог профсоюза. Через Союз русского народа крестьяне смогли контактировать с властями и пытались заручиться их поддержкой в достижении лучших условий оплаты труда в помещичьих хозяйствах, в отказе от уплаты земских денежных сборов, в имущественных спорах с помещиками и т. д.³⁶

Усилению национального самосознания украинских крестьян также способствовали действия Союза по защите их экономических интересов и устранению посредничества еврейских торговцев в экономических связях с окружающим миром³⁷. Придерживавшиеся жесткой антиеврейской риторики и лозунгов, в 1905–1914 гг. черносотенцы были одними из самых активных организаторов кооперативного движения на украинских землях. В 1912 г. из 204 существовавших в Волынской губернии кооперативов 24 были организованы напрямую Почаевским отделом Союза русского народа³⁸. Черносотенных позиций могли придерживаться еще многие члены 140 кооперативов, созданных частными лицами. Весьма показательно, что в соседней Восточной Галиции одним из главных организаторов украинского кооперативного движения была греко-католическая церковь. Созданная при активном участии черносотенцев кооперация на

украинских землях сыграла одну из ключевых ролей в политической самоорганизации украинцев и борьбе за независимость Украины в 1917–1920 годах.

Многие активисты черносотенного движения, включая представителей его руководства, после падения династии Романовых приняли участие в украинском движении, что было закономерным развитием их прежних убеждений. Некоторые из них могли проявлять свою проукраинскую ориентацию еще до 1917 г. Наиболее яркий пример — судьба и позиция одного из руководителей Черной сотни на Волыни кременецкого епископа Никона (Бессонова). Бессонов активно участвовал в создании казацкого мемориала в Берестечке. Будучи выбранным в IV Государственную думу в 1912 г., он с парламентской трибуны выступил за использование украинского языка в школьном преподавании на украинских этнических землях³⁹, а в январе 1918 г. стал министром вероисповеданий в Украинской центральной раде⁴⁰.

Весьма показательна также эволюция взглядов руководителя Волынского отделения Союза русского народа архиепископа⁴¹ Антония (Храповицкого). Он был одним из главных организаторов пропагандистской казаческо-малороссийской кампании на Волыни до 1914 г. и наизусть знал стихи Т. Шевченко⁴². В 1918 г. Храповицкий был избран митрополитом киевским и проявил готовность сотрудничать с украинским государством при условии сохранения канонического подчинения Киевской православной митрополии московскому патриарху⁴³. Он следил, чтобы во время богослужений на Украине православные священники обязательно молились за «богохранимую державу нашу Украину и ее благоверного Гетмана». После поражения гетмана Павла Скоропадского Храповицкий разрешил православному духовенству торжественно встретить в Киеве войска Директории С. Петлюры. Церковная администрация начала использовать украинский язык вместе с русским⁴⁴.

Очень хорошим было отношение к Храповицкому и другому руководителю черносотенцев на Украине архиепископу Евлогию (Георгиевскому)⁴⁵ у главы греко-католической церкви в Галиции митрополита А. Шептицкого. Он не только гостеприимно принял их в своей резиденции во Львове в 1919 г., но и нашел способ

освободить двух бывших лидеров черносотенного движения из-под ареста, произведенного польскими властями⁴⁶.

Известный идеологический лидер черносотенного движения на Волыни и Подолье архимандрит Почаевской лавры Виталий (Максименко) использовал в своей пропаганде украинскую национальную терминологию. В 1912 г. Максименко издал в почаевской типографии свою брошюру «Крест над Берестечком. О славном украинском гетмане Зиновии-Богдане Хмельницком и о Берестеченской битве 1651 г.», а в 1916 г. на титульной странице издаваемого им «Почаевского листка» вместо надписи «Благословение святой Горы Почаевской» появилось «Благословение святой обители Украинской»⁴⁷.

Приверженность украинским идеям проявил уроженец Кременецкого повета священник, депутат II Государственной думы от Волыни Дамиан (Герштанский). Он участвовал в заседаниях украинской фракции российского парламента и на ее последнем заседании в 1907 г. заявил, что «не может погибнуть народное дело..., должна закончиться победой борьба за него». В 1922 г. во II Речи Посполитой Дамиан Герштанский был избран в Сенат Польши и вошел в состав украинского парламентского представительства⁴⁸.

Близким к украинским идеям оказался и уже упоминавшийся выше священник и создатель православного братства князей Острожских Михаил (Тучемский). В 1918 г. он принял участие в работе Всеукраинского православного церковного собора в Киеве. В 1920–1930-е гг. он был одним из руководителей православной церкви в Волынском воеводстве Польши и близким соратником украинизированного архиепископа Волынского и Кременецкого Олексия (Громадского). Известна его публикация на украинском языке, вышедшая в 1938 г.: «Про життя і діяльність святого рівноапостольного князя Володимира та охрещення при ньому Руси-України» («Про жизнь и деятельность равноапостольного князя Владимира и крещение при нем Руси-Украины»⁴⁹.

По некоторым данным, требующим дополнительной проверки, с черносотенным движением был связан главный украинизатор православной церкви на Западной Волыни в 1930-е гг. архиепископ Волынский (с 1934 г.) Олексий (Громадский). В начале

XX в. он руководил церковным и начальным образованием на Холмщине и в Подляшье, когда во главе епархии стоял один из лидеров черносотенцев Евлогий (Георгиевский).

С точки зрения эволюции взглядов от имперской идеологии к украинскому движению также интересна биография луцкого проукраинского православного епископа с 1932 г. и митрополита Украинской автокефальной православной церкви в 1942–1953 гг. Петра (Сикорского). Сикорский в 1908–1918 гг. работал в Киевской духовной консистории и, по крайней мере внешне, должен был быть абсолютно лояльным официальной идеологии и Русской православной церкви. Позиция его полностью изменилась в период революции и гражданской войны. В 1918–1919 гг. Сикорский стал начальником хозяйственного отдела Министерства вероисповеданий УНР, а в 1919–1921 гг. занимал должность руководителя департамента по общим вопросам правительства УНР⁵⁰.

Из семей православного духовенства, приверженцев черносотенного движения на Волыни, вышли многие активные участники украинского национального движения в 1920–1970-е гг.: сторонник украинизации православной церкви на Западной Волыни в 1920–1930-е гг., выпускник Житомирской духовной семинарии Арсен Речинский, один из лидеров Украинской социал-радикальной партии в 1920–1930-е гг. Семен Жук. Два брата отца последнего тоже были священниками, причем один из них, Мортирий Жук, был архимандритом Почаевской лавры — главного оплота черносотенного движения на Западной Волыни. В семье православного священника в селе Острожец на Ровенщине родился один из организаторов и первых офицеров Украинской повстанческой армии (УПА) на Волыни Сергей Качинский; сыном православного священника из села Лопатиницы Овручского уезда Волынской губернии был один из лидеров Организации украинских националистов (ОУН), выпускник Кременецкой духовной семинарии Олег Штуль-Жданович.

Между малороссийским черносотенно-монархическим движением до 1917 г. и украинским национальным движением на Западной Волыни после 1917 г. существовала преемственность не только персональная, идейная, но и организационная. Основанное православной церковью и российскими властями в

1873 г. Крестовоздвиженское братство в Луцке продолжило свою деятельность в 1920–1930-е гг. уже в рамках украинского движения. В 1925 г. в Луцке в храме братства впервые начали вестись на украинском языке православные богослужения⁵¹. Украиноязычный хор братства стал образцом для церковных хоров на территории всего Волынского воеводства Польши⁵². В 1930-е гг. братство вместе с Волынским украинским объединением, украинским Товариществом имени митрополита Петра Могилы активно выступило против политики насильственной полонизации и католизации волынских украинцев⁵³. Настоятелем братского храма и руководителем братства был кавалер железного креста Симона Петлюры, генерал-хорунжий и главный военный капеллан армии УНР протоиерей Павел Пащевский⁵⁴. Большинство членов Крестовоздвиженского братства в 1930-е гг. являлись активными членами Волынского украинского объединения⁵⁵, которое на тот момент было ведущей украинской национальной политической силой на Западной Волыни.

Несомненно, что черносотенная «казачья» агитация повлияла на создание в 1920–1930-х гг. на Волыни нескольких подпольных украинских военных организаций казачьего типа⁵⁶. Несомненно также влияние черносотенцев на формирование многочисленных украинских казачьих воинских частей и стихийное украинское казачье повстанческое движение в 1917–1921 гг. Первое украинское воинское формирование на Волыни, начавшее в 1941 г. бороться за украинскую независимость, тоже было названо «Полесской сечью». Такое название находилось полностью в русле казачьей традиции, получившей широкое распространение на Волыни во многом благодаря черносотенцам. Бурная активность православной церкви и Союза русского народа на Волыни до 1914 г. не могла не повлиять на приверженность православию украинского национального движения на Западной Волыни в 1920–1930-е гг. Защита православной веры и православной церкви стала характерной чертой волынского варианта западноукраинского национализма.

Малороссийско-монархическая идеология и пропагандистско-просветительская деятельность православного духовенства и черносотенного движения сыграли огромную роль в развитии

национального самосознания украинцев в XX в. Именно православные священники и черносотенцы были первыми и в течение многих лет главными национальными «будителями» украинских крестьян Волыни и других украинских земель Российской империи. Многие сторонники малороссийского монархизма и участники черносотенного движения продолжили свою деятельность в рамках украинского национального движения. После падения дома Романовых их монархизм стал неактуальным, и в такой ситуации очищенная от проромановского монархизма малороссийская идеология черносотенцев полностью совпала с украинской. Малороссийско-монархическое и малороссийско-черносотенное движение на Волыни и других землях Надднепрянской Украины сыграло роль, во многом аналогичную деятельности участников русинско-украинского национального возрождения в Восточной Галиции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Препятствием для понимания роли черносотенного движения в истории украинского движения является унаследованный от советской, а также русской и украинской либерально-демократической и антимонархической революционной традиции образ Черной сотни как исключительно русской националистической и антисемитской структуры. В большинстве случаев при упоминании Черной сотни и «Союза русского народа» сразу возникает образ организации «крайних реакционеров», русских монархических «шовинистов», «украинофобов», «погромщиков», «воинствующих люмпенов» и «антисемитов». Поэтому вполне естественно, что от такого «родственника» старается держаться подальше подавляющее большинство современных создателей украинской, русской и белорусской национальных историй. За редкими исключениями Черная сотня рассматривается историками как нечто маргинальное и стоящее в стороне от «мэйнстрима» национальной истории. Таким образом, игнорируется самая массовая на украинских, русских и белорусских этнических землях общественно-политическая сила в начале XX в. и крайне мало делается попыток внимательно изучить ее характер, влияние на население и весь спектр последствий ее деятельности.

² Более того, власти и православная церковь Российской империи для борьбы с поляками использовали не только свои кадры, но и антипольских активистов русинского (украинского) национального возрождения в Восточной Галиции. В частности, для уничтожения греко-католической церкви на Холмщине в 1870-е гг. царские власти добились, чтобы не менее половины из 220–230 священников Холмской греко-католической епархии были выпускниками греко-католических семинарий Восточной Галиции и придерживались антипольской позиции. Именно при их помощи в 1873–1875 гг. царские власти уничтожили Холмское греко-католическое епископство. См.: *Lewandowski J. Na pograniczu. Polityka władz państwowych wobec unitów Podlasia i Chełmszczyzny. 1772–1875. Lublin, 1996.*

³ Вооруженная борьба поляков за свою независимость в союзе с наполеоновской Францией в начале XIX в., попытка польского национального восстания в Галиции в 1846–1848 гг. и восстания в российском Царстве Польском в 1830 и 1863 гг.

⁴ Общая численность братства, 800–850 человек, была необычайно большой для преимущественно сельской Западной Волыни. См.: *Мишук Т.А. Місіонерська діяльність православних братств РПЦ на Волині в кінці XIX — початку XX ст. // Науковий вісник Волинського державного університету ім. Лесі Українки. 2001. № 5. С. 123–127.*

⁵ В частности, братствами были организованы торжества 900-летия Волынской православной епархии и 900-летия Руси. Деятельность братств распространялась не только на организацию торжественных богослужений и празднований. Братства занимались также поддержкой паломников и организацией посещения православных святынь. См.: *Мицук Т.А.* Указ. соч.

⁶ *Мицук Т.А.* Указ. соч.

⁷ О внимании высших правящих кругов Российской империи к церковным братствам на Волыни свидетельствует тот факт, что на восстановление Крестовоздвиженского храма в Луцке лично пожертвовали средства царь Александр III, обер-прокурор Синода К. Победоносцев и волынский генерал-губернатор. См.: *Мицук Т.А.* Указ. соч.

⁸ В 1788 г. в рамках церковной реформы Ставропигийское братство было переименовано австрийскими властями в Ставропигийский институт.

⁹ Участники монархического славянофильского и панславистского движения в Российской империи в XIX в. имели тесные контакты с лидерами русинского национально-возрождения в Восточной Галиции и Ставропигийским институтом. Также необходимо учитывать, что для деполонизации украинских этнических земель активно использовались приехавшие из Галиции бывшие греко-католических священники, которые не могли не применить свой опыт и знания, в том числе, о Ставропигийском братстве.

¹⁰ Виталий (*Гречулевич* Василий Васильевич). Православная энциклопедия. Электронная версия размещена на Интернет-странице: <http://www.pravenc.ru/text/158834.html>. Дата доступа 24 февраля 2014 г.

¹¹ В 1849 г. он издал в Петербурге проповеди «на малороссийском языке». Это начинание Гречулевича оказалось востребованным православным духовенством в Малороссии, о чем свидетельствует повторное переиздание проповедей в 1856 г., а также публикация его «Катехизических бесед на девять блаженств евангельских и десять заповедей Божиих, говоренных на малороссийском языке» в 1852 г. и «Катехизических бесед на Символ веры и молитву Господню, говоренных на малороссийском языке» в 1856 г.

¹² Православные священники стояли во главе большинства из нескольких сотен отделений Союза русского народа на Украине. Одним из создателей Союза русского народа и руководителем волынского отделения был епископ волынский и житомирский с 1902 г. и архиепископ в 1906–1914 г. Антоний (Храповицкий).

¹³ *Кривобок О.* Консервативно-націоналістичні загальноросійські політичні партії на Чернігівщині на початку ХХ століття // Український історичний збірник. 2008. Вип. 11. С. 159–173; *Омельячук И.В.* Социальный состав черносотенных партий в начале XX века // Отечественная история. 2004. № 2. С. 84–96.

¹⁴ Программа Союза русского народа // Почаевский листок. 1906. № 38. Текст размещен на Интернет-странице: <http://krotov.info/acts/20/1900/1906anti.html>. Дата доступа 24 февраля 2014 г.

¹⁵ Там же.

¹⁶ В такой инициативе православной церкви нет ничего удивительного, если учесть использование по крайней мере некоторыми православными священниками «Проповедей на малороссийском языке» и других пособий Виталия Гречулевича, начиная с 1850-х годов.

¹⁷ *Антошук А.* Перевод Новозаветных книг Филиппа Морачевского. Текст размещен на Интернет-странице: http://serafim.kiev.ua/index.php?option=com_content&view=article&id=119.

¹⁸ Там же.

¹⁹ *Кривобок О.* Указ. соч. С. 159–173.

²⁰ Там же.

²¹ *Омельячук И.В.* Указ. соч. С. 84–96.

²² Как вспоминал Евлогий (Георгиевский), во время заключения под стражей украинскими властями в 1919 г. в Тернополе он и Антоний (Храповицкий) очень сдружились с охранявшим их молодым украинским солдатом, «беседовали, вспоминали стихи Шевченко» // *Георгиевский Е.* Путь моей жизни. Москва, 1994. Текст размещен на Интернет-странице: http://krotov.info/acts/20/1900/eulo_00.html. Дата доступа 24 февраля 2014 г.

²³ Так, первые несколько «Кобзарей» в местечке Бережница на Сарненщине появились в 1900-е гг. Первый «Кобзарь» привез и читал жителям местечка местный уроженец студент

Минского технического училища Михаил Карначевский. Затем несколько «Кобзарей» купили обычные мешане. *Антончик А.* Авенір Коломиєць з Бережниць та його оточення // *Західне Полісся: історія та культура*. Вип. III: Матеріали краєзнавчих конференцій, присвячених 35-річчю Сарненського історико-етнографічного музею до 100-річчя від дня народження письменника Бориса Шведа. Рівне, 2009. С. 134–144.

²⁴ Влияние на Михаила Микешина украинской традиции Тараса Шевченко несомненно. Он лично знал поэта и иллюстрировал его произведения, включая «Гайдамаков». М. Микешин даже пытался включить фигуру Т. Шевченко в проект памятника 1000-летия Руси в Великом Новгороде, на котором были изображены наиболее значимые личности российской истории.

²⁵ *Казмірчук О.М.* Соціально-економічна діяльність Почаївського «Союза Русского Народа» // *Історія міст і сіл Великої Волині: Науковий збірник «Велика Волинь»: Праці Житомирського науково-краєзнавчого товариства дослідників Волині*. Т. 25. Ч. 1. Житомир, 2002. С. 269.

²⁶ Программа Союза русского народа...

²⁷ Создание малоросских и новороссийских казачьих полков из местных украинцев фактически означало бы наличие у нового автономного образования собственных вооруженных формирований. Казачьи войска в Российской империи имели также значительные экономические права.

²⁸ *Бухало Г.* Берестечко без дзвону. Дев'ята п'ятниця після Великодня — день вшанування героїв на Козацьких могилах // *Україна молода*. 1.06.2006.

²⁹ Там же.

³⁰ *Пономарьова Т.О.* З історії формування музейної мережі краю // *Українська культура: минуле, сучасне та шляхи розвитку: Міжвуз. зб. наук. пр. Київ, 1997. Вип. II. С. 103–110.* Стаття розміщена на інтернет-сторінці: http://www.istvolyn.info/index.php?option=com_content&view=article&id=530:-----&catid=23&Itemid=17. Дата доступу 24 лютого 2014 г. Проукраїнська позиція І. Іжакевича в 1911 г. не викликає ніякого сумніву: в 1910 г. він створив плакат з портретом і біографією Шевченка, який був напечатаний російським видавцтвом «Час» тиражем в 100 тисяч екземплярів.

³¹ *Манько М.* Михайло Тучемський (1872–1945). Стаття розміщена на інтернет-сторінці: http://istvolyn.info/index.php?option=com_content&task=view&id=214&Itemid=25. Дата доступу 24 лютого 2014 г.

³² *Гончарук О.* Благодійні товариства у міжвоєнному Острозі. Стаття розміщена на інтернет-сторінці: <http://naub.org.ua/?p=1393>. Дата доступу 24 лютого 2014 г.

³³ Программа Союза русского народа...

³⁴ К этому призывали не только приходские священники, но и представители высшей церковной иерархии. Ярким примером является деятельность одного из лидеров волянских черносотенцев Николая (Бессонова), бывшего епископом Кременецким в 1909–1913 гг. Он также был одним из главных инициаторов и создателей казачьего православного мемориала «Козачьи могилы» в Берестечке. В 1912 г. Бессонов был избран в Государственную думу от Волини. Широкий резонанс получили его призывы с парламентской трибуны к безвозмездной передаче помещицкой земли крестьянам.

³⁵ Например, это произошло в селах Тарнавы и Соборовки. См.: *Омельяничук И.В.* Указ. соч. С. 84–96.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ *Вісина Т.М.* Передумови й початки кооперативного руху на Волині (друга половина XIX ст. – 1918 р.). // *Науковий вісник Волинського державного університету ім. Лесі Українки. Історичні науки*. 2000. № 1. С. 55–59.

³⁹ Епископ также требовал радикальных земельных преобразований в пользу крестьян, критиковал правительство за его крестьянскую политику и выступал против обвинений евреев в человеческих жертвоприношениях.

⁴⁰ *Иванов А.* Никон (Бессонов Николай Николаевич). Биография. Текст размещен на Интернет-странице: http://www.hrono.ru/biograf/bio_n/nikon_bess.html. Дата доступу 24 лютого 2014.

⁴¹ Руководил Волынской епархией в 1902–1914 годах.

⁴² *Георгиевский Е.* Указ. соч.

⁴³ Возможно, Храповицкий чувствовал и личную связь с Малороссией — его мать была малороссийского происхождения, дочерью помещика Харьковской губернии. См.: Антоний Храповицкий. Текст размещен на Интернет-странице: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%ED%F2%E0%E8%E9_%D5%F0%EF%EE%E2%E8%F6%EA%E8%E9. Дата доступа 24 февраля 2014.

⁴⁴ *Стародуб А.В.* Резолюции митрополита Антония (Храповицкого) за 1918 год как источник по истории Русской православной церкви. Текст размещен на Интернет-странице: <http://krotov.info/history/20/1910/1918hrapo.htm>. Дата доступа 24 февраля 2014.

⁴⁵ Несмотря на свое великорусское происхождение, Евлогий способствовал формированию границ украинского независимого государства в 1918–1919 гг. В 1903–1914 гг. в качестве руководителя Холмской и Люблинской епархий он стал одним из главных инициаторов выделения Холмщины из состава Царства Польского. Именно им внесен законопроект в Государственную думу о создании Холмской губернии, благодаря чему Холмщина в 1918 г. вошла в состав независимой Украины.

⁴⁶ В начале бывшие лидеры черносотенцев были арестованы властями Украинской директории в Киеве и перевезены под охраной в Восточную Галицию. После оккупации Восточной Галиции польскими войсками, они оказались уже под арестом польских властей, которые также имели к ним претензии. В воспоминаниях Евлогия сквозит настоящее уважение к галицкому греко-католическому митрополиту. В своих беседах Храповицкий, Георгиевский и Шептицкий нашли много точек соприкосновения. При этом Шептицкий признавал свою принадлежность к «русской стихии», которую он не ассоциировал с Великокороссией. «Он (А. Шептицкий. — К.Ф.) говорил убежденно. „Восточное православие“, Украина, древняя Киевская Русь... все это было его „святое-святых“; он считал их подлинной, ничем не замутненной русской стихией, которую нельзя этнографически отождествлять и политически сочетать с Великокороссией. Исторические судьбы и пути Украины и Великокороссии различны...» См.: *Георгиевский Е.* Указ. соч.

⁴⁷ Идеологические убеждения В. Максименко необходимо исследовать дополнительно. Сведения о изменении названия в Почаевском листке были обнаружены в информационном письме украинского писателя Клима Полищука, напечатанном в журнале «Промінь». См.: *Полищук Клим.* Лист з Волині // Промінь [Москва]. № 1–2. 14.01.1917.

⁴⁸ *Пушкар Н., Янович Б.* Даміан Герштанський — священик, сенатор Державної думи Росії і Речі Посполитої // Минуле і сучасне Волині та Полісся. Олександр Цианковський і край. Науковий збірник. Луцьк, 2008. Вип. 27. С. 138–147.

⁴⁹ *Манько М.* Указ. соч.

⁵⁰ *Давидюк Р., Кучерена М.* Волинське українське об'єднання. (1931–1939 рр.). Луцьк, 2001. С. 373–374.

⁵¹ *Рошко В.* Православні монастирі Волині і Полісся. Луцьк, 2000. Текст размещен на Интернет-странице: http://www.chesnohrest.lutsk.ua/chesnohres_2.htm.

⁵² *Давидюк Р., Кучерена М.* Указ. соч. С. 121.

⁵³ Например, братство было одним из организаторов массовой манифестации против насильственной латинизации во время посещения Ровно митрополитом Дионисием 31 мая 1938 г. См.: *Давидюк Р., Кучерена М.* Указ. соч. С. 139–140.

⁵⁴ Настоятелем луцкого храма Честнаго Креста Господня П. Пашчевский стал в 1925 г. после своего переезда на Волынь из лагерей для интернированных украинских военных. Помимо этого, Пашчевский был учителем закона божьего в Луцкой украинской гимназии — ведущем украинском образовательном учреждении на Волыни. См.: Павло Пашчевський.: http://uk.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B0%D0%B2%D0%BB%D0%BE_%D0%9F%D0%B0%D1%89%D0%B5%D0%B2%D1%81%D1%8C%D0%BA%D0%B8%D0%B9.

⁵⁵ *Давидюк Р., Кучерена М.* Указ. соч. С. 128–129.

⁵⁶ Наиболее сильным движением украинского волянского казачества было на Гороховщине, где польским властям в 1930-е гг. пришлось прибегнуть к жестким репрессиям для прекращения деятельности местных молодежных организаций Украинского национального казачьего товарищества.

*Мариус Орестьевич
ТЭРЫЦЭ*

УКРАИНЦЫ ХОТИНСКОГО УЕЗДА БЕССАРАБСКОЙ ГУБЕРНИИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ. 1812—1918.

Территория, составлявшая в XIX веке Хотинский уезд, в наши дни входит в состав двух стран — Украины и Молдавии. Северная и северо-западная часть этого уезда вместе с северной Буковиной составляют Черновицкую область, южная и юго-восточная часть — Бричанский, Окницкий и Единецкий районы на севере Республики Молдова. По данным молдавской переписи населения 2004 года в этих трех районах проживало 215 927 человек, из которых городское население составляло 56 565 человек, а сельское — 159 362 человек. Процент молдаван составляет 65,00483 % (146 363 чел.), украинцев 24,71 % (53 374 чел.), русских 4,58 % (9 909 чел.)¹. Таким образом, это преимущественно аграрная область с многоэтничным населением. Соотношение молдаван и украинцев в районах бывшего Хотинского уезда, входящих сейчас в состав Черновицкой области, не совпадает с ситуацией в вышеуказанных северных районах Молдавии, однако и здесь преобладает сельское население.

История Хотинского уезда представляет собой широкое поле для изучения. В историографии до сих пор недостаточно исследованными остаются многие аспекты этнической, религиозной, социальной ситуации в данном регионе, что во многом объясняется малочисленностью и отрывочностью данных. Основные документы Хотинского уезда, датированные 1821—1918 годами, хранятся в Государственном архиве Черновицкой области. Эти фонды мало изучены и практически неизвестны как молдавским, так и румынским историкам. Изучение этих фондов позволило бы воспроизвести более точную картину Хотинского уезда

XIX в., уточнив ее административные, религиозные, социальные, демографические аспекты.

В ноябре 2011 г., во время первой командировки в Черновцы с целью познакомиться с материалами данного архива мы проанализировали метрические книги 1860–1865 годов, находящиеся в Фонде № 605. В последующих командировках нами также частично просмотрены документы фондов № 137, 219, 375, 382, 605 и 1168. Хорошим примером фрагментарности сохранившихся документов является Фонд № 137. Он содержит документы о просвещении в 1852², 1876/77³, 1884⁴ и 1887⁵. Дополнительные материалы по этому вопросу можно просмотреть в 1, 2 и 3 описях 219 фонда.

Хорошим источником по изучению демографических процессов может стать фонд № 605. Он содержит 278 дел⁶, из которых большинство — православные церковные книги с данными о крещениях⁷, венчаниях⁸ и умерших⁹ по городу Хотин и по тем селам и местечкам, в которых были церкви. Книги сгруппированы по округам. Дополнительные трудности создает тот факт, что эти округа меняли свою структуру несколько раз в XIX в. Также сохранилось несколько книг с исповедными листами на прихожан¹⁰.

В данной статье мы постараемся обрисовать основные моменты эволюции демографической ситуации в Хотинском уезде в XIX в., опираясь на данные этого архива. Статья имеет разделы о территории и населении, динамике миграционных процессов, вероисповедании, религиозной аккультурации и просвещении. Мы решили уделить внимание в конце и просвещению в уезде — Хотинскому училищу и народным училищам, несмотря на малочисленность сохранных документов, чтобы частично дополнить общую картину, которую обрисуем ниже.

В данной статье мы не использовали информации из фонда Хотинского уездного суда, который содержит очень много дел, дающих представление об обычаях и социальных явлениях того времени¹¹.

В нашем тексте мы используем названия поселений так, как они появляются в документах. Тут важно отметить, что в большинстве церковных книг и в официальных документах ис-

пользовалась молдавская форма наименования, если там жили молдаване¹². В отношении украинских сел преобладает славянская форма, хотя это не является правилом, так как и некоторые молдавские села имели славянское название. Кроме этого, часто в оригинале названия написаны своеобразно, с одной или двумя ошибками, так, как это представлялось местному дьяку (в случае церковных книг).

Территория и население

По мнению кишиневского исследователя К. Унгуряну¹³, в северной части Хотинского уезда «в конце XVIII — начале XIX в., процент румынского населения был высоким... Но, из-за иммиграции большого числа украинцев и евреев из других регионов России и Галиции, а также эмиграции или переселения из Бессарабии или Молдавии части местного населения, процент румын постепенно сократился. В начале XX века они составляли приблизительно 12–14 % на этой территории. Румынское население было сконцентрировано почти исключительно в населенных пунктах сегодняшнего района Ноуа Сулица [укр. Новоселица, рус. Новоселица]¹⁴, остальная территория была компактно заселена украинцами»¹⁵.

Миграционные процессы в данном регионе очень сложны и до сих пор остаются слабо изученными. Рассматривать север территории отдельно от остальных ее частей не совсем верно, так как до XIX века Хотинский уезд был единым целым и происходившие там процессы были характерны для всего уезда, а не только для одной его части.

Унгуряну анализирует численность населения, начиная с 1817 г. Между тем, существуют и более ранние данные (Бессарабского Статистического Комитета), которые привел А. Болдур в своей монографии, вышедшей в 1940 г.: в 1812 г. в «цинуте» (области) Хотин было 3 города и 169 сел, в которых проживало 13 076 чел. (из 43 160 во всей Бессарабии)¹⁶, но без учета так называемых колонистов. Болдур подчеркивал, что это приблизительные цифры, а на всей восточной части Молдовы в 1812 г. проживало от 240 000 (по оценке А. Защука¹⁷) до 340 000 (по оценке А.А. Скальковского¹⁸) человек. К сожалению, в работе

Болдура нет объяснения причин таких больших расхождений в приведенных цифрах по всей Бессарабии.

В 1817 г. в уезде было восемь округов, в составе которых были 172 села и 2 города — Бричень и Липкань. В уезде проживало 21 701 семей¹⁹. «Точное число жителей в 1817 г. трудно установить, так как было сделано несколько оценок, от 56 193 до 82 156 жителей для всего Хотинского уезда»²⁰.

Унгуряну упустил из виду приведенные Болдуrom данные инженера Эйтнера, относившиеся к 1843 г. В этом году Хотин насчитывал 116 308 жителей на территории в 3 373 км² (плотность населения 34,48 чел./км²). Вся Бессарабия составляла 39 911 км², где проживало 722 120 человек²¹ (18,09 чел./км²). Необходимо отметить, что плотность населения на Хотинщине была намного выше средней по Бессарабии.

Унгуряну отмечает высокий прирост численности населения в уезде во второй половине XIX века — 152 082 в 1861 году²², 165 566 в 1870 г., 185 228 в 1880 г., 241 138 в 1890 г. и 307 532 (включая 18 398 в городе Хотин), по данным первой всероссийской переписи 1897 г.²³ На 1 января 1915 г. уезд состоял из 12 волостей (всего 3502 км²), а самый большой город — Хотин насчитывал 23 100 жителей. В 293 селах проживало 387 300 человек. Плотность населения была 117,2 жителя на 1 км², самая высокая в Бессарабии²⁴.

Ссылаясь на данные В. Кабузана, Унгуряну отмечает, что в 1818 г. в уезд переселилось много украинцев, и молдаване составляли 47,5 % населения, а украинцы — 42,6 %²⁵. В. Зеленчук²⁶ и И. Попович считали («основываясь на архивных документах из Кишинева»²⁷), что в 1816–1817 годах в уезде проживало 56 193 жителей, из которых 26 700 (47,5 %) были молдаванами, 23 925 (42,6 %) — украинцами, 2 % — евреями, 3,4 % — греками, 2,4 % — немцами²⁸, а в 1843–1844 годах молдаванами были 43,2 % населения, украинцами — 43,5 %, русскими — 1,5 %, евреями — 12,3 %²⁹. По оценке В. Кабузана, в 1839 г. молдаване составляли 39,94 %, а в 1850 г. — 25,93 % населения³⁰.

По данным переписи 1897 г., 53,2 % населения было украиноязычным, 23,8 % — румыноязычным, 5,8 % — русскоязычным, 15,6 % составляли евреи. Унгуряну подчеркивает, что эта

перепись населения не дает информации об этническом составе населения³¹. Необходимо отметить, что Болдур не использовал наименования «ucăinean», а «gutean», хотя ближе был бы просто-народный в Бессарабии термин «gusnas»³². Он писал, что в 1897 г. «русские вместе с рутянами [т.е. украинцами. — М. Т.] имели абсолютное большинство, а именно 59,55 % (рутяны отдельно — 53 %), по отношению к 23,87 % румын и 16,58 % представителей других национальностей»³³.

Динамика миграционных процессов

К. Унгуряну не останавливается и на причинах миграционных процессов. Между тем, в межвоенной румынской историографии уже было сформулировано четкое мнение на этот счет. Ион Нистор в своей монографии 1923 г. отмечал, что «рутяне или украинцы» были перебежчиками из Подолии и Галиции, поскольку в Молдавии условия жизни были «намного легче». «В некоторых селах они смешались с румынами, в других же, получая все время подкрепления из-за Днестра, они осилили местных молдаван, и им даже удалось утвердить свой язык. Так украинизировались целые села в областях Хотин и Черновцы»³⁴. Неясно, почему ниже Нистор, признанный как аккуратный историк, ставил под вопрос присутствие украинского элемента на севере Бессарабии в начале XIX в. «Во времена аннексии Бессарабии число рутян в области Хотин было незначительным. Самое лучшее доказательство этого — тот факт, что перепись 1817 г., организованная русскими, не упоминает о них. Комиссия говорит о греках, армянах, болгарях, гагаузах и евреях, а о рутянах или украинцах не говорится вообще»³⁵, — писал Нистор Унгуряну, цитируя Зеленчука и Поповича, не ставил под вопрос мнение что в 1818 г. украинцы составляли 42,6 % населения на Хотинщине.

А. Болдур считал, что «крепостное право было более суровым в Польше, нежели в Молдавии, особенно после упразднения «соседства» последней в 1749 г. Эта ситуация заставляла многих рутян из Галиции и Польши бежать к границам Молдавии и при благоприятных условиях заселять периферию Молдавии. Беженари³⁶ приходили из разных частей Галиции, Волыни и Подолии.

Из официальных документов видно, что они бежали из Брод, Бжезан, Залешчика, Сокала, Коломеи, Тысменицы, Снятина, Галича. Беженари поселялись на северной Буковине и Бессарабии, из которых наиболее интенсивно заселили Хотинский уезд. Процесс иммиграции в Молдову начался после русско-турецкой войны 1768–1774 годов и присоединения Буковины к Австрийской монархии»³⁷.

Немало сведений о миграционных процессах в регионе хранится в Государственном архиве Черновицкой области. Особый интерес представляет один из неизвестных до сих пор документов — «Списки жителей Хотинского уезда. 1821 год». Эти списки содержат данные только по части округов. В остальных либо не составляли таких списков, либо, скорее всего, они не сохранились. Имеется информация о следующих округах — Верхнего Прута (Прутул де Сус) — 18 сел, Могилев (Мовилэу), который позже входил в состав уезда Сороки, — 18 сел, Средний (Мижлокулуй) — 23 села, Чухур — 25 сел и Нижнего Прута (Прутул де Жос) — 21 село³⁸. Переселенцы появляются в своем большинстве в округе Мижлокулуй, в 6 селах из 22. Например, в селе Володень проживало 16 семей, «прибывшие из Австрии в году 1820». Это были — Остафи Вербилкий, Тедор Костаке, Данило Гавриш, Василе Тураку, Хрицку Павелий, Алекса Берозовский, Петру Колопкиу, Иван Чирбаку, Иван син Лизнику, Костя Пынзарюл, Гаврил Тураку, Гаврил Мелнику, Тифко Михайло, Алекса Куралюк, Сымку Павлий, Федор Билэсэвси³⁹. В селе Тэван было два беженаря из Австрии — Иван Будинюку и Иван Почюнчоку, прибывшие в 1820 году⁴⁰. Среди жителей появляется и вдовец Тоадер Ливинский, «чужой человек из России»⁴¹. В селе Хлиноая (сегодня Хлина/Глина) был один беженарь из страны Немецкой — Иоан Циплиан⁴². 14 беженарей из Австрии было в селе Бэлкэуций де Жос — Андрей Назаркул, Остафи Гиби, Тоадер Одаку, Некита Чорней, Иоан Саука, Тоадер Петелкул, Георге Чорней, Саука Старий, Онофрей Питику, Василие Макаренкул, Петре Никулеску, Дэнилэ Сталмечук, Тоадер Сталмечук и Алекса Сулмацкий⁴³. В Новоселице было два беженаря из Австрии (1820 г.) — Хрицку Бежэнарюл и Некулай Бежэнарюл⁴⁴. В селе Нелипэуць — Андрей Проданюк, Иван Козмичул и Андрей Хуцул⁴⁵.

В округе Чухур в селе Мындикэуць было 22 семьи беженарей из Австрии — Думитру Жураковский, Остафи Тырновецкий, Хрицку Тырновецкий, Штефан Тимчук, Михай Тырновецкий, Павэл Шейкарюл, Андрей Остафичул, Иван Москалко, Матей Бореденик, Василе Михалчук, Федор Лубюк, Тимофти Романюк, Остафи Тырновецки, Василе Хапчук, Симион Зефирул, Тимофти Романюк, Федор брат его, Ион Яртамок, Матей Маршалук, Игнат Маршалук, Думитру Авзоти, Думитру Проданюк⁴⁶.

Большинство беженарей было из Австрийской империи. Скорее всего, они прибыли из Галиции. Однако не исключено, что среди них могли быть и молдаване из Буковины. Имена сами по себе в данном случае недостаточны для определения этнической принадлежности. Например, Онофрей Питику из Бэлкэуций де Жос: «питику» означает «коротышка», то есть он мог быть и молдаванином из Буковины, и рутянином, имя которого перевели. Возможно, это было просто прозвище.

Изучение списка сел 1821 года крайне важно, прежде всего, для получения полной картины заселения края. Хотя по этим данным трудно уточнить этнические аспекты, появляется интересная информация о количестве семей, о вдовах, о российских солдатах, о помещиках и о беженарях⁴⁷.

Вероисповедание и религиозная аккультурация

К середине XIX в. в Хотинском уезде проживали и римо-католики, которые заселили эту область в первой половине века. Оценить их численность и этнический состав довольно трудно, однако по православным метрическим книгам можно проследить процесс перехода этих католиков в православие. Документы позволяют выявить несколько путей религиозной аккультурации. В этом случае мы считаем, что неуместно использовать термин «ассимиляция», так как этот процесс не носил принудительный характер, а был следствием отсутствия инфраструктуры Католической Церкви в Хотинском уезде.

В самом городе Хотин католический приход существовал точно между 1827 и 1847 годами⁴⁸. В сохранившейся метрической книге, написанной по-польски, среди крестных родителей появляются люди из самых разных сел уезда (около 40). Больше всего

крещеных было из самого Хотина — 129 за 20 лет, 31 из Липкан /пол. Lipkany/, 39 из Новоселицы /пол. Nowosielicy/, 13 из Нелиповцы /пол. Nelipowcy/, 8 из Зиरोшань /пол. Zarożanj/, 6 из Рокитны /пол. Rokitna/ и т. д. Конечно, эти цифры не так велики, однако, имея в виду смешанные браки, крещение детей из католических и смешанных семей в православных церквях, можно предположить, что католиков было больше.

Следует выделить следующие пять путей религиозной аккультурации и исключительную ситуацию под пунктом 6, на основе найденных примеров:

1. Крещение взрослых. Например, в городе Хотине 21 марта 1862 г. солдатский сын *«Людвик Андреев Бачинский (родился в 1839 году), римско-католического исповедания, по изъявлению его настрению к православной католической восточной церкви присоединен, и святым Миром помазан и причастия св. таинств удостоен, с оставлением при том на имени Людвик»*⁴⁹.
2. Крещение детей католиков у православных. Например, в селе Коржеуць 22 января 1863 г. близнецы Роман и Леон (рожденные 1-го января) были окрещены в Коржеуцкой Архангельской Церкви. Родители — *«подольской губернии дворянин Николай Ипполитов Елисивич и законная жена его Антонина Маркова оба римско-католического исповедания»*⁵⁰.
3. Крещение детей из смешанных браков. В селе Маркоуць 23 августа 1864 г. — Андрей (рожденный 19 августа). Родители — *«проживающий в селении Тырнова города Хотин, мещанин Казимир Францов Подгурский, исповедания римско-католического и его законная жена Мария Лукова исповедания православного»*⁵¹.
4. Венчание католиков у православных. В селе Маркоуць 27 октября 1868 г. венчались Иван Дамеников Саковский, 46 лет, первый брак, и Юзефа Дамиёнова Яницка, 35 лет, второй брак. Свидетелями были с его стороны — *Иосиф Иванов Саковский, Симеон Иванов Сирковский*, а с ее стороны *Иосиф Тимофеев Томашевский и Евфрем Иванов Клеофас*⁵².
5. Смешанный брак у православных. В церкви св. Николая в городе Хотин 21 января 1862 года — *Хотинский мещанин Иосиф Михайлов Тресковский римско-католического исповедания... и солдатская дочь девица Феодосия Маркова Кухильевича православного исповедания первым браком»*⁵³.

6. Очень редкая ситуация — погребение католика у православных. В селе Ломачинец 8 января 1868 г. умер, а 10 января был погребен «*подольский однодворец Иван Андреев Рыдванский католического исповедания. 59 лет от чesотки*»⁵⁴.

Больше случаев мы привели в приложении № 4. Помимо перехода католиков в православие, существовали и случаи принятия православия евреями и протестантами.

Фамилии жителей также позволяют судить о миграционных процессах. Например в городе Хотин в 1853 году в метрической книге церкви св. Николая появляются имена и фамилии — Яков Петров *Круглецкий*, Николай Феодоров *Отацкий*, Василий Петров *Круглецки*, Стефан Яковлев *Рашковский*, Алексей Алексеев *Гуменюк*, Анна Иванова *Рашковская*, Константин Михайлов *Коломай*, Мария Григорьевна *Пичикурова*, Стефан Яковлев *Кукурузяк*, Стефан Михайлов *Ткачюк*, Анна Яковлева *Петращюкова*, Алексей Феодор *Воргулян*, Ирина Васильевна *Кукурузякова*, Игнат Дмитриев *Отацкий*. В селе Маркоуць в 1862 году⁵⁵ появляются — Иоан *Баронецкий* дворянин, Петр Матвеев *Биковский*, мещанин *Билинский*, Иоан *Войтовски*, однодворец *Гранецкий*, Григорий Иоанов *Гурский*, Иоан Феодор *Завацкий*, Петр Фет. *Имбировский*, Клементий *Кондрацкий*, Феодор Иоанн *Кульчицкий*, *Комарницкий* дворянин, Клементий *Комбланский*, священник Онисифор *Котлевский*, Иоан Франц *Погурмански*, Григорий Иоанов *Подгурский*, В. Иванов *Понятовски*, Антон Андреев *Садовский*, Иоан *Саковски* однодворец, Антон Дамиян *Саковски*, Иоан Симеон *Сирковский*, Иоан Иосиф *Туманевский*, Иосиф Тимофеев *Тумашевский*, Павел *Хмиловский* царанин (=крестьянин) (См. приложение № 5).

По нашему мнению, иммигранты прибывали в основном по двум направлениям — из Подолии, с одной стороны, и Буковины и Галиции — с другой. В случае с Подолией этот процесс не имел политических препятствий. И Подолия, и Бессарабия находились в одном государстве. Между обитателями обоих берегов Днестра существовали различные связи, в том числе семейные, и поэтому в метрических книгах часто фиксируются браки живших на разных берегах, подоляне часто выступают как поверенные и т. п. Можно предположить, что обратного процесса в

таким масштабе не существовало. Однако эту ситуацию можно было бы прояснить, исследуя архивные материалы из Каменца-Подольского.

Другим важным направлением было австрийское. Как мы показали выше, по данным списков жителей Хотинской области за 1821 год, в нескольких селах уже тогда существовало по десятку семей «беженарей из Австрии». Ниже мы приведем пару примеров за 1865 г. *Ab initio* считаем, что в этом случае причиной иммиграции стали голод и/или эпидемия. В селе Рокавинец, 2-го округа, появляются австрийские поданные — из села Добриновец: житель царанин Тимофей Григориев Чобан⁵⁶, царанин Василий Григориев Стругар⁵⁷, Георгий Андреев Роголиевский⁵⁸, Виктор Яковлев Мандцелевский⁵⁹ (все православного исповедания); Львовской губернии однодворец Иван Матвеев Визовский (католического исповедания)⁶⁰. Среди умерших — двухмесячный ребенок Василий сын Георгия Иванова Максимчука из села Заставны (Буковина, около границы с Бессарабией); Николай, 20 лет, сын Георгия Николаева из села Дубел, Стрийского уезда⁶¹; Мария Алексеева, 57 лет, жена Гавриила Георгиева Малофийчука из села Заставна⁶²; сын Анатолия Чорного из села Боянчука⁶³ (около границы, недалеко Новоселицы Хотинского уезда); села Липной, Львовской губернии, Афанасий, 1 год, сын Михаила Стефанова Тачинского⁶⁴.

Можно сделать предварительный вывод о том, что в 60-х годах существовала иммиграция крестьян (скорей всего, рутян/руснаков) из Галиции и Буковины (масштаб этого процесса пока трудно оценить) и начинался процесс аккультурации католиков Хотинского уезда (число этих католиков тоже не подлежит пока оценке).

Просвещение в Хотинском уезде в XIX веке

Ниже мы остановимся коротко на некоторых аспектах развития просвещения в Хотинском уезде в XIX веке.

В 1828 году в городе Хотине было открыто уездное училище. Первые документы об этом училище датированы 1852 годом⁶⁵. Сведений о предыдущих 23-х годах не сохранилось. В начале отчета 1852 года указано: «Состав училища. Состоит из Хотинского уездного училища и из Хотинского приходского ланкастерского

училища»⁶⁶. На тот момент там работали один законоучитель, три «учителя наук», один преподаватель рисования, один преподаватель молдавского языка. В Ланкастерском училище был один учитель. Помимо этого работали два человека прислуги.

Молдавский язык преподавался с 28 сентября 1843 г., французский и немецкий — с 1 августа 1849 г. Отсутствие в программе с 1828 до 1843 г. молдавского языка указывает на изменения в политике по отношению к Бессарабии в этот период, что вписывается в общий контекст более сурового курса Николая I. Хотя возможно, что причина была в отсутствии преподавателя с такой специализацией⁶⁷.

Всего в 1852 г. училось 152 человека. В числе учащихся был 31 дворянин, 36 детей чиновников, 5 — духовного звания, 10 разночинцев, 1 иностранец, 1 купец 3-й гильдии, мещане и другие податные сословия составляли 17 человек, 7 солдат. Евреев не было. Из всех обучавшихся не показало успехов: по неспособности — 10, по нерадению — 5, по редкому посещению — 8. В училище имелась библиотека, которая насчитывала 200 названий и 355 томов, 38 наименований периодических изданий — 79 томов.

Через 35 лет, в 1887 г., в Хотинском уездном училище уже не преподавались молдавский, немецкий и французский языки. В первом классе учили Закон Божий, русский язык, арифметику, географию, чистописание, рисование и черчение. Во втором классе к этим предметам прибавлялась история, которую учили и в третьем классе⁶⁸. Всего в трех классах было 110 учеников, из которых 28 остались на второй год, а один был исключен. Из 110 учеников от Божьего Закона были освобождены 29, из них 20 было евреями, а 9 — католиками (скорее всего, все поляки). Логично предположить, что в 1887 г. украинцами, молдаванами и русскими были 81 из 110 учеников.

В 1865 г. в уезде было открыто первое народное училище в селе Бабин, которое уже тогда, скорее всего, было украинским. Через два года в местечке Единец было открыто еще одно подобное учебное заведение, а в 1885 г. уже существовало 26 народных училищ. Из них два были женскими — в Единцах и Кельменцах. Больше всего училищ появилось в 1870 г. — пять, а потом в

1874 г. — четыре. Данные о годах открытия и населенных пунктах мы привели в приложении № 7.

В уезде существовало и много церковно-приходских школ. Судя по данным списка учащихся, подвергнутых выпускному испытанию, в 1889 г. работали 38 школ⁶⁹. В 1899 г. справки о времени рождения учащихся для получения свидетельства об окончании церковно-приходских школ были получены в 18 селах⁷⁰. В «сведениях о числе учащихся в церковно-приходских школах Хотинского уезда за 1914 год» появляется 14 школ⁷¹. Судя по последнему документу, школы не смогли принять 123 детей в Санкоуцах, 40 — в Перебиях, 25 — в Бордюге и т. д. Всего было отказано 239 детям. В этих 14 школах в 1914 году обучались 703 ученика, хотя были рассчитаны на обучение 667 человек.

Данных о просвещении в Черновицком архиве сохранилось не так много. Большинство информации относится к 1900–1915 годам. Вышеприведенные сведения носят отрывочный характер, однако крайне важны для получения реальной картины социальной жизни Хотинского уезда в XIX в.

Данные, которые мы привели выше, носят предварительный характер, на данном этапе преждевременно делать обобщения. Мы остановились на них, чтобы показать, как мало известно о севере Бессарабии этого периода, как много проблем ожидает своего исследователя. Наш подход в данной статье был позитивистским. Многие имеющиеся в нашем распоряжении архивные материалы еще обрабатываются, и в скором будущем, возможно, удастся представить сводные таблицы по рождаемости, бракам и смертности в селах Хотинского уезда в 60-х годах XIX в. Эти годы выбраны нами случайно, однако приведенный в данной статье материал может служить точкой отсчета для дальнейшей работы.

Предварительные выводы, к которым мы пришли, следующие:

1. В историографии отмечается, что в XIX в. в Хотинском уезде, одном из самых густонаселенных в Бессарабии, произошел заметный прирост населения, а также существен-

но увеличился процент украинского населения, в т.ч. за счет миграции (по социально-экономическим причинам) с «австрийских земель» — Львовской губернии и Буковины. Вследствие этого молдавско-украинский этнический паритет первой половины XIX в. (о котором писали А. Болдур, В. Зеленчук, И. Попович, а в последнее время и К. Унгуряну) исчез, и в 1897 г. задекларировавшие себя румыноязычными (молдавоязычными) жители составляли 23,87 % населения уезда.

2. Местное украинское население начало пополняться переселенцами уже в 1821 г. Не опубликованные до сих пор документы, как «Списки жителей Хотинского уезда. 1821 год», содержат фамилии и имена «беженарей», прибывших из Австрии, и одиночные случаи людей из «страны Немецкой» и России. Они появлялись в округах Верхнего Прута (позднее упраздненного) и Чухур (позднее присоединенного к уезду Сороксоко).
3. Примеры, относящиеся к 60-м годам XIX в., показывают, что помимо украинцев на Хотинщину прибывали и переселенцы католического исповедания, которые не были простолюдинами, в большинстве своем поляки, хотя в Каменецком уезде проживали и крестьяне католического вероисповедания.
4. Вследствие религиозной аккультурации эти католики, процент которых нуждается в уточнении, скорее всего, дополнили украиноязычное население губернии. Из приведенных в тексте и приложениях примеров следует, что аккультурация происходила пятью путями — переход взрослых (через миропомазание), крещение маленьких детей из католических, а также из смешанных семей, и венчание католиков у православных.
5. Просмотр метрических книг Хотинского уезда также позволяет отметить миграцию из соседнего уезда — из Каменецкого уезда, с другой стороны Днестра, в Хотинский уезд. Этот миграционный процесс был более распространен в двух округах, расположенных на Днестре. Возможно, что он начался раньше, в XVIII в.

6. Данные о составе учащихся Хотинского уездного училища, самого большого и главного в уезде, не позволяют представить точный этнический состав, а только конфессиональный. В 1887 г. из 110 учеников 3-х классов 9 было католиками и, скорее всего, поляками, а 81 — украинцами, молдаванами и русскими.
7. Важным условием просвещения населения уезда было открытие народных училищ, первое из которых появилось в 1865 г. в селе Бабин. В 1885 г. их уже было 26, из которых два — женских. Представляется, что данные об учебной программе и о текущих проблемах, обсуждавшихся на заседаниях учительских советов, можно найти в Государственном архиве Черновицкой области.

Метрические книги 1830–1850-х годов, которые мы просмотрели, но не учли в общей статистике, позволят в будущем дополнить картину, представленную в этой статье.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Населенные пункты Хотинского уезда (в 60-х годах XIX в.) по округам, на основании метрических книг (написание соответствует оригиналам, кроме буквы «ъ»⁷², которую мы опустили):

1-й округ

Атаки	Добинян	Недобоевки	Рухотина
Бочковець	Зирошан	Несилтеуць	Санковець
Бырнава	Кельменець	Пашковець	Ставчан
Вартиковець	Клишковець	Персбыковець	Шиловець
Вороновицы	Коплевка	Перковець	Ширеуць
Гиондеева	Круглика	Поляны	Штикавець
Грачинець	Лельковець	Пригоридка	Ченопос
Гордиуць	Мошанца	Риликова	Хотин
Дамковець	Мишинець	Рукшина	

2-й округ

Баламутовка	Колинкоуць	Несвоя	Толбурян
Берестя	Корсинець	Новоселица	Черлена
Белоуць	Кишла-Салиева	Негринць	Тарасауць
Болкоуць	Костечані	Ренгача	Черлена Маре
Ванчикуоць	Котилева	Рокелиной	Шендрань
Диноуць	Крывой	Рокавинец	Шербинець
Довжка	Малинешть	Сенжеры/Синжера	Форостна
Долянка	Мамальга	Сталинешть	
Дрепкоуць	Маршинець	Строешть	

3-й округ

Бабин(а)	Гриманкоуць	Коржеуць	Тринка
Баласинешть	Гординешть	Котела	Тырнова
Буковица	Грушевецъ	Ларга	Тыцкань
Бричань	Ирстова	Липкань	Фитешть
Бурланешть	Комаров	Новоселица	Шируоць
Бурдужа	Молодова	Перерыта	Яноуць
Ви[и/е]шора	Нагорян	Рос[а/о]шань	
Волчинца	Каракушань	Селища	
Гилавецъ	Кишла-Замостева	Табана	

4-й округ

Барладян	Гвоздоуць	Кулишовка	Паладии
Болбоки	Гинькоуць	Ла[о]мачинец	Романкоуць
Болкоуць	Глиной	Маркоуць	Ротунда
Белоусовка	Единецъ	Мендиккоуць	Сербичень

(4-й округ, продолжение)

Василиуць	Клокушна	Михалкова	Секурян
Васкоуць	Коболчина	Михалашан	Требисоуць
Волошкова	Коликеуць	Неповоротова	Шобутенець
Ветрянки	Корестоуць	Ожогова	Чепелеуць
Гадороуць	Кормани	Окница	

2. Населенные пункты по спискам жителей пяти округов в 1821 г. (документ отредактирован молдавской кириллицей и переписан латиницей в межвоенном периоде неизвестным архивистом):

а) **Пруту де Сус** [Верхний Прут] — Ноуа Сулицэ, Маршэница, Тэрсэуць, Ванчикэуць, Костичень, Шендрень, Негринць, Кошулень, Мэмэлига, Крива, Чьебрэу, Залучик, Кышла луй Салие, Несфоя, Стэлинешть, Черленамаре, Малинештий, Котелеу;

б) **Мовилэу** — Ярова, Балинций, Тэтэрэука Веке, Тэтэрэука Ноуэ, Телешеукэ, Самойлеука, Рудий, Унгурий, Кэлэрэшэука, Волчинешть, Вережень, Гырбова, Кодрень, Линкауць, Бричень, Саука, Сударка, Кэлэрэшэука;

в) **Мижлокулуй** [Середины] — Бешнэуць, Тырнова, Володень, Каракушень, Тэван, Рэтунда, Хлиноая, Маркауць, Бэлкэуций де Жос, Единца, Хоргинешть, Зелина, Котюджень, Ларга, Рошулень, Коликэуць, Новоселица, Котела, Нелипауць, Вартикауць, Кышла Замшеулуй, Трынка;

г) **Чухурулуй** — Зэбричень, Перчелянка, Почюмбень, Почюмбэуць, Бикирюл, Кюртул, Купчинул, Паркова, Русэнь, Пэладэ, Бэрлэдян, Хринэуць, Михэлэшешть, Дэнджень, Окница, Хэдэрэуць, Мындикэуць, Булбоака, Вэскэуць, Хрэмэнкэуць, Хрубна, Трибисэуць, Коритэуць, Чепелеуць, Хэнкауць;

д) **Пруту де Жос** [Нижний Прут] — Шэрэуць, Перерита, Вэишоара, Бэдраджь, Корпачий, Куконештий, Сэрбака, Думений, Костештий, Варатик, Хородиште, Теремна, Примештий, Хлина, Билавэц, Бэлэсэнешть, Бурлэнешть, Коржэуций, Фетештий, Брынзэний, Тецкань.

Примечание: На данный момент все местности, перечисленные в пункте «а», кроме села Крива (которое поглотило Чьебрэу) в Бричанском районе Республики Молдова, находятся в Новоселицком районе Черновицкой области Украины.

3. Книга регистрации прихожан, исповадавшихся при церквях приходов Хотинского уезда за 1861 год⁷³:

1. Мо[...] ⁷⁴ Успенская. 611 жителей.
2. Крива (*написано молдавской кириллицей*). 770 жителей.
3. Чебрева (*так же*). 111 жителей.
4. Дрепкоуць (*так же*). 1222 жителей.
5. Сталинешть. 790 жителей.
6. Кишла Салиева. 1250 жителей.
7. Балкоуць. 1017 жителей.
8. Толбуряны. 897 жителей.
9. Несвоя. 825 жителей.
10. Бьеловец. 676 жителей.
11. Сынжера 320 жителей,
12. Кирстинец. 643 жителей.
13. Довжка. 572 жителей.
14. Берестя. 441 жителей.
15. Форостна. 602 жителей.
16. Шербенец. 616 жителей.
17. Черлена Маре. 600 жителей.
18. Малинешть. 583 жителей.
19. Котелева (*написано молдавской кириллицей*). 913 жителей.
20. Даноуць. 1164 жителей.
21. Баламутовка. 1054 жителей.
22. Ржавенец. 1200 жителей.
23. Коленкоуць. 2529 жителей.
24. Рокитна. 1118 жителей.
25. Ревкоуць. 438 жителей.
26. Строешть. 394 жителей.

Число молдавских сел не ограничивалось вышеуказанными, но только в Криве, Дрепкоуць, Чебреве и Котелеве в 1861 г. священники писали информацию об исповедавшихся на молдавском языке. Считаем, что на тот момент нельзя утверждать, что использование славянских языков большинством священников молдавских сел было результатом какого-нибудь давления сверху. Скорее всего, в данном случае сказывалась конформистская позиция священнослужителей.

4. Переход католиков в православную веру в Хотинском уезде в 60-х годах XIX века (на основе метрических книг):

4.1. Крещение взрослых

1. Хотин. Храм свв. Константина и Елены. 16 февраля 1853 г. *Каролина* (рожденная 18 мая 1835 г.): «Дворянка Австрийско-поданная девица Каролина Антониева Мержвенская римско-католического исповедания по изъявленному ей намерению к Православной Кафолической Восточной церкви присоединена и Св. Миром помазана и причастия Св. Тайн удостоена с оставлением [...] имени Каролина. Свидетель — отставной аудитор 9-го класса Трофим Иванов Несторов»⁷⁵.

2. Хотин. Храм свв. Константина и Елены. 6 ноября 1862 г. *Мария* была к Православной Церкви «присоединена, Святым Миром помазана, и причастия Св. Тайн удостоена...»⁷⁶

4.2. Крещение детей католиков у православных

1. Ломачинец. 2 октября 1865 г., 1 января 1866 г.⁷⁷ *Юстина*: «Подольской губернии, Могилевского уезда, Села Выпояна, крестьянка Людвига Василиева Кухарова, католического исповедания, незаконно родила»⁷⁸.

2. Маркоуць. 12 (21) апреля 1864 г. *Александра*. Родители — «Феодор Домбровский и его законная жена Мария Иоанова, оба римско-католического Исповедания»⁷⁹.

3. Маркоуць. 12 (20) января 1865 г. *Татиана*. Родители — «Иосиф Иоанов Саковский и законная жена его Каролина Григорьева, оба римско-католического исповедания»⁸⁰.

4. Маркоуць. 19 (31) января 1865 г. Родители — «Иоанн Фомов Каминский и законная жена его Мария Григориева оба римско-католического исповедания»⁸¹.

5. Хотин. Церковь св. Александра Невского. 1867 г. *Василий*. «Дворянка девица Магдалена Афанасиева Голимбеовска римско-католического исповедания незаконно родила». Поверенный — Тимофей Иванович Босуцкий, хотинский мещанин⁸².

6. Хотин. Церковь св. Николая. 14 (18) апреля 1867 г. *Ирина*. «Каменец Подольской губернии, Каменецкого уезда, села Ходоровец Екатерина Иванова Болотницкая, Римско-Католического вероисповедания незаконно родила»⁸³.

4.3. Крещение детей из смешанных браков

1. Коржеуць. 8 (16) февраля 1863 г. Родители: «Проживающий в селении Коржеуцкаго хотинский мещанин Антоний Стефанов Каминский и законная жена его Екатерина Павлова, он католического, она православного вероисповедания»⁸⁴.

2. Маркоуць. 12 (24) января 1865 г. *Михаил*. Родители — «мещанин г. Хотина Евфрим Иванов Клеофас православного исповедания и законная жена его Софии Костова римско-католического исповедания»⁸⁵.

3. Хотин. Церковь св. Александра Невского. 20 (30) июля 1867 г. *Николай*. Родители: «Хотинский мещанин Михаил Василиев Романовский римско-католического исповедания и законная жена его Александра Федорова православного исповедания».

4. Хотин. Церковь св. Александра Невского. (?) Родители — «Отставной солдат Теофил Матушев Ставский римско-католического исповедания и законная жена его Мария Гаврилова православного вероисповедания». Свидетели — рядовой Петр Иулиянов Ярославский и девица крестьянка из Каменец-Подольской губ., Брацлавского уезда, Емилия Карлова Петчекова (?).

5. Хотин. Храм свв. Константина и Елены. 10 апреля 1867 г. *Яков*. Родители: «Австрийскоподанный Франц Францов Грык католического исповедания и законная жена его Ана Василиева православного исповедания»⁸⁶.

6. Хотин. Храм свв. Константина и Елены. 17 апреля 1867 г. *Даниил*. Родители: «Хотинский мещанин Антоний Илиев Студзинский римско католического исповедания и законная жена его Пелагия Константинова православного вероисповедания. Поверенные — Владимир Деонисиев Яценко и Дочь унтер офицер Гликерия Василиева Симеоново»⁸⁷.

7. Хотин. Храм свв. Константина и Елены. 13 (15) мая 1867 г. *Мария*. Родители: «Хотинский мещанин Карол Леонтиев Тарасинский католического вероисповедания и законная жена его Мария Иванова православного вероисповедания. Поверенные — хотинский мещанин Игнатий Матфеев Одарчук и жена унтерофицера Мария Максимова Симеонова»⁸⁸.

8. Хотин. Храм свв. Константина и Елены. 15 (23) мая 1867 г. *Елена*. Родители: «Подольской Губернии Проскуровского уезда села Останковар (?) крестианин Иван Матфеев Дроширецкий православного вероисповедания и законная жена его Юзефа Александрова католического вероисповедания»⁸⁹.

9. Хотин. Храм свв. Константина и Елены. 24 (28) мая 1867 г. *Симеон*. Родители: «Хотинский мещанин Филипп Никифоров Пинаев православного вероисповедания и законная жена его Мария Иосифова римско-католического исповедания»⁹⁰.

4.4. Венчание католиков у православных

Хотин. Храм свв. Константина и Елены. «Коллежский регистратор Ивстафий Григориев Яцимирский и девица дочь дворянина Теофилия Феминеова Мартовска римско-католического первым браком». Ему было 24, а ей 18⁹¹.

4.5. Смешанный брак в православной церкви

Маркоуць, год 1866. «Дворянин К.-Подольской губернии Людвик Вельгельмов из Герлицкив ... римско-католического исповедания... мещанка Анна Лукова Хмилевска православного исповедания, первым браком»⁹².

5. Примеры польских и/или украинских фамилий:

5.1. Хотин. Храм свв. Константина и Елены. 1853 г.

1. 15 (16) февраля. *Онисим* — подкидыш. Усыновители: дворянин Георгий Георгиев Мелфа и дочь города Хотина Гражданина Мария Александрова Дабжанская.

2. 30 мая 1853 г. «...и жена Австрийскоподанного мещанина города Черновець Филиция Иванова Станькевича»⁹³.

3. 25 июня (4 июля). *Феврония*. Родители: «хотинский мещанин Феодор Яковлев Явецкий и законная жена его Марина Кариева, оба православного вероисповедания». Свидетели: «хо-

тинский мещанин Петр Матфеев Завацкий и жена его Екатерина Феодорова Конюхова»⁹⁴.

4. Также упоминаются: хотинский гражданин Александр Михайлов *Дабжанский*, дворянин Константин Юстинов *Добровольский*, жена коллежского реестра Анна Казимира *Одржовска*, жена отставного поручика Надежда Васильева *Пехрефона*, Иван Антонов *Ковальский*⁹⁵.

5.2. Новоселица. 1856 год⁹⁶

Города Хотина мещанин Васили Прокошев *Островский*, жена его Анна Савельева, мещанин Сімеон Иванов *Ленковский* и жена его Мария Андреева, мещанин Иоан Феодоров *Яблонский*, дворянин Иван Антонев *Ягелницкий*, мещанин Карл Павлов *Савицкий* и законная его жена Евфримиа Адамова *Первый* (он католического, она православного вероисповеданий).

5.3. Коржеуць. 1863 год⁹⁷

1. *Проживающий в селении Коржеуцкаго Хотинский мещанин Антоний Стефанов Каминский и законная жена его Екатерина Павлова, он католическаго, она православного вероисповедания.*

2. Родители — Иоанн Кирилов Китик и законная его жена Анна Иоаннова. Поверенные — Антоний Иоаннов *Яворский* из Тырнава и Александра Стефанова *Русулова*.

5.4. Маркоуць. 1864 г.⁹⁸

Появляются — Василий Иосиф *Баронецкий*, Григорий Иоан Билинский, Лука Георгиев *Билинский*, Стефанов Андреев *Васютинский* и Игнатия *Леонтьева*, Лука Фомов *Имбирский*, Кирил Антон *Маковский*, Иоан Антонов *Подгурский*, Стефан *Подгурский*, Иосиф Тимофеевич *Тумашевский*, Павел *Тумашевский*, Стефан Григориев *Хмилевский*, Лука Фотиев *Имбировский*, родители Александры — Феодор *Домбровский* и его законная жена Мария Иоанова оба *Римско Католическаго Исповедания...*

Иоан Иосиф Тумановский и его законная жена Анна Иоаннова. Михаил Иоаннов Каминский и его жена Елена Иоанова...

Проживающий в селении Тырнова города Хотин, мещанин Казимир Францов Подгурский, исповедания Римско-Католическаго и его законная жена Мария Лукова исповедания православного...

Климентий *Кондратский*, Феодор Иоанов *Кульчицкий*, Дворянин Александр Василиев *Комарницкий* и его законная жена Марфа Георгиева, Лука Фотов *Имбировский*, Феодор Андреев *Яроцкий*, Климент *Кондрацкий*, Стефан Георгиев *Билинскый*, Георгий Иоанов *Войтовски*, Григорий Иоанов *Подгурский*, дворянин Иоан Иосифов *Баронецки*, Константин Иоанн *Бузинский*, мещанина Станислава *Васютинскаго* сын Иоан, дворянин Феодор Иоанов *Солониновский*, дворянин Иоан Степанов *Телински*, мещанин Игнатий Леонтьев *Сиятовский*, Клементия *Кондратскаго* дочь Екатерина, дворянин Александр Васильев *Комарницки*, мещанина Феодора *Домбровскаго* дочь Анна.

5.5. Новоселица. 1865 г.⁹⁹

1. Бухгалтер Новоселицкой таможи, титулярный советник Алексей Стефанов *Добровольский* и законная жена его Екатерина Ильева, оба православного исповедания. Как свидетель — почтмейстер, титулярный советник Дамиан Петров *Рачковский*.

2. «Австрийскаподанного Николая *Бургера* сын Николай 3 годика», умер 3 апреля.

3. «Австрийскоподанная Анна *Фурманова* 72 года», умерла 17 ноября.

5.6. Ломачинец. 1866 г.

— *Подольской губернии, Могилевскаго уезда, Села Вытояна, крестьянка Людвига Василиева Кухарова, католическаго исповедания, незаконородила. Священник Георгий Феодорович Галицкий, диакон Андрей Иванов Билинский, диакон Юлиан Николаевич Ривлевский.* Свидетели — *Города Могилева мещане Стефан Казимиров Мемедецкий и Анна Франкова Гусирненкива*¹⁰⁰.

5.7. Хотин. Храм свв. Константина и Елены. 1867 г.¹⁰¹

1. Григорій Іосифов *Ольшевский*, Потомственный Дворянин Георгій Михайлов *Билевичь*, кишиневский регистратор Франц Иванов *Зброоцек* и вдова прусскоподанная Жозефина Іосиефова *Ленерт*, почтмейстер титулярный советник Николай Ефимов *Белоцерковский*, рядовой Гавріил Войцехов *Ярославский*, мещанин Дмитрий Георгиев *Веселовский*, Мелания Авксинтиева *Буздыга*, мещанин Евфрем Феодоров *Ковтюк*, полковник Александр Константинов *Лидерс*, мещанин Карл Антониев *Брадавинский*,

губернский секретарь Иаков Николаев *Янушевский*, губернский секретарь Иван Симеонов *Яровицкий*, мещанин Петр Матвеев *Завацкий*, губернский секретарь Николай Георгиев *Доброльский*, Григорий Иванов *Радашовский*, жена протоиерея Антонина Яковлева *Добровольска*, Феодор Иванов *Родашевский*, мещанин Иван Дмитриев *Савицкий*, мещанин Григорий Томашев *Бочуцкий* р-кат., губернский секретарь Яковлев *Яворский*.

2. В бракосочетаниях — 29 января. *Дворянин Антоний Михайлов Ивашковачь* православного исповедания 1м браком 23 лет. *Комиссионная Регистраторша Олимпиада Феодорова Домбровска* православного исповедания 2м браком. 30 лет.

3. 3 мая. *Отставной подполковник Никифор Степанов Добрянский...* Вдова губернская секретарша Анна Михайлова *Мартанска*¹⁰².

4. 5 июня. Свидетели — губернский секретарь Иван Симеонов *Яровицкий*, коллежский секретарь Оома Иванов *Крыжановский*, губернский секретарь — Иосиф Фомов *Добровольский*¹⁰³.

6. Ученики, освобожденные от оплаты за учебу¹⁰⁴ (на русском):

№	Фамилия, имя	1-й год	1875/76	1876/77	Какого звания
1	Топалев Семен	1876	—	1 год	Сын законоучителя уездного училища
2	Бухатовичь Степан	1875	1	2	Сын штатного смотрителя
3	Затвардницкий Михаил	1874	2	3	Сын чиновника
4	Лопушанский Александр	1874	2	3	Сын мещанина
5	Михальча Михаил	1874	2	3	Сын иностранцев
6	Штеренгохоф Арон	1874	2	3	Сын мещанина

7. Открытие народных училищ в Хотинском уезде (1865–1885 гг.)¹⁰⁵
(на русском):

Год открытия	Селение
1865	1. Бабин
1867	2. Единец
1868	3. Коленкоуць
	4. Кельменец
	5. Липкань
1869	6. Коржеуць
1870	7. Гиондев
	8. Единец, женское
	9. Керстинец
	10. Клишковское училище
	11. Кельменец, женское
1871	12. Котюжань
1872	13. Клишковцы
1874	14. Балкоуць
	15. Грозинец
	16. Глиное
	17. Каплевск
1876	18. Васкоуць
1876/77	19. Долинень
	20. Бузовица
1877	21. Атаки
1878	22. Крива
1879	23. Ванчикуоць
1880	24. Романкоуць
1883	25. Гриманкоуць
1885	26. Владичень

8. Сведения о числе учащихся в церковно-приходских школах хотинского уезда за 1914 год¹⁰⁶ (на русском):

Название	Сколько учеников вмещает	Ученики в конце 1813 года	Отказано	Евреи
Рестео Атач	60	57	5	—
Санкоуць	22	40	123	—
Перебий	46	46	40	—
Рашков	35	22	—	—
Рокитна	1-й кл. 20, 2-й кл. 35	78	18	—
Сербичянь	45	50	3	—
Слободо-Широуць	32	31	—	—
Тарасауць	36	40	5	—
Бабин	60	54	—	3
Липкань	120	126 в 2-х классах	20	20
Новоселица	35	40	—	7
Широуць Низин	35	27	—	—
Форостна	60	58	—	—
Бордюга	25	34	25	—

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сайт Национального бюро статистики Республики Молдова. URL: <http://www.statistica.md/pageview.php?l=ru&id=2234&idc=295>. Дата доступа 25 мая 2012.

² Отчет о состоянии и деятельности училища за 1852 год // Державний архів Чернівецької області (далее ДАЧО). Ф. 137. Оп. 1. Д. 2. 6 л.

³ Список бедных учеников Хотинского уездного училища, представленные к освобождению от платы за 1876/77 учебный год // ДАЧО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 3.

⁴ Протокол заседания Педагогического Совета за 5-го декабря 1884 года // ДАЧО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 4. 3 л.

⁵ Таблица окончательного вывода по годичным испытаниям учеников Хотинского Уездного училища. Окончивших курс на 1887 год // ДАЧО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 1. 8 л.

⁶ Кроме нескольких исключений, большинство дел содержит информацию по целому округу и колеблется между примерно 800 («малые» дела) и 2000 («большие» дела) листами.

⁷ Указано имя ребенка, дата рождения и дата крещения, родители и их вероисповедание, социальное сословие, если из другого населенного пункта, то указывается и это, а также имя и сословие поверенных. Большинство жителей, даже в документах, написанные по-русски, это «царане» (т.е. свободные крестьяне). В случае села Мамалиги были государственные крестьяне. Остальные сословия — редкие дворяне и помещики, достаточно часто — местные чиновники, мещане Хотинского уезда и часто соседнего Каменецкого уезда. В селе Халахора встречались крепостные цыгане.

⁸ Указаны в отдельных колонках имя жениха и невесты и имя, отчество, фамилия родителей, их возраст, а на следующей странице — свидетели. Если брак не был первым, то указывалось — «вторым браком», «третьим браком».

⁹ Указывалось имя в случае ребенка и имя-фамилия отца или матери, возраст и причина. В случае дворян информация могла быть более пространной. Например — «проживающий в город Хотин Сербской нации дворянин Константин Анастасиевич грекороссийского исповедания умре и Священником Никифором Круковским погребен. 48 [лет] от конвульсий» // ДАЧО. Ф. 605. Оп. 1. Д. 47. Л. 34в.

¹⁰ Например, на 1854 г. — только село Шобутинец, а на 1845, 1847, 1857, 1861 и 1900 гг., по округу и больше. В этих книгах обычно в начале, после членов семьи священника, следуют данные о дворянах или помещиках, если таковые были, и потом уже простые крестьяне, у каждого указаны имя и возраст.

¹¹ Эти дела содержатся в 117 фонде ДАЧО.

¹² Разницы в писании обычно могли возникнуть в названиях, заканчивающихся на «ц». На пример по-молдавски/румынски «Коржеуць», и «Коленкоуць», формы которые сохраняются до 1860-х гг. и в церковных книгах. Уже в 1907 г., в книге, изданной в Кишиневе, о «Школьной сети с кратким обзором состояния начального образования. Вып. 5 — Хотинский уезд», на 98 и др. с. — «Коржеуць» и «Коленкоуць».

¹³ Старший научный сотрудник Отдела Новой Истории, Института Истории, Академии Наук Молдовы. Автор монографии о начальном образовании на Буковине в 1774–1918 гг. *Învățământul primar din Bucovina (1774–1918)*, Chișinău, Civitas, 2007, 336 S.

¹⁴ Не ясно генезис названия городка и района. В румынском «Ноуа Сулица» означает дословно «Новое Копье». Украинская форма же, Новоселица, возможно, относится к «новому поселению». В XIX в. это было малое поселение на границе с Австрией (Буковиной) которое развилось благодаря таможенному пункту и почте которые были там размещены.

¹⁵ *Ungureanu C. Populația din teritoriul actuali regiunii Cernăuți (sec. XIX – sec. XX) // Destin Românesc. 2011. №. 2. S. 105.*

¹⁶ *Boldur A. Istoria Basarabiei. București, 1992. S. 343.*

¹⁷ *Защюка А.* Бессарабская область / Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. В 2-х ч. СПб, 1862.

¹⁸ *Скальковский А.А.* Историческое введение в статистическое описание Бессарабской области. С. 412

¹⁹ *Ungureanu C. Op. cit. S. 99.*

²⁰ *Ibidem.*

²¹ *Boldur A. Op.cit. S. 345–346.*

²² Болдур приводит другие данные основываясь на подсчетах Швайцера — 160.562. См.: *Ibid. S. 346.*

²³ *Ungureanu C. Op. cit. S. 100.*

²⁴ *Ibidem.*

²⁵ *Ibid. S. 101.*

²⁶ *Зеленчук В.* Население Бессарабии и Поднепровья в 19 в. (Этнические и социально-демографические процессы), Кишинев, 1979. 287 с.

²⁷ В Национальном Архиве Республики Молдовы (Arhiva Națională a Republicii Moldova) содержится мало дел, касающихся Хотинского уезда. Часть из них хранилась в черновицком архиве, а часть была передана Центральным Архивом МССР, еще в 50–60-е гг. прошлого века, Областному архиву Черновицкой области Украинской ССР.

- ²⁸ Ungureanu C. Op. cit. S. 102.
- ²⁹ Ibidem.
- ³⁰ Ibidem.
- ³¹ Ibid. S. 104.
- ³² Возможно, Болдур просто перенял термин «рутян», используемый в начале XX в. и в межвоенном периоде в румынской историографии, относительно украинцев Буковины и Марамуреша.
- ³³ Boldur A. Op.cit. S. 492.
- ³⁴ Nistor I. Istoria Basarabiei. Chişinău, 1991. S. 198.
- ³⁵ Ibid. S. 199.
- ³⁶ Молдавское слово, произошедшее от славянского глагола «бежать».
- ³⁷ Boldur A. Op.cit. S. 492.
- ³⁸ См. Приложение № 2.
- ³⁹ Списки жителей сел Хотинского уезда. 22 апреля 1821 — 3 сентября 1821 // ДАЧО. Ф. 1168. Оп. 1. Д. 21. Л. 26.
- ⁴⁰ Там же. Л. 28.
- ⁴¹ Там же. Л. 27в.
- ⁴² Там же. Л. 29.
- ⁴³ Там же. Л. 30.
- ⁴⁴ Там же. Л. 35.
- ⁴⁵ Там же. Л. 36в.
- ⁴⁶ Там же. Л. 48.
- ⁴⁷ См. Приложение № 3.
- ⁴⁸ *Księga Metryczna N.N. Rzymsko-Katolickiego Parafialnego Kościoła* // ДАЧО. Ф. 605. Инв. № 1. Д. 278.
- ⁴⁹ ДАЧО. Ф. 605. Инв. № 1. Д. 140. Л. 119в.
- ⁵⁰ Там же. Д. 143. Л. 368в.
- ⁵¹ Там же. Д. 145. Л. 762 и сл.
- ⁵² Там же. Д. 160. Л. 760в.
- ⁵³ Там же. Д. 140. Л. 207в.
- ⁵⁴ Там же. Д. 160. Л. 590 в.
- ⁵⁵ Там же. Д. 142. Л. 655-712.
- ⁵⁶ Там же. Д. 148. Л. 171.
- ⁵⁷ Там же. Л. 177в.
- ⁵⁸ Там же. Л. 183в.
- ⁵⁹ Там же. Л. 186в.
- ⁶⁰ Там же. Л. 177в.
- ⁶¹ Там же. Л. 205в.
- ⁶² Там же. Л. 208в.
- ⁶³ Там же. Л. 209в.
- ⁶⁴ Там же. Л. 210в.
- ⁶⁵ Отчет о состоянии и деятельности уездного училища за 1852 год // ДАЧО. Ф. 137. Инв. № 1. Д. 2. 6 л.
- ⁶⁶ Там же, Л. 1.
- ⁶⁷ См.: *Cursulă I. Abecedă rumână*. Первый курс. Азбука румынская, Кишинев, 1865. С. 1, сноски 1. О Хотинском училище он написал: «В этом училище, насколько мне известно, предложено закрыть кафедру румынского языка, за неимением слушателей; но многие думают, что скорее — за неимением преподавателя и дельных учебников. Как бы то ни было, а очень жаль! Нам кажется, что местному юношеству во многих отношениях гораздо полезнее иметь возможность изучать язык страны, чем поверхностно — языки французский, или немецкий».

- ⁶⁸ См. ДАЧО. Ф. 137. Инв. № 1. Д. 1.
- ⁶⁹ ДАЧО. Ф. 375. Инв. № 1. Д. 28. 4 л.
- ⁷⁰ Там же. Д. 24.
- ⁷¹ См. приложение № 8.
- ⁷² На мягкий знак обычно заканчивались названия молдавских сел: Негринць, Сталинешть и др. При переходе на латиницу эти названия пишутся Negriñți, Stalinești, хотя конечная буква «i» произносится как половина «ь».
- ⁷³ ДАЧО. Ф. 605. Инв. № 1. Д. 138. 490 Л.
- ⁷⁴ В документе неясно. Возможно, если вторая буква описка, Мамалыга, первое село на запад от Кривы. А может быть и село Молодова.
- ⁷⁵ Там же. Д. 111. Л. 1283в.
- ⁷⁶ Там же. Д. 140. Л. 131.
- ⁷⁷ Первая дата — день рождения, а вторая дата — день крещения.
- ⁷⁸ Там же. Д. 151. Л. 569в.
- ⁷⁹ Там же. Д. 145. Л. 758в.
- ⁸⁰ Там же. Д. 149. Л. 763в.
- ⁸¹ Там же. Л. 768в.
- ⁸² Там же. Д. 156. Л. 7в.
- ⁸³ Там же. Л. 139.
- ⁸⁴ Там же. Д. 143. Л. 370в.
- ⁸⁵ Там же. Д. 149. Л. 764.
- ⁸⁶ Там же. Д. 156. Л. 83в.
- ⁸⁷ Там же. Л. 84в.
- ⁸⁸ Там же. Л. 87в.
- ⁸⁹ Там же. Л. 88в.
- ⁹⁰ Там же. Л. 89в.
- ⁹¹ Там же. Л. 111в.
- ⁹² Там же. Д. 151. Л. 771в.
- ⁹³ Там же. Д. 111. Л. 1290.
- ⁹⁴ Там же. Д. 111. Л. 1292в.
- ⁹⁵ Там же. Д. 111. Л. 1293в.–1300.
- ⁹⁶ Там же. Д. 119. Л. 202в–211в.
- ⁹⁷ Там же. Д. 143. Л. 370в–375в.
- ⁹⁸ Там же. Д. 145. Л. 753–798в.
- ⁹⁹ Там же. Д. 148. Л. 17в, 35в и 40в.
- ¹⁰⁰ Там же. Д. 151. Л. 569в.
- ¹⁰¹ Там же. Д. 156. Л. 78в–108в.
- ¹⁰² Там же. Л. 110в.
- ¹⁰³ Там же. Л. 110в.
- ¹⁰⁴ Там же. Ф. 137. Инв. № 1. Д. 3.
- ¹⁰⁵ Отчеты заведующих училищ о состоянии училищ в 1887 г. // ДАЧО. Ф. 219. Инв. № 3. Д. 2. 26 л.
- ¹⁰⁶ ДАЧО. Ф. 375. Инв. № 1. Д. 89.

*Павло Павлович
ГАЙ-НЫЖНЫК*

ИГОРЬ КИСТЯКОВСКИЙ: РОССИЙСКИЙ КАДЕТ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ УКРАИНЫ

Известный в российских и украинских дореволюционных кругах адвокат, московский присяжный поверенный и общественный, а с провозглашением 29 апреля 1918 г. Украинской Державы в форме Гетманата еще и государственный деятель, Игорь Александрович Кистяковский (1876–1940) по праву считается одной из самых просвещенных личностей своего времени. К сожалению, в современной историографии жизнь и деятельность И.О. Кистяковского, который, по словам бывшего украинского гетмана П. Скоропадского, «управлял страной в, так сказать, междуцарствие»¹, все еще абсолютно не исследована. Надеемся, это временное явление, ибо без анализа позиции, роли и действий этого человека во время существования гетманского режима в Украине в 1918 г. невозможно понять и отобразить в полной мере политические процессы и государственное строительство в период Гетманата П. Скоропадского (29 апреля – 14 декабря 1918 г.).

Положение Игоря Александровича в гетманской властной вертикали в 1918 г. тяжело переоценить. Имя И. Кистяковского, государственного секретаря, а вскоре министра внутренних дел Украинской Державы, в то время не сходило как с газетных листов, так и с уст известных политиков и обычных граждан. Как вспоминал один из общественно-политических деятелей того времени, «Игорь Кистяковский и во время, и после гетмана был у нас притчей во языцех. Его обвиняли во всевозможных пороках и называли «злым гением» Скоропадского»². А один из лидеров украинских левых социал-демократов В. Винниченко называл И. Кистяковского самым умным из кадетов, который своей ловкостью сделал главу украинского государства своим рабом³. Он

играл ведущую роль в Совете Министров страны и имел весомые рычаги влияния на гетмана, а сам П. Скоропадский называл его своим «злым духом»⁴.

Родился И.А. Кистяковский 4 января 1876 г. в Киеве в семье известного ученого и общественного деятеля, профессора Киевского университета Св. Владимира Александра Федоровича Кистяковского (1829–1884) и сестры известного украинского деятеля, автора гимна «Ще не вмерла Україна» П.П. Чубинского. Брат Игоря Александровича Б. Кистяковский также стал известным ученым и в 1918 г. был причастен к государственным структурам Гетманата. В детские и юношеские годы рос под влиянием таких видных украинских деятелей, как В. Антонович (который приходился ему родственником), В. Науменко, П. Житецкий и др. Окончил юридический факультет Киевского университета с золотой медалью за работу по истории римского права. По окончании университета выехал в Германию и провел там три года, изучая в разных немецких университетах гражданское и римское право.

После возвращения в Россию стал доцентом Киевского университета по кафедре римского права. В 1903 г. выехал из Киева в Москву, где занялся адвокатурой, стал присяжным поверенным. Одновременно в качестве приват-доцента преподавал в Московском университете гражданский кодекс. Оставил университет в 1910 г. в знак протеста против вмешательства в университетское самоуправление со стороны министра образования Кассо; вместе с тем продолжал читать лекции в Московском коммерческом институте.

Как адвокат Кистяковский снискал себе широкую популярность в Москве. Он был членом масонской ложи «Великий Восток Народов России», существовавшей в 1912–1916 годах, в которой ведущую роль играли члены партии конституционных демократов⁵. Живя в старой столице, энергично интересовался украинским национально-культурным движением и материально поддерживал московское издание «Украинской Жизни» (сотрудником которой был С. Петлюра). Как отмечал Д. Дорошенко, «на его мировоззрение во много повлияли в свое время писания Драгоманова, с которым познакомил его старший брат, известный украинский ученый и заядлый драгомановец Богдан Ал. Кистяковский»⁶. Сам

Игорь Кистяковский часто любил рассказывать, что его предки брали участие в битве под Полтавой, после которой остался в живых лишь один Кистяковский, от которого и пошел его род⁷. После большевистского переворота вернулся в столицу Украины. В Киеве в 1917–1918 годах И. Кистяковский жил в так называемом «шоколадном доме» — красивом двухэтажном особняке с многочисленными скульптурными украшениями по ул. Левашовской, 15-А (сегодня — Шовковична, 17/2).

Вполне очевидно, что Игорь Александрович до революции был далек от большой политики, как, впрочем, и от украинского революционного движения, хотя и принимал участие в национальной культурно-просветительской жизни и даже рассказывал гетману П. Скоропадскому, что в 1915–1916 годах он был причастен к революционной деятельности. Мы считаем, что И. Кистяковский был ярким представителем так называемой национальной «буржуазной» (консервативной) интеллигенции с острой антипатией к социалистическим идеям, плодом российского имперского организма и украинской духовной культуры и генетической природы. Именно поэтому, когда в апреле 1918 г. после предварительных попыток сформировать правительство Украинской Державы М. Устимовичем и Н. Василенко, 10 мая 1918 г. окончательный состав Совета Министров был составлен Ф. Лизогубом, Игорь Кистяковский вошел в его состав. В Кабинете Ф. Лизогуба он принадлежал к группе министров, которая организовалась приватно для поддержки и твердого проведения национального курса (Б. Бутенко, Д. Дорошенко, И. Кистяковский, Ю. Любинский и О. Рогоза)⁸. Что касается его украинской позиции, то, например, Д. Донцов засвидетельствовал в своем дневнике, что как-то И. Кистяковский высказался относительно единственно возможной альтернативной развязки украинско-московского противостояния: «либо украинец будет чистить сапоги москалю, либо москаль украинцу»⁹. Сам он, отметил при этом Д. Донцов, желал чистить сапоги москалю. Впрочем не стоит довольно серьезно воспринимать колкие комментарии Д. Донцова, поскольку в 1918 г. он служил директором Украинского телеграфного агентства (УТА) и был подчиненным И. Кистяковского, а их личные отношения были, мягко говоря, антипатичными и сильно обостренными¹⁰.

Вот, например, позиция И. Кистяковского относительно крымского вопроса, которая проливает свет на некоторые убеждения тогдашнего госсекретаря Украины. Когда 16 мая 1918 г. под председательством Н. Василенко в здании МИДа состоялось по этому поводу специальное совещание за закрытыми дверями, И. Кистяковский откровенно заявил, что «без Крыма Украина будет отброшена на восток и север в объятия Москвы», добавив: «Без Бессарабии и Холмщины [государственный] организм может существовать, но не без Крыма. Самостоятельность в таком случае иллюзорна. Относительно народностей, которые заселяют Крым, то принцип самоопределения наций должен иметь разумные границы»¹¹. При этом госсекретарь был противником федеративного присоединения полуострова к Украинской Державе, отметив, что это будет означать фактический отказ от Крыма.

В правительстве Ф. Лизогуба И. Кистяковский вначале (в мае 1918 г.) получил портфель государственного секретаря. Государственный секретариат вел техническую часть протоколирования заседаний Совета Министров, редактировал и впоследствии публиковал его решения; был институцией, которая должна была редактировать и публиковать законы, разного рода доклады, проекты, уставы, официальные записки и т. д.; кроме того, сотрудники этого ведомства, отлично владея украинским языком, отвечали за его чистоту и не единожды выступали (в том числе и официально) в качестве охранителей его государственного статуса*.

В этом контексте важное значение имела пресса. На первых порах существования Гетманата разрешение вопросов, связанных с прессой, было сконцентрировано в Министерстве внутренних дел под опекой товарища министра А. Вишневого и директора Пресс-бюро Д. Донцова. Вскоре этот вопрос перерос в проблему, которую даже в Совете Министров затруднялись перевести в плодотворное русло. При этом, однако, государственный секретарь И. Кистяковский, который не имел никакого отношения к заведованию этим вопросом, как вспоминал гетман, «судя по его заявлениям, вопрос прессы понимал и придавал ему большое

* Так, например, известна опубликованная в октябре 1918 г. записка сотрудников Государственного секретариата, подписанная его высшими чинами, к государственному секретарю С. Завадскому в защиту государственного статуса украинского языка по поводу нареканий отдельных высших правительственных чинов. См.: Державний вістник. 1918. № 10.

значение»¹². Он (И. Кистяковский) постоянно интересовался проблемами прессы, указывал пути их разрешения и, главное, имел четкую систему, которая понравилась П. Скоропадскому. Именно поэтому гетман и решил передать вопрос прессы в ведение государственного секретаря.

«Кистяковский рьяно взялся за дело. Было, между прочим, решено, — вспоминал П. Скоропадский, — кроме правильной постановки с повседневной прессой, создать еще особое украинское издательство, где бы печаталась только одна хорошая украинская литература для народа. Были у Кистяковского заседания с целым рядом лиц. Все настаивали на приобретении очень большого дома, который явился бы дворцом прессы. Замашки были очень широкие. Информация должна была быть правильно поставлена, кроме прессы, тут должен был сосредоточиться весь отдел пропаганды, и кинематограф, и плакаты и т. п. Началось с того, что дом купили и освободили его. Затем не было ротационных машин. Наконец, и это достали...»¹³. А затем И. Кистяковский был назначен министром внутренних дел и до успешного разрешения проблемы не дошло.

Сотрудники Государственного секретариата (за исключением его председателя) покидали заседание правительства лишь при обсуждении им секретных вопросов. И. Кистяковскому довелось налаживать работу и фактически создавать Государственный секретариат (до него госсекретарем непродолжительное время был Н. Гижицкий). В результате Государственный секретариат при Совете министров Украинской Державы приобрел окончательный структурный вид в составе департаментов: законодательных дел Государственной канцелярии (директор М. Володковский), общих дел Государственной канцелярии (дир. С. Гаевский), государственной типографии (Г. Иовенко), редакции «Державного вестника» (редактор И. Ющишин), Терминологической комиссии (проф. А. Крымский) и секретаря Совета министров В. Дитятина¹⁴. На должности государственного секретаря Игорь Александрович работал до начала июля 1918 г., когда ему предложили занять кресло министра внутренних дел.

Одновременно с мая 1918 г., со времени начала мирных переговоров между Украинской Державой и РСФСР, И. Кистяковский

(до 10 августа 1918 г.) — заместитель председателя украинской мирной делегации. Вместе с главой делегации С. Шелухиным он подписал прелиминарный мир и 12 июня 1918 г. текст договора о прекращении вражеских действий и восстановлении железнодорожных коммуникаций. При делегации работало 8 комиссий: политическая, военно-морская, финансовая, коммуникационная, культурная, экономическая и юридически-редакционная, а в определенных моментах также и культурная комиссия Министерства вероисповеданий.

С августа 1918 г., уже будучи министром, он стал сенатором Общего собрания Государственного Сената Украинской Державы.

В начале июля 1918 г. Игорь Кистяковский, который производил впечатление волевого, исключительно работоспособного человека, хотя и обладающего определенным цинизмом, был назначен министром внутренних дел Украинской Державы¹⁵. Новому министру пришлось заниматься рядом сложных и противоречивых вопросов государственного устройства, разрешать которые пришлось в сложных послереволюционных условиях на Украине. Административно-территориальное устройство Украинской Державы состояло из губерний во главе с губернскими старостами. Подавляющее число губернских и волостных старост были местными землевладельцами и в основном земскими деятелями, судьями, часть из них — военными, но также местными уроженцами; лишь несколько человек относились к числу профессиональных управленцев. Однако некоторые губернские старосты, назначенные в начале Гетманата, были довольно одиозными фигурами в глазах украинской общественности. Такими, например, являлись киевский губернский староста И. Чарторыжский (бывший губернатор оккупированной российской армией Тернопольщины) или, скажем, губернский староста Харьковщины П. Залеский (сторонник признания в Украине русского языка государственным). С приходом на должность министра внутренних дел И. Кистяковского они были уволены с указанных должностей и заменены другими людьми (П. Залеский был уволен 2 июля, а И. Чарторыжский — 30 августа 1918 г.)¹⁶.

Вскоре такая «чистка» была проведена и среди волостных старост. Однако в этом, казалось бы, распорядительном деле обнару-

жились немалые сложности. Их наглядно можно заметить на примере замены губернского старосты Киевщины. Когда был снят с должности И. Чарторыжский, И. Кистяковский предложил занять ее членам украинских национально-социалистических партий, однако на это предложение не откликнулся никто, даже бывшие губернские комиссары Центральной Рады. Таким же образом социалисты отказались поступить на службу и в министерство (в том числе на должности членов совета министра внутренних дел, от которых зависели назначения на административные должности на местах). Пришлось назначать людей не с точки зрения их отношения к украинской государственности, а исключительно глядя на профессиональные способности отдельных кандидатов.

В МВД начались и четко спланированные украинизационные процессы, раскритикованные оппозицией. Как писал один из ведущих членов Центральной Рады и еврейский общественно-политический деятель А.А. Гольденвейзер, «когда нас стали украинизировать Скоропадский и Игорь Кистяковский, то это сугубо оскорбляло и коробило...»¹⁷.

Довольно обширную характеристику И. Кистяковскому как человеку, министру внутренних дел и его административным усилиям дал в эмиграции бывший товарищ (заместитель) государственного секретаря Украинской Державы Н. Могилянский. Он, в частности, так вспоминал ситуацию лета 1918 г.: «Министром внутренних был в этот период уже не безвольный Ф.А. Лизогуб, а И.А. Кистяковский, наиболее яркая фигура во всем министерстве гетмана, умный, талантливый и чрезвычайной работоспособности человек. Он из последних сил выбивался, стараясь укрепить власть, что отчасти, особенно в провинции, ему и удавалось, но объединить кабинет [министров] на единственно спасительной в тот момент политике твердой власти было невозможно, и такие влиятельные министры, как, например Н.П. Василенко, деловой С.М. Гутник, симпатичный и гуманный В.В. Зеньковский, шли определенно против Кистяковского, увлекая за собой ровно половину Совета министров. Повторялась трагедия власти Временного правительства в Петрограде, и, несмотря на предупредительный, яркий опыт истории, люди упорно держались пути политической маниловщины и невозмутимого прекраснодушия.

Но весьма понятно, что в создавшихся условиях работа министерства не была и не могла быть продуктивной.

В самом начале своей деятельности на боевом посту министра внутренних дел Кистяковский все свои усилия употреблял на привлечение к практической, созидательной деятельности местных национальных украинских деятелей. Но, к сожалению, на этом пути он потерпел почти полную неудачу, ибо все это были в большинстве своем люди, привыкшие к беспочвенной оппозиции, и они, за весьма редкими исключениями, оказались неспособными к простой, деловой работе... Особенно трудно было наладить аппарат местной власти: с фатальной неизбежностью приходилось возвращать к власти и вербовать для кадров новой власти людей опыта старого времени, которые были к тому же настроены очень озлобленно всеми предыдущими событиями. И люди начинали действовать по-старому, забывая, что изменилась не только обстановка, в которой приходилось работать, но и, самое главное, обывательская психика»¹⁸.

Министру пришлось столкнуться и с рядом других проблем. Кроме обычной преступности и спекуляции, необходимо было усмирить карательные экспедиции землевладельцев, которые совершались с помощью немецких и австрийских войск еще со времен Центральной Рады, и подстрекаемые радикалами-социалистами и большевицкими агентами локальные забастовки, а также вооруженные выступления крестьян; ликвидировать террористические организации большевиков и эсеров и одновременно приструнить антигосударственные и антиукраинские белогвардейские организации и т. д. Кроме того, головной болью министра стали терроризм (взрывы на вооруженных складах в Киеве на Зверинце и Подоле, в Святошине, в Одессе, акции саботажа, покушения на фельдмаршала Айнгорна и гетмана П. Скоропадского, попытка совершения государственного переворота и т. д.) и шпионаж «белых», «красных», сторонников Антанты и даже «союзнических» Германии и Австро-Венгрии.

В период становления новой государственности И. Кистяковский, как министр внутренних дел, стал ключевой фигурой в правительстве и приобрел огромное влияние. По мнению многих современников, «он был самым толковым и активным чле-

ном гетманских кабинетов»¹⁹, «несомненно умным человеком»²⁰. В этих условиях в министерстве был сконцентрирован контроль не только за порядком в стране, но и над управлением почт и телеграфов, департаментом беженцев, Украинским телеграфным агентством и Государственным бюро прессы (которые вскоре были объединены в единое учреждение во главе с будущим идеологом украинского национализма Д. Донцовым), городской и волостной милицией, которая летом 1918 г. будет реорганизована в широкую полицейско-контрразведовательную структуру — Державную Варту (Государственную Стражу), устав которой был утвержден 9 июля 1918 г., для службы и обороны от диверсий на железных дорогах был создан отдельный корпус железнодорожной Варты (Стражи).

И. Кистяковский стремился укротить деятельность многочисленных карательных отрядов, которые при содействии немецких и австро-венгерских оккупационных властей начали формироваться бывшими землевладельцами еще во времена возвращения к власти в Украине Центральной Рады и которые, в тоже время, возбудили по всей стране ответный террор крестьянских масс. Так, 10 августа 1918 г. министр внутренних дел докладывал гетману: «Считаю долгом доложить Вашей Ясновельможности, что я целиком разделяю мнение, изложенное в докладе, представленном господином Военным Министром 9 августа. Циркулярной телеграммой от 9 августа под № 1 54 я указал Губернским Старостам, что с изданием Устава Временных Земельно-Ликвидационных Комиссий учреждается единый порядок проведения потерь, понесенных земельными собственниками, и возвращения захваченной у них собственности, инвентаря и другого имущества. Между тем, во многих местностях продолжают действовать карательные отряды, созданные на частные деньги, которые по указаниям отдельных лиц отбирают у крестьян имущество и скот, производя при этом насилия. Дальше я предлагал безусловно прервать подобную деятельность карательных отрядов, способных лишь без цели раздражать население. До этого обязуюсь присовокупить, что в некоторых местностях при отборе имущества совершали насилие комендантские сотни, действовавшие нередко совершенно своевольно, не руководствуясь с

указаниями представителей власти»²¹. Как мы видим, проблема заключалась не только в усилиях самого министра, но и в потребности политической воли главы государства, а в то время в Украине и совершенно другого поведения оккупационных войск. Добавим, что за короткое пребывание на посту министра внутренних дел в бурлящей социальными противостояниями Украине И. Кистяковский так и сумел ликвидировать (или существенно приструнить) деятельность карательных отрядов, которым попустительствовали (а зачастую и помогали) оккупационные местные немецкие и австро-венгерские власти.

Свою должностную и гражданскую позицию относительно процесса государственного строительства в Украине И. Кистяковский высказал 19 сентября 1918 г. в речи на съезде губернских старост и их помощников в Киеве. Министр выступил с твердой уверенностью в жизнеспособности украинской идеи и призвал поддержать существующую власть: «Украина вступила на широкий путь своего государственного самостоятельного существования. Рост и расцвет Украины возможны только на твердых национальных основаниях. Могучее движение крестьян-хлеборобов, пропитанное здоровыми идеями государственности, подняло исторический стяг украинской самостоятельности — Гетманство. Под этим стягом идет глубокое национальное движение, и наша задача — поддержать его всеми силами. Культурная, просветительская и вообще национальная работа как в центре, так и на местах в направлении восстановления украинской государственности должна встречать нашу поддержку и помощь. К этой работе крайне нужно привлекать все украинские национальные элементы, которые желают преданно и честно работать над созданием Гетманской Украины».

Вместе с тем И. Кистяковский высказал острую критику в адрес деструктивных антигосударственных элементов социалистической окраски, которые, прикрываясь демагогическими лозунгами, проводили разрушительную деятельность в стране. Им была установлена принципиальная разница между «эволюционным» и «революционным» социализмом, а также их роли в государственном строительстве. По этому поводу Игорь Александрович, в частности, отметил: «Министерство внутренних дел

не исполнило бы своей национальной задачи, если бы не обратило серьезного внимания на те преступные элементы, которые борются с нашей государственностью. Представители крайних левых партий на почве интернационализма проводят самую интенсивную работу, стремясь нагло обдурить народ лозунгом всеобщей классовой борьбы. Практической идеологией этих элементов являются лозунги революции и захвата власти. Особы, которые захватывали власть при помощи разного рода «советов» и комитетов, которые грабили и уничтожали мирных людей, не оставили идеи грабежа и насилия. С этими врагами общества Министерство внутренних дел должно проводить энергичную борьбу, и к этой борьбе я вас призываю.

К большому сожалению должен констатировать, что и среди украинцев существуют течения, которые революционный захват власти и принцип социального интернационализма ставят на первое место. На них нужно смотреть, как на псевдонационалистов. Здесь национализм только защитная окраска, которая не должна вводить в заблуждение Министерство внутренних дел. Антинациональные и антигосударственные элементы добиваются и к нашим здоровым институтам государства, как профессиональным союзам, кооперативам, культурным и просветительским обществам и т. д. Не может быть ни единого сомнения, что без профессиональных союзов не может быть здорового рабочего движения, без кооперативов немыслима организация нашей хозяйственной жизни — однако, собственно, во имя, прежде всего, сохранения и защиты этих государственных институтов, Министерство внутренних дел должно приложить всех усилий для того, чтобы эти учреждения не были ширмой, за которой прячутся люди, имеющие совсем иные цели.

То же самое нужно сказать и относительно политических партий. Украинская Держава может идти по пути своего национального развития только при условии широкой политической толерантности. Отдельным политическим партиям нужно дать совершенную свободу защищать свои идеи и взгляды. В этом вопросе не может быть исключения и для партий социалистических, которые стоят на основах эволюционного развития социализма. Но революционный социализм — явление антигосударственное;

и пример русской революции показал нелепость революционного социализма. Поскольку нелепость не имеет права претендовать на социальное строительство, настолько Государство должно бороться с революционным социализмом. Перед Министерством внутренних дел стоит тяжелая задача упорядочивания местной жизни. Вне государственной работы местных людей, вне работы земского и местного самоуправления местная жизнь невозможна, однако опыт революции показал, что местное самоуправление, построенное на антигосударственном рабочем законе, снизило местное хозяйство и повернуло здоровую хозяйственную жизнь земств и городов в борьбу политических программ»²².

Игорь Кистяковский был приверженцем жестких мер по отношению к социалистам и большевикам. Над политической прессой была установлена цензура. Репрессии испытали на себе организации, которые вели неприкрытую агитацию за свержение Украинской Державы, как, например, еврейский «Бунд» или «Союз профессиональных союзов» в Киеве. По поводу возникновения забастовки печатников, спровоцированной социалистами, И. Кистяковский имел намерение (26 июня 1918 г.) сажать забастовщиков на полгода в тюрьмы²³. По его приказу 27 июня 1918 г. арестовали Н. Порша, 28-го — В. Винниченко (но уже на следующий день освободили по личному указанию гетмана П. Скоропадского). 27 июля 1918 г. был арестован С. Петлюра, а также леворадикальные лидеры «Вольного казачества» (М. Ковенко и др.)²⁴. Позже, уже в эмиграции, гетман вспоминал, что его министр считал возможным остановить все радикальное антиправительственное движение и настроения, которые иногда имели глубокие основания, лишь арестами всех оппозиционных деятелей, кто хотя бы немного позволял себе прибегать к неконституционным действиям²⁵. Аресты продолжались в течение нескольких месяцев. Впрочем, многих национал-большевиков и ультралевых социалистов очень вскоре власть вынуждена была освободить по настоятельным требованиям немцев. Так, в частности, немецкое командование принудило П. Скоропадского издать распоряжение об освобождении из Лукьяновской тюрьмы С. Петлюры²⁶, угрожая, что в противном случае освободит его силой²⁷.

Совет министров многократно протестовал против такой позиции оккупационной власти относительно антигосударственных элементов, а сам И. Кистяковский в начале октября 1918 г. доложил членам правительства, что немцы не дают ему арестовать «известных своей преступной деятельностью опасных большевиков» и радикальных социалистов и требуют освобождения других. Министр внутренних дел заявил, что при таких обстоятельствах он не несет личной ответственности за безопасность и покой в Киеве²⁸.

Тем временем революционная пресса сразу же подняла крик об арестах людей за принадлежность к украинству. По этому поводу И. Кистяковский сразу же издал циркуляр, в котором отмечалось: «В Министерство Внутренних Дел поступают жалобы, как будто бы производятся аресты лиц за принадлежность к украинству. Жалобам не верю. Однако еще раз подчеркиваю данные во время съезда указания о необходимости самого осторожнейшего отношения к нашим национальным организациям и к нашим общественным деятелям. Неосторожные аресты национальных деятелей недопустимы»²⁹. В интервью газете «Відродження» 3 сентября 1918 г. министр И. Кистяковский отрицал реакционность политики правительства и заявил, что арестовывались лица не по партийной принадлежности, а за антигосударственную и террористическую деятельность. Он также отметил: «Причиной преследования отдельных революционных социалистов есть то, что по произведенным наблюдениям выяснено запись в умеренные социалистические партии таких лиц, которые все время находились на крайнем левом крыле и теперь через что-то неожиданно поправили. Наблюдалось такое явление: при аресте указанной особы, о которой имелись более нежели достаточные ведомости о ее активной революционной деятельности, выяснилось, что эта особа принадлежит к партии меньшевиков, бундовцев, или просто является участником какого-нибудь профессионального союза и представляет соответствующие официальные доказательства. Создается такая картина: достаточно теперь бывшему большевику, который продолжает свою вредительскую работу, перейти к меньшевикам, чтобы партия брала его под свое покровительство и его арест рассматривала как борьбу против умеренных социалистических партий... Государственная власть не

может стать на ту точку зрения, чтобы формальная нынешняя принадлежность к умеренным партиям давала бы полную безнаказанность и возможность покрывать таким образом свои бывшие проступки. Имеются факты, что лица, виновные в массовых убийствах, были под защитой умеренных социалистических партий, доказывавших полную лояльность этих лиц...»³⁰.

Арестам были подвержены не только ультралевые социалисты, но и радикальные правые деятели. В июне—июле 1918 г. был задержан ряд апологетов «белого» движения. 7 июля 1918 г. власть разогнала монархическую манифестацию в Киеве. На Софийскую площадь были стянуты гетманская Державная Варта и немецкое подразделение. Большое количество российских белых офицеров арестовали и под вооруженным эскортом препроводили в тюрьмы³¹. Одним из первых распорядительных актов И. Кистяковского, как нового министра внутренних дел, было официальное объявление от 31 июля 1918 г. о запрете в Украинской Державе агитировать за единую и неделимую Россию³². Почти через месяц, 29 августа 1918 г., им и директором канцелярии МВД Брашевским был издан циркуляр Министерства внутренних дел к губернским старостам и городским атаманам Украины, в котором И. Кистяковским указывалось:

«В Министерство Внутренних Дел поступают донесения, что в ресторанах устраиваются систематические демонстрации, которые имеют направление против государственного устройства Украины.

По заказу посетителей находящиеся в ресторанах оркестры играют монархические российские песни, как например «Славься ты Славьен», при том присутствующие выслушивая стоя отдают честь и сопровождают иногда окончание соответствующими моменту выкриками.

Приказываю: 1. Участников подобных демонстраций задерживать и отправлять в Россию, чтобы они там с честью могли на деле, а не в ресторанах, гульбищах проявлять свою преданность дорогим для них политическим идеям.

2. Собственников ресторанов и арендаторов привлекать к ответственности за соучастие в демонстрациях против государства»³³.

Современники того времени вспоминали, что «не будучи вовсе реакционером, И.А. Кистяковский быстро создал себе репутацию крайнего реакционера, чем восстановил против себя как русские либеральные элементы, так и украинских националистов»³⁴. Во многом этому способствовали, собственно, не столько непосредственно дела, сколько частые резкие высказывания по разным поводам гетманского министра. Так, например, как-то после его речи в Одессе на вопрос кого-то из присутствующих «Что же это, — возврат к временам Плева?» Игорь Александрович неосмотрительно ответил: «Передо мной и Плева, и Сипягин скоро окажутся мальчишками»³⁵. Д. Донцов по этому поводу отмечал, что И. Кистяковский представлял себя «украинским Стамбулиным»³⁶³⁷. Очевидно, именно такие неосмотрительные высказывания министра имел в виду и бывший гетман П. Скоропадский, когда, вспоминая о И. Кистяковском и двух подчиненных ему начальника полиции, написал, что они «были плохими политиками и не разбирались в ней, особенно в украинских»³⁸ вопросах»³⁹. Впрочем, а должны ли государственные служащие такого специфического направления вообще заниматься политикой и в какой мере? Вот, собственно, по этому поводу мнение гетмана: «Одной рукой проявлять твердую власть, не останавливаясь перед самими суровыми мерами, но другой рукой давать. На обязанности министра внутренних дел именно и лежит вести внутреннюю политику, состоящую в том, чтобы, выяснив настоящее, подвести путем проектированных им общественных реформ к тому, что общество будет удовлетворено в своих разумных требованиях»⁴⁰. И. Кистяковский в этом плане совершенно не поддавался на уступки.

Заместитель госсекретаря Украинской Державы Н. Могилянский вспоминал, что министр внутренних дел, «оставаясь на немецкой формуле «самостийной Украины», вел совершенно добросовестно борьбу с большевизмом, как интернациональным, возглавляемым Кремлем, так и с большевизмом национальным, возглавляемым Петлюрой и его штабом»⁴¹. Кроме жесткой позиции относительно внутренних антигосударственных сил, несмотря на давление немцев, применял прямо и неприкрыто соответствующие меры и к внешним дезорганизаторам стабильности в Украине.

Сосредоточием антиукраинства внешнего была в Киеве большевистская мирная делегация (численностью почти в 40 чел.) во главе с Х. Раковским. В октябре 1918 г. по приказу И. Кистяковского были арестованы члены двух разоблаченных крупных большевистских организаций в Киеве и Одессе. Допросы задержанных и обыски в этих организациях и даже у самих делегатов обнаружили тесную связь между большевистской мирной делегацией Х. Раковского, украинскими социалистическими деятелями и радикальными террористическими организациями, а также посредничество между ними представителей немецкой оккупационной власти⁴². В распоряжении Министерства внутренних дел были неопровержимые доказательства того, что члены большевистской делегации ведут усиленную революционную агитацию в Украине, не жалеют миллионов рублей на организацию железнодорожных забастовок и на организацию вооруженного восстания и т.д., однако немцы всячески препятствовали укрощению таких действий и разнообразными способами прикрывали большевистских агентов⁴³. Тем не менее И. Кистяковский без колебаний арестовал большевиков Егорова, Дыбенко и др., приказал произвести обыск в помещении мирной делегации РСФСР (в ночь с 12 на 13 октября в гостинице «Марсель», где жили члены большевицкой мирной делегации) и большевистского представительства. Во время обысков и там были найдены доказательства подрывной деятельности большевистских делегатов, их тайное антигосударственное сотрудничество с украинскими социалистами и представителями немецкого штаба. Министр отдал приказ арестовать большевиков Х. Раковского и Д. Мануильского после срыва делегацией РСФСР (по распоряжению В.И. Ленина) мирных переговоров с Украиной.

Ответом на такие меры украинского Министерства внутренних дел было крайне резкое требование заместителя немецкого посла в Украинской Державе А. Мумма — советника Тиля — немедленного освобождения арестантов, возвращения изъятых при обыске документов и отставки И. Кистяковского. Это привело у правительственному кризису⁴⁴, когда 19 октября 1918 г. девять министров (Василенко, Ржепецкий, Романов, Колокольцев, Гутник и др.), вступившись за министра внутренних дел, demonstra-

тивно подали в отставку⁴⁵. Они также призвали гетмана сменить внешнеполитический курс государства, переориентировав его на Антанту и «белую» Россию. Против этого требования высказалось меньшинство (шесть) министров, среди которых был также и Кистяковский, а именно: Лизогуб, Кистяковский, Бутенко, Рогоза, Любинский и Дорошенко⁴⁶. Кроме того, сменились как внешнеполитические, так и внутренние обстоятельства, и П. Скоропадскому пришлось ввести в состав правительства Ф. Лизогуба умеренных социалистов и вывести из него И. Кистяковского. Бывший министр вероисповедований Украины и также кадет В. Зеньковский, кстати, вспоминал, что «уже тогда речи Иг. Кистяковского, настаивавшего на чисто националистическом курсе, вообще игравшего на нотах крайнего украинства, заставляли Лизогуба насторожиться и подготавливать почву для чисто русского и даже общероссийского блока» и считал, что именно И. Кистяковский был автором плана ввода в состав правительства украинских социалистов-федералистов⁴⁷.

Тем не менее вскоре при смене председателя правительства (Ф. Лизогуба сменил С. Гербель) и формировании нового состава Совета министров (следствием чего стал выпуск П. Скоропадским 14 ноября 1918 г. так называемой «Грамоты о федерации» с Россией), Игорь Александрович вновь занял пост министра внутренних дел. 13 ноября 1918 г. департаментом Державной Варты МВС были оглашены приметы Х. Раковского, который «выехал из Киева в Великороссию, имеет намерение поехать в Вену через Украину»⁴⁸. В этом распоряжении, в частности, указывалось применить все неотложные меры, дабы не допустить проезда Х. Раковского и безотлагательно задержать его. На следующий день в Киеве с применением оружия была разогнана пробольшевистская манифестация рабочих и студентов, вышедших на улицы с антигосударственными лозунгами и красными флагами.

Несмотря на то, что вплоть «до последней фазы гетманщины он проводил украинскую национальную политику», недоброжелатели и враги обвинили И. Кистяковского в том, что это «не помешало ему вступить 15 ноября 1918 года в новый кабинет [С. Гербеля. — П. Г.-Н.], лозунгом которого было восстановление единой и неделимой России...»⁴⁹. Отсюда — и упреки в бесприн-

щипности, а некоторые из тогдашних политиков (Д. Донцов) даже ставили ему (Кистяковскому) в вину выпуск П. Скоропадским «федеративной» грамоты⁵⁰.

Как бы там ни было, но Игорь Александрович до последних дней Гетманата оставался на государственной службе. В его министерстве было разработано немало законодательных актов Украинской Державы (в частности, законы об украинском подданстве, о присяге и т.д.). В нем кипела работа по введению новой формы местного самоуправления. В соответствии с новым законом о выборах в земства от 5 сентября 1918 г. вводилась куриальная система — две курии в зависимости от суммы земского налога — и другие ограничения. Цель этого закона, как объяснял сам И. Кистяковский: «Наша куриальная система приведет к тому, что земскую жизнь будет направлять средняя курия — хлеборобы, элемент довольно культурный и исключительно национальный». Именно в недрах его ведомства в этот короткий период (ноябрь—декабрь 1918 г.) особой комиссией при министерстве были разработаны правила выборов в Державный Сойм (Государственный Сейм — парламент Украинской Державы), а на издержки комиссии 23 ноября было выделено 20 тыс. карбованцев⁵¹. В соответствии с этими правилами вся Украина разделялась на 251 выборный округ, из которых 219 должны были быть сельскими (деревенскими) и 32 городскими. Каждый округ делегировал по одному депутату; Киев предоставлял 7 депутатов, Одесса — 6, Харьков — 4, Екатеринослав — 3, а несколько весомых волостных городов выделялись в самостоятельные выборные округа⁵².

Не обошлось и без ошибок. Одной из них был допуск появления гетманской «Грамоты о федерации». Как свидетельствует бывший министр иностранных дел Д. Дорошенко, именно И. Кистяковский вместе с председателем Совета министров С. Гербелем после начала антигетманского восстания во главе с Директорией продолжительное время уговаривали П. Скоропадского назначить главным комендантом всех вооруженных сил Украинской Державы генерала графа Ф. Келлера. Гетман колебался между реакционными убеждениями генерала и его личной храбростью и популярностью среди офицерства, но все же 18 ноября 1918 г. уступил аргументам некоторых членов правительс-

тва⁵³. Ф. Келлер же сразу начал концентрировать в своих руках всю полноту власти, в том числе и в политической сфере, и вскоре, будучи замешанным в попытке возглавить белогвардейский переворот против гетмана, 27 ноября 1918 г. был смещен с должности П. Скоропадским. За это короткое время Ф. Келлер, наделенный чрезвычайными полномочиями, успел сместить многих назначенных И. Кистяковским должностных лиц-гетманцев, и министру внутренних дел, совместно с новым командующим гетманскими войсками генералом князем А. Долгорукиком, уже не удалось наладить дело в украинском направлении.

14 декабря 1918 г. восстание, ядром которого был вооруженный мятеж Сечевых Стрельцов во главе с Директорией (председатель В. Винниченко, главный атаман С. Петлюра), низвергло власть П. Скоропадского. Украинская Держава в форме Гетманата перестала существовать. Со временем гетман двояко отзывался о своем бывшем министре, ставя ему в вину, прежде всего, отсутствие политической гибкости в работе. Цenia все, сделанное И. Кистяковским в процессе национального государственного строительства и в деле налаживания нормальной жизни в стране, П. Скоропадский отмечал: «Но все же своими действиями, своей прямолинейностью в смысле полицейского наведения порядка, Кистяковский принес много вреда, в то время как если бы он исполнил свои обещания, т. е., создавши полицию, одновременно уговорил бы партии вести широкую пропаганду наших идей в своей среде, привлекая их к работе, он бы смягчил то настроение недовольства, которое, благодаря работе людей с уязвленным самолюбием, все сгушалось в стране»⁵⁴. Однако возможно ли было в те бурные времена достичь взаимопонимания, например, между социалистами-революционерами / левыми социал-демократами и «буржуазной» властью, которую они стремились уничтожить; или между украинскими «националистическими» кругами и российскими «единонеделимцами», которые и слышать ничего не хотели о какой-либо Украине? И все же гетман понимал, что требовал от своего министра неосуществимого (при тех условиях и обстоятельствах), и сразу же после критики написал в воспоминаниях: «Нужно тоже сказать, что для министра [Кистяковского] задача была чрезвычайно трудная, и рассчитывать на то,

чтобы страна могла успокоиться, когда рядом в Великороссии бушует крайний большевизм, у нас на Украине, народонаселение которой связано тысячами и тысячами нитей, прямо-таки было невозможно»⁵⁵.

После падения Гетманата И.А. Кистяковский некоторое время скрывался в Киево-Печерской лавре, однако 17 декабря 1918 г. был арестован. Он вместе с другими гетманскими министрами содержался под стражей в гостинице «Версаль», после чего был переведен в киевскую Лукьяновскую тюрьму⁵⁶. При отступлении войск Директории перед натиском большевиков в Винницу, туда же были перевезены и «ценные» узники. Все это время страны Антанты (в частности Франция через генерала А.-М. Бертелло) требовали от правительства Украины (УНР) освободить последнего председателя гетманского Совета министров С. Гербея, министров И. Кистяковского, А. Ржепецкого, В. Рейнбота и др. Как вспоминал начальник охраны пленников О. Крезуб-Думин, со временем узников переправили в Одессу и там «подарили» Антанте⁵⁷.

Игорю Александровичу удалось эмигрировать во Францию, куда он вывез отдельные документы и всю подборку официально-го органа гетманского Совета министров («Державний вістник»), в котором публиковались законодательные и распорядительные акты Украинской Державы 1918 г. В Париже И. Кистяковский не бедствовал, имея многочисленных влиятельных знакомых и, соответственно, — связи в определенных сферах, в том числе и масонских. Кроме того, он имел собственный автомобиль и был соучредителем «фабрики женской пудры»⁵⁸, которая, очевидно, также приносила какую-то прибыль. В изгнании он держался вдалеке от активной политической деятельности, поддерживал связи с умеренной частью как российской, так и консервативной украинской эмиграции. Был членом Союза русских адвокатов за границей и членом Главного Совета Российского национального объединения. Начиная с 1919 г. он много лет вел активную переписку с бывшим министром иностранных дел Украинской Державы Д. Дорошенко, встречался в Берлине с П. Скоропадским (в частности, в 1928 г.), контактировал с другими бывшими деятелями гетманских времен, оказывал им материальную и другую помощь (визы во Францию), интересовался украинской консер-

вативной прессой (например «Хліборобська Україна», которая на своих страницах популяризировала украинскую монархическую теорию В. Липинского). На чужбине, в Париже, в 1940 г. Игорь Александрович Кистяковский и умер.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Скоропадський П.* Спогади. Кінець 1917 — грудень 1918. Київ-Філадельфія, 1995. С. 253.
- ² *Гольденвейзер А.А.* Из киевских воспоминаний (1917–1920 гг.) // Революция на Украине по мемуарам белых. М.—Л., 1930. С. 42.
- ³ *Винниченко В.* Відродження нації. Київ, Відень, 1922. Ч. II.
- ⁴ *Донцов Д.* Рік 1918, Київ. Київ, 2002. С. 148.
- ⁵ *Серков А.И.* История русского масонства 1845–1945 гг. СПб., 1997. С. 117–118.
- ⁶ *Дорошенко Д.* Історія України 1917–1923 рр. Київ, 2002. Т. II. С. 46.
- ⁷ *Донцов Д.* Указ. соч. С. 52.
- ⁸ *Дорошенко Д.* Указ. соч. С. 45.
- ⁹ *Донцов Д.* Указ. соч. С. 148.
- ¹⁰ Там же. С. 50, 52, 54.
- ¹¹ Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины. Ф. 3766. Оп. 1. Д. 132. Д. 6–6 зв.
- ¹² *Скоропадський П.* Указ. соч. С. 220.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ *Державний Вістник.* 1918. № 10.
- ¹⁵ *Скоропадський П.* Указ. соч. С. 250.
- ¹⁶ *Дорошенко Д.* Указ. соч. С. 62, 64.
- ¹⁷ *Гольденвейзер А.А.* Указ. соч. С. 46.
- ¹⁸ *Могиланский Н.М.* Трагедия Украины (Из пережитого в Киеве в 1918 г.) // Революция на Украине по мемуарам белых. М.—Л., 1930. С. 129–130.
- ¹⁹ *Гольденвейзер А.А.* Указ. соч. С. 42.
- ²⁰ *Могиланский Н.М.* Указ. соч. С. 126.
- ²¹ Центральный государственный архив общественных объединений Украины. Ф. 5. Оп. 1. Д. 86. Л. 238
- ²² *Вістник політики, літератури й життя.* 1918. № 35–36.
- ²³ *Донцов Д.* Указ. соч. С. 57.
- ²⁴ Там же. С. 77, 84.
- ²⁵ *Скоропадський П.* Указ. соч. С. 251, 252.
- ²⁶ Киевские «Вечерние новости» так описали его (С. Петлюры) действия в тот день: «В день освобождения из тюрьмы Петлюра побывал в двух знакомых типографиях, пообедал в ресторане на Крещатике, где встретился с лицами от Винниченко, зашел на конспиративную квартиру, по телефону вызвал Винниченко и согласился встать во главе повстанцев. Ночью переоделся в костюм рабочего и бежал в Белую Церковь» (Вечерние новости. 1918. 24 ноября). В ночь с 13 на 14 ноября была создана Директория, которая стала руководящим ядром антигетманского восстания. 16 ноября в Белой Церкви Сечевые Стрельцы изменили присяге и возглавили мятеж против гетмана, выпустив из местной тюрьмы политических заключенных и расстреляв охрану, после чего выдвинулись на Киев. Немцы огласили нейтралитет, но поставляли мятежникам оружие, а большевики уже сконцентрировали собственные войска на границе с Украиной для вторжения.

- ²⁷ *Могилянский Н.М.* Указ. соч. С. 131.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ *Відродження.* 1918. № 127.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ *Донцов Д.* Указ. соч. С. 61.
- ³² *Известия.* 1918. 3 августа.
- ³³ Черкасский областной архив. Ф. Р. 1868. Оп. 1. Д.8; *Королишин С.* Геть від Москви // Батьківщина (Торонто, Канада). 1993. Ч. 11–12. С. 6.
- ³⁴ *Могилянский Н.М.* Указ. соч. С. 130.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ В то время болгарский политик «твердой руки».
- ³⁷ *Донцов Д.* Указ. соч. С. 148.
- ³⁸ Так называемый «украинский вопрос» во внутренней политике того времени — не что иное, как позиция и деятельность относительно социалистических партий национальной окраски (УПСР, УСДРП, УПСФ и т. д.).
- ³⁹ *Скоропадський П.* Указ. соч. С. 209.
- ⁴⁰ Там же. С. 251.
- ⁴¹ *Могилянский Н.М.* Указ. соч. С. 130.
- ⁴² *Деникин А.И.* Гетманство и Директория на Украине // *Революция на Украине по мемуарам белых.* М.-Л., 1930. С. 145.
- ⁴³ *Могилянский Н.М.* Указ. соч. С. 131.
- ⁴⁴ *Последние новости.* 1918. 21 октября.
- ⁴⁵ *Деникин А.И.* Указ. соч. С. 150.
- ⁴⁶ *Донцов Д.* Указ. соч. С. 109.
- ⁴⁷ *Зеньковский В.* Пять месяцев у власти (15 мая – 19 октября 1918 г.). Воспоминания. М., 1995. С. 160, 167.
- ⁴⁸ *Коммунист.* 1919. 18 апреля.
- ⁴⁹ *Гольденвейзер А.А.* Указ. соч. С. 42.
- ⁵⁰ *Донцов Д.* Указ. соч. С. 140.
- ⁵¹ Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины. Ф. 1064. Оп. 1. Д. 147.
- ⁵² *Вістник Холмського губерніяльного Старости.* 1918. № 14.
- ⁵³ *Скоропадський П.* Указ. соч. С. 312.
- ⁵⁴ Там же. С. 253.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ *Трибуна.* 1918. 27 декабря.
- ⁵⁷ *Солуха П.* Договір з Москвою проти Гетьмана павла Скоропадського. Б. м., 1973. С. 147–148.
- ⁵⁸ *Литинський В.* Твори. Архів. Студії. Архів. Філадельфія, 1973. Т. 6. С.308, 315–316.

*Александр Владленович
ШУБИН*

НАЦИОНАЛЬНЫЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ ЮГО-ВОСТОКА УКРАИНЫ И РЕВОЛЮЦИОН- НЫЙ ПРОЦЕСС 1917—1921 ГОДОВ НА ПРИМЕРЕ АЛЕКСАНДРОВСКОГО УЕЗДА ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ

Важнейшая проблема истории революции и гражданской войны на Украине — соотношение национальных и социальных факторов, этнического состава и социально-политических программ движений, действовавших на украинской арене.

Одним из наиболее оригинальных движений 1917—1921 годов является махновское. Случайно ли, что черное знамя анархизма взвилось именно здесь, к северу от Азовского моря, в Александровском уезде, откуда движение распространилось шире? Район, в котором разворачивалось махновское движение, охватывает преимущественно Приазовье — юг левобережной Украины и восток Донбасса. Махновцы действовали и на правобережье, прежде всего в Екатеринославе, а также на Полтавщине и Черниговщине. Ядро района располагалось в районе городка Гуляйполе Александровского уезда Екатеринославской губернии. История этих мест связана с казачьей вольницей, с борьбой земледельческой и кочевой культур. Однако к началу XX в. от Запорожского казачества остались одни воспоминания. Местную степь заселили новые люди с новым укладом жизни. Село Гуляйполе было основано в 1785 г., то есть сразу после завершения казацкой эпопеи в этих местах, и прямой этнокультурной преемственности с казачеством у махновского движения нет. Эти места заселяли новые люди с севера и запада, создавая причудливую этническую смесь.

Будущий махновский район был многоэтничным. Здесь не только пролегла линия взаимной диффузии русских и украинцев.

Сам хозяйственный уклад не способствовал этнической ограниченности, процесс индустриализации и открытости рынков требовал активного общения на «языке межнационального общения» — русском.

Такая ситуация возникла в результате многих причин, которые можно свести к особенностям нациогенеза в период незавершенной индустриальной модернизации. Национальная самоидентификация украинцев более интенсивно проходила в правобережном «очаге», по отношению к которому Левобережье было периферией. В то же время украинский «очаг» был периферией по отношению к донецкому очагу индустриальной модернизации, который действовал как плавильный котел, втягивающий как украинцев, так и русских. Между этими двумя очагами Левобережье, особенно южная его часть со своей социально-экономической спецификой, отличалось высокой степенью интернационализма.

В уезде очень сложно выделить зоны компактного проживания украинцев (малороссов) и русских (великороссов), которые к тому же перемешаны с немецкими хуторами, еврейскими слободками и поселениями иных национальных меньшинств.

Статистика фиксировала как малороссийские следующие волости: Басанская, Б. Михайловская, Белоцерковская (с сильным еврейским компонентом), Григорьевская (Кривой Рог, правда, со значительной долей русских), Жеребецкая, Гуляйпольская (где было также множество немцев и евреев), Ивановская, Камышевахская, Конско-Раздорская, Мало-Михайловская, Пологская, Покровская, Преображенская, Туркеновская, Успеновская, Цареконстантиновская — всего 16.

Русскими считались волости: Андреевская, Белогорьевская, Вознесенская, Воскресенская, Гавриловская, Григорьевская, Заливянская, Михайловская, Натальевская, Ново-Николаевская, Петровская — всего 11. Четыре из них имели сильный немецкий компонент — Григорьевская, Заливянская, Натальевская, Ново-Николаевская¹.

Статистика крупных поселений фиксирует любопытную особенность расселения меньшинств. Евреям легче жить с украинцами, чем с русскими, а немцам — с русскими, чем с украинцами.

Южнее к уезду примыкала обширная зона немецких хуторов от Большого Токмака до железной дороги Александровск—Чонгар.

Такая межнациональная смесь может вести к двум сценариям: либо потенциальная «бомба» межнациональной резни, либо синтез, нежелание отграничиваться национальными перегородками. Выбор между этими сценариями во многом зависит от социальных обстоятельств. Если немецкие хутора с их небольшим населением и обширными владениями вызвали ненависть окружающих крестьян, прежде всего украинских, то русско-украинской вражды на юге Левобережья практически не было, да и антисемитизм был незначителен по сравнению с Правобережьем. Украина для местных украинцев была скорее регионом с неясными границами, чем «своей страной».

Приазовье было частью более широкой степной зоны, простиравшейся на Правобережье до Днестра. Это была территория с более развитым рыночным хозяйством и более пестрым в национальном отношении населением, чем на севере Украины. Но по сравнению с правобережной Херсонщиной будущий махновский район был просто классическим. Марксистская историография утверждала, что этот район — кулацкий, что кулацкие хозяйства составляли здесь 22 % от общего числа хозяйств². Сейчас такая оценка могла бы выглядеть комплиментом — «кулацкое движение» уже не является негативной оценкой и рождает в воображении романтическую картину «крепкого фермера», поднявшегося на борьбу за экономическую свободу. Однако от этой версии придется отказаться. Цифра 22 % получается лишь в том случае, если считать кулаками крестьян, располагавших более, чем 10-ю десятинами земли³, что даже в марксистской историографии считается «перегибом»⁴. Основой сельского хозяйства оставались здесь помещичьи и крестьянские хозяйства. Кулачество сосредоточивалось, прежде всего, на немецких хуторах — инородных образований для местной крестьянской среды. Попытка в ходе столыпинских реформ разрушить крестьянскую общину встретила сопротивление и в Екатеринославской губернии⁵.

Для понимания последующих событий важно, что район будущего махновского движения был одним из самых рыночных во

всей Российской империи. Близость портов и развитая железнодорожная сеть стимулировали развитие хлебного рынка. В Екатеринославской губернии в 1913 г. было произведено 109806 пудов пшеницы. Из них за пределы губернии отправлено 52757 пудов⁶. В эту долю не входит внутригубернский рынок, который тоже был достаточно широк — губерния была насыщена промышленными центрами, потреблявшими хлеб.

Наиболее активной фигурой на екатеринославском хлебном рынке оставался крестьянин — за 1862–1914 гг. крестьянам степной зоны удалось скупить у помещиков почти половину их земель. Но помещики безудержно повышали цены на землю⁷. Опираясь на помощь государства, они стремились сохранить арендные отношения с крестьянами. Это, естественно, вызывало враждебность крестьян (большинство из которых оставались в общинах) ко всем крупным формам частного землевладения, как помещичьим, так и кулацким. В то же время общинно-рыночная форма крестьянского хозяйства облегчала развитие в районе различных форм сельскохозяйственной кооперации, которой активно помогало земство⁸.

Рыночность общинного хозяйства способствовала развитию в районе сельскохозяйственного машиностроения и других форм связанной с селом промышленности. В Екатеринославской и Таврической губерниях производили 24,4 % сельскохозяйственных машин страны (в Москве — только 10 %)⁹. Значительная часть екатеринославской промышленности была рассеяна по губернии — небольшие городки и крупные села представляли собой настоящие агропромышленные комплексы. В будущей столице махновского движения Гуляйполе действовал чугунолитейный завод и две паровые мельницы, а в Гуляйпольской волости — 12 черепичных и кирпичных заводов¹⁰. Это приводило не только к высокой товарности хозяйства, но и к тесной связи крестьян с рабочим классом, который был рассеян в сельской местности. Многие крестьяне уходили на заработки и в соседние крупные промышленные центры. В то же время в случае кризиса промышленности они могли вернуться на село. Сама деревня в этом случае была в большей степени защищена от нехватки промышленной продукции, так как часть ее производи-

лась здесь же, под боком. Большие города представляли в этих условиях для крестьян чуждый и не столь уж необходимый мир. Но и национализм, подпитанный экономической замкнутостью крестьянских хозяйств севера Украины, не имел социальной почвы в Приазовье.

В итоге сформировались предпосылки для активного социально-политического взаимодействия местных социальных слоев в противостоянии центру, что давало преимущества лево-социалистическим, но не националистическим течениям. Ведь националисты — украинские или русские — разрывали относительно сплоченный местный мир, включающий представителей разных народов. В иной социальной ситуации — чисто аграрного общества — такая чересполосица могла стать почвой для ожесточенной борьбы за землю между представителями разных народов. Но, во-первых, как мы видим, регион имел уже относительно высокую степень модернизации, исходящей изнутри, а не извне. И, во-вторых, перенаселение в этих местах не было острым, а стремление крестьянина получить больше земли могло быть удовлетворено не за счет соседа-славянина, а за счет помещиков и немецких колоний, воспринимавшихся как чужеродный элемент, несправедливо владеющих гораздо большими пространствами, чем обычный крестьянин.

Это найдет свой выход в жестокости акций махновцев конца 1918 г., когда они будут громить усадьбы и немецкие поселения. Однако справедливости ради следует отметить, что после ухода немецких оккупантов махновцы прекратили погромы колонистов, сочтя выполненной задачу нейтрализации их вооруженных отрядов. Земельный передел, произошедший здесь осенью 1917 г. и закрепленный господством махновцев в районе в первой половине 1919 г., также снял внутреннюю социальную и национальную напряженность в районе. Антисемитизм также не был характерен для махновского движения, чему способствовали как указанные выше социально-этнические особенности района, так и личная позиция Н. Махно и его окружения.

Роль Махно иногда кажется решающей. Он анархист, говорящий по-русски и плохо понимающий украинский язык даже в его восточных диалектах, сторонник власти советов. Казалось

бы, это и должно определить позицию движения, где он стал лидером. Но в том-то и дело, что такая фигура не могла бы стать лидером массового, порожденного местным населением движения где-то в центре Украины или западнее. Помимо своих личных военных, организационных и волевых качеств Махно обязан своим лидерством соответствию его взглядов настроениям крестьян и рабочих Александровского уезда, нынешнего Запорожья.

Несмотря на то, что в Гуляйполе действовали сторонники украинской государственности, борцы за власть советов во главе с Махно доминировали и в 1917 г., и после завершения немецкой оккупации с конца 1918 г.

Тесная местная «смычка» крестьян и рабочих также серьезно повлияла на позицию махновского движения, которое наиболее радикально отстаивало идею местного самоуправления (вольных советов) в революции и гражданской войне. Эта идеология, в основе которой лежит и сохраняющая силу артельно-общинная традиция, и целенаправленная работа махновцев по развитию местной самоорганизации (включая не только советы, но также профсоюзы и кооперативные формы экономики), могла стать не только анархистской, но и левоэсеровской, но, благодаря такому субъективному фактору, как приверженность Н. Махно анархизму, приобрела в районе анархистскую окраску. Но левые эсеры активно сотрудничали с Махно и оказывали влияние на политику движения, вырабатывающуюся не только военным штабом, но и съездами, избранными коллегиальными органами. В целом глубоко закономерно, что в этом регионе возникло наиболее мощное и долгоживущее движение времен революции и гражданской войны, отстаивающее идеи советского самоуправления рабочих и крестьян, с лево-социалистических интернационалистических позиций противостоящее белому движению, украинскому национализму и большевизму¹¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Вся Екатеринославская губерния. Екатеринослав, 1913. С. 33–91.

² История Украинской ССР. Киев, 1984. Т. 6. С. 16.

³ Кубанин М. Махновщина. Л., 1927. С. 19.

⁴ Стрижаков Ю.К. Продотряды в годы гражданской войны и иностранной интервенции 1917–1921 гг. М., 1973. С. 225.

⁵ См., например: *Кобытов П.С., Козлов В.А., Литвак Б.Г.* Русское крестьянство. Этапы духовного освобождения. М., 1988. С. 74.

⁶ Вся Екатеринославская губерния. С. 3.

⁷ *Кубанин М.* Указ. соч. С. 18–19.

⁸ Вся Екатеринославская губерния. С. 9–10.

⁹ *Кубанин М.* Указ. соч. С.11.

¹⁰ Вся Екатеринославская губерния. С. 42.

¹¹ Подробнее о Махновском движении см.: *Шубин А.В.* Махно и его время. О Великой революции и Гражданской войне 1917–1922 гг. в России и на Украине. М., 2013.

Андрей Владиславович
ГАНИН

ПОДГОТОВКА КАДРОВ УКРАИНСКОГО ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И ЭМИГРАЦИИ (1917—1924 гг.)*

*«Не так-то легко скоро бути
старшиною Генерального штабу».*

Из вводной лекции по стратегии
генерала Г.Е. Янушевского в Калишском лагере.
Ноябрь 1921 г.¹

История возникновения и развития национальных армий эпохи Гражданской войны в России на протяжении уже двух десятилетий привлекает самое пристальное внимание исследователей из бывших республик СССР, ныне — независимых государств ближнего и дальнего зарубежья. Тем не менее, многие сюжеты, связанные с этой темой, до сих пор не получили должного освещения, а некоторые подверглись серьезному искажению, обусловленному текущим политическим заказом в соответствующих государственных образованиях. Что касается отечественных авторов и читателей, то они практически не знакомы с рассматриваемой проблематикой.

Одним из сюжетов, который до сих пор практически не привлекал внимания исследователей, является история подготовки украинских национальных кадров Генерального штаба в период Гражданской войны и в эмиграции в 1917—1924 гг. Речь идет об одном из важных аспектов военного строительства антибольшевистских правительств украинской Центральной Рады, Украинской Державы и Украинской Народной Республики (УНР).

* Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта № 14-31-01258а2 «Русский офицерский корпус на изломе эпох (1914-1922 гг.)». Выражаю благодарность к.и.н. М.А. Ковальчуку (Киев) за уточнение инициалов ряда офицеров и за предоставление копий работ некоторых современных украинских исследователей.

Этот сюжет может быть хронологически разделен на два периода. Первый период охватывает подготовку украинских национальных кадров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1920 гг. К этому времени относится ряд неудачных попыток открытия украинской военной академии или ускоренных курсов Генштаба, а также дискуссия по этому вопросу в украинском военно-политическом руководстве. Второй, гораздо более насыщенный важными для данной темы событиями период — подготовка национальных кадров Генерального штаба в эмиграции. Здесь речь идет об истории специальных курсов Генштаба, открывшихся в украинском беженском лагере Калиш в Польше уже после того, как украинские вооруженные формирования были вытеснены частями Красной армии с территории Украины, а Гражданская война на Украине, в основном, завершилась. Кроме того, ко второму периоду относится немаловажный вопрос подготовки украинских национальных кадров Генерального штаба в иностранных военных академиях.

Проблема подготовки кадров Генерального штаба носит специальный характер, а, поскольку в годы Гражданской войны эта подготовка на Украине так и не была налажена и планы открытия национальной военной академии остались на бумаге, этот сюжет практически не привлекал внимания исследователей. Пожалуй, единственное исключение составила кандидатская диссертация Н.В. Герасименко, посвященная подготовке украинских офицерских кадров в 1917–1920 гг.² Однако в этой работе вопрос об открытии украинской военной академии лишь упоминается.

Существенно больше внимания исследователи уделили вопросу подготовки украинских кадров Генштаба в эмиграции. Но даже в специальных исследованиях по украинской военной эмиграции этот вопрос рассматривался вскользь, без подробностей, что связано с труднодоступностью документов по этой теме, в том числе для украинских исследователей, казалось бы, наиболее заинтересованных в изучении этого сюжета. Основным исследователем, изучавшим этот вопрос, является украинский историк И.В. Срибняк, который проанализировал деятельность курсов на материале документов, сохранившихся в Центральном государственном архиве высших органов власти и управления

Украины (ЦДАВОУ) в Киеве³. Однако вне поля зрения Срибняка оказались не только многие документы, хранящиеся в Киеве, но и все материалы, отложившиеся в архивах России и Польши, что существенно обедняет его работу. Другой украинский автор, А.Н. Колянчук, в книге об украинских эмигрантах в Калише вообще обошел курсы своим вниманием⁴. В еще одной своей работе, посвященной украинской военной эмиграции в Польше, он затронул вопрос о курсах, но использовал лишь отдельные документы польских архивов, при том что практически не знаком с киевскими документами и вовсе не знаком с документами российских архивов по этой теме⁵. Кроме того, опубликованные им данные о курсах носят очень краткий, практически иллюстративный и, как представляется, довольно бессистемный характер. Более того, и Срибняк и Колянчук в своих работах применительно к подготовке кадров Генштаба допустили целый ряд неточностей.

Таким образом, до сих пор никем из исследователей детально на основе всей совокупности сохранившихся документальных материалов рассматриваемая проблема не изучалась. Также нельзя не отметить, что украинские авторы не дают объективной оценки этого аспекта национального военного строительства, игнорируя такие острые проблемы, как отсутствие в украинских войсках подготовленных национальных кадров Генштаба и вынужденная опора петлюровских государственных деятелей на бывших генштабистов русской армии при наличии махровой русофобии и недоверия к этим специалистам.

На мой взгляд, крайне важно разобраться в том, почему украинскому руководству так и не удалось организовать подготовку кадров Генштаба в тот период, когда такие специалисты были ему наиболее необходимы, — непосредственно в ходе Гражданской войны. Не менее важен анализ причин подготовки украинских кадров Генштаба уже в эмиграции, вклада в такую подготовку бывших русских генштабистов, сделавших в годы Гражданской войны выбор в пользу украинской армии. Кроме того, небезынтересно всесторонне рассмотреть вопрос соотношения русского и украинского начал в подготовке офицеров-генштабистов, идейные взгляды преподавателей и слушателей. Наконец, в рам-

ках изучения темы развития Генерального штаба в эпоху Гражданской войны важно исследовать сам ход учебного процесса и его итоги.

Идея подготовки украинских национальных кадров Генерального штаба возникла еще в 1917 г., в ходе украинизации русской армии. Так, в начале октября 1917 г. представитель украинской Центральной Рады при Главном управлении Генерального штаба (ГУГШ) просил о выделении среди обучающихся на ускоренных курсах Николаевской военной академии 3-й очереди отдельной квоты для 15 украинских офицеров, «предназначаемых для штабов украинизируемых дивизий и корпусов»⁶. Польские офицеры такую квоту тогда получили, но в отношении украинцев было принято другое решение. Начальник Генерального штаба генерал-майор В.В. Марушевский телеграфировал генерал-квартирмейстеру Ставки генерал-лейтенанту М.К. Дитерихсу 5 октября 1917 г., что, по его мнению, «создание офицеров Генерального штаба специально для украинских дивизий внесет путаницу в прохождение службы Генерального штаба. Генеральный штаб должен быть единый»⁷. Дитерихс на это ответил: «Наштаверх и я совершенно согласны с вашим мнением, а потому командирования не будет»⁸. Соответственно, украинское руководство могло рассчитывать не на национальную квоту, а только на тех офицеров, которые попали в академию на общих основаниях, а затем перешли на службу Украине.

С возникновением украинских национальных вооруженных сил вопрос о пополнении Генерального штаба национальными кадрами приобрел еще большую остроту. Но реальная возможность для успешного решения этого вопроса появилась только в 1918 г. при гетмане Украинской державы П.П. Скоропадском, когда возникла идея подготовки национальных кадров Генштаба⁹ и создания украинской военной академии¹⁰.

17 июня 1918 г. была образована специальная комиссия по созданию военных школ и академий под председательством профессора Николаевской военной академии генерала Н.Н. Головина, а с 28 июня — еще одного профессора старой академии генерала Н.Л. Юнакова, занимавшаяся выработкой положения и устава академии¹¹. Комиссия выработывала порядок, время и место от-

крытия украинской академии Генштаба, разрабатывала вопросы ее организации, внутреннего порядка, объемов учебной и строевой подготовки, продолжительности обучения, комплектования переменным составом, прав и обязанностей слушателей и условий выпуска. Велась разработка учебных программ. Фактически комиссия проработала более четырех месяцев, до 1 ноября 1918 г.¹²

Параллельно шла разработка принципов службы офицеров украинского Генерального штаба. Предполагалось комплектовать корпус офицеров Генштаба как из выпускников старой академии Генштаба, так и путем создания национальной академии. Как и в старой русской армии, офицеры получали право поступать в украинскую академию Генштаба после трех лет строевой службы¹³.

Внутри комиссии работала секция высших военно-учебных заведений под руководством профессора инженерной академии генерального хорунжего В.Н. Полянского, а затем генерального значкового Н.Л. Юнакова¹⁴. В состав секции входили генеральные значковые: Н.Л. Юнаков, С.Н. Дельви́г, А.М. Саранчов, а также несколько десятков офицеров в более низких чинах¹⁵. По мнению генерала Полянского, «основная цель высшего военного образования офицеров — это дать практических работников, способных проявить творческую деятельность в различных областях военного дела, на высших командных и административных должностях»¹⁶. Генерал выступал за развитие прикладного метода обучения, введившегося еще в Николаевской военной академии накануне Первой мировой войны. Предполагалось, что Государственная военная академия будет готовить именно практиков, а программа обучения должна включать такие дисциплины, как: наука о войне со сведениями из социологии, стратегия, военная история, военная психология, государствоведение, политэкономия, общая философия с логикой, методология военной науки и военного искусства, история военного искусства¹⁷. Кроме того, в состав академии в августе 1918 г. было предположено включить и научно-технический отдел для руководства подготовкой инженерных кадров¹⁸.

Интересно, что комиссия Юнакова работала независимо от главного военно-учебного управления. Между двумя органа-

ми существовали идейные расхождения: в комиссии состояло немало генштабистов старой русской армии, которые, по свидетельству очевидца, считали своей задачей подготовку российских офицерских кадров¹⁹, тогда как во главе управления стоял не генштабист, а военный инженер генерал А.С. Астафьев, принадлежавший к числу радикальных украинских националистов²⁰. В 1918 г. для «ширости» Астафьев сменил свою русскую фамилию на украинскую «Остапура-Степовий» и даже в своем внешнем облике, насколько можно судить, стремился подражать запорожским казакам²¹. Астафьев вокруг себя собирал националистически настроенных единомышленников (в том числе офицеров Генштаба). Его сподвижниками по службе в управлении были такие знаковые для украинского национального движения в армии фигуры, как офицеры В.П. Сальский, В.П. Евтимович, А.П. Чернявский, активный деятель украинской автокефальной церкви чиновник П. Опаренко и другие. Привлекая к подготовке офицерских кадров галицийских украинцев, Астафьев заявлял: «Наша мука, галицийские дрожжи. Из этого должно получиться хорошее печенье»²². Астафьев и его соратники лично подбирали плакаты и лозунги для обязательного размещения во всех военно-учебных заведениях. Некоторые из плакатов и лозунгов носили ярко выраженный антирусский характер (например, «Хоч забий москаля, то він зуби вискаля»)²³. Понятно, что с таким человеком многим бывшим русским офицерам было не по пути. Тем не менее, генерал Юнаков умел находить с ним общий язык, а позднее даже стал его преемником на посту начальника управления.

20 сентября 1918 г. военный министр генеральный бунчужный А.Ф. Рогоза подписал приказ № 258 об утверждении штатов военной академии²⁴. 21 октября 1918 г. был даже составлен список офицеров, которых предполагалось туда командировать²⁵. Интересно, что в этом списке были указаны выпускники ускоренных курсов Николаевской академии Генерального штаба, надеявшиеся на продолжение своего военного образования.

Украинское военное руководство в начале октября 1918 г. рассчитывало привлечь к преподаванию наиболее известных военных авторитетов того времени. Так, 2-й генерал-квартирмейстер генеральный хорунжий А.И. Прохорович (именно в его подчинен-

нии находилось главное военно-учебное управление, ведавшее подготовкой офицерских кадров) через украинского консула в Москве собирался предложить профессорскую должность в Государственной военной академии в Киеве известному военному ученому, бывшему Генштаба генерал-майору А.А. Незнамову, служившему к тому времени в Красной армии²⁶. Как видно, украинцы не останавливались перед переманиванием высококвалифицированных специалистов из других армий.

Был составлен и кандидатский список на занятие должностей в Государственной военной академии или в Высшей военной школе, как ее еще называли (вероятно, по французскому образцу). Начальником академии предполагалось назначить Генштаба генерал-лейтенанта А.К. Келчевского, правителем дел — Генштаба полковника В.К. Шевченко, в качестве заведующего издательской частью и помощника правителя дел по учебной и издательской части был намечен Генштаба сотник И.А. Чернявский (в документе указан как подполковник), штаб-офицером, заведующим обучением, предполагалось назначить Генштаба генерал-майора М.В. Баскова (в документе указан как полковник). Профессорами академии были намечены генеральный значковый Н.Н. Головин, генеральный хорунжий В.В. Буняковский и уже упомянутые Келчевский и Незнамов. Штатными преподавателями были предварительно намечены генеральные хорунжие Н.Г. Архипович (военная психология и педагогика) и А.Я. Шайбле (тактика дивизии)²⁷. Кандидатами в инспектора классов на октябрь 1918 г. значились генеральные хорунжие В.В. Суходольский, К.И. Сычев и Ф.Н. Романов²⁸.

29 октября 1918 г. Совет министров утвердил штат академии и ассигновал на ее работу 100 000 карбованцев, кроме того, до 1 января 1919 г. было намечено выделить еще 136 455 карбованцев²⁹. Приказом армии Украинской державы № 212 в тот же день, 29 октября, начальник главного военно-учебного управления генерал Юнаков был назначен начальником Государственной военной академии, а начальник отдела заграничной связи ГУГШ полковник Шевченко — правителем дел академии³⁰. 12 ноября приказом № 256 были назначены: инспектор классов офицерской школы сотник Чернявский — помощником правителя дел

и заведующим издательской частью академии, помощник начальника разведывательного отдела ГУГШ войсковой старшина А.А. Матвиенко — штаб-офицером, заведующим слушателями, войсковой старшина К. Алексеев — заведующим хозяйством, генеральный хорунжий П.Ф. Старк — библиотекарем. Были даже назначены врач, переводчик, чиновники и делопроизводитель по хозяйственной части³¹. Таким образом, подготовка открытия академии была близка к завершению.

Начальник академии генерал Юнаков (06.12.1871—01.08.1931) был яркой личностью. Генерального штаба генерал-лейтенант русской армии, профессор Николаевской военной академии, известный военный историк³², он самим фактом своего руководства украинской академией повышал ее статус и авторитет, олицетворяя преемственность со старой российской академией Генштаба. К тому же Юнаков был сторонником новых методов практической подготовки слушателей³³.

Слушатели академии не скупались на восторженные отзывы в адрес Юнакова. Так, по мнению Б.М. Шапошникова, «симпатичный и скромный, хорошо относившийся к офицерам, он много занимался историей русского военного искусства. Во время мировой войны я встретил его уже начальником штаба армии. В этой должности он оказался середняком. Поговаривали, что от работы его отвлекала скрипка, игрой на которой увлекался наш уважаемый воспитатель»³⁴.

Полковник В.Н. Петров, служивший в 1918 г. вместе с Юнаковым в Киеве, вспоминал: «Ген. Юнаков — человек необычайно честный. Приняв обязанности от украинской власти, выполнял их очень добросовестно, упорно учился украинскому языку, принуждал к этому и подчиненных, много работал над созданием украинских [военных] школ и, наконец, когда увидел, что все его усилия разбиваются о стену безразличия гетманской власти и противодействие немцев, вышел в отставку»³⁵. Петров отметил и то, что Юнаков протезировал не вполне лояльным гетманскому режиму офицерам. Педагогическая работа была для Юнакова наиболее подходящим занятием, поскольку на военно-административной и штабной работе он себя проявил не с лучшей стороны, в особенности заняв в 1919 г. ответственный пост начальника шта-

ба головного атамана С.В. Петлюры, а позднее, в 1920 г. — военного министра УНР.

Сам Юнаков вспоминал, что в 1917 г. столкнулся с недоверием украинских политических деятелей, считавших его русским генералом. В их понимании, еще одним недостатком Юнакова было незнание генералом украинского языка. Кроме того, он весьма осторожно относился к вопросу украинизации частей русской армии³⁶. Разумеется, Юнаков позднее пытался реабилитироваться в глазах националистов. Кстати, гетман Скоропадский на аудиенции, данной Юнакову, не сказал ему ничего, кроме того, что тот должен служить независимой Украине и усовершенствовать свой украинский язык³⁷.

Сохранились и критические оценки деятельности генерала Юнакова. Так, например, в ноябре 1919 г. сторонник Белого движения подполковник Я. Макогон в докладе российскому военному агенту в Польше охарактеризовал Юнакова следующим образом: «Нач[альник] шт[аба] Верхоглавка: ген[ерал]-лейт[енант] профессор Юнаков. По отзывам учившихся у него офицеров генштаба российского был заурядный, Америки не выдумал. Окончил войну командующим 8 армией. На бумаге считается нач[альником] укр[аинской] академии генштаб[а]. Предан Петлюре, ходит перед ним на задних лапках, был помощником генер[ала] Осецкого, столкнул его и занял его место. После этого стал «щирым», стал разговаривать только по-украински и отказывался из трусости помогать арестованным офицерам. Лично страшный трус и человек с покладистой совестью»³⁸. Думается, наиболее объективна оценка Юнакова, данная одним из видных украинских политических деятелей, И. Мазепой, как «человека теоретически очень образованного, но малопригодного для такой роли, как руководство штабом главного командования. Это был старый кабинетный ученый, а не руководитель армии на поле боя, да еще в условиях чрезвычайно сложной и запутанной политической ситуации»³⁹.

25 ноября 1918 г. начальник ГУГШ генеральный хорунжий А.Н. Шуберский просил ректора Киевского государственного университета выдать необходимые для открытия академии вещи. В своем обращении Шуберский обратил внимание на неустой-

чивость политической обстановки на Украине и просил адресата поторопиться: «Придавая этому вопросу крайне спешный и неотложный характер в связи с нынешней мишурой, я прошу Вас сделать по данному вопросу немедленные распоряжения, о чем не отказать меня поставить в известность»⁴⁰. 30 ноября гетман Украинской державы П.П. Скоропадский утвердил штаты академии.

Подготовка к открытию украинской академии Генштаба осенью 1918 г. шла полным ходом. Оно было намечено в Киеве на 1919 г., но поражение Германии в Первой мировой войне, свертывание немецкого присутствия на Украине и антигетманское восстание привели к падению режима Скоропадского, и академия открыта не была.

Тем не менее, идея ее создания продолжала существовать и при сменившем гетманскую власть режиме Директории УНР. В конце декабря 1918 г. планы открытия академии были подтверждены новыми властями. Начальником академии остался генерал Юнаков, хотя прежний состав служащих был уволен еще 18 декабря приказом Головной команды УНР⁴¹. Предполагалось также открыть при академии краткосрочные курсы, чтобы усовершенствовать подготовку выпускников ускоренных курсов Николаевской военной академии для дальнейшего назначения их на должности по Генштабу. Планы открытия курсов для высших начальников (начальников дивизий и командиров корпусов, а также для высокопоставленных работников военного министерства, которые уже обладали академическим образованием) существовали и при Скоропадском⁴², однако этот проект также не получил практического воплощения. Резкое сокращение количества офицеров-генштабистов в украинских национальных формированиях в конце 1918–1919 гг. в связи с их массовым оттоком на белый Юг⁴³, финансовые трудности не позволили и Директории открыть в 1919–1920 гг. военную академию и приступить к занятиям.

Между тем, военный министр УНР полковник В.Н. Петров 3 ноября 1919 г. отмечал в докладе головному атаману С.В. Петлюре, что в украинской армии назрела необходимость открытия ускоренных курсов академии Генштаба. Петров жаловался на большой недостаток генштабистов как в штабах действующей ар-

мии, так и в штабах центральных учреждений. Пополнение генштабистами русской армии Петров считал невозможным, поскольку они претендовали на ответственные должности, тогда как армия нуждалась, прежде всего, в младших офицерах Генштаба, количество которых никак не пополнялось.

По мнению Петрова, открывать украинскую военную академию было несвоевременно, но выход из положения ему виделся в создании ускоренных курсов службы Генштаба при ГУГШ не менее чем на 25 слушателей, чтобы все соединения не ниже дивизии, а также штабы групп, армий и центральные учреждения могли командировать на курсы одного-двух офицеров. Ответственность за исполнение, по мнению автора доклада, следовало возложить на начальника ГУГШ⁴⁴.

Начальник ГУГШ генерал С.И. Дядюша разработал положение о курсах и даже сделал расчеты по оплате труда преподавателей. Один час лекций оценивался в 200 гривен, проверка на дому практических задач — в 300, репетиция или экзамен — 400, практическая полевая поездка — 500⁴⁵. Кроме того, были намечены квоты для зачисления на курсы: от Надднепрянской армии — 14 офицеров, от Надднестрянской армии — 7 офицеров, от центральных учреждений военного министерства — 4 офицера. Срок обучения планировался трехмесячный⁴⁶. На курсах должны были преподаваться военные науки (тактика, служба Генерального штаба, инженерное искусство, артиллерия (техника), топография, военная администрация, военная география (необязательно)) и украиноведение. Стратегия и военная история должны были изучаться в рамках курса тактики, на который выделялось не менее половины всего учебного времени⁴⁷. Предполагалось, что выпускники могли назначаться на должности до начальников штабов дивизий включительно и впоследствии без экзаменов поступать в военную академию. По имеющимся данным, положение было утверждено Петлюрой 7 ноября 1919 г.⁴⁸, но дальше этого дело не двинулось в связи с неудачами на фронте.

Лишь в 1920 г. этот вопрос был переведен в практическую плоскость. Импульс для работы в этом направлении был задан событиями советско-польской войны, в которых армия УНР участвовала как союзница польской армии, что, очевидно, повы-

шало ее статус на международной арене. Соответственно, в такой армии должны были быть в достаточном количестве и офицеры-генштабисты. О существовании связи между подготовкой национальных офицерских кадров и заключением украинско-польского союза в 1920 г. писал генерал В.Н. Петров⁴⁹.

3 июня 1920 г. положение о курсах для подготовки офицеров штабной службы было внесено на рассмотрение Военного совета УНР⁵⁰. Начальник Генштаба генерал В.А. Синклер сообщал главному атаману С.В. Петлюре 24 августа 1920 г., что в будущем намечено развертывание украинской армии и увеличение в ней числа офицеров Генштаба. Текущую численность генштабистов примерно в 25 офицеров автор документа оценивал как недостаточную даже для имевшейся армии и предлагал три варианта пополнения кадров Генштаба: вызов на украинскую службу офицеров Генштаба из-за рубежа, командировки украинских офицеров в зарубежные военные академии или же открытие собственных ускоренных курсов, а затем и академии Генштаба.

Автор документа детально разъяснял Петлюре преимущества и недостатки каждого из предложенных им вариантов. Очевидно он был сторонником третьего варианта⁵¹, однако Петлюра предложил составить кандидатские списки как для командирования в зарубежные военные академии (французскую, румынскую и польскую), так и для зачисления на украинские курсы. Главной атаман считал необходимым разработать программы и штаты курсов «нашими собственными силами, которых, я полагаю, у нас достаточно»⁵². Петлюра также предложил пригласить генштабистов из Франции через МИД.

В соответствии с распоряжением Петлюры в августе 1920 г. началось составление кандидатских списков будущих слушателей⁵³. За возможность учиться на курсах развернулась настоящая борьба, тем более что в украинской армии оказалось некоторое количество офицеров, которым получение высшего военного образования было обещано ранее. Так, например, начальник оперативного отдела штаба действующей армии УНР (с 16 сентября 1920 г.) подполковник Д.П. Яроцкий был командирован на ускоренные курсы академии в Петроград еще в июне 1917 г., но поездка сорвалась в связи с переводом на новое место службы, не предоста-

вившее офицеру соответствующей вакансии. В сентябре 1919 г. он был принят на украинские курсы Генштаба, которые должны были открыться при начальной команде (верховном руководящем органе) Украинской галицийской армии⁵⁴. В итоге 25 июля 1920 г. Яроцкого просто причислили к Генштабу как имеющего практический опыт, хотя в академии он вообще не учился⁵⁵. Пример Яроцкого был достаточно характерен: к концу Гражданской войны в украинской армии было уже немало офицеров, которые не имели никакого академического образования, но по необходимости в годы войны выполняли обязанности офицеров Генштаба и обладали солидным практическим опытом. Вполне естественно, такие офицеры имели все основания рассчитывать на попадание в кандидатские списки курсов в первую очередь.

Другим представителем этой категории офицеров был сотник А.А. Бакало, прослуживший на штабных должностях в украинских формированиях с 1917 по 1920 г. Бакало в прошлом был студентом первого курса Киевского государственного университета, активно участвовал в украинизации русской армии. В январе 1919 г. в Киеве он записался в кандидатский список ускоренных курсов академии Генштаба, которые так и не открылись. Бакало слабо владел иностранными языками, но писал, что часто ощущал нехватку теоретической подготовки, и просил зачислить его на курсы⁵⁶.

Еще больше оснований продолжать военное образование имели офицеры, прослушавшие какую-то часть академического курса в Петрограде. Вполне естественно, запросы у таких офицеров были выше. Например, подполковник А.А. Степанов (Стефанов), окончивший ускоренный младший класс 2-й очереди Николаевской военной академии, 11 октября 1920 г. просил командировать его не на украинские курсы, а в одну из зарубежных академий — в Германию или при невозможности — в Польшу для «полного и систематичного завершения военного высшего образования»⁵⁷. Степанов знал немецкий и польский языки, слабее — французский. При этом он представил блестящую аттестацию, данную командиром дивизии⁵⁸.

Другую категорию составляли офицеры, желавшие получить дополнительное образование. Например, поручик П.С. Бордонис 3 сентября 1920 г. подал рапорт на имя начальника инспекторс-

кого отдела штаба армии о занесении его в кандидатские списки на отправку в будущем в зарубежную академию Генштаба или на украинские курсы. Аргументировал он необходимость этого тем, что до Первой мировой войны был студентом, за шесть лет войны получил боевой опыт и знал иностранные языки⁵⁹.

Желающих обучаться и имевших все основания требовать зачисления на курсы было немало, в связи с чем возник вопрос о критериях отбора слушателей. Одним из основных являлось знание иностранных языков. Однако немалая часть желающих обучаться стремилась отнюдь не на украинские курсы, а в иностранные военные академии. Достаточно отметить, что, по данным на октябрь 1920 г., из девяти офицеров 6-й стрелковой дивизии, желавших продолжить обучение, семеро хотели попасть в польскую военную академию и только двое — на украинские курсы⁶⁰. Подобное желание можно понять, тем более что польская академия уже функционировала, а украинские курсы еще предстояло открыть. Другим возможным объяснением стремления в зарубежные военные академии могло быть желание покинуть украинскую армию под таким благовидным предлогом. Так, из 1-й пулеметной дивизии в академии стремилось 20 человек, но в основном в румынскую, французскую, польскую или немецкую академии или же на украинские курсы⁶¹.

После заключения советско-польского перемирия 12 октября 1920 г. в Риге положение украинской армии резко изменилось. Она оказалась уже не действующим, а бывшим союзником Польши, к тому же практически не имевшим своей территории. Без помощи поляков украинские войска были попросту не в состоянии противостоять частям Красной армии, испытывали нехватку боеприпасов и снаряжения. Армия УНР насчитывала тогда 3888 офицеров и 35 259 нижних чинов при 9000 лошадей, 74 орудиях, 8 бронепоездах и 3 аэропланах. Ликвидация остатков этой армии для красных была лишь вопросом времени. Судьба украинских войск была решена за одиннадцать дней боев с 10 по 21 ноября, после чего украинцы отступили на польскую территорию и сложили оружие.

В ноябре 1920 г. в Каменце-Подольском правительство УНР вновь рассматривало вопрос о курсах, но в связи с неудачами на фронте, оставлением города и отходом украинской армии и пра-

вительства за пограничную реку Збруч с последующим интернированием в Польше, вопрос остался открытым. Сторонники открытия курсов тем не менее не успокоились. В феврале 1921 г. в украинском военном руководстве в эмиграции возникла идея использовать свободное время в лагерях интернированных для организации обучения офицеров на курсах Генштаба и восполнения недостатка в младших офицерах Генштаба.

Кажется парадоксальным, что подготовка младших офицеров-генштабистов началась в украинских формированиях уже после интернирования армии в Польше и окончания активной вооруженной борьбы с красными. В то же время причина этого вполне понятна. Очевидно, что руководство УНР (как и оказавшиеся в эмиграции лидеры Белого движения) стремилось к военному реваншу, рассчитывая на поддержку поляков. Для реванша необходима была сильная и подготовленная армия, в связи с чем и была организована ускоренная подготовка кадров Генштаба. За время Гражданской войны многие украинизировавшиеся выпускники Николаевской военной академии (включая тех, кто окончил ускоренные академические курсы в годы Первой мировой), сделали головокружительную карьеру и дослужились до штаб-офицерских и генеральских чинов. В результате со всей остротой встал вопрос нехватки в украинской армии младших офицеров Генштаба.

В апреле 1921 г. из Ченстохова в Тарнов к военному министру УНР был вызван временно исполняющий должность 3-го генерал-квартирмейстера украинского ГУГШ полковник В.А. Сигарев (окончил два класса Николаевской академии Генерального штаба в 1898 г.), которому было поручено составить положение об ускоренных курсах для подготовки штабных офицеров, а также объехать лагеря и подыскать место для устройства курсов. Сигарев был добросовестным и ответственным работником. Яркую характеристику этого офицера привел в своих неопубликованных воспоминаниях генерал Янушевский: «К счастью, в Генеральном штабе под моим начальством служил 3-м генерал-квартирмейстером старый академик, б[ывшей] русской службы полковник Василий Афанасьевич Сигарев, с которым я познакомился уже по прибытии в Тарнов. Это был лучший тип старого офицера Гене-

рального штаба: воспитанный, прекрасно образованный, знаток военного дела и выдающийся специалист по воспитанию молодежи в военных училищах, — он был одарен еще двумя неопенимыми качествами — спокойным, уравновешенным характером и необычайной скромностью. Последняя его особенность и была, вероятно, причиной того, что этот в высшей [степени] ценный и нужный работник оставался в украинской армии незамеченным, в то время, как далеко младшие по службе, — не говоря уже о военных познаниях и опыте, — политические “дяди” Удовиченко и Петров сделали такую головокружительную карьеру и давно уже были генералами...

Насколько были близоруки строители “майбутнеї Української Держави”, не использовав пребывание этого ценного человека в лагере, можно видеть из следующего ко мне письма из Калишского лагеря от 11-IX 1922 года:

“После Вашего отъезда только отъезд Василия Афанасьевича произвел здесь такое же сильное впечатление: между козаками идет разговор, что верно все кончено, если Генеральный штаб уезжает...”»⁶².

29 апреля 1921 г. военный министр УНР генерал М.В. Омелянович-Павленко приказал Сигареву поехать в лагерь в Вадовицах для организации школы Генштаба и курсов куренных офицеров. Первоначально допускалась возможность организовать курсы в каждом лагере⁶³. Сигарев выполнил порученную ему работу добросовестно и подготовил военному министру обстоятельный доклад на эту тему. По его оценке, в ряде центров размещения украинских военных эмигрантов для курсов просто не существовало элементарных условий — не было помещений для занятий и проживания учащихся. Необходимо было учитывать и наличие педагогических кадров. В наибольшей степени соответствовал условиям создания курсов украинский беженский лагерь № 10 в Калише⁶⁴, который был самым крупным и наиболее благоустроенным. Кроме того, всего в трех верстах от калишского лагеря находился другой украинский беженский лагерь в Щепиорно.

Лагерь в Калише возник еще в 1914 г. В декабре 1920 г. в нем были размещены остатки 3-й Железной стрелковой дивизии генерала А.И. Удовиченко, а позднее — 2-й Волынской стрелковой

дивизии генерала А.А. Загородского. Также в Калише был размещен украинский военный госпиталь. Осенью 1921 г. сюда было переведено военное министерство УНР во главе с генералом А.М. Вовком. Кроме того, в лагерь перебралось немало представителей высшего командного состава украинской армии⁶⁵. В общей сложности здесь размещалось несколько тысяч украинских солдат и офицеров.

Полковник Сигарев составил временное положение о курсах и их временный штат, предусматривавший 6 лекторов и 60 офицеров-слушателей⁶⁶. По проекту Сигарева на курсы зачислялись по 8–10 лучших офицеров от каждой дивизии⁶⁷. Согласно положению, целью курсов была подготовка младших офицеров для оперативной работы в войсковых штабах. В кратчайшие сроки требовалось дать слушателям практические навыки по службе Генштаба. В перспективе для этого предполагалось открыть национальную академию Генштаба, выпускники которой получали бы уже полноценное высшее военное образование.

Сигарев составил примерную учебную программу курсов. Предполагалось, что слушатели будут изучать общие принципы и историю стратегии, повторительный курс элементарной тактики и подробный практический курс, построенный на сопоставлении с тактикой иностранных армий, практических занятий на картах и в поле и заканчивающийся военной игрой. В отношении военной истории Сигарев считал достаточным досконально изучить какую-либо одну кампанию. Слушатели должны были изучать технику штабной службы уровня штаба дивизии. Также было намечено изучение топографии, черчение схем, освоение геодезических инструментов. Слушателям должны были читаться курсы по артиллерии и коннице, включая изучение технических вопросов и роль в современной войне. Особняком стоял курс военной администрации, предусматривавший изучение принципов организации армии и родов войск, организацию украинской армии и армий других государств региона, военно-хозяйственные вопросы. Сигарев запланировал изучение курса военной статистики Украины и соседних государств, возможные будущие театры войны. Для укрепления национального духа был намечен курс украиноведения — история и география Украины,

украинская государственность, украинский язык и литература. Также предполагалось изучать польский язык.

Учебный план Сигарева включал 720 часов занятий и рассчитан был на 6 месяцев. Выпускники получали свидетельства, дававшие им право на поступление в будущем без экзаменов на младший курс украинской академии Генштаба мирного времени, а также назначались на должности в оперативных штабах армии УНР или в отделах Генерального штаба. Лучшие в выпуске из числа владеющих иностранными языками могли командироваться в иностранные военные академии. В разработке этих основополагающих документов Сигареву помогал подполковник С.Н. Вышемирский, окончивший ускоренные курсы 2-й очереди академии Генштаба в Петрограде и подполковник Б.Е. Снигирев, окончивший старший класс курсов 1-й очереди.

Подготовленные Сигаревым документы были рассмотрены начальником Генерального штаба генерал-хорунжим В.П. Сальским, военным министром генерал-хорунжим М.Д. Безручко и главным атаманом. Именно на основании этих документов и были организованы курсы. Всего планировалось зачислить на курсы 60 слушателей⁶⁸.

В конце июля 1921 г. на совете старших начальников армии УНР в Калише было решено, наконец, приступить к непосредственному формированию курсов. Основным препятствием было отсутствие средств. Для непосредственной организационной работы в начале августа 1921 г. в Калиш был командирован подполковник Вышемирский, на которого была возложена вся подготовительная работа. Начальником калишского лагеря являлся слушатель ускоренных курсов академии Генштаба в Петрограде генерал-хорунжий Удовиченко, который оказал Вышемирскому всяческую поддержку.

Осенью 1921 г. были, наконец, открыты Ускоренные курсы по подготовке офицеров к службе в оперативных штабах армии УНР. Было решено не называть их курсами Генштаба — в лагерных условиях слушатели не могли получить соответствующей подготовки, а, кроме того, у слушателей могли появиться необоснованные претензии, которые подорвали бы престиж Генштаба в армии. Курсы давали знания даже в меньшем объеме, чем воен-

ное училище, не говоря уже о программе военной академии. Петлюра же именовал их курсами Генштаба⁶⁹. Поскольку речь шла не о знаниях, а о марке Генштаба, украинские националисты рассчитывали противопоставить выпускников курсов враждебным украинской идее генштабистам русской школы, чтобы создать подлинно украинскую армию⁷⁰. Однако политики националистического толка не учли того, что большинство преподавателей курсов в прошлом являлись офицерами русской армии. Отношение к ним в украинской армии было не особенно благожелательным, но, вместе с тем, от них настойчиво требовали передавать свои знания украинским офицерам. Думается, не случайно в украинском юмористическом журнале «Колпачки», издававшемся в Ченстохове, была напечатана карикатура «Лекция по родному языку в Генеральном штабе», на которой были изображены в качестве школьников уже немолодые офицеры, читающие по буквам с доски надпись: «Пора уже всем научиться родному языку»⁷¹.

Аппарат управления состоял из начальника курсов, заведующего учебной частью, заведующего административно-хозяйственной частью, двух штаб-офицеров, заведующего слушателями, канцелярии и хозяйственного отдела⁷². 31 октября 1921 г. начальником курсов с правами командира отдельной бригады был назначен генерал-поручик Сергей Иванович Дядюша (26.09.1870—23.05.1933), генерал-майор русской армии, вступивший на путь украинизации в 1918 г. Карьеру в украинской армии Дядюша сделал при главном атамане С.В. Петлюре, пройдя путь от генерал-квартирмейстера Холмской группы войск до военного министра УНР (с 8 февраля по 24 марта 1921 г.), достигнув высшего военного поста, на какой только мог рассчитывать бывший русский офицер в лагере украинских националистов⁷³. Дядюша входил в состав Высшего Военного Совета (Рады) УНР, который возглавлял генерал Юнаков⁷⁴.

Сложно сказать, каковы были подлинные взгляды Дядюши. Казалось бы, выбор в пользу украинизации вполне определенно свидетельствовал о позиции генерала. В то же время украинство Дядюши было достаточно умеренным: он не собирался отказываться от русского культурного багажа, понимая его огромное богатство и значение. Этого было достаточно, чтобы в украинских

националистических кругах генерала считали нелояльным, но кадровый голод, особенно в отношении высококвалифицированных специалистов с высшим военным образованием, не позволял петлюровскому руководству отказываться от использования таких офицеров. Думается, наличие таких людей в украинском военном руководстве в немалой степени способствовало сдерживанию русофобских побуждений в кругах украинских националистов петлюровского толка.

Остро стоял вопрос о финансировании курсов. Средства предполагалось получить от украинской эмиграции в Чехословакии. Генерал Петров вспоминал, что получил два письма от Никиты Ефимовича Шаповала из Праги, представлявшего украинский общественный комитет в Чехословацкой республике⁷⁵, от 6 сентября и 7 октября 1921 г., которые обнадеживали относительно возможного открытия курсов. Сам Петлюра 24 сентября сообщал о возможности открытия курсов только из средств Шаповала.

6 сентября начальник Генштаба УНР Петров выехал в Варшаву для переговоров с польским Генштабом об открытии курсов⁷⁶. Несмотря на то, что после Рижского мирного договора, положившего конец советско-польской войне, правительство УНР не воспринималось поляками как значимая сила, миссия Петрова увенчалась частичным успехом: было получено разрешение польских властей на перевод в Калиш желавших пройти курс обучения. Однако перевезти слушателей из других лагерей удалось только в ноябре, причем нелегально, под видом партии рабочих⁷⁷.

27 октября 1921 г. был издан приказ Головной команды войск УНР № 63 об открытии курсов и назначении командного состава. Уже 4 ноября были получены первые денежные средства на курсы, 266 000 польских марок, что дало возможность обзавестись необходимым имуществом, прежде всего мебелью.

Начиная с 10 ноября, были проведены вступительные экзамены на знание уставов, по тактике за курс юнкерского училища, топографии и письменная работа — сочинение на военную, историческую или общую тему⁷⁸. Для сдачи экзаменов прибыли 37 офицеров из 2-й, 3-й, 4-й и 6-й дивизий, а также из объединенной юнкерской школы. 7 офицеров были кадровыми

и 30 — военного времени. Как выяснилось, не все слушатели могли прибыть в лагерь, т.к. польская лагерная администрация препятствовала этому. Поэтому открытие второго класса было отложено. Зачислены были 35 человек. По всей видимости, экзамены были лишь формальностью, и отчислено было только два человека: слушатели даже не были предупреждены о необходимости сдавать экзамены и, соответственно, не готовились к ним⁷⁹. Фактически от поступающих требовался минимум познаний в рамках программы военных училищ.

В воскресенье 20 ноября был отслужен молебен, и на правах старшего офицера Генерального штаба украинской армии генерал Янушевский выступил с речью о роли генштабистов в армии, отметив ограниченность программы курсов и сказав, что это никак не курс Генерального штаба⁸⁰. Эта речь оказалась полной неожиданностью для слушателей, и о ней вскоре было доложено Петлюре. Янушевский вспоминал об этом эпизоде: «По выражению лиц старшин (т.е. офицеров. — А. Г.) — курсантов было видно, что их внимание впервые останавливается на этой теме. Мне показалось, что они недовольны, что от них так далеко уходит горизонт, на краю которого они видели уже и ученый знак, и ученый аксельбант, и высокое звание офицера Генерального штаба»⁸¹.

Учеба началась на следующий день, 21 ноября 1921 г. Учеба в беженских условиях давалась нелегко, тем не менее слушатели калишских курсов были преисполнены энтузиазма. Один из них, сотник 6-й стрелковой дивизии Н.А. Россиневич, писал генералу В.Е. Змиенко 27 ноября 1921 г., что «приходится сидеть в шинелях и все время дуть в кулак, чтоб не замерзли руки, поскольку почти все приходится записывать, т.к. учебников нет»⁸². Приходилось дополнительно готовиться по вечерам, читать военную и общественно-политическую литературу⁸³. Тем не менее, работа на курсах скрашивала однообразную лагерную жизнь беженцев, которую начальник курсов генерал Дядюша обоснованно называл в письме генералу Янушевскому от 11 сентября 1922 г. «здешним болотом»⁸⁴. Организация учебного процесса в столь неподходящих условиях потребовала огромных усилий. Постоянно не хватало самых необходимых материалов⁸⁵, в том числе канцеляр-

ских принадлежностей. Начальник Генштаба УНР генерал-хорунжий В.Н. Петров даже написал, что курсы являются делом государственной важности, которое не может быть провалено из-за отсутствия карандашей и бумаги⁸⁶.

По свидетельству преподававшего на курсах генерала Янушевского, не было учебных пособий, а деньги, обещанные Петлюрой, отпускались в недостаточном количестве и неаккуратно. В результате, например, история франко-прусской войны 1870—1871 гг. читалась по курсу «Всеобщей истории» и энциклопедическим словарям. Более того, среди преподавателей вообще не было ни одного специалиста по военной истории⁸⁷. Курс стратегии насчитывал всего 15 часов. Кстати, конспект этого курса, подготовленный генералом Янушевским, сохранился до наших дней. Он открывался теоретической частью с разъяснением слушателям значения терминов «стратегия» и «война»⁸⁸. Генерал В.Н. Петров видел в курсах суррогат высшего военного образования для части офицеров⁸⁹. Он отмечал, что, несмотря на обещания поддержки со стороны поляков в деле организации курсов, реальной помощи оказано не было. Сам Петров считал наиболее эффективным организовать подготовку офицеров в форме военного факультета университета, а не в виде самостоятельного учреждения.

7 августа 1922 г. генерал Дядюша составил подробный отчет начальнику Генерального штаба о деятельности курсов I-й очереди. Генерал отметил, что по некоторым дисциплинам учебников не удалось приобрести вовсе и лекторы готовились на основании собственных знаний и отрывочных данных из польской и французской периодической печати. Это относилось к таким курсам, как техника штабной службы, статистика и администрация. Как подчеркивал Дядюша, многие слушатели поступали на курсы для того, чтобы упорядочить свои знания, полученные на практике в годы войны. Однако первые же занятия показали, что слушатели мало что знали.

Преподавательский состав курсов был достаточно представительным. Как уже отмечалось, Положение о курсах разработал полковник В.А. Сигарев — выпускник Николаевской академии Генштаба, ему же по должности 3-го генерал-квартирмейстера и

были подчинены курсы в общем порядке, а уже через него — начальнику Генерального штаба. Заведующим учебной частью курсов стал подполковник С.Н. Вышемирский, окончивший ускоренные курсы Николаевской военной академии в Петрограде⁹⁰. Заведующим административно-хозяйственной частью курсов стал полковник Бакланов-Петров, заведующим слушателями — полковник Рыбицкий, адъютантом курсов — сотник Шклярук.

Штат курсов предусматривал четырнадцать лекторов⁹¹. Подбором лекторов руководил сам начальник курсов генерал Дядюша. Как он сам позднее отмечал, были привлечены лучшие педагогические силы, имевшиеся в Калише. Курс стратегии читали выпускники академии Генштаба генералы Г.Е. Янушевский и В.М. Куц. 12 января 1922 г. генерал Дядюша обратился к генерал-хорунжому Н.А. Капустянскому с просьбой подготовиться к чтению лекций по военной истории⁹². В целом же распределение преподавателей по курсам было следующим: курс тактики читал генерал-поручик С.И. Дядюша, топографии — генерал-хорунжий А.И. Удовиченко, техники штабной службы — подполковник С.Н. Вышемирский, артиллерии — подполковник А.В. Липский, конницы — подполковник К.К. Цурканов, фортификации — полковник П.М. Критский, администрации и статистики — полковник С.Е. Рошицкий, военной истории — полковник П.А. Науменко, законоведения — сотник Ружицкий, хозяйства — сотник Журалев, украинское письмо преподавал сотник Ф. Крушинский, географию Украины — пан Добровольский, историю Украины и польский язык — поручик А. Коршновский, стратегию — генерал-поручик Г.Е. Янушевский⁹³. Программа курсов была достаточно насыщенной. Занятия велись по 16 предметам. Всего было прочитано 364 часа лекций и проведено 165 практических занятий. Большой объем учебных часов был предусмотрен по гражданским дисциплинам, связанным с украинской тематикой, таким, как история и география Украины, а также украинское письмо. Слушатели, по данным начальника курсов, пропустили только 6,2 % занятий⁹⁴. Генерал Дядюша считал это хорошим показателем.

К началу марта 1922 г. на курсах закончились имевшиеся денежные средства. Обращения к начальнику Генштаба и коман-

дирам дивизий⁹⁵ результата не дали, и 6 марта занятия были прекращены вовсе, за исключением чтения рефератов и проведения репетиций, что не требовало никаких расходов. Перерыв в обучении не повредил слушателям и преподавателям, наоборот, они получили непродолжительный отдых. Только 20 марта начальник Генштаба передал курсам 20 000 польских марок, а командиры дивизий согласились помогать слушателям бумагой и карандашами. В тот же день работа курсов возобновилась. Весной на курсах начались полевые практически занятия. Наконец, 20 мая учебный курс был закончен.

В целом подготовка одного слушателя обошлась украинскому эмигрантскому бюджету в 22 700 польских марок. В общей сложности было израсходовано: 144 611 польских марок на обустройство помещений и покупку инвентаря; 92 790 польских марок на бумагу и канцелярские принадлежности; 16 200 польских марок — на хозяйственные нужды; 52 299 польских марок — на покупку учебников; 5350 польских марок — на командировки; 102 850 польских марок — на оплату работы лекторов; 100 000 польских марок составила материальная помощь слушателям и 30 000 — материальная помощь постоянному составу курсов, на устройство торжественного выпуска слушателей потребовалось 70 000 польских марок⁹⁶. Итого расходы составили 614 100 польских марок.

Выпускные экзамены 1-й очереди курсов проходили с 22 мая по 20 июня 1922 г. Выпускников экзаменовали по тактике, стратегии, военной истории, технике штабной службы, истории Украины, географии Украины, украинскому письму, фортификации, топографии, законоведению, коннице, артиллерии, военной администрации, статистике и по польскому языку⁹⁷. Лучшим по выпускному баллу оказался сотник В.Я. Шевченко, набравший с большим отрывом от других 11,87 балла. Все 27 выпускников были переведены в распоряжение начальника Генштаба и получили выпускные свидетельства.

Попробуем составить коллективный портрет слушателей и выпускников курсов 1-й очереди. Списки слушателей (в том числе отчисленных) и выпускников курсов в разрозненном виде сохранились среди делопроизводственной документации курсов и были нами опубликованы⁹⁸.

Наиболее подробные данные обнаружены нами о слушателях именно 1-й очереди курсов. Известен возраст и образовательный уровень 34 человек из 36 поступивших⁹⁹. Солидное гимназическое образование имели 13 слушателей (или 38,2 %), еще 6 окончили учительскую семинарию и четверо — реальное училище, кроме того, 3 человека окончили кадетский корпус или военную гимназию и еще пятеро — высшее начальное, землемерное, коммерческое училища и городскую четырехклассную школу. Законченное высшее образование имели двое слушателей, 7 человек, видимо, в связи с войной не смогли закончить университет или учительский институт. Офицерами военного времени были не менее 27 человек или 79,4 % известных нам слушателей. До 1915 г. стали офицерами лишь шестеро слушателей, не менее трех из них являлись кадровыми офицерами. Повышали свою квалификацию уже в офицерских чинах, пройдя различные дополнительные курсы или школы, четыре человека. Все слушатели, кроме одного, были выходцами из русской армии, лишь сотник А.В. Домарадский представлял австрийскую армию, будучи уроженцем Галиции.

По данным начальника курсов генерала Дядюши, из поступивших на курсы 7 офицеров окончили военное училище в мирное время, 30 окончили ускоренный курс военного времени, высшее образование имели 2 офицера, 1–2 курса университета окончили 3 человека, среднее образование имели 24 человека, ниже среднего — 3 человека и низшее — 5 человек¹⁰⁰. Судя по всему, эти данные менее точны в сравнении с выявленными нами по спискам и служебным документам поступивших.

Из поступивших на 1-ю очередь курсов абсолютное большинство (61 %) было представлено сотниками. Стоит отметить, что ко времени окончания курсов многие слушатели получили очередные воинские звания. Сотниками стали трое из четырех хорунжих и трое из пятерых поручиков, четверо сотников были произведены в подполковники и один подполковник дослужился до полковника.

На курсы были командированы 7 офицеров от 2-й Волынской стрелковой дивизии, 18 офицеров от 3-й Железной стрелковой дивизии, один офицер от 4-й Киевской дивизии, 4 офицера из объединенной юнкерской школы и 6 офицеров от 6-й стрелковой дивизии.

Курсы окончили лишь 27 человек из 36 зачисленных¹⁰¹. Интересно проследить взаимосвязь прежней подготовки с неудачей на курсах. К сожалению, об одном из недоучившихся сведений нет. Что касается остальных, то результат получается несколько неожиданным. Среди 8 недоучившихся, о которых есть подробная информация, двое слушателей с высшим образованием. Отчисление всех известных нам слушателей с высшим образованием (сотник Н.Т. Дехнич и подполковник Е.И. Макаренко) не может не вызывать удивление. Возможно, эти люди решили, что окончание курсов им ничего не даст. Также двое недоучившихся окончили военные училища до 1915 г. и по крайней мере один из них относился к кадровым офицерам. В отношении остальных отчисленных каких-то закономерностей выявить не удалось.

27 июня 1922 г. состоялся торжественный выпуск с выдачей свидетельств об окончании курсов каждому выпускнику. Выпускники на банкете несколько раз пили за здоровье отсутствовавшего генерала Янушевского, преподавание которого им особенно запомнилось. Кроме того, генералу был подготовлен благодарственный адрес, который он так и не получил, в чем видел проявление русофобии украинских националистических кругов, пытавшихся не допустить роста авторитета выпускника российской военной академии.

По окончании учебы выпускники были уволены в месячный отпуск, из которого должны были прибыть в распоряжение начальника Генерального штаба для назначения на должности в оперативных штабах армии УНР. Кроме того, они могли поступать без экзаменов в младший класс будущей украинской академии Генерального штаба и носить штабную униформу с аксельбантом.

20 июля выпускников в письме военному министру поздравил головной атаман С.В. Петлюра, который назвал первый выпуск курсов новым этапом развития украинской армии¹⁰². Петлюра отметил, что будет внимательно следить за работой в армии новых штабных офицеров и просил военного министра и начальника Генштаба проявить как можно больше энергии и инициативы для наиболее целесообразного использования полученных офицерами на курсах знаний и развития у этих офицеров интереса к

европейской военной науке, «главные ценности и достижения которой наш укрепленный молодыми элементами Генеральный штаб, я верю, с пользой пересадит на украинскую почву»¹⁰³.

Украинское военное руководство отнюдь не считало окончивших курсы полноценными генштабистами. В частности, новый начальник Генштаба генерал-хорунжий В.М. Куц собирался командировать выпускников курсов для продолжения учебы в военные академии европейских стран¹⁰⁴. Пятнадцать выпускников были рекомендованы продолжить учебу в польской военной академии¹⁰⁵, однако вопрос не был решен до конца 1922 г.

По списку на 1 июня 1922 г. интернированная в лагерях украинская армия насчитывала 2863 офицера, 717 военных чиновников, 6920 казаков, 646 женщин и 274 ребенка, т.е. всего 11 420 человек¹⁰⁶. Фактическая численность была существенно ниже. В самом калишском лагере, по данным на 30 мая 1921 г., находилось 4395 человек (максимальная численность за период с декабря 1920 по октябрь 1921 гг.), к 1 апреля 1922 г. в лагерях Калиш и Щепиорно числилось 5788 человек¹⁰⁷. В дальнейшем численность интернированных в лагере неуклонно снижалась. Так, по данным на сентябрь 1922 г., из лагеря ежедневно в Советскую Россию уезжало по 30–40 человек, в связи с чем генерал Дядюша прогнозировал, что лагеря хватит не более чем на месяц¹⁰⁸. Он даже считал, что оставаться в лагере зимовать означало верную смерть, так как состояние лагерных бараков оставляло желать лучшего, холод чувствовался уже в сентябре¹⁰⁹. К сентябрю 1923 г. в Калише и Щепиорно осталось 2753 интернированных¹¹⁰.

Возникает вопрос, зачем понадобилось готовить кадры работников Генштаба, если вся армия примерно соответствовала численности стрелковой дивизии РККА. К сожалению, разумного ответа на этот парадокс украинского военного строительства нет. Документы позволяют утверждать, что украинское военно-политическое руководство в это время не отказалось от интервенционистских планов в отношении Украинской ССР (направивается параллель с планами командования белых армий, отступивших с территории России), хотя состояние разгромленного украинского воинства, очевидно, не позволяло рассчитывать на успех подобной авантюры.

Еще в период работы курсов возникла идея открыть второй класс. Конкурсный отбор велся с 27 февраля, а начать обучение предполагалось 6 марта 1922 г. Условия зачисления были жесткими. Для занесения в кандидатские списки требовалась отличная аттестация и представление непосредственного начальства, не менее двух лет службы в офицерских чинах в украинской армии при условии, что офицеры не служили в армиях, враждебных идее украинской государственности (видимо, имелись в виду, прежде всего, красные и белые армии), кандидаты должны были иметь чин не выше подполковника, полное военное образование (полный курс юнкерского училища) либо за отсутствием такового значительный боевой опыт в украинской освободительной борьбе и в Первой мировой войне, также по возможности полное среднее общее образование. На курсы планировалось зачислить первых 30 офицеров по итогам экзаменов. Сбор поступающих велся в Калишском лагере¹¹¹. Однако второй класс тогда не открылся, как по причине острейших материальных затруднений украинских властей, так и в связи с тем, что нашлось только семь желающих учиться из состава 5-й стрелковой и отдельной конной дивизий, которые прибыли на курсы по направлениям начальников дивизий еще в декабре 1921 г., но не были зачислены¹¹².

Идея продолжения обучения выразилась в намеченном на осень 1922 г. открытии 2-й очереди курсов по подготовке офицеров штабной службы¹¹³. Приобретенный ранее опыт проанализировал полковник В.А. Сигарев, представивший результаты своей работы начальнику Генштаба. Сигарев не скрывал серьезных организационных упущений на курсах. По его мнению, для новой очереди курсов требовалось, прежде всего, провести ремонт помещений, приобрести учебники (хотя бы по одному на 4–5 слушателей по каждому предмету), а также предусмотреть помещения для подготовки лекторов. Еще одной проблемой была трудность организации полевых выходов, необходимых для практического освоения навыков службы Генштаба¹¹⁴.

Курсы 2-й очереди предполагалось открыть из расчета 35 слушателей. Каждому из слушателей должны были платить по 5000 польских марок в год. Всего на курсы требовалось 1 140 000 марок. 11 августа 1922 г. в поддержку открытия курсов 2-й очереди вы-

сказался Петлюра, по мнению которого в дальнейшем необходимо было открыть украинскую академию Генштаба¹¹⁵. Интересно, что в ходе обсуждения вопроса об открытии курсов 2-й очереди, возник вопрос о назначении нового начальника курсов. Альтернативным кандидатом относительно прежнего начальника генерала Дядюши был предложен генерал-хорунжий В.Е. Змиенко, также выпускник Императорской Николаевской военной академии¹¹⁶.

Впрочем, эти споры были отложены из-за нехватки средств. В 1922 г. курсы так и не открылись. Но обсуждение учебной программы украинским военным руководством продолжалось. Начальник Генштаба генерал Куц предлагал военному министру расширить практическую подготовку слушателей 2-й очереди, увеличить срок обучения с полугода до восьми месяцев и назвать курсы академическими¹¹⁷. Он ориентировался на пример Николаевской военной академии, организовавшей подобные курсы еще в 1916 г. По всей видимости, Куц хотел, чтобы украинские эмигрантские курсы Генштаба были не хуже российских.

В докладе генерала Куца генерал-инспектору армии УНР от 5 ноября 1922 г. отмечалось: опыт первого выпуска курсов показал, что «такие курсы или еще с расширенной программой крайне необходимы для Армии У.Н.Р., если желательно сохранить кадры армии и иметь в ее действующих Штабах знающих работников»¹¹⁸. Откладывать начало учебного процесса Куц считал нецелесообразным, т.к. быстрое падение курса польской марки могло отрицательно сказаться на судьбе курсов. Набор, по мнению Куца, должен был составить 30 слушателей, а учебный план состоять из 18 дисциплин. Особенно острым Куц считал вопрос с преподавателями. Он надеялся обеспечить их полекционной платой в размере 500 марок в час, а также жалованием в размере 15 000 марок в месяц. Куц полагал необходимым полностью обеспечить преподавателей, чтобы они не отвлекались от работы на курсах и не занимались дополнительными подработками. Оклад начальника курсов составлял 25 000 марок, заведующего учебной частью — 20 000 марок. Слушателям предлагалось выплачивать по 5000 марок ежемесячно. Учебники рассчитывали закупить в Варшаве, на что выделялось 500 000 марок, не считая командировочных расходов.

В конце декабря 1922 г. была созвана специальная конференция, обсуждавшая предстоявшее открытие курсов¹¹⁹. Одним из основных предметов обсуждения и спора стал вопрос о том, открывать ли подготовительные курсы или первый класс военной академии. Не меньшую остроту имел вопрос финансирования курсов, с чем не было никакой определенности. Споры разгорелись и относительно того, следует ли расширять учебную программу. В итоге было решено открыть академические курсы с расширенной программой, а, по возможности, также расширить знания выпускников курсов 1-й очереди. Кроме того, были определены преподаватели по основным дисциплинам: генерал В.М. Куц (стратегия), генерал В.Е. Змиенко и подполковник С.Н. Вышемирский (техника штабной службы).

На втором заседании комиссии 29 декабря детально обсуждались вопросы преподавания. Было принято решение вести элементарную и прикладную тактику силами разных преподавателей (генералы С.И. Дядюша, А.С. Пороховщиков, В.А. Сигарев и М.Д. Безручко¹²⁰). Курс топографии решено было предложить генералу А.И. Удовиченко. Также были намечены преподаватели других дисциплин. По военной истории генерал Безручко должен был вести курс франко-прусской войны, Балканских войн и начало кампании 1914 г., а также украинскую освободительную борьбу. Генерал Капустянский был намечен для чтения курса истории Первой мировой. Историю военного искусства должен был читать генерал Петров, причем было решено добавить в курс примеры, связанные с Украиной. Курс военной администрации, который должен был читать генерал А.С. Галкин, планировалось также построить на украинской почве с учетом исторической и этнографической специфики региона. Военная статистика должна была читаться по прежней программе с добавлением обзора территории Украины в ее этнических границах. В качестве лекторов предлагались генералы П.К. Ерошевич и В.П. Сальский. На курсах было решено вести преподавание украинского языка, который многие офицеры знали плохо¹²¹. В качестве иностранного языка были намечены французский или немецкий.

Также возник вопрос о порядке зачисления на курсы. Вступительные экзамены некоторым из присутствующих казались в

беженских условиях нежелательными. Существовала даже вероятность того, что желающих поступить на курсы не окажется. На этот случай рассматривалась возможность обязательного командирования слушателей в приказном порядке. Также планировалось приглашать на занятия не прошедших обучение офицеров из калишского лагеря.

Литературу было решено закупить в Варшаве и за рубежом, а также обратиться за помощью в польский Генштаб для обеспечения картами и книгами из бывших военных библиотек. Лекции было решено стенографировать, а затем литографировать. Сами лекторы должны были предоставлять слушателям конспекты прочитанных лекций.

Интересно, что Петлюра в конце 1922 г. отдал личное указание относительно кандидатур некоторых лекторов. В частности, он пожелал, чтобы на курсах работали генералы Петров, Капустянский (курс истории военной борьбы 1918–1920 гг.), Безручко, Змиенко, Ерошевич, Сальский и Галкин (курс военно-административного права)¹²². Очевидно, этим генералам Петлюра тогда доверял.

Генерал В.Н. Петров 29 декабря 1922 г. обратился к начальнику Генерального штаба с докладом, в котором настаивал на необходимости открытия еще одного курса для выпускников 1-й очереди. Петров отмечал, что предполагается продолжить борьбу в удобный момент силами 6 пехотных и одной конной дивизий, каждая из которых имела трехбригадный состав. Эти дивизии будут объединены в две группы, которыми будет руководить штаб действующей армии. Также будет создан штаб запасных войск, отвечающий за пополнение армии. Петров допускал возможность самостоятельных действий каждой из бригад, для чего необходимы были грамотные начальники бригадных штабов, не говоря уже о подготовленных начальниках штабов дивизий и групп, генерал-квартирмейстерах, начальниках отделов разведки и контрразведки штабов групп и действующей армии¹²³. Генштаб нуждался, как минимум, в пяти выпускниках курсов, а запасные войска — в трех. Всего, по расчетам Петрова, в начальный период предстоявшей войны с большевиками украинская армия нуждалась в 40 курсовиках для действующей армии,

в 5 курсовиках для Генштаба и в 3 — для запасных войск. Итого требовалось 48 специалистов с высшим военным образованием, готовых к самостоятельной работе.

На момент подготовки доклада Петрова в украинской армии имелось 18 выпускников российской академии Генштаба, причем не менее 8 из них должны были занимать высшие военные посты. Петров считал, что для удержания одной только Правобережной Украины могло потребоваться увеличение армии не менее чем в три раза, следовательно, необходимое количество генштабистов возрастало до 140 человек¹²⁴. При этом Петров честно отмечал: «Те наши офицеры, что в этом году окончили штабные курсы, не годятся по их знаниям вести самостоятельную работу»¹²⁵. По мнению генерала, работать украинские курсовики могли только под руководством подготовленных людей¹²⁶.

Петров считал, что первый выпуск курсов можно именовать первым курсом академии и преподавать следующие дисциплины: историю военного искусства, операции мировой войны, историю украинской вооруженной борьбы, военную психологию, прикладную тактику и стратегию, администрацию иностранных армий, в особенности мобилизационный вопрос, сосредоточение войск и службу тылов, историю украинской культуры и украинского войска, украинский язык, углубленно один из иностранных языков. Самым главным Петров считал практические работы на планах по примеру тех, что велись на втором курсе Николаевской академии, когда слушатели оперировали группой из двух дивизий и разрабатывали все необходимые документы. Эти задачи, по мнению Петрова, могли заканчиваться диспутом по примеру дополнительного курса Николаевской академии, а также полевой поездкой. Только после такой подготовки, как считал Петров, офицеры первого выпуска будут готовы к самостоятельной штабной работе. Однако в эмигрантских условиях грандиозные планы генерала Петрова воплощены в жизнь не были.

Вопрос об учебной программе курсов оставался дискуссионным. 29 января 1923 г. был издан приказ Головной команды войск УНР № 5 о расширении программы обучения. Предписывалось добавить историю военного искусства, разбор истории украинской вооруженной борьбы в 1918—1920 гг. и краткий обзор Пер-

вой мировой войны, а также украинский язык, французский или немецкий языки по выбору слушателей, написание рефератов по военной психологии. Срок обучения был определен 8-месячный. Предполагалось открыть курсы в феврале 1923 г. и назвать их академическими. Петлюра считал, что главной задачей курсов было сформировать украинских офицеров-государственников, которые бы несли идею государственной дисциплины и были бы фанатично ей преданы¹²⁷.

Как вспоминал генерал Янушевский, «в начале 1923 года Петлюра “рассудку вопреки, наперекор стихиям”, снова попытался осуществить свою *idée fixe* — “академические курсы” Генерального штаба. На этот раз его подстрекал к этому генерал Шаповал»¹²⁸. Однако полностью выполнить обещания украинские политики в Праге не смогли. Брат генерала Шаповала пообещал выплачивать по 2000 чешских крон ежемесячно, но не сдержал обещания. Генерал Н.А. Капустянский 12 октября 1923 г. в своем письме генералу Дядюше с копией генералу Н.Е. Шаповалу прямо обвинил украинский общественный комитет в Чехословакии и его руководителя Шаповала (брата генерала Николая Ефимовича Шаповала — Никиту) в нецелевом расходовании средств, выделенных на курсы¹²⁹.

Начальник курсов генерал Дядюша в письме 13 февраля генералу Янушевскому выразил мнение, что для академических курсов у украинской военной эмиграции попросту не было преподавательского состава, так как не каждый окончивший военную академию мог преподавать. Скептически оценивая некоторые инициативы украинского руководства в военной области, Дядюша считал попытку открыть военную академию показухой¹³⁰. Однако именно Дядюше Петлюра доверил руководство подготовкой на территории Польши кадров украинских генштабистов для будущего похода на Советскую Россию. Как говорят, головной атаман плохо разбирался в людях.

Академические курсы, по данным на 22 февраля 1923 г., насчитывали 34 слушателя, 10 офицеров, 6 лекторов и 3 казака. Из-за отсутствия денег учебный процесс не начался и в марте 1923 г. Ежемесячный расход на курсы требовал одного миллиона польских марок или 2000 чехословацких крон¹³¹. По свидетель-

ству полковника Критского, остававшегося в Калише в апреле 1923 г., уверенности в открытии новых курсов не было. Многие записавшиеся на них исчезли, а денег для открытия по-прежнему не хватало¹³².

И все же 23 мая 1923 г. было решено начать обучение. Начальником курсов по-прежнему остался генерал Дядюша, заведующим учебной частью — подполковник С. Вышемирский¹³³, заведующим административно-управленческой частью — подполковник Д. Быстрицкий, библиотекарем и адъютантом — сотник Шкляр-рук, заведующим слушателями — сотник Федоровский, делопроизводителем хозяйственной части — административный подхорунжий Цимбал, казначеем — административный хорунжий Гринько. Должность делопроизводителя учебной части была вакантной¹³⁴.

Учебный план был рассчитан на 12 месяцев и включал 960 часов занятий, в том числе 240 часов выпускных экзаменов. Лекторами, по данным на 30 августа 1923 г., были 15 человек: генерал-хорунжие В.М. Куш, А.И. Удовиченко, А.С. Пороховщиков, В.Н. Петров, В.Е. Змиенко, Н.А. Капустянский, М.Д. Безручко; жена генерала Пороховщикова; подполковник В.П. Евтимович, профессор В. Прокопович (начальник культурно-просветительского управления армии УНР), военный инженер генерал-хорунжий А.И. Козьма, полковник П.А. Науменко, сотник И. Зубенко, военный инженер полковник П.М. Критский и подполковник К.К. Цурканов¹³⁵.

18 июля 1923 г. генерал Дядюша получил 930 240 польских марок на нужды академических курсов¹³⁶. По поводу финансирования новых курсов и их организации он писал переехавшему в Брест полковнику Сигареву 29 июля: «Между прочим, еще в конце прошлого года Шаповал заявил на собрании по поводу моих курсов, что Прага гарантирует ежемесячно на курсы 2 т[ысячи] корон, почему они (курсы) и предполагались к открытию, но выдал мне в январе 1 мил. марок (хотя должен был выдать 1.120.000) на первоначальные затраты (так в документе. — А. Г.) в конце января заявил, что Прага отказывается давать курсам деньги, а потому он будет их субсидировать из сумм комитета, но уже только в размере 1 тыс. корон в месяц. Пришлось согласиться и на

это. В мае он выдал мне 1 мил. марок (по курсу должен был дать 1.340.000), в июне дал 1.500 тыс. (курс 3.210.000). За июль еще ничего не выдал, но есть слух, что на днях даст 2 мил. и курс сейчас 4.200 тыс. Благодаря моей необычайной скаредности в расходах, я курсы пока веду, считая, что все работают даром, так как нельзя считать за вознаграждение преподавателю 5 тыс. за декаду и по 1 тыс. мар. за лекцию, (здесь и далее подчеркнуто красным карандашом адресатом. — А. Г.) а своим урядовцам (чиновникам. — А. Г.) по 15 тыс. в месяц, конечно, работают кое-как, но у слушателей возбужден все-таки большой интерес к знанию»¹³⁷.

Проблема финансирования стояла очень остро. Видимо, в этой связи сохранившиеся документы слушателей и преподавателей написаны, в основном, карандашом. 19 октября 1923 г. генерал Дядюша писал полковнику Сигареву: «Курсы содержались на счет Пражск[ого] Укр[аинского] комитета. В декабре прошлого года, когда была созвана первая конференция, Шаповал при всех обещал, что Пражск[ий] комитет будет ежемесячно выплачивать 2.000 чешск. корон, причем члены конференции высказались, чтобы деньги выплачивались в коронах, на что Шаповал согласился. Фактически 1го января он выдал миллион марок (когда сам сказал, что короны по 560 м[арок]), а затем уже в мае заявил, что Прага платить отказывается и что он из средств калишского комитета будет выплачивать ежемесячно по 1000 корон, на самом же деле в конце каждого месяца уплачивал марками по официальному курсу не более 500 корон, а если считать неофициальный, то и меньше, т[ак] ч[то] к 1му сентября вместо 11 миллион[ов] марок он мне выдал только 5.600.000»¹³⁸.

Несмотря на плачевное финансовое положение, учебный курс все же был завершен, и с 8 апреля 1924 г. начались выпускные экзамены, длившиеся целый месяц¹³⁹, а в мае 12 выпускникам были выданы свидетельства об окончании курсов. Второй выпуск курсов стал последним: к концу лета 1924 г. лагеря интернированных в Польше были ликвидированы¹⁴⁰. Армия УНР к этому времени также уже стала достоянием истории, поэтому в дальнейшем выпускники курсов, разумеется, не несли службу Генерального штаба, а работали в различных организациях Украинского центрального комитета в Польше.

Еще одним способом подготовки национальных кадров генштабистов была отправка украинских офицеров на учебу в иностранные военные академии. Прежде всего, речь шла о военно-учебных заведениях Польши и Румынии. Видимо, самым первым на учебу в Высшую военную школу Румынии был направлен летом-осенью 1920 г. сотник Я. Чайковский — выходец из Бессарабии, имевший все основания получить румынское гражданство, но не использовавший эту возможность.

Чайковского поначалу принимали как дорогого гостя, представителя союзной державы. Он был представлен военному министру Румынии, начальнику Генерального штаба и начальнику школы. Как оказалось, Чайковский был первым иностранным слушателем румынской военной академии¹⁴¹. На параде 17 мая 1923 г. начальник румынской академии даже будто бы заявил ему: «Давайте, давайте своих офицеров», имея в виду украинцев¹⁴².

Своему украинскому начальству Чайковский докладывал о хорошей постановке учебного процесса. По его свидетельству, лекции в школе шли через день, давался свободный день для подготовки, к тому же в ходе лекций не пересказывались учебники, а лишь пояснялись. В лекционные дни на классные занятия давалось четыре часа. После обеда лекций уже не было, слушатели занимались верховой ездой, фехтованием и практическими занятиями. Чайковского поражало то, что в академии обучали владеть автомобилем, мотоциклом и самокатом, «чтобы подготовить не тепличного, а полевого офицера Генштаба»¹⁴³. Однокашниками Чайковского были капитаны и майоры румынской армии.

По мнению Чайковского, румыны копировали систему подготовки французской высшей военной школы, «двери которой для нас вряд ли скоро откроются»¹⁴⁴. Учебным планом были предусмотрены следующие предметы: служба генерального штаба (35 лекций), тактика пехоты (65 лекций), тактика конницы (15 лекций), тактика артиллерии (30 лекций), военная история (95 лекций), фортификация (30 лекций), оружие (30 лекций), военная администрация (15 лекций), санитарная служба (15 лекций), организация (20 лекций), мобилизация (20 лекций), топография (20 лекций), прикладные знания (20 лекций), всеобщая история (20 лекций), всеобщая география (20 лекций),

политэкономика (10 лекций), науки политические и социальные (10 лекций), авионавтика (20 лекций), стенография (20 лекций), болгарский язык (65 лекций). Последние два предмета в академии появились только в 1920 г.

Чайковского всячески поддерживали украинские представители в Румынии. Генерал-поручик С.Н. Дельвиг, глава чрезвычайной дипломатической миссии УНР в Румынии, писал начальнику Генштаба 5 ноября 1920 г. о важности для молодой украинской армии командирования офицеров в румынскую академию.

11 июля 1922 г. Чайковский писал Дельвигу о финансовых трудностях, просил решить вопрос с дальнейшим финансированием его обучения, так как миссия ликвидировала свои финансовые дела и сама находилась в тяжелом материальном положении¹⁴⁵. В сентябре 1922 г. Чайковский обучался на третьем курсе академии, получал стипендию от посольства УНР, а когда денег не стало, начал выходить из положения самостоятельно¹⁴⁶. Материальные условия Чайковского с прекращением украинского финансирования в 1922 г. резко ухудшились, не спасало даже наличие родственников в Бессарабии, к которым Чайковский приезжал в период обучения¹⁴⁷. Приходилось подрабатывать переводами, работать в бессарабском кооперативе¹⁴⁸. Совмещать учебу с работой было практически невозможно. Несмотря на материальные и моральные трудности, Чайковский окончил академию по первому разряду. По мнению генерала Янушевского, украинские власти просто бросили Чайковского, хорошо учившегося в академии, на произвол судьбы¹⁴⁹.

После окончания обучения Чайковский командовал дивизионом при 1-м тяжелом артиллерийском полку. Как отмечал он сам, денег не хватало катастрофически, но офицер держался, как мог¹⁵⁰. Впрочем, уже 16 октября 1923 г. Чайковский был арестован¹⁵¹.

Много лет спустя, в мае 1940 г., генерал Дельвиг сообщил в письме генералу В.Н. Петрову подробности румынской одиссеи Чайковского. Украинская миссия в Бухаресте потратила на его обучение последние имевшиеся средства. Хорошим было отношение и со стороны румынских властей. Однако слушатель не оправдал возлагавшихся на него румынами и украинцами надежд. К

моменту окончания академии Чайковский стал большевистским информатором, сообщая сведения как о положении украинской военной эмиграции, так и о состоянии румынской армии, которую прекрасно изучил изнутри. Кроме того, его обвиняли и в работе на Болгарию. Когда это выяснилось, супруга Чайковского (в прошлом народница и сестра милосердия в России) выбросилась из окна, а сам он был осужден на семь лет тюремного заключения. Генерал Дельвиг считал, что на месте румынских властей Чайковского следовало казнить¹⁵².

В феврале 1921 г. румыны выделили украинским офицерам еще одну вакансию в Высшей военной школе¹⁵³. Проблема заключалась в том, что украинские офицеры, как правило, не знали румынского языка. На вакансию претендовали хорунжий Маковский, сотники Козловский и Чорний-Лучко и некоторые другие украинские офицеры. В 1923 г. Высшая военная школа Румынии предоставила для украинских офицеров уже четыре учебных вакансии, за которые среди ветеранов украинской армии развернулась борьба¹⁵⁴. Румынские власти даже разрешали слушателям прослужить один год в румынской армии, в одном из лучших гарнизонов города Питемри, для знакомства с румынскими вооруженными силами¹⁵⁵. На учебу хотели отправиться полковник А.И. Кмета, сотники И. Якимчук и И. Яворский. Однако румыны были готовы обучать украинских офицеров только за их же счет¹⁵⁶. Таких возможностей ни у самих претендентов, ни у украинского эмигрантского руководства не было, поэтому кандидатам пришлось ограничиться обучением на украинских курсах.

Вполне возможно, что сотник Чайковский в итоге оказался единственным украинским выпускником румынской академии. Во всяком случае, документально известно, что два года в румынскую академию украинских офицеров не отправляли, а в 1923 г. румыны начали переговоры с СССР, в результате чего обучение украинских антибольшевистских кадров стало нежелательным, и, как свидетельствовал украинский посол в Румынии К.А. Мациевич, последовал вежливый отказ под предлогом отсутствия вакансий¹⁵⁷. Безусловно, свою роль сыграл и шпионский скандал с Чайковским, от которого, таким образом, большевики получили двойную выгоду. Сохранились свидетельства о том, что в

румунскую академию в 1929 г. пытались попасть сотники Шевченко, Орел-Орленко, Иванов, подполковник Кмета¹⁵⁸. Вопрос курировал генерал Юнаков, но, похоже, офицеры вновь не добились своего, в том числе из-за стоимости виз. На этом эпопея с украинцами в румынской академии, судя по выявленным документам, завершилась.

Подготовка украинских офицеров в польской военной академии была сопряжена со своими трудностями. Вопрос был инициирован в 1926 г. военным министром УНР генералом В.П. Сальским. В среде украинской военной эмиграции из числа членов товарищества бывших воинов армии УНР нашлось десять кандидатов на обучение (поручик Абрамович, генерал-хорунжий А.Д. Алмазов, сотник И. Зварийчук, сотник А.Н. Иванов, полковник А.И. Кмета, сотник А.П. Костюченко, сотник К.В. Реутов, поручик Скубий, полковник В.З. Филонович, сотник В.Я. Шевченко, подполковник В.Ф. Прохода первоначально согласился, но впоследствии отказался)¹⁵⁹. Как видим, имена некоторых претендентов с годами не менялись (Иванов, Кмета, Костюченко, Реутов и Шевченко были слушателями и выпускниками калишских курсов), что свидетельствует как о небольшом количестве украинских офицеров-эмигрантов, стремившихся к получению высшего военного образования, так и о том, что ранее этот вопрос в их отношении решен не был.

После того, как в мае 1926 г. был убит С.В. Петлюра, генерал Сальский занялся проверкой кандидатов с точки зрения лояльности идеалам украинского национализма¹⁶⁰. Дело в том, что выбор покойного головного атамана нередко оказывался неудачным. Так, обучавшийся в Румынии сотник Я. Чайковский оказался советским агентом, а выпускник калишских курсов И.М. Орел-Орленко стал сменовеховцем.

В 1927 г. Сальский добился разрешения украинским офицерам обучаться в Высшей военной школе в Варшаве. Предполагалось отправлять на учебу младших офицеров в чине до сотника включительно. В дальнейшем они должны были служить в польской армии по контракту¹⁶¹. Наиболее активно подготовка поляками бывших украинских офицеров велась в начале 1930-х годов. Осенью 1931 г. в академию поступили сотники армии УНР

(майоры польской армии) А. Валийский и П. Самутин¹⁶². Формально эти офицеры, окончившие академию в 1933 г., уже находились на польской военной службе, хотя и должны были регулярно отчитываться перед генералом Сальским. Также в Высшей военной школе обучались и другие украинские офицеры: генерал-хорунжий (подполковник польской армии) П.Ф. Шандрук (1936–1938), полковники (майоры) П.Г. Дьяченко (1932–1934) и В. Малец (Мальцов) (1934–1936), сотник (майор) Н. Палиенко (1932–1934), сотник (ротмистр) И. Зварийчук (обучался в 1938), поручик В. Татарский (1937–1939)¹⁶³. Всего через обучение в Высшей военной школе к 1939 г. прошли восемь украинских офицеров. Практически все они (о Зварийчуке данных обнаружить не удалось) в годы Второй мировой войны служили в дивизии СС «Галичина» или в других нацистских формированиях. Готовившие их поляки явно не преследовали цели поставлять Гитлеру квалифицированных командиров (впрочем, равно как и Россия, в которой они получили первоначальное военное образование и офицерские чины). Кроме украинцев в межвоенный период обучение в академии проходила целая группа грузинских офицеров. Переподготовка поляками украинских и грузинских офицерских кадров логично встраивалась в антироссийскую идеологию прометеизма Ю. Пилсудского, направленную на расчленение СССР путем поддержки националистических движений нерусских народов СССР¹⁶⁴.

История подготовки украинских кадров Генштаба в эпоху Гражданской войны и первых лет эмиграции чрезвычайно интересна. В самый сложный период Гражданской войны 1917–1920 гг., когда квалифицированные генштабисты были особенно необходимы украинскому руководству, их подготовка по разным причинам, несмотря на целый ряд достаточно серьезных попыток, так и не была организована. Тем не менее, за эти годы в украинском военно-политическом руководстве сложилось примерное понимание того, какие специалисты нужны украинской армии и какой объем подготовки будет для них достаточен.

Однако головной атаман С.В. Петлюра плохо разбирался в людях и еще меньше — в специальных военных вопросах. Укра-

инские курсы Генштаба или даже национальная академия Генштаба для него и его окружения являлись, в первую очередь, необходимым статусным атрибутом полноценного национального государства и полноценной армии, а уже во вторую очередь имело значение качество подготовки и подлинная необходимость подобных излишеств в не представлявшей собой большой силы украинской армии. На всем протяжении 1919–1921 гг., когда вопрос открытия украинского высшего военно-учебного заведения активно обсуждался с участием самого Петлюры, головной атаман мечтал о скорейшем начале подготовки национальных военных кадров Генштаба. Парадокс в том, что реальная подготовка кадров была начата тогда, когда острой потребности в них украинская армия уже не испытывала, поскольку не вела никаких боевых действий, а находилась в лагерях интернированных на территории Польши.

Опыт работы курсов в Калише достаточно показателен, причем не только с точки зрения того, как можно готовить специалистов Генштаба в экстремальных условиях беженского лагеря при минимуме средств и возможностей. Украинские политические деятели в первые годы эмиграции не оставляли реваншистских планов и стремились в сжатые сроки подготовить достаточное количество специалистов Генерального штаба для нового похода на Советскую Россию. Эти кадры должны были быть национально ориентированными. Однако краеугольным камнем всего украинского военного строительства эпохи Гражданской войны была его опора на офицерство старой русской армии, которое далеко не всегда разделяло взгляды украинских националистов. Именно старые русские генштабисты вели подготовку кадров Генштаба в калишском лагере, что не могло не накладывать свой отпечаток и на взгляды слушателей.

История курсов продемонстрировала слабые стороны украинского военного строительства. Прежде всего, отсутствие должного единства среди украинских офицеров. Уже первые выпускники стали противопоставлять себя старым офицерам, прежде всего, по вопросу национальной ориентации, так как считали старшее поколение недостаточно украинизированным. Положение офицеров старшего поколения было незавидным.

Многие представители этой категории добросовестно несли службу, однако в ответ сталкивались с недоверием и неприязнью националистически настроенной молодежи. То, что все эти проблемы активно проявлялись в период интернирования украинских войск, говорит об их наличии в украинской армии и во время Гражданской войны.

Попытка организации курсов показала и то, что украинская политическая элита слабо разбиралась в военных вопросах и плохо ориентировалась в политической ситуации. Фактически наспех подготовленные кадры Генштаба оказались невостребованными, поскольку украинцы просто не имели достаточных сил и возможностей для развертывания новой борьбы с большевиками. Число сторонников такой борьбы постоянно уменьшалось. Новый поход украинских войск на Советскую Россию в первой половине 1920-х гг. был бы авантюрой и не состоялся по целому ряду причин. Точно так же, как не состоялся аналогичный поход эмигрировавших участников Белого движения. По сути, калишские курсы лишь дали возможность группе украинских офицеров с пользой для себя скоротать время однообразной жизни в лагерях интернированных на чужбине.

Действительно стремившихся к военным знаниям украинских офицеров было крайне мало. Анализ попыток подготовки украинских кадров Генштаба в зарубежных военных академиях свидетельствует о том, что на протяжении 1920-х – 1930-х годов получить высшее военное образование пытались буквально одни и те же люди. Фактически речь идет лишь о нескольких десятках наиболее активных украинских офицеров из всей украинской эмиграции. Нельзя не отметить, что те из них, кто сумел добиться желаемого, не нашли в дальнейшем применения своим знаниям на украинской почве, а оказались вовлечены в события Второй мировой войны на стороне и в интересах нацистской Германии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 12. Л. 12об.

² Герасименко М.В. Підготовка старшинських кадрів в українських національних державних утвореннях (березень 1917 – листопад 1920 рр.). Дисс. к.и.н. К., 2005.

³ Срібняк І. Обеззброєна, але нескорена: Інтернована Армія УНР у таборах Польщі й Румунії (1921–1924 рр.). К., 1997. С. 50–56; *Он же*. Військова діяльність уряду УНР в екзилі

(1921–1923 рр.). Дисс. к.и.н. К., 1995. С. 78–87; *Он же*. До початків заснування Української воєнної академії Генерального штабу // *Вісті комбатанта* (Торонто — Нью-Йорк). 1996. № 1 (198). С. 60–67; *Срібняк І., Кучер В.* Фахова підготовка старшин Генерального штабу Армії УНР у 1921–1923 р.р. // *Розбудова держави* (Київ). 1996. № 7. С. 28–32.

⁴ *Kolańczuk A.* Internowani żołnierze armii UNR w Kaliszu 1920–1939. Kalisz-Przemysławów, 1995.

⁵ *Коляничук О.* Українська військова еміграція у Польщі. 1920–1939. Львів, 2000. С. 121–123.

⁶ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1364. Л. 312.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦДАВОУ). Ф. 1078. Оп. 2. Д. 167. Л. 27.

¹⁰ Там же. Ф. 1077. Оп. 6. Д. 21. Л. 2.

¹¹ Там же. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 226. Л. 39.

¹² *Герасименко М.В.* Указ. соч. С. 58, 88.

¹³ ЦДАВОУ. Ф. 1077. Оп. 1. Д. 63. Л. 15об.

¹⁴ Там же. Оп. 6. Д. 21. Л. 3об.

¹⁵ Списочный состав см.: Там же. Л. 7.

¹⁶ Там же. Д. 8. Л. 4.

¹⁷ Там же. Л. 9.

¹⁸ *Герасименко М.В.* Указ. соч. С. 86.

¹⁹ *Свтимович В.* Олелько Сергієвич Остапура-Степовий (Астафьев), війська українського генеральний хорунжий // *Літопис червоної калини*. 1937. № 7–8. С. 32.

²⁰ Национализм — идеология, основанная на принципе ценности нации как высшей формы общественного единства и ее первичности в процессе создания государства. Ключевой составляющей идеологии украинского национализма, главным показателем принадлежности к этой идеологии, как в период Гражданской войны, так и сегодня является резкое неприятие всего, что связано с Россией и русскими, которых украинские националисты традиционно именуют «москалями».

²¹ См. фото: *Тинченко Я.Ю.* Офіцерський корпус Армії Української Народної Республіки (1917–1921). Кн. 1. К., 2007. С. 21.

²² *Свтимович В.* Початки українського військового шкільництва в 1917–1918 р. // *Літопис червоної калини*. 1937. № 12. С. 8.

²³ Там же. С. 10.

²⁴ *Герасименко М.В.* Указ. соч. С. 124.

²⁵ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 37. Л. 32.

²⁶ Там же. Ф. 1077. Оп. 3. Д. 47. Л. 839.

²⁷ Там же. Л. 893об.

²⁸ Там же. Л. 1023.

²⁹ *Герасименко М.В.* Указ. соч. С. 124.

³⁰ ЦДАВОУ. Ф. 1077. Оп. 1. Д. 1. Л. 180.

³¹ Там же. Л. 220.

³² Недавно в России была переиздана его работа, посвященная истории Северной войны — *Юнаков Н.Л.* Северная война: кампания 1708–1709 гг. с точки зрения стратегии, тактики и истории военного искусства // *Защита Отечества: Наука побеждать, заветы и уроки Петра Великого*. М., 2010. С. 262–302.

³³ *Капустянський М.* Похід Українських Арій на Київ — Одесу в 1919 році (Короткий воєнно-історичний огляд). Кн. 2. Мюнхен, 1946. С. 127–128.

³⁴ *Шапошиников Б.М.* Воспоминания. Военно-научные труды. М., 1982. С. 131.

- ³⁵ *Петрів В.* Військово-історичні праці. Спомини. К., 2002. С. 601.
- ³⁶ *Юнаків М.Л.* Матеріали для мого життєпису // Тризуб (Париж). 1931. 30.08. С. 6.
- ³⁷ Там же. С. 9.
- ³⁸ ГА РФ. Ф. Р-6393. Оп. 1. Д. 1. Л. 5об. Публикацію документа см.: *Ковальчук М.* Невідома війна 1919 року: українсько-білогвардійське збройне протистояння. К., 2006. С. 450–461.
- ³⁹ *Мазена І.* Україна в огні й бурі революції. К., 2003. С. 257–258.
- ⁴⁰ ЦДАВОУ. Ф. 1074. Оп. 1. Д. 11. Л. 8.
- ⁴¹ *Герасименко М.В.* Указ. соч. С. 128.
- ⁴² См. Армія і фльота України (Київ). 1918. № 1. С. 68–70.
- ⁴³ Подробнее об этом см.: *Ганин А.В.* Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009. С. 92–98, 129–130; *Он же.* «Незалежные» генштабисты // *Родина*. 2009. № 8. С. 116–120.
- ⁴⁴ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 37. 109.
- ⁴⁵ Там же. Л. 110.
- ⁴⁶ Там же. Л. 112.
- ⁴⁷ Там же. Л. 112об.
- ⁴⁸ Там же. Д. 226. Л. 39.
- ⁴⁹ Там же. Ф. 3947. Оп. 1. Д. 13а. Л. 2. Публикацию этого документа см. в: *Петрів В.* Військово-історичні праці. Листи. К., 2004. С. 367–369.
- ⁵⁰ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 226. Л. 39.
- ⁵¹ Там же. Ф. 3172. Оп. 1. Д. 63. Л. 13–13об.
- ⁵² Там же. Л. 14. Здесь и далее в цитатах переводы с украинского языка выполнены автором. — *А.Г.* Публикацию документа см.: *Петлюра С.* Статті. Листи. Документи. Т. IV. К., 2006. С. 419–420.
- ⁵³ Там же. Д. 167. Л. 2.
- ⁵⁴ Курсы Генштаба при начальной команде Украинской галицийской армии создавались для подготовки офицеров на низшие должности Генштаба (уровень штаба бригады). Продолжительность курса составляла всего восемь недель. Офицеров на курсы направляло командование армии до командиров корпусов включительно — ЦДАВОУ. Ф. 3172. Оп. 1. Д. 66. Л. 9. К сожалению, в моем распоряжении нет данных о том, функционировали ли эти курсы или же так и остались в проекте.
- ⁵⁵ ЦДАВОУ. Ф. 3172. Оп. 1. Д. 66. Л. 7об.–8.
- ⁵⁶ Там же. Л. 134.
- ⁵⁷ Там же. Л. 121.
- ⁵⁸ Там же. Л. 122об.
- ⁵⁹ Там же. Л. 4.
- ⁶⁰ Там же. Л. 12.
- ⁶¹ Там же. Л. 35.
- ⁶² ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 2. Л. 120–121.
- ⁶³ Там же. Л. 85об.
- ⁶⁴ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 226. Л. 4. Всего на территории Польши было создано 22 лагеря для интернированных русских и украинцев — *Karpus Z.* Russian and Ukrainian Prisoners of War and Internees kept in Poland in 1918–1924. Toruń, 2001. P. 136–137.
- ⁶⁵ *Колянчук О.* Українська військова еміграція. С. 108.
- ⁶⁶ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 226. Л. 5.
- ⁶⁷ Там же. Л. 8.
- ⁶⁸ Центральный военный архив Польши (Centralne archiwum wojskowe im. majora Bolesława Waligory (CAW)). I.380.7.9.
- ⁶⁹ ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 2. Л. 86.
- ⁷⁰ Там же. Л. 87.

⁷¹ ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 33. Л. 46об.

⁷² САУ. І.380.7.9.

⁷³ Приказы войску УНР № 2 от 7 февраля 1921 г. и № 18 от 30 марта 1921 г. — *Петлюра С.* Статті, листи, документи. Т. 3. К., 1999. С. 377, 412.

⁷⁴ О служебном пути генерала Дядюши см.: ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 55; Список Генерального штаба. Исправлен по 1-е Июня 1914 года (С приложением изменений, объявленных в Высочайших приказах по 18 Июля 1914 г.). Пг., 1914. С. 359; Список Генерального штаба. Исправлен по 1-е Января 1916 года (С приложением изменений по 1 Марта 1916 г.). Пг., 1916. С. 65; Список Генерального штаба. Исправлен по 3-е Января 1917 года (С приложением изменений по 8 Февраля 1917 г.). Пг. 1917. С. 64; Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769–1920. Библиографический справочник. М., 2004. С. 505; *Волков С.В.* Генералитет Российской империи: энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. Т. 1. М., 2009. С. 492; *Ганин А.В.* Корпус офицеров Генерального штаба. С. 440; *Тинченко Я.Ю.* Офицерский корпус Армии Української Народної Республіки (1917–1921). Кн. 1. К., 2007. С. 150.

⁷⁵ Украинский общественный комитет в Чехословацкой республике — частная добровольная организация, действовавшая при финансовой поддержке чехословацкого МИД. В состав комитета входило около сотни членов из числа украинских эмигрантов. Основан 7 июля 1921 г. по инициативе Н.Е. Шаповала и Н.Я. Григорьева. Функционировал до 1925 г. Главной задачей организации была материальная и юридическая помощь украинским беженцам. Подробнее см.: *Наріжний С.* Українська еміграція. Культурна праця української еміграції 1919–1939 (матеріали, зібрані С. Наріжним до частини другої). К., 1999. С. 76–79.

⁷⁶ ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 1. Л. 191об.

⁷⁷ Там же. Л. 193об.

⁷⁸ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 226. Л. 86.

⁷⁹ Там же. Ф. 647. Оп. 1. Д. 4. Л. 6.

⁸⁰ ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 2. Л. 92.

⁸¹ Там же.

⁸² ЦДАВОУ. Ф. 647. Оп. 1. Д. 4. Л. 6об.

⁸³ Там же. Л. 7.

⁸⁴ ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 13. Л. 13об.

⁸⁵ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 167. Л. 14об.

⁸⁶ Там же. Л. 15об.

⁸⁷ ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 2. Л. 92об.

⁸⁸ Там же. Д. 12. Л. 12.

⁸⁹ ЦДАВОУ. Ф. 3947. Оп. 1. Д. 13а. Л. 2.

⁹⁰ Там же. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 296. Л. 22.

⁹¹ Там же. Д. 226. Л. 5.

⁹² Там же. Л. 2.

⁹³ Там же. Л. 78.

⁹⁴ Там же. Л. 42.

⁹⁵ Там же. Д. 167. Л. 17.

⁹⁶ Там же. Д. 226. Л. 42.

⁹⁷ Там же. Д. 167. Л. 24–24об.

⁹⁸ *Ганин А.В.* Корпус офицеров Генерального штаба. С. 746–750.

⁹⁹ Данные об образовательном цензе слушателей выявлены нами по: САУ. І.380.7.2; І.380.7.11; І.380.7.13. Судя по всему, данные, приведенные на этот счет в работах И. Срибняка, неточны. См., напр.: *Срибняк І.* До початків заснування Української воєнної академії Генерального штабу // *Вісті комбатанта* (Торонто — Нью-Йорк). 1996. № 1 (198). С. 63 и др.

¹⁰⁰ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 226. Л. 40.

¹⁰¹ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 167. Л. 29–95, 119; САУ. І.380.7.2.

¹⁰² ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 167. Л. 96об.

- ¹⁰³ Там же; также опубликовано в приказе Генеральному штабу УНР № 24 от 31.07.1922 — ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 246. Л. 26.
- ¹⁰⁴ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 167. Л. 98.
- ¹⁰⁵ Там же. Л. 119.
- ¹⁰⁶ Там же. Ф. 1075. Оп. 2. Д. 838. Л. 353.
- ¹⁰⁷ *Karpus Z. Russian and Ukrainian Prisoners of War and Internees.* P. 136, 150.
- ¹⁰⁸ ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 13. Л. 14.
- ¹⁰⁹ Там же. Л. 14об.
- ¹¹⁰ *Karpus Z. Russian and Ukrainian Prisoners of War and Internees.* P. 150.
- ¹¹¹ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 158. Л. 79.
- ¹¹² Там же. Д. 226. Л. 41об., 74 (список этих офицеров); САУ. I.380.7.5.
- ¹¹³ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 300. Л. 18.
- ¹¹⁴ Там же. Л. 24–24об.
- ¹¹⁵ Там же. Л. 38.
- ¹¹⁶ Там же. Л. 54об.
- ¹¹⁷ Там же. Л. 62.
- ¹¹⁸ Там же. Ф. 4007. Оп. 1. Д. 10. Л. 35.
- ¹¹⁹ Там же. Л. 42.
- ¹²⁰ Там же. Л. 43об.
- ¹²¹ Там же. Л. 44.
- ¹²² Там же. Л. 39.
- ¹²³ Там же. Л. 40.
- ¹²⁴ Там же. Л. 40об.
- ¹²⁵ Там же.
- ¹²⁶ Там же. Л. 41.
- ¹²⁷ САУ. I.380.7.9.
- ¹²⁸ ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 2. Л. 191об.
- ¹²⁹ ЦДАВОУ. Ф. 4007. Оп. 1. Д. 20. Л. 7об.
- ¹³⁰ ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 2. Л. 84об.–85.
- ¹³¹ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 158. Л. 451.
- ¹³² ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 13. Л. 31.
- ¹³³ По некоторым данным, позднее завучами были подполковник А. Вишневский и полковник П. Науменко — *Колянчук О.* Українська військова еміграція. С. 121. Однако источник этих данных мне неизвестен, а в выявленных мною документах курсов об этом не упоминается.
- ¹³⁴ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 158. Л. 506.
- ¹³⁵ Там же. Л. 483. На 31 января 1923 г. в списке лекторов также значился Генштаба подполковник С.Н. Вышемирский, Генштаба генерал-поручик С.И. Дядюша, подполковник А.В. Липский, генерал-поручик П.К. Ерошевич, военный прокурор полковник Т.Г. Шалаев, сотник Крушинский, генерал-хорунжий Н.Е. Шаповал, но не указан сотник Зубенко. Для зачисления в качестве лекторов предлагали по курсу военной администрации генерал-полковника А.С. Галкина и по технике артиллерии генерал-хорунжего В.М. Сварика — Там же. Л. 504.
- ¹³⁶ ЦДАВОУ. Ф. 1075. Оп. 2. Д. 1035. Л. 22.
- ¹³⁷ ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 35. Л. 41–41об.
- ¹³⁸ Там же. Л. 47–48.
- ¹³⁹ ЦДАВОУ. Ф. 3527. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.
- ¹⁴⁰ *Karpus Z. Russian and Ukrainian Prisoners of War and Internees.* P. 160.
- ¹⁴¹ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 239. Л. 26.
- ¹⁴² Центральный государственный архив общественных объединений Украины (Центральный державний архів громадських об'єднань України, ЦДАГОУ). Ф. 269. Оп. 2. Д. 298а. Л. 31.

- 143 Там же. Л. 26.
 144 Там же. Л. 26об.
 145 Там же. Д. 103. Л. 2; Д. 298а. Л. 27.
 146 Там же. Д. 298а. Л. 3об.
 147 Там же. Л. 25об.
 148 Там же. Л. 32об.
 149 ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 2. Ч. 2. Л. 85.
 150 ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 2. Д. 298а. Л. 27об.
 151 Там же. Л. 61об.
 152 ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 2. Д. 128. Л. 44-44об.
 153 ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 239. Л. 2.
 154 Там же. Д. 167. Л. 123.
 155 ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 2. Д. 298а. Л. 26об.
 156 Там же. Л. 15.
 157 Там же. Л. 51.
 158 ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 1. Д. 355. Л. 101.
 159 Там же. Оп. 2. Д. 267. Л. 228, 229об.
 160 Там же. Л. 239.
 161 Там же. Оп. 1. Д. 352. Л. 26.

162 Подробнее см.: *Самутин П.* Польська Вища Військова Школа // Вісті комбатанта (Нью-Йорк). 1964. № 4. С. 15–21; 1965. № 1. С. 24–31.

163 В работе А. Колянчука приведены неточные данные по этому вопросу, более достоверные сведения (в т.ч. списки всех выпускников) содержатся в специализированном справочнике о выпускниках польской Высшей военной школы — *Колянчук О.* Українська військова еміграція. С. 173–175; *Stawecki P.* Oficerowie dyplomowani wojska Drugiej Rzeczypospolitej. Wrocław-Warszawa-Kraków, 1997. S. 117.

164 Подробнее см.: *Симонова Т.М.* «Прометеизм» во внешней политике Польши. 1919–1924 гг. // Новая и новейшая история. 2002. № 4. С. 47–64.

Ирина Васильевна
МИХУТИНА

ПЕРВЫЕ НЕДЕЛИ ПОЛЬСКО-СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ КАМПАНИИ 1920 ГОДА

Ю. Пилсудский — лидер Польши межвоенного периода, наделенный в 1919 г. титулом Начальника государства с функцией Верховного главнокомандующего, написал в 1924 г.: «Польша начала войну с Советами уже в 1918 г. ... Я поставил себе независимо ни от кого четкую цель в войне с Советами. Я решил напрячь все силы, чтобы держаться как можно дальше от мест, где выклевывалась и ковалась новая жизнь, пресечь все попытки и поползновения еще раз навязать нам жизнь, устроенную не нами самими»¹. Это объяснение о якобы предопределенности конфликта выглядит фальшивым в свете заявлений польскому вопросу, обнародованных в 1917 г. последовательно всеми революционными правительствами России, созвучных теоретическим постулатам западных держав. Временное правительство в марте 1917 г. официально заявило о правомерности «создания независимого польского государства из всех земель, населенных в большинстве польским народом»². Тот же этнический принцип границ будущей Польши был предложен президентом США В. Вильсоном в известных «14 пунктах» послевоенного устройства (январь 1918 г.) и юридически закреплен в Малом Версальском договоре, подписанном Польшей с союзными державами в июне 1919 г.³

Советское правительство приняло Польшу, возрожденную в этнических пределах, как геополитическую данность и заявило о желании строить отношения с ней согласно действующим международно-политическим нормам. Более того, большевистское руководство и военное командование отклонили план организации польских коммунистов в России по сведению воедино сформированных из поляков частей Красной Армии для оказания ими вооруженного содействия социальной революции в Поль-

ше⁴. Таким образом, опасность советского вторжения в этнические пределы Польши на рубеже 1918–1919 г. отсутствовала, и причины настроения официальной Варшавы на войну с советской Россией лежали в иной плоскости, чем называл Пилсудский. Проблему восстановления польской государственности он еще в начале XX в. связал с идеей территориального и геополитического ослабления России. В меморандуме, заявленном в Токио во время русско-японской войны, Пилсудский сформулировал цель, ради которой искал помощи Японии — «раскол Российского государства на главные составные части», такие, как Польша, Финляндия, Грузия⁵.

Казалось бы, в 1918 г. эта цель была достигнута. Но главные политические группировки в Польше так или иначе мыслили восстановленное государство с включением, подобно Речи Посполитой XVIII в., белорусских, литовских и украинских земель. По этой причине первые боевые столкновения польских частей с советскими произошли на белорусской территории в феврале 1919 г. В апреле польские войска захватили Вильно (Вильнюс) — столицу Литовско-Белорусской Советской Республики, чтобы провозгласить ее центром некоего государственного образования в границах исторического Великого княжества Литовского и под видом федерации подчинить его Польше; причем федерацию польский лидер готов был строить «с револьвером в кармане».

Малочисленные советские части не могли помешать продвижению польских войск на восток, так что их вождю близкой уже виделась главная цель — перемещение геополитического центра Восточной Европы из России в Польшу. Летом 1919 г. он воодушевлял своих приближенных, упрекая их в неверии в собственные силы: «Имеем такой неоценимый момент, такую прекрасную возможность осуществить на востоке великое дело, занять место России... и колеблемся? Боимся совершить смелые дела... [чтобы] справиться с такими врагами, как Германия и еврейская мафия в Советской республике... Силы России не боюсь. Если бы захотел, прошел бы сейчас хоть до Москвы и никто не смог бы противостоять моей силе»⁶.

Искушать судьбу маршем в направлении на российскую столицу Пилсудский не стал. «Нет, не через Москву [лежит наш]

путь, — привел через много лет услышанные в декабре 1919 г. слова патрона один из ближайших сотрудников польского лидера Б. Медзильский. — Большевиков действительно следует разбить... наступить им на самое больное место... Киев, Украина — вот их чувствительный пункт... если над ними нависнет перспектива независимости Украины... то тогда они должны будут пойти на решающее столкновение»⁷.

Пилсудский решил воспользоваться обострением Гражданской войны на Украине, расширившейся после свержения в декабре 1918 г. гетмана П.П. Скоропадского и восстановления Украинской Народной Республики (УНР). Республиканские лидеры не сумели тогда создать полноценный аппарат власти и удовлетворить социально-политические ожидания населения. Директория (новый распорядительный орган УНР), чтобы противостоять левым настроениям украинских масс, в январе 1919 г. объявила войну Советской России, но не преуспела в ней, и стала терять общественно-политическое влияние и территорию в пользу восстановленной параллельно Украинской Советской Социалистической Республики — союзницы Советской России. С августа 1919 г. опасным в военном отношении противником УНР сделалась и Добровольческая армия А.И. Деникина, вытеснившая остатки армии и государственный аппарат УНР в узкую полосу на границе с Польшей.

Польша тоже была преуспевшим в боях с войсками УНР противником, захватившим Западно-Украинскую Народную Республику (ЗУНР), которую создали украинцы Восточной Галиции, добровольно соединили ее вскоре в качестве Западной области республики УНР. Тем не менее, глава Директории и Главный атаман (Верховный главнокомандующий) С.В. Петлюра в расчете на помощь в борьбе против большевиков и деникинцев пошел на мирение с Польшей. Официальная Варшава лишь после полного поражения армии УНР и распада ее политического руководства дала согласие на военную поддержку Директории в борьбе за возвращение государственной территории. Ценой воссоздания власти Директории стало признание последней польской оккупации Восточной Галиции и передачи Польше ряда уездов Волыни. На этих условиях в ночь с 21 на 22 апреля 1920 г. в Варшаве был под-

писан польско-украинский союзный договор, 24 апреля — военная конвенция⁸, после чего польское руководство сочло открытым для своей армии путь на Украину.

Генеральное наступление польских войск от Припяти до Днестра в составе 9 пехотных дивизий, одной дивизии и двух бригад кавалерии под общим руководством маршала Ю. Пилсудского⁹ началось 25 апреля 1920 г. Имеющиеся оценки численности боевого состава колеблются от 45 тысяч штыков и 7 тысяч сабель (то есть соответственно — пехоты и кавалерии)¹⁰ до свыше 60 тысяч¹¹ и даже 97 360¹² тех и других вместе.

Польскому нашествию противостояли 12-я (командующий С.А. Меженинов) и 14-я (командующий А.И. Корк) армии советского Юго-Западного фронта (командующий А.И. Егоров) в составе семи дивизий пехоты, одной дивизии и одной бригады кавалерии общей численностью боевого состава, по сведениям штаба Юго-Западного фронта на 20 апреля 1920 г., 12 509 бойцов (вместе с инструкторами) в 12-й армии и 7 241 (с инструкторами) в 14-й армии¹³. В войсках к тому времени ощущалась серьезная нехватка личного состава, о чем не уставали напоминать вышестоящим военным инстанциям и политическому руководству Реввоенсоветы соответствующих армий. В начале марта в зоне ответственности 12-й армии польские силы, осуществившие захват Мозыря, превосходили советские, по данным члена РВС армии Н.И. Муралова, «более чем в три, а местами и в шесть раз». Силы армии и далее стремительно убывали «от эпидемий и активных действий противника»¹⁴. На исходе первого дня польского наступления, 25 апреля в 24 часа члены РВС армии Аралов, Муралов, Серафимов телеграфировали в ЦК РКП(б): «12 армия тает изо дня в день, и некоторые полки дошли до 15–30 человек... Пополнить армию местными жителями невозможно. Крестьяне, получив винтовки, разбегаются и образуют банды... При развивающемся наступлении армия с наличными силами сможет продержаться не более 10 дней»¹⁵.

Ю. Пилсудский готовил наступление в строгой секретности. О нем до последнего момента не знал даже начальник Генерального штаба С. Галлер, который сопровождал Верховного главнокомандующего, отправившегося на фронт под видом обычной

инспекционной поездки. Известный польский парламентарист М. Ратай, один из лидеров крестьянского движения, описал потом со слов генерала В. Сикорского, как вагон начальника штаба, чтобы заранее не открыть тому тайну наступления, был отцеплен от поезда Пилсудского и оставлен на глухой волынской станции¹⁶. Не были проинформированы о подготовке операции на Украине и командующие армиями литовско-белорусской части фронта¹⁷. Оперативный план разработали, минуя обычный порядок, особо доверенные лица из ближайшего окружения вождя — начальник оперативного отдела Генерального штаба и одновременно начальник так называемого узкого штаба подполковник Ю. Стахевич, адъютант маршала Б. Венява-Длугошовский и ротмистр С. Радзивилл.

Ведущая роль в реализации украинского проекта Пилсудского принадлежала двум его ближайшим соратникам — В. Славеку и К. Соснковскому. Б. Медзильский вспоминал, что оба издавна пользовались особым доверием Пилсудского, но у каждого соответственно с их личными качествами была своя роль. Слаvek, по мнению Медзильского, «сознательно не участвовал в политической жизни... В области политики он не отличался выдающимся умом или творческим талантом, не играл, подобно Соснковскому, в работе коменданта [Пилсудского] творческой роли на высшем уровне, но он первый пришел к выводу, что комендант умом настолько выше всех остальных, что ему просто следует помогать»¹⁸. Именно Славеку в 1920 г. была доверена организационная сторона украинского проекта. В то время он возглавлял отдел разведки в 6-й польской армии, чьи подразделения с согласия Директории УНР в конце 1919 г. разместились на украинских землях. В его компетенцию входила обработка петлюровского руководства и местных украинских политических кругов. Сохранилась записная книжка Славека — ценный источник, изобилующий реальными сведениями о характере псевдосоюзнических польско-украинских отношений¹⁹.

К. Соснковский же, по словам Медзильского, в отличие от Славека «часто развивал собственные взгляды» и при лидере «играл творческую роль»²⁰. Весной 1920 г. он был вице-министром военных дел. Отведенную ему в киевском походе роль сам он на-

звал «обеспечением тылов», но не в военном, а во внутривнутриполитическом плане. Оставаясь в Варшаве, он по поручению Пилсудского наблюдал и активно влиял на общественные настроения. Будучи проницательным аналитиком и красноречивым оратором он умело нейтрализовал недовольство парламентской оппозиции возобновлением военной кампании и даже поучал штабистов на фронте, как составлять боевые сводки, чтобы они создавали у населения духоподъемное настроение. Все это получило отражение в письмах, которыми Соснковский обменивался с Пилсудским, пока тот в начале похода находился в Ставке²¹.

Но вернемся к началу польского наступления. На острие первой атаки действовала ударная группа — только что образованная 3-я армия под командованием генерала Э. Рыдз-Смиглого, включавшая 1-ю дивизию пехоты Легионов²², 7-ю пехотную дивизию и 3-ю бригаду кавалерии. 25 апреля в 3 ч. 20 мин. группа начала ускоренный марш от Новоград-Волынского и Шепетовки в направлении на Житомир—Бердичев и в дальнейшем — на Киев. На левом фланге в южном направлении действовала Полесская группа полковника Ю. Рыбака. Южнее 3-й армии начала наступление в направлении Бердичева и Казатина 2-я армия генерала А. Листовского и две бригады кавалерии генерала Я. Ромера, осуществившие удар на железнодорожный узел Казатин. На правом фланге против частей 14-й советской армии стояла 6-я армия генерала В. Ивашкевича (три польских пехотных дивизии и отдельные отряды бывшей армии УНР, отступившие из занятого советскими войсками Приднепровья). Армия Ивашкевича в полдень 26 апреля начала наступление на Винницу и Жмеринку, украинцы должны были действовать южнее — вдоль Днестра²³.

Советское военное командование и политическое руководство не предвидело, что генеральное наступление противника случится на украинском направлении. Однако начавшееся движение польских войск развивалось так напористо, что уже вечером 25 апреля на экстренно созванном заседании Реввоенсовета 12-й армии с участием членов бюро и активистов Киевского губернского комитета КП(б)У прозвучала первая неутешительная оценка возникшей ситуации. «На фронте обнаружен сильный нажим со стороны поляков, — доложил Серафимов. — Они собрали

большой кулак, в том числе кавалерийские части. Пехота передвигается у них на грузовиках. Быстрота передвижения большая. Наши части быстро откатываются назад, делая иногда сразу по 20 верст. Сейчас поляки находятся в 20 верстах от Житомира. Силы у нас здесь небольшие. Необходимо считаться с возможностью оставления Киева. В нашем распоряжении дней 7–8. Мы считали своим долгом вас об этом предупредить и предложить вам приступить к подготовительным мерам по эвакуации»²⁴.

В докладе командования Юго-Западным фронтом Главнокомандующему С.С. Каменеву от 26 апреля говорилось: «На всем фронте 12-й армии и правом фланге 14-й армии поляки перешли совместно с петлюровскими и восставшими галчастями в наступление, заставили наши части, несмотря на упорное сопротивление, отойти к востоку на линию Коростень — Житомир — Винница». Осложняющими факторами в докладе называлось положение на границе с Румынией, где наблюдалось «сгущение стоявших вдоль Днестра пяти румынских дивизий», неблагоприятная ситуация на крымском направлении из-за консолидации белых под командованием П.Н. Врангеля, а также «развивающийся бандитизм при отсутствии армейских и фронтовых резервов..., что делает тыл фронта особенно в Правобережной Украине, совершенно необеспеченным... с риском на потерю армиями своих коммуникационных путей»²⁵.

В такой обстановке командование фронтом 27 апреля направило армиям директиву сохранять за собой «во что бы то ни стало киевский район» и выиграть время до прихода с Северного Кавказа 1-й конной армии; 12-й армии — фланговыми ударами остановить продвижение неприятеля к Киеву и защитить стратегически важные железнодорожные узлы; 14-й армии — защитить район Винница — Жмеринка, прикрывающий пути на Одессу и Кременчуг»²⁶.

Сильно уступавшие по численности советские войска, рассредоточенные по всей огромной линии фронта, не могли устоять перед хорошо подготовленной, сконцентрированной для прорыва группировкой противника. Малочисленные подразделения отходили, уклоняясь от соприкосновения с поляками, а те, которые вступали в неравные бои, несли непомерные потери в личном составе и технике. К тому же активизировавшиеся в

тылу украинские повстанцы быстро лишили командование 12-й армии связи с дивизиями. В ближайшие дни в руки поляков перешли стратегически важные города Правобережья, железнодорожная линия Могилев-Подольский — Жмеринка — Винница — Казатин — Бердичев — Житомир; под угрозой оказалась линия Коростень — Киев.

Дополнительное ослабление Юго-Западного фронта внесла измена накануне польского наступления двух из трех бригад Чувствительной украинской галицийской армии (ЧУГА). Начальник Оперативного отдела Штаба галицийцев сотник (капитан) Б. Гнатевич сообщал в составленном им отчете, что с середины февраля, то есть после присоединения к Красной Армии, улучшилось состояние галицийских частей, они получили из советского интендантства обувь, одежду, белье, выздоравливающие после эпидемии возвращались в строй. «Улучшилось настроение в войсках, перспективы... дальнейшей борьбы с поляками подняли боевой дух..., [а] все попытки большевиков... большевизировать армию разбивались о крепкое национальное чувство стрелков. Стрелки сохранили доверие к своим офицерам-руководителям»²⁷. Последнее, впрочем, можно отнести и к некоторым новым командирам. Так, 1-я бригада ЧУГА под началом галицийца, убежденного большевика М. Барана в марте 1920 г. при столкновении с остатками петлюровской армии под командованием М.В. Омеляновича-Павленко, совершавшими рейды в тылу белых и советских войск, не поддавалась на уговоры присоединиться к петлюровцам и остановила их движение на запад, в Забужье²⁸. Не поддержала она и восстания двух других стрелковых бригад накануне польского наступления. Муралов писал о ней в докладной записке правительству от 17 мая: «Первая Галбригада, самая многочисленная и дисциплинированная (2 000 штыков) все время до отхода наших частей сражалась превосходно, вследствие чего поляки и направили против нее свои лучшие и сильные части (в Чуднов-Бердичевском районе), которые нанесли галичанам поражение... К 26 апреля в бригаде осталось 900 деморализованных штыков, совершенно небоеспособных... Часть из них попала в плен»²⁹. В то же время другой отряд галицийцев — конная бригада (фактически полк — 400 сабель, 150 штыков), под командованием атамана

Э. Шепаровича, судя по его дневнику, с самого начала «не пропускала ни одной возможности, чтобы установить связь со всеми антибольшевистскими организациями» — с единомышленниками в Одессе, с немецкими колонистами и с деникинцами, которые через офицера французской миссии обещали прислать для взятия Одессы три парохода с оружием и боеприпасами. Предполагалось поднять на антисоветское восстание всю ЧУГА, поставив во главе командира 3-й пехотной бригады генерала А. Кравса. Однако тот, опасаясь ареста, бежал в Румынию, и дело на этот раз, в начале апреля, ограничилось бунтом бригады Шепаровича, которая вскоре присоединилась к петлюровцам³⁰.

В штабе Омеляновича-Павленко ожидали всеобщего бунта бригад ЧУГА. Однако события развернулись неожиданно и без согласования с павленковцами, осложнив положение последних. Инициативу взял в свои руки 26-летний командир 2-й бригады сотник Ю. Головинский. 21 апреля он направил в другие подразделения нарочных с устным приказом немедленно выступить против большевиков, а также послать парламентариев к польскому командованию и наугад — в Ставку Главного атамана Петлюры (реально последней не было). В приказе от 24 апреля Головинский так объяснял решение перейти на польскую сторону: «Мы верили, что соединение с ними (большевиками. — *И. М.*) принесет нам освобождение от польского господства нашей дражайшей Галиции, но горько в этом ошиблись...»³¹. Галицийцев сбил с толку псевдосоюз с Польшей, на который согласился Петлюра. Они приняли за чистую монету лозунг восстановления петлюровской власти, под которым готовилось польское наступление, поверили в возможность реставрации УНР как очага украинской государственности и решили поддержать это начинание.

По приказу Головинского 2-я бригада окружила и обезоружила соседний батальон Красной Армии, расстреляла командира, а красноармейцев под конвоем сдала полякам³². В целом переметнувшиеся 2-я и 3-я бригады нарушили группировку 14-й армии и открыли противнику фронт на протяжении нескольких десятков километров. Головинский, как вспоминал потом один из посланных им нарочных, не имел предварительно никакой связи с поляками, но был уверен, что те воздадут должное его поступку

и присоединят галицийцев как опытных и закаленных бойцов к петлюровским частям³³.

Ю. Пилсудский со своей стороны радовался, как удачно он замаскировал собственные политические и экономические цели на Украине под заботу о восстановлении петлюровской УНР. «Петлюра как фирма нам уже окупила, — писал польский лидер Соснковскому, — союз с ним принес нам капитуляцию бригад сечевых стрелков»³⁴. Но этим стрелкам из Галиции он не доверял и был даже несколько озадачен их внезапным переходом. Пилсудский писал, что «не может уловить их скрытые цели и до конца понять важность и последствия случившегося». Он сразу поставил перебежчикам условие: разоружение и передача оружия в руки поляков. Затем, взвесив все «за» и «против» использования галицийских формирований в бою, он отклонил такую возможность³⁵. Галицийские стрелки вместо того, чтобы организованно пополнить, как они рассчитывали, не слишком внушительные ряды украинских петлюровских войск, были, по предложению Соснковского³⁶, униженным для добровольных перебежчиков образом причислены к военнопленным. В результате общая численность плененного поляками в киевской операции контингента противника оказалась искусственно завышенной до 30 тысяч человек, из коих 12 тысяч, по оценке современного польского автора, представлял личный состав по своей воле сменивших фронт бригад ЧУГА³⁷. В. Славек в записной книжке тоже отметил 29 апреля, что направил в близлежащие лагеря в Проскурове и в Фридриховке, соответственно, 8 и 3 тыс. уценных в качестве пленных галицийцев. Вскоре рядовым было разрешено разойтись по домам под надзор польской администрации или, пройдя сквозь «сито» петлюровской комиссии, вступить в армию УНР³⁸. Офицеров ожидал лагерь Тухоля в Поморье, известный нечеловеческими условиями. Доктор М. Кос, украинский галицийский общественный деятель, 18 мая написал своему давнему знакомому Е.Х. Чикаленко — заслуженному украинскому общественному деятелю из Приднепровья: «Позавчера... прошел через Перемышль транспорт украинских офицеров сечевых стрелков, около 200 человек, которых везли куда-то на Поморье, в Тухолю около Гданьска в плен, с ними транспорт мужиков (то есть рядо-

вых из бывших бригад ЧУГА. — И. М.) тоже около 200 человек... В воскресенье этих мужиков распустили по домам, переписав у старосты... Нынче утром снова прошел транспорт офицеров в плен в Польшу...»³⁹. Разрушением организационной структуры ЧУГА и изоляцией офицерского состава польское командование положило конец легальному существованию воинских формирований, до тех пор при всех превратностях судьбы сохранявших себя как неперменный атрибут государственности и залог восстановления Западно-Украинской народной республики, созданной галицийскими украинцами в 1918—1919 годах.

Начало наступления в Приднепровье принесло польскому командованию неожиданно легкий успех. «Большевики отвели свои войска, чтобы они не оказались под ударом... Пока не могу уловить, будет ли весь наш удар здесь лишь таким, как если бы нож вонзился в масло... Вчера мы встретили очень слабое сопротивление», — писал Пилсудский Соснковскому 26 апреля, разочарованный тем, что отступление советских войск не давало возможности нанести им в бою решающее поражение⁴⁰. В письме от 29 апреля по тому же адресу он вновь рассуждал о неполноте успеха: «Первая задача почти завершена и завершена наполовину удачно. Наполовину, потому что тактически дело пошло прекрасно, со стратегической точки зрения — очень и очень половинчато»⁴¹. Разумеется, ситуация выглядела бы более очевидной, если бы состоялось решающее победное для польской армии сражение, но пока советские войска отступали, оставляя большие территории, но не обнаруживали своих дальнейших намерений. От этого маршал был даже несколько растерян: он писал Соснковскому, что «не имеет еще ясного представления о том, какие последствия для них [большевиков] имеет победа [поляков] и не знает, какое политическое впечатление она произвела в Европе»⁴². К тому же его одолевала тайная пока что мысль увенчать все предприятие захватом Киева. Тайная, потому что этот акт не укладывался в сакраментальную формулу борьбы за восстановление исторической границы Польши — цели, которая представлялась справедливой в Польше даже многим противникам продолжения войны. Но Киев, лежавший восточнее исторической границы, не укладывался в эту цель.

По ходу операции возник и другой, далеко не романтический мотив секретности — стремление поживиться трофеями, в основной своей части нелегальными, ибо статья 13 польско-украинской военной конвенции гласила: «Все железнодорожные трофеи за исключением бронепоездов, захваченных в бою, а также иные военные трофеи кроме движимых предметов, взятых в бою, составляют собственность украинского государства»⁴³. Тем не менее Пилсудский решил не отдавать союзникам-петлюровцам доставшихся при захвате Казатина несколько тысяч вагонов и около 120 локомотивов, о чем заранее предупредил Соснковского: «О количестве вагонов и локомотивов умолчите, потому что вопреки договору с Украиной я все это вытащу к нам, и не хочу, чтобы было точно известно, сколько чего я взял»⁴⁴. Через Скульского он потребовал, чтобы министр транспорта прислал в Ставку чиновников своего ведомства, а еще лучше — приехал бы сам, чтобы поговорить об использовании трофеев: «Договором они как бы предназначены для Украины, но... мне нужны некоторые технические советы, чтобы это незначительное, не скажу — нарушение, но обход договора я смог реализовать на деле. Могу только сказать, что железнодорожные трофеи огромны, но не хочу этого оглашать из-за договора с Украиной. Итак, еще раз прошу прислать мне... министра транспорта. Прошу одновременно держать в секрете его выезд»⁴⁵.

От вождя не отставало и его воинство. «Ах, эти познанские полки, — сокрушался он в очередном письме к Соснковскому. — Вообразите, разграбили в Бердичеве наши военные трофеи — автомобильную резину, сапоги, при этом испортили и уничтожили множество ценного станочного оборудования и лекарств. В самом деле, с этими прохвостами воевать невозможно. Мне уже сообщают, что в той полосе, которой они идут, население готово поднять против нас восстание. Самое замечательное, что грабеж на вокзале начал офицер»⁴⁶.

Свое созревшее намерение взять Киев, как и всю украинскую операцию, Пилсудский не собирался представлять, как положено, на утверждение сейма. Даже в узком кругу приближенных лиц он, профессиональный конспиратор, поначалу скрывал эту по существу новую цель войны за рассуждениями то об опера-

тивной, то о стратегической необходимости взятия этого города-символа. Только своему испытанному соратнику и советчику Соснковскому он сразу, 26 апреля написал: «Думаю, что Киев сейчас совсем незащищен, и я, естественно, дам им [большевикам] время, чтобы стянуть туда в целях обороны побольше войск, раз с этим нужно покончить (естественно, ничего не говорите об этом плане ни...)» — конец предложения не пропечатался в экземпляре машинописного текста⁴⁷.

В первые дни киевского похода Начальник государства все-речь опасался афронта со стороны многочисленных противников продолжения войны. «Напишите мне немедленно о впечатлении в Варшаве после первого военного коммюнике особенно у эндеции (национальной демократии. — *И. М.*) и правительственных сфер, — обратился он к Соснковскому 26 апреля. — Теперь же повидайте Ендруся с его товарищами (Енджея Мораческого и ту часть деятелей ППС, которая поддерживала Пилсудского во всех его начинаниях. — *И. М.*) и ради бога держите их, чтобы не сорвались у меня с привязи»⁴⁸.

Ендрусь не подвел патрона. В ответном письме от 29 апреля Соснковский поведал, как удачно Морачевский сумел затормозить прохождение поднятого депутатом от ППС Г. Либерманом вопроса о необходимости мирных переговоров с Москвой, предложив обсудить его не на пленарном заседании сейма, а в комиссии по иностранным делам. В комиссии, собравшейся 29 апреля, доводы социалистов Либермана, Ф. Перля и других критиков политики Пилсудского неожиданно поддержали национальные демократы⁴⁹. Они со своей стороны попытались поставить вопрос о неправомерности выпущенного Пилсудским при вторжении обращения к жителям Украины. Правые ораторы утверждали, что обращение явилось не военным, а политическим документом, подлежавшим утверждению сеймом, чем Пилсудский пренебрёг. Национальные демократы вообще находили оправданной целью войны лишь присоединение к Польше земель на востоке и то в таких пределах, чтобы восточнославянское население присоединенных земель не нарушило национальный характер польского государства, и считали недопустимым воевать ради воссоздания другого государства — петлюровской Украины. А из обращения

Пилсудского к жителям Украины следовало, что война продолжается ради этой цели⁵⁰.

Пилсудчики без труда нейтрализовали «кровосмесительное», по хлесткому выражению Соснковского, сотрудничество в комиссии по иностранным делам правых и левых депутатов, которые и сами смутились после того, как генерал, пустив в ход свое умение убеждать, заявил, что поспешное рассмотрение предложения Либермана явилось бы предательским ударом по энтузиазму армии. Эндеки вняли доводу оратора и отказались голосовать за предложение социалиста до рассмотрения тоже отложенного вопроса о целях войны, а социалисты не захотели обсуждать вместе предложения свои и эндеков из несогласия с трактовкой последними украинского вопроса⁵¹.

Соснковский же, иронизируя над оппозицией, писал патрону, что она в принципе не в силах затруднить военную акцию на Украине. «Эндеки хоть бы и желали, — рассуждал он, — ничего в этом смысле сделать не могут, потому что лавочникам и мелким спекулянтам, чьей поддержкой они пользуются, а также землевладельцам никак не возможно внушить, что бить и отбрасывать от границы большевиков — это хоть с какой-нибудь стороны плохо. Итак, раз низы радуются, верхи тоже должны благосклонно улыбаться»⁵². Далее с головой ушедший в политику генерал, откликаясь на просьбу Пилсудского «подготовить почву для реализации решения идти дальше на восток», настраивал влиятельных деятелей, формировавших общественное мнение, пропагандировать тезис, будто «на фронте осуществляется оперативная игра, которая приведет к захвату живой силы большевиков»⁵³. Он считал возможным манипулировать с фронтовыми сводками так, чтобы они не столько отражали объективно менявшееся соотношение своих и неприятельских сил, сколько стали бы духоподъемными реляциями, способными воодушевить штатских профанов и переломить настроение скептиков⁵⁴.

Сам Пилсудский тоже хотел убедить общественность в военной целесообразности занятия Киева. 1 мая в письме к главе правительства Л. Скульскому, сугубо штатскому человеку, химику и владельцу аптеки, он развернул целую панораму оперативных

прогнозов. «Первая боевая фаза завершена, — писал он, — достигнута линия от Могилев-Подольского до Коростеня, обеспечивающая железнодорожное сообщение всему польскому фронту на Украине». Далее Верховный главнокомандующий излагал варианты возможного развития событий: «1) выброс [большевиками] от Киева... новых войск и новая концентрация в целях обороны Киева; 2) попытка [защиты] Киева ударом с юга на Жмеринку, либо... под Казатин—Фастов; [3)] или удар откуда-нибудь с севера, от Припяти; 4) решение об эвакуации Киева и оставлении всей Правобережной Украины... отход за Днепр и отсюда — полная незащищенность Одессы и побережья Черного моря. В 1-м и 4-м случаях не вижу иной возможности, чем занятие Киева..., в 4-м случае предполагаю, что могут быть достаточны силы Петлюры с небольшим добавлением наших войск... Пока не могу твердо представить, что меня ожидает, думаю, что через несколько дней ситуация прояснится»⁵⁵.

Так и случилось. 6 мая Пилсудский сообщил Скульскому, что «отдал приказ 7-го числа начать марш на Киев. Атака начнется одновременно здесь — на Киев и у С. Шептицкого на Полесском фронте — в направлении Речицы; и в том, и в другом случае мы доходим до Днепра... Наносу удар в Полесье, чтобы сделать полным поражение [противника]»⁵⁶. Напомнил он и о материальной выгоде от захвата Киева: «Склонила меня к этому спешная эвакуация Киева, которую я должен задержать, чтобы не пропали главные плоды одержанных до сих пор побед и еще одна возможность удержать в наших руках материал, который был собран в городе»⁵⁷. В письме к главе правительства Пилсудский пространно рассуждал о пользе дальнейшего военного присутствия Польши на Украине, особенно — об экономических выгодах, что должно было заинтересовать близкий премьеру буржуазный электорат. Маршал писал, что «со всех сторон получает данные об огромных продовольственных возможностях и запасах разных других вещей, которые здесь имеются и могли бы составить огромные возможности для импорта [в Польшу]... отсюда можно было бы обеспечить поставки в таком количестве, чтобы не стало необходимости покупать что-либо за границей, то есть в Америке»⁵⁸. Столь же внушительными представлялись польско-

му лидеру политические преимущества. Он писал, что с точки зрения стратегии с уходом советских войск из Правобережной Украины задачи польской армии выполнены, но с политической и экономической — ее стоило бы оставить значительно дольше: «Политически, потому что под ее влиянием и напором здесь можно было бы установить некий наиболее благоприятный для нас *modus vivendi*, чтобы в дальнейшем это обеспечило наибольшее влияние местным полякам, без чего они от страха готовы убежать отсюда; далее — наше давление в вопросе формирования правительства Петлюры, зависимого от нас и ни от кого другого, было бы больше; наконец, весь мир должен был бы считаться с Украиной как нашим творением и потому шел бы на Украину через Варшаву. Экономически — потому что наша армия, несомненно, сможет содержаться за счет этого края, не ложась тяжким грузом на нашу страну, и к тому же сможет обеспечить использование Польшей богатств Украины»⁵⁹.

В тот день Ю. Пилсудский написал и Соснковскому: «Реальное положение таково: эти бестии [большевики] вместо того, чтобы защищать Киев, бегут из него... В Киеве уже сожгли несколько складов, не надеясь, что смогут вывезти их перед нашим приходом... Бегут и отступают также на юге, стекаются к Черкассам и Кременчугу. Восстания против них по всей Украине. Занятие Киева — это даже не военная необходимость, а девиз и политический символ. Но, понимаете ли, вести нашу грабящую армию через местности, в которых [поднимаются] симпатизирующие нам восстания [против большевиков], является политическим и военным абсурдом, которого я не хочу допустить. Потому по взятии Киева задержу фронт»⁶⁰.

На фоне успехов на киевском направлении вождя поманила перспектива расширения географии его украинского проекта. «Хочу дополнить политический символ взятием Одессы. Хочу, чтобы это сделали сами украинцы», — написал он Соснковскому⁶¹. В письме к премьеру и вовсе размечтался: «Может быть к тому времени (к открытию 5 июля заседания Высшего совета Антанты в бельгийском городе Спа. — *И.М.*) падет Одесса, занятая самими украинцами, что послужило бы крупным международным козырем в украинской игре»⁶².

Но как в тот момент выглядели петлюровские войска, на которые Пилсудский хотел возложить задачу овладения Одессой? К началу наступления на киевском направлении действовала 6-я украинская пехотная дивизия под началом полковника М.Д. Безручко, находившаяся в оперативном подчинении 3-й польской армии. Дивизия формировалась в Польше с февраля 1920 г. из плененных или интернированных поляками военнослужащих армии УНР, а также военнопленных Первой мировой войны. Она была еще не полностью укомплектована, насчитывала в своих рядах 239 офицеров, 1886 солдат⁶³, принимала участие во взятии Бердичева и дальше оставалась на том же направлении.

Отряды Омеляновича-Павленко после зимнего похода, с боями прорвавшись через линию советского фронта, лишь к 5 мая в районе Ямполья в Подолии достигли расположения 6-й польской армии. Представление о прибывшем формировании дает рапорт от 22 мая начальника 18-й польской дивизии генерала Ф. Краёвского, проинспектировавшего их, а также дивизию под началом генерала УНР А.И. Удовиченко, собранную им по пути из Одессы к границе с Польшей из случайных отрядов украинских гарнизонов малых подольских городов, отдельных групп украинцев и белой армии Н.Э. Бредова, тоже отступавшей под натиском Красной армии к польской границе⁶⁴. Вывод был таков: пока «только конница немедленно пригодна к тактическому применению. Все остальные части — лишь после соответствующего пополнения, вооружения и наведения дисциплины... Пехота плохо одета, ободрана, без белья, особенно плохо с одеждой у офицеров. Много босых и часть [рядовых] — без винтовок. Полное отсутствие боеприпасов... Конница одета по-народному, нет единообразия, но хорошо вооружена. Дисциплина образцовая. Кони хорошие...»⁶⁵. Кроме всего прочего, в рапорте Краёвского находим характеристику личности и взглядов Омеляновича-Павленко, полковника русской армии и бывшего командующего УГА, под чьим началом галицийцы в 1918–1919 годах почти 9 месяцев защищали свою республику в войне с Польшей. На Краёвского он произвел впечатление «человека очень интеллигентного, очень энергичного и чрезвычайно скромного». Вечером «после самогона» украинские офицеры рассказывали, что обожествляют своего

командующего, «называют дедом, хотя ему 50 лет, и он не выглядит дедом», заметил от себя Краёвский. В планах Павленко была организация пяти украинских дивизий полного состава; каждая по два полка конницы, бригады пехоты из трех полков, дивизиона артиллерии... и технического полка. Украинский военачальник изложил и свое общественно-политическое кредо: он назвал себя сторонником Петлюры, заявив, что от всей души хочет свободной Украины и как солдат будет стремиться к этому. Но в случае крупного внутреннего конфликта или если правительство не обеспечит всего необходимого для организации армии, он откажется от командования⁶⁶.

Характеризуя структуру и примерную численность каждого подразделения армии зимнего похода, Краёвский не привел ее общей численности. Из других документов польского военного ведомства следует, что на 17 мая она насчитывала 387 офицеров и 5 950 рядовых⁶⁷. О численности подразделений дивизии Удовиченко, размещенной у Могилев-Подольского, в рапорте Краёвского имеются более подробные сведения. Из них следует, что дивизия насчитывала 2300 пехотинцев и 320–400 кавалеристов⁶⁸. Современный же польский автор вместо уточнения ранних сведений о численности украинских войск только запутал вопрос. В одной из его статей встречаются данные, будто к 25 апреля под началом Удовиченко состояло 556 офицеров и 3 384 рядовых⁶⁹. Однако в других сочинениях того же автора находим, что приведенные цифры отражают численность личного состава и вооружений на 27 июля 1920 г. дивизий Безручко и Удовиченко вместе взятых⁷⁰.

К сказанному о дивизии Удовиченко добавим, что Славек еще в марте пытался обеспечить всем необходимым эту случайно возникшую воинскую часть⁷¹. По его представлению Соснковский 23 марта подписал соответствующие приказы. Но все осталось на бумаге. 3 мая вице-министр сообщил Пилсудскому: «Ничего из этого не сделано. Видно, кому-то в штабах армии это дело пришлось не по вкусу»⁷². Адресат 6 мая ответил не без смущения, что назначил расследование относительно комплектов снаряжения для дивизии Удовиченко, направленных военным министерством в распоряжение Главного командования, однако выяснилось,

что квартирмейстер ничего об этом не знает, и он, Пилсудский, приказал сделать так, чтобы можно было сразу направить хотя бы часть необходимого снаряжения «этим бедолагам» в украинский отряд⁷³. Тем временем распорядительный Славек наметил отдать «бедолагам» оружие и экипировку переметнувшихся из ЧУГА галицийцев. К слову, Пилсудский оценил это снаряжение, выданное им в Красной Армии, как очень добротное⁷⁴. Польские же военные снабженцы и дальше не спешили с экипировкой и вооружением союзных украинских частей.

Таким образом, скромные числом и не получившие должного снаряжения украинские части не были готовы к боевым действиям на южном направлении и потому не могли добавить «украинских красок» в польскую военную кампанию 1920 г.

Ю. Пилсудский, пока находился в Ставке, присматривался к внутренней жизни Украины, старался уловить настроения населения, оказавшегося в сфере действия его войск. В первых письмах с фронта он описывал, как люди с цветами встречали польские части, сообщали сведения о неприятеле и всячески помогали. Впрочем, это происходило на Волыни, где проживало много польских и немецких колонистов⁷⁵. Славек, находясь в расположении 6-й армии, получил не такие благостные впечатления. «В Баре и Любаре население стреляло по нашим войскам», — пометил он в записной книжке 29 апреля, зафиксировав также заметное присутствие в занимаемых местностях большевистских элементов и малую популярность Петлюры⁷⁶.

Размышления Пилсудского о социально-политической обстановке в крае сквозили неприязнью к еврейской части населения. При большевиках, писал он 6 мая Скульскому, «здесь протекала лишь примитивная жизнь крестьянина, заранее регулируемая террором, преимущественно еврейским. Крестьянин тут тверд и уверен в себе, каждый является миллионером, города и интеллигенция угнетены и терроризированы, бедны и совершенно заброшены. Ненависть к большевизму всеобщая за исключением еврейской молодежи, которая являлась здесь тем же, чем раньше были чиновники, только с еще большим самоуправством и разнузданным террором. Власть еврейских чрезвычайек, вдобавок не связанных в какую-то одну систему; для них были лучшие квар-

тиры, мебель, белье и т.д. Вот мое общее впечатление, которое я пока вынес»⁷⁷. Несколькими днями ранее маршал писал по тому же адресу: «Относительно настроений населения я теперь, объехав весь фронт, с уверенностью могу утверждать: евреи, естественно, против нас и настроены враждебно, напуганы стремительностью нашего движения и огромной враждебностью к ним остального населения. Был только один и то слабый случай участия еврейского населения Бердичева в защите города, несравнимый с тем, что мне довелось встретить год тому назад [при захвате] Вильно и Лиды. Сельские жители в большинстве случаев приветствуют нас как освободителей; в худшем случае занимают выжидательную позицию»⁷⁸.

Локальные восстания, которыми кипела Украина, Пилсудский поначалу принял за исключительно антисоветские выступления; обеспечивавшие быстрое продвижение его войск и на первый взгляд сулившие политический успех его подопечному — Петлюре. Однако по зрелом размышлении польский лидер пришел к выводу об опасности поощрения повстанчества: «Прежде всего, восстания, которые составляют главную силу Украины, — анализировал он непростую ситуацию, — пущенные на самотек, несомненно, приведут по прошествии времени к очищению Украины от большевиков, но затем очень трудно будет взять страну в руки, наладить какое-либо управление и, в конце концов, экономически использовать ее». А это было одной из ключевых целей всего украинского проекта⁷⁹. Поэтому Пилсудский отдал приказ о том, чтобы «банды, действовавшие перед фронтом, были отведены в тыл, в заранее намеченные пункты, где часть из них следует разоружить и отправить по домам, другую часть — направить в ряды украинской армии»⁸⁰.

Повстанчество стало болезнью Украины. Центральное большевистское руководство только приступало к преодолению поразившего край недуга. Председатель РВСР и нарком по военным и морским делам Л.Д. Троцкий в телеграмме на имя Ленина и других членов Политбюро высказался за использование против повстанчества и бандитизма помимо военных средств «широких мер характера идейного», для чего предлагал «принять героические меры... сразу перебросить на Украину очень значительное

число местных работников, откомандировать крепких работников из центральных ведомств»⁸¹. Это предложение, было датировано 26 апреля и мало отвечало реалиям вторых суток польского наступления, когда множество повстанческих отрядов начали захватывать населенные пункты еще до прихода польских войск, разрушать коммуникации Красной Армии и т.д.⁸² Через две недели, после краткого инспектирования Юго-Западного фронта председатель РВСР на скорую руку приписал все эти деяния приверженцам Петлюры. «У петлюровцев правильная, крепкая, чисто военная организация в тылу, более сильная, чем Советская власть, — телеграфировал он в ЦК 11 мая, одновременно признавшись в своем неведении о положении в тех советских частях, которые первыми приняли массированный польский удар. — Только здесь я получил представление, до какой степени была забыта, заброшена 12-я армия, не получавшая никаких пополнений. Кадры износились вконец»⁸³.

Однако еще до этой высокой инспекции аналитики штабов Юго-Западного фронта представили более близкий к реальности материал относительно структуры украинского повстанческого военно-политического комплекса, выявив внутреннюю дифференциацию в нем и показав, что петлюровцы составляют не самую внушительную часть этого разнородного конгломерата.

В обзоре на тему повстанчества за 15–30 мая 1920 г., подготовленном для ЦК РКП(б) на основе сведений Особого отдела штаба Юго-Западного фронта, подчеркивалась неоднородность этого движения и выделялись два его главных территориальных и идейно-политических очага: в Екатеринославской губернии действовали партизаны Махно, объединенные личным авторитетом «батьки» и равнодушные к идейной агитации; в Киевской губернии со времени антигетманского восстания 1918 г. остались отряды повстанцев, многие из которых переродились в «профессиональных бандитов», к ним добавились «новоявленные батьки петлюровского оттенка»; на Херсонщине — «банда Тютюнника в 2500 штыков, 700 сабель» (одно из подразделений «зимнего похода» под общим командованием Омеляновича-Павленко. — *И. М.*). «Агитационная подпольная работа ни в махновских, ни в петлюровских партизанских отрядах» по названным причи-

нам, считали авторы обзора, не приведет к нужным результатам. Преодолеть разгулявшуюся партизанщину можно было, по их мнению, «правильными военными действиями»⁸⁴.

Ф.Э. Дзержинский, прибывший на Украину в начале мая, также отделял петлюровские организации от махновских «анархо-бандитских элементов», а главной причиной неустойчивости внутренней обстановки считал слабость украинской власти и прежде всего — отсутствие «исполнительных аппаратов... Проектов и планов, и благостных пожеланий бесконечное количество», а проводить их в жизнь некому, писал он⁸⁵.

Впрочем, слабость характеризовала не только советский аппарат, не справлявшийся с повстанчеством и анархизацией жизни на Украине. То же самое в отношении Директории УНР, спустя годы, признавали активные политические и военные деятели этой системы. И.П. Мазепа, возглавлявший правительство УНР в 1919—1920 годах, откровенно говорил, что в те годы партизанскую борьбу под знаменем Директории вели лишь отряды «зимнего похода», а «о партизанщине в целом этого сказать нельзя. Это было время глубочайшего разъединения и распыления политических и военных сил»⁸⁶. К этому выводу бывший глава правительства УНР присовокупил суждение Е.М. Коновальца (выходца из восточной Галиции, командовавшего формированиями сечевых стрелков, которые находились на острие всех военных событий в Приднепровье). Коновалец считал, что Директория не сумела создать аппарат для руководства вооруженными силами. В результате «во главе вооруженных ватаг появились самочинные предводители. Массы были дезориентированы, не знали, за кем идти... Партизанские группы не были связаны между собой ни организационно, ни идеологически»⁸⁷.

Особо надо заметить, что кроме вооруженных отрядов, так или иначе боровшихся за власть, получила распространение вооруженная крестьянская самооборона. Защита всего самого настоящего в своем жизненном укладе лучше отвлеченных лозунгов спланивала крестьян. Революционные военные трибуналы, предназначенные расследовать и карать вооруженные выступления крестьян, оказывались бессильными перед отсутствием улик и доносов на нарушителей. «Существует как бы круговая порука, —

сокрушался председатель трибунала Юго-Западного фронта. — Выдавать участников и зачинщиков восстания органам революционной власти считается величайшим и тягчайшим преступлением по отношению к своим односельчанам, и деятельность и жизнь такого «смельчака-виновника» обречена на гибель»⁸⁸.

Острую внутреннюю ситуацию на Правобережье, где всю зиму и весну не прекращались оборонительные бои против польских войск, представил Муралов «Мы (12-я армия. — *И. М.*) дошли до полнейшего оскудения... скверное чувство заброшенности, отчужденности, отсутствие материальной и моральной поддержки, — писал он в докладе центральному руководству от 17 мая 1920 г. — А в это время все Правобережье представляло кипящий вулкан: банды нападали на наши штабы, организации, разбивали железнодорожные пути, мешали продовольственной разверстке. Полки, не получая в это время продовольствия, самоснабжались. Происходили на этой почве... вооруженные столкновения. Пострадавшие учреждения засыпали нас жалобами на произвол полков, а население тонуло в изобилии благ земных: зерна, муки, картофеля, сахару, не чувствуя авторитета власти, занималось курением самогонки и прочее. Информация населения скверная..., а те немногочисленные агитаторы, которые доходили, избивались и убивались крестьянами... Не только Правобережье, но и Полтава и часть Черниговской губернии представляют из себя клокочущий котел, где кишмя кишат бандиты, подстрекаемые петлюровцами, деникинцами и польскими агентами. Деревни окапываются окопами, заплетаются проволокой, ставят наблюдательные пункты, имеют техническую и живую связь. При появлении в деревне или вблизи ее начинается колокольный звон, сбегаются все селяне с винтовками, пулеметами, вилами, топорами и вступают в жаркий бой с нашими частями. Украина не верит никому, никакой власти не чувствует. Она будет уважать и подчиняться тому, кто обладает мощной военной организацией и совершенным хозяйственным аппаратом»⁸⁹.

Почти в тех же словах описывалось положение на Украине, открывшееся иностранным наблюдателям по ходу польского наступления. В сообщениях британского посольства в Польше в Форин оффис читаем: «Украинские крестьяне с одинаковой

враждебностью относятся ко всем претендентам на власть — большевикам, Петлюре, полякам». А Ш. де Голль — он находился в составе французской военной миссии в Польше — рассуждал в своем дневнике боевых действий о социально-психологических мотивах, побуждавших крестьянство сопротивляться стихиям разрушения, выпавшим на его долю: «От Львова до Волги крестьянин, который слишком много вынес, теряя близких и имущество, замкнулся в себе, занятый только тем, чтобы избежать безжалостных реквизиций последних кур, последнего поросенка или старого коня... В течение трех лет в Киеве 18 раз менялась власть. В потемках души крестьянина поселилось только одно чувство: ненависть к солдату безразлично от Ленина ли он, от Петлюры, Деникина или Пилсудского. Одни и те же местности восставали по очереди против каждого из них»⁹⁰. На анархизацию и нигилизм населения в отношении любой государственности обращали внимание и некоторые украинские деятели: «Всех [слабых] убегающих [правителей] наш народ крепко бьет, даже своих, как это было с петлюровцами, когда они отступали перед большевиками на протяжении почти всего 1919 г.», — записал в дневнике Е.Х. Чикаленко 15 мая 1920 г.⁹¹

Однако петлюровское руководство, несмотря на крах своей системы, оставалось в ожидании, что в рамках украинского проекта Пилсудского сможет начать все заново. Это выглядело чистой утопией, потому что оно не могло восстановить доверие народа и обеспечить нужными кадрами для реставрации государственного аппарата. При скромных масштабах украинского движения в дореволюционной России недостаток «сознательных украинцев», готовых к политико-административной, культурной и прочей деятельности, ощущала еще Украинская Центральная Рада в 1917–1918 годах. Теперь же эпигонам УНР не на что было рассчитывать. Славек сразу забил тревогу по этому поводу. 29 апреля он сообщал в так называемый узкий штаб польской армии: «На занимаемой территории большой недостаток украинских активистов. На этой территории Петлюра мало популярен. Выплывают [нежелательные] русские активисты. Если [для административных надобностей] не будут подготовлены кадры украинцев, весь городской штат администрации и мест-

ное самоуправление будут отданы в руки земств (то есть русских деятелей. — *И. М.*), которые уже обращаются с предложениями. На севере (на Волыни. — *И. М.*) Омелянович-Павленко более популярен, чем Петлюра»⁹².

Х.Г. Раковский, возглавлявший украинское советское правительство, не без оснований рассуждал о снижении популярности Петлюры, от которого откололись самые известные деятели, стоявшие у истоков УНР: некоторые объявили себя сторонниками советской формы правления и считали недопустимым союз с Польшей⁹³. В.К. Винниченко, глава первого правительства УНР, возглавивший в ходе антигетманского восстания Директорию, под влиянием настроений масс отошел от социал-демократических взглядов и в начале 1920 г. учредил в Вене Заграничную группу Украинской коммунистической партии, которая с позиций национального коммунизма провозгласила целью создание самостоятельной советской социалистической Украины. За преобразование УНР в своеобразную советскую республику выступил и патриарх украинства, председатель Центральной Рады М.С. Грушевский, также находившийся в эмиграции с частью приверженцев — украинских эсеров. Обе группы выступили против союза с Польшей. В феврале они на совместном заседании обсудили возможность поездки Винниченко на Украину. Последний вступил в переписку с украинскими большевистскими деятелями Д.З. Мануильским и В.П. Затонским, сообщив, что его группа пользуется большим влиянием в лагерях военнопленных-украинцев, оставшихся в Чехословакии после Мировой войны, и предпримет усилия к перемещению этих лагерей ближе к Восточной Галиции, чтобы в случае возобновления польско-советской войны можно было сформировать из пленных украинцев бригаду, которая послужила бы ядром повстанческой армии и ударила в тыл полякам⁹⁴. Партийная печать Советской Украины стала публиковать выдержки из политических статей Винниченко. 30 апреля писатель записал в своем дневнике: «Намечается путь на Голгофу... Дней через 6 мы едем на Украину... Москва даст мне ответ, переступил ли я уже ступень личных амбиций»⁹⁵. Наконец, известна телеграмма Ленина от 4 мая на имя Ф.Я. Кона, партийного деятеля, члена киевского комитета КП(б)У: «Насчет

Винниченко в принципе согласны. Согласитесь с Раковским о деталях». В рукописи последнее слово заменено фразой: «форме привлечения Винниченко к правительственной деятельности»⁹⁶.

Украинские активисты, оставшиеся в системе власти Директории, тоже критиковали ее. Один из ведущих политиков периода Центральной Рады, видный деятель УСДРП Н.В. Порш в мае 1920 г. писал Петлюре из Берлина, где в то время возглавлял посольство УНР: «Все последнее развитие на Украине создает за границей впечатление, будто за последними политическими актами стоит одно единственное лицо — это Вы, который при чужой помощи, против воли народа хочет продержаться любой ценой у власти и который подобно Колчаку и Деникину без чужой помощи пропадет»⁹⁷. Прежние функционеры УНР, не конфликтовавшие с петлюровцами, не слишком верили в успех их начинаний и потому не спешили пополнить ряды будущих членов правительства и служащих местной администрации, предпочитая оставаться на должностях в различных дипломатических и других миссиях УНР за границей. «Кое-кто из социал-демократов не имеет ничего против того, чтобы быть послом за рубежом, а в министры не идут, думая, что этим сохраняют свою партийную добродетель и принципы», — жаловался Петлюра Поршу в письме от 28 апреля и просил того повлиять своим партийным авторитетом, чтобы «социал-демократы не отказывались от ответственной работы в правительстве, так как это было бы ошибкой с негативным влиянием на характер и направление государственно-творческой работы [петлюровцев]»⁹⁸.

Те же общественные и политические деятели, которые после катастрофы УНР в ноябре 1919 г. остались на украинской территории, переданной властями УНР под контроль польских войск, быстро разочаровались в своем решении. В марте 1920 г. из Каменец-Подольского в Варшаву отправилась делегация под началом украинского эсера, бывшего главы правительства УНР В.А. Голубовича. Делегаты хотели сообщить Петлюре, что местная интеллигенция одобрила в свое время сближение с поляками и через них — с Антантой, чтобы получить от последней признание за УНР хотя бы части украинской территории. Но вскоре им пришлось убедиться, что «поведение поляков ничем не отлича-

ется от деникинского, и это ввергло всех в такую безысходность, что украинцы готовы смириться с большевиками, которые, хотя и не признают самостоятельности Украины, но и не навязывают ей обрусения и даже содержат на государственные средства школы, гимназии, университет и дают украинской академии возможность широко заниматься наукой»⁹⁹.

Петлюре нечего было возразить посланцам разочарованной интеллигенции. Он лишь осыпал руганью отказавших ему в доверии украинских эсеров: «Никчемные, не способные к творческой работе люди; они умеют только разводить дешевую демагогию, а при первом же испытании убегают или, как страусы, прячут головы [в песок]»¹⁰⁰. Этот упрек, правда, был более уместен в отношении самого председателя Директории: В конце 1919 г. он совершил не вполне добровольный выбор в пользу союза с Польшей, после чего плыл по течению, не находя в себе нравственной силы взглянуть правде в глаза и сделать необходимые выводы. По свидетельству очевидцев, к весне 1920 г. он сильно сдал, выглядел «усталым, измученным и каким-то подавленным»¹⁰¹. Организационно-политическую работу по обновлению государственных структур УНР взял на себя глава украинской дипломатической миссии в Варшаве А.Н. Ливицкий. При этом налицо был разлад между варшавскими сторонниками Петлюры и его критиками «справа», а также ушедшими в оппозицию украинскими эсерами и немалой частью украинских социал-демократов, составлявших костяк правительства. Ливицкому пришлось ориентироваться на правоцентристскую часть партийного спектра. Как только возобновились польско-украинские переговоры, он вызвал в Варшаву Е.Х. Чикаленко, чтобы предложить этому в прошлом крупному и успешному в хозяйственных делах землевладельцу, вложившему немалую часть личного капитала в украинское дело, пост министра земледелия. Тот сразу отказался, объяснив, что «не верит в возможность организации украинского государства с помощью поляков, извечных врагов украинского народа»¹⁰². За границу были посланы телеграммы социалисту-федералисту С.П. Шелухину и буковинскому деятелю, врачу Е.К. Лукаевичу, которых прочили соответственно министрами юстиции и здравоохранения. А близким к бывшему гетману П.П. Скоропадскому консер-

ваторам из Украинской организации хлеборобов-державников А.Ф. Скоропис-Иолтуховскому и В.К. Липинскому планировалось предложить портфели министров: первому — внутренних дел, второму — иностранных.

При этом украинская сторона не была свободна в подборе министров. Параллельно этим занимался Славек, руководствуясь исключительно критерием лояльности кандидатов к польскому покровительству. В его записной книжке под датой 22 марта есть рубрика «персоналии Подолии» с фамилиями и характеристиками поименованных лиц вроде такой: «кандидат в украинское правительство... был хорош с поляками»¹⁰³. По этой мерке В. Липинский, этнический поляк из Волынской губернии — историк, социолог, публицист и дипломат, глубоко проникшийся украинской идеей, не годился в шефы внешней политики Директории, потому что еще накануне распада Австро-Венгрии он разработал план соединения Восточной Галиции с УНР, а не с Польшей¹⁰⁴. «Враг Польши... для нас нежелателен», — пометил Славек это имя в своем кондуите¹⁰⁵. Для Липинского со товарищи предложение тоже оказалось неприемлемым.

Несколько мест в украинском правительстве, по сценарию официальной Варшавы, должны были занять этнические поляки — сторонники Пилсудского. Министром земледелия для соблюдения интересов польских земельных собственников на Украине был намечен литератор и общественный деятель, ранее занимавшийся на Волыни делами кооперации, С. Слемповский. Вице-министром внутренних дел предполагалось назначить Г. Юзевского — бывшего студента-физика Киевского университета, в легальной жизни увлеченного живописью, музыкой, сценографией, театром и т.д., а подпольно служившего со времени Первой мировой войны в разведывательно-диверсионной Польской военной организации (ПОВ). На тему этих назначений в записной книжке Славика под датой 22 апреля читаем: «По подписании в 4 [часа] 45 [минут] польско-украинского договора Петлюра соглашается на Юзевского — вице-министром внутренних дел, Слемповского — министром сельского хозяйства. Министерство торговли и промышленности — поговорить с Ливицким»¹⁰⁶. Вскоре выяснилось, что кандидатом на послед-

ною из названных должностей, ключевую в планах эксплуатации хозяйственных ресурсов Украины, намечался соратник Ю. Пилсудского со времен ППС-революционной фракции В. Мех.

Как только польские войска пришли в движение, Славек заторопился с обновлением украинского правительства. 26 апреля он по прямому проводу сообщил в узкий штаб Верховного командования: «Юзевский, Стемповский, я, Ливицкий и несколько украинских министров выезжаем в Каменец[-Подольский] 27 т[екущего] м[есяца] в 19 час. Петлюра — только 29 т[екущего] м[есяца]. Он так плохо держится, что я ничего не могу сделать»¹⁰⁷. В названный срок Петлюра опять не выехал. 29 апреля Ливицкий направил ему в Варшаву телеграмму: «Обстоятельства требуют Вашего приезда в Каменец. Очень прошу немедленно выехать»¹⁰⁸. 3 мая Славек, наконец, сообщил во II отдел штаба Главного командования: «Докладываю, что 1) Главный атаман Петлюра прибыл в Каменец...; 2) начатая 29 апреля министром Ливицким работа по формированию правительства закончена в присутствии Атамана Петлюры в ночь со 2 на 3 мая. Пока обеспечены следующие портфели: а) Ливицкий в отсутствие Мазепы (последний в это время находился в частях Омельяновича-Павленко. — *И. М.*) — председатель Совета министров (каждый министр перед ним ответствен) и министр юстиции, кроме того, временно исполняет обязанности министра иностранных дел; б) кандидат в министры внутренних дел — Александр Валиковский (он в Киеве). Заместитель министра — Билинский... правый. Второй вице-министр — Генрик Юзевский; в) иностранные дела — два кандидата: Вацлав Липинский из Вены, для нас нежелателен, Александр Шульгин — социалист-федералист; относительно вице-министра иностранных дел — обратиться к Лукасевичу в Варшаве; г) просвещение — возможно, Огиенко — ректор университета в Камен[ец-Подольском]; д) сельское хозяйство — Станислав Стемповский; е) военный министр — полковник Сальский; ж) министр коммуникации — Пилипчук; з) финансы — еще не решено (Кривцов); и) торговли и промышленности — Фещенко-Чоповский (в Одессе); к) почт и телеграфа — Косенко. Политически кабинет правый. Из социалистов единственно Ливицкий». Это оказался не окончательный

список. Знаменательной в сообщении Славека была финальная часть: «Относительно кандидатуры Меха в качестве министра торговли и промышленности они (украинцы. — *И. М.*) ответили, что в ближайшее время между Украиной и Польшей будет заключена торгово-экономическая конвенция, и неловко, чтобы с Польшей ее подписывал поляк»¹⁰⁹. Иными словами, на этот раз польское предложение не устояло перед изобретательным доводом украинцев, как не подействовали и меры варшавских покровителей по ускорению подписания кабальной торгово-экономической конвенции. Своего рода реванш за несостоявшееся в 1920 г. назначение В. Мех взял позже, когда по итогам войны часть Волыни отошла к Польше, и он был назначен главой Волынского воеводства, в котором правил до своей бесславной отставки в 1928 г.¹¹⁰

Возвращаясь к событиям мая 1920 г., заметим, что после совещания о составе правительства УНР Петлюра собрался в Винницу, но 4 мая вечером получил сообщение Славека о том, что на следующий день Комендант хочет видеть его, Петлюру, в Бердичеве¹¹¹. Об этой встрече, начавшейся 5 мая на бердичевском вокзале, осталось сентиментальное свидетельство писателя, горячего последователя Пилсудского Ю. Каден-Бандровского (в 1915 г. он издал агитационное сочинение под названием «Пилсудчики»; с тех пор это слово укоренилось, обозначая круг соратников вождя и кумира): «Они (Пилсудский и Петлюра. — *И. М.*) протянули друг другу руки, склонили головы и поцеловались. Мне показалось, что в этом поцелуе, как на чутких весах, отразился ужас всей крови атаманов и их приближенных, вся боль долгой борьбы, боль дорог и бездорожья, пожарищ и разрухи, соглашений и расколов»¹¹². О чем они говорили после столь трогательного приветствия, нет данных. Но о том, с какими мыслями прибыл в Бердичев Пилсудский, имеется по-военному точное свидетельство командующего 2-й польской армией генерала А. Листовского: он записал в дневнике речь вождя, произнесенную в тот же день на совещании представителей Генерального штаба. «Я поставил на карту, — заявил маршал, — последнюю возможность сделать нечто полезное для будущего Польши, что в дальнейшем ослабит мощь России и, если получится, поспособствует созданию неза-

висимой Украины, которая будет барьером между нами и Россией; тогда последняя в течение многих лет не будет нам угрожать. Но проблема в том, возникнет ли Украина, имеет ли она достаточно сил и людей, чтобы организовать. Мы не можем здесь находиться вечно... Иного не дано, чем попробовать создать самостоятельную Украину. К сожалению, Петлюра не сыграет в этом никакой роли. Он здесь только орудие, не больше. Если же ничего тут сделать не удастся, то мы предоставим этот хаос собственной судьбе... А что дальше, покажет будущее»¹¹³.

Кроме совещания со штабистами, Пилсудский обсудил украинские дела со Славком. В записной книжке последнего остался черновик полученных поручений и заметок (к сожалению, со многими неразборчиво выведенными словами), датированный 5 мая: «1) Петлюру обставить внешними формами и почетом. 2) Быстро взять в руки [украинское] правительство и его проявления...

Социализация и национализация (проведенная на Украине советской властью. — *И. М.*). Сахарные заводы задействовать, только потом отменить национализацию (несколько слов неразборчиво).

Банды: от Петлюры — воззвание и сразу вывезти их в Бердичев или Могилев (удалить украинских повстанцев из фронтовой полосы — таково было решение Пилсудского¹¹⁴. — *И. М.*)...

По аграрному вопросу должен быть какой-то декрет. Юридически [оформленная] собственность не может быть упразднена; но временное состояние — (несколько слов неразборчиво).

Киев — (слово неразборчиво), что будем иметь большие хлопоты, так как там есть организованные (слово неразборчиво; по-видимому, речь шла о гражданских комитетах, образованных украинскими деятелями перед приходом поляков. — *И. М.*). [Петлюра] дает Романенко (очевидно, имелся в виду украинский социал-демократ И.С. Романченко, назначенный представителем Петлюры в Киеве после занятия города поляками¹¹⁵. — *И. М.*). Петлюра согласен на военное положение в Киеве...? ...

Согласиться ли на введение постоянного курса [валюты] ??

Галицийцы...»¹¹⁶. Расширением последнего пункта, очевидно, можно считать пометку, сделанную Славком 4 мая для об-

суждения с Пилсудским: «Добровольцев-галицийцев пустить к Петлюре»¹¹⁷. А предпоследний из перечисленных пункт(ов) касался проблемы денежного обращения, которую Пилсудский считал «самой жгучей» на Украине. «С нашим приходом, — писал он премьеру, — [польская] марка стала чрезвычайно ценным денежным знаком — единственный край, где она стоит высоко». В связи с этим он предлагал «пустить здесь в оборот марки и выкупить, пользуясь хорошей для них конъюнктурой, много товаров. В этом случае можно было бы довести курс всех других денег до очень низкого уровня». Правда, при этом он запросил мнение специалистов по финансам из правительства, интересуясь и альтернативным вариантом — предоставлением украинскому денежному знаку карбованцу более высокого курса при расчетах¹¹⁸.

При всей вялости Петлюры в деле государственного строительства он со своей командой нужен был польским покровителям не только для «внешних форм и почета». Перед захватом Киева Пилсудский решил сразу передать в руки петлюровского правительства нелегкое дело городского администрирования. 6 мая он писал Скульскому: «Хлопоты возникают неслыханные: обеспечение продовольствием огромного изголодавшегося города (по данным украинского советского правительства, до польского наступления в Киеве насчитывалось до 544 тыс. жителей, то есть примерно столько же, сколько проживало до войны¹¹⁹. — *И. М.*), такое сложное управление им, наличие возбуждающих [общество] стихий, город, в котором, несомненно, оставлено множество провокаторских элементов. Я принял на себя риск [захвата], но управление и снабжение полностью сбрасываю на правительство Петлюры... С первых шагов ввожу там осадное положение. Сам пока вообще туда не еду, только через некоторое время, после того, как там несколько раз побывает Петлюра»¹²⁰. В письме к жене от 6 мая Пилсудский тоже упомянул, что на следующий день он намерен «посетить главу нового государства Петлюру, чтобы попросить его действовать порасторопнее»¹²¹. Состоялось ли намеченное свидание — нет данных.

Зато вступление польских войск в оставленный советскими частями Киев произошло по плану, в ночь с 7 на 8 мая, и польский вождь рано утром все-таки тайком наведлся в город, про-

быв там несколько часов¹²². На следующий день его войска про- рвались на левый берег Днепра, создав у Бровар надежные, как им казалось, укрепления. В целом занятая к этому времени поляками территория простиралась в районе Киева по Днепру, затем — через Белую Церковь, Сквиру, Брацлав, Вапнярку, Ямполь до Днестра.

9 мая, вспоминал потом современник-киевлянин, «польские войска устроили блестящий парад со свойственной им любовью к помпе и остентации (показухе. — *И. М.*). В течение нескольких часов воинские части всех видов оружия маршировали по Крещатику. Формы были новехонькие, лошади прекрасные, муштровка великолепная. Офицерство — сама элегантность и удаль». На доминирующем польском фоне мемуарист не заметил или не счел нужным упомянуть, что замыкали парадные ряды триумфаторов-поляков подразделения 6-й украинской дивизии под началом полковника Безручко; основная часть дивизии прибыла в Киев лишь через несколько дней. Свидетель помпезного парада так завершил свое повествование: «Прошло немного времени... как все пошло прахом... и вся эта щегольская армия с необычайной поспешностью ринулась обратно. Кажется, 23 (на самом деле 12. — *И. М.*) июня был оставлен Киев, а через два месяца большевики были в 20-ти верстах от Варшавы»¹²³.

Петлюра был известен пристрастием к парадом и прочим знаменованным победы актам. Но на торжестве по случаю вступления войск союзного государства в столицу УНР он отсутствовал. Ему нечего было предъявить ни киевлянам, ни союзникам, которые лукаво переложили на его тщедушный аппарат управление многократно переходившим из рук в руки городом с морально и физически истощенным населением.

Украинское правительство все еще находилось в стадии комплектации. Петлюра лишь 9 мая в Могилеве-Подольском впервые после возвращения из Варшавы встретился с Мазепой, который по-прежнему считался главой кабинета министров. За прошедшее время у них накопились взаимные претензии, так что выяснение отношений при неотступном присутствии сопровождавшего Петлюру Юзевского заняло несколько часов. О своем настроении того периода Мазепа позже написал: «Я не сом-

невался, что на Украине договор с Польшей... не будет принят с симпатией, вызовет только новое недовольство государственным центром. Но я все-таки не предполагал, что поляки позволят себе так грабительно относиться к союзнику; теперь даже сам Петлюра лишился надлежащих средств передвижения: в Могилев он приехал в товарном вагоне»¹²⁴. Петлюра со своей стороны возражал против намерения собеседника сложить с себя полномочия премьер-министра и доказывал, что при консервативном составе нового кабинета «участие в нем социал-демократов послужит гарантией от авантюры справа, и вообще следует считаться с революционными настроениями по ту сторону фронта и не давать большевикам материала для агитации против [властей УНР]»¹²⁵. Собеседники ничего не решили окончательно, условившись определить состав правительства во время торжественной встречи с Пилсудским, назначенной последним на 16 мая в Виннице.

Польский лидер ожидал, что ко второй декаде мая наступательные действия на Украине будут завершены, и собирался навестись в Варшаву, о чем 6 мая написал Скульскому, определив срок приезда от 17 до 23 мая. Свительскому он в тот же день сообщил, что приедет на несколько дней, после чего вернется в Ставку, чтобы реорганизовать управление войсками сообразно с условиями фактической оккупации Украины¹²⁶. Для стационарного размещения армии на захваченной территории было создано Командование этапами Войска польского на Украине во главе с генералом Я. Ромером и начальником штаба Славекком. Задачи этого командования определялись следующим образом: «1. Обеспечение тыла польских армий. 2. Снабжение этих армий и всех польских войск, пребывавших на Украине, всем, что может быть получено в этом крае. 3. Эксплуатация пространств Украины для целей Польши. 4. Контроль и эвентуальная помощь в организации администрации. 5. Забота о соблюдении польско-украинского договора. 6. Сотрудничество с украинскими властями и помощь в организации украинской армии. 7. Эксплуатация транспорта и введение на нем дисциплинарного порядка, судебно-карательные вопросы на транспорте»¹²⁷. Командование этапами позаботилось об организации на украинской территории польской службы безопасности, для чего специальным приказом

учредило управление губернской жандармерии с тремя отделениями: на Волыни, в Подолии и в Киеве¹²⁸.

Проблематичным для завершения украинского проекта оставалось создание дееспособных петлюровских органов власти. Но открыто признать неудачу не было выгодно ни той, ни другой стороне. Поэтому встреча в Виннице, назначенная польским лидером для того, чтобы «выяснить, в каком состоянии украинское правительство, готово ли оно к работе или еще нет»¹²⁹, была внешне обставлена с большой торжественностью. В. Гжибовский, в 1920 г. — чиновник по аграрным делам на захваченной части Волыни (перед Второй мировой войной — посол Польши в СССР), а перед Второй мировой войной — посол Польши в СССР, в послевоенных воспоминаниях возвышенным стилем описал «встречу главнокомандующих союзными армиями Ю. Пилсудского и С. Петлюры... Господин маршал вошел в зал (где городские власти устроили банкет. — *И. М.*) своим медленным шагом. Казалось, он несет на себе бремя истории. Сел на подиуме рядом с атаманом Петлюрой и руки сложил на эфесе сабли... Обращаясь к Петлюре, сказал: “Польша, овладев величайшим на земле сокровищем — свободой, решила отбросить все, что угрожает свободе, как можно дальше от своих границ... Достигнув свободы, мы помогаем достичь ее Украине... В блеске наших штыков вы не должны усматривать нового подчинения чужой воле”»¹³⁰. В кулуарах Пилсудский согласился на некоторые уступки по текущим вопросам, и это произвело хорошее впечатление даже на скептиков среди украинцев. Однако общее положение вещей никому не внушало оптимизма. Плохо было с комплектованием правительства. Еще хуже — с созданием местной администрации. Пилсудский счел за лучшее предупредить петлюровскую общественность о возможном свертывании своего проекта «воскрешения» УНР. В застольном слове на торжественном обеде он сказал: «Я знаю, что у украинцев не хватает собственной интеллигенции для государственной работы. Я решил пустить вас на глубокую воду. Так лучше научиться плавать»¹³¹. Этот безжалостный «рецепт» был кое-кем воспринят как отступничество от основных договоренностей Польши с Украиной. Для Мазепы признание польского лидера «стало решающим стимулом к отказу от руководства правительством».

Кабинет был сформирован 26 мая во главе с социалистом-федералистом В.К. Прокоповичем. Декларация нового правительства выглядела шагом назад в важнейшем на Украине земельном вопросе. Вместо провозглашенного прежде принципа «передачи без выкупа в руки крестьян земель казенных и принадлежавших крупным собственникам», теперь говорилось, что «земля должна и далее оставаться в пользовании крестьян, которые ее обрабатывают и засевают» лишь до тех пор, пока земельный вопрос не будет «спокойно решен согласно интересам сельского и общегосударственного хозяйства голосованием самого народа»¹³². Не было в декларации и других социальных установок левого толка, которые предыдущие правительства считали неприкосновенными. Прокопович согласился также с назначением министром земледелия Стемповского, то есть с передачей аграрной политики на Украине в польское ведение.

Последнее, по свидетельству Мазепы, возмутило даже обычно не вникавшего в политику Омеляновича-Павленко. Сам генерал вспоминал потом, что в «зимнем походе» он хорошо понял настроение украинских крестьян и «заметил глухое недовольство простого люда новым союзом: ... украинские крестьяне боялись, не придется ли им возвращать только что полученную землю бежавших помещиков-поляков ее прежним владельцам». Наблюдая за формированием правительства, он понял, что «портфель министра земледелия в руках землевладельца польского происхождения выглядел бы как отравленная бомба, умышленно брошенная во взбудораженную темную людскую массу»¹³³. Генерал вызвал Стемповского на прямой разговор и объяснил, что искреннее содействие того украинскому делу необходимо, но не в таком взрывоопасном вопросе, как земельный. Стемповский принял доводы собеседника и, хотя вошел в украинское правительство, но взял портфель министра здравоохранения. А министром земледелия согласился стать Мазепа — агроном по образованию и прежним своим занятиям.

Не претерпело изменений лишь назначение Юзевского, который с восторгом вступил в должность вице-министра внутренних дел. «Мои дни в Каменце были праздничными, редкостными, необыкновенными и в то же время “прозаическими”. Нужно

было принимать посетителей, ходить на заседания, решать разные вопросы, — вспоминал он годы спустя. — Я выступал как украинская сторона, но при этом был поляком... В таких условиях выполнение обрушившихся на меня обязанностей не вмещалось в схему нормальной, общепринятой службы»¹³⁴. Впрочем, упоение министерской ролью оказалось коротким. Новоявленный вице-министр съездил в Киев, чтобы на смену польским военным властям назначить украинского комиссара города. Свое возвращение из Киева в Винницу он описал так: «Не помню, как это вышло, но возвращался я товарным поездом. В Белой Церкви в вагон вошел изменившийся лицом и запыхавшийся Ярошинский (тот самый польский предприниматель и финансист, который, по словам Соснковского, держал в своем кармане всю Директорию. — *И. М.*) и тут же повалился на сомнительной чистоты соломку. Через некоторое время появился... ротмистр, знакомый Ярошинского, и сообщил, что Буденный прорвал фронт»¹³⁵. Это случилось 5 июня 1920 г.

Но пора рассмотреть, как с началом польского наступления в 1920 г. развивались события по другую сторону фронта. Если Пилсудский в первое время, не будучи уверен в одобрении сограждан, изображал дело так, будто его войска почти случайно очутились за пределами исторической границы 1772 г., у Киева, то в Харькове и в Москве сразу стало ясно, на что именно нацелился агрессор. «Польское наступление возобновилось по всей линии, имея теперь несомненным объектом Киев», — телеграфировал 27 апреля Х.Г. Раковский Г.В. Чичерину¹³⁶. В другой телеграмме, отправленной им вместе с членом РВС Юго-Западного фронта Р.И. Берзиным в Реввооенсовет Республики в тот же день, подчеркивалось, что взятие поляками Киева, «несомненно, подорвет наш (советской власти. — *И. М.*) авторитет и за границей, а главное — внутри, на Украине»¹³⁷. Ленин, выступив 29 апреля на съезде рабочих стекольно-фарфоровой промышленности, высказался в том смысле, что действия Польши «равносильны объявлению Польшей войны Украине» и что необходимо «защищать и себя и Украину от натиска польских империалистов»¹³⁸.

Командование Юго-Западным фронтом в своей первой директиве 27 апреля потребовало от 12-й армии «сохранения за

собой во что бы то ни стало Киевского района». Командование намеревалось «поставить противника фронтом на юг, при контр-ударе отбросить в Полесье, основные силы держать на правом берегу [Днепра]»¹³⁹. Но эта задача оказалась невыполнимой. В приказе, составленном в первой половине дня 30 апреля, речь шла уже только о выигрыше времени, «расшатывая упорным сопротивлением наступающие части противника с тем, чтобы подвести их под сокрушающий фланговый удар Конармии». В этом приказе уже не исключался отвод 12-й армии за Днепр¹⁴⁰, потому что 1-я конная армия шла с Северного Кавказа походным порядком, ее сосредоточение и развертывание на Правобережье Днепра ожидалось лишь к 20 мая¹⁴¹. 3 мая С.С. Каменев в разговоре по прямому проводу с Егоровым назвал и другие части, которые должны были пополнить 12-ю армию, но их тоже предстояло еще доставить из Поволжья и прочих отдаленных мест¹⁴². Пока же 12-й армии было приказано «решительными мерами остановить отход 58-й дивизии. Частям 44-й дивизии удерживать занимаемый район, базируясь на Черкассы», и сохранять связь с 14-й армией¹⁴³. Но и эти задачи оказались трудновыполнимыми.

1 мая на рассвете Муралов, накануне прибывший в Киев на аэроплане, пригласил губернское советское и партийное руководство (оно перед тем до глубокой ночи согласовывало план праздничных первомайских мероприятий), которому рассказал: «На 58-ю дивизию сильножимают поляки. Васильков занят поляками. Наши части отступают; к вечеру в город могут ворваться [польские] кавалерийские части. Рев[воен]совет (12-й армии. — И. М.) предлагает всем гражданским и партийным учреждениям свернуться и сесть немедленно на пароходы, а в 4 часа дня отплыть от пристани вниз по Днепру»¹⁴⁴.

Командованию фронтом он, кроме того, сообщил, как плохи дела на южном фланге киевского направления, на стыке с зоной ответственности 14-й армии: «44-я дивизия потеряла все штабы, учреждения и артиллерию, ведя бои в окружении. Большая часть пехоты пробилась. Дивизия небоеспособна, нет патронов... отходит к Черкассам». 7-я дивизия тоже отступила¹⁴⁵. Тем не менее, директивой фронтового командования от 1 мая этим остаткам дивизий предписывалось «привлекать на себя возможно бóльшие

силы противника, упорно оборонять Киевский район, прикрывая политический центр Правобережной Украины»¹⁴⁶. 14-я армия, тоже оставившая свои исходные позиции, должна была защищать пути на Кременчуг, Одессу и район сосредоточения 1-й конной армии, которая, согласно директиве, «форсированными маршами должна была сосредоточиться в районе Звенигородка—Умань не позднее 18 мая»¹⁴⁷. Приказ войскам об оставлении Киева был отдан 6 мая в 16 ч. 30 мин., в нем говорилось, что «Киев должен достаться противнику лишь ценой самых крупных с его стороны потерь»¹⁴⁸.

Масштабное польское наступление на Украине при непрекращавшихся локальных столкновениях в зоне ответственности Западного фронта потребовали от советского руководства новой оценки ситуации и соответствующих военно-политических решений. Первый доклад командования Юго-Западным фронтом «Об обстановке на фронте в связи с нападением белопанской Польши» был направлен Главному командованию 26 апреля¹⁴⁹. Заседание Политбюро ЦК РКП(б), состоявшееся в тот же день, началось с обсуждения вопроса «о положении на Украине». На нем были даны поручения Полевому штабу Красной Армии, Сталину и наркому путей сообщения — перевести «максимальное количество дивизий с Кавказского на Юго-Западный фронт, а председателю ВЧК Дзержинскому — «с максимальным количеством сотрудников на Украине заняться обеспечением внутреннего фронта», то есть подавлением антисоветского повстанчества и бандитизма. Для улучшения работы транспорта на Юго-Западном и Западном фронтах предусматривалась мобилизация трех тысяч коммунистов «преимущественно с военным опытом»¹⁵⁰.

Кроме перевода издалека дополнительных подразделений, речь зашла об укреплении Юго-Западного фронта путем ликвидации политическими средствами крымского очага белого движения. Предпосылки для этого впервые обозначились в связи с инициативой английского правительства, которое, взяв курс на установление с Советской Россией торгово-экономических отношений, 6 февраля 1920 г. предложило Москве посредничество в выведении из игры белой Северной армии генерала Е.К. Миллера. Тогда советская сторона дала согласие при условии немед-

ленного разоружения армии гарантировать жизнь ее личному составу, свободу выезда за границу офицерскому корпусу и белому архангельскому правительству. Но армия распалась раньше, чем можно было договориться об этом; разрозненные ее части продолжали сопротивление до полного поражения¹⁵¹.

С подобной же инициативой министр иностранных дел Великобритании Д. Керзон выступил, когда в Крым с Северного Кавказа эвакуировались остатки Добровольческой армии. 11 апреля он направил на имя Чичерина ноту, в которой говорилось, что «военная борьба в Южной России не может продолжаться бесконечно... Добровольческая армия уже не способна на серьезное сопротивление», поэтому министр предлагал советскому правительству в «интересах России и гуманности распорядиться о прекращении военных действий и объявлении всеобщей амнистии при условии расформирования Добровольческой армии»¹⁵².

Г.В. Чичерин в ноте от 14 апреля ответил согласием обсудить полученное предложение в комплексе проблем советско-английских отношений и высказал намерение поручить переговоры М.М. Литвинову (ранее назначенному советским представителем в Великобритании, но получившим отвод Лондона). Кроме того, нарком внес предложение о содействии Лондона переезду в Москву интернированных в Австрии бывших членов правительства Венгерской советской республики¹⁵³. Нота из-за неполадок с радиосвязью пришла к адресату с задержкой, что 18 апреля вызвало грозное предупреждение британского правительства о его намерении в случае дальнейшего промедления Москвы отдать приказ английским кораблям в Черном море принять под защиту белую армию в Крыму и «сохранить для нее найденное там убежище»¹⁵⁴.

20 апреля Чичерин поспешил подтвердить приверженность идее переговоров о бескровном урегулировании проблемы Крыма. Однако перед тем, 19 апреля, ему пришлось выступить с протестом против обстрела английскими кораблями советских частей на Кавказском побережье Черного моря. Керзон же в следующей ноте от 25 апреля, во-первых, объяснил обстрел необходимостью остановить продвижение советских войск к Батуму, где стоял британский гарнизон, во-вторых, назвал неприемлемой для пе-

реговоров о Крыме кандидатуру Литвинова, а также отклонил советское условие об освобождении из лагерей в Австрии бывших членов венгерского советского правительства¹⁵⁵.

Таким образом, дипломатический диалог, до поры развивавшийся в примирительном ключе, как раз с началом польского наступления в непосредственной близости от Крыма грозил обернуться обострением разногласий с Лондоном. Поэтому среди постановлений Политбюро относительно «положения на Украине» на первом месте оказалось поручение «тов. Чичерину отказаться от связи вопроса о Крыме с вопросом о Литвинове и австрийских (так в тексте; правильно — венгерских. — *И. М.*) коммунистах, и начать деловые переговоры»¹⁵⁶.

Массированная атака польских войск на Приднепровье была, в известном смысле, неожиданной для советского командования, Оперативным планом, разработанным в начале 1920 г., предусматривалось, что главным военным театром станет область ответственности Западного фронта, а Юго-Западному отводилась вспомогательная, хотя и серьезная роль.

По свидетельству С.С. Каменева, обсуждался оперативный план польской кампании в целом, который «рождался не в пример всем остальным планам Гражданской войны в больших потугах. Этому плану предшествовали [применительно к Западному фронту. — *И. М.*] проработки вариантов южного и северного направлений»¹⁵⁷. На южном направлении предусматривались боевые действия по линии Игумен (Червень) — Минск, на северном — по линии Полоцк — Лепель — Витебск. 10 марта на совещании в штабе Западного фронта по настоянию Главкома Каменева было принято решение в пользу южного направления вместо предложенного командующим Западным фронтом В.М. Гиттисом северного варианта¹⁵⁸. Однако в воспоминаниях о Ленине, опубликованных в 1934 г., С.С. Каменев сообщил, что с началом польского наступления оба направления боевых действий Западного фронта «докладывались Владимиру Ильичу. Докладывал начальник штаба П.П. Лебедев в присутствии т. Склянского и моем в кабинете Владимира Ильича»¹⁵⁹. То есть принятое 10 марта решение в новой обстановке подверглось сомнению, причем настолько серьезному, что, по словам компетентного ме-

муариста, «окончательное решение на этом докладе принято не было. Оно было принято позднее»¹⁶⁰. Ни точной даты, ни смысла «окончательного решения» он не назвал. Но многое можно определить по датировке и содержанию предписаний большевистского руководства, отданных в ближайшие дни. Во-первых, доклад военных Ленину был сделан не позднее 26 апреля, до состоявшегося в тот же день заседания Политбюро, на котором нерешенный с одного раза вопрос получил развитие в виде поручения «тов. Сталину поговорить с Главкомом...»¹⁶¹. Во-вторых, этот разговор произошел до заседания Политбюро 28 апреля: на нем уже был заслушан и утвержден «доклад тов. Сталина о соглашении с Главкомом по вопросам стратегии»¹⁶². То есть, по-видимому, именно в ходе этого разговора и состоялось первоначально отложенное «окончательное решение».

Текста доклада Сталина, как и других документов, удостоверяющих суть «соглашения с Главкомом», обнаружить не удалось. Однако решение о направлении боевых действий Западного фронта в пользу северного варианта существовало: это стало ясно со вступлением военной кампании на этом фронте в активную фазу.

Нет прямых указаний на причины изменения военным командованием оперативного плана. Однако о них можно судить по направлению деятельности советского дипломатического ведомства, стремившегося своими средствами минимизировать военную опасность на северо-западе и способствовать международно-правовому признанию советского правительства. Начало было положено еще в августе—сентябре 1919 г., когда Москва предложила переговоры о мире буржуазным правительствам Эстонии, Латвии, Литвы и Финляндии. Последняя сперва отказалась. Другие не спешили с переговорами. В их среде возникла идея Балтийского союза — выступления перед Россией единым блоком и синхронного подписания мирных договоров с ней. Для Москвы это был нежелательный вариант, особенно после того, как в его практическую подготовку включилась Польша. В январе 1920 г. ее представители приняли участие в конференции новообразованных прибалтийских государств. Поляки на ней стремились усилить военную составляющую планируемого союза и

придать ему антисоветскую направленность. Никаких обязывающих решений тогда принято не было. Эстония вскоре, не считаясь с предложенным принципом солидарной политики, самостоятельно подписала мирный договор с советской Россией. Однако польское руководство не оставило намерений возглавить будущий блок усилий по созданию блока и в марте пригласило в свою столицу участников январской конференции. Они хоть и прибыли, но по отдельности, в разное время и не проявили готовности окончательно сговориться. Тем не менее, Варшаве удавалось поддержать видимость консолидации под своим руководством стран, официально остававшихся в состоянии войны с Россией.

Польское наступление вызвало у официальной Москвы нешуточные опасения, что оно подвигнет прибалтийских соседей на военные акции против России на важном для нее во всех отношениях пространстве северо-запада. Военное командование было особенно обеспокоено стратегической уязвимостью этой территории при отсутствии сдерживающих договорных начал с соседями. Кроме урегулированных отношений с Эстонией наименьшая опасность в Москве виделась со стороны Литвы по причине ее неразрешимого конфликта с Польшей, прираставшего все новыми локальными атаками противника¹⁶³. Переговоры о мире с Литвой начались 7 мая.

Переговоры о мирном договоре с Латвией открылись в Москве 16 апреля. Они не обещали быть легкими. Территориальные запросы Латвии выходили далеко за пределы ее этнической территории, а против проведения плебисцита в спорных местностях выступил польский фактор: латвийское правительство отказалось в случае опроса населения вывести свои войска из района Дриссы (Верхнедвинск), чтобы не обнажить левый фланг польского фронта. В начале мая переговоры остановились, так как представители Латвии дали понять, что в случае расширения боевых действий между Польшей и Россией их страна не сможет соблюсти свой нейтралитет¹⁶⁴.

Переговоры о перемирии с Финляндией начались 12 апреля на ее территории, в Раяйоки, с представления советского проекта договора о перемирии, не сопадавшего с точкой зрения финской стороны. На этой почве развернулась деловая дискуссия, как

будто не предвещавшая разрыва¹⁶⁵. Стоит заметить, что аналитики штаба польского Верховного командования, пристально следившие за советско-финской ситуацией, в это время тоже констатировали наступление некоего равновесия, но все же не отступали от идеи взаимодействия с Финляндией против России. «Финляндия, хотя и не связана с Польшей непосредственно, чувствует необходимость взаимодействия с ней и все свои шаги, направленные на возможное соглашение с большевиками, будет ставить в зависимость от позиции Польши, соглашаясь на мир или дальнейшее ведение войны», — говорилось в апрельском информационном реферате Верховного командования польской армии¹⁶⁶. Наличие такой связки неизменно присутствовало в польской пропаганде и воспринималось Москвой как серьезная угроза в свой адрес.

19 апреля финская делегация на переговорах неожиданно выступила с категорическим предварительным требованием удалить из пограничья советские части, укомплектованные из «красных финнов». Чичерин, сообщая 20 апреля об этом Ленину, склонялся к тому, что «надо согласиться, если этим обусловлено перемирие»¹⁶⁷. 24 апреля, как раз накануне польского наступления, переговоры были вновь прерваны финской стороной и в Раййоки больше не возобновились.

С началом польского наступления на Украине советские политики и военное командование всерьез ожидали «цепной реакции» в Прибалтике, особенно со стороны Финляндии, не связанной никакими договорными обязательствами перед Россией и потому непредсказуемой в своих действиях. На заседании Политбюро 28 апреля был обсужден вопрос «об уступках Финляндии, о красных финнах и т. д.». Для оперативного реагирования на трудности советско-финских переговоров была избрана комиссия в составе Ленина, Сталина, Чичерина. Ее решения в случае единогласия должны были считаться окончательными¹⁶⁸.

Советское политическое и военное руководство со всей серьезностью рассматривало опасность возгорания военного очага на северо-западе. Усилия, предпринятые для того, чтобы направить события в данном регионе в политико-дипломатическое русло, увенчались подписанием мирных договоров с Литвой, Латвией и Финляндией. Но это был небыстрый процесс, завершившийся

лишь к концу военной кампании 1920 г. А в апреле-мае необходимым виделось обеспечение на всякий случай военной защиты региона. Этой задачей и было продиктовано изменение оперативного сосредоточения сил Западного фронта с южного на северное направление, так как не исключалось вынужденное расширение театра военных действий на северо-запад.

Была еще одна сфера мобилизационного процесса — пропаганда и агитация, которым большевики всегда уделяли первостепенное внимание. На этот раз в содержании пропаганды и агитации появился новый для них мотив: обращение к более широким и разнородным, чем в разгар Гражданской войны, общественным слоям. Учитывалось, что набиравшая силу война с внешним врагом — Польшей могла задеть за живое не только безусловных приверженцев советской власти, но и более широкий круг граждан, которые считали российскую государственность непреходящей ценностью.

Изменение общественных настроений в России в связи с затуханием Гражданской войны было замечено западными политиками еще в начале 1920 г. О том, как это виделось в Париже, польский посланник М. Замойский в марте писал министру иностранных дел Польши С. Патеку. «Печальный опыт Колчака и Деникина показал французскому правительству... явно национальный характер большевистской системы, а следовательно, и наличие определенного национального самосознания, сплочения и усиления Советской России, — из чего посланник сделал вывод об ухудшающемся для восточных устремлений Польши внешнеполитическом климате. — В таких условиях наша война с большевиками, в понимании французского правительства... утратила... характер защиты Европы от большевизма... и свелась к разрешению исключительно польско-большевистских споров...»¹⁶⁹.

Настроение стало меняться у критиков советской власти и части сторонников белого движения, что дало повод М.М. Литвинову заявить корреспонденту американского агентства печати в Копенгагене, что если бы Польша попыталась заполучить земли в пределах границы 1772 г., «а среди них есть и чисто русские области, то вся Россия, включая заклятых врагов советского режима, поднялась бы на защиту страны, так как ни одна партия не же-

лает иностранного владычества»¹⁷⁰. Более конкретные данные на эту тему, но под критическим углом зрения, находим в докладной записке Польского бюро при ЦК РКП(б) от 21 апреля. «Имеются явные признаки, — говорилось в ней, — что русская белогвардейщина сейчас делает ставку на “национальную войну” России против Польши. На это необходимо обратить сугубое внимание. В Варшаве были опубликованы в органе ППС и в издающейся там “либеральной” газете на русском языке “Варшавское эхо” воззвание денкинцев, пребывающих в Чехии, в которых офицеры царской армии призывались идти в Красную Армию для войны против Польши. Явно говорится о том, что война против Польши может явиться началом “возрождения России”. Офицеры должны “честно работать” для победы Красной Армии, тогда они смогут приобрести решающее влияние на эту армию, и она послужит в будущем оружием для уничтожения власти большевиков. Имеются доказательства того, что эти затеи проводятся в жизнь: с эшелонами, которые прибывают из Польши с гражданскими пленными, пробираются денкинские офицеры» (подчеркнуто карандашом в машинописном документе. — *И. М.*)¹⁷¹.

Большевистское руководство, как бы там ни было с отдаленными намерениями бывших белых офицеров, не пренебрегло их готовностью защищать в войне с Польшей территориальную целостность России. Идея гражданской консолидации против внешнего врага нашла место в обращении ВЦИК и правительства от 30 апреля: оно было адресовано наряду с рабочими и крестьянами «всем честным гражданам». Именно к ним был обращен выразительный призыв не допустить, *«чтобы волю русского народа определял штык польских шляхтичей,* которые со свойственным им бесстыдством неоднократно заявляли, что им безразлично, кто господствует в России, только бы Россия была беспомощна и слаба»¹⁷².

Почти то же самое в те дни Б.А. Бахметев, бывший посол Временного правительства, оставшийся в США, писал своему коллеге В.А. Маклакову в Париж: «Польское выступление и их победоносное шествие с новым Лжедмитрием — Петлюрой на Киев раскрыли истинную суть польских вождедений и разубедили в возможности русско-польского действия даже самых сильных

сторонников подобной идеи. Ведь теперь ясно, что все переговоры [поляков] как с большевиками, так и с антибольшевиками, имели затаенную цель... использовать военную машину польской армии... в целях создания под протекторатом Польши системы более или менее автономных, но связанных с Польшей в военном, экономическом и политическом отношениях государств... Острые исходящего из Варшавы действия направлено именно против России как таковой и основано на ее унижении и временной слабости»¹⁷³.

Появление в советской пропаганде общегражданских и патриотических мотивов получило известный отклик. Генерал А.А. Брусиллов, чьим именем было названо одно из значительных событий Первой мировой войны — наступление русского Юго-Западного фронта в 1916 г., вспоминал позже ход своих рассуждений в апреле 1920 г.: «Поляки, завладев нашими западными губерниями, не отдадут их обратно без новой войны и кровопролития. Я думал, что пока большевики стерегут наши бывшие границы, пока Красная Армия не пускает в бывшую Россию поляков, мне с ними по пути. Они сгинут, а Россия останется»¹⁷⁴. В некоем частном разговоре он заметил, что «военные действия Польши против России недопустимы», после чего ему немедленно через бывшего генерала В.Н. Клембовского, служившего в аппарате Главного командования Красной Армии, было предложено изложить свою точку зрения в письме к Троцкому. Брусиллов предпочел обратиться к начальнику Всероссийского главного штаба бывшему генералу Н.И. Раттелю. В его письме речь шла о том, что в условиях быстрого и широкого польского наступления «желательно собрать совещание из людей боевого и жизненного опыта для подробного обсуждения настоящего положения России и наиболее целесообразных мер для избавления от иностранного нашествия». Первой мерой должно было стать «возбуждение народного патриотизма, без которого никакой боеспособности армии не будет... Свободная Россия, освободив поляков и дав им возможность самоопределиться и устроиться по своему желанию, вправе требовать того же самого от них, и польское нашествие на земли, искони принадлежавшие русскому православному народу, необходимо отразить силою»¹⁷⁵.

Нарочный начальника Главного штаба явился за письмом к генералу 1 мая, и уже на следующий день, 2 мая вышел приказ РВСР об образовании при Главнокомандующем «высоко авторитетного по своему составу Особого совещания по увеличению сил и средств для борьбы с наступлением польской контрреволюции... под председательством А.А. Брусилова в составе бывших военных министров А.А. Поливанова и А.И. Верховского, бывших генералов В.Н. Клембовского, П.С. Балуева, А.Е. Гутора, А.М. Зайончковского, А.А. Цурикова, М.В. Акимова, Д.П. Парского»¹⁷⁶.

4 мая Политбюро постановило опубликовать письмо Брусилова целиком. Постановление далось не гладко. По свидетельству секретаря ЦК Е.А. Преображенского, при обсуждении Л.Б. Каменев заметил, что оборот в тексте «православные люди» может «вызвать издевательства и насмешки среди рабочих». Он предложил опустить смуглившее слово как бы по недосмотру типографии. Ленин поддержал эту «хитрую механику», чтобы не получилось впечатления, будто большевики хотят опереться на православных. Но Троцкий возразил, что как раз может быть «в этом слове для Брусилова вся сущность... от своего он не отступает, даже выступая по патриотическим соображениям на стороне советской власти». Сталин сказал в защиту публикации без изъятий: «Не наше письмо, а Брусилова, он за него и отвечает». Их поддержал К.Б. Радек¹⁷⁷, вместе с Троцким отвечавший за организацию всей агитационной кампании. Преображенский при одобрении брусилловской инициативы в целом все же предложил «ввиду возможности всяческих махинаций со стороны патриотического офицерства усилить за ними наблюдение со стороны ВЧК». В протоколе заседания появилась запись: «Поручить ВЧК наблюдать за работой офицерских кругов, которые будут втягиваться в борьбу с поляками на нашей стороне, исходя из своих мотивов»¹⁷⁸. Через пару дней бывший левый коммунист Преображенский обратился к Ленину с предложением «прекратить неприличия с патриотизмом. Радек загнул в речи насчет национальной войны. Сегодня в Агитроста Бергман поместил неприличную статью насчет любящих родину истинно русских людей». Ленин принял сигнал к сведению и сформулировал директиву о

личной ответственности редакторов за все публикации о польской войне, чтобы «не пересаливать, то есть не впадать в шовинизм, всегда выделять панов и капиталистов от рабочих и крестьян Польши»¹⁷⁹.

Письмо Брусилова было опубликовано в «Правде» 7 мая в сопровождении комментария Троцкого, в котором разъяснялось, что приказ РВСР не означает «создания нового командного состава, притом коллегиального характера. Разумеется, ни о чем подобном не может быть и речи. Особое совещание состоит при Главнокомандующем С.С. Каменеве, в руках которого сосредоточена вся полнота военно-оперативной власти»¹⁸⁰.

Официальная информация относительно «генеральского» Особого совещания свидетельствовала скорее о представительской, чем деловой роли этого органа. Но отзвуки этого события распространились в разнообразных, порой фантастических версиях. В Крыму возникли слухи о назначении Брусилова командующим Красной Армией, Поливанова — его помощником. В других местах подобные предположения обросли еще более изощренными подробностями. По информации сотрудников частной разведывательной организации белых «Азбука», в Одессе курсировали «упорные, хотя и неопределенные слухи, идущие откуда-то с севера, о том, что в Москве произошел переворот и власть перешла к Особому совету обороны, организованному большевиками для борьбы с поляками, в число членов которого входят генералы Поливанов, Гутор, Клембовский, Парский..., во главе которого стоит генерал Брусилов. Ходят слухи, что по приказу генерала Брусилова, поддержанному Лениным, против согласия Троцкого Московский гарнизон был двинут под начальством самого генерала Брусилова на польский фронт, но, не дойдя до места назначения, был повернут генералом Брусиловым на Москву, овладел ею, причем Ленин арестован, а Троцкий скрылся. По некоторым сведениям, часть правительства бежала в Рязань. Троцкий приехал в Харьков, прислав с пути радиотелеграмму не исполнять никаких распоряжений, идущих из Москвы. Все это имеет пока слабую степень достоверности, но, безусловно, нет дыма без огня...» Это письмо и его автор в начале мая попали в руки одесской ЧК¹⁸¹.

Очередным шагом членов Особого совещания стало воззвание «ко всем бывшим офицерам, где бы они не находились». В нем тезис, что главная цель поляков, «под каким бы флагом они ни наступали, состоит исключительно в выполнении польского захватнического поглощения Литвы, Белоруссии и отторжения части Украины и Новороссии», заканчивался призывом «забыть все обиды... и добровольно идти с полным самоотвержением и охотой в Красную Армию... дабы... отстоять дорожную нам Россию». Воззвание было опубликовано 30 мая в «Правде» и в «Известиях», а 3 июня вышел декрет советского правительства о том, что «все те бывшие офицеры, которые в той или иной форме окажут содействие скорейшей ликвидации остающихся еще в Крыму, на Кавказе и в Сибири белогвардейских отрядов и тем облегчат и ускорят победу рабоче-крестьянской России над шляхетской Польшей, будут освобождены от ответственности за деяния, которые они совершили в составе белогвардейских армий»¹⁸².

С помощью «генеральского» совещания большевистское руководство решало проблему недостающих командных кадров. Для многих офицеров, попавших в плен или репрессированных за участие в белых войсках, это стало новым поворотом судьбы: из лагерей и тюрем они после короткого периода формирования частей вновь приобщались к своей профессии. По данным Брусилова, до 14-ти тысяч бывших офицеров всех рангов влились тогда в ряды Красной Армии. Относительно самих членов Особого совещания Брусилов потом сетовал, что «вскоре их стали арестовывать». Некоторых быстро освободили. Другим пришлось хуже¹⁸³. Превратности советской карьеры бывшего генералитета во многом зависели от того, что тема двойной игры старого офицерства активно обсуждалась в кругах белой эмиграции, присутствовала в европейской печати, широко эксплуатировалась разведывательной агентурой заинтересованных стран. Известные имена, в том числе членов Особого совещания, нередко попадали не только в разведывательные донесения, но и на страницы газет, и назывались в качестве агентов белых в революционной России¹⁸⁴.

За две с небольшим недели реализации украинского проекта Пилсудского польские войска достигли большого оперативного успеха, заняв значительную часть Правобережной Украины.

Территориальные результаты поразили воображение сограждан, включая тех, кто вначале выступал против продолжения войны. Сам автор замысла считал достигнутое лишь половиной дела: противник отступил, уклонился от генерального сражения, не позволив разбить свои малые наличные силы и не обнаружив потенциальные возможности. Тем не менее, Пилсудский нашел уместной триумфальную встречу, которую ему готовили окрыленные легкими победами варшавяне. Он передал Соснковскому, что не станет избегать стихийных чествований, а для должной организации официальных церемониалов заранее пошлет в столицу своего адъютанта¹⁸⁵. Между тем приближались главные сражения этой войны.

Красная Армия в первые недели не смогла остановить польское нападение на Украину. Контрнаступление было возможно лишь по прибытии внушительных пополнений. Западный фронт, хотя и значился в планах советского командования как главный театр военных действий против Польши, тоже не был готов к немедленному выступлению. При скромном для предстоявших больших операций личном составе не была завершена группировка частей фронта. В связи с внезапным изменением плана в пользу северного оперативного направления потребовалась новая перегруппировка. Судя по срочным распоряжениям председателя РВСР, инфраструктура армий Западного фронта оказалась не готовой к боевым операциям¹⁸⁶.

Большевистское руководство за короткое время сумело перестроить пропаганду и агитацию, обозначив переход от внутреннего противостояния Гражданской войны к борьбе с внешним врагом, что кроме общего мобилизующего эффекта позволило пополнить командный состав офицерами-профессионалами старой армии.

Активность дипломатического ведомства по нормализации отношений с прибалтийскими соседями обезопасила Москву от вовлечения их в военные действия на стороне Польши. Но если для безопасности северо-запада России оказалось достаточно политико-дипломатических средств, то те же средства даже при содействии британской дипломатии не подошли для нейтрализации группировки белых в Крыму. Советскому военному коман-

дованию пришлось делить боевые силы между фронтом против Польши и против армии Врангеля, что негативно повлияло на срок и результаты кампании 1920 г.

Преувеличенное представление о роли Запада в поддержке восточной экспансии Польши помешало большевистскому руководству эффективно использовать новые обстоятельства, которые появились с переходом союзных держав, особенно Англии, к частичному восстановлению отношений с Россией.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Pilsudski J. Pisma. Warszawa, 1937. T. II. S. 75.*

² Документы и материалы по истории советско-польских отношений (ДиМ). М., 1963. Т. I. С. 35–36.

³ *Powstanie II Rzeczypospolitej. Wybór dokumentów 1866–1925. Warszawa, 1984. S. 384.*

⁴ См.: *Мухомина И.В. Кто готовил советизацию Польши в 1918 г.? // Революционная Россия 1917 г. и польский вопрос. М., 2009. С. 260–281.*

⁵ *Pilsudski J. Pisma. T. II. S. 257.*

⁶ Цит. по: *Tajne rokowania polsko-radzieckie w 1919 r. Materiały archiwalne, dokumenty. Warszawa, 1988. S. 91.*

⁷ *Miedziński B. Polityka wschodnia Piłsudskiego // Zeszyty Historyczne. Paryż, 1975. Zesz. 31. S. 6.*

⁸ См.: *Мухомина И.В. Польско-украинский союз 1920 года // Славяноведение. 2011. № 5. С. 14–25.*

⁹ *Kutrzeba T. Wyprawa kijowska 1920 roku. Warszawa, 1937. S. 53, 95.*

¹⁰ *Historia Polski. Warszawa, 1966. T. IV. Cz. 1. S. 331; Гражданская война 1918–1921. Оперативно-стратегический очерк. М.–Л., 1930. Т. 3. С. 172.*

¹¹ *Nowak A. Polska i trzy Rosje. Kraków, 2001. S. 601.*

¹² Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование. М., 2001. С. 61, 63.

¹³ Из истории гражданской войны в СССР. Сборник документов и материалов. М., 1961. Т. 3. С. 272.

¹⁴ Польско-советская война 1919–1920. Ранее не опубликованные документы и материалы (далее — ПСВ). М., 1994. Ч. 1. С. 94.

¹⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 5. Оп. 2. Д. 164. Л. 8.

¹⁶ *Rataj M. Pamiętniki 1918–1927. Warszawa, 1965. S. 85–86.*

¹⁷ *Rok 1920. Wojna polsko-radziecka we wspomnieniach i innych dokumentach. Warszawa, 1990. S. 281.*

¹⁸ *Miedziński B. Ze wspomnień o Walerym Sławku // Zeszyty Historyczne. 1973. Z. 23. S. 143–144, 145.*

¹⁹ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 471/К. Оп. 1. Д. 31. Ч. 2.

²⁰ *Miedziński B. Ze wspomnień... S. 144, 145.*

²¹ *Listy generała dywizji Kazimierza Sosnkowskiego do marszałka Józefa Piłsudskiego w okresie wyprawy kijowskiej (kwiecień – maj 1920 r.) // Przegląd Wschodni. Warszawa, 1993. T. II. Nr 21 (5). S. 97–128.*

²² Легионы – добровольческие формирования, созданные по инициативе Пилсудского и других сторонников польской независимости; в Первую мировую войну Легионы сражались против России на стороне Четвертого союза.

- ²³ *Wyszczelski L.* Kijów 1920. Warszawa, 1999. S. 81–89.
- ²⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 93. Л. 50.
- ²⁵ Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922) Сборник документов. М., 1971. Т. 3. С. 139–140.
- ²⁶ Там же. С. 141–142.
- ²⁷ Цит. по: *Омелянович-Павленко М.* Спогади командарма (1917–1920). Київ, 2007. С. 309.
- ²⁸ Там же. С. 306–307.
- ²⁹ ПСВ. Ч. 1. С. 95–96.
- ³⁰ *Омелянович-Павленко М.* Указ. соч. С. 310–312, 357.
- ³¹ Цит. по: *Мазена І.* Україна в огні й бурі революції 1917–1920. Прага, 1942. Т. 2. С. 225–226.
- ³² ПСВ... Ч. 1. С. 98.
- ³³ *Мазена І.* Указ. соч. Т. 2. С. 226.
- ³⁴ *Listy Józefa Piłsudskiego...* S. 98.
- ³⁵ *Ibid.* S. 88, 98–99.
- ³⁶ *Listy Sosnkowskiego...* S. 102.
- ³⁷ *Карпус З.* Русские и украинские военнопленные и интернированные в Польше в 1918–1924 годах. Торунь, 2002. С. 67.
- ³⁸ РГВА. Ф. 471/К. Оп. 1. Д. 31. Ч. 2. Л. 262, 266, 267 об., 270.
- ³⁹ *Чикаленко Є.* Щоденник 1919–1920. Київ–Нью-Йорк, 2005. С. 323.
- ⁴⁰ *Listy Józefa Piłsudskiego...* S. 92.
- ⁴¹ *Ibid.* S. 95.
- ⁴² *Ibid.* S. 99.
- ⁴³ *Dokumenta i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich.* Warszawa, 1961. Т. 2. S. 752.
- ⁴⁴ *Listy Józefa Piłsudskiego...* S. 97.
- ⁴⁵ *Ibid.* S. 104.
- ⁴⁶ *Ibid.* S. 115.
- ⁴⁷ *Ibid.* S. 92–93.
- ⁴⁸ *Ibid.* S. 93.
- ⁴⁹ *Listy Kazimierza Sosnkowskiego...* S. 100.
- ⁵⁰ *Ibid.* S. 99.
- ⁵¹ *Ibid.* S. 100.
- ⁵² *Ibid.* S. 104.
- ⁵³ *Listy Józefa Piłsudskiego...* S. 101.
- ⁵⁴ *Listy Kazimierza Sosnkowskiego...* S. 103.
- ⁵⁵ *Listy Józefa Piłsudskiego...* S. 101–102.
- ⁵⁶ *Ibid.* S. 106.
- ⁵⁷ *Ibid.* S. 106, 111.
- ⁵⁸ *Ibid.* S. 109.
- ⁵⁹ *Ibid.* S. 110.
- ⁶⁰ *Ibid.* S. 113–114.
- ⁶¹ *Ibid.* S. 114.
- ⁶² *Ibid.* S. 107.
- ⁶³ *Karpus Z.* Formowanie oddziałów ukraińskich w Polsce w latach 1919–1920 // *Polska i Ukraina. Sojusz 1920 roku i jego następstwa.* Toruń, 1997. S. 239.
- ⁶⁴ РГВА. Ф. 471/К. Оп. 1. Д. 31. Ч. 2. Л. 102–105.
- ⁶⁵ Там же. Л. 103–104.

- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ См.: *Karpus Z. Jeńcy i internowani rosyjscy i ukraińscy w Polsce w latach 1918–1924.* Toruń, 1991. S. 71.
- ⁶⁸ РГВА. Ф. 471/К. Оп. 1. Д. 31. Ч. 2. Л. 102, 103.
- ⁶⁹ *Karpus Z. Formowanie oddziałów ukraińskich w Polsce...* S. 239.
- ⁷⁰ См.: *Karpus Z. Jeńcy i internowani...* S. 70; *Карпус З.* Русские и украинские военнопленные и интернированные в Польше в 1918–1924 годах. Торунь, 2002. С. 94.
- ⁷¹ РГВА. Ф. 471/К. Оп. 1. Д. 31. Ч. 2. Л. 235 об, 237.
- ⁷² *Listy Kazimierza Sosnkowskiego...* S. 106.
- ⁷³ *Listy Józefa Piłsudskiego...* S. 114.
- ⁷⁴ *Ibid.* S. 95; РГВА. Ф. 471/К. Оп. 1. Д. 31. Ч. 2. Л. 267об.
- ⁷⁵ *Listy Józefa Piłsudskiego...* S. 87.
- ⁷⁶ РГВА. Ф. 471/К. Оп. 1. Д. 31. Ч. 2. Л. 261об.
- ⁷⁷ *Listy Józefa Piłsudskiego...* S. 109–110.
- ⁷⁸ *Ibid.* S. 102
- ⁷⁹ Подробнее см.: *Михутина И.В.* Польско-украинский союз 1920 года. Т. 1. С. 14–25.
- ⁸⁰ *Listy Józefa Piłsudskiego...* S. 110.
- ⁸¹ *The Trotsky Papers.* Vol. II. P. 148.
- ⁸² Директивы командования фронтов... Т. 3. С. 140, 142.
- ⁸³ *The Trotsky Papers.* Vol. II. P. 176–178.
- ⁸⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 93. Л. 48–49.
- ⁸⁵ Ф.Э. Дзержинский — председатель ВЧК–ОГПУ. 1917–1926. Документы М., 2007. С. 186, 188.
- ⁸⁶ *Мазепа І.* Указ. соч. Т. 3. С. 136.
- ⁸⁷ Цит. по: Там же. С. 138.
- ⁸⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 84. Л. 26.
- ⁸⁹ ПСВ... Ч. 1. С. 98–99.
- ⁹⁰ Цит. по: *Piszczkowski T.* Anglia a Polska 1914–1939. Londyn, 1975. S. 152; *De Gaulle Ch.* Bitwa o Wisłę. Dziennik działań oficera francuskiego. // *Zeszyty Historyczne.* 1971. Nr 19. S. 12.
- ⁹¹ *Чикаленко Є.* Указ. соч. С. 302.
- ⁹² РГВА. Ф. 471/К. Оп. 1. Д. 31. Ч. 2. Л. 261об–262.
- ⁹³ РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 8. Л. 23.
- ⁹⁴ Подробнее см.: *Кульчицкий С.В., Солдатенко В.Ф.* Володимир Винниченко. Київ, 2005. С. 222–230.
- ⁹⁵ *Винниченко В.* Щоденник. 1911–1920. Эдмонтон–Нью-Йорк, 1980. С. 415.
- ⁹⁶ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 51. С. 190, 423.
- ⁹⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5889. Оп. 1. Д. 24. Л. 28.
- ⁹⁸ Там же. Д. 34. Л. 48.
- ⁹⁹ Цит. по: *Чикаленко Є.* Указ. соч. С. 275.
- ¹⁰⁰ ГАРФ. Ф. 5889. Оп. 1. Д. 34. Л. 48.
- ¹⁰¹ *Чикаленко Є.* Указ. соч. С. 296.
- ¹⁰² Там же. С. 299.
- ¹⁰³ РГВА. Ф. 471/К Оп. 1 Д. 31. Ч. 2. Л. 230.
- ¹⁰⁴ *Дорошенко Д.* Мої спомини про недавнє минуле (1914–1920 рр.). Київ, 2007. С. 306–308.
- ¹⁰⁵ РГВА. Ф. 471/К. Оп. 1. Д. 31. Ч. 2. Л. 200, 267.
- ¹⁰⁶ Там же. Л. 253.
- ¹⁰⁷ Там же. Л. 195.
- ¹⁰⁸ Там же. Л. 197.

- ¹⁰⁹ Там же. Л. 200–201.
- ¹¹⁰ Подробно см.: *Torzecki R.* Kwestia ukraińska w Polsce w latach 1923–1929. Kraków, 1989. S. 154.
- ¹¹¹ РГВА. Ф. 471/К. Оп. 1. Д. 31. Ч. 2. Л. 203–204.
- ¹¹² Цит. по: *Suleja W.* Piłsudski a Petlura // *Polska a Ukraina. Sojusz 1920 roku...* S. 114–115.
- ¹¹³ Цит. по: *Зарецька Т.* Юзеф Пілсудський і Україна. Київ, 2007. С. 114–115.
- ¹¹⁴ *Listy Józefa Piłsudskiego...* S. 110.
- ¹¹⁵ Директорія, Рада народних міністрів Української народної республіки 1918–1920. Документи і матеріали. Київ, 2006. Т. 1. С. 642.
- ¹¹⁶ РГВА. Ф. 471/К. Оп. 1. Д. 31. Ч. 2. Л. 272–273.
- ¹¹⁷ Там же. Л. 270.
- ¹¹⁸ *Listy Józefa Piłsudskiego...* S. 103.
- ¹¹⁹ РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 8. Л. 23.
- ¹²⁰ *Listy Józefa Piłsudskiego...* S. 111.
- ¹²¹ Цит. по: *Зарецька Т.* Указ. соч. С. 115.
- ¹²² *Jędrzejewicz W., Cisek J.* Kalendarium życia Józefa Piłsudskiego. Warszawa, 1998. Т. 2. S. 200.
- ¹²³ *Гольенвейзер А.А.* Из киевских воспоминаний (1917–1921 гг.) // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 6. С. 280–281, 283.
- ¹²⁴ *Мазена І.* Указ. соч. Т. 3. С. 19.
- ¹²⁵ Там же. С. 20.
- ¹²⁶ *Listy Józefa Piłsudskiego...* S. 112, 116.
- ¹²⁷ РГВА. Ф. 471/К. Оп. 1. Д. 31. Ч. 2. Л. 4–5, 6.
- ¹²⁸ Там же. Л. 2–3.
- ¹²⁹ *Ibid.*, S. 118.
- ¹³⁰ *Grzybowski W.* Spotkania i rozmowy z Józefem Piłsudskim. // *Niepodległość.* 1948. Т. 1. S. 90–91.
- ¹³¹ Цит. по: *Мазена І.* Указ. соч. Т. 3. С. 25–26.
- ¹³² Цит. по: *Копиленко О.Л., Копиленко М.Л.* Держава і право України 1917–1920. Київ, 1997. С. 145.
- ¹³³ *Омелянович-Павленко М.* Указ. соч. С. 412.
- ¹³⁴ *Юзевский Г.* Слово о Петлюре. Фрагмент // Новая Польша. 2003. № 11 (47). С. 47.
- ¹³⁵ Там же. С. 48.
- ¹³⁶ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2206. Л. 1.
- ¹³⁷ Цит. по: *Какурин Н.Е. Меликов В.Н.* Война с белополяками 1920 г. М., 1925. С. 82.
- ¹³⁸ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 40. С. 330, 332.
- ¹³⁹ Директивы командования фронтов... Т. 3. С. 143.
- ¹⁴⁰ Там же. С. 144.
- ¹⁴¹ Директивы Главного командования Красной Армии (1917–1920). Сборник документов. М., 1969. С. 679.
- ¹⁴² Там же. С. 681.
- ¹⁴³ Директивы командования фронтов... Т. 3. С. 144.
- ¹⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 93. Л. 53.
- ¹⁴⁵ Директивы командования фронтов... Т. 3. С. 145.
- ¹⁴⁶ Там же. С. 146.
- ¹⁴⁷ Там же.
- ¹⁴⁸ Там же. С. 149.
- ¹⁴⁹ Там же. С. 139.
- ¹⁵⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 72. Л. 1.

- 151 Документы внешней политики СССР (далее — ДВП СССР). М., 1958. Т. 2. С. 439, 440.
- 152 Там же. С. 454–455.
- 153 Там же. С. 453–454.
- 154 Там же. С. 471.
- 155 Там же. С. 491.
- 156 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 72. Л. 1.
- 157 *Данишевский К., Каменев С.* Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М., 1934. С. 61, 62.
- 158 Директивы Главного командования... С. 805.
- 159 *Данишевский К., Каменев С.* Указ. соч. С. 61.
- 160 Там же.
- 161 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 72. Л. 1.
- 162 Там же. Д. 73. Л. 1.
- 163 Там же. Ф. 159. Оп. 2. Д. 38. Л. 1
- 164 Там же. Ф. 17. Оп. 163. Д. 62. Л. 1.
- 165 Там же. Ф. 159. Оп. 2. Д. 41 Л. 10–13.
- 166 Там же.
- 167 РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 41. Л. 9.
- 168 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 73. Л. 1.
- 169 DiM... Т. 2. S. 679–680.
- 170 ДиМ... Т. 2. С. 636.
- 171 АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 3. П. 1. Д. 101. Л. 96.
- 172 Известия. № 92 (439). 30 апреля 1920.
- 173 «Совершенно лично и доверительно!» Б.А. Бахметев — В.А. Маклаков... Переписка 1919–1951. М. — Стенфорд, 2001. Т. 1. С. 211
- 174 *Брусилов А.А.* Мои воспоминания. М., 2001. С. 288–289.
- 175 Там же.
- 176 Там же. С. 291–296.
- 177 *Преображенский Е.А.* Архивные документы и материалы. М., 2006. С. 347.
- 178 Там же. С. 348; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 61. Л. 2.
- 179 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 51. С. 193.
- 180 Правда. № 97. 7 мая 1920.
- 181 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 28. Л. 75–75об.
- 182 Правда. № 113. 3 июня 1920.
- 183 *Брусилов А.А.* Указ. соч. С. 296.
- 184 См., например: Русская военная эмиграция 20-х–40-х годов. М., Т. 1. Кн. 1. С. 175–182; РГВА. Ф. 308/К. Оп. 9. Д. 13.
- 185 *Listy Józefa Piłsudskiego...* S. 117–118.
- 186 *The Trotsky papers.* Vol. II. P. 150; ПСВ... Ч. 1. С. 70–71.

*Тимур Валерьевич
КАЛЬЧЕНКО*

КИЕВСКОЕ ПРАВОЕ ДУХОВЕНСТВО В ЭМИГРАЦИИ: БИОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

Киевское духовенство всегда характеризовалось черносотенными взглядами и в большинстве своем принадлежало к правым партиям разного направления: от умеренно консервативного (члены Киевского клуба русских националистов, Киевского русского собрания, Партии Правового порядка) до крайне радикального (члены Киевского Патриотического Общества Молодежи «Двуглавый Орел»).

Если к националистам и членам Русского собрания принадлежало в основном сановное духовенство (протоиереи М. Златоверховников, С. Трегубов, Н. Браиловский, А. Беляновский, архимандрит Амвросий (Полянский) и др.), то к крайне правым — представители рядового священства — священники Ф. Синькевич, В. Пестряков, В. Кулинский, священник М. Алабовский, дьякон Василий Кудрицкий и многие другие. Так, на 1913 г. в Киевском клубе Русских националистов были представлены следующие священники: протоиереи — М.И. Вишневецкий, М.Д. Златоверховников, Г.Я. Прозоров, М.А. Стельмашенко, С.И. Трегубов, священники — Т.И. Лященко, Г.А. Тихомиров, А.Я. Ильяшевич (м. Ставище Тарашанского уезда), дьякон А.И. Надемский. В то же время в Киевском русском собрании состояли священники М.П. Алабовский, М.Ф. Митроцкий, Т.И. Лященко, М.А. Стельмашенко, Н.А. Шараевский, архимандриты Амвросий (Полянский) и Василий (Богдашевский), протоиереи Н.А. Браиловский, А.А. Беляновский, П.А. Левитский, Г.Я. Прозоров. Почетными членами Киевского патриотического общества молодежи «Двуглавый Орел» числились митрополит Киевский и Галицкий Флавиан, архимандриты Прохор и Виталий, а членами — священник П.В. Мелешко и дьякон Александр Надемский.

Революционный террор 1919 г. вынудил некоторых представителей Киевского правого духовенства оставить Киев и вместе с отступающей армией Деникина эмигрировать за рубеж. Местом их дислокации в основном были славянские государства — Болгария, Чехословакия, Югославия. Некоторые из Киевского духовенства отдали предпочтение Германии, Франции, а впоследствии и США.

Судьба каждого священника сложилась по-своему, но в целом есть общие закономерности. Приведем некоторые примеры.

Федор Николаевич Синькевич (26.10.1876—15.04.1946)

Протоиерей Ф.Н. Синькевич свое участие в монархическом движении начал с того, что в 1906 г. в с. Лука Киевской губернии основал и возглавил отдел Союза Русского Народа (СРН). Киевское жандармское управление характеризовало о. Федора как «академически образованного, высоких нравственных правил священнослужителя»¹.

В 1911 г. о. Федор вошел в состав совета Киевского губернского отдела СРН (КГО СРН) и стал товарищем председателя Киево-Лукияновского отдела СРН, пробыв на этом посту до 26 марта 1913 г. По поручению КГО СРН он открыл отделы в Киевской губернии: 19 июля 1911 г. — в с. Стретовке Киевского уезда, 1 августа 1911 г. — в м. Малине Радомысльского уезда.

Будучи сторонником основателя Союза Русского Народа А.И. Дубровина о. Федор на некоторое время возглавил отколовшуюся часть КГО СРН. Вскоре единство было восстановлено, и 21 сентября 1911 г. на общем собрании КГО СРН священник Ф. Синькевич был избран товарищем председателя отдела. Кроме того, Синькевич являлся председателем Киевского Русского спортивного общества «Орел» при Киевском губернском отделе Русского Народного Союза имени Михаила Архангела (РНСМА), зарегистрированного 14 июня 1911 г. Целями общества были: «1) сближение любителей спорта, 2) доставление своим членам, их семьям и гостям проводить время с пользой и удовольствием». В финансовом отношении «Орел» не зависел от РНСМА,

поэтому годовой взнос составлял 10 руб., но можно было внести 200 руб. и стать пожизненным членом. В общество принимались лица «русского происхождения, православного вероисповедания», евреи, даже и принявшие христианство, не могли стать членами «Орла». Среди культивировавшихся в этом обществе видов спорта были: бег, борьба, бокс, фехтование, верховая езда и стрельба².

С 1907 г. о. Федор являлся также членом Совета Киевской русской Монархической Партии, членом Совета Крещатикского Отдела СРН. В составе монархических депутатий Киева он дважды представлялся императору. Первый раз — в Царском Селе в 1906 г. по случаю начавшихся революционных брожений для выражения верноподданнических чувств, второй раз — 29 августа 1911 г. при посещении Николаем I Киева. Оба раза он приветствовал государя краткой речью, а в 1906 г. преподнес Ему икону Успения Пресвятой Богородицы. 29 августа 1911 г., в очередной раз встречая императора, он произнес пространную патриотическую речь, в которой засвидетельствовал «горячие патриотические верноподданнические чувства» и готовность к «испытаниям за Веру, за Царя, за Святую Русь»³.

Широкую известность о. Федор получил как председатель (с конца октября 1911 г.) Киевского патриотического общества молодежи «Двуглавый Орел» и редактор печатного органа общества — газеты того же названия, известной своей непримиримой позицией к евреям. В одном из своих газетных выступлений по поводу нашумевшего дела Бейлиса о. Федор писал: «...Давно уже многие и многие, именуемые русские люди, перешли на сторону врагов Христа — иудеев, перешли и не чувствуют, что вместе с таким переходом они позорят свое русское имя, идут против своей Матери-Церкви, запрещающей всякое общение христиан с иудеями под страхом церковного отлучения, наконец... Выдвинут вопрос об историческом ритуальном злодеянии жидовского народа, и мы видим, что на суде раздались открыто голоса учнейших и весьма авторитетных лиц, стяжавших большое имя в науке, за существование у евреев ритуала вытачивания крови из христианских детей для своих гнусных религиозных целей...»⁴.

Революция не заставила его изменить своим монархическим убеждениям. По-прежнему он был и любим паствой. 15 августа 1917 г. о. Федор был избран председателем приходского совета Байково-Кладбищенской церкви, что вызвало протест революционно настроенных личностей, которые ставили ему в вину патриотические взгляды. Председатель исполкома Попов доносил, что священник в программе деятельности приходских советов «развивал чисто монархические взгляды», а когда Попов попросил у него слова, «он категорически отказал и бросил несколько возбуждающих слов к прихожанам, которые подняли целый скандал в церкви». Попов требовал «расследовать и поставить на вид о. Синькевичу, потому что он не только меня, но и всю паству восставил против себя» и угрожающе добавлял, что «это будет доведено до сведения солдат и рабочих депутатов»⁵.

10 ноября 1919 г. о. Федор вместе со старшим сыном покинул Киев, понимая, что в большевистской России ему делать нечего. К тому же, один из его сыновей, Георгий в 1919 г. погиб в бою против большевиков, а в августе 1918 г., благодаря старшей дочери Ольге, сыновья Синькевича чудом избежали расправы в имении Гавриловка под Киевом.

Семья эмигрировала по частям. Вначале Синькевич оказался вместе с сыном Александром в Крыму, а впоследствии эвакуировался с армией генерала Врангеля в Югославию, где с 1921 по 1924 г. был настоятелем церкви в г. Нови-Сад. В эти годы в этом городе действовало Общество попечения о духовных нуждах русских беженцев, председателем которого и стал о. Федор. Он также был избран членом Епископского Совета Русской Православной Зарубежной Церкви и награжден митрой, став первым митрофорным протоиереем в эмиграции. Кроме того, наряду с И.А. Аносовым и А.И. Поповым о. Федор был избран членом Коллегии по делам Русской Православной Церкви и просвещения в составе Лиги Русских Офицеров, ставившей перед собой далеко идущие цели, в частности освобождение Украины от власти большевиков⁶.

Жена священника — Мария Николаевна Томасевич (22.10.1880—1969) после трех допросов в «чрезвычайке» по поводу ее мужа, считавшегося государственным преступником, в 1922 г.

решилась на дерзкий побег. С двумя сыновьями Константином и Сергеем она отправилась из Киева в окрестности г. Могилева-Подольского, где стала искать возможность переправиться через Днестр в Румынию. Августовской ночью 1922 г. она, рискуя жизнью, решилась на этот шаг и добралась до Румынии, откуда через Бухарест доехала до Белграда, где воссоединилась с мужем и старшим сыном.

С 1924 по 1934 г. семья священника находилась в постоянных переездах из одного города в другой. Поскольку в г. Белая Церковь находился кадетский корпус, где учились все три сына Синькевича, последний занял приход Иоанна Крестителя в этом городе, организовав при нем «Пастырские курсы». 25 января 1927 г. о. Федору предложили место настоятеля церкви в г. Земун под Белградом, куда он и прибыл, оставив семью в Белой Церкви. Кроме того, о. Федор состоял членом епископского совета при управляющем русскими приходами в Югославии, членом Братства Св. Креста в Земуне.

Когда старший сын Александр, ставший архимандритом и Начальником Духовной Миссии в Иерусалиме, в 1933 г. отправился на Святую Землю, о. Федор, будучи в пожилом возрасте, захотел следовать за ним. В 1935 г. он приехал в Палестину и поселился в квартире Начальника Духовной Миссии — своего сына. В 1937 г. к нему прибыла его жена с младшим сыном Михаилом. Именно в Иерусалиме о. Федор и окончил свой жизненный путь.

Его постоянные скитания за границей были вызваны его неизменной крайне-правой патриотической позицией, которая в эмиграции не могла найти адекватного отклика ни в среде единомышленников, ни среди духовенства. Некий холодок по отношению к о. Федору впоследствии распространился и на его сына Александра (в монашестве Антония) (19.11.1903—7.08.1996) — архиепископа Лос-Анжелесского и Южно-Калифорнийского, одного из главных инициаторов канонизации Новомучеников и Исповедников Российских и составителя службы Св. Царственным Мученикам.

Сын о. Федора Сергей (25.09.1905—3.10.2001) окончил четыре класса в Киевской гимназии, а после эмиграции продолжил учебу в Крымском кадетском корпусе в г. Белая Церковь в Юго-

славии (1921–1926) и Югославском военном училище. Свою военную службу он начал в горно-лыжном полку в Словении, и с 1941 г. был командиром роты. 1945-й год С.Ф. Синькевич провел в Австрии и в лагерях беженцев в Германии, а в 1948 г. вместе с женой и двумя детьми переехал в США, где проживал сначала в Лос-Анжелесе, а затем — в штате Коннектикут. С 1978 г. он работал инструктором русского языка в военной школе языков в Монтерее в Калифорнии.

Константин Федорович Синькевич (1912–2005), оказавшись в Югославии, в 1922 г. поступил, как и его брат, в Крымский кадетский корпус, а затем — в Первый Русский Великого Князя Константина Константиновича Кадетский Корпус в г. Белая Церковь, где проучился 10 лет, поскольку оставался на второй год. В 1932 г. он поступил на агрономический факультет Белградского университета. Его служебная карьера оказалась очень насыщенной. К.Ф. Синькевич работал и агрономом Русского корпуса (1941–1944), и управляющим кофейной плантацией в Абиссинии (Эфиопии) (1940-е–1958), и инспектором мясоперерабатывающей промышленности Министерства сельского хозяйства США (1958–1975). С середины 1980-х до начала 2001 г. он проживал в г. Сан-Франциско, с 1984 г. был главным редактором бюллетеня объединенных русских кадетских корпусов. 25 января 2001 г. К.Ф. Синькевич переехал на юг Калифорнии к дочери. Он известен своими воспоминаниями «Вне родины».

Судьба еще одного сына о. Федора — Михаила — менее известна: он родился в 1926 г. и большую часть жизни провел в Австралии.

Григорий Яковлевич Прозоров (21.01.1864—27.06.1942)

Председатель Киевского Русского Собрания протоирей Г.Я. Прозоров был известен своими консервативными взглядами и твердыми монархическими убеждениями, что неоднократно находило отражение в его проповедях, общественных выступлениях или официальной переписке.

16 декабря 1909 г. по Высочайшему повелению о. Григорий получил письменную благодарность от имени Его Императорского

Величества за руководство добровольной охраной из членов патриотических организаций во время Его пребывания в Киеве.

Показательна и позиция, занятая о. Григорием по делу Бейлиса.

29 октября 1913 г. в своем письме митрополиту Киевскому и Галицкому Флавиану (Городецкому) он отмечал: «Наконец, Суд сказал свое слово. Ритуал признан, Бейлис оправдан. Милость и великодушие русского народа сказались с особой силой. Оправдали несомненного участника в ритуальном мучении Андрюши Ющинского только потому, что злодей не захвачен на месте. Но возможно ли преступников такого рода захватить на месте!... Из зала суда и гражданские истцы (Замысловский и Шмаков) передавали мне, что на счет Бейлиса присяжные заседатели разделились пополам (6 и 6), значит оправдание злодея довольно сомнительное... Теперь евреи охотно отправили бы сотни Бейлисов на каторгу, только бы уничтожить обвинение в ритуальном убийстве... Но дело их уже проиграно, кассация невозможна»⁷.

Об о. Григории как общественно-политическом деятеле оставил свои воспоминания публицист Д.В. Скрынченко, который давал такую оценку его деятельности: «...Прозоров — способный человек и к тому же довольно красноречивый оратор; он был профессором богословия в Политехническом институте; при выборах в Государственную Думу II, III и IV созывов он играл крупную роль, выступив в 73 предвыборных собраниях, как сам говорил об этом. Духовенство его не любило за его эгоизм»⁸.

Известный своими твердыми охранительными позициями и резким неприятием идеи украинства, протоиерей Прозоров неоднократно выступал против идеи автокефалии украинской церкви, считая, что «...она неизбежно ведет к разделению, как это показывает нам история с полной убедительностью. Говорят, что нашей церкви не угрожают никакие опасности. Нужно быть слепым, чтобы не видеть опасности, которая уже сейчас надвигается на нас именно с запада в виде унии»⁹.

19 февраля 1919 г., после упразднения должности преподавателя богословия Политехнического института, о. Григорий еще несколько месяцев служил в Софийском соборе. 10 ноября 1919 г. вместе с семьей он покинул Киев, переселившись в Ново-

российск, а 14 апреля 1920 г. из Новороссийска он эмигрировал в Европу. За границей произошло и некоторое смягчение взглядов о. Григория. Русский патриотизм он стал понимать как служение Родине, какая бы власть там не была.

Оказавшись в Югославии, о. Григорий первоначально стал служить в сербском приходе в Унице, затем — законоучителем и настоятелем церкви Харьковского института благородных девиц в Нови Бечей (1920—1923). В 1921 г. священник был избран делегатом на Русский зарубежный церковный собор в Сремских Карловцах. В 1924 г. он переехал в Берлин, где стал священником Посольской церкви. Затем вместе с архимандритом Тихоном (Лященко), бывшим инспектором Киевской Духовной академии, перешел в домовый храм при Русско-немецкой гимназии пастора Мазинга. С 8 декабря 1926 г., будучи запрещенным Архиерейским Синодом Русской Православной Зарубежной Церкви, священник остается в юрисдикции управляющего Западно-Европейскими приходами митрополита Евлогия (Георгиевского), покинув приход, перешедший в ведение Карловацкого Синода. Митрополиту Евлогию удалось устроить Свято-Владимирскую церковь в наемном помещении, где и служил о. Григорий. Он был назначен благочинным церковей в Германии, где и прослужил с 1 августа 1927 г. по 18 февраля 1931 г. В 1931 г. после запрещения указом из Москвы митрополита Евлогия и его духовенства в священнослужении, о. Григорий вместе с новым приходом на улице Фазаненштрассе в Берлине подчинился митрополиту Литовскому Елевферию — управляющему приходами Русской Православной Церкви в Западной Европе. 9 марта 1931 г., вследствие признания патриаршего местоблюстителя митрополита Московского Сергия, он был уволен из клира митрополита Евлогия.

В связи с обострением борьбы за церковное имущество в Германии в виду прихода к власти национал-социалистов 6 сентября 1934 г. в письме к Рейхсканцлеру Германии о. Григорий сообщал, «что как Тихон (Лященко) — архиепископ Берлинский и Германский РПЗЦ, так и митрополит Евлогий (Георгиевский) находятся в схизме, и единственным законным собственником русского церковного имущества является исключительно высшее руководство Русской Церкви, в настоящее время представленное

Святейшим Патриаршим Синодом и возглавляющим его митрополитом Московским Сергием, а также законно назначенными ими иерархами. С 1931 г. управление русскими церквами в Западной Европе находится в ведении митрополита Вильнюсского и Литовского Елевферия. Единственная легальная русская православная церковь в Берлине, во главе которой вот уже многие годы стою я, именуется «церковью Патриархата», что само по себе указывает на ее легитимность».

Подчиняясь духовной власти митрополита Московского Сергия, священник автоматически попадал под подозрение немецких властей, видевших в нем агента спецслужб.

Записывая все текущие переживания в дневник, священник подробно остановился на одном из допросов в Гестапо. Здесь он, между прочим, раскрыл и свои политические взгляды. О. Григорий отмечал: «29 июня/13 июля. 1938. Вторник. Вызван в Гестапо... Допрос продолжался 2 часа в понедельник и 3 часа во вторник... Сущность всех вопросов сводилась к тому, в каких отношениях состою я с местоблюстителем Патриаршей Русской Церкви митр. Сергием и митрополитом Литовским Елевферием, как отношусь к московской большевистской власти и как к германской национал-социалистической. Я отвечал на все вопросы с полной искренностью и по существу... Государственной большевистской (коммунистической) русской власти я не признаю, и потому эмигрировал из России еще в 1920 году. Я русский эмигрант, бесподданный. Не состоя в подданстве германском, я однако с полной искренностью подчиняюсь германской государственной власти, какая в данное время существует в Германии... Блаженнейший митр. Сергей живет в русском государстве и подчиняется Московской государственной власти по тем же основаниям; по каким я, живущий в Германии, подчиняюсь германской немецкой власти... Митр. Сергию, как главе русской Патриаршей Церкви, подчиняются русский митрополит Сергей в Японии, митр. Елевферий в Литве и митр. Вениамин в Америке. Каждый из них подчиняется государственной власти той страны, в которой живет... Предлагали мне еще такие вопросы, правда ли, что моя церковь ютит большевиков и евреев? Находятся и такие злостные клеветники... Желал бы я видеть таких большевиков,

которые ищут себе приют в Патриарших русских православных церквях! Они оскверняют и разрушают Церкви, а не ютятся в христианских святилищах. Евреи в нашей Церкви бывали (сейчас у нас их нет), но евреи, принявшие христианскую веру. Запретить еврею-христианину ходить в православную Церковь священник не имеет права»¹⁰.

В 1939 г. священник был арестован, но после шестичасового допроса отпущен. По результатам допроса Прозорова был составлен отчет Гестапо, в котором, в частности, значилось: «Был допрошен православный священник Прозоров, так как он подозревается в том, что поддерживает пробольшевистские тенденции. Он — единственный из проживающих в Германии представителей православного духовенства, который признает митрополита Сергия из Москвы. У нас имеется намерение выдворить его с территории рейха и распустить его находящуюся в Берлине церковную общину»¹¹. Однако этим планам было не суждено реализоваться и о. Григорий тихо скончался в Берлине в 1942 г.

Интересными представляются воспоминания правнучки о. Григория Роланды Ричи-Мингани: «Отца Григория несколько раз забирали в Гестапо, что было видно из его дневников, где его допрашивали об отношении к немецкой власти, к большевизму, о местоблюстителе Русской Православной Церкви митр. Сергии (Страгородском). Из дневников также видно, что на него несколько раз писали доносы. За несколько дней до смерти (предположительно за 2 дня), его опять забрали в Гестапо. После пребывания в Гестапо, о. Григорий, весь избитый, уже умерший или умирающий (точно неизвестно) был передан на руки его друзьям по фамилии Рихтер. Почему он умер по адресу Калькреутштрассе 12, отличном от места проживания, и что располагалось по этому адресу, неизвестно»¹².

Михаил Стельмашенко (1868—18.12.1925)

М. Стельмашенко был для своего времени знаковой фигурой. Выходец из крестьянского сословия, окончивший Киевский Императорский Университет и Киевскую Духовную Академию,

удачливый предприниматель, сколотивший немалое состояние, часть из которого пошла на устройство частной мужской гимназии, издательскую деятельность и другие филантропические проекты. Его политические взгляды полностью совпадали с программой Киевского клуба русских националистов, действительным членом которого он стал в 1909 г.

Свое первое выступление в Клубе 6 марта 1909 г. Стельмашенко посвятил задачам национального воспитания русской учащейся молодежи, указывая на то, что для прочного пробуждения национального чувства надо, прежде всего, национализировать школу. Причем в основу школьного преподавания, по мнению о. Михаила, должны быть положены предметы, могущие способствовать пробуждению и укреплению национального самосознания.

Впоследствии доклады и выступления о. Михаила на заседаниях Клуба стали появляться регулярно. Так, 17 апреля 1909 г. на заседании Клуба священник принял живейшее участие в обсуждении изменнической программы украинофилов-сепаратистов, которая была представлена в речи А.И. Савенко. А 24 апреля того же года сам представил доклад на тему: «Национализм императрицы Екатерины II в ее деятельности и во взглядах», где подробно остановился на увлечении Екатерины Великой русской историей и отметил заслуги ее перед историографией. О. Михаил подчеркнул, что императрица Екатерина горячо любила Россию и русский народ, всегда вступалась за честь и достоинство России. На защиту чести и достоинства нашей родины она выступала даже в литературе. Внешняя политика Екатерины Великой, по словам Стельмашенко, была проникнута национализмом и отличалась большой самостоятельностью. Затем он охарактеризовал взгляды Екатерины на Россию и русский народ, мысли ее о Польше, Турции, Англии и Германии и, наконец, взгляды ее на славянский вопрос.

26 января 1912 г. священник подробно остановился на теме «Потешное дело в школах как средство для подготовки вооруженных сил». В своем докладе он отметил: «...Горе тому народу, который вместо героического духа своих предков, вместо неустанной борьбы за свое наступательное движение вперед

будет прививать своим детям идею противления злу и совершенно пассивного отношения к политической судьбе их родины... Защита родины должна составлять первую обязанность каждого гражданина, и подготовка к этой защите должна быть обязательной для всей учащейся молодежи... Регулярные занятия военным строем и гимнастикой благотворно отразятся на психике учеников, заставят их подтянуться, дисциплинируют их волю, поднимут чувство долга, разовьют чувство массовой взаимной готовности и нравственной ответственности... Если мы дорожим пробуждением в наших детях чувства национальной чести и воинского духа, если мы желаем, чтобы они прониклись любовью к своей родине и к ее Верховному Вождю, то мы должны желать нашим детям самого искреннего увлечения военным строем».

15 марта 1912 г. о. Михаил предложил доклад «Исторические причины польско-русского антагонизма». Он между прочим сказал: «...В 1654 г. состоялось воссоединение Малороссии с Великой Россией. Затем надо было лишить поляков их главного оружия против русских, их культурного превосходства. Это и было сделано императором Петром Великим... Однако жестокие уроки истории не заставили поляков ни подчиниться, ни уйти из нашего края: они развили дружную планомерную работу для мирного завоевания Юго-Западного края, и число помещиков и арендаторов-поляков постоянно увеличивается. Одновременно с этим отовсюду изгоняется русский элемент...»¹³ 15 ноября 1912 г. о. Михаил сделал еще один доклад. На этот раз он остановился на теме «Об отношениях России к балканским народам в прошлом», а 29 ноября принял участие в прениях по этому же вопросу, изложив собранию историю печальной судьбы австрийских славян, угнетаемых и ущемленных в правах.

27 апреля 1914 г. совместно с А.В. Стороженко на общем собрании клуба студентов-академистов Стельмашенко вновь вернулся к польско-русским отношениям, сделав доклад «К вопросу об употреблении польского языка в городских общественных учреждениях Варшавского генерал-губернаторства». Он выступал за ограничение использования языков национальных меньшинств на территории Российской империи.

Стельмашенко также выступал представителем Киевского клуба русских националистов на торжествах по случаю образования Холмской губернии, которые проходили 8 сентября 1912 г. в г. Холме. Им же была преподнесена икона представителям местного братства. 14 марта 1913 г. священник принял участие в крестном ходе, посвященном празднованию юбилея 300-летия Дома Романовых. Во главе процессии учащих мужской и женской гимназий о. Михаил с копией иконы Феодоровской Божией Матери присоединился к членам клуба и представителям патриотических организаций. 9 февраля 1914 г. о. Михаила избирают членом Совета киевского отделения Всероссийского национального союза.

Энергия Стельмашенко нашла отражение и в деятельности киевского Русского собрания, учредителем которого он являлся. Эту организацию он представлял на Западно-Русском Съезде (организован по инициативе киевского Клуба русских националистов и проведен 4–6.10.1909 г. для решения насущных вопросов, волновавших население девяти губерний России).

4 ноября 1912 г. он прочитал благотворительную лекцию «Об отношении России к балканским народам в прошлом», весь сбор (150 руб.) от которой поступил на нужды раненых славян и греков Балканского полуострова. 19 ноября 1912 г. на заседании киевского Русского собрания он сделал доклад «О притязаниях поляков на Юго-Западный край», где признал недопустимым дальнейшее усиление польского влияния в западнорусских областях и предложил ряд экономических мероприятий к ослаблению и ограничению прав поляков на этой географической территории. 4 марта 1913 г. там же был заслушан доклад о. Михаила на тему «Современная тайная польско-католическая пропаганда в Юго-западном крае». В докладах священник признал недопустимым дальнейшее усиление польского влияния в западнорусских областях и предложил ряд экономических мероприятий к ослаблению и ограничению прав поляков на этой географической территории.

В своих воспоминаниях публицист Дмитрий Васильевич Скрынченко весьма нелестно характеризовал о. Михаила: «...Стельмашенко известен был в Киеве под именем «Шельмашенко»; человек оборотистый, он по окончании Киевского уни-

верситета сумел окончить и Духовную академию; пробравшись в сферы, он получил разрешение открыть частную гимназию, патриотическую, построил собственное здание, набирал в свою гимназию ученический сброд, удаляемый из правительственных гимназий, гимназия его стала, как говорили тогда, «лавочкой», и конечно, преподавателями туда набирались «патриоты», которые оказались во время революции настоящими подлецами, например Иван Иванович Огиенко, объявивший себя затем щирым украинцем и назначенный Украинской Радой ректором Каменец-Подольского университета, или, например, протоиерей Нестор Шараевский, алкоголик, потерявший золотой наперсный крест будучи пьяным; он также заделался в украинцы и поставлен был при живой жене в епископы. Во время революции Стельмашенко продал свою гимназию вместе с церковью при ней полякам за 1200 000 рублей, т. е. продал тем, кого он сам же громил в газете; в его гимназии, лишь только государь отрекся от престола, поспешили убрать царские эмблемы, вынесли из классов иконы, хотя этого никто еще тогда не требовал; с хорошими деньгами Стельмашенко перебрался на Кавказ в Добровольческую армию, а с нею очутился в изгнании сначала в Чехословакии, а после в Италии, где и умер, кажется в Бари...»¹⁴.

Действительно, в 1919 г. о. Михаил эмигрировал с семьей через Константинополь в Чехословакию. Был участником Карловацкого съезда духовенства осенью 1921 г., где был одним из тех, кто не согласился с проектом Обращения о восстановлении в России династии Романовых. С 25 июня 1921 по март 1922 г., находясь в юрисдикции митрополита Евлогия (Георгиевского), Стельмашенко был настоятелем русских церквей в Праге, Карлсбаде, Мариенбаде и Францбаде, затем 1 марта 1922 г. был переведен на место священника к церкви Рождества Христова во Флоренцию. Отец Михаил одновременно обслуживал храм Христа Спасителя в Сан-Ремо и приход в Мerano (1922–1925), являлся благочинным приходов в Италии (1922–1925). Именно Стельмашенко основал русские православные приходы в Сан-Ремо (1922) и в Милане (1924). Преподавал Закон Божий в русских школах. В 1921 г. он организовал несколько комитетов помощи голодающим России.

По словам митрополита Евлогия, он был интеллектуалом, но человеком крутого нрава. Скоро у него начались разногласия с влиятельными прихожанами, что привело к тому, что 1 ноября 1925 г. Стельмашенко был отозван из Италии и назначен настоятелем церкви Свято-Владимирского братства на Находштрассе в Берлине. Однако на пути в Берлин, остановившись в Париже у митрополита Евлогия, о. Миахил скоропостижно скончался от припадка грудной жабы.

Тимофей Иванович Лященко **(22.02.1875—11.02.1945)**

Инспектор Киевской духовной академии Тихон (в миру Тимофей Иванович Лященко) был активным деятелем правого движения в Киеве, членом-сотрудником Киевского Клуба Русских Националистов. Он оказывал посильную помощь в организации печатного дела Д.Е. Куделенко, печатался в издававшихся ею газетах «Двуглавый Орел» и «Киевская Копейка». Также входил и в состав Киевского Русского Собрания. В 1919 г. он эмигрировал в Болгарию, присоединившись к Карловацкому Синоду. Некоторое время с 1920 по 1921 г. являлся настоятелем Николаевского храма в Софии. Затем архимандрит Тихон служил в Германии в домовый церкви при бывшем посольстве России, но после того как его здание было передано большевикам, он перебрался из посольского храма в церковь при русско-немецкой гимназии с интернатом пастора Мазинга на ул. Находштрассе. 1 декабря 1922 г. митрополитом Западно-Европейским Евлогием (Георгиевским) был назначен благочинным русских православных общин в Германии. Являлся участником Русских Всеаграничных Карловацких церковных соборов 1921—1922 годов.

28 апреля 1924 г. митрополит Евлогий совершил хиротонию архимандрита Тихона во епископы. Впоследствии митрополит Евлогий так писал о епископе Тихоне: «...В своих письмах ко мне, уже в 1923 г., архимандрит Тихон начал намекать на желательность возведения его в сан епископа: «Я не из честолюбия пишу об этом, это нужно для пользы Церкви...», а несколько позже заявил уже без обиняков: «Я хочу быть епископом». К честолюби-

вому заявлению я отнесся сдержанно, но скоро обстоятельства сложились так, что я принужден был заколебаться...»¹⁵. Именно действия благотворителя Троицкого, который обуславливал свои дальнейшие пожертвования хиротонией Тихона во епископы, по словам митрополита Евлогия, вынудили его посвятить Лященко во епископы. «...Я сдался и после Пасхи весной (1924 г.) посвятил архимандрита Тихона во епископы... Речь нареченного во епископы обычно бывает как бы исповеданием его отношения к церкви, а архимандрит Тихон произнес напыщенное «слово» о своем научном богословском творчестве, «которое он готов принести в дар Церкви»... Епископ Тихон с его непомерным честолюбием оказался главным виновником моего разрыва с карловцами. После Карловацкого собора 1926 г. он стал ожесточенным моим противником и грубо вытолкнул моих священников из церкви на Находштрассе...»¹⁶.

На очередном архиерейском Соборе РПЗЦ в Карловцах 1 июля 1926 г. было принято решение о выделении Германии в особую самостоятельную епархию во главе с епископом Тихоном, что вызвало резкий протест со стороны митрополита Евлогия, чем и определялось его отношение к управляющему германской епархией. 11 июля 1926 г. митрополитом Евлогием был запрещен в священнослужении.

Протоиерей Владимир Зноско в обновленческом журнале «Украинский православный благовестник» в подробностях описал конфликт в Германской епархии РПЗЦ: «...Епископ Тихон, именем митрополита Евлогия, запрещен в священнодействии. Исполняющим должность настоятеля Берлинского православного прихода назначен протоиерей Гр. Прозоров. Младшему причту предписано указом «не принимать участия в богослужении с епископом Тихоном». В свою очередь, митрополит Антоний шлет епископу Тихону телеграфное приказание: «Никого не слушайте. Распоряжений митрополита Евлогия не исполняйте», а самому митрополиту Евлогию запрещает священнослужение в церквях Германии... Еп. Тихон неистовствует. Закрывает свою Берлинскую (домовую) церковь на замок. Возбуждает своих сторонников строчить по адресу м. Евлогия (и его клеветов) на имя Германских властей различные доносы. В ожесточении сердца и

ретивости ума даже доходит до такого «святотатства», что признает, с амвона, Карловацкий Собор не только стоящим вне подчинения пок. Патриарха, но даже выше его...»¹⁷.

О периоде управления архиепископом Тихоном Германской епархией один из его современников вспоминал: «...Берлинский архиепископ Тихон (Лященко) — человек замкнутый, упрямый и малообщительный. От неумелого хозяйничанья церковное имущество (уже в эмиграции приобретенное), вместе с храмом, торжественно освященным митрополитом Антонием, — было назначено к продаже. Кроме того, архиепископ Тихон окружил себя подозрительными людьми, которых германские власти арестовывали и высылали, расколол приход и не умел надлежаще использовать благоприятное к православным отношение правительства... Последний Архиерейский Собор в Карловцах вынужден был назначить формальное следствие, командировав в Берлин архиепископа Феофана (Гаврилова) для всестороннего расследования деятельности архиепископа Тихона по управлению епархией, которую он рассматривал как свою бесконтрольную вотчину. Следствием всего этого был уход архиепископа Т. на покой...»¹⁸.

На место Тихона был назначен архиепископ Серафим (Ляде). 22 июня 1934 г. Заместителем Патриаршего Местоблюстителя, митрополитом Московским Сергием архиепископ Тихон, наряду с другими зарубежными архиереями, был запрещен в священнослужении, хотя этому решению он не подчинился.

С 28 сентября 1936 г. — архиепископ, а с 26 октября 1937 г. — председатель учебного комитета при Архиерейском синоде.

С 24 февраля 1938 г. архиепископ Тихон, будучи на покое, покинул Германию и поселился в Белграде в доме семьи Тарасьевых. Затем переехал на жительство в монастырь Раковица под Белградом. В 1945 г. он эвакуировался вместе с митрополитом Анастасием, главой РПЗЦ. Скончался и похоронен в Чехословакии в г. Карловы Вары.

Так сложилась судьба представителей правого Киевского духовенства, которые, покинув родину, так и не смогли обрести ее вновь, разойдясь во взглядах на будущее России даже со своими единомышленниками.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Омельянчук И.В.* Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914). Киев, 2006. С. 75.
- ² Там же. С. 151.
- ³ Сборник Киевского Клуба Русских Националистов. Киев, 1912–1913. С. 228.
- ⁴ Прямой путь. 1913. № 12. С. 264–266.
- ⁵ Центральный Государственный Исторический Архив Украины в г. Киеве. Ф. 127. Оп. 270. Д. 600. Л. 67–69.
- ⁶ *Косик В.И.* Русская Церковь в Югославии (20–40-е годы 20 века). М., 2000. С. 107.
- ⁷ Царский Сборник. М., 2000. С. 387.
- ⁸ Воспоминания Д.В. Скрынченко // Имперское Возрождение. 2010. № 2. С. 54.
- ⁹ Прибавление к Киевскому Епархиальному Вестнику. 1918. № 15. С. 59.
- ¹⁰ Протоиерей Григорий Прозоров. Текст размещен на Интернет-странице: www.frankfurt.orthodoxu.ru. Дата доступа 24.02.2014.
- ¹¹ Кете Геде. «Под колпаком» у Мюллера. Русские православные общины в нацистской Германии действовали под контролем гестапо // Приложение к Новой Газете (НГ-Религия) – 21.01.2004. С. 12.
- ¹² Согласно воспоминаниям правнучки, там располагался Richter-Sanatorium. См.: Протоиерей Григорий Прозоров. Текст размещен на Интернет-странице: www.frankfurt.orthodoxu.ru.
- ¹³ Там же. С. 156–157.
- ¹⁴ Воспоминания Д.В. Скрынченко. С. 54.
- ¹⁵ *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни. М., 1994. С. 384.
- ¹⁶ Сборник Киевского Клуба Русских Националистов. Киев, 1910. С. 384.
- ¹⁷ Український православний благовісник. 1927. № 3. С. 39.
- ¹⁸ *Косик В.И.* Указ. соч. С. 135.

*Александр Николаевич
ВАБИЩЕВИЧ*

УКРАИНСКАЯ ОБЩЕСТВЕННО- ПОЛИТИЧЕСКАЯ И КУЛЬТУРНО- ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НА ПОЛЕСЬЕ В 1918—1939 ГОДАХ

Общественно-политическая и культурно-просветительская активность украинского населения на Полесье начала разворачиваться во время Первой мировой войны. Традиции украинского культурно-просветительского товарищества «Просвита» принесли в Брест-Литовск в 1916 г. солдаты полка им. Т. Шевченко, сформированного из военнопленных украинцев, служивших ранее в царской армии. В сельской местности возникали украинские начальные школы. В конце июля 1917 г. в местечке Дивин Кобринского уезда состоялась первая конференция учителей этих школ.

Возможности для оживления украинского просветительства появились после Брестского мирного договора от 3 марта 1918 г., так как земли на юг от Полесской железной дороги по договоренности с украинской Центральной Радой были переданы Украинской Народной Республике.

При содействии государственных структур УНР осенью 1918 г. были организованы в Бресте курсы украиноведения для учителей, открыты украинская школа и книжный магазин. В сентябре на курсах занималось 120 учителей из Полесья, Холмщины, Подляшья, в октябре — еще 200. Несмотря на объективные и субъективные причины (нехватка школьных помещений, учебной литературы, препятствия со стороны немецких оккупационных властей и т. д.), планировалось открыть 320 украинских школ¹. После подготовительной работы 1 декабря 1918 г. в Бресте прошел учредительный съезд «Просвиты». Много усилий по становлению украинского культурно-просветительского дви-

жения на Полесье в то время проявил комиссар Холмской губернии УНР Александр Скоропис-Йолтуховский. Тогда же кружки «Просвиты» появились в местечке Чернавчицы (под Брестом) и в Кобрине². После эвакуации немецких войск военно-политическая ситуация в регионе обострилась. Однако в условиях польской оккупации 1920-х годов все украинские учреждения перестали существовать.

После Рижского мирного договора от 18 марта 1921 г. на территории Полесского воеводства, образованного в составе Польского государства, согласно данным переписи населения 1921 г. украинцы составляли 6,6 % (63 808 человек) от всего населения. Официальные сведения переписи населения 1931 г. зафиксировали 53,6 тыс. украинскоязычных жителей (преимущественно в южных поветах (уездах) — Кобринском, Брестском и др.)³. Современный польский этносоциолог П. Эберхардт определил количество украинцев в западнополесском регионе в 49,5 тыс. человек⁴. Безусловно, что и в украинской, и в польской исторической науке имеются другие исследования, в которых фигурируют более высокие данные о количестве украинского населения на Полесье. Во многом такие показатели опираются на оценки украинских национал-демократических политических и общественных деятелей межвоенного времени, которые включали Полесье в украинскую этническую территорию, а его жителей («тутейших», «полешуков»), которые еще не имели сформированного национального сознания, нередко бездоказательно зачисляли в состав украинского населения⁵. Абсолютизируя языковые особенности местного населения, которые характерны для белорусско-украинского пограничья, не учитывается и игнорируется общность его экономической, общественно-политической жизни, неотрывная связь с историко-культурным развитием белорусского этноса.

В начале 1920-х годов на Полесье не наблюдалось активной общественной деятельности украинцев. Ее оживление связывается с легализацией товарищества «Просвита на Полесье» с центральной управой в Бресте (автономного от головной организации «Просвита» в Галиции). Среди его основателей были представители местной украинской интеллигенции, сторонники УНДО.

После подачи брестским врачом Василием Дмитриюком 6 августа 1921 г. заявления о регистрации организации польские власти под надуманными предлогами отказывали в этом более полутора лет. После избрания послом польского сейма В. Дмитриюку приходилось неоднократно предпринимать соответствующие действия в защиту национальных прав украинского населения и на парламентском уровне⁶. Только в марте 1923 г. полесский воевода утвердил устав «Украинского культурного товарищества «Просвита на Полесье».

Были открыты библиотеки-читальни, драмкружки в Брестском, Кобринском, Сарненском и других поветах, организован хор, готовилось открытие украинской средней школы в Бресте. Была налажена связь с руководством «Просвиты» в Галиции (Львов), украинскими представителями в польском сейме и сенате. Была торжественно увековечена память украинского писателя Олексы Стороженко (1806–1874), который в последние годы жил в Бресте и в пригороде — в деревне Тришин. Его именем была названа открытая в следующем (1924) году частная 7-классная украинская школа, при которой организованы курсы для взрослых. В декабре 1923 г. в деревне Дмитровичи Брестского повета был открыт филиал благотворительного общества «Ридна хата».

Развитие украинского культурно-просветительского движения на Полесье сильно напугало польские власти. В отчете полесского воеводского управления об общественно-политической ситуации в июне 1923 г. отмечалось, что «акция украинских деятелей против польской начальной школы поддерживается украинским населением, в некоторых местностях падает на хорошую почву»⁷. Активность украинских деятелей, которые на местах объединялись под видом кооперативов, признавалась польской военной администрацией более опасной, чем деятельность коммунистов. В отчете корпуса охраны пограничья (ДОК-IX) за 1923 г. отмечалось, что на Полесье «все больше ширится агитация со стороны украинской организации «Просвита» (украинские самостийники), которые под видом организации кооперативов объединяются в разных местах здешнего округа. Стремлением украинских самостийников является независимая Украина. Это движение более опасное, чем большевизм, поскольку его руко-

водители являются людьми интеллигентными, преимущественно с высшим образованием. ...Организация вообще очень активная, успешно развивает агитацию по деревням. В этом особенно отличаются попы (священнослужители) и учителя украинского происхождения. Чем дальше на юг, тем сильнее деятельность «Просвиты». На этих территориях агитаторы ведут себя очень враждебно, просто вызывающе, явно настраивают население против Польши. Кроме Бреста, опорными пунктами «Просвиты» являются Пинск, Лунинец, Сарны. В Сарненском повете за деятельностью «Просвиты» ведется тщательное наблюдение со стороны сыскной полиции (дефензивы), ее наблюдение охватывает Дубровицу, Высоцк...»⁸.

После принятия польским сеймом 31 июля 1924 г. «Закона о языке и организации школьного дела для национальных меньшинств» на Полесье была проведена кампания по составлению деклараций об открытии украинских школ. Развернутая весной 1925 г. кампания по сбору деклараций об открытии украинских школ проводилась в целом ряде поветов⁹, но не увенчалась успехом. Она натолкнулась на огромное противодействие как со стороны местной администрации, так и польских политических партий, культурно-просветительских организаций. Польские власти проигнорировали желание непольского населения иметь школы на родном языке. К 1928/1929 учебному году на Полесье отсутствовали белорусские и украинские государственные начальные школы. Незначительные уступки режима «санации» нисколько не изменили ситуацию. К 1930/1931 учебному году сохранилось лишь несколько польско-украинских школ¹⁰. Единственную среднюю украинскую школу в Бресте содержало товарищество «Просвита». Там проводились выставки, торжественные мероприятия в честь Т. Шевченко, И. Франко, общеобразовательные курсы для взрослых¹¹. Библиотеки-читальни товарищества занимались просветительской работой, художественной самодеятельностью — при отдельных из них были созданы хоры и драматические кружки¹².

Однако в первой половине 1920-х годов социальная база украинского движения была узкой. Только с активизацией национально-освободительной борьбы с середины 1920-х годов наблю-

далось расширение его влияния. Состоявшийся 11 июля 1926 г. в Бресте съезд украинского социалистического объединения «Селянский союз» не питал иллюзий относительно истинных намерений режима «санации», т. к. «земельные, школьные, культурно-национальные и хозяйственные нужды украинских крестьян нарушаются далее...»¹³. Съезд выдвигал не только требования социально-экономического характера, но и социально-культурного (свобода слова, печати, организаций, открытие украинских школ, протест против полонизации украинских детей в польских школах и др.).

С 1926 г. активизировало свою деятельность в защиту украинского населения Украинское крестьянско-рабочее объединение «Сельроб», которое имело на территории Полесского воеводства окружной комитет, более 100 кружков (около 1,5 тыс. человек). Влияние на активизацию национально-освободительной борьбы оказывали Белорусская крестьянско-рабочая Громада (имела свои кружки в Пружанском, Коссовском, Пинском, Лунинецком и других поветах Полесского воеводства) и Компартия Западной Белоруссии. Динамика роста количества библиотек-читален товарищества «Просвита» — преимущественно в феврале—апреле 1927 г. (общее их число достигло 61) — свидетельствует о переходе в них деятелей Громады сразу же после ее разгрома режимом «санации». На выборах в польский сейм в марте 1928 г. деятели «Просвиты» оказывали поддержку Сельробу. Избранный по списку Сельроба-левицы в Брестском округе Иван Грецкий вошел в состав белорусского посольского клуба «Змаганне». Парламентские фракции клуба «Змаганне» и Сельроба неоднократно налаживали сотрудничество.

Сельроб создал разветвленную сеть своих кружков в Брестском, Кобринском, Дрогичинском, Пинском, Столинском, Камень-Каширском и Сарненском поветах Полесского воеводства. Прошедшие на выборах в органы местного самоуправления активисты Сельроба настойчиво добивались открытия украинских школ. Украинские представители дважды пытались принять решение о публикации распоряжений магистрата в Бресте как на польском, так и украинском языке, но безуспешно. В принятой 24 марта 1927 г. декларации они заявили, что по-прежнему будут бо-

роться «со всеми проявлениями денационализации украинского населения, особенно в школьном и внешкольном воспитании»¹⁴.

По инициативе Компартии Западной Белоруссии деятели Сельроба переходили в легальные кружки и библиотеки-читальни товарищества «Просвита». Это способствовало развитию организационной сети «Просвиты» на местах. Согласно устава 1928 г., товарищество получило легальные возможности для развертывания в пределах Полесского воеводства сети собственных структурных единиц — филиалов, нацеленных на развитие просвещения и подъем культурного уровня украинского населения¹⁵. Количество кружков товарищества возросло со 112 (1 601 человек) в 1928 г. до 127 (1 754 человека) в 1929 г. в Брестском, Кобринском, Дрогичинском, Пинском, Столинском и Пружанском поветах¹⁶. Эффективно работали поветовые управы в Бресте и Кобрине. Одновременно с ростом сети кружков открывались новые библиотеки-читальни «Просвиты» — в конце 1928 г. их было уже 106 (в том числе в Брестском повете — 38, Кобринском — 44, Дрогичинском — 19, Пинском и Столинском — 5)¹⁷, а к началу 1929 г. — 127. Распространялись украинскоязычные газеты и журналы «Дило», «Сельроб», «Наше життя» и др., что выходили преимущественно во Львове. В Бресте проводились общеобразовательные и кооперативные курсы. Была продолжена пропагандистская акция по открытию украинских школ. Однако из-за преследования польских властей школьная кампания не имела ощутимых результатов. В отдельных местностях организовывались кооперативы, центры национальной культуры («Ридна хата»). Самодеятельные художественные коллективы налаживали театральные постановки.

При наличии кружков «Просвиты» крестьяне собирались в частных помещениях одного из его членов, организовывали чтение газет и журналов, беседы на разные общественные и хозяйственные темы¹⁸. Во время календарно-обрядовых праздников местные украинские активисты нередко собирали пожертвования для культурно-просветительской работы. В условиях распространенной неграмотности и малограмотности во многих местностях молодежь демонстрировала пассивное отношение к просвещению, что не давало возможности для сохранения и расширения сети библиотек-читален «Просвиты». Например, из-за слабого

посещения читателями была закрыта библиотека-читальня в деревне Селяхи Брестского повета¹⁹.

Кроме гонений со стороны польских властей, полноценной деятельности препятствовала нехватка финансовых средств, необходимых материально-технических ресурсов (для содержания украинской средней школы в Бресте, строительства там народного дома и др.). Крестьяне были преимущественно незажиточными, не имели необходимых средств для поддержки украинского движения. В ходе развернутой отдельными библиотеками-читальнями кампании, направленной на пропаганду здорового образа жизни, против алкоголя и табака, собирались средства для собственных нужд. Например, в кружках Сельроба в Иловской гмине Кобринского повета их члены обязались воздержаться от употребления водки, курения, чтобы сэкономленные деньги пустить на культурно-просветительские цели²⁰.

Однако деятельность «Просвиты» постоянно ограничивалась польскими властями. На съезде старост Полесского воеводства 16 марта 1927 г. была озвучена позиция польского правительства: не допускать консолидации и централизации отдельных кружков «Просвиты» в одну крепкую организацию²¹. Административно-полицейские органы всячески ограничивали контакты структур товарищества с Галицией, откуда головная организация «Просвита» (ее центральная рада во Львове) оказывала информационно-методическую и материальную поддержку. Помощь поступала также от других западноукраинских партий и организаций, украинских послов.

Материальную поддержку оказывали и с востока. До конца 1920-х годов товарищество «Просвита» получало помощь от коммунистов, которых целенаправленно поддерживали Коминтерн и ВКП(б). Так, в представленном для обсуждения на заседании Бюро ЦК КП(б)У проекте сметы расходов на украинскую работу за границей (документ датируется 6 января 1927 г.) среди прочего обозначены деньги на содержание средних школ в Бресте и Пинске (по 400 рублей единовременно), организацию там же сельскохозяйственных школ (по 3 тыс. рублей), сооружение народного дома в Бресте (4 тыс. рублей), организацию «Просвит» в Кобрине и Пинске (по 200 рублей)²².

Согласно концепции польских властей, Полесье должно было стать барьером для распространения украинского влияния с Галиции и Волыни, своеобразным «клином» между западнобелорусским и западноукраинским национальными движениями. Польская администрация опасалась, что под влиянием украинских организаций «несознательные» полешуки будут украинизироваться. Развернутые в начале 1930-х годов польскими властями репрессии против украинского движения на Полесье привели к его организационному упадку.

Идеологические противоречия между руководством и низовыми структурами товарищества «Просвита» отрицательно влияли на его деятельность. В начале 1930-х годов польские власти усилили репрессии против «Просвиты». В 1930 г. уцелели только 79 кружков «Просвиты» (1534 человека), в 1931 г. — 56 (1031 человек)²³. В начале 1932 г. насчитывалось 44 украинские хозяйственные площадки, а также 53 читальни «Просвиты»: 26 — в Кобринском повете, 21 — в Брестском, 3 — в Дрогичинском, 2 — в Пружанском, 1 — в Пинском²⁴.

Деструктивное влияние оказывал также политический экстремизм коммунистов, которые стремились превратить легальную культурно-просветительскую организацию в радикальное политическое объединение. В свою очередь в управе товарищества в Бресте преобладали сторонники УНДО и петлюровцы. Это выгодно использовал режим «санации» для нанесения очередных ударов по «Просвите». «После того, как было собрано достаточное количество материалов, однозначно свидетельствующих о тесном контакте отдельных кружков «Просвиты» с членами КПЗБ, служба безопасности потребовала от главного руководства убрать из товарищества подрывные элементы под угрозой прекращения деятельности всей организации»²⁵. На основании таких формальных предлогов под давлением административно-полицейских властей руководитель «Просвиты» на Полесье» Александр Базылевич вынужден был 1 июня 1932 г. закрыть 30 библиотек-читален, «очагов коммунизма».

В начале 1930-х годов Украинское педагогическое товарищество «Ридна школа», которое имело сильные позиции в Галиции, активизировало свою деятельность на Полесье для укрепления

там собственного влияния. К развернутой в конце 1932 г. по инициативе «Ридной школы» кампании по сбору заявлений относительно открытия украинских школ присоединились и структуры «Просвиты». В некоторых местностях молодежь собирала средства на подписку западноукраинской периодики²⁶. Из-за отсутствия низовых структур указанная школьная кампания на Полесье оказалась безуспешной. Среди причин такого отрицательного результата данной акции следует также учитывать сильное давление польских властей. Несмотря на целенаправленную пропагандистскую работу западноукраинских общественных структур, местное население отреагировало на это преимущественно пассивно. На наш взгляд, это является определенным контраргументом относительно исключительно украинского этнического характера западнopolесского региона, что настойчиво отстаивали в межвоенное время западноукраинские ученые, политические деятели национал-демократической ориентации и пытаются реланимировать на современном этапе отдельные украинские, польские исследователи.

В 1933 г. остались только 2 кружка «Просвиты». Были ликвидированы все сельские библиотеки-читальни, осталась только одна в Бресте. Фактически с этого времени «Просвита» в Полесском воеводстве пришла в упадок. Критическим было положение единственной украинской школы в Бресте. Руководители управы обращались за финансовой помощью во Львов — в «Ридну школу», Земский ипотечный банк, товарищество «Днистро», к украинским парламентариям. Небольшую поддержку в виде кредита предоставил также Украинский кооперативный банк (Брест). Инициированная «Ридной школой» осенью 1932 г. акция по открытию украинских школ на Полесье не увенчалась успехом из-за отсутствия там ее низовых структур.

Функционирование товарищества «Просвита» с весны 1933 г. на территории Полесского воеводства не подтверждается документально, но галицийские национал-демократические силы продолжали осуществлять украинизацию местного населения²⁷. Несмотря на сильное противодействие польской администрации, акцент был сделан на создание украинских кооперативов, сельскохозяйственных кружков, связанных с организациями Га-

лиции, распространение украинскоязычной прессы, литературы, проведение экскурсий, школьных акций (сборов деклараций об открытии украинских школ). Были также основаны украинские кооперативные банки в Бресте и Кобрине. Украинская пропаганда осуществлялась через прессу, литературу, которые бесплатно направлялись по почте местным активистам или нелегально завозились из Львова, Луцка²⁸. Соответствующая агитация наблюдалась и со стороны ксендзов, монахов, псаломщиков греко-католического и византийско-славянского обрядов²⁹.

В 1930-е гг. западнобелорусская интеллигенция пыталась наладить более тесные контакты с западноукраинскими организациями, в том числе с «Просвитой» во Львове. Созданный в Вильно двумя западнобелорусскими культурно-просветительскими организациями (Товариществом белорусской школы и Белорусским институтом хозяйства и культуры) Школьный секретариат 17 июля 1936 г. обращался к «Просвите», журналу «Ридна школа» во Львове за помощью в деле защиты интересов белорусов в прессе, польском сейме и сенате (в то время там уже не было белорусских представителей)³⁰. Однако до плодотворного сотрудничества дело не дошло.

Под влиянием западноукраинских организаций некоторое оживление общественно-культурной деятельности на Полесье наблюдалось в 1937–1938 гг. Летом 1937 г. туда были организованы этнографические экспедиции, туристическо-краеведческие путешествия польских вузовских преподавателей и студентов-украинцев. На общем съезде товарищества «Ридна школа» (Львов, 25 декабря 1936 г.) поднимался вопрос о расширении работы по укреплению национального сознания украинского населения. Планировалось придать деятельности организации большую динамичность, активизировать противостояние полонизации регионов, где было украинское население, среди которых признавалось и Полесье. Развернутую в ноябре 1937 г. товариществом «Ридна школа» очередную акцию по сбору подписей за открытие украинских школ планировалось провести и на территории Полесья³¹. Повестовым старостам было приказано решительно не допускать собраний, сбора подписей, создания комитетов «Ридной школы», конфисковывать инструкции, воззвания и другую

печатную продукцию. Ограничительные меры касались товариществ «Ридна школа» и «Просвита». Летом 1938 г. через «Просвиту» начали организовываться экскурсии украинской молодежи Полесья в Галицию. Однако данная активизация деятельности со стороны западноукраинских организаций вызвала серию ограничительных и репрессивных мер польских властей³². Реанимировать украинское движение на Полесье в его организационных структурах до сентября 1939 г. так и не удалось.

В целом, украинская общественно-политическая и культурно-просветительская деятельность на Полесье охватывала только его южную часть — нынешнее белорусско-украинское пограничье. Возникшее там в 1916–1918 годах при покровительстве оккупационных кайзеровских властей украинское движение пришло в упадок под ударами польской оккупации 1919–1920 годов. Возрождение украинской деятельности вновь началось с 1923 г., когда усилиями местной украинской интеллигенции была создана региональная культурно-просветительская организация — «Просвита на Полесье». Под влиянием левых западнобелорусских и западноукраинских партий и организаций товарищество «Просвита» сумело создать на территории Полесского воеводства во второй половине 1920-х — начале 1930-х годов относительно разветвленную сеть кружков и библиотеч-читален. Однако в начале 1930-х годов из-за целенаправленной политики польских властей товарищество «Просвита» в данном регионе пришло в упадок. Хотя в условиях репрессивно-ограничительной практики со стороны польской администрации до сентября 1939 г. на Полесье так и не смогла возродиться украинская организационная структура, но при помощи западноукраинских национал-демократических сил осуществлялась определенная работа по украинизации местного населения. В отличие от Галиции и Волыни украинская деятельность на Полесье имела эпизодический характер.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мір. 1918. 1 жовтня.

² *Вабищевич О.* Український культурно-просвітній рух на Поліссі (1920–30-ті рр.) // Пам'ятки України: історія та культура. 2002. № 3–4. С. 110.

³ Государственный архив Брестской области (ГАБО). Ф. 1. Оп. 9. Д. 45. Л. 5.

⁴ Eberhardt P. Struktura narodowościowa Polski północno-wschodniej w latach trzydziestych XX wieku // Społeczeństwo białoruskie, litewskie i polskie na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej (Białoruś Zachodnia i Litwa Wschodnia) w latach 1939–1941: materiały z konferencji naukowej, Warszawa, 24–26 listopada 1993 r. Warszawa, 1995. S. 52.

⁵ Hawryluk J. «Краје рускіе Биeлск, Мiеlnик, Дроhicзуп» — «Русские края Бельск, Мельник, Дрогичин»: Rusiny-Ukraincy na Podlaszu — fakty i kontrowersje. Bielsk Podlaski, 2001. С. 54.

⁶ Вабищевич А.Н. Общественно-культурная жизнь украинцев в Полесском воеводстве в 1921–1939 гг. // Вісник Харківського національного ун-ту ім. В.Н. Каразіна. 2006. № 728. Історія. Вип. 38. С. 303.

⁷ ГАБО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 364. Л. 27.

⁸ Там же. Д. 17. Л. 25.

⁹ Там же. Ф. 1. Оп. 9. Д. 114. Л. 55.

¹⁰ Gąsiorowski Z. Szkoła na Polesiu na tle stanu i potrzeb szkolnictwa Rzeczypospolitej. Brześć nad Bugiem, 1930. S. 34.

¹¹ Наше життя. 1926. 11 квітня; 21 березня.

¹² Наше життя. 1926. 12 вересня.

¹³ Наше життя. 1926. 25 липня.

¹⁴ Наше життя. 1927. 8 травня.

¹⁵ Статут Українського Товариства «Просвіта» на Поліссі. Brześć nad Bugiem, 1928. S. 3.

¹⁶ ГАБО. Ф. 1. Оп. 9. Д. 46. Л. 69.

¹⁷ Там же. Д. 616. Л. 58обр.

¹⁸ Берестейський край. 1996. № 9. С. 4.

¹⁹ Наше життя. 1929. 14 квітня.

²⁰ Наше життя. 1927. 27 березня.

²¹ ГАБО. Ф. 1. Оп. 9. Д. 297. Л. 5.

²² Винниченко І. Українці Берестейщини, Підляшшя й Холмщини в першій половині ХХ століття: Хроніка подій. Київ, 1997. С. 269–270.

²³ ГАБО. Ф. 1. Оп. 9. Д. 46. Л. 69.

²⁴ Там же. Д. 2253. Л. 24.

²⁵ Берестейський край. 1997. № 2 (11).

²⁶ ГАБО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 6. Л. 301.

²⁷ Черняк Ю.В. Деятельность украинских организаций и их вооруженных формирований на территории Западной Беларуси в годы Великой Отечественной войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Минск, 2007. С. 3–4, 11.

²⁸ ГАБО. Ф. 1. Оп. 10. Д. 1507. Л. 80.

²⁹ Там же. Д. 1518. Л. 32–33.

³⁰ Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 883. Оп. 1. Д. 115. Л. 59–60.

³¹ Iwanicki M. Oświata i szkolnictwo ukraińskie w Polsce w latach 1918–1939: praca habilitacyjna. Siedlce, 1975. S. 88.

³² ГАБО. Ф. 1. Оп. 10. Д. 1507. Л. 35–36.

Геннадий Геннадиевич
ДЕДУРИН

БЕЛОРУССКИЙ ВЕКТОР В ПОЛИТИКЕ ЮЗЕФА ПИЛСУДСКОГО

Уроженцу Виленщины Юзефу Пилсудскому суждено было стать одной из наиболее знаковых фигур польской истории XX века. Именно с ним ассоциируется восстановление польской государственности в 1918 году. Однако Ю. Пилсудский оставил заметный след не только в истории польского народа. История Польши первой половины прошлого века тесно переплетена с историей белорусского народа, который в ту пору только встал на путь поисков своего национального самосознания. Первая мировая война, Февральская революция в России и распад империи несколько ускорили этот процесс. Белорусы впервые получили теоретический шанс обретения собственной государственности. Именно тогда белорусский вопрос вышел за рамки этнокультурных изысканий, попав в сферу внимания влиятельных политических деятелей, в том числе и Ю. Пилсудского, который решил использовать белорусский вектор своей политики в качестве одного из инструментов построения мощного польского государства.

Жизнь и деятельность Ю. Пилсудского неоднократно привлекала внимание как польских историков¹, так и исследователей из других стран². В контексте исследуемой проблемы интерес представляют работы А. Чубинского³, Е. Мироновича⁴, А. Тихомирова⁵, Ю. Борисёнка⁶. Впрочем, за исключением двух небольших публикаций белорусских историков Г. Лазько и Н. Мезги⁷, в историографии отсутствуют исследования, посвященные именно взглядам начальника польского государства на белорусскую проблему в контексте поисков национальной идентичности народами Центральной и Восточной Европы межвоенного периода. Это указывает на актуальность темы, избранной автором.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы выяснить какое влияние оказали взгляды Ю. Пилсудского в белорусском вопросе на политику польского государства в отношении белорусов как в период до Рижского договора 1921 года, так и в последующие годы, когда часть этнических белорусских земель находилась в составе II Речи Посполитой.

Для возрожденного польского государства одной из первостепенных задач было определение собственных границ. В среде польских политиков имелось две концепции на этот счет — федералистская и инкорпоративная, сквозь призму которых и следует рассматривать формирование польской восточной политики. В историографии преобладающим является мнение, что сторонниками федералистской концепции были левые политические партии, и в наиболее концентрированном виде ее выразил именно Ю. Пилсудский, желавший создать вокруг польского ядра ряд политически и экономически связанных с Польшей на принципах федерации государственных образований. Таким образом, вполне реальным представлялось восстановление границ Польши в пределах 1772 года⁸.

Однако не все исследователи разделяют подобную точку зрения. В частности, польский историк А. Чубинский выразил предположение, что ошибочно отождествлять взгляды Пилсудского и некоторых лидеров левых партий по данному вопросу. По его мнению, при более детальном ознакомлении с взглядами начальника государства становится ясно — федералистская концепция была нужна Пилсудскому только для разрешения виленской проблемы. Будучи уроженцем тех земель, он не представлял Польшу без Вильно, в то же время и литовцы не желали отказываться от этого города. В данной ситуации наилучшее разрешение задачи Пилсудский видел в польско-литовской унии⁹. Такая трактовка федералистских устремлений польского лидера, на взгляд автора, является слишком узкой, но, анализируя дальнейший ход событий, нельзя не отметить в ней наличия определенного рационального зерна, особенно учитывая то, что белорусский вопрос в 1918—1921 годах для Пилсудского был очень тесно переплетен с тем, как складывались его отношения с литовцами.

На позициях инкорпоративизма стояла польская правящая во главе со своим идеологом Романом Дмовским. Национал-демократы считали, что необходимо строить унитарное, единое польское государство без предоставления какой-либо автономии народам, которые окажутся в его составе. Для эффективного проведения политики ассимиляции часть не-поляков должна была быть относительно небольшой¹⁰. Какое же место в этих планах отводилось белорусам? Еще на рубеже XIX—XX веков поляки выработали теорию, согласно которой белорусы, в особенности западные, считались с этнографической точки зрения белорусами, а с национальной и политической — поляками¹¹.

Однако важную роль сыграли события 1919 г., связанные со стремлением Польши получить международное признание, обострением отношений с государствами Балтии и, прежде всего, с начавшейся советско-польской войной. По мнению некоторых историков, ее главным лейтмотивом был территориальный, геополитический фактор, заключавшийся в стремлении Польши расширить свое влияние за этнические пределы, оторвав от России смежные территории, в том числе и Белоруссию¹², что заставило польских политиков отказаться от крайних формулировок в отношении белорусов.

Во время польского зимне-весеннего наступления 1919 г. начальник государства был чрезвычайно заинтересован в завоевании поддержки местного населения, при каждом удобном случае подчеркивая свои федералистские устремления. Уже в феврале 1919 г. его декретом был создан Генеральный комиссариат восточных земель, на который возлагались функции временной административной власти на оккупированных территориях¹³. 5 марта 1919 г. им было издано распоряжение о том, что «во всех областях, занятых польскими войсками, официальным языком является польский»¹⁴. Естественно, что действие этого распоряжения распространялось и на белорусские территории. Оно вызвало определенное напряжение во взаимоотношениях с представителями белорусского движения. Пилсудский вскоре понял, что это решение было преждевременным, и в своем воззвании к белорусам и литовцам от 29 апреля 1919 г. заверял: «Польское войско, которое я приведу с собой, положит край многолетнему

насилию и национальному угнетению, оно несет вам всем освобождение и свободу. Я хочу дать вам возможность решить собственные национальные и религиозные проблемы по вашему желанию, без всякого давления Польши»¹⁵.

Вообще, Пилсудский много говорил о том, что единственной задачей польской политики в восточном направлении является освобождение литовских, украинских, белорусских земель от российского гнета, и если освобожденные народы, в силу общности исторических судеб, захотят установить более тесные отношения с Польшей, поляки будут рады поддержать их в этом начинании, но ни в коем случае они не пойдут на присоединение этих земель силой. Однако теоретические рассуждения отличались от реального хода событий. В архивах не осталось ни одного законопроекта 1919–1920 годов, который свидетельствовал бы о том, что Пилсудский действительно хотел пойти навстречу национальным и государственным устремлениям белорусов¹⁶. Все ограничивалось общими фразами и личными обещаниями.

К концу июля 1919 года поляки вплотную подошли к Минску и вопрос о судьбе белорусских территорий стал еще более актуален. Почерпнуть некоторую информацию по этому поводу можно из записки начальника политического отдела департамента восточных земель М. Свеховского об основах польской политики на литовско-белорусских землях от 31 июля 1919 г. Ее целью было создание условий для свободного национального развития польского населения на восточных землях. Для этого предлагалось отодвинуть границы как можно дальше от центра Польши, чтобы защититься от угрозы со стороны России. С этой целью предлагалось создать формально независимую литовско-белорусскую федерацию. При этом в ее состав планировалось включить восточные белорусские земли — Минщину, Могилевщину, Витебщину, куда и предусматривалось переместить центр тяжести белорусского движения, тогда как Виленская и Гродненская губернии должны были остаться исключительно в сфере польского влияния, и белорусское движение на этих территориях поддерживать никто не собирался¹⁷.

Тогда подобное решение белорусского вопроса представлялось оптимальным как для самого маршала, так и для его сторон-

ников. Еще несколькими месяцами ранее в интервью одному из французских изданий по поводу создания подобной федерации польский лидер отметил: «...К этому необходимо стремиться, хотя данное задание и не является простым, с белорусами, по моему мнению, поляки довольно быстро найдут общий язык, с литовцами же будет трудней...»¹⁸. Залогом уверенности Пилсудского, вероятно, были военные успехи, достигнутые на тот момент поляками, и слабая организация белорусского движения в целом.

Приведенные факты убедительно показывают, что даже в период наибольших заигрываний с представителями белорусских национальных сил, польские политические круги в лице федералистов, не говоря уже о инкорпоративистах, и не помышляли о признании Белорусской Народной Республики, провозглашенной в марте 1918 года. Сам Пилсудский, несмотря на щедрые посулы белорусским лидерам, даже в период 1918–1919 гг. исключал любую трактовку отношений с БНР как с отдельным государственным образованием¹⁹. Хотя, для того чтобы внести раскол в белорусское движение, польская сторона предпринимала некоторые тактические ходы, внешне демонстрировавшие ее лояльность к белорусам.

В этом ключе следует рассматривать изданный Пилсудским 22 октября 1919 г. декрет о формировании двух батальонов белорусского войска и белорусской военной комиссии под председательством П. Алексюка, однако во главе этого бледного подобия вооруженных сил был поставлен польский полковник В. Конопакский, что сразу свело к минимуму для представителей белорусского движения возможность самостоятельно распоряжаться этими формированиями²⁰.

Что касается принципов, на которых основывалась бы предполагаемая автономия, то здесь польские политики старались избежать конкретики, ссылаясь на то, что в момент, когда еще не завершены военные действия, преждевременно касаться этого вопроса.

Неопределенность позиций федералистов, на взгляд автора, объясняется также отношением Пилсудского к разрешению вопроса восточных окраин в конце 1919 года. Судя по документальным источникам, он связывал его, прежде всего, с опреде-

лением характера польско-литовских отношений, что косвенно подтверждает справедливость точки зрения некоторых польских историков, в частности, уже упоминавшегося А. Чубинского, на сущность федералистских взглядов Пилсудского. Сходные позиции занимал и Р. Вапинский, писавший, что начальник государства в отношении данной проблемы предусматривал два варианта развития: либо, пообещав литовцам содействие в образовании Великого княжества Литовского с включением в его состав части белорусских земель, добиться признания ими федералистской концепции, предлагаемой поляками, либо, если с литовцами договориться не удастся, прибегнуть к заключению договора между польской частью «восточных кресов» и Белоруссией. При этом, насколько не были слабы государственные устремления белорусов, все же восточные области, не являясь этнически польской территорией, будут требовать особого отношения²¹. Другими словами, Пилсудский не исключал возможности объединения всей Белоруссии под польским началом, даже допуская в данном случае предоставление ей автономии, ограниченной, как это видно из его выступления на совещании в Вильно 1 февраля 1920 г., лишь сферой культуры: «Я за некоторые значительные уступки в области культурного развития белорусов, но политических уступок в пользу белорусов делать не собираюсь»²². Удивительно, что это стало неожиданностью для некоторых представителей белорусского движения, даже учитывая тот факт, что Пилсудский никогда не рассматривал Белоруссию как отдельное государство. Еще в 1899 г. в письме к одному из лидеров ППС Л. Василевскому он отмечал: «Беларусь с Литвой следует объединить в одно образование по следующим причинам: единство правовых, административных и исторических условий их развития наталкивает на подобную мысль. Кроме того, та же самая идентичность доминирует и в этнографическом составе, и в общественных отношениях...»²³.

В феврале 1920 года II департаментом Военного министерства был подготовлен специальный обзор опубликованных в прессе материалов по белорусскому вопросу. В нем четко прослеживались две главные тенденции: левая пресса желала, чтобы Виленская, Гродненская и Минская губернии выразили свою свободную

волю путем плебисцита, считая, что при поддержке элементов, стремящихся к независимости Белоруссии, эти земли войдут в столкновение с Россией и будут искать союзника в Польше, а затем вынуждены будут войти в федерацию или унию с ней. При этом левые издания настаивали, чтобы белорусские национальные элементы уже теперь нашли поддержку польского правительства. Напротив, печатные органы, подконтрольные польской правящей элите, видели в этих землях лишь стремление присоединиться к Польше или России, не веря в способность белорусского народа к образованию своего государства, и правая печать выступала решительно против поддержки попыток создания независимой Белоруссии²⁴.

Сопоставив эти данные с тогдашними представлениями начальника государства о разрешении проблемы «восточных кресел» и, в частности, белорусского вопроса, нельзя не отметить, что взгляды федералиста Пилсудского были куда ближе к идеям польской правящей элиты, чем к интерпретации федералистской концепции в лагере левых политических сил, что еще раз заставляет вспомнить мнение А. Чубинского и ряда других польских историков, подвергших критике утверждение об идентичности федералистских представлений Пилсудского и партий левицы. Однако интересно отметить, подавляющее большинство как левых, так и правых польских политиков не подвергало сомнению тот факт, что западнобелорусские земли должны быть неотъемлемой частью Польши²⁵. Учитывая мнение политических кругов страны, а также успехи польской армии, оккупировавшей к весне 1920 года почти всю территорию Белоруссии (по мнению польской стороны, заигрывания с представителями белорусского движения в этих условиях были уже неактуальны), Пилсудский решил окончательно развеять иллюзии той части белорусских деятелей, которая надеялась на поддержку Польши в деле становления собственной государственности.

8 марта 1920 г. польское правительство официально заявило, что не собирается признавать независимость и целостность БНР. В протоколе тайного заседания Совета министров Польши по вопросам мирных переговоров с Советским правительством, говорилось: «В соответствии с договоренностью председателя

Совета министров с господином начальником государства о белорусском вопросе, было постановлено: следует отказаться от планов создания белорусского государства, союзного с Польшей, зато надо сделать белорусам уступки в области самоуправления и культуры на территории Минского округа и на других восточных территориях. Гродненщина и Виленщина будут включены в состав Польши, без всяких уступок белорусам»²⁶. Это решение не встретило сколь-либо серьезных возражений в политических кругах II Речи Посполитой, означая, что такое «разрешение» белорусского вопроса вполне устраивало как федералистов, так и инкорпоративистов.

Встревоженные белорусские деятели пригласили представителей польского правительства на совместную конференцию по белорусскому вопросу, которая состоялась 20–24 марта 1920 г. в Минске. На ней поляки продемонстрировали, что от былых рассуждений о формировании отношений на равных не осталось и следа. Из 29 предложений белорусской стороны безоговорочно были отвергнуты все, касавшиеся защиты целостности Белоруссии, самоопределения на основе волеизъявления народа, равноправия языков. Удовлетворены были лишь незначительные требования об организации системы местного самоуправления и культуры на территории Восточной Белоруссии. Финансовые требования белорусов были сокращены почти в три раза²⁷. Однако военные действия, развернувшиеся на польско-советском фронте в 1920 году, в результате которых к августу угроза оккупации нависла уже над Варшавой, заставили польских политиков временно отказаться от активного обсуждения белорусского вопроса. А условия подписанного в октябре 1920 года preliminary мира и, затем, Рижского мирного договора 18 марта 1921 г., делали концепцию инкорпоративизма единственно приемлемой для разрешения белорусского вопроса.

Оправдывая неудачу федералистских планов II Речи Посполитой, Пилсудский по окончании советско-польской войны отметил: «Это была великая идея... прекрасно задуманная, но плохо выполненная. Ни с национальной точки зрения, ни с военной... дело не стояло на должной высоте. В силу своего теперешнего экономического положения Польша оказалась бессильной вы-

полнить эту задачу...»²⁸. Несколько позже, говоря о фиаско федералистской концепции, начальник государства пытался доказать, что основная причина этого заключалась не в Польше и принципах ее восточной политики, а в самих «кресах», оказавшихся неспособными воспринять прогрессивные идеи польской стороны: «Принципы федерации не могли быть применены на восточных землях. Насажение их силой находилось бы в противоречии с сутью данных принципов... между тем, и обнаружить сил, желавших бы добровольно пойти на подобную федерацию, не удалось»²⁹. Конечно, здесь Пилсудский лукавил, но такими рассуждениями он подводил к мысли, что реализация инкорпоративистской концепции была вполне закономерной и адекватной той ситуации, которая сложилась на «восточных кресах». Этим он снимал с себя ответственность за неудачу федералистских планов, что помогло ему сохранить относительно высокую степень доверия к собственной персоне в среде национальных меньшинств, в частности и белорусов, что наглядно продемонстрировали события майского переворота 1926 года³⁰.

Возвращение к власти Ю. Пилсудского было достаточно благосклонно встречено национальными меньшинствами. Во время майского переворота они, в целом, заняли позицию благожелательного нейтралитета, что стало немаловажным фактором, позволившим маршалу относительно легко вернуть власть в стране. Чем же это было обусловлено?

Во-первых, недовольством национальной политикой предшествующих правительств, которые, хотя и шли на отдельные уступки, но так и не смогли выработать четкой линии в отношении к меньшинствам. Во-вторых, сохранилась память о федералистских планах маршала. Несмотря на то что Ю. Пилсудский не пошел далеко по пути их реализации, оптимисты трактовали это как следствие противодействия политиков из лагеря национальных демократов.

Однако вскоре практические шаги первого «санационного» правительства К. Бартеля показали, что новый режим не спешит идти навстречу национальным меньшинствам. Прояснить ситуацию должно было совещание Совета министров 18 августа 1926 г., на котором в присутствии Ю. Пилсудского обсуждались

«Директивы для государственных властей в деле отношения к национальным меньшинствам», составленных министром внутренних дел, бывшим Полесским воеводой, К. Млодзяновским³¹.

Суть доклада К. Млодзяновского сводилась к констатации бесперспективности и ошибочности проводимой ранее национальной политики. Докладчик указал, что наиболее слабыми ее сторонами являлось отсутствие четких хозяйственных программ развития, особенно «восточных кресов», недостаточное внимание к деятельности административного аппарата на местах. С иных позиций предлагалось подойти и к реализации языковых законов, прекратив ревизию постановления от 31 июля 1924 г., тем самым упростив механизм подачи заявлений на открытие национальных школ.

«Директивы» предусматривали сохранение общего направления на ассимиляцию, но с отказом от ее форсированных темпов и с учетом некоторых культурных и экономических потребностей меньшинств. Содержание документа в основном соответствовало взглядам большинства польских политиков, склонявшихся к тому, что проблему национальных меньшинств можно решить путем внесения корректив в деятельность местных администраций и отдельных уступок, оставляя неизменными сами основы польской национальной политики. Это подтверждают и слова, резюмировавшие выступления министра на совещании: «В отношении к национальным меньшинствам следует исходить из реальных культурных, хозяйственных и социальных потребностей, установив, какие из них... можно удовлетворить. Таким образом, будет создан естественный мост к культурной ассимиляции, осуществив которую, можно будет перейти и к национальной»³².

Важно отметить, что эти слова касались, в первую очередь, немецкого, украинского и литовского меньшинств. Белорусы же по-прежнему не воспринимались как полноценная национальная единица. Предполагалось, что для обеспечения лояльности белорусов к власти достаточно будет пойти на некоторые уступки социально-экономического плана, не слишком утруждая себя их национально-культурным развитием.

«Директивы» содержали основы программы государственной ассимиляции меньшинств как переходного этапа к их пол-

ной полонизации. Признавая неизбежность отдельных уступок, которые бы не подрывали основ унитарного государства, маршал призывал свести их к минимуму, замечая, что права национальных меньшинств и так достаточно широко гарантированы в конституции и других законодательных актах Речи Посполитой. Отдельно Ю. Пилсудский раскритиковал предложения об уступках в языковом вопросе, сделав акцент на том, что польский должен оставаться доминирующим на всей территории государства. О распространении же национальных языков он высказался весьма критически, в частности о белорусском: «... язык их такой трудный, что не может быть употребим в школе либо в местных органах власти»³³.

Отношение маршала к «Директивам» было достаточно прохладным, и он занял нейтральную позицию, когда речь зашла об отставке К. Млодзяновского и министра вероисповеданий и народного образования Ю. Суйковского. 24 сентября 1926 г., по результатам голосования в сейме, инициированного польскими христианскими-демократами и национал-демократами, они были освобождены от занимаемых должностей³⁴. В качестве повода к этому послужила их якобы излишне либеральное отношение к национальным меньшинствам.

Вскоре пало и правительство К. Бартеля. Новый кабинет в октябре 1926 года сформировал и возглавил уже непосредственно Ю. Пилсудский. Тем не менее, несмотря на отставку К. Млодзяновского, новый премьер решил взять за основу его предложения в области национальной политики. Это было закономерно, так как на данном этапе Ю. Пилсудский не рассматривал вопрос о национальных меньшинствах в качестве проблемы первостепенной важности, требующей безотлагательного решения.

Первыми практическими шагами в этом направлении стало создание Института национальных вопросов и созыв комиссии экспертов по тем же вопросам при Совете министров. Обеими институциями заведовал Т. Голувко³⁵. Результатом их деятельности стали разосланные в ноябре 1926 г. директивы кураторам школьных округов. В них требовалось устранить любые проявления силового насаждения внешних черт «польскости»³⁶. Это вполне соответствовало основам политики государственной ас-

симиляции, предусматривавшей постепенное приобщение населения «восточных крессов» к польской культуре с целью их окончательного растворения в ней.

Для упрощения этого процесса предполагалось создать видимость уважительного отношения к местным языкам, обычаям, что могло существенно снизить недоверие украинцев и белорусов к инициативам польских властей. Однако для реализации этих планов была необходима поддержка польских политических кругов, чего как раз и не доставало. И эта программа, как и многие другие в отношении национальных меньшинств, повисла в воздухе. К тому же на рубеже 1926–1927 годов главные инициаторы активизации национальной политики в лагере пилсудчиков Т. Голувко и Л. Василевский стали отодвигаться на второй план представителями консервативного крыла. По времени это совпало с процессом над Белорусской крестьянско-рабочей громадой³⁷.

Нельзя не отметить, что приход к власти Ю. Пилсудского внес некоторые коррективы в положение национальных меньшинств, в том числе и белорусов. Однако они не нашли какого-либо конкретизированного документального оформления, что было следствием по-прежнему присутствовавшей недооценки национального вопроса в польских верхах³⁸. «Директивы» К. Млодзяновского не стали формулой действия для государственного аппарата, как этого хотел их создатель, но стали основой для дальнейшей работы над программой правительственной политики, а идея государственной ассимиляции легла в ее основу. На практике это привело к определенным второстепенным уступкам в пользу меньшинств в области культурного развития и их экономического положения, причем реализованных непоследовательно и сочетавшихся с репрессивными мерами.

Как же сказался переход к политике государственной ассимиляции на положении белорусского меньшинства? Первые месяцы после переворота давали некоторый повод для оптимистических прогнозов. Ю. Пилсудский пообещал белорусам в скором времени созвать совещание четырех воевод в Вильно. Цель совещания — разработка плана создания из западнобелорусских земель отдельной административной единицы, организация об-

щекраевого комитета всех национальностей региона, объединение всех школьных кураторий Западной Беларуси в Виленской куратории³⁹. Эти обещания летом—осенью 1926 г. оказались подкреплены рядом конкретных, хотя и менее значимых мер, принятых польской стороной.

В Вильно создали комиссию по организации школьного дела, созвали совещание белорусских деятелей по вопросу о белорусской орфографии. Вышел указ министра внутренних дел о допуске белорусского и украинского языков в госучреждения и обязательном их изучении чиновниками. Появилось распоряжение для местных властей издавать приказы параллельно на польском и белорусском языках, началась подготовка к печати Министерством просвещения и вероисповеданий белорусских учебников, напечатанных латиницей⁴⁰. Велись разговоры о предоставлении статуса государственных белорусским гимназиям. Более серьезно к белорусской проблеме, особенно в свете роста движения «Громады», стали подходить и польские власти на местах, характеризовавшие ее как «чрезвычайно актуальную и требующую безотлагательного решения»⁴¹.

В первые месяцы после переворота белорусы смогли достичь определенных практических успехов в области национального просвещения. Уже в 1926 г. правительство стало финансировать летние учительские курсы, белорусский язык начали преподавать в ряде семинарий (в Троках, Вильно, Щучине, Слониме). Курс белорусского языка был введен и в Виленском университете⁴². Возросло количество белорусских начальных школ. Если в 1925/26 их оставалось 3, то уже в 1926/27 году школ стало 8, а в следующем году — 26. Правда, количество обучавшихся в них детей возросло незначительно — с 1750 в 1925/26 до 2254 в 1927/28 году⁴³.

Большое значение в увеличении белорусских национальных школ сыграло Товарищество белорусской школы (ТБШ), деятельность которого с 1926 г. распространялась на все четыре западнобелорусские воеводства⁴⁴. Товарищество организовало масштабную кампанию среди населения по сбору деклараций в поддержку открытия национальных школ. Головная управа ТБШ даже издала особую инструкцию «Как добиваться государственной белорусской школы», где крестьянам пояснялось,

как они должны воспользоваться законами от 31 июля 1924 г. и дополнениями к ним от 7 января 1925 г.⁴⁵ Если в 1924/25 учебном году было подано 16 тыс. деклараций на открытие 412 школ, то в 1927/28 — почти 30 тыс. деклараций на открытие 1229 школ, хотя действительно открылось лишь 50, из них 32 утравкистских (двуязычных)⁴⁶.

Однако значение этой кампании оказалось, прежде всего, даже не в ее практических результатах, а в пробуждении в белорусском крестьянине национального самосознания, готовности бороться за свои законные права. Этого не могли не увидеть и польские органы власти. Так, в сообщении полицейского коменданта Берштадской гмины Гродненского повета от 20 февраля 1927 г. отмечалось: «Белорусское население стремится к созданию в своей местности белорусских школ и сохранению своих обычаев и языка. К полонизации не склонно, и старается остаться в своем нынешнем положении как можно дольше»⁴⁷.

Произошли изменения и в положении белорусских средних учебных заведений. 18 февраля 1927 г. вышло распоряжение Министерства вероисповеданий и народного образования для куратории Виленского школьного округа, предусматривавшее, в частности, оказание государственной поддержки Новогрудской гимназии⁴⁸. Опираясь на этот документ, 24 марта того же года родительский комитет гимназии обратился к руководству школьного округа с просьбой предоставить ей государственный статус. Однако он получил решительный отказ, в котором, между прочим, говорилось: «О предоставлении гимназии государственного статуса не может быть и речи, скорее встает вопрос, является ли допустимым, чтобы школа такого уровня и в таких условиях вообще существовала...»⁴⁹. Далее акцентировалось: максимум, на что могут рассчитывать белорусы, превращение Новогрудской гимназии в филиал государственной польской гимназии. По мнению окружных властей, это улучшило бы условия обучения белорусов и позволило избежать в ее стенах распространения антипольской агитации. Данный факт наглядно подтверждает то, что между директивами, поступавшими из Варшавы, и их практической реализацией на местах, часто существовали непреодолимые препятствия.

В конечном счете, на практике оказался реализован именно план учебного округа, когда летом 1928 г. Виленская и Новогрудская белорусские гимназии стали филиалами польских гимназий соответственно им. Ю. Словацкого и им. А. Мицкевича⁵⁰. Это формально упрощало выпускникам гимназий процедуру поступления в высшие учебные заведения, но белорусские гимназии теряли свою самостоятельность. Одновременно с превращением в филиалы Виленской и Новогрудской гимназий была приостановлена работа гимназии в Радошковичах, а в 1929 г. ее вообще ликвидировали. По версии польских властей это произошло из-за небольшого количества учеников и слабой профессиональной подготовки преподавателей⁵¹.

По-прежнему лишь незначительное количество белорусов могло попасть в университеты. Это было следствием как недостатка средств на обучение у большинства белорусских семей, так и существовавших ограничений на поступления представителей национальных меньшинств в вузы. В Виленском университете наибольшее число белорусских студентов за все 1920-е гг. было зафиксировано в 1929/30 учебном году — 61 человек⁵².

Разгром Громады стал сигналом для начала нового наступления на национальные права белорусского населения в Польше. Оно было обусловлено тем, что, по мнению польской стороны, нейтрализация громадского движения, лишив белорусов их наиболее массовой организации, создавала ситуацию, при которой они были не в состоянии оказать сопротивление ассимиляции. Не последнюю роль в этом повороте сыграло и изменение национальной политики в БССР. Отказ от белорусизации, начало преследования ее активных участников стимулировало польские власти в проведении курса на ужесточение собственной линии в национальном вопросе на «кресах».

Одним из первых, благодаря тесным связям с национальным движением, под волну репрессий попало ТБШ. В 1928 г. оно представляло собой крупную просветительскую организацию белорусов, под контролем которой находилось 130 библиотек-читален, 40 народных домов. К тому времени количество кружков ТБШ достигло 430 и они объединяли до 15 тыс. человек⁵³.

Вновь приобрели актуальность призывы к замене чисто белорусских школ утраквистскими, в которых, по некоторым подсчетам, свыше 90 % обучавшихся были белорусами⁵⁴. Не вызывает сомнений, что при таком соотношении вероятность ассимиляции белорусов была гораздо выше. В открытии утраквистских школ польские власти видели прекрасную возможность ускорить процесс полонизации белорусов.

Довольно сложной оставалась и ситуация вокруг православной церкви. Несмотря на формально гарантированное равенство конфессий, польский католицизм при полной поддержке государства усиливал свое присутствие на белорусских землях. Широко для этого продолжала использоваться ревиндикация, т. е. передача имущества православных церквей католическим костелам. Так, в ее рамках только в 1930 г. были поданы судебные иски с претензией на имущество более 500 православных церквей, в результате 300 из них превращены в костелы⁵⁵.

Польская политика второй половины 1920-х годов в отношении белорусов не отличалась последовательностью, сочетая как отдельные уступки, так и репрессивные (наиболее яркий пример — процесс Громады) полонизаторские меры, которые стали преобладать в конце десятилетия. Ее фрагментарность объясняется обращением лидеров государства, в том числе Ю. Пилсудского, к политике государственной ассимиляции, суть которой состояла в стремлении путем временных уступок подчинить интересы меньшинств национальным польским интересам. Тем самым в перспективе это должно было обеспечить успешный переход к национальной ассимиляции западнобелорусского населения, предусматривавшей его полное растворение в польской массе.

Подводя некоторые итоги трансформации взглядов Ю. Пилсудского на белорусскую проблему, отметим, что в те годы, когда Польша только боролась за восстановление своей независимости, для Пилсудского белорусы выступали в качестве потенциальных союзников. Это нашло свое отражение и в период 1918–1921 годов, когда лидер польского государства смотрел на Белоруссию сквозь призму своих федералистских планов.

Их неудача, ставшая очевидной после подписания в марте 1921 года Рижского мирного договора, перевела белорусский

вопрос уже в иную плоскость. Вернувшись к власти в 1926 году, маршал вновь использовал предрасположенность части деятелей белорусского национального движения к идее построения федералистского государства в своих интересах. Осуществив ряд уступок в национально-культурной и социально-экономической сфере, он пытался склонить эти силы к сотрудничеству с польскими властями. Но размах громадовского движения вскоре привел к новому ужесточению национальной политики по отношению к белорусам.

В дальнейшем, на фоне отказа от политики белорусизации в СССР и фактического отказа Советов в поддержке белорусского движения в Польше, польские власти получили дополнительные возможности преследования национальных меньшинств. Под влиянием этих процессов уже на рубеже 1920–1930-х годов происходит окончательный переход Пилсудского на позиции эндеков ассимиляции белорусов в Польше.

Юзефу Пилсудскому принадлежит огромная заслуга в строительстве польского государства. Но построение его вопреки историческим реалиям того времени, на принципах унитарности и мононациональности стало стратегической ошибкой политика, во многом обусловившей печальный финал II Речи Посполитой в 1939 году.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Наленч Т.* Юзеф Пилсудский — легенды и факты. М., 1990; *Суляя В.* Юзеф Пилсудский. М., 2009; *Cichoracki P.* Legenda i polityka: kształtowanie się wizerunku Marszałka Józefa Piłsudskiego w świadomości zbiorowej społeczeństwa polskiego w latach 1918–1939. Kraków, 2005; *Faryś J.* Piłsudski i Piłsudczycy: Z dziejów koncepcji polityczno-ustrojowej (1918–1939). Szczecin, 1991; *Garlicki A.* Józef Piłsudski: 1867–1935. Warszawa, 1988; *Miedziński B.* Polityka wschodnia Piłsudskiego. Paryż, 1975; *Wójcik Z.* Józef Piłsudski (1867–1935) biografia. Warszawa, 2006.

² *Матвеев Г.* Пилсудский. М., 2008; *Підлуцький О.* Постаті ХХ сторіччя. Юзеф Пілсудський: начальник, який створив собі державу // Дзеркало тижня. 2001. 3 лютого.

³ *Czubiński A.* Problem obszaru i granic odrodzonego państwa polskiego w latach 1918–1922 // Problem granic i obszaru odrodzonego państwa polskiego (1918–1990). Poznań, 1992. S. 49–71; *Czubiński A.* Walka Józefa Piłsudskiego o nowy kształt polityczny Europy Środkowo-Wschodniej w latach 1918–1921. Toruń, 2002.

⁴ *Mironowicz E.* Białorusini i Ukraińcy w polityce obozu piłsudczykowski. Białystok, 2007; *Mironowicz E.* Mniejszości narodowe w polskiej myśli politycznej (1900–1944) // Polityka narodowościowa PRL (Polska Rzeczpospolita Ludowa). Białystok, 2000. S. 9–48.

⁵ *Тихамиров А.* Белорусская проблематика в политике Польши в 1918–1920 гг. // Белоруссия и Украина: история и культура. Ежегодник 2005/2006. М., 2008. С. 292–307.

⁶ *Борисенко Ю.* Начало белорусской государственности // Русская история. 2010. № 5–6. С. 56–62.

⁷ Лазько Р. «Я сын гэтага краю...» (Ю. Пилсудскі і Беларусь 1918–1935 годах) // Ю. Пилсудскі ў гісторыі Польшчы і Беларусі. Матэрыялы міжнароднага беларуска-польскага навуковага семінара. Гомель, 2002. С. 85–87; Мязга М. Перамовы ў Рызе: Пахаванне палітыкі федэралізму // Там же. С. 23–25.

⁸ Зашильняк Л., Крикун М. Історія Польщі: від найдавніших часів до наших днів. Львів, 2002. С. 449.

⁹ Czubiński A. Problem obszaru i granic odrobzonego państwa polskiego w latach 1918–1922. S. 55.

¹⁰ Wapiński R. Mejsce ziem wschodnich Rzeczypospolitej przedrozbiorowej w polskiej świadomości politycznej lat 1864–1918 // Polska – Kresy – Polacy: Studia historyczne. Wrocław, 1994. S. 57.

¹¹ Цвинкевич А. Политический очерк Западной Белоруссии // Западная Белоруссия: сборник статей. Минск, 1927. С. 31.

¹² Михутина И. Советско-польская война 1920 года. М., 1994. С. 81.

¹³ Платонов Р. Тернистый путь к свободе // Неман. 1992. № 11. С. 134.

¹⁴ Иностранная военная интервенция в Белоруссии. 1917–1920. Минск, 1990. С. 224.

¹⁵ Турук Ф. Белорусское движение. М., 1921. С. 50.

¹⁶ Запросы белорусских послов в польский сейм 1922–1926. Минск, 1927. С. 27.

¹⁷ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1964. Т. 3. С. 290.

¹⁸ Czubiński A. Walka Józefa Piłsudskiego o nowy kształt polityczny Europy Środkowo-Wschodniej w latach 1918–1921. S. 61.

¹⁹ Игнатенко И. Октябрьская революция и самоуправление Белоруссии. Минск, 1992. С. 150.

²⁰ Там же. С. 151.

²¹ Wapiński R. Mejsce ziem wschodnich Rzeczypospolitej przedrozbiorowej w polskiej świadomości politycznej lat 1864–1918. S. 58–59.

²² Faryś J. Piłsudski i Piłsudczycy: Z dziejów koncepcji polityczno-ustrojowej (1918–1939). Szczecin, 1991. S. 196.

²³ Wapiński R. Mejsce ziem wschodnich Rzeczypospolitej przedrozbiorowej... S. 57.

²⁴ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 3. С. 536.

²⁵ Czubiński A. Problem obszaru i granic odrodzonego państwa polskiego w latach 1918–1922. S. 67.

²⁶ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 3. С. 570.

²⁷ Там же. С. 612.

²⁸ Романский А. Очерки современной Польши. М., 1926. С. 152.

²⁹ Czubiński A. Walka Józefa Piłsudskiego o nowy kształt polityczny Europy Środkowo-Wschodniej... S. 166.

³⁰ Полуян В. Революционно-демократическое движение в Западной Белоруссии. Минск, 1978. С. 95.

³¹ Мануевич А. «Санация» у власти // Новая и новейшая история. 1986. № 4. С. 135.

³² Siemakowicz M. Założenia programowe głównych obozów politycznych wobec szkolnictwa dla ludności białoruskiej w Rzeczypospolitej // Białoruskie Zeszyty Historyczne. Białystok, 1998. S. 73.

³³ Borkowski J. Piłsudczykowska koncepcja państwa // Dzieje Najnowsze (DN). 1982. № 1–4. S. 116.

³⁴ Мануевич А. «Санация» у власти. С. 144.

³⁵ Werschler I. Stanowisko Tadeusza Hołówki wobec kwestii mniejszości słowiańskich w Drugiej Rzeczypospolitej (1918–1927) // DN. 1980. № 4. S. 29.

³⁶ Makowski B. Litwini w Polsce, 1920–1939. Warszawa, 1986. S. 170.

³⁷ Мірановіч Я. Барацьба санацыйных уладаў са спадчынай Грамады // Гістарычны альманах. Менск, 2006. Т. 12. С. 52.

- ³⁸ *Mironowicz E.* Białorusini i Ukraińcy w polityce obozu piłsudczykowskiego. Białystok, 2007. S. 117.
- ³⁹ Национальный архив республики Беларусь (НАРБ). Ф. 242. Оп. 1. Д. 539. Л. 118.
- ⁴⁰ НАРБ. Ф. 242. Оп. 1. Д. 539. Л. 119.
- ⁴⁰ Государственный архив Гродненской области (ГАГО). Ф. 662. Оп. 3. Д. 5. Л. 104.
- ⁴⁰ *Вабішчэвіч А.* Асвета у Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.). Брэст, 2004. С. 22.
- ⁴⁰ *Gomółka K.* Białorusini w II Rzeczypospolitej // *Zeszyty naukowe Politechniki Gdańskiej. Ekonomia.* Nr. 31. Gdańsk, 1992. S. 105.
- ⁴⁰ *Бергман А.* Слова пра Браніслава Тарашкевіча. Минск, 1996. С. 88.
- ⁴⁰ НАРБ. Ф. 883. Оп. 1. Д. 77. Л. 178.
- ⁴⁰ *Шыбека З.* Нарыс гісторыі Беларусі 1795–2002. Минск, 2003. С. 269.
- ⁴⁰ *Тоць С.* Беларуская веска у эпоху зьменаў. Другая палова XIX — першая трэціна XX ст. Менск, 2007. С. 120.
- ⁴⁰ ГАГО. Ф. 551. Оп. 1. Д. 1046. Л. 10.
- ⁴⁰ Там же. Л. 4.
- ⁵⁰ *Кіт Б.* Успаміны аб беларускай гімназіі у Вільні (1928–1939) былога вучня, вычыцеля і дырэктара гэтай гімназіі // *Спадчына.* 1993. № 2. С. 53.
- ⁵¹ *Шыбека З.* Нарыс гісторыі Беларусі 1795–2002. С. 273.
- ⁵² *Gomółka K.* Białorusini w II Rzeczypospolitej. S. 112.
- ⁵³ *Mauersberg S.* Szkolnictwo powszechne dla mniejszości narodowych w Polsce w latach 1918–1939. Wrocław, 1968. S. 100.
- ⁵⁴ Там же. С. 206.
- ⁵⁵ *Нечухрын А.* Этнасацыяльныя і палітычныя працэсы у заходнім рэгіёне Беларусі у 1921–1939 гг. // *Этнасацыяльныя і культурныя працэсы у Заходнім рэгіёне Беларусі: гісторыя і сучаснасць.* Гродна, 1998. С. 79.

Михаил Андреевич
РОБИНСОН

РУССКИЕ УЧЕНЫЕ-СЛАВИСТЫ И БЕЛОРУССКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК В 1920-Е ГОДЫ

Обретение восточнославянскими народами различных форм национальной государственности после 1917 г., окончательно сформировавшейся в виде советских республик, появление связанной с этим процессами национальной украинской и белорусской политики в области культуры и науки не могли оставить равнодушными представителей русской науки и прежде всего славистов.

Если целенаправленное развитие национальной гуманитарной науки на Украине имело определенные традиции и кадры, то положение в Белоруссии было принципиально иным: и в традиции, и в кадрах ощущался явный недостаток. Поэтому и влияние, и проблемы, с которыми столкнулись представители русской академической науки в период белорусизации, здесь были иными. Так, у истоков создания университета в Минске стоял Е.Ф. Карский, чей знаменитый труд «Белорусы» продолжал печататься, несмотря на условия Гражданской войны. Сам ученый, как о том писал А.А. Шахматов В.Н. Перетцу 4 мая 1919 г., в Минске «подвергся одно время неприятности; его арестовали на 20 часов, и будут иметь его в виду как заложника на случай нашествия польских легионов»¹. Это обстоятельство не уменьшило активности Карского. Уже в конце лета 1920 г., 22 августа, А.И. Соболевский сообщал Б.М. Ляпунову: «Последнее по времени событие в М[оскве] — организация ун[иверсите]та в Минске. Недавно прибыл в М[оскву] ак[адемик] Карский в составе делегации [...] ходатайствовать об открытии в Минске ун[иверсите]та. Власти разрешили, и К[арский] надеется в нынешнем уже году открыть в Минске лекции. Хотя здания в Минске от поляков сильно пострадали, все же, кажется, можно найти что-н[ибудь]

для филолог[ического] ф[акультета] (с больш[им] еврейск[им] отдел[ением]) для 1-го курса»².

Карский звал Соболевского читать лекции в Минске, но тот не принимал приглашений, связанных с выездом из Москвы. В ближайшие два года Карский продолжал активно приглашать ученых-славистов на постоянную работу в Минский университет, но ни П.А. Расторгуев, ни А.М. Селищев также не сочли возможным переехать в Минск. Расторгуев чрезвычайно высоко ценил работы Карского, о чем прямо писал ему: «Без Ваших работ по белорусоведению немислимы были бы научные занятия в этой области»³. Тем не менее, в октябре 1920 г. он вежливо сообщал Карскому: «Приношу Вам глубокую благодарность за Ваше внимание и честь, которую Вы оказали мне, предложив работать в Белорусском Государственном Университете. Но, к сожалению, вследствие целого ряда причин и условий переживаемого времени переезд в Минск невозможен для меня, и в силу этого я не могу принять Вашего предложения»⁴. Такой же вежливый отказ Карский получил и от Селищева, писавшего ему 18 февраля 1921 г.: «Сердечно благодарю Вас за приглашение в Минск. Но, Евфимий Федорович, мне, молодому работнику, невозможно заниматься в новом университете, не располагающем накопленной годами библиотекой»⁵.

Нельзя сказать, чтобы Карский и его белорусские коллеги не осознавали данной проблемы. Ученый пытался привлечь к ее разрешению обладателей обширных библиотек. Так, 13 августа 1921 г. он обращался к Соболевскому: «В Минске организуется центральная библиотека при Институте Белорусской культуры. В ней будут книги не только по белорусоведению, но и по другим наукам. Мне поручили просить Вас, не продадите ли им Вашу петроградскую библиотеку, которою Вы все равно сейчас не можете пользоваться. Ваше собрание в Минске принесло бы пользу и нарождающемуся там у[ниверсите]ту»⁶. Чтобы больше заинтересовать Соболевского в сделанном предложении, Карский подчеркивал, что оно может быть при сложившихся условиях жизни весьма соблазнительным. «Я думаю, — писал ученый, — что они могли бы поставить Вам в Москву в счет платы и известное количество продуктов. Перевозка книг, конечно, на счет белору-

сов, тем более что они имеют собственную теплушку и пришлют своего инструктора»⁷. Кстати, отсутствие приличной библиотеки было причиной отказа от очень выгодного предложения, сделанного Минским университетом Б.М. Ляпунову осенью 1923 г. Ученый сообщал В.М. Истрину 26 ноября: «На днях я написал отказ в Минск, где предлагали мне в университете занятия по трем лингвистическим кафедрам — сравн[ительному] языкознанию, слав[янской] филологии и истории русского языка, обещая казенную квартиру и перевозку имущества за казенный счет. Для меня, конечно, не представляет сомнения, что выбрать, Минский университет с его сравнительно небольшой библиотекой, или Рос[сийскую] Академию наук, обладающую богатой и печатной, и рукописной библиотекой, находящуюся в окружении и других богатых библиотек Петрограда»⁸. Сравнение Минска и Петрограда у профессора, жившего в Одессе, объясняется тем, что в 1923 г. ученый был избран академиком РАН. Не привлекало в Минске Ляпунова и отсутствие соответствующей среды, «научное одиночество», он предпочел «общение наиболее просвещенных специалистов»⁹.

Ученик А.А. Шахматова, И.О. Волк-Леванович¹⁰, начавший самостоятельную исследовательскую работу над курсом белорусского языка, жаловался 6 июля 1925 г. Ляпунову: «В своей работе постоянно сталкиваешься с препятствием, свойственным всем провинциальным университет[ским] городам, особенно нашему Минску, в этом отнош[ении] самому молодому, — с отсутствием источников и пособий»¹¹. Еще через два года те же аргументы мы встречаем и у Н.Н. Дурново. У ученого решался вопрос о возвращении из Чехословакии, и выбора, ехать или не ехать в Минск, у ученого не было. Тем не менее, при этих обстоятельствах Дурново писал Ляпунову 2 ноября 1927 г.: «Минску я, конечно, предпочел бы Москву или Петроград, п[отому] ч[то] смолоду привык работать только по источникам, а в Минске их нет; до Москвы от Минска довольно далеко, до Петрограда еще дальше»¹².

Организационная деятельность и научные заслуги Карского перед белорусской наукой встречались частью белорусской научной интеллигенции с благодарностью. Я. Колас весьма эмоционально благодарил Карского в письме от 21 ноября 1921 г. за «ве-

ликой ценности и значения труд». В 1921 г. вышел в свет второй выпуск третьего тома знаменитых «Белорусов»¹³. «Я читаю его с глубоким интересом и с большою для себя пользою — продолжал Колас. — Одно место в предисловии меня тронуло до глубины души, и я проникся еще большим чувством признательности к той великой работе, которой Вы посвятили Вашу жизнь. Белорусская культура так тесно связана с Вашим именем, что одного без другого нельзя мыслить»¹⁴. Далее, правда, следовал пассаж, скорее свидетельствующий о неосведомленности Коласа о вовлеченности академика в дело создания Инбелкульта. Так, он сообщал Карскому: «У нас открывается Институт белорусской культуры, составляется штат, вырабатывается устав, подыскивается помещение»¹⁵. Дело в том, что Карский как раз и занимался в составе комиссии из трех человек выработкой окончательного статута Инбелкульта с июня по ноябрь 1921 г.¹⁶

Практическая деятельность Инбелкульта началась с 30 января 1922 г.¹⁷, а в самом начале месяца к Карскому с серьезным предложением обратился один из активных организаторов гуманитарной науки Белоруссии С.М. Некрашевич. Он писал академику 5 января: «Перед отъездом из Минска Вы выразили желание перед Рождеством снова приехать в Минск. Давно ждал Вас, чтобы лично побеседовать с Вами об Институте Белорусской культуры и предложить Вам занять должность Директора Института. Не дождавшись Вас, обращаюсь к Вам с этим предложением письменно. Надеюсь, что Вы, дорогой профессор, не откажете в просьбе Акад[емического] Центра и всего белорусского “гражданства” и согласитесь по-прежнему работать над исследованием белорусского языка, руководить другими в области этих исследований и одновременно с этим готовить тот профессорский кадр, который так необходим для белорусского Университета и вообще для Белоруссии»¹⁸. Нам неизвестно, как отреагировал Карский на данное предложение, но полагаем, что назначение директора Инбелкульта находилось в компетенции политико-государственных структур, для которых академик Карский не являлся однозначно положительной фигурой, поэтому идея Некрашевича вряд ли имела шансы на успех. Но сам по себе подобный план свидетельствовал о высочайшем авторитете Карского

в кругах части белорусской гуманитарной интеллигенции. Уже менее чем через месяц после начала работы Инбелкульта 13 февраля Я. Колас от имени «Литературной комиссии по собиранию народного устного творчества» просил Карского дать инструкции и «авторитетные [...] указания для руководства»¹⁹.

В письме от 28 июля 1922 г. уже и сам Некрашевич, возглавивший Инбелкульт, обращался к Карскому с просьбой: «Дело в следующем: в наступающем учебном году будет на всех факультетах Университета введено преподавание белорусского языка. На меня возложено преподавание белорусского языка на медицинском факультете Ун[иверсите]та, хотя для преподавания этого предмета я чувствую себя еще недостаточно подготовленным. Поэтому прошу Вас преподавать мне совет относительно преподавания белорусского языка на медфаке: 1) в каком объеме Вы считали бы целесообразным это преподавание, 2) какие пособия могут служить при чтении лекций по этому предмету, 3) какие научные дисциплины Вы рекомендовали бы проработать, чтобы считать себя подготовленным для этой работы в области истории белорусского языка. За совет буду глубоко благодарен»²⁰.

Некрашевич с не меньшим, чем Колас, вниманием следил за научным творчеством Карского. «Теперь еще одна просьба, — продолжал Некрашевич. — Если вышла в свет Ваша книга, ч. III, благоволите передать чрез нашего библиотекаря Симановского. Чрез него прошу также переслать и Ваш совет по моей первой просьбе». Со своей стороны он обещал: «Все вышедшие до последнего времени белорусские книги будут Вам переданы Симановским; находящиеся в печати будут немедленно высланы по напечатании». В 1922 г. вышел первый номер литературно-научного журнала Инбелкульта²¹, который Некрашевич рекомендовал особо: «Из последних книг для Вас интерес может представлять журнал “Адраджэньне”, в котором имеется много оригинального материала»²².

Ожидавшееся продолжение «Белорусов» действительно появилось в 1922 г.²³, и, как свидетельствует письмо Я. Коласа, Карский готов был снабдить им своих белорусских адресатов. Письмо Я. Коласа не датировано, но можно с уверенностью утверждать, что оно написано примерно в то же время, что и письмо Некрашевича, т. е. летом 1922 г. Очевидно, что Колас в очередной раз

благодарил Карского за уже полученный ранее выпуск его исследования — «великолепный и в высшей степени интересный научный труд». «Читаю его с глубоким интересом, — писал Колас, — как единственную в этом роде работу, самую полную, самую обстоятельную, беспристрастную и научную». Из дальнейшего текста письма можно понять, что речь в нем идет о завершавшем все исследование третьем выпуске третьего тома «Белорусов». Колас писал: «Ожидаю с большим интересом дальнейшую работу, которую Вы любезно обещали мне прислать»²⁴. Несколько неопределенно и глухо упоминает Колас в письме и о сложностях, связанных со становлением работы Инбелкульта: «Положение серьезное. Атмосфера очень напряженная, и этими днями она должна, так или иначе, разрядиться. № “Адраджэньня”, нашего инбелкультовского журнала, конфискован»²⁵.

Но отнюдь не все деятели белорусской культуры так оценивали значение Карского. Такие видные ее представители, одновременно являвшиеся государственно-общественными функционерами, как, например, Д.Ф. Жилунович (Тишка Гартный) и О.Л. Дыло усматривали в трудах академика великодержавный шовинизм, черносотенство, монархизм и приверженность доктрине «самодержавие, православие, народность», о чем и заявляли в прессе в 1923 г.²⁶ Однако подобный взгляд еще не был господствующим в официальных кругах Минска. И 18 августа 1924 г. Некрашевич, подписавший письмо в качестве заместителя Главпрофобра Наркомпроса Белоруссии, обратился к Карскому с официальным приглашением: «Пришло время, когда Ваша работа в Минске становится крайне необходимой. Вы своими блестящими работами по белорусскому языку открыли белорусский народ всему просвещенному миру. Но в Вашей деятельности есть один недостаток, — Вы после себя не оставили достойных учеников, которые бы продолжили Вашу большую работу. Последнее можно сделать только в Минске, где Вас ожидают целые сотни студентов Белор[усского] Го[сударственного] Университета.

Поэтому разрешите Вас просить по поручению Наркомпроса занять должность профессора Бел[орусского] Гос[ударственного] Ун[иверсите]та по кафедре истории Белор[усского] языка и штатную должность действительного члена Инст[итута] Белор[усской]

Культуры. Материальные условия у нас приличные. Квартиру Н[ародный] К[омиссариат] П[росвещения] гарантирует. О Вашем согласии будьте любезны поставить Наркомпрос в известность. Если бы по каким-нибудь причинам Вы окончательно переехать в Минск не смогли, то тогда желательно Вас видеть в Минске наездами»²⁷. Но столь щедрые обещания действия не возымели, Карский предпочел оставаться в Ленинграде.

В 1924 г. в Ленинграде была опубликована известная работа Карского «Русская диалектология». О ее значении для специалистов-белорусоведов свидетельствует письмо Расторгуева: «Крайне желательно, — писал он Карскому, — чтобы Ваша “Русская диалектология” была в продаже в Москве: в предстоящем 1924—1925 учебном году она будет указана мною в качестве одного из обязательных пособий к читаемому мною в I-м и II-м Московском Университете курсам украинского и белорусского языков»²⁸.

Научная среда формировалась в Минске не только из представителей левой белорусской интеллигенции, но и с участием немногочисленных приезжих ученых. Причем переселившиеся в Минск исследователи проявляли большую активность. Они же зачастую выступали за более тесные связи с русской академической наукой. Ярким примером такого исследователя был ученик Б.М. Ляпунова П.А. Бузук. Переехав из Одессы в Петроград, Ляпунов продолжал помогать своему ученику, стараясь определить в печать его работы, что могло способствовать научной карьере Бузука. Так, Карский, редактор «Известий Отделения русского языка и словесности», сообщал Ляпунову 16 февраля 1924 г.: «И статья Бузука уже у Непременного секретаря, будет набираться в этом году, но из печати выйдет не скоро»²⁹. Защищать ее можно и в рукописи: может быть ее вернуть ему? Но степени магистерской или докторской ему все равно не дадут, а только это будет квалификация его; но ведь и теперь он квалифицированный ученый»³⁰. Напомним, что все ученые степени были отменены в Советской России еще в 1918 г. Но и с формальной квалификацией у Бузука возникли в Новороссийском университете проблемы. А.И. Томсон писал из Одессы Ляпунову 7 сентября 1924 г.: «Он (Бузук. — М.Р.) не утвержден д[окто]ром ввиду неподходящей темы — Ев[ангелие]³¹, что Вам, впрочем, известно»³².

Возможно, что эта неудача способствовала отъезду Бузука из Одессы. В письме в Софию М.Г. Попруженко 25 декабря 1925/8 января 1926 г.* Г.А. Ильинский сообщал о том, что его бывший ученик Бузук «с осени этого года перевелся, — и не совсем добровольно, — в Минск[ий] университет»³³.

Можно предположить, что одной из причин активной научной деятельности Бузука в Белоруссии было его научное credo, явно сформировавшееся под влиянием идей национального возрождения восточнославянских народов. Еще в письме В.М. Истрину от 4 апреля 1923 г. Ляпунов отмечал, в частности: «Наш Бузук сильно разбрасывается отчасти из-за заработка (заведует двумя гимназиями), отчасти из-за увлечения украинством»³⁴. 27 декабря того же года Бузук выразил свои взгляды в письме Карскому в весьма эмоциональной форме: «Я не вполне украинец по происхождению и по воспринятой культуре, но к украинскому и белорусскому вопросам подхожу как славист, веря не только в вост[очно]слав[янское], но и в зап[адно]слав[янское] и даже ю[жно]слав[янское] единство, я полагаю, что укр[аинский] и бел[орусский] языки нужно восстановить в отнятых правах в славянской семье»³⁵.

Ученый ранее читал лекции по-украински в Одессе и Киеве³⁶, подобную практику он продолжил и в Минске, как только туда переехал. Об этом его намерении сообщал Ильинский в уже упоминавшемся письме Попруженко от 8 января 1926 г., отмечая, что Бузук «уже в ближайшем будущем надеется перейти на белорусс[кий] язык!»³⁷. Современный белорусский исследователь полагает, что в этих словах Ильинского «проявилась великодержавная позиция»³⁸ ученого. Подобная формулировка, отсылающая нас к языку идеологических дискуссий 1920-х годов, представляется нам некорректной. Сам Бузук писал 4 марта 1926 г. Карскому: «Еще в конце 1-го семестра я перешел к чтению лекций на белор[усском] языке. Теперь уже сравнительно свободно владею им»³⁹. О том, что Бузук выполнил свое намерение, стало вскоре довольно широко известно, о чем свидетельствует письмо Д.К. Зеленина Соболевскому 26 октября 1926 г., в котором отмечалось, что Бузук «теперь в Минске и, говорят, читает лекции по-белорусски»⁴⁰.

* Ильинский довольно часто использовал в письмах оба календарных стиля.

Работы Бузука привлекали внимание минских ученых, знавшихся изучением истории белорусского языка. Так, Волк-Леванович еще 6 июля 1925 г. писал Ляпунову: «...есть неотложная необходимость познакомиться с работой проф. П.А. Бузука по истории украинского языка, недавно вышедшей (датирована 1924 годом; точного заглавия, к сожалению, не знаю⁴¹)»⁴². На переезд ученого возлагали большие надежды. В октябре Волк-Леванович вновь писал Ляпунову: «Вам, вероятно, уже известно, что к нам, в Белорусский Университет, переходит Петр Афанасьевич Бузук, которого ждем в конце октября»⁴³. И, действительно, 22 октября Бузук сообщал о своих первых впечатлениях и планах Ляпунову: «Пишу Вам уже из Минска. Я кораблей, правда, не сжег за собою, но здесь такая обстановка, что, по всей вероятности, застряну в Минске на некоторое время. Сочетать работу в Минском универс[итете] с работой в Одесск[ом] ИНО (Институт народного образования. — *М. Р.*) пока удавалось ввиду различных сроков начала и конца 1-го триместра в обоих ВУЗ'ах [...]. Отношение к ученым здесь очень внимательное. Очень хорош состав профессоров»⁴⁴.

Г.А. Цыхун высказал предположение, «что одним из инициаторов переезда мог быть первый председатель Инбелкульта С. Некрашевич, возможно, знавший П. Бузука в одесский период своей жизни»⁴⁵. Документальные свидетельства, имеющиеся у нас, подтверждают это предположение и прямо указывают на особую роль Некрашевича в этом деле. В начале 1925 г. он оставил свой пост руководителя Инбелкульта⁴⁶ и направился на несколько месяцев на стажировку в Ленинград, где его работой руководил Карский⁴⁷. Ему Некрашевич сообщил перед отъездом в Минск о своем решении «еще год поработать в Институте»⁴⁸. Некрашевича удручала невозможность совмещать работу в Наркомпросе с исследовательской деятельностью. «Разумеется, — писал он Карскому 25 ноября 1925 г., — что, работая в Главпрофобре, я почти никакой более или менее серьезной научной работы вести не мог. Пришлось с головой погрузиться в административную работу, — во всякие там заседания, собрания, дела по приему студентов, назначения и прочую главпрофобровскую сутолоку»⁴⁹. Но, обладая серьезными административными возможностями, Некрашевич

не забывал о необходимости заботиться о повышении профессионального уровня белорусской гуманитарной науки. Он отмечал в том же письме: «Также считаю очень полезным делом по своей специальности, — это содействие в назначении и переезде в Минск проф. Бузука (из Одессы). Хотя, впрочем, он передавал, что мысль о переезде в Минск впервые ему подали Вы. С приездом Бузука наше лингвистическое отделение оживет. Ведь до последнего времени у нас не было ни одного лингвиста»⁵⁰. Из письма Некрашевича очередной раз видно также, как высоко он оценивал научную и педагогическую деятельность Карского. Со своей стороны он был готов снабжать академика книжными новинками. «Меня, — писал далее Некрашевич, — как белорусского культурного работника, очень радует, что в Ленинградском Университете читается белорусский язык. Если бы в этой Вашей работе я был бы Вам хоть чем-нибудь полезен, то с удовольствием предложил бы свои услуги»⁵¹.

Заметим, что появление и первые шаги Бузука на новом месте не у всех вызвали положительную реакцию. Ильинский посчитал нужным сообщить об имеющейся у него информации Ляпунову. «Один профессор Минск[ого] у[ниверсите]та пишет мне невеселые вещи о П.А. Бузуке, — сообщал Ильинский 5 февраля 1926 г. — Он жалуется, что он попал к ним, минувя ф[акульт]т; с первых же шагов обнаружив желание всюду играть первые роли; забрал огромное колич[ество] лекций; участвует в антирелиг[иозных] диспутах и т.д. Все это меня очень удивляет. При личных встречах П.А. Бузук производил на меня впечатление гораздо более симпатичное»⁵².

Особенно чувствительное отношение к национальному языку проявилось вначале и в правилах публикации в Белоруссии научных исследований. Это обстоятельство сразу же стало серьезным препятствием для некоторых русских ученых. Расторгуев писал Карскому 14 мая 1925 г.: «Год назад я закончил свою работу (по прежней терминологии диссертацию) “Северо-Черниговские говоры”. Предполагал сначала напечатать ее в Минске, но потом пришлось отказаться от этого намерения, так как Минск печатает только по-белорусски, между тем как я желаю напечатать ее только по-русски»⁵³.

Ученый предложил напечатать работу в «Известиях» АН СССР, но Карский ответил, что публикация возможна не ранее 1928 г. Расторгуеву в тот момент ничего не оставалось, как согласиться с этим предложением. «Осенью 1925 года я принялся за переписку ее, чтобы выслать ее Вам в Ленинград», — сообщил он Карскому 23 июня 1926 г. «Но вскоре, — продолжал письмо Расторгуев, — у меня возобновились переговоры с Минском об издании ее Институтом Белорусской Культуры. В результате переговоров Ин[ститут] Бел[орусской] Культ[уры] согласился напечатать ее в текущем 1926 году на русском языке»*. Однако, как сообщал ученый Карскому: «С своей стороны я должен был сделать кое-какие уступки, прежде всего переменить заглавие работы: сообразно с моими выводами о говоре, она носит заглавие “Северско-белорусский говор”»⁵⁴. Как можно заметить, ситуация отличается от украинской, где неукоснительно придерживались правил публикации только по-украински. Но, пожертвовав языком, в Белоруссии все же настояли на очень характерном изменении названия труда Расторгуева.

Важнейшим мероприятием в истории становления белорусской гуманитарной науки и не только стала Академическая конференция 1926 г.⁵⁵ Приглашения были разосланы многим ученым за пределами Белоруссии. Как отмечал В.М. Игнатовский, историк, государственно-партийный функционер и новый председатель Инбелкульта, одной из задач организаторов конференции было привлечь «“китов науки” из заграницы и СССР»⁵⁶. Из списка приглашенных видно⁵⁷, что «киты» русского академического славяноведения академики Е.Ф. Карский, П.А. Лавров, члены-корреспонденты Н.Н. Дурново, А.И. Томсон, Л.В. Щерба по разным причинам не смогли или не захотели посетить это мероприятие, а академик Б.М. Ляпунов принял заочное участие. Так, Томсон писал Ляпунову 5 ноября 1926 г.: «Получил приглашение на белорус[скую] академич[ескую] конференцию в Минск 14 ноября. Кто из Ваших едет туда? Хотя я собственно едва ли еду — очень занят лекциями». Он лишь сожалел, что не

* В результате всех хлопот книга «Северско-белорусский говор. Исследование в области диалектологии и истории белорусских говоров», посвященная памяти А.А. Шахматова, все-таки вышла в 1927 г. в Ленинграде как издание Инбелкульта. В 1928 г. ей была присуждена золотая медаль Русского географического общества в Ленинграде.

сможет увидеть старых коллег, потому что «встретиться там было бы очень интересно»⁵⁸.

Бузук уговаривал своего учителя посетить названное мероприятие. Он писал Ляпунову 5 октября: «Вы, должно быть, получили приглашение на Академическую конференцию, которая начнется 14-го ноября. На ней будут затронуты и вопросы более широкие, чем вопрос о реформе белор[усской] азбуки и правописания. Инбелкульт оплачивает все расходы, и потому осмелюсь к его приглашению присоединить свою убедительную просьбу приехать на эту конференцию»⁵⁹. Волк-Леванович также спрашивал у того же Ляпунова 6 ноября: «Вы, вероятно, получили приглашение от нашего “Инстытуту Беларускае Культуры — запрашэньне на Акадэмічную конфэрэнцыю па рэформе беларускіх азбукі і правопісу”»⁶⁰. Далее он весьма откровенно характеризовал общее состояние науки в Белоруссии, намекая на те стороны ее формирования, которые в дальнейшем повлияют и на его собственную судьбу. «Приедете ли на конференцию? — интересовался Волк-Леванович. — Лично я был бы рад приветствовать Вас в нашей белорусской столице. Конечно, все у нас еще довольно убого, но, пожалуй, это-то и интересно для Вас, Борис Михайлович, ибо тут можно наблюдать самый процесс зарождения нашей белорусской науки, процесс во многих отношениях, нужно заметить, болезненный»⁶¹.

Проведение конференции считалось не только важнейшим научным, но и политическим событием, поэтому накануне открытия конференции на закрытом заседании Бюро ЦК КП(б)Б 12 ноября 1926 г. был принят окончательный порядок ее проведения и освещения в прессе. По докладу Игнатовского было решено: «Работе конференции придать строго академический характер. В печати (центральной и местной) осветить Академическую конференцию как большого политического значения факт национальной политики пролетариата». Все оргвопросы конференции определяла специальная политкомиссия, с ней же должны были быть согласованы «тексты приветственных слов»⁶².

Конференция прошла в острых дискуссиях, о своих впечатлениях, о ее ходе и итогах Ляпунову сообщили и Волк-Леванович, и Бузук. Первым 23 ноября поспешил с пространством письмом

Волк-Леванович. «Получил Ваше любезное и интересное письмо 16.XI — в самый разгар конференции, — сообщал ученый, — и потому не смог сразу ответить, да и откладывал с ответом нарочно, чтобы можно было сообщить и о результатах конференции». Далее он довольно подробно, с примерами, излагал моменты дискуссии и некоторые решения конференции, касавшиеся введения или удаления из азбуки некоторых букв. Волк-Леванович очень ясно изложил свою позицию: «Я всячески протестовал против непоследовательности такой реформы, ибо таким образом мы не упрощаем, а усложняем графику». «На мой взгляд, — писал он далее, — ни в какой реформе наша азбука не нуждается; если и может быть что-либо в этом роде, так это переход на латинский алфавит, но, конечно, такой переход возможен только во всеславянском масштабе. Таким образом, намечена реформа довольно куца и потому нецелесообразная; думаю, что в жизнь она не пройдет»⁶³.

Волк-Леванович особо остановился на фигуре главного инициатора основной дискуссии, И.Ю. Лёсике. Явно с чувством удовлетворения он писал: «Проект братьев Лёсиков — целиком провалился. Невежеству Лёсика мы здесь уже перестали удивляться, и какую бы ересь он ни порол, ему все сходит с рук, ибо какие-то темные силы его поддерживают. Ваши соображения относительно Лёсиковского проекта реформы азбуки были зачитаны на пленуме конференции С. Некрашевичем. Уличенный Вашими доводами в незнании происхождения букв “ы” и “э”, Я. Лёсик позволил себе сделать безграмотный выпад против Вас, но был одернут проф. Фасмером и П.А. Бузуком. Из всего этого создался небольшой инцидент, окончательно уронивший Лёсика в глазах компетентной части конференции»⁶⁴.

Бузук в свою очередь писал Ляпунову 11 декабря 1926 г.: «Очень жаль, что Вы не смогли приехать на конференцию. По независящим от меня обстоятельствам замечания Ваши были прочитаны не мною, а С.М. Некрашевичем. Произвели они большое впечатление». Далее он раскрыл суть того «безграмотного выпада» Лёсика против Ляпунова, о котором глухо сообщал Волк-Леванович. Этот выпад справедливее было бы охарактеризовать как скандальный. «Защищаясь от нападений, — писал Бузук Ляпуно-

ву, — Лёсик заявил о том, что “акад[емик] Ляпунов не признает ни белорусского, ни украинского языка”. Это вызвало бурю негодования. Запротестовал и Фасмер, присутствовавший на конференции, и Сержпатовский, завед[ующий] Этнографич[еским] отделен[ием] Русск[ого] музея — известный, должно быть, Вам этнограф и др[угие]. В своем слове я резко возражал Лёсику, указавши на то, что Вы ведете теперь в Ленингр[адском] Универс[итете] курс украинск[ого] яз[ыка], чего бы не могло быть, если бы Вы отрицали права этого языка. Инцидент, возникший вокруг Вашего письма, газеты замолчали»⁶⁵. Отметим, что в теоретическом плане Ляпунов легко сочетал старое представление о соотношении восточнославянских языков с новой интерпретацией этого вопроса. Так, например, в некрологе А.И. Соболевскому он, отмечая заслуги покойного, писал о нем как о знатоке «языка русского во всем его диалектном разнообразии, или, как теперь предпочитают говорить, — языков русского литературного и великорусского, с одной стороны, и украинского и белорусского, с другой»⁶⁶.

В итоге писал Бузук: «Оба проекта Лёсика — и по вопросу об азбуке, и по вопросу о реформе правописания, провалились. Против него выступали многие, в том числе Некрашевич, который в подкрепление своих возражений Лёсику и прочитал Ваше письмо, Волк-Леванович и я. Посылаю Вам свою брошюру, направленную против его мыслей об реформе правописания»⁶⁷.

Охарактеризовал ход и главный, с его точки зрения, итог конференции Некрашевич в подробном письме Карскому от 8 декабря 1926 г., в котором подчеркнул и свое отношение к самой идее проведения конференции. «Перед Конференцией я собирался было Вам написать, — сообщил Некрашевич, — но потом отложил. Дело в том, что я был против созыва подобной конференции, находя ее несвоевременной. Правда, конференция, сверх моих ожиданий, прошла довольно гладко. Конкретных результатов, как и следовало ожидать, конференция дала очень мало, потому что вопросы правописания у нас предварительно не были надлежащим образом разработаны. Горячим сторонником созыва конференции был известный Вам Лёсик, который хотел во чтобы то ни стало провести в жизнь свои принципы правописа-

ния, — полный фонетический принцип не только относительно гласных, но и согласных. Некоторые лица высказывались за созыв Конференции по мотивам другого порядка. Во всяком случае, Конференция была созвана»⁶⁸. С не меньшим удовлетворением, чем Волк-Леванович и Бузук, Некрашевич резюмировал: «На Конференции Лёсик, как и следовало ожидать, окончательно провалился. Помог ему в этом главным образом я»⁶⁹. Заметим, что последнюю фразу Некрашевич счел нужным добавить в уже готовый текст письма, она вписана более мелким почерком.

Из письма видно также, что Некрашевич приложил большие усилия, чтобы попытаться поднять собственно научный уровень конференции. «Чтобы оживить ее деятельность, — писал Некрашевич, — я предложил поставить несколько более общих вопросов: 1) о современном исследовании белорусского языка (мой доклад; 2) о месте белорусского языка среди других славян[ских] языков (доклад П. Бузука) и несколько других»⁷⁰. Некрашевич, безусловно, считал Карского своим единомышленником, поэтому, завершая свой рассказ о конференции, он сетовал: «Жаль, что не было Вас. К Вашему бы голосу все чутко прислушивались, и Вы бы на Конференции безусловно испытали чувство глубокого удовлетворения. Я это заранее предвидел, и если не написал Вам об этом, то исключительно только потому, как я уже об этом сказал и раньше, что был настроен крайне оппозиционно к Конференции»⁷¹. Информировал Некрашевич и о новых структурных изменениях в Инбелкульте, в результате которых он возглавил «Адзел мовы і літаратуры»⁷².

Мы полагаем, что некоторые ученые предполагали, что на конференции дело не обойдется без выпадов с политическим подтекстом, тем более что о «черносотенстве» Карского в печати уже выступали видные белорусские деятели, и поэтому отказались от участия в ней. Полную поддержку и одобрение решению Карского выразил Соболевский. «Хорошо сделали Вы, — писал он 6 февраля 1927 г., — что в Минск не поехали»⁷³.

Академическая конференция стала толчком и к обострению научных противоречий и личных отношений среди лингвистов, выступавших на ней единым фронтом против проектов Лёсика. В уже упоминавшемся письме Ляпунову от 23 ноября 1926 г. Волк-

Леванович сетовал: «С П.А. Бузуком у меня какие-то неопределенные отношения. С своей стороны я был всегда благожелательно к нему настроен. Но он имеет несколько странную черту характера: часто принимает несогласие мое с ним в чисто научных вопросах как бы за личную обиду. Нечто подобное случилось и на конференции, где я (солидарно с проф. Фасмером, но, конечно, с ним мы отнюдь не сговаривались) выступал в защиту объединения метода “праязыка” с методом “изоглос” против желания П.А. первый метод окончательно устранить»⁷⁴.

Г. Цыхун в своем исследовании обратил особое внимание именно на дискуссию на Академической конференции об определении «места белорусского языка среди других славянских народов»⁷⁵, а также времени его возникновения. И «по этому коренному вопросу чаще всего мнения сходились на противопоставлении теории родословного дерева и теории волн»⁷⁶⁷⁷. Причем, как отмечает тот же исследователь, присутствовавший на дискуссии М. Фасмер, «глядя со стороны, не увидел сущности предмета спора, который казался ему схоластическим. Между тем, белорусские участники дискуссии очень хорошо ее чувствовали»⁷⁸.

Не вдаваясь в лингвистическую сущность данных теорий, можно сделать вывод о том, что приверженцы теории волн существенно удревняли происхождение белорусского языка. Кроме того, волновая теория давала возможность отрицать существование «прарусского» или общевосточнославянского (восточнославянского) языка.

В связи с дискуссией о теории родословного дерева и теории волн Г. Цыхун разделил в своем исследовании их сторонников на два направления. Первое он определяет как «петроградское», к нему, в частности, относился И.В. Волк-Леванович. Ему «противостояло направление, условно названное нами “одесско-минским”, возглавляемое П. Бузуком»⁷⁹. Определение «одесско-минское» объясняется в основном тем, что Бузук переехал в Минск из Одессы. Мы полагаем, именовать это направление «одесским» нет достаточных оснований. Наиболее непримиримым критиком Бузука выступал, как мы увидим далее, ведущий лингвист именно Новороссийского (Одесского) университета А.И. Томсон. Не разделял взглядов своего ученика и Б.М. Ляпунов. Таким обра-

зом, направление, которое возглавлял Бузук, в лучшем случае можно считать только «минским». При этом термин «минский» должен пониматься не в смысле указания территориального, а идеологического, т. к. тот же Волк-Леванович, белорус, отнесенный к «петроградскому» направлению, начал работу в Минске еще раньше Бузука.

Не вызывает сомнений, что явно выраженная национальная ориентация некоторых белорусских лингвистов, в условиях подерживавшейся властями политики белорусизации, оказывала самое существенное влияние на использование ими тех или иных лингвистических теорий при обращении к исследованию истории белорусского языка и создавала серьезные трудности для ученых, придерживавшихся в науке иных взглядов.

Внимательно следившие за подобными дискуссиями представители русской славистической элиты относились с высоты академического знания к последователям таких теорий, как теория волн, с разной степенью строгости. Возможно, иногда они не учитывали национального контекста функционирования подобных теорий, подозревая их приверженцев в недостаточной профессиональной подготовке. Наиболее бескомпромиссным и эмоциональным критиком в рассматриваемых случаях выступал А.И. Томсон. Особенно доставалось от него Бузуку за выступление на уже упоминавшейся конференции. Опубликованный отчет о конференции произвел на Томсона столь сильное впечатление, что он дважды в течение 12 дней марта 1927 г. выражал в письмах Ляпунову свое возмущение.

Ученый писал Ляпунову 1 марта 1927 г.: «На днях получил “Наш край”, 1927, № 1⁸⁰, Менск, где, стр. 4, мудрый Бузук ретиво “доказвае самастойнасьць беларускай мовы, выводзячы яе ня з прынятай расійскай школай прарускай мовы, а з асн. славянскай”. Перещеголял Смаль Стоцкога!⁸¹ Бесцеремонный шарлатан, выражаясь по-одесски. Когда б[ело]рус[ский] всеми своими особенностями связан именно с окружающими частями русск[ого] языка. По его теории волн можно и язык бойков считать самостоятельным. Вот что значит проходить науки в сокращенном виде»⁸². Томсон, несколько успокоившись, вновь писал Ляпунову 12 марта, повторяя ту же цитату из журнала

«Наш край», точно указывал на то, что в журнале «есть краткое сообщение (о Минской Конференции) о докладе Бузука, который, “карыстаючыся тэорыяй хваль* [...]”. Впрочем, сообщение не заслуживает серьезного внимания: чем бы дитя ни тешилось... Можно и говор села Убли вывести из праслав[янского] непосредственно, строя на волнах или песце»⁸³.

Томсон и далее продолжал следить за творчеством Бузука. В письме Ляпунову 12 марта 1928 г. он благосклонно отозвался о критической рецензии, появившейся на Украине о работах Бузука по украинскому языку. Томсон вновь обратился к основным недостаткам Бузука. «Его самостийність и теория волн, — отмечал ученый, — показывают уже, как поверхностно проработаны им вопросы. Легкомысленно судит обо всем, о чем не может иметь самостоятельного суждения»⁸⁴. Следующее замечание Томсона показывает, что ученый прекрасно осознавал, что при становлении новой отрасли филологического знания возможно более либеральное отношение к ее достижениям. Но такое время, по его мнению, уже прошло. «Теперь, — подчеркивал Томсон, — критика должна требовать уже большего в украинской филологии, чем несколько лет тому назад». В конце письма ученый опять, и в более резкой форме, отозвался об основном теоретическом постулате Бузука. «Насколько он дорожит научной истиной, показывает его самостийность белорус[ского] яз[ыка], который в сущности совокупность разнородных переходных говоров. Бешенство с теорией хваль — одно невежество: никакая волна не распространяется там, где ей родственным деревом не подготовлена почва»⁸⁵, — утверждал Томсон. Отрицание «прарусского» языка в определенном смысле могло сблизить Бузука в восприятии сторонников традиционной славистики с марристами, также яростно выступавших против существования праязыков. Это сближение позволило Ильинскому горестно восклицать в письме Ляпунову от 24 августа 1931 г.: «В июне м[есяце] меня посетил П.А. Бузук. Увы! и он, по-видимому, окончательно продал свою шпагу представителям новейшего маргариновог[о] языкознания! А как хорошо он начинал свою научную деятельность!»⁸⁶.

* Далее в тексте следует продолжение цитаты, уже приводившейся в письме от 1 марта.

Много места в письме Томсона занимает весьма нелестная характеристика моральных качеств Бузука⁸⁷. Здесь Томсон был не одинок, еще более резким критиком этих недостатков Бузука выступал Г.А. Ильинский⁸⁸. Однако Томсон призывал Ляпунова не сердиться на своего ученика. «Свет и критика проучат его до известной степени»⁸⁹, — заключал ученый.

Более терпимо относился к научным промахам Бузука Дурново, хотя в основном его работы и вызывали у ученого негативную реакцию. Отметим, что Бузук внимательно и даже ревностно, как мы покажем дальше, следил за отзывами на свои работы. Он интересовался у Ляпунова 17 апреля 1926 г.: «Г.А. Ильинский сообщил мне о том, что в последних № есть рецензия Дурново на мою книжку⁹⁰. Не знаю, что он написал. Здесь “Славия” не получается»⁹¹. Рецензия Дурново действительно появилась в № 3 журнала «Slavia» за 1925 г. Дурново следил за лингвистической литературой, выходившей в СССР, в том числе и за трудами Бузука. Ученый писал из Брно 5 мая 1926 г. Ляпунову о двух ранее прочитанных им работах Бузука и специально о последней брошюре: «Обе вещи мне очень не понравились, а потому и в “Короткій історіі” мне, прежде всего, бросились в глаза те недостатки, какие я заметил там: некоторое легкомыслие, апломб и т.п., его полемика с Шахматовым и другими не отличается такой горячностью, резкостью и грубостью, как у украинцев, но носит какой-то мальчишеский характер»⁹².

«Мне кажется, — продолжал Дурново, — что “Коротка історія” представляет вообще тактическую ошибку: стремление выдать себя за щирого украинца, сохраняя традиции неукраинской школы. Подчеркивание своего украинизма приводит м[ежду] пр[очим] к употреблению в языке, чтобы не обвинили в москальстве, таких полонизмов, которых и украинцы избегают». Ученый видел серьезные недостатки и в освещении историографии проблемы: «Далее, в такой маленькой брошюре, как “Коротка історія”, возможно только двоякое отношение к своим предшественникам: или изложение существующих взглядов, как они есть, причем автор снимает с себя всякую ответственность за их правильность, или изложение своих взглядов, основанное на самостоятельной проработке этих вопросов. У Бузука нет ни того,

ни другого». И довольно строго Дурново замечал: «Не произведя даже ничтожной доли той работы, какая произведена Шахматовым, он однако с большой самоуверенностью с ним полемизирует. Конечно, с Шахм[атовым] в очень многих случаях соглашаться нельзя, но для того, чтобы его опровергать, надо на что-ниб[удь] опираться, а у Б[узука] никаких собственных точек опоры нет»⁹³.

Солидаризировался Дурново и с мнением Томсона относительно его теоретических исканий. При этом ученый высоко ценил увлеченность Бузука научной работой, видел и его реальные достижения. Дурново писал Ляпунову 19 апреля 1929 г. о Бузуке: «Теперь у него *idée fixe*: автономность языковых явлений: нет языков, нет говоров, есть и были только изоглоссы. Идея в ее чистом виде, по-моему, абсурдная, но как рабочая гипотеза при собирании и анализе диалектологического материала плодотворная. Руководясь ею, он проделал очень ценную работу по составлению диалектологического атласа белорусских говоров, а теперь собирается продолжать ту же работу в области украинских говоров. Хотя он в Белоруссии и недолго, но для изучения б[ело]р[усских] говоров сделал больше самих белорусов; я бы сказал, даже больше самого Карского, который, гл[авным] о[бразом], собирал материалы по истории белор[усского] языка, а не по диалектологии»⁹⁴.

Безусловно, Бузук заботился и о том, чтобы придать лингвистическим изданиям Инбелкульта более высокий научный статус. Поэтому он активно приглашал коллег из разных городов Союза принимать в них участие. Бузук, в частности, писал 26 ноября 1927 г. Ляпунову: «Он (Дурново. — М. Р.) прислал, м[ежду] проч[им], для I т[ома] Сборн[ика] отд[еления] яз[ыка] и лит[ературы] Инбелк[ульт]а свою статью о подкарпатских говорах. Получится довольно интересный том: кроме Дурново, будут статьи других гостей — Булаховского, Ильинского, Расторгуева»⁹⁵. Через месяц, 22 декабря, Бузук вновь приглашал Ляпунова, отмечая, что «в I томе будет ряд статей не минских лингвистов»⁹⁶.

Работы других белорусских гуманитариев также не оставались без внимания известных русских славистов-белорусоведов и часто удостаивались достаточно критических оценок. Так, М. Фасмер, получив заказанную Карскому для своего журнала «*Zeitschrift für slavische Philologie*» рецензию на одну из работ

будущего академика БАН В.У. Ластовского, отмечал в письме ученому от 24 октября 1927 г.: «Вашу рецензию на Ластовского я прочел с большим интересом и был поражен ограниченностью горизонта Л[астовского]»⁹⁷.

Но столь критическое отношение отнюдь не распространилось на всех белорусских филологов, о чем свидетельствует история с выдвижением И.И. Замотина в члены-корреспонденты АН СССР. Вопрос о выдвижении Замотина поднял в начале 1927 г. А.И. Соболевский. По этой причине у него даже возник конфликт с председательствующим в Отделении русского языка и словесности В.М. Истриным. Соболевский не был доволен деятельностью Истрина по пополнению Отделения, поэтому был довольно резок. Как отвечал ему 19 февраля 1927 г. Истрин, заявление Соболевского «не может быть доложено в заседании Отделения, так как оно содержит в себе выражения, недопустимые в официальном заседании. Частным образом Ваше Заявление известно членам Отделения»⁹⁸. Однако на выборах конца 1927 г. Замотин все же был выдвинут. Об итогах выборов Истрин сразу же 10 декабря сообщил М.Н. Сперанскому: «Забаллотирован Замотин, которого представлял Карский»⁹⁹. Необходимо отметить, что выборы Замотина происходили в период ликвидации ОРЯС как независимого структурного подразделения в Академии наук и внутренних раздоров среди его членов¹⁰⁰. Как предполагал В.Н. Перетц в письме Соболевскому 30 декабря, именно поэтому «некот[орые] члены б[ывшего] III отд[еления] (Отделение истории и филологии. — М.Р.) — навалили черняков И.И. Замотину, которого представляли в чл[ены]-к[орреспонденты] Карский и я»¹⁰¹.

Замотин описал свое состояние после получения неприятного известия в письме Ляпунову от 5 января 1928 г. «Из письма Е.Ф. Карского, — сообщал Замотин, — я узнал с большим запозданием (письмо пролежало в канцелярии унив[ерситета]та две недели слишком) о постигшей меня неудаче при баллотировке в члены-корреспонденты Академии Н[аук].

Эта неудача произвела на меня тяжелое впечатление, тем более что дело шло не о штатном месте (академика. — М.Р.), а лишь об оказании известного внимания научному работнику, рабо-

тающему уже 30 лет в области своей специальности. Из того же письма Е.Ф. Карского я узнал, что отзыв обо мне был подписан, помимо Е.Ф., Вами и В.Н. Перетцем. Я приношу Вам, глубоко-уважаемый Борис Михайлович, искреннюю и глубокую благодарность за оказанное мне внимание и моральную поддержку, которые для меня, работающего в нелегких условиях для своего возраста, очень ценны»¹⁰².

Замотин, несмотря на неудачу с выборами, продолжал тесно сотрудничать с поддерживавшими его московскими и ленинградскими коллегами. Он информировал их о своих новых публикациях в белорусских изданиях. Так, в письме от 22 апреля 1928 г. он сообщал Соболевскому: «Я послал Вам два выпуска своих исторических очерков, — увы! Опять на белорусском языке. Чувствую, что я угнетаю своих русских читателей своим бел[орусским] языком. Но что делать? Иначе здесь ничего не напечатаешь. Между прочим, эти очерки были бы очень кстати и на русском языке, пот[ому] что, несомненно, заинтересовало бы русские преподавательские круги. Но вряд ли мне удастся их издать по-русски»¹⁰³.

Замотин все-таки был избран членом-корреспондентом АН СССР в 1929 г., уже став до этого в 1928 г. академиком Белорусской АН. Не исключено, что сотрудничество Замотина с видными русскими академиками-славистами стало дополнительным его «прегрешением» перед властями. В 1934 г. он был арестован и давал «показания о существовании мифической “Российской национальной партии”»¹⁰⁴. Замотина* вынудили дать показания на арестованного в Москве А.Н. Вознесенского, который ранее работал в Минске, откуда его «изгнали “нацдемы” как “великодержавного шовиниста”»¹⁰⁵. Дело РНП получило в научной традиции название «Дело славистов», по нему были осуждены практически все так или иначе тесно связанные с белорусскими делами русские ученые-слависты — и Дурново, и Расторгуев, и Ильинский, и Перетц. Замотин не был привлечен к этому делу, но и его позже постигла та же участь.

С середины 1927 г. в Белоруссии началась подготовительная работа по преобразованию Инбелкульта в Академию наук¹⁰⁶, и

* Факт причастности И.И. Замотина к «Делу славистов» не отмечен в книге: *Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М. «Дело славистов»: 30-е годы. М., 1994.*

многие члены Института стали первыми белорусскими академиками, в том числе и приехавший в Минск в начале года Н.Н. Дурново. Переговоры с ученым от лица Инбелкульта вел Бузук. Так, 24 октября 1927 г. он сообщал Дурново: «Теперь обращаюсь к Вам с одним официальным предложением. Не согласились ли Вы приехать в Минск для научной работы в институте Белорусской культуры в Бел. Ак. Наук. Вас хотят просить взять на себя кафедру ист. бел. языка (каф. истории Белоруссии заведует проф. Пичета)»¹⁰⁷.

Через две недели, 14 ноября, он информировал Дурново о ходе дела: «Председатель Гуманитарн[ого] (Ист[орико] — Филол[огического]) Отд[еления] ИБК С.М. Некрашевич просил передать Вам о том, что поставленные Вами условия являются вполне приемлемыми для Инбелкульта. [...] Думаю, что не позже, чем недели через две, вам будет послано официальное приглашение»¹⁰⁸. Бузука даже несколько задевало, когда мысль устроить Дурново в Белоруссии приписывали не ему. Так, он уточнял в письме Ляпунову от 26 ноября: «Карский не совсем точно сообщил Вам относительно приглашения проф[ессора] Дурново в Минск. Не Университ[ет], а Инст[итут] Бел[орусской] Культ[уры] приглашает его занять кафедру истории бел[орусского] языка. Он, конечно, получит несколько часов и в Университете, как заявил мне Пичета. Инициатором этого приглашения являюсь я. Мне пришлось писать и отзыв о научных трудах Н.Н. Дурново. Проф[ессор] Дурново охотно согласился, и через некоторое время мы надеемся увидеть Н[иколая] Н[иколаевича] в Минске. Осталась еще одна серьезная инстанция — утверждение выборов в Совнарком»¹⁰⁹.

Дело с приглашением несколько затянулось, что вызывало крайнюю обеспокоенность семьи. Жена писала Дурново четвертого января 1928 г.: «Неужели и 28-ой год будет для нас таким же тяжелым как последние 3 года. Неужели с Минск[ом] ничего не выйдет? А мы так все надеялись и ждали тебя к Рождеству. Впрочем, пока нет отрицательн[ого] отв[ета], надежда еще остается. Меня очень беспокоит, что если в Минске ничего не выйдет, будет ли у тебя какой-нибудь заработок. Не пропусти чего-нибудь из-за того, что ждешь ответа из Минска, и не останься без заработка. Это было бы ужасно»¹¹⁰. В следующем письме

жены звучали уже панические ноты: «Все это время поджидали от тебя хороших вестей из Минска, но видно не судьба еще нам жить вместе. Очевидно, что ты не утвержден, а то чего бы им тянуть так долго»¹¹¹. Но к концу января дело с переездом в Минск перешло в завершающую стадию. Уже встал вопрос о выделении средств Дурново на дорожные расходы. По-прежнему все дела с белорусской стороны по поручению Некрашевича вел Бузук. Он сообщил 23 января, что председатель Инбелкульта «постановил выслать Вам на дорожные расходы 100 р. (50 с лишн[им] долларов)», и что «завтра, не позднее послезавтраш[его], деньги (на посылку каковых, оказывается, нужно разрешение Нар[одного] Ком[иссариата] Финанс[ов]) вместе с официальным приглашением будут высланы Вам»¹¹². «Таким образом, — завершал письмо Бузук — на основании Вашего письма, в котором Вы писали, что после получения приглашения Вам понадобится недели полторы на приготовления к отъезду, мы Вас будем ожидать в первых числах февраля»¹¹³. Желание Бузука видеть Дурново в Минске было столь велико, что он предпринимал титанические усилия для реализации своего плана. Уже на следующий день он «вдогонку» посылает Дурново новое письмо, в котором отчитывается о предпринятых усилиях: «Очень хорошо, что Ваше письмо пришло до моего отъезда, а также до отсылки денег. Сейчас же после получения Вашего письма я отправился в Инбелкульт и добился того, что вместо 100 р. Вам согласились послать 175 р. Увеличить сумму еще больше нельзя по чисто формальным соображениям. Ведь это посылается сумма на дорожные расходы, но она не подлежит возврату, и посему хозяйственный отд[ел] ИБК и боится ее слишком большого увеличения. Как Вы подтвердили своим письмом, ИБК действительно не ошибся, исчисливши расходы по Вашему переезду в 100 р.

Но я нашел другой выход. Вспомнивши о Вашей статье, я взял из типографии ее корректуру, чтобы подсчитать в ней количество печатных знаков. Таким образом, удастся, должно быть, к 175 р. присоединить еще рублей 45—50»¹¹⁴.

Многие коллеги-слависты были в курсе планов переезда Дурново в Минск, интересовались ходом дела и по-разному отнеслись к такому шагу ученого. Н.С. Трубецкой, собиравшийся на-

вестить Дурново в Брно, писал ему 15 ноября 1927 г.: «Очень рад за Вас, что судьба Ваша, наконец, определилась и, притом, определилась в такой форме, которая дает Вам возможность вновь соединиться с Вашей семьей»¹¹⁵.

Информация о планах Дурново быстро распространилась и на родине. А.Н. Дурново писал отцу 30 ноября 1927 г.: «Сообщи только тебе, что о твоём приезде говорят многие, между прочим, об этом слышно в Ленинграде (говорил Сперанский) и здесь»¹¹⁶. Ляпунов 4 января 1928 г. сетовал: «Очень жаль, что Ваше дело о переезде в Минск так затянулось и что неизвестность ставит Вас в затруднительное положение. Бузук писал мне, что задержка выборов произошла по болезни Некрашевича»¹¹⁷.

«Как Ваши дела с Минском?»¹¹⁸ — интересовался из Швейцарии в письме от 4 января С.О. Карцевский. Обосновавшийся в Югославии С.М. Кульбакин хотел уточнить в письме от 22 января полученную им информацию: «Недавно писал мне Булаховский, что Вас выбрали в Минске. Вероятно Вы пошли бы? Это Вам удобнее всего в смысле соединения с семьей!»¹¹⁹. Следующий далее пассаж письма содержит сведения о планах, осуществление которых могло бы коренным образом изменить дальнейшую судьбу Дурново. «Если же из этого ничего не выйдет, — писал Кульбакин, — то у нас с Беличем есть планы устроить Вас в Белграде, но пока не решится вопрос с Минском — не стоит об этом говорить»¹²⁰. К числу тех коллег Дурново, кого смущали его планы, относился Ильинский. Он прямо выражал в письме от 21 января 1928 г. большие опасения по поводу решения Дурново обосноваться в Минске: «Мне очень обидно за Вас, что Вы меняете Вгпо на Минск, осиное гнездо б[ело]р[усских] шовинистов. Человек с самостоятельным характером едва ли там уживется, — от туда бегут все, кто только может»¹²¹.

На основании какой информации Ильинский мог прийти к такому выводу? Совершенно определенно таким источником мог служить для него Ляпунов, которого в свою очередь о состоянии белорусской филологической науки, о тех ее направлениях, которые пользуются определенной общественной и государственной поддержкой, снабжал Волк-Леванович. Так, еще в середине октября 1925 г. Волк-Леванович писал Ляпунову: «Последняя

работа¹²², сомневаюсь, будет ли вообще даже напечатана, т.к. в ней есть места, кои могут не понравиться моим компатриотам из крайнего националистического лагеря, имеющим влияние»¹²³. Через год положение не улучшилось, и 23 ноября 1926 г. Волк-Леванович сообщал: «Положение мое в Минске не особенно прочное по причине неприязненного ко мне отношения всяких Лёсиков и их присных — ярых шовинистов, а главное невежд с большими претензиями. Меня здесь готовятся съесть, т.е. попросту выгнать из Университета за то, что я, по их мнению, недостаточно “истинный” белорус»¹²⁴. Уже тогда Волк-Леванович задумался о перспективе покинуть Белоруссию. Он просил Ляпунова поискать для него «в Ленинграде в каком-либо научном учреждении [...] местечко» и был готов согласиться «на место в любом университете, большой библиотеке или ином каком-либо научном учреждении в любом университетском городе»¹²⁵.

Как уже отмечалось, жаркие споры, связанные с проблемами функционирования и истории национального языка, приводили в белорусском научном сообществе к осложнению личных отношений. В 1927 г. научные разногласия Бузука и Волк-Левановича превратили их во врагов. И оба они жаловались друг на друга Ляпунову, ища у него сочувствия и поддержки. Конфликт зашел так далеко, что уже и Бузук писал 23 октября 1927 г.: «Хотелось бы и мне переехать в какой-нибудь другой город из Минска. Здесь в Университ[ете] не вполне приятн[ая] атмосфера. Как и следовало ожидать, В[олк]-Леванович, начинает меня “благодарить” за то, что в свое время я отказался ради него от кафедры истории б[е]л[о]р[усского] яз[ыка], и за то, что я представлял его к доцентуре»¹²⁶. Со своей стороны Волк-Леванович называл Бузука «quasi-ученым» и отмечал в многостраничном и чрезвычайно эмоциональном письме Ляпунову от 5 ноября: «Ухудшение наших отношений последовало после Акад[емической] Конференции по реформе азбуки и правописания (в окт[ябре] 1926 г.): г. Бузук не может мне простить моего выступления по его докладу». Передавал он и подробности неприятного разговора относительно утверждения его «в должности доцента». По мнению Волк-Левановича: «Он (Бузук. — М. Р.) написал такой отзыв, что если бы не хорошие отзывы Е.Ф. Карского и И.И. Замотина, то

такой отзыв г. Бузука способен был бы только провалить мою кандидатуру»¹²⁷.

Он считал, что Бузук действовал против него, «подогретый моими врагами из шовинистического лагеря». Неприязнь к себе Волк-Леванович относил к особенностям характера своего оппонента, которому «совершенно чужды черты товарищеской солидарности: он хорош только с теми, кто в данный момент силен; заискивает и выслуживается перед нашими “шчырымі” шовинистами, вместе с ними и в угоду им лягает самым безобразным способом русскую культуру и русский язык и пр. и т.п.»¹²⁸. Волк-Леванович просил у Ляпунова разрешения сослаться на его мнение о своей научной работе, если оно «менее сурово», чем суждение Бузука, потому что ссора перестала быть их личным делом. Волк-Леванович «обратился к товарищескому суду и теперь предстоит разбор этого инцидента», и как он подозревал, Бузук «на этом публичном “позорище” постарается к удовольствию шовинистич[еской] клики втоптать мою репутацию научного раб[отни]ка в грязь и чем вынудит меня оставить не только Ун[иверсите]т, но и Белоруссию»¹²⁹.

Необходимо отметить, что Волк-Леванович относился к своему научному творчеству довольно здраво и самокритично. «Я не отрицаю, — признавался он Ляпунову, — что у меня могли быть и могут быть lapsus’ы, ибо я вернулся к научной работе после длительного перерыва, вызванного моим пребыванием на военной службе в течение 8-ми лет (с 1914—1922 г.). Он также особо просил Ляпунова: «Не предпринимайте, будьте добры, никаких шагов к примирению моему с г. Бузуком: это невозможно»¹³⁰.

26 ноября 1927 г. уже Бузук обратился к Ляпунову с письмом не менее эмоциональным, пространным, полным критики Волк-Левановича за ошибки, а также и обид на самого Ляпунова за позицию, занятую в этом конфликте. В письме упоминалась и возможность третейского суда, содержалась просьба использовать при разбирательстве отзывы Ляпунова об обоих белорусских ученых. Последняя возможность очень не понравилось Ляпунову. Позиция ученого становится ясной из письма. «Напрасно Вы, Борис Михайлович, — сетовал Бузук, — так испугались того, что при ликвидации создавшихся отношений между мной и Волк-

Левановичем я мог бы сослаться на Ваше письмо, в котором Вы писали о статье Волка-Левановича»¹³¹. Далее Бузук следующим образом описывал взгляд Ляпунова на конфликт: «Вы пишете, что у Вас нет ни охоты, ни времени вмешиваться в отношения между “отдельными представителями” Минского университета, являющимися представителями “разных школ и направлений”». Такая позиция не встретила у Бузука понимания. «И посему, — заключал Бузук, — дорогой Борис Михайлович, Вы глубоко меня обидели, сравнивши с Волком-Левановичем»¹³².

Ляпунов, почувствовав, по-видимому, слишком нервный тон письма своего ученика, постарался его успокоить. И тот 22 декабря отвечал Ляпунову: «Искренно благодарю Вас за Ваше теплое письмо от 12-го декабря, ободрившее меня, и за Вашу открытку от 15-го декабря. Я уже стал, было, даже жалеть, что излил свою обиду в письме Вам, но, к сожалению, в последнее время довольно часто приходилось переживать подобные минуты огорчения, что и сделало меня несколько более чувствительным, чем следует». Но это же письмо свидетельствует о болезненной¹³³ амбициозности Бузука. «Если, с одной стороны, — жаловался он Ляпунову, — я встречаю в печати отзывы и упоминания о моих работах более или менее беспристрастные (Кульбакина, Брюкнера, Ван-Вейка и др.), то, с другой стороны, не могу не заметить умышленно-обидного и незаслуженного, как мне кажется, игнорирования моих работ в статьях другой части лингвистов. Не случайно также, полагаю я, не упоминает обо мне и Советская Энциклоп[едия] (7-й т[ом]), в то время как ряду моих сверстников в науке (напр[имер], Бубриху) она уделяет свое внимание»¹³⁴.

В начале 1928 г. в белорусской периодической печати разгорелась дискуссия, носившая не столько научный, сколько идеологический характер. Объектом критики оказался Волк-Леванович, который старался в своих письмах Ляпунову не только подробно описывать ход событий, но и вскрывать не всегда видимые причины взаимного ожесточения спорящих. В письме от 26 февраля он сообщал: «Начались реальные для меня неприятности, связанные с моими “Лекциями”^{*}, экземпляры которых

* Волк-Левановичу все-таки удалось напечатать в 1927 г. на гектографе свои «Лекцыі па гісторыі беларускай мовы».

Вы имеете. Тут “шчырым”, вроде Я. Лёсика, Ластоўскага і др., многое в этих лекциях не понравилось; а Лёсику главным образом, конечно, на руку был случай свести свои со мною счёты за рецензию на его синтаксис. Я считаю, что прочей “шчырай” братии не понравился главн[ым] обр[азом] “русский дух” этих лекций, т.е. теория “прарусского” языка и т.п.; внешне они придрались к моему правописанию слов иностр[анного] происхождения и моему словарю, в котором-де много “русицизмов” (про “полонизмы” — ни гу-гу!)¹³⁵. Методы, которыми пользовалась национально ориентированная группа белорусских лингвистов, можно отнести к разряду погромных. «Ошельмовали меня в печати, — сообщал Волк-Леванович, — незнающим белор[усского] языка и безграмотным, вспомнили Иловайского и черную сотню и т.д. Мой ответ напечатали только спустя 2 недели; но вслед за тем поместили еще письма в редакцию, в которых вместе с новым искажением фактов вылито еще изрядное количество грязи на мою персону»¹³⁶. В результате такого развития событий ученый заключал: «Мое решение покинуть Белор[уссию] крепнет с каждым днем»¹³⁷.

Ляпунов, по-видимому, воспринял послание Волк-Левановича как призыв о помощи и предложение вступить во внутрибелорусскую дискуссию. Очевидно, что его позиция «невмешательства» была ему известна, поэтому Волк-Леванович поспешил успокоить академика. «Спешу попросить у Вас извинения, — писал он 28 марта 1928 г., — за свое беспорядочное и наскоро написанное предыдущее письмо, которое Вы потому и поняли не совсем так, как я хотел того. Я совершенно согласен с Вами, что ввязываться в полемику по моему вопросу не дело ученых, особенно в полемику с Лёсиками. Я бы и сам не отвечал на такие выпады, живи мы здесь в иных условиях, чем наши. Здесь ведь нет академической атмосферы и потому приходится volens-polens иной раз отвечать на неакадемические выпады. Хотя, пожалуй, может быть, было бы лучше, если бы я вовсе не отвечал на весь этот лай»¹³⁸. Кроме того Волк-Леванович еще специально подчеркивал: «Само собой разумеется, что я Вашего отзыва не стану применять для своей защиты здесь в Белоруссии, в этом даю Вам слово»¹³⁹.

Дополнительные коррективы в планы Волк-Левановича внесло появление в Минске Н.Н. Дурново. Авторитет этого лингвиста был столь очевиден для всех, что Волк-Леванович прямо писал Ляпунову: «Кроме того, я полагаю (таково мое намерение), что курса истор[ии] белор[усского] яз[ыка] в Белор[усском] ун[иверсите]те я более читать не буду и при первой же встрече с Н.Н. (Дурново. — М. Р.) предложу ему освободить от него меня, так же, как и от курса русской грамматики. Если бы даже я и остался в Минске, то не счел бы себя морально вправе читать эти курсы при наличии такого солидного ученого, как Н.Н. Я испытываю большое моральное удовлетворение, что могу передать эти курсы в такие надежные руки»¹⁴⁰.

В заключение письма Волк-Леванович констатировал: «Я не считаю для себя возможным оставаться в Ун[иверсите]те и вообще в Белоруссии: слишком достаточное время (скоро 5 лет) я подвергался здесь незаслуженным гонениям, и разыгравшаяся теперь история является последней каплей, переполнившей, как принято говорить, чашу...». Единственное, о чем он просил Ляпунова, было дать ему рекомендации для Саратова, где он нашел себе новое место работы¹⁴¹.

Как всякую полемику, осложненную идеологическими факторами, научный спор было решено завершить оргвыводами. Менее чем через месяц, 15 апреля, Волк-Леванович извещал Ляпунова: «В данный момент я посажен на скамью подсудимых. При Наркомпросе Белоруссии создана комиссия “для ацэнкі навуковай і пэдагогічнай дзейнасці доцэнта БДУ Воўк-Левановіча”, как о том известила “Савецкая Беларусь” в № 86, от 11.IV. с.г. (на видном месте, жирным шрифтом).

Причина создания комиссии: ряд статей (т.е. клеветнических пасквилей, начатых “аглядам” моих “Лекцыі па гіст[орыі] бел[арускай] м[овы]” Я. Лёсиком), которые появились за последние два месяца на страницах “Сав[ецкай] Бел[арусі]” по моему адресу и конфликту между мною и группой студентов, “прыхільнікаў” Я. Лёсика, кот[орый] с моей стороны абсолютно ничем не вызван». Однако время прямых репрессий своих научных оппонентов еще не настало. «Решено запросить, — продолжал Волк-Леванович, — письменные отзывы о моих научных рабо-

тах от пяти специалистов: двух — Минских и трех посторонних (от проф. Н.Н. Дурново и проф. П.А. Бузука; от Вас, профессора Г.А. Ильинского и проф. П.А. Расторгуева)»¹⁴².

Судя по тому, что Волк-Леванович остался в Минске, дело с его полной научной дискредитацией успеха не имело, но враждебное отношение к нему осталось. Так, 12 сентября следующего 1929 г. он был вынужден оправдываться уже перед Е.Ф. Карским. «Между прочим, — отмечал Волк-Леванович, — среди всевозможных сплетен, коими занимаются наши “компатриоты”, пущена одна весьма злостная, приписывающая мне такие слова по Вашему адресу, которых я никогда не говорил и не мог говорить. К счастью, есть много свидетелей, кои могут установить истину, а Вас, если эта сплетня уже до Вас дошла, прошу не верить ей ни на йоту. При случае расскажу, в чем дело»¹⁴³.

Общий уровень новообразованной Белорусской Академии наук произвел на ученых Москвы и Ленинграда негативное впечатление. Как всегда резко отреагировал Ильинский, которому в начале января 1929 г. Бузук «передал полуофициальное приглашение президиума Бел[орусской] Акад[емии] наук принять звание ее чл[ена]-корреспондента». «Но я ответил, — писал он Карскому 19 января 1929 г., — что пока в числе ее д[ействительных] чл[енов] отсутствует Е.Ф. Карский, эта живая [нрзб.] Академия, — и такие многозаслуженные историки зап[адно]русс[кой] культуры, как Довнар-Запольский и Любавский, а с другой стороны, пока среди них числятся лица с таким жалким научным багажом, как Лёсик и Игнатовский, я не видел бы для себя особой чести состоять д[ействительным] чл[еном] сей Академии, тем менее чл[еном]-корресп[ондентом]»¹⁴⁴. Кстати, перебравшийся на Украину после ссылки К.В. Харлампович интересовался у А.И. Соболевского 24 апреля: «Любопытно, как Белорусская академия наук теперь работает. Увеличил ли этот титул материальные средства и личные силы академии или Института Белор[усской] культуры? Странно как-то с белорусского горизонта исчез заметный тамошний ученый Довнар-Запольский»¹⁴⁵. Похоже, что и Ляпунов выразил свое недоумение Бузуку. Об этом свидетельствует достаточно смущенный ответ последнего 6 марта 1929 г.: «Согласен с Вами, что при избрании в члены Белорусской Академии наук были допущены ошибки»¹⁴⁶.

О характере бурной реакции всегда достаточно сдержанного и корректного Ляпунова на дела в Белорусской Академии наук свидетельствует пространный ответ ему Дурново 19 апреля 1929 г. Ученый, будучи невысокого мнения о научных достоинствах своих белорусских коллег, старался быть объективным относительно их моральных качеств. «С Вашей характеристикой здешних “академиков”, — писал Дурново Ляпунову, — я согласиться не могу. Они безграмотны, не понимают настоящей науки и только роняют имя белорусской “Академии наук”, которую минчане прозвали “Комедией наук”. Их белорусский патриотизм часто выливается в форму нелепого и вредного шовинизма. Но они, или большинство из них, не шарлатаны»¹⁴⁷.

Особо ученый останавливался на фигуре Лёсика. «Менее всего название шарлатана, — утверждал Дурново, — подходит к Лёсику. Он совершенно искренне уверен в том, что может читать в университете курс “научной грамматики белорусского языка” и что выпущенные им руководства по белорусской грамматике — действительно научный труд. Если он что говорит, он всегда говорит от чистого сердца, будучи убежден в своей правоте. Но его можно и переубедить. Правда, переспорить его нельзя: сколько его ни убеждай, он будет стоять на своем, но через неделю, через месяц, может быть, через год, он будет повторять Ваши мысли, будет в полной уверенности, что говорит свое. Во всяком случае это человек искренний. А шарлатан — это тот, кто знает, что он не то, за что он себя выдает»¹⁴⁸. Кстати, в другом письме Ляпунову от 2 мая 1929 г. Дурново отмечал: «Хотя Лёсик и преувеличенного мнения о себе, но я бы не назвал это манией величия. Это просто самомнение, порожденное успехом»¹⁴⁹.

Дурново адресовал властям свой упрек в явной преждевременности преобразования Инбелкульта в Академию наук. «Шарлатаны те, — писал он Ляпунову 19 апреля, — которые, будучи все-таки несколько образованнее и зная, что такое Лёсик и др., дали им возможность получить звание действительных членов Академии наук и допустили присвоение почетного имени Белор[усской] Акад[емии] наук учреждению, которое занимается не развитием науки, а ее профанацией и разрушением»¹⁵⁰. Хотя вряд ли можно заподозрить в более высокой образованнос-

ти, чем у первых белорусских академиков, партийное руководство, в руках которого находился процесс создания Белорусской Академии наук. Постановление о преобразовании Инбелкульта в Академию наук было принято Советом Народных Комиссаров БССР 4 октября 1928 г.¹⁵¹ Но решающим в деле создания БАН было ходатайство Бюро ЦК КП(б)Б перед ЦК ВКП(б). Центр удовлетворил просьбу, и 12 октября Бюро ЦК КП(б)Б приняло решение произвести означенную реорганизацию¹⁵². Специальная комиссия, возглавлявшаяся секретарем ЦИК БССР занималась, в частности, и личным составом будущих академиков, который окончательно был утвержден Совнаркомом БССР 26 декабря¹⁵³. В этом списке был и Н.Н. Дурново¹⁵⁴. Первый президент Белорусской Академии наук В.М. Игнатовский, о научных достижениях которого столь нелестно отзывался Ильинский, сам был видным партийным функционером, членом Бюро ЦК КП(б)Б¹⁵⁵.

В подтверждение того, что его мнение о невысоком научном уровне новой Академии наук не является исключением, Дурново описал Ляпунову и анекдотический случай с одной газетной публикацией. «Не знаю, слышали ли Вы о том, — сообщал ученый, — как отозвалась на открытие Б[елорусской] А[кадемии] н[аук] здешняя минская польская газета “Орка” (“Пахота”. — М. Р.). В одном из №№ была помещена большая статья об Академии наук, где говорилось о значении открытия Ак[адемии] Н[аук] для Белорусс[ии] и т.д.; а посередине статьи была помещена иллюстрация: сидят за партами мужики в лаптях, а перед ними на классной доске мужик пишет (или стоит, задумавшись перед написанной на доске трудной задачей): “2 x 2 = ”. Говорят, что эта иллюстрация относилась к статье о ликвидации безграмотности, но наборщики сами решили, что она более подходит к статье об Академии наук (“Орка”, 26.XII.1928)»¹⁵⁶.

Ученый, однако, не стремился только критиковать изъяны в Белорусской Академии наук, его заботило будущее этого учреждения. «В здешней Академии предполагается ввести институт членов-корреспондентов. Хотелось бы, — писал он, — чтобы хотя в члены-корреспонденты попали люди, давшие что-ниб[удь] положительное для белорусской науки. В таком случае мож-

но надеяться, что со временем и белорусская Академия станет ученым учреждением». При этом Дурново ссылаясь на исторический прецедент из истории России. «Ведь и 2-е отд[еление] И[мператорской] Академии наук, — писал он, — составилось сначала не из ученых, и счастливой случайностью было то, что в его первом составе оказался Востоков, попавший в Российскую Академию, [...] и во 2-е отделение не за свои научные труды, а за стихи. Правда, Российская академия состояла, хотя и не из ученых, но, по крайней мере, из образованных людей, чего про Б[елорусскую] А[кадемию] н[аук] сказать нельзя, но все же и этот недостаток исправим»¹⁵⁷.

Сам Дурново собирался поддержать кандидатуру Бузука, хотя и отмечал многие, с его точки зрения, недостатки своего кандидата. При этом он намеревался сам дать отзыв о работах Бузука и писал Ляпунову: «Вице-през[идент] Академии Некрашевич (тоже один из недоучек) хотел бы предложить Бузука и Сержпутовского. Нахожу, что оба этого звания заслуживают, взял у Бузука список его научных работ (целых 50 №№!) и думаю, как только положение об этом институте будет выработано, писать отзыв; мне не хотелось бы, чтобы отзыв составлял Некрашевич или Лёсик». «Не могу сказать, — продолжал далее Дурново, — чтобы я был очень высокого мнения о научных заслугах Бузука: ему не хватает вдумчивости, а самоуверенности у него больше, чем следует, поспешность и непродуманность характеризует почти все его работы, но не знаю, что будет дальше, а теперь он увлечен научной работой и работает, не останавливаясь, и это, конечно, симпатично»¹⁵⁸.

Другой кандидатурой Дурново был Расторгуев, который еще в начале февраля 1928 г. разорвал отношения с белорусскими научными учреждениями. В письме Карскому он сообщал: «В Институте Белорусской культуры я больше не числюсь, и в категорической форме отклонил предложение выставить свою кандидатуру. Причин для этого было много»¹⁵⁹. Надо полагать, что известному и редкому специалисту по белорусскому языку Расторгуеву предложили выдвигаться в действительные члены будущей Академии наук. Не исключено, что ему не нравились ни возможные коллеги по Академии, ни их чрезмерный «белорусский патриотизм». Поэтому и Дурново уговорить его не удалось. «Я

было его хотел предложить в члены-корреспонденты БАН, — сетовал Дурново, — но он решительно отказывается и этим мешает нам несколько поднять престиж БАН, п[отому] ч[то], что же это за Белорусская Академия наук, в которую не входят ученые, занимающиеся изучением белорусского народа, его истории, языка, этнографии и литературы (Карский, Любавский, Довнар-Запольский, Сержпутовский, Расторгуев, Жукович?)»¹⁶⁰. Заметим, что для Расторгуева сам факт его сотрудничества с Инбелкультом обернулся в начале 1930-х годов обвинениями в том, что его теории «смыкаются с некоторыми теориями “нацдемов”»¹⁶¹, возможно, что именно эти обвинения привели ученого на скамью подсудимых по «Делу славистов».

Интересно, что разные представители русской славистической элиты примерно одинаково представляли круг наиболее видных специалистов в области белорусоведения. Так, первые три фамилии из перечисленных Дурново кандидатур совпадают с тремя самыми достойными кандидатами в белорусские академики из гневного письма Ильинского. Однако времени осуществить планы придания Белорусской Академии наук высокого научного статуса уже не осталось, и никто из этих ученых не был избран в ее состав. Сам же Дурново в конце 1929 г. был исключен из БАН. Это был первый случай в истории Белорусской АН исключения из ее рядов с лишением звания академика¹⁶². Восстановлен в звании академика Дурново был в 1978 г.¹⁶³, значительно раньше, чем в звании члена-корреспондента АН СССР (1990)¹⁶⁴.

Исключение Дурново из БАН роковым образом совпало с его выдвижением в действительные члены АН СССР. Главными инициаторами этого дела были именно Е.Ф. Карский и Б.М. Ляпунов¹⁶⁵. В своем представлении, составленном 21 сентября 1929 г., они предлагали «на освободившуюся по смерти академика А.И. Соболевского кафедру» кандидатуру Дурново, «чувствуя недостаток в специалисте по русскому языку во всем его временном и пространственном (выделено нами. — М.Р.) разнообразии»¹⁶⁶. В тот же день Карский еще раз уже вместе с профессорами С.П. Обнорским и М.Г. Долобко подписал аналогичное письмо с рекомендацией Дурново¹⁶⁷. Отметим, что еще более чем за год до этого, 5 мая 1928 г. Ильинский писал Дурново: «Ваши научные

заслуги всеми признаются, и я едва ли выскажу только свое мнение, если напишу Вам, что Вы являетесь естественным преемником Соболевского в Акад[емии] Наук, если, по какой-либо причине, там невозможен Ваш симбиоз с ним в данный момент»¹⁶⁸. Достойным избрания считал ученого и Томсон, писавший 30 декабря 1929 г. Ляпунову: «Надеюсь, что Дурново все-таки пройдет. Он дельный ученый и нужный для Вас»¹⁶⁹.

Именно это выдвижение вызвало начало травли Дурново в белорусской прессе. Одна из публикаций, подписанная «Науковы працаўнік», носит говорящее название «Рэакцыя наэру Дурнаво — ня месца ў Акадэміі Навук», вторая — «Навукова-дасьледчая праца БАН у асьвятленьні бальшавіцкай самакрытыкі», опубликованная в газете «Савецкая Беларусь», принадлежит перу одного из вице-президентов Белорусской АН Н.И. Белуге. Содержание подобных публикаций вскоре стало известно и в Москве. И у Ильинского были все основания писать Ляпунову 26 декабря 1929 г.: «Здесь мы все глубоко возмущены травлей почтенного Н.Н. Дурново белорусс[кими] учеными кругами. И всего ужаснее то, что его обвиняют в несуществующих преступлениях; напр[имер], он никогда не был “министерским братом”»¹⁷⁰.

Движущей силой «дела Дурново» являлось Белорусское центральное бюро секции научных работников (СНР). Вопрос о судьбе Дурново обсуждался на нескольких заседаниях коммунистической фракции СНР, первое из которых состоялось 15 декабря. «Что коммунисты СНР под предводительством С.Я. Вольфсона инкриминировали Н.Н. Дурново [...] становится понятным из протокола заседания той же фракции 20 января 1930 г., где присутствует только одно обвинение — статья, посланная им в чехословацкий журнал, где писалось о плохом материальном, физическом и моральном состоянии А.И. Соболевского после 1914 г. Содержание статьи в основном касалось советского времени. К протоколу даже были приложены в качестве доказательного материала вырезки из публикации»¹⁷¹.

Затем в дело вступил Президиум Белорусской Академии наук, который «на заседании 18–19 декабря Президиум решил: “... подать через Академический совет БАН докладную в СНК о лишении академика Дурново звания академика и увольнении его с

работы в БАН»¹⁷². Но донос в Москву с отрицательной характеристикой Дурново был направлен от белорусского СНР. Он поступил в соответствующую союзную инстанцию. В свою очередь Центральный совет секции научных работников профсоюза работников просвещения СССР согласился 27 декабря¹⁷³ с мнением белорусских товарищей и направил в «Комитет по заведыванию учеными и учебными учреждениями ЦИК'а СССР» документ («О кандидатах в Академию Наук») следующего содержания: «ЦБ решительно возражает против кандидатуры проф. Дурново, так как, по отзыву Белорусского ЦБ СНР, он является идеологически чуждым и реакционно настроенным научным работником»¹⁷⁴. Подписал документ ответственный секретарь ЦБ СНР К.В. Островитянов, сделавший впоследствии впечатляющую академическую карьеру на ниве обоснования и развития такой научной дисциплины, как политэкономия социализма.

В названном Комитете ЦИКа, который отвечал и за выборную кампанию в Академию, было заведено соответствующее «дело». Надо полагать, что для убедительности обвинений, предъявлявшихся Дурново, к делу были приобщены и две упоминавшиеся статьи из белорусских газет¹⁷⁵, опубликованные еще до исключения Дурново из Белорусской АН. От ученого было затребовано объяснение, которое он написал 2 января 1930 г., озаглавив его «Заявление профессора Н.Н. Дурново»¹⁷⁶.

В основном ответ Дурново, состоящий из 10 частей, посвящен ответу анонимному «научному работнику», чья заметка полна всяческих измышлений, вроде того, что «Дурнаво — брат былога царскага міністра». Этот печатный донос завершался решительным выводом: «Дурнаво не павінна быць месца ня толькі ў Акадэміі Навук СССР, а таксама і ў Беларускай Акадэміі Навук»¹⁷⁷.

Дурново последовательно раскрывал в своем «заявлении» несостоятельность предъявляемых ему обвинений, начиная его с опровержения главного «политического» обвинения — попытки связать его близкими родственными отношениями с известными деятелями царской администрации. Весьма разветвленный дворянский род Дурново предоставлял богатый выбор заметных фигур из прошлого, родство с которыми в новых политических условиях могло служить поводом для разного рода репрессий: это

и Иван Николаевич Дурново (1834–1903), председатель Комитета министров (1895–1903), и Петр Николаевич Дурново (1845–1915), директор Департамента полиции (1884–1893), и министр внутренних дел (1905–1906). Абсурдность подобных предположений должна была сразу бросаться в глаза, разница в возрасте, например, между П.Н. Дурново и Н.Н. Дурново составляет 29 лет, но выяснение таких подробностей не входило в задачу обвинителей.

Дурново, решительно опровергая подобные домыслы, представил такие факты из семейной истории, которые могли бы вполне положительно выглядеть в глазах инстанций. Он подчеркивал, что его отец¹⁷⁸ «боролся путем печатного слова с царским правительством», обличал «русификаторскую политику правительства на окраинах и империалистическую политику на Ближнем и Дальнем Востоке»¹⁷⁹. Указывал ученый и на прямое родство с революционными деятелями. Так, он подчеркивал особую душевную близость отца с его двоюродной сестрой «народоволкой Елизаветой Петровной Дурново»¹⁸⁰.

Дурново решительно отверг претензии к тексту его некролога А.С. Соболевскому, переданного им для публикации в журнал *Slavia*¹⁸¹, но еще не увидевшего свет. Он указал на то, что цензура после ряда исправлений не нашла в тексте некролога ничего предосудительного: «Некролог Соболевского, как и все статьи, какие я посылаю за границу, был мною представлен в Галаўліт при Наркамасьвете Белоруссии, упоминание о революции, как одной из причин сокращения научной продуктивности Соболевского, которое заведующий признал недопустимыми, было мною из некролога выпущено, и некролог был послан в том виде, в каком был одобрен Галаўлітом»¹⁸². И действительно в опубликованном в *Slavia* некрологе нет никаких упоминаний о революции. Если в первоначальном тексте, как отмечал Дурново в «Заявлении», «крамольный» отрывок выглядел следующим образом: «...научная продуктивность в связи с затруднениями, вызванными войной и революцией, несколько сократилась. Тем не менее, и за этот период ему удалось напечатать [...]»¹⁸³, то после исправления в опубликованном тексте читаем: «После 1914 г., благодаря затруднениям, связанным с войной, а также некоторым домашним и семейным осложнениям, научная продуктивность Собо-

левского сильно сократилась; все же и за это время им напечатан ряд ценных научных работ [...]»¹⁸⁴. Поэтому никакие «вырезки из публикации» не могли быть приложены «в качестве доказательства» к уже упоминавшемуся ранее протоколу заседания фракции СНР от 20 января 1930 г., так как собственно публикации некролога еще не было*.

Также не соответствует действительности и замечание о том, что «содержание статьи в основном касалось советского времени», в некрологе к послереволюционным годам можно отнести лишь упоминание работ Соболевского, вышедших в 1920-е годы. Обсуждавшие «дело» ученого могли использовать только текст, отклоненный Главлитом и еще не исправленный Дурново. Это тем более относится к статье «научного работника», опубликованной в 1929 г. Вероятно, и ему Главлит любезно предоставил первоначальный текст некролога.

Можно предположить, что участники травли Дурново специально использовали запрещенный Главлитом первоначальный текст. Как отмечается современным исследователем цензуры в Белоруссии со ссылкой на архив: «Галоўлітбел забараніў адсылку за мяжу з мэтай апублікавання рукапісу, выключанага з Беларускай акадэміі навук (БАН) акадэміка М. М. Дурнава з-за таго, што ў ім "... тэндэнцыйна апісвалася цяжкае становішча вучоных у С.С.С.Р.»»¹⁸⁵.

Таким образом, сложилась абсурдная ситуация, ученого судили за «публикацию», которая еще не появилась, а когда она появилась, то отмечавшегося «криминала» в ней уже не было.

На обвинения в политико-методологических прегрешениях против марксизма, в отрицании ученым теории Марра, объявлении ее «шарлатанством», в то время как она, по мнению «тов. Бялуги», больше всех «приближается к марксистской теории науки»¹⁸⁶, Дурново заявлял: «Не помню, чтобы я называл теорию Марра шарлатанством. Я всегда полагал, что акад. Марр сам верит в свою теорию, а шарлатаны хотят убедить других в том, во что сами не верят. Возможно, что я передавал мнение какого-

* Об этом же свидетельствует и формулировка в названии приложения к протоколу: «Вытрымкі з матэрыялаў праф. Дурнава, пасланыя ім у Чэха-Славацкую часопісь» (курсив мой. — М. Р.). За указание на это архивное дело приношу благодарность И.И. Шевчуку. Следует однако уточнить, что приведенных «выдержек» в тексте статьи, отправленной Дурново в Прагу не содержалось.

ниб[удь] другого ученого. Я действительно не разделяю теории Марра, но тов. Бялуга ошибается, предполагая, что я против яфетидологической теории именно потому, что она приближается к марксистской теории»¹⁸⁷. Можно заметить, что Дурново не изменил своего взгляда на понятие «шарлатанство». Искренние же убеждения Марра и его методы ученый называл в письмах Ляпунову еще из Чехословакии «чистейшим психопатизмом» и «бредом»¹⁸⁸. Будучи уже в Белоруссии, Дурново в виду того, что от него требовали «введения яфетидологии в программу для аспиранта», ознакомился с курсом введения в яфетидологию одного из ближайших последователей Марра И.И. Мещанинова. И вновь для него «откровения» Марра всего лишь повторяли «мнения, высказывавшиеся лингвистами лет 70—80 тому назад, несостоятельность которых давным-давно доказана»¹⁸⁹.

В ответе Дурново особый интерес для нашей темы представляет его информация о научной работе по белорусоведению, которую он успел сделать «за 20 месяцев пребывания членом Института Белорусской Культуры и Белорусской Академии Наук»¹⁹⁰. Из ответа мы видим, что за столь короткий срок им было реализовано в белорусской печати: «3 небольших статьи и 2 обстоятельных рецензии по белорусской диалектологии»¹⁹¹. Но, чтобы понять, чего лишилась гуманитарная наука в целом и белорусская в частности, в результате удаления из Белоруссии крупнейшего русского ученого-лингвиста, следует обратить внимание на перечисление Дурново подготовленных к печати работ и его дальнейших планов.

Итак, он «представил для напечатания в Записках Академии обширный отчет о научных занятиях в Москве, содержащий исследование о языке ряда старых белорусских памятников, отчет о научной командировке в Псков, обстоятельные замечания на проект реформы белорусского правописания и статью о реформе польского правописания (курсив мой. — М.Р.)»¹⁹². Ничего из названных работ света не увидело. «Кроме того, — продолжал Дурново, — я заявил о своем желании прочесть в заседаниях Института языка Белорусской Академии Наук ряд докладов по истории белорусского языка и по вопросу об отношении звуковой и морфологической системы современного белорусского языка

к соответствующим системам соседних славянских языков. Эти доклады могут явиться только в результате той работы по изучению белорусского языка, какую я проделал дома и в библиотеках в 1928—1929 гг. *Эти доклады я предполагал включить вготавливаемую мною большую работу по истории белорусского языка* (курсив мой. — М. Р.)¹⁹³. Следов этого исследования Дурново также не обнаружено.

Напомним, что перед переездом из Праги в Минск, Дурново сетовал в письме Ляпунову, что «смолоду привык работать только по источникам, а в Минске их нет»¹⁹⁴. Однако действительность опровергла это предположение ученого, и в Минске Дурново смог обратиться к рукописям. Он писал: «Я изучил с целью выявления памятников белорусского языка все рукописные хранилища Минска, пересмотрев для этого 400 старых рукописных книг, среди которых много белорусских и ряд старинных документов, изучил ряд старых белорусских памятников некоторых московских собраний, ездил два раза в разные районы Белоруссии¹⁹⁵ для изучения говоров»¹⁹⁶.

После исключения из БАН Дурново уже в который раз оказался в крайне тяжелом материальном положении. «Бедный Н.Н. Дурново, — сетовал Ильинский в письме Ляпунову 29 января 1930 г., — в результате поднятой против него травли буквально оказался на улице: даже пенсия осталась под вопросом...»¹⁹⁷. О состоянии Дурново можно судить по его письму Ляпунову 13 февраля. Из него следует, что ученый уже ни на что не надеялся, но еще не осознал до конца, что вопрос с его кандидатурой властными структурами уже решен. Он писал: «На академическое кресло я не рассчитываю. Если удастся получить пенсию, то, может быть, даже спокойнее будет не выбираться в академики»¹⁹⁸. Очевидно, что Ляпунов поделился с Дурново слухами о возможной причастности его ученика к случившемуся. Но Дурново, высказав много серьезных претензий к моральным качествам Бузука, постарался снять с него подобные подозрения. Он писал Ляпунову в том же письме: «Не знаю, какие гадости рассказывают про Бузука. Конечно, он большой сплетник и трус, способен по легкомыслию выдать человека и даже, пожалуй, сделать подлость, но без злого намерения, а из известного

легкомыслия». И далее: «Но все же он человек не злой, а добродушный, готов помочь другим, поскольку это не страшно. Научные интересы у него есть. Я уверен, что в истории со мной он был в стороне, хотя не уверен в том, что по неосторожности он не проговорился там, где в моих интересах было, чтобы он молчал». Со своей стороны Дурново, по-видимому, со слов иностранных коллег замечал: «На Пражском съезде многие остались недовольны его (Бузука. — М. Р.) поведением, п[отому] ч[то] он держал себя слишком развязно и, вероятно, старался афишировать свою советскость»¹⁹⁹.

Отметим, что у изгнанного из Белорусской Академии наук Дурново особой обиды на эту организацию и на своих бывших коллег не осталось. Он ясно понимал, что это решение имело своей подоплекой причины политические. «Белорусская Академия наук, — писал Дурново, — в моем увольнении почти неповинна. Это было постановление комьячейки БАН, где распоряжались больше технические служащие, аспиранты и т. п. Президент БАН, хотя и коммунист, заседаний ячейки не посещает. Раз ячейка требовала, Президиум БАН не мог идти против»²⁰⁰.

Хотя Н.И. Белуга и относился к числу «чиновных коммунистов»²⁰¹, тем не менее, он представлял мнение руководства БАН, а организовавший травлю Дурново в СНР Белоруссии С.Я. Вольфон был академиком и директором Института философии БАН. Поэтому нам представляется не очень убедительным высказанное мнение о том, что Белорусская «Академия наук не только не хотела, но и не могла стать инициатором травли ученого, как может быть, кое-кому казалось из Москвы»²⁰².

Своего отрицательного мнения о деятельности некоторых национально ориентированных белорусских лингвистов ученый не изменил. Уже находясь в заключении в Соловецком лагере, Дурново в показаниях прокурорской проверке констатировал: «...мне, как русскому, больно было видеть, как творцы украинского и белорусского литературных языков часто заботились не столько о том, чтобы они были действительно украинским и белорусским, сколько о том, чтобы они не были похожи на русский и наводняли их полонизмами, чехизмами и даже германизмами, не известными живому языку»²⁰³. В современной белорусской лите-

ратуре данная цитата Дурново неоднократно воспроизводилась Г. Цыхуном, однако без приведения выделенных нами слов²⁰⁴. Мы полагаем, что такое усечение цитаты искажает научный характер замечаний лингвиста, глубоко знавшего проблему, и придает ей чисто декларативный характер. Нам представляется также некорректным, что претензии русских лингвистов, основанные на их научных воззрениях, Цыхун напрямую связывает с теми обвинениями, которые выдвигались карательными органами против белорусских ученых²⁰⁵, когда процесс белорусизации был свернут.

Исключение Дурново из БАН совпало с начавшимся в Белоруссии несколько ранее радикальным изменением политического курса в области национальной политики, «во второй половине 1929 г. В республике резко ужесточились нападки на так называемый националдемократизм и, как тогда говорили, его агентуру в партии — национал-оппортунизм, в котором видели главного врага»²⁰⁶. Тогда же начался погром научных и отчасти идеологических оппонентов, а также коллег Дурново, активных проводников белорусизации — «нацдемов». С белорусизацией, характерной для 1920-х годов, было покончено. Вслед за травлей начались аресты, за которыми следовали исключения из состава Белорусской Академии наук наиболее видных ее членов-гуманитариев: И.Ю. Лёсика (17 июля 1930 г.), В.У. Ластовского и С.М. Некрашевича (21 июля 1930 г.) и др. Не все ученые, жившие в центре, смогли уловить столь резкую смену ориентиров в белорусской научно-политической действительности. Об этом свидетельствует письмо Ильинского Ляпунову от 20 января 1930 г. С некоторым удивлением он писал: «Вчера был у меня П.А. Бузук проездом в Харьков или Краснодар, где он надеется найти себе место. Меня очень удивляет, что П.А., которого отнюдь нельзя упрекнуть в недостатке приспособляемости и белорусс[кого] патриотизма, недоволен Минском и стремится вырваться из него»²⁰⁷. Совершенно очевидно, что Бузук чувствовал не только гнетущую атмосферу начавшейся кампании, но и ощущал возможные ее последствия. Кстати, его оппонент в лингвистических дискуссиях Волк-Леванович с 1930 г. покинул Белоруссию, работал в Саратове и Оренбурге, что, однако, не спасло его от ареста в 1937 г.²⁰⁸

В Белорусской Академии наук еще несколько лет не могли забыть недолгого членства в ее рядах выдающегося русского лингвиста. Вспоминали о Дурново активные борцы с «нацдемами». Как отмечалось в № 1 за 1931 г. журнала «Фронт науки и техники»*, издававшегося Всесоюзной ассоциацией работников науки и техники для содействия социалистическому строительству (ВАРНИТСО)²⁰⁹, именно по инициативе «нацдемов» последовало приглашение: «из Праги в Минск на работу в Белорусскую Академию наук бывшего академика Дурново, который до того времени выступал в своих работах, трактуя белорусский язык как наречие русского языка, который заявлял, что марксизм не имеет и не может иметь никакого отношения к теории языка»²¹⁰. Теперь автор статьи, уже отметившийся в «деле Дурново», С.Я. Вольфсон ставил в вину «нацдемам» общение с академиками АН СССР. Их обвиняли в «прогуливании под ручку» с «русификаторскими великодержавными учеными типа, скажем, Ляпунова», в «смычке некоторых нацдемовских историков и руководителей гуманитарного раздела Академии наук с такими фигурами, как Карский и Платонов», причем их «нападки» на Карского объявлялись лишь «дымовой завесой»²¹¹.

В рецензии, помещенной в этом же журнале на книгу «Наука на службе нацдеватской контрррэвалюцыі», вышедшую в Минске в 1931 г., кстати, под редакцией того же Вольфсона, с особенным удовлетворением подчеркивалось: «Достоинством сборника является то обстоятельство, что он не только выявил вредительскую деятельность н.-д. в области науки, но и то, что он показал смычку белорусского н.-д. с великодержавным шовинизмом, — этой главнейшей, на данном этапе, основной опасностью в национальном вопросе. Эта смычка местного шовинизма с шовинизмом великодержавным наилучшим образом обнаруживает классовое лицо обоих». Отмечалось, что к этой смычке «относится блок н.-д. с академиком Ляпуновым и с академиком Карским, великодержавно-презрительно трактовавшими белорусский язык как “наречие”»²¹².

Стоит отметить, что именно в начале 1931 г. состояние здоровья Карского вызывало большие опасения у его коллег. Так, Том-

* В редакционной информации журнал характеризовался как «боевой орган передовой советской интеллигенции», одним из редакторов журнала был Н.Я. Марр.

сон писал Ляпунову 20 января: «Очень неприятно Ваше сообщение о здоровье Е[вфимия] Ф[едоровича]»²¹³. Ильинский сообщал 13 марта Ляпунову о том, что послал ему копию своего письма-протеста, как он писал: «...по поводу дикой расправы с моей книгой²¹⁴, учиненной Н.Я. Марром». «Посылаю Вам, — продолжал он, — а не Карскому, потому что я боюсь, что оно может взволновать его в критический момент его болезни»²¹⁵. Е.Ф. Карский умер 29 апреля 1931 г. Можно смело предположить, что травля Карского, организованная представителями Белорусской академии, могла способствовать уходу из жизни крупнейшего белорусиста страны. Очевидно, что эта кампания Карского была санкционирована властями, к мнению которых внимательно прислушивалось руководство обновленной АН СССР, что проявилось и в отношении к кончине ученого. Ильинский, сообщая Ляпунову 13 июня 1931 г. о смерти академика В.П. Бузескула, о котором он хранил «самые лучшие воспоминания как об ученом, в котором глубокая ученость гармонически соединялась с высотой морального характера», возмущенно писал: «О смерти Бузескула было в центральных “Известиях” официальное уведомление от Академии, но странно, что кончина Карского осталась ею неоповещенной, и вообще в здешней прессе она не вызвала ни малейшего отклика!!!»²¹⁶.

Ближайшие коллеги посчитали необходимым вспомнить заслуги покойного, в Ленинграде инициатором выступил Ляпунов. Именно ему писал Расторгуев 17 июля: «Сердечно благодарю Вас за приглашение прочесть в заседании, посвященном памяти Е.Ф. Карского, доклад о его трудах в области истории и диалектологии белорусского языка». Из письма становится очевидно, какой тяжелый урон понесло белорусоведение столичных городов. «Смерть Евфимия Федоровича для меня, — продолжал Расторгуев, — работающего в той же области, в какой работал и он, особенно чувствительна. До сих пор не могу примириться с мыслью, что его уже нет и что я в своих научных работах остался совершенно одиноким, без каких бы то ни было перспектив на будущее... В силу этого настроение у меня в настоящее время тягостное»²¹⁷. Как мы уже отмечали, для самого Расторгуева началась полоса гонений. Ученый не только не мог опубликовать многие свои работы, но и «с марта по июнь 1933 г. он подвергал-

ся аресту»²¹⁸. В письме Ляпунову от 27 декабря 1933 г. Расторгуев спрашивал о возможности публикации ряда статей и рецензий на книги, опубликованные еще в 1928–1929 годах. «Эти статьи, — пояснял ученый, — написаны мной еще в апреле 1931 г., и мне хотелось бы напечатать их в первую очередь. За последнее время у меня порядочно скопилось статей»²¹⁹. Далее Расторгуев приводил название семи статей. Ляпунов выразил готовность помочь коллеге, и Расторгуев сообщал ему о высылке нескольких статей и рецензий для отзыва в письме от 28 января 1934 г.²²⁰ Это последнее письмо Расторгува Ляпунову, через три недели, 18 февраля, он был арестован по «Делу славистов»²²¹.

В начале 1931 г. карьера Бузука неожиданно пошла в гору, он был назначен директором Института языкознания БАН. Бузук с большой энергией принялся за работу, о чем писал Ляпунову 30 мая 1931 г.: «Постараюсь вполне оправдать возложенное на меня доверие. Сейчас мы ускоренными темпами работаем над приготовлением русско-белорусск[ого] словаря, а также над вопросами правописания; отдельные сотруд[ники] готовят также монографии по вопросам методологии, белор[усской] диалектолог[ии] и б[елорусской] гр[амматики], литерат[урного] языка. Летом собираемся предпринять три экспедиции»²²². Положение директора во времена обостренной борьбы с нацдемами и великодержавным шовинизмом ко многому обязывало. Необходимо было соответствовать партийной линии, что вело к поступкам, вызывавшим у коллег-ученых острейшую реакцию. «На днях, — писал Ильинский Ляпунову 21 февраля 1933 г., — здесь кончилась “Белорусская неделя”. Бузук прочел отвратительный по типу доклад “Пути развития бел[орусского] языка”, в котором, между пр[очим], публично охарактеризовал Н.Н. Дурн[ово], как “контра”!!»²²³. Но и эта сверхлояльность уже не могла спасти от преследований, в том же году Бузук был снят с должности директора Института, в 1934 г. арестован и в 1938 г. погиб.

Репрессии властей по отношению к научной интеллигенции имели в различных частях государства разные обоснования, но сводились к одному — стремлению ликвидировать всяческое инакомыслие. В центре подвергали гонениям представителей старой академической элиты, искореняли академические тради-

ции²²⁴. На Украине и в Белоруссии сами власти начали свертывать поддерживавшуюся ими ранее политику украинизации и белорусизации, отвечавшую провозглашенной ВКП(б) национальной политике в форме «коренизации». На Украине обрушились на первое поколение академиков ВУАН, обвиненное в буржуазном национализме. Аналогичные действия были предприняты и в отношении Белорусской АН, организованной уже на излете политики белорусизации. Поэтому вскоре ее наиболее заметные члены-гуманитарии были заклеены как мелкобуржуазные «национальные демократы». Почти одновременно из ее рядов были изгнаны и Н.Н. Дурново, и его научные коллеги-оппоненты.

В отличие от Украины, где еще в дореволюционное время существовал не один университет и была представлена и национально ориентированная профессура, и русские ученые, сочувствовавшие неполитическому украинофильству, работали научные общества, в том числе Научное товарищество им. Шевченко (Львов) и Украинское научное общество (Киев), зародилась идея создания национальной Академии наук, в Белоруссии ничего сопоставимого с подобным положением не было.

Поэтому в среде русской академической элиты отношение к развитию гуманитарной науки на Украине и в Белоруссии и участие в этом процессе было различно. Академик Е.Ф. Карский принял самое деятельное участие в создании в 1920 г. Минского университета, входил в комиссию по выработке Устава Инбелкульта, выступал научным консультантом белорусских лингвистов, однако по идеологическим причинам так и не стал академиком БАН. Академик Б.М. Ляпунов являлся тем авторитетом, с которым обсуждали свои проблемы представители разных направлений в белорусской лингвистике. Стараниями белорусских коллег в состав первых академиков БАН попал выдающийся русский славист Н.Н. Дурново, активно включившийся в белорусоведческие исследования, но многие его начинания не были доведены до конца. Со своей стороны, русские слависты стремились поддержать гуманитарную науку Белоруссии, способствуя присвоению академических званий ее видным представителям. Высокого мнения о заслугах И.И. Замотина были такие разные ученые, как А.И. Соболевский, Е.Ф. Карский, М.Б. Ляпунов и В.Н. Перетц.

С развертыванием деятельности Инбелкульта, а затем и Белорусской Академии наук появились серьезные научные издания. Многие русские ученые стали охотно в них сотрудничать. Подобное сотрудничество вызывалось совпадением профессиональных интересов в области белорусистики и общевосточнославянской проблематики и стремлением не упустить возможность публикации своих трудов, когда перспективы издания их в центральной научной печати стали сокращаться. Активное сотрудничество русских ученых в белорусских изданиях способствовало поднятию их научного уровня. Ведущие русские слависты не скрывали своего стремления повысить и научный уровень самой Белорусской Академии наук. Среди возможных кандидатур ими назывались не только хорошо известные специалисты из Москвы и Ленинграда, но также и собственно белорусские ученые, такие, например, как крупнейший белорусский историк М.В. Довнар-Запольский.

Политика украинизации и белорусизации воспринималась многими русскими учеными-славистами весьма настороженно, а зачастую и откровенно негативно, как проявление национального шовинизма. Увлеченные строительством национальной науки некоторые ученые-филологи, возможно, искренне подозревая русских коллег в великодержавности, допускали по отношению к ним некорректные высказывания, зачастую граничившие с политическими обвинениями. Те же не скрывали своего мнения о низком профессиональном уровне членов Белорусской академии. Резкую критику русских ученых вызывали их украинские и белорусские коллеги, которые сознательно или невольно ставили свои научные концепции в зависимость от идеологии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1277. Оп. 1. Д. 91. Л. 33–33 об.

² Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук (ПФА РАН). Ф. 752. Оп. 2. Д. 293. Л. 3 об.

³ Там же. Ф. 292. Оп. 2. Д. 119. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 5.

⁵ Там же. Д. 127. Л. 1.

⁶ РГАЛИ. Ф. 449. Оп. 1. Д. 187. Л. 3.

⁷ Там же. Л. 3 об.

- ⁸ ПФА РАН. Ф. 332. Оп. 2. Д. 95. Л. 49–49 об.
- ⁹ Там же. Л. 49 об.
- ¹⁰ *Цьхун Г.* Институт белорусской культуры (Инбелкульт) и начало белорусской славистики // *Histoire de la slavistique. Le rôle des institutions. История славистики. Роль научных учреждений.* Paris, 2003. P. 48.
- ¹¹ ПФА РАН. Ф. 752. Оп. 2. Д. 50. Л. 4.
- ¹² Там же. Д. 90. Л. 60–60 об.
- ¹³ *Карский Е. Ф.* Белорусы. Пг., 1921. Т. 3. Вып. 2.
- ¹⁴ Цит. по: *Мушынскі М.І.* Літаратуразнаўства // Інстытут беларускай культуры. Мінск, 1993. С. 65.
- ¹⁵ ПФА РАН. Ф. 292. Оп. 2. Д. 62. Л. 5 об.
- ¹⁶ *Петрыкаў П.Ц., Токараў М.У., Галенчык М.І.* Стварэнне і дзейнасць Інстытута беларускай культуры // Інстытут беларускай культуры. Мінск, 1993. С. 7–8.
- ¹⁷ Там же. С. 9.
- ¹⁸ ПФА РАН. Ф. 292. Оп. 2. Д. 99. Л. 1–1 об.
- ¹⁹ Цит. по: *Мушынскі М.І.* Літаратуразнаўства. С. 65–66.
- ²⁰ ПФА РАН. Ф. 292. Оп. 2. Д. 99. Л. 2–2 об.
- ²¹ *Жураўскі А.І.* Сцяпан Міхайловіч Некрашэвіч (Да 120-годдзя з дня нараджэння) // Беларуская лінгвістыка. Мінск, 2004. Вып. 54. С. 4.
- ²² ПФА РАН. Ф. 292. Оп. 2. Д. 99. Л. 2 об.–3.
- ²³ *Карский Е. Ф.* Белорусы. Пг., 1922. Т. 3. Вып. 3.
- ²⁴ Цит. по: *Мушынскі М.І.* Літаратуразнаўства. С. 65
- ²⁵ ПФА РАН. Ф. 292. Оп. 2. Д. 62. Л. 9.
- ²⁶ *Мушынскі М.І.* Літаратуразнаўства. С. 65.
- ²⁷ ПФА РАН. Ф. 292. Оп. 2. Д. 99. Л. 4–5.
- ²⁸ Там же. Д. 119. Л. 9–9 об.
- ²⁹ Стаття П.А. Бузука «Замечания о Маринском Евангелии (Продолжение)» была опубликована в Известиях ОРЯС в 1925 г.
- ³⁰ ПФА РАН. Ф. 752. Оп. 2. Д. 133. Л. 24.
- ³¹ Тема диссертационного исследования П.А. Бузука: «К вопросу о месте написания Маринского Евангелия».
- ³² ПФА РАН. Ф. 752. Оп. 2. Д. 319. Л. 7 об.
- ³³ Българо-руски научни връзки XIX–XX век. Документи. София, 1968. С. 131.
- ³⁴ ПФА РАН. Ф. 332. Оп. 2. Д. 95. Л. 40–40 об.
- ³⁵ Там же. Ф. 292. Оп. 2. Д. 17. Л. 8–8 об.
- ³⁶ РГАЛИ. Ф. 449. Оп. 1. Д. 161. Л. 96 об.
- ³⁷ Българо-руски научни връзки... С. 131.
- ³⁸ *Цьхун Г.А.* Пятро Бузук і славістыка 20–30-х гадоў (Штрыхі да навуковай біяграфіі) // Беларуская мова і мовазнаўства на рубяжы III тысячагоддзя (Матэрыялы навуковай канферэнцыі, прысвечанай 70-годдзю Інстытута мовазнаўства імя Якуба Коласа НАН Беларусі, 2–3 лістапада 1999 г.). Мінск, 2000. С. 199.
- ³⁹ ПФА РАН. Ф. 292. Оп. 2. Д. 17. Л. 13.
- ⁴⁰ РГАЛИ. Ф. 449. Оп. 1. Д. 161. Л. 96 об.
- ⁴¹ *Бузук П.* Коротка історія української мови. I. Вступ і звучня. Одеса, 1924.
- ⁴² ПФА РАН. Ф. 752. Оп. 2. Д. 50. Л. 4 об.
- ⁴³ Там же. Л. 2.
- ⁴⁴ Там же. Д. 32. Л. 22 об.
- ⁴⁵ *Цьхун Г.* Институт белорусской культуры (Инбелкульт)... P. 49.
- ⁴⁶ *Петрыкаў П.Ц., Токараў М.У., Галенчык М.І.* Стварэнне і дзейнасць Інстытута беларускай культуры. С. 15.

- ⁴⁷ Жураўскі А.І. Сцяпан Міхайловіч Некрашэвіч... С. 5.
- ⁴⁸ ПФА РАН. Ф. 292. Оп. 2. Д. 99. Л. 6.
- ⁴⁹ Там же. Л. 6–6 об.
- ⁵⁰ Там же. Л. 7–7 об.
- ⁵¹ Там же. Л. 7 об.
- ⁵² Там же. Ф. 752. Оп. 2. Д. 117. Л. 121 об.
- ⁵³ Там же. Ф. 292. Оп. 2. Д. 119. Л. 10.
- ⁵⁴ Там же. Л. 12–12 об.
- ⁵⁵ См.: Жураўскі А.І. Мовазнаўства. С. 48–52; Запрудскі С. Неюбілейныя думкі з нагоды юбілейных выданняў мовазнаўчай спадчыны // Беларускі гістарычны агляд. Мінск, Т. 10. № 1–2. С. 319–352; Запрудскі С.М. Акадэмічная канферэнцыя па рэформе беларускага правапісу і азбукі (1926) // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. 2004. № 3. Сер. 4. Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. С. 21–26 (в этой статье приведена библиография работ по теме); Платоноў Р.П. Беларусь у міжваенны перыяд: Старонкі палітычнай гісторыі ў святле архіўных крыніц. Мінск, 2001. Запрудскі С.М. Беларускае мовазнаўства і развіццё беларускай літаратурнай мовы: 1920–1930-я гады. Мінск, 2013.
- ⁵⁶ Цит. по: Запрудскі С.М. Акадэмічная канферэнцыя... С. 22.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ ПФА РАН. Ф. 752. Оп. 2. Д. 319. Л. 33 об.
- ⁵⁹ Там же. Д. 32. Л. 40–40 об.
- ⁶⁰ Там же. Д. 50. Л. 12.
- ⁶¹ Там же. Л. 13–13 об.
- ⁶² Цит. по: Памяць і слава: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. 1921—1941 / Склад. С.М. Ходзін, М.Ф. Шумейка, А.А. Яноўскі; рэдкал.: В.І. Стражаў (адк. рэд.) [і інш.]. Мінск, 2006. С. 228. За указаніе на гэты дакумент прыношу блagodарнасць В.В. Скалабану.
- ⁶³ ПФА РАН. Ф. 752. Оп. 2. Д. 50. Л. 7–7 об.
- ⁶⁴ Там же. Л. 7 об.–8.
- ⁶⁵ Там же. Д. 32. Л. 42–42 об.
- ⁶⁶ Академик А.И. Соболевский. Некролог и очерки научной деятельности // Известия Академии наук СССР. Отделение гуманитарных наук. 1930. Т. 1. С. 32–33.
- ⁶⁷ ПФА РАН. Ф. 752. Оп. 2. Д. 32. Л. 42 об.–43.
- ⁶⁸ Там же. Ф. 292. Оп. 2. Д. 99. Л. 9–10.
- ⁶⁹ Там же. Л. 10 об.
- ⁷⁰ Там же. Л. 10–10 об.
- ⁷¹ Там же. Л. 10 об.–11.
- ⁷² Там же. Л. 11 об.
- ⁷³ Там же. Д. 131. Л. 55.
- ⁷⁴ Там же. Ф. 752. Оп. 2. Д. 50. Л. 9 об.
- ⁷⁵ Цыхун Г. Институт белорусской культуры (Инбелкульт)... Р. 48.
- ⁷⁶ Поднятый вопрос имеет отношение к проблеме реконструкции, моделирования прошлых эпох развития языка. Центральным понятием в моделировании отношений родства языков является праязык. В индоевропейском языкознании наиболее известные праязыковые реконструкции — динамическая праязыковая модель «родословного древа» А. Шлейхера и статическая «волновая» модель праязыка И. Шмидта.
- ⁷⁷ Цыхун Г. Институт белорусской культуры (Инбелкульт)... Р. 50.
- ⁷⁸ Там же.
- ⁷⁹ Там же. Р. 49.
- ⁸⁰ Хроника конференции подготовлена С.М. Некрашэвіч.
- ⁸¹ А.А. Шахматов подверг резкой критике работу С.И. Смаль-Стоцкого и его соавтора Т. Гартнера «Grammatik der ruthenischen (ukrainischen) Sprache» (1913) в первом номере организованного М.С. Грушевским журнала (До питання про початок української мови //

Україна. Київ, 1914. Кн. 1). В письме президенту Академии наук великому князю Константину Константиновичу от 28 марта 1914 г. ученый отмечал, что он «с особым удовольствием» напечатал разбор труда Смаль-Стоцкого, в котором «с вопиющим насилием над фактами и искажением научной правды проводится мысль [...] об отсутствии в прошлом общерусского в жизни великорусского и малорусского наречий периода». «Я считаю себя нравственно обязанным, — продолжал Шахматов, — бороться против этой нелепой теории [...]» (Цит. по: *Соболев В.С.* Для будущего России. СПб., 1999. С. 155).

⁸² ПФА РАН. Ф. 752. Оп. 2. Д. 319. Л. 44.

⁸³ Там же. Л. 45 об.

⁸⁴ Там же. Л. 74 об.–75.

⁸⁵ Там же. Л. 75.

⁸⁶ Там же. Д. 117. Л. 321.

⁸⁷ Там же. Д. 319. Л. 75–75 об.

⁸⁸ *Робинсон М.А., Петровский Л.П.* Н.Н. Дурново и Н.С. Трубецкой: проблема евразийства в контексте «Дела славистов» (по материалам ОГПУ — НКВД) // *Славяноведение*. 1992. № 4. С. 73.

⁸⁹ ПФА РАН. Ф. 752. Оп. 2. Д. 319. Л. 75 об.

⁹⁰ *Бузук П.* Коротка історія української мови. I. Вступ і звучня. Одеса, 1924.

⁹¹ Там же. Д. 32. Л. 49 об.

⁹² Там же. Д. 90. Л. 22 об.

⁹³ Там же. Л. 23–23 об.

⁹⁴ Там же. Л. 71–71 об.

⁹⁵ Там же. Д. 32. Л. 61.

⁹⁶ Там же. Л. 55 об.

⁹⁷ Там же. Ф. 292. Оп. 2. Д. 149. Л. 21.

⁹⁸ РГАЛИ. Ф. 449. Оп. 1. Д. 176. Л. 23–23 об.

⁹⁹ ПФА РАН. Ф. 172. Оп. 1. Д. 135. Л. 120.

¹⁰⁰ См. подробнее: *Робинсон М.А.* Отделение русского языка и словесности в период реформирования Академии наук (1920-е годы): взгляд изнутри // *Славянский альманах*. 2001. М., 2002. С. 335–336.

¹⁰¹ РГАЛИ. Ф. 449. Оп. 1. Д. 290. Л. 96.

¹⁰² ПФА РАН. Ф. 752. Оп. 2. Д. 107. Л. 1–1 об.

¹⁰³ РГАЛИ. Ф. 449. Оп. 1. Д. 158. Л. 1.

¹⁰⁴ *Рублевская Л., Скалабан В.* Доска с черного хода // *Советская Белоруссия*. 19 января 2007.

¹⁰⁵ *Ашинин Ф.Д., Алпатов В.М.* «Дело славистов»: 30-е годы. М., 1994. С. 33.

¹⁰⁶ *Петрыкаў П.Ц., Токараў М.У., Галенчык М.І.* Стварэнне і дзейнасць Інстытута культуры. С. 29.

¹⁰⁷ Цит по: *Фичи Ф.* Архив Н.Н. Дурново в Праге (Материалы по истории славистики 1924–1927 годов) // *Славяноведение*. 2005. № 4. С. 102–103.

¹⁰⁸ РГАЛИ. Ф. 2297. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–2.

¹⁰⁹ ПФА РАН. Ф. 752. Оп. 2. Д. 32. Л. 60 об.–61.

¹¹⁰ РГАЛИ. Ф. 2297. Оп. 1. Д. 16. Л. 66–66 об.

¹¹¹ Там же. Л. 67.

¹¹² Там же. Д. 3. Л. 5–5 об.

¹¹³ Там же. Л. 5 об.

¹¹⁴ Там же. Л. 7–7 об.

¹¹⁵ Там же. Д. 28. Л. 1.

¹¹⁶ Там же. Д. 12. Л. 36 об.

¹¹⁷ Там же. Д. 24. Л. 1.

- 118 Там же. Д. 19. Л. 1.
- 119 Там же. Д. 23. Л. 3.
- 120 Там же. Л. 4.
- 121 Там же. Д. 17. Л. 3.
- 122 О работе над университетским курсом белорусского языка «Короткі нарыс гісторыі беларускай мовы. Ч. 1 Уступ і фонэтыка» Волк-Леванович писал Ляпунову 6 июля 1925 г. (ПФА РАН. Ф. 752. Оп. 2. Д. 50. Л. 4).
- 123 ПФА РАН. Ф. 752. Оп. 2. Д. 50. Л. 1 об.—2.
- 124 Там же. Л. 9.
- 125 Там же. Л. 9, 9 об.
- 126 Там же. Д. 32. Л. 64 об.
- 127 Там же. Д. 50. Л. 25 об., 26 об.
- 128 Там же. Л. 27.
- 129 Там же. Л. 27 об.
- 130 Там же. Л. 27 об.—28, 28 об.
- 131 Там же. Д. 32. Л. 57—57 об.
- 132 Там же. Л. 58, 59.
- 133 Возможно, что некоторые черты характера Бузука действительно имели своим основанием его болезненность. Жена Бузука в письме Ляпунову от 2 февраля сообщала: «Петр Аф[анасьевич] действительно был болен довольно долгое время нервным расстройством, но теперь уже почти поправился и начал работать» (ПФА РАН. Ф. 752. Оп. 2. Д. 32. Л. 91). Сам Бузук 6 февраля уточнял: «Я действительно был болен своей старой болезнью — психоневрастенией; принимал курс водолечения, но еще чувствую себя не совсем здоровым» (Там же. Л. 92).
- 134 ПФА РАН. Ф. 752. Оп. 2. Д. 50. Л. 52—52 об.
- 135 Там же. Д. 50. Л. 39—39 об.
- 136 Там же. Л. 39 об. Следует отметить, что и сам Волк-Леванович прибегал к похожим методам, обвиняя своих оппонентов в идеалистических, националистических и антимарксистских установках в жалобе в партиячку КП(б)Б. См. подробнее: *Запрудскі С.М.* Беларускае мовазнаўства і развіццё беларускай літаратурнай мовы... С. 28—29.
- 137 Там же. Л. 40 об.
- 138 Там же. Л. 35—35 об.
- 139 Там же. Л. 37.
- 140 Там же. Л. 36.
- 141 Там же. Л. 36—36 об.
- 142 Там же. Л. 32—32 об.
- 143 Там же. Ф. 292. Оп. 2. Д. 29. Л. 1 об.—2.
- 144 Там же. Д. 56. Л. 1—2.
- 145 РГАЛИ. Ф. 449. Оп. 1. Д. 392. Л. 63.
- 146 ПФА РАН. Ф. 752. Оп. 2. Д. 32. Л. 78 об.
- 147 Там же. Д. 90. Л. 69—69 об.
- 148 Там же. Л. 69 об.
- 149 Там же. Л. 75 об.
- 150 Там же. Л. 69 об.—70.
- 151 *Токарев Н.В.* Академия наук Белорусской ССР: годы становления и испытаний (1929—1945). Минск, 1988. С. 13.
- 152 Там же. С. 14.
- 153 Там же.
- 154 Там же. С. 15.
- 155 Там же. С. 46.
- 156 ПФА РАН. Ф. 752. Оп. 2. Д. 90. Л. 69 об.—70.

- 157 Там же. Л. 70–71.
- 158 Там же. Л. 71.
- 159 Там же. Ф. 292. Оп. 2. Д. 119. Л. 14–14 об.
- 160 Там же. Ф. 752. Оп. 2. Д. 90. Л. 71–71 об.
- 161 *Ашинин Ф.Д., Алпатов В.М.* «Дело славистов»... С. 29.
- 162 *Анастасьин Д., Вознесенский И.* [Ф.Ф. Перченок] Начало трех национальных академий // Память. Исторический сборник. Paris, 1982. Вып. 5. С. 178.
- 163 Возвращенные имена: сотрудники АН Беларуси, пострадавшие в период сталинских репрессий. Минск, 1992. С. 49.
- 164 Вестник АН СССР. 1990. № 2. С. 155–156.
- 165 См. подробнее: *Робинсон М.А.* Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов). М., 2004. С. 362–363.
- 166 ПФА РАН. Ф. 292. Оп. 1. Д. 5. Л. 4.
- 167 Там же. Л. 1–3.
- 168 РГАЛИ. Ф. 2297. Оп. 1. Д. 17. Л. 4.
- 169 ПФА РАН. Ф. 752. Оп. 2. Д. 319. Л. 127 об.
- 170 Там же. Д. 117. Л. 242 об.
- 171 *Шевчук И.И.* Минский период в жизни Н.Н. Дурново. Славяноведение. 2011. № 2. С. 85.
- 172 Там же. С. 84.
- 173 Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 3316. Оп. 47. Д. 41. Л. 17.
- 174 Там же.
- 175 Там же. Л. 8.
- 176 Текст документа опубликован: *Робинсон М.А.* «Заявление профессора Н.Н. Дурново» // Славяноведение. 2011. № 2. С. 96–100.
- 177 ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 47. Д. 41. Л. 8.
- 178 Об известном консервативном публицисте Н.Н. Дурново, отце ученого, см. подробнее: *Робинсон М.А.* «Заявление профессора Н.Н. Дурново». С. 91–94.
- 179 Там же. С. 97.
- 180 Там же.
- 181 *Дурново Н.Н.* Академик Алексей Иванович Соболевский [Некролог] // Slavia. 1930. Roč. VIII. Seš. 4. S. 831–839.
- 182 Цит. по: *Робинсон М.А.* «Заявление профессора Н.Н. Дурново». С. 98.
- 183 Там же. С. 97.
- 184 *Дурново Н.Н.* Академик Алексей Иванович Соболевский. S. 834.
- 185 *Гужалоўскі А.* Чырвоны аловак. Нарысы па гісторыі цензуры ў БССР. 1919–1941 гг. Мінск, 2012. С. 18
- 186 ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 47. Д. 41.
- 187 Цит. по: *Робинсон М.А.* «Заявление профессора Н.Н. Дурново». С. 99.
- 188 ПФА РАН. Ф. 752. Оп. 2. Д. 90. Л. 38, 40. См. подробнее: *Робинсон М.А.* Судьбы академической элиты... С. 148–149.
- 189 Там же. Л. 75 об. См. подробнее: *Робинсон М.А.* Судьбы академической элиты... С. 159.
- 190 Цит. по: *Робинсон М.А.* «Заявление профессора Н.Н. Дурново». С. 98.
- 191 Там же. Все эти работы вошли в опубликованную библиографию трудов Н.Н. Дурново под номерами: 158, 163, 164, 165, 166 (см.: *Дурново Н.Н.* Введение в историю русского языка. М., 1969. С. 283–284).
- 192 Цит. по: *Робинсон М.А.* «Заявление профессора Н.Н. Дурново». С. 98.
- 193 Там же.
- 194 ПФА РАН. Ф. 752. Оп. 2. Д. 90. Л. 60–60 об.
- 195 Об одной из этих поездок Бузук писал Ляпунову 18 мая 1928 г.: «В первой половине мая мы с Ник[олаем] Ник[олаевичем] Дурново предприняли небольшую диалектологическую поездку в бывш[ий] Борисовский [...]» (ПФА РАН. Ф. 752. Оп. 2. Д. 32. Л. 75 об.).

- 196 Цит. по: *Робинсон М.А.* «Заявления профессора Н.Н. Дурново». С. 98.
- 197 ПФА РАН. Ф. 752. Оп. 2. Д. 117. Л. 251 об.
- 198 Там же. Д. 90. Л. 83.
- 199 Там же. Л. 82 об.–83.
- 200 Там же. Л. 83.
- 201 *Анастасьин Д., Вознесенский И.* [Ф.Ф. Перченко]. Начало трех национальных академий. С. 174.
- 202 *Шевчук И.И.* Минский период в жизни Н.Н. Дурново. С. 85.
- 203 Цит. по: *Робинсон М.А., Петровский Л.П.* Н.Н. Дурново и Н.С. Трубецкой... С. 79.
- 204 *Цыхун Г.А.* Пятро Бузук і славістыка 20–30-х гадоў... С. 201; *Цыхун Г.* Институт белорусской культуры (Инбелкульт) и начало белорусской славистики... Р. 47
- 205 Там же.
- 206 *Платонов Р.П., Сташкевич Н.С., Гесь А.Н.* Так начиналась национальная трагедия // Неман. 1992. С. 123.
- 207 ПФА РАН. Ф. 752. Оп. 2. Д. 117. Л. 252–252 об.
- 208 Возвращенные имена... С. 28.
- 209 С 1931 г. Всесоюзная ассоциация работников науки и техники активных строителей социализма.
- 210 *Вольфсон С.Я.* Классовая борьба на научном фронте Белоруссии // Фронт науки и техники. 1931. № 1. С. 41.
- 211 Там же. С. 42.
- 212 *Свердлов В.* Наука на службе нацдемовской контрреволюции // Фронт науки и техники. 1931. № 10–11. С. 107.
- 213 ПФА РАН. Ф. 752. Оп. 2. Д. 319. Л. 136 об.
- 214 См. подробнее публикацию писем Г.А. Ильинского Б.М. Ляпунову: К истории создания второго издания «Православянской грамматики» Г.А. Ильинского // Вступ. ст. и подг. текста Г.С. Баранковой // Русский язык в научном освещении. 2002. № 2(4). С. 211–248.
- 215 ПФА РАН. Ф. 752. Оп. 2. Д. 117. Л. 305.
- 216 Там же. Л. 317 об.
- 217 Там же. Д. 260. Л. 3–3 об.
- 218 *Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М.* «Дело славистов»... С. 29.
- 219 ПФА РАН. Ф. 752. Оп. 2. Д. 260. Л. 8.
- 220 Там же. Л. 9.
- 221 *Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М.* «Дело славистов»... С. 15.
- 222 ПФА РАН. Ф. 752. Оп. 2. Д. 32 Л. 89.
- 223 Там же. Д. 117. Л. 373.
- 224 См., например: *Робинсон М.А.* Судьбы академической элиты...

Татьяна Павловна

ХЛЫНИНА

Игорь Юрьевич

ВАСИЛЬЕВ

УКРАИНИЗАЦИЯ НА КУБАНИ: ЗАМЫСЛЫ, ВОПЛОЩЕНИЕ, ИТОГИ

История национальной политики государства победившего пролетариата и ее последствия для судеб народов некогда единой страны все чаще оказываются вовлеченными в большую политику. Счеты с прошлым сводят не только активисты национальных движений, но и целые научные коллективы. Давно уже забыты высокие цели, ради которых, собственно, и начиналось высвобождение истории российских народов из-под гнета «обветшалой» марксистской теории и имперских амбиций союзного центра. На их обломках строятся новые здания российской и национальных историографий, фундаменты которых нередко покоятся на взаимоисключающих основаниях и все той же политической конъюнктуре. В результате обновленное прошлое превращается в очередную кровоточащую рану, а поиск научной истины — в масштабные историографические баталии.

В истории российско-украинских отношений таких незаживающих ран на сегодняшний день немало. Одной из них следует признать политику украинизации, проводившуюся советским государством как на самой Украине, так и во внутренних областях Российской Федерации в 1920-х — начале 1930-х годов. О ее сути, механизмах реализации и последствиях неоднократно писали как российские, так и украинские историки¹. Из сотканного ими полотна мотивов, подводных течений и текущих потребностей власти процесс украинизации предстает злонамеренным орудием национальной политики правящей партии, единственной целью которой являлось «обслуживание нужд антинародного режима». Вместе с тем, как свидетельствуют многочисленные архивные документы и воспоминания современников, у истоков

этого «антинародного режима» и его разнообразных ответвлений стояли не только твердые искровцы. В его формировании принимали участие самые широкие слои населения, чьи нужды и чаяния нашли свое отражение и в проводившейся советской властью национальной политике. Одним из ее проявлений стала украинизация, которая, как и любое иное начинание в этой области, не сводилась к решению лишь сугубо национальных вопросов.

Авторы настоящей статьи равно далеки как от апологетики, так и порицания «украинского эксперимента» советской власти. Их цель намного труднее, а именно — подняться над политическими пристрастиями нынешнего времени и попытаться ответить на вопрос о том, чем же была украинизация для политического руководства страны в 1920-е — 1930-е годы.

В рассматриваемый период времени советской властью проводилась так называемая политика коренизации. Ее суть заключалась в широком вовлечении в советское строительство «нерусских трудящихся масс» посредством их выдвижения на советскую и партийную работу, перевода производственной документации органов власти на национальные языки, удовлетворения культурных запросов «националов». Проведение политики коренизации в отношении украинского населения получило название украинизации. Она проводилась не только на Украине, но и за ее пределами. В сфере ее влияния оказались территории Кубани, Воронежской и Курской губерний (зоны традиционного «выхода» малороссийского крестьянства), где наряду с этническими украинцами проживало и немалое количество русских.

Украинизация получила широкий размах и уже в то время породила массу досужих вымыслов среди населения относительно истинных намерений власти. От наивно-прагматических «наверху виднее, кто из нас украинец, а кто скрытый москаль» до политически небезопасных «отдадут нас всех украинским пановам»². Каковы же причины проведения украинизации и ее столь противоречивых оценок?

После окончательного установления советской власти ее представители сразу же проявили интерес к украинской проблематике. Новая власть остро нуждалась во внутренних союзниках, которых в первую очередь видели в нерусских народах. Многие

советские лидеры полагали, что «белорусская, украинская и все другие нации СССР формировались почти с нуля, и в их культуру и идентичность можно было заложить коммунистический культурный код»³. Однако руководитель советского государства И.В. Сталин считал недопустимым чрезмерное развитие национальных пристрастий народов СССР. Особенно опасным для единства страны ему представлялся украинский национализм. По воспоминаниям сына легендарного сталинского наркома С.А. Микояна, «у Сталина было два пугала: украинский национализм и ленинградская оппозиция»⁴. Между тем, до начала 1930-х годов И.В. Сталин не обладал абсолютной властью и вынужден был считаться с мнением других политиков, реалиями и тенденциями социально-политической жизни того времени.

Украинизация усилилась в ходе проведения районирования — административно-территориальной реформы, в ходе которой закладывались новые этнические границы и принципы хозяйствования. Более того, она совпала и с началом политики коренизации, провозгласившей переход к полному раскрепощению всех народов СССР от национального и социального гнета, а также приобщение их к достижениям советской власти. Так, на Кубани украинизация рассматривалась одним из средств «повышения эффективности культурно-политической работы» со станичниками. Посредством осуществления связанных с нею мероприятий в сознание и жизнь кубанцев внедрялись идеи социалистического строительства. Именно поэтому украинизация проводилась в форме организации «культурного досуга». В станицах открывались хаты-читальни, проводились кинопоказы советских достижений⁵. В планах работы по ее широкому развертыванию на местах числились «антирелигиозная пропаганда, работа по активизации женского движения и бедноты»⁶. Например, весной 1929 г. украинская секция при Агитационно-пропагандистской отделе ВКП (б) Черноморского округа была ответственна за проведение антипасхальной кампании среди украинцев г. Новороссийска⁷.

Украинизация стала и способом отвлечения сельских масс от борьбы за свои насущные интересы. Она совпала с форсированным землеустройством, которое было призвано разрушить каза-

чью общину; непрерывным повышением налогов и лишением массы кубанцев избирательных прав, грабительскими хлебозаготовками и коллективизацией⁸. Культурно-пропагандистские мероприятия должны были существенно облегчить слом традиционного уклада жизни кубанской станицы. Недаром сплошная коллективизация увязывалась властями с ликвидацией неграмотности, которая официальной властью виделась главным препятствием приобщения «темных масс станичников» к ценностям новой жизни⁹.

Проведение коренизации напрямую связывалось и со стремлением власти повысить эффективность колхозного строительства¹⁰. Показательно, что раздел «Страничка колхозника» в краснодарской газете «Красное знамя» выходил в начале 1930-х годов на украинском языке¹¹. Украинизация должна была подготовить сельское население к образу жизни, характерному для индустриального общества¹². Ощущая на себе грядущие перемены, станичники полагали, что «советская власть подлазит к нам с помощью украинизации. Раньше нам не давали ходу. Теперь придумали украинизацию, чтобы опять нам ходу не дать»¹³. В высказывании современника того времени отразилось, пожалуй, главное противоречие проводимой политики по украинизации кубанской станицы. Ее национальная составляющая даже на уровне обыденного сознания воспринималась не более чем «хитрой уловкой власти», за которой стояло настойчивое стремление построить социализм с временной национальной спецификой.

Одной из важнейших причин развернувшейся украинизации являлась и международная составляющая: соперничество сопредельных держав за поддержку российских украинцев. Власть стремилась оторвать советских украинцев от украинской эмиграции, западноукраинских националистов. Последние в течение 1920-х годов смогли потеснить набравшее было силу коммунистическое движение на украинских территориях, подконтрольных Польше¹⁴. Так же надо было дискредитировать пропаганду, которую вели в их отношении западные страны, в особенности, Польша. Развернув украинизацию, СССР стремился тем самым привлечь на свою сторону и украинцев, живущих в Польше, в Чехословакии и Румынии¹⁵.

Еще одной веской причиной проведения украинизации стало желание И.В. Сталина использовать национально-ориентированных коммунистов Украины в своей борьбе с Л.Д. Троцким и Г.Е. Зиновьевым. Опираясь на неверно истолкованную поддержку И.В. Сталина, местные национал-коммунисты стали активно отстаивать позицию широкой самостоятельности союзных республик в ущерб центру. Украинский народ рассматривался ими как угнетенный этнокласс, которому для оформления в нацию недоставало государственной самостоятельности¹⁶. В большой политической игре, где ставкой, с одной стороны, оказывалась всемирная победа пролетарской революции, а с другой — достижение национальной независимости, обе стороны охотно подыгрывали друг другу.

Вместе с тем, украинские социал-демократы активно сотрудничали с Л.Д. Троцким¹⁷. Друг и соратник Л.Д. Троцкого Х.Г. Раковский возглавлял правительство Украины и был членом Политбюро ЦК КП(б)У с 1919 по 1923 г. Х.Г. Раковский самым решительным образом поддерживал «местный национализм» в среде коммунистов, выступал за децентрализацию и национализацию компартий¹⁸. Х.Г. Раковскому и украинским национал-коммунистам наряду с «грузинскими товарищами» принадлежит важнейшая роль в провале сталинского плана «автономизации». В письме В.И. Ленину И.В. Сталин писал: «... молодое поколение коммунистов на окраинах ведут игру в независимость, отказываются принимать как игру, упорно принимают слова о независимости за чистую монету, и так же упорно требуют от нас проведения в жизнь буквы конституций независимых республик... Если мы теперь же не постараемся приспособить форму взаимоотношений между центром и окраинами к фактическим взаимоотношениям, в силу которых окраины во всем должны подчиняться центру..., то через год будет несравненно труднее отстоять фактическое единство советских республик»¹⁹. Однако тогда И.В. Сталину пришлось уступить.

Некоторое время ему приходилось уступать им и в культурно-языковых вопросах. Эти уступки не были связаны ни с силой украинского национализма, ни с позицией его лидеров. И.В. Сталину необходимо было укрепить собственное положение внутри

партии и создать исправно работающую вертикаль власти. Украинизация государственного аппарата Украины стала активно использоваться им для выдвижения молодых кадров, лояльных власти²⁰. Этот процесс имел место и на Кубани: украинизация активно использовалась для привлечения молодых кадров из рабоче-крестьянской среды. Так, при наборе в Краснодарский педагогический институт предпочтение отдавалось украинцам из семей рабочих, батраков и крестьян-бедняков²¹.

Украинские коммунисты, среди которых было немало бывших членов национал-коммунистических партий (боротьбистов, борьбистов, укапистов), ратовали за присоединение к УССР обширных районов с преобладающим украинским населением, либо за широкое развитие в них украинской национальной культуры²². В сферу их интересов входила Кубань и некоторые другие районы РСФСР. Многие члены ЦК ВКП(б) с сомнением относились к инициативам украинских национал-коммунистов. Однако вплоть до 1928 г. эти идеи неоднократно обсуждались среди советского руководства. Затем было принято решение оставить Кубань и другие «украинские» районы в составе РСФСР, но провести на их территории полномасштабную украинизацию²³.

Свою роль в принятом решении относительно той же Кубани сыграла и осознаваемая большевистским руководством слабость собственной социальной базы. Особое опасение власти вызывало сословное самосознание казачества, которое и предстояло заменить «национально-украинским». С этой целью большевики попытались заручиться поддержкой активных украинофилов. Последние были в основном представлены сельской интеллигенцией, тесно соприкасавшейся с «хлеборобской массой»²⁴.

На самой Украине курс на всеобщую украинизацию был взят уже в 1923 г.²⁵ Посредством ее проведения на территории РСФСР И.В. Сталиным была получена поддержка украинской парторганизации в борьбе как с левым, так и с правым уклоном в партии; ослаблены позиции Х.Г. Раковского, в результате чего на первые роли в республике стал выдвигаться его ярый противник Н.А. Скрыпник. Он заменил главного идеолога украинизации национал-коммуниста А.Я. Шумского, видевшего в ней прямой путь обретения Украиной государственной самостоя-

тельности. Под руководством Н.А. Скрыпника в июле 1927 г. Всеукраинский ЦИК и СНК УССР издали постановление «Об обеспечении равноправия языков и о содействии развитию украинской культуры». В соответствии с ним был взят курс на всеобщую языковую украинизацию территории Украины, перевод на украинский язык образования, делопроизводства и пропагандистских мероприятий. За сравнительно небольшой промежуток времени было украинизировано 80 % школ и 30 % вузов. В 1928 г. была проведена реформа украинского правописания, в результате которой украинский язык получил свою «графическую самостоятельность»²⁶.

Подобные издержки украинизации не могли не беспокоить союзное руководство. К тому же И.В. Сталин достаточно укрепил режим своей власти и больше не нуждался в союзниках, лояльность которых снизилась на заключительном этапе украинизации. Украинские национал-коммунисты были не слишком довольны коллективизацией, особенно на местах²⁷, да и национальная интеллигенция видела в политике украинизации образца начала 1930-х годов изрядную долю «советизма»²⁸.

10 декабря 1932 г. ЦК ВКП(б) обсуждал вопрос о хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и в Западной области. И.В. Сталин подверг резкой критике главного вдохновителя украинизации в российских регионах Н.А. Скрыпника. Принятое по итогам заседания постановление «О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и Западной области» (от 14 декабря 1932 г.) ознаменовало собою важный поворот в национальной политике советского государства. Ответственность за срыв хлебозаготовок была возложена на национально ориентированные украинские партийные кадры. В постановлении говорилось о том, что назрела необходимость очистить местные парторганизации и правления колхозов от украинских и кубанских самостийников²⁹.

Не остался незамеченным и интерес, который проявляли к украинизации эмигрантские антисоветские круги. Они пытались представить ее вынужденной уступкой украинскому давлению³⁰. И.В. Сталин заявил, что украинский национализм действует «на руку Пилсудскому и стоящим за ним западным антисоветским силам». Особое его возмущение вызвало отсутствие на Украине

должной партийной дисциплины, проявившейся в пересмотре украинскими партийными работниками норм хлебозаготовок. Говоря на XVII съезде партии о национальном вопросе, Сталин заявил: «Грехопадение Скрыпника и его группы на Украине не есть исключение, такие же вывихи наблюдаются у отдельных товарищей в других национальных республиках»³¹.

Со временем появилось и отчетливое понимание того, что наиболее националистически настроенные украинские коммунисты и национальная интеллигенция попытаются использовать украинизацию в своих целях. К началу 1930-х годов очагами антисоветского сопротивления власти считали те районы Кубани, где работали сотрудники Наркомата народного просвещения УССР и активисты национального возрождения³². Так, «самая украинская» кубанская станица Полтавская характеризовалась в политдонесениях ОГПУ как «наиболее контрреволюционно активная». На территории станицы действовали крупные банды и контрреволюционные организации «украинской направленности»³³.

В ожидании всплеска недовольства, вызванного коллективизацией и начавшимся голодом, власти решили обезвредить украинофилов как «идейно вооруженную» силу, могущую возглавить крестьянское сопротивление. По оценкам властей, украинцы выделялись среди советских нацменьшинств того периода высоким уровнем образованности и самосознания, широкой территорией расселения и мощной партийной организацией. Украинские коммунисты уже проявили свою самостоятельность во время хлебозаготовительных компаний рубежа 1920–1930-х годов и вполне могли бы оказаться детонатором зреющего недовольства³⁴.

В ходе украинизации усилились позиции и национальной интеллигенции, подтверждением чему являлись украинские учебники конца 1920-х – начала 1930-х годов. Некоторые из них имели «слабую коммунистическую идейную составляющую», зато отличались сильным «национальным акцентом». Отмечался рост национального самосознания украинизированного населения, что нередко приводило к вспышкам антисемитских и антирусских настроений³⁵.

На фоне участвовавших издержек и укрепления позиций союзного центра политика «украинизации» подлежала неизбеж-

ному свертыванию. В первую очередь речь шла о приостановке украинизации на территориях РСФСР, а затем и Украины. При этом размах репрессий против ее сторонников был везде одинаков. Уже в августе 1932 г. И.В. Сталин констатировал «серьезное неблагополучие в украинских партийных организациях, засилье в них скрытых националистов и иностранных агентов». На Украину вновь направляется Л.М. Каганович, а председатель СНК Украины В.Я. Чубарь переводится в Москву. В ноябре 1932 г. на Кубани было «вычищено» из партии 43 % коммунистов с «украинским уклоном», 5 тыс. из них арестовано. На Украине аресту подверглись около двух тысяч председателей колхозов³⁶.

26 декабря 1932 г. постановлением Северо-Кавказского краевого исполнительного комитета украинизация была приостановлена. Выпуск периодических изданий на украинском языке и всякая издательская деятельность в срочном порядке прекращены. Оставшиеся газеты должны были в трехдневный срок перейти на русский язык. Радиовещание также подлежало русификации. Официальное делопроизводство переводилось на русский язык в четырехдневный срок к 1 января 1933 г. Все школы планировалось русифицировать к осени 1933 г. Как вспоминал очевидец того времени, «в тридцать третьем в школу пошел. Украинский язык был кругом на Кубани. Занимались в школе на украинском языке. С полгода. А с полгода — на русский перевели»³⁷.

В одном из краевых постановлений 1933 г. отмечалось, что «украинизация ряда районов и станиц, проводившаяся на Северном Кавказе, не вытекает из культурных интересов населения и служит легальной формой классовому врагу для организации сопротивления мероприятиям советской власти и создания под этим прикрытием своих контрреволюционных организаций»³⁸. В Постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 10 января 1933 г. отмечалось, что «в период успешной ликвидации капиталистических элементов в городе и кулачества в деревне разные украинизаторы на территории украинских районов РСФСР ... оживили все националистические элементы, переходя на путь вредительства, ... контрреволюционного саботажа... Все это заставляет партию и правительство перевести все украинизированные учреждения и школы на территории РСФСР на русский язык»³⁹.

В январе 1933 г. на Украину был направлен П.П. Постышев для обеспечения выполнения плана хлебозаготовок и инспектирования состояния украинской парторганизации. По итогам его поездки украинизация была признана «перегибом национальной политики партии», а Н.А. Скрыпник в июле 1933 г. покончил жизнь самоубийством.

Столь неожиданное, на первый взгляд, завершение политики украинизации имело вполне реальные причины, обусловленные как доктринальными представлениями советского руководства и, прежде всего, И.В. Сталина о сути национальной политики, так и текущими задачами советского строительства. Руководство союзного центра изначально не мыслило украинизацию за пределами Украины как нечто долговременное и серьезное. Она рассматривалась им одной из возможностей вовлечения украинского населения ряда российских областей в «русло социалистического строительства».

Начавшийся рост национального самосознания российских украинцев, грозящий вылиться в антисоветские выступления; протестные акции со стороны вовлеченного в круговорот украинизации русскоязычного населения, как во внутренних областях РСФСР, так и на Украине; опасно возросшая самостоятельность украинских коммунистов привели союзное руководство к признанию ошибочности украинизации⁴⁰. Ее поспешное свертывание, сопровождавшееся чистками партийных и советских активов, арестами и тюремными заключениями сторонников «украинского дела» породили огромное количество слухов и взаимоисключающих оценок. При этом, несмотря на все свои негативные издержки, она не была «преступным орудием антинародного режима». Как и многие иные начинания советской власти, украинизация являлась лишь средством воплощения в жизнь ее идей и текущих задач. К сожалению, исповедуемые властью идеи не принесли народам ни национального мира, ни социального благополучия. Власть с национальной спецификой оказалась одинаково противопоказанной как народам, ради которых она выстраивалась, так и тем, кому предстояло с ними жить по соседству.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ О состоянии российско-украинской историографии данного вопроса см. подробнее: *Борисенко Е.Ю.* Феномен советской украинизации. М., 2006.
- ² Доклад Адыгейскому облисполкому о состоянии нацменьшинств области от 13 октября 1932 г. // Национальный архив Республики Адыгея. Ф. Р.-4. Оп. 1. Д. 11. Л. 4-6.
- ³ *Бельий А.* Переосмысливая Голодомор. Текст размещен на интернет-сайте: <http://www.apn.ru/publications/article21300.htm>. Дата обращения: 17.09.2009.
- ⁴ *Рыбас С.Ю.* Сталин. М., 2010. С. 247.
- ⁵ *Харченко В.* Мы начинали на хохлацком, и первый трактор был «Фордзон» // *Зори*. 2008. 1 мая. С. 3.
- ⁶ Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее — ЦДНИКК). Ф. Р.12. Оп. 1. Д. 56. Л. 28, 32.
- ⁷ Там же. Ф. Р.9. Оп. 1. Д. 923. Л. 5.
- ⁸ *Бершадская О.В.* Осуществление политики украинизации на Кубани в период 1925–1932 годов // Вторые кубанские литературно-исторические чтения. Краснодар, 2000. С. 123.
- ⁹ По-боевому готовимся к районному культсъезду // *Армавирская коммуна*. 1931. № 9. С. 6.
- ¹⁰ Краевое совещание по вопросам работы среди нацменьшинств // *Молот*. 1932. № 3163. С. 4.
- ¹¹ Красное знамя. 1932. № 210. С. 4.
- ¹² ЦДНИКК. Ф. Р. 8. Оп. 1. Д. 309. Л. 6.
- ¹³ Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф. Р.7. Оп. 1. Д. 658. Л. 8.
- ¹⁴ *Армстронг Дж.* Украинский национализм. Факты и исследования. М., 2008. С. 20–21, 24.
- ¹⁵ *Борисенко Е.Ю.* Указ. соч. С. 5, 86.
- ¹⁶ *Мирошниченко П.Я., Мирошниченко Н.П.* Эволюция украинского национализма // *Имперское возрождение*. 2010. № 3. С. 62, 92.
- ¹⁷ Подлинная история РСДРП–РКП(б)–ВКП(б). Без умолчаний и фальсификаций. Краткий курс. СПб., 2010. С. 213.
- ¹⁸ *Мельниченко В.Е.* Раковский против Сталина. М., 1991. С. 7–13.
- ¹⁹ Подлинная история РСДРП–РКП(б)–ВКП(б). С. 356.
- ²⁰ Там же. С. 170.
- ²¹ *Чирва К.И.* Готовьтесь в пединститут // *Красное знамя*. 1929. № 151. С. 3; 21.
- ²² *Ручка.* О приеме украинцев в Краснодарский педагогический институт // *Красное знамя*. 1929. № 151. С. 17, 70.
- ²³ *Борисенко Е.Ю.* Указ. соч. С. 99–105.
- ²⁴ *Кульчицкий С.В.* Смертельный водоворот. Рождение и гибель украинской Кубани. Текст размещен на интернет-странице: www.day.kiev.ua/178897. (дата обращения: 15.09.2009).
- ²⁵ *Борисенко Е.Ю.* Указ. соч. С. 107.
- ²⁶ Там же. С. 248–249, 381.
- ²⁷ *Рыбас С.Ю.* Указ. соч. С. 333–334, 337, 351.
- ²⁸ *Васильев И.Ю.* Писатель, соединивший эпохи // *Культурная жизнь Юга России*. 2013. № 1. С. 111–112.
- ²⁹ *Рыбас С.Ю.* Указ. соч. С. 111–113.
- ³⁰ Цит. по: *Кубанская ЧК.* Органы госбезопасности Кубани в документах и воспоминаниях. Краснодар, 1997. С. 119.
- ³¹ *Сталин И.В.* Отчетный доклад XVII съезду партии // *Сталин И.В.* Сочинения. М., 1952. Т. 13. С. 361–362.
- ³² *Иванцов И.Г.* Система партийно-государственного контроля РКП(б)–ВКП(б) на Кубани и Северном Кавказе. 1920–1934. Краснодар, 2008. С. 51.

³³ *Ракачев В.Н., Ракачева Я.В.* Народонаселение Кубани в XX веке. Историко-демографическое исследование. Краснодар, 2007. С. 35.

³⁴ Там же. С. 215.

³⁵ *Рыбас С.Ю.* Указ. соч. С. 179, 240.

³⁶ Там же. С. 333–334, 337, 351.

³⁷ Кубанская фольклорно-этнографическая экспедиция. 2008. А/к. 2904. Краснодарский край, Горячесключевской район, ст. Бакинская, информатор — А.Д. Петько, запись — О.В. Матвеева // Архив — фонотека Научно-исследовательского центра традиционной культуры ГБНТУ «Кубанский казачий хор».

³⁸ Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р–1594. Оп. 1. Д. 50. Л. 614.

³⁹ Голод 1932–1933 годов: «геноцид украинского народа» или общая трагедия народов СССР? // Крулый стол в Центре украинистики и белорусистики исторического факультета МГУ. 10 декабря 2007 года. URL: http://www.hist.msu.ru/Labs/UkrBel/golod_final.htm. Дата обращения 21.09.2009.

⁴⁰ *Борисенок Е.Ю.* Феномен советской украинизации. М., 2006. С. 18, 152, 192, 211.

*Константин
КУЦОВ*

**ЦЕНТРАЛЬНЫЙ СОЮЗ
ПОДКАРПАТОРУССКИХ СТУДЕНТОВ
(1928—1939) — ВЕРХОВНАЯ СТРУКТУРА
РУСИНСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА
В МЕЖВОЕННОЙ ЧЕХОСЛОВАКИИ:
КРАТКАЯ ИСТОРИЯ**

Одним из позитивных результатов вхождения Подкарпатской Руси и Пряшевщины в состав Чехословакии (1919 г.) стало появление у местной молодежи возможности получать образование в вузах Праги, Братиславы, Брно и других университетских городах республики. В течение 1920—1939 годов основным центром обучения студентов-русинов была Прага, где в это время действовало несколько классических и узкопрофильных высших учебных заведений: Карлов университет (основан в 1348 г., факультеты межвоенного периода: философский, юридический, медицинский, природоведческий, теологический), Высшая техническая школа (основана в 1717 г., специальности межвоенного периода: строительство, архитектура, электротехника, механика, химия, лесная инженерия, коммерческая инженерия, агрономия, специальные науки), Украинский свободный университет (Український Вільний Університет; перенесен в Прагу из Вены в октябре 1921 г., факультеты межвоенного периода: юридический и философский), академия искусств, Высшая художественно-промышленная школа, консерватория и др.

По утверждениям очевидцев, первые студенты-русины (недавние слушатели венгерских вузов), около 10 человек, перевелись в Прагу весной 1920 г., осенью того же года к ним присоединилась и группа их земляков-первокурсников. Таким образом, к началу 1920/1921 учебного года число студентов-русинов в Праге

составляло около 30 человек. Это дало им возможность создать собственную земляческую организацию¹.

К ее юридическому оформлению студенты-русины (при поддержке коллег из Галиции и Лемковщины) приступили в ноябре 1920 г. А в середине декабря в помещении монастыря капуцинов (в то время здесь находилось студенческое общежитие) состоялось учредительное собрание Кружка карпаторусских студентов «Возрождение». Под влиянием студентов-галичан (многие из которых в годы Первой мировой войны были узниками концлагерей Терезин и Талергоф, либо же побывали в русском плену) кружок принял русофильскую ориентацию, а его официальным языком был провозглашен «великорусский»². Правда, такое положение дел устроило далеко не всех участников собрания. Против русофильской направленности кружка категорически выступили студенты, которые в 1918–1919 годах принимали активное участие в акциях за воссоединение русинской территории с Украиной. Оставаясь в меньшинстве, они недолгое время состояли в рядах «Возрождения» (хотя активности в нем не проявляли), а уже весной 1921 г. создали альтернативную организацию — Социальный Студенческий Союз Подкарпатских Русинов (Соціальный Студентський Союз Подкарпатських Русинів; далее — «Союз...»), которая в первое время своей деятельности балансировала между русинофильством и украинофильством³.

В первые годы существования обе организации вступили в резкую конфронтацию и заняли противоположные позиции в так называемом «языковом споре»⁴ (противостояние в среде русинской интеллигенции 1920–1930-х годов, на почве языка преподавания и официального делопроизводства на Подкарпатской Руси; в процессе «спора» его участники разделились на три противоборствующих лагеря: русофилов, украинофилов и русинофилов. — К. К.). Кроме того, члены «Союза...» были крайне недовольны тем, что реальные рычаги руководства в «Возрождении» начала 1920-х годов находились в руках «чужаков» — галицийских русофилов⁵.

Однако, несмотря на разногласия, уже в 1922 г. сугубо материальные причины и объективная необходимость вступления в Центральный союз чехословацкого студенчества (Ústřední Svaz

Českeslovenského Studentstva, ÚSČS; далее — ЦСЧС) заставили представителей «Возрождения» и «Союза...» сделать попытку создания собственного центрального объединения. Подобные структуры на тот момент уже имели студенты из Чехии, Словакии и Моравии⁶. С этой целью было запланировано провести в сентябре 1922 г. в Ужгороде общий конгресс студенчества Подкарпатской Руси⁷. Но поскольку в ходе предварительных консультаций члены организаций не сумели договориться относительно названия и официального языка будущего объединения, то реализацию этих планов пришлось отложить на неопределенный срок⁸.

К данному вопросу представители обеих организаций вернулись лишь во второй половине 1920-х годов. К тому времени в них уже произошли серьезные изменения. Ежегодно росло количество членов кружка «Возрождение», что дало возможность в 1926 г. переименовать его в общество (официальное название — Общество карпаторусских студентов «Возрождение» в Праге; далее — ОКС «Возрождение»). Кроме того, в этот период организация провела ряд культурных мероприятий (в 1922 г. при кружке был создан хор, который в период летних каникул 1922 и 1927 годов осуществил концертные поездки по Подкарпатской Руси и Пряшевщине; в 1926 г. по инициативе «возрожденцев» в Ужгороде был установлен памятник подкарпатскому просветителю Евгению Фенцику (1844–1903) и т. д.), благодаря которым стала достаточно известной как в Праге, так и на родине⁹. Союз же за это время успел пережить период полнейшего упадка (1923–1926 гг.), но с осени 1926 г. также начал постепенно наращивать силы. В 1927 г. организация была переименована в Союз подкарпатских руських студентов (Союз підкарпатських руських студентів; далее — СПРС) и окончательно заявила о своей проукраинской направленности¹⁰.

Осенью 1927 г. представители «Возрождения» и СПРС вновь сели за стол переговоров. На сей раз они были значительно результативнее — участники разработали предварительный устав будущего центрального объединения. Спорный вопрос языка и национальной идентичности в нем был решен довольно просто: русский и украинский были утверждены языками делопроизводства, а членам «Возрождения» и СПРС было позволено опре-

делять собственную национальность по желанию — русский или украинец (термин «русин» при этом был категорически отвергнут). Объединительные тенденции среди студентов-русинов тут же были замечены руководством ЦСЧС, и уже в конце года председатель ОКС «Возрождение» Владимир Могильницкий (?—?) и председатель СПРС Юрий Августин Шерегий (1907—1990) были приглашены на съезд чехословацкого студенчества¹¹. А 12 марта 1928 г. в Праге состоялось объединительное собрание, на котором 22 представителя «Возрождения» и СПРС объявили о создании Центрального союза подкарпаторусских студентов (далее — ЦСПС) и приняли его устав¹². ЦСПС был объявлен верховным органом студентов-русинов Чехословакии и четвертым самостоятельным сектором ЦСЧС. Руководящие должности в организации были распределены пропорционально: «возрожденцы» Владимир Могильницкий и Эмиль Кампий (?—?) были избраны соответственно председателем и секретарем, а члены СПРС Иосиф Мороз (?—?) и Семен Петрашко (1906—?) — заместителем председателя и вторым секретарем. Местом пребывания руководящих органов ЦСПС формально был объявлен Ужгород, реально же они находились в Праге.

Однако в таком формате ЦСПС просуществовал всего несколько месяцев, так как уже осенью русофильско-украинофильские споры между студентами возобновились. В результате руководство СПРС несогласное с диктатом «возрожденцев», объявило о выходе своей организации из ЦСПС. Раскол поставил под сомнение легитимность ЦСПС, как верховной организации, а также и его дальнейшее членство в ЦСЧС. Примечательно, что в 1929/1930 учебном году общее собрание ЦСПС вообще не проводилось, и он даже не имел руководства¹³. В сложившейся ситуации «возрожденцы» поначалу апеллировали к тому, что ЦСПС и далее представляет большинство студентов-русинов (членская база «Возрождения» на тот момент была приблизительно в два раза больше, чем у СПРС). В частности один из лидеров «Возрождения» студент-медик Леонтин Гумецкий (?—?) в середине 1929 г. писал по этому поводу: «По статутам к распадению Центрального союза необходимо решение $\frac{2}{3}$ всех делегатов. Таким образом, юридически Центральный союз продолжает существо-

вать и поныне»¹⁴. Но видимо такой аргумент не был убедительным для руководства ЦСЧС, и проблему пришлось решать иными способами.

Частично она была снята осенью 1929 г., когда в ЦСПС было принято общество студентов Ужгородской греко-католической духовной семинарии «Церковно-Литературная школа». На тот момент эта организация представляла собой творческий кружок. Она существовала еще со времен Австро-Венгрии, а ее деятельность сводилась к организации разного рода культурно-массовых мероприятий религиозного характера, которые не выходили за пределы семинарии. В 1927 г. кружок сблизился с ОКС «Возрождение», результатом чего стало создание в семинарии филиала пражского студенческого общества. Когда же возникла необходимость спасти статус ЦСПС, при поддержке проректора семинарии о. Стефана Фенцика (1892–1946) Церковно-Литературная школа в оперативном порядке была реорганизована в самостоятельное студенческое общество. Его председателем стал студент-богослов, к тому времени уже известный русскоязычный поэт Андрей Карабелеш (1906–1964), который одновременно возглавлял и семинарский филиал «Возрождения»¹⁵. Таким образом, вступление Церковно-Литературной школы в ЦСПС было исключительно техническим шагом «возрожденцев», проведенным с целью сохранения их позиций в общечехословацком студенческом движении. Это подтверждается и тем фактом, что, формально сохраняя членство в ЦСПС до конца 1938 г., «Церковно-Литературная школа» никакого активного участия в его деятельности не принимала, а ее представители после 1931 г. ни разу не избирались в руководящие органы этой структуры.

В конце того же 1929 г. в Мукачево был создан Кружок карпаторусских студентов «Друг», который вскоре также получил членство в ЦСПС. Он был еще более формальным объединением нежели «Церковно-Литературная школа», поскольку на момент создания его членами были исключительно студенты-«возрожденцы», уроженцы Мукачева и его окрестностей. Таким образом, «Друг» был скорее мукачевским филиалом «Возрождения», нежели самостоятельной организацией. Тем не менее, в таком искусственном формате ЦСПС в феврале 1930 г. провел

свое общее собрание и избрал новое правление. Новым руководителем структуры стал студент философского факультета Карлова университета, председатель «Друга» Василий Анталовский (1908–1996)¹⁶. 20–21 декабря того же года (вероятнее всего, в знак подтверждения своей дееспособности) ЦСПС провел в Мукачево Первый съезд карпаторусского студенчества, приуроченный к 10-летию ОКС «Возрождение». О том, что он стал знаковым событием в общественной жизни края, свидетельствует хотя бы тот факт, что официальное покровительство съезду оказывал губернатор Подкарпатской Руси Антоний Бескид (1855–1933) и вице-губернатор Антонин Розсыпал (1866–1937), а в качестве «почетного президиума» на нем присутствовали лидеры всех влиятельных партий и общественных организаций русофильского направления. Мероприятие не оставили без внимания и руководители ЦСЧС. В частности, его секретарь Олдрих Водседалек (1910–?), присутствовавший на съезде в качестве почетного гостя, заявил, что руководство ЦСЧС смотрит на ЦСПС как на неотъемлемого участника общечехословацкого студенческого движения. На самом съезде были прочитаны четыре доклада и приняты три резолюции, касавшиеся не только студенческих тем, но и наиболее актуальных вопросов политического и культурного развития Подкарпатской Руси и Пряшевщины¹⁷.

К 1931/1932 учебному году внутренняя ситуация в ЦСПС стабилизировалась. На общем собрании, состоявшемся 7 февраля 1931 г., в его состав был принят Кружок карпаторусских студентов «Родина» (создан осенью 1930 г. в поселке Чинадиево, по тому же принципу, что и ККС «Друг». — К. К.). Было избрано и новое правление — председателем ЦСПС и его первым заместителем стали «возрожденцы», студенты-медики Михаил Мацков (?–?) и Степан Анталовский (1907–1992); представитель «Церковно-Литературной школы», семинарист Георгий Чургович (1905–1972) был избран заместителем председателя, а студент-юрист, председатель «Родины» Иван Ковач (1912–2002) — секретарем ЦСПС¹⁸. Позиции ЦСПС в общечехословацком студенческом движении в этот период тоже существенно укрепились. Так, уже в марте 1931 г. трое представителей организации были избраны в руководство ЦСЧС, а двое — в составе его делегации

побывали на съезде молодежи Малой Антанты в Бухаресте¹⁹. Влиятельные позиции ЦСПС подтвердил и очередной съезд ЦСЧС, проведенный 19–20 февраля 1932 г. в Ужгороде. Одним из ключевых решений, принятых на нем, стало утверждение русского языка одним из равноправных языков делопроизводства ЦСЧС (наряду с чешским и словацким). С тех пор ЦСЧС ежегодно выпускал русскоязычные информационные буклеты про вузы ЧСР, которые распространялись в средних школах Подкарпатской Руси и Пряшевщины. Параллельно со съездом состоялось и общее собрание ЦСПС, где новым председателем был избран Степан Анталовский²⁰. Результатом эффективной работы представителей ЦСПС в ЦСЧС стало то, что уже в том же году студенты-русины (в т. ч. и члены СПРС) стали получать социальные стипендии (400–1000 крон/год) из Фонда Т.Г. Масарика. Но, несмотря на это, признание на уровне государства ЦСПС верховным органом студентов Подкарпатской Руси вызывало справедливое недовольство со стороны подкарпатских студентов-украинофилов. Члены СПРС несколько раз публично обращали внимание руководства ЦСЧС на то, что ЦСПС представляет лишь часть подкарпатского студенчества, и критиковали решение о признании русского языка одним из официальных для ЦСЧС. Викентий Шандор (1907–2003), занимавший в 1932/1933 учебном году должность председателя СПРС, вспоминал, что организация тогда предпринимала самостоятельные шаги для вступления в ЦСЧС, но результатов они не дали²¹.

На следующем общем собрании ЦСПС, состоявшемся 4 февраля 1933 г. в Праге, произошли изменения в составе руководства и структуре организации. Они были связаны с вступлением в ЦСПС Кружка карпаторусских студентов «Восход» (создан осенью 1932 г. «возрожденцами» из Хуста и его окрестностей, так же как «Друг» и «Родина» был фактическим филиалом «Возрождения. — К. К.) и Общества карпаторусских студентов «Добрянский» (создано декабря 1932 г. студентами из Подкарпатской Руси и Пряшевщины, обучавшимися в Братиславском университете им. Я.А. Коменского; в отличие от других членов ЦСПС было полностью независимым от «Возрождения». — К. К.). Председателем ЦСПС повторно был избран Степан Анталовский, его

заместителем — «возрожденец», студент-юрист Павел Цибере (1910–1979). Генеральным секретарем стал председатель «Восхода», студент-юрист Василий Тудоший (1910–?), а на должности 1-го заместителя председателя и секретаря были избраны лидеры ОКС «Добрянский» — студент медицинского факультета Университета им. Я. Коменского Дионисий Ройкович (1910–1974) и юридического — Фома Чекан (1912–1983)²². 1–2 июля того же года ЦСПС провел в Ужгороде Второй съезд карпатурского студенчества и Первый съезд карпатурской молодежи. Данное мероприятие, также профинансированное властями Подкарпатской Руси, почтили своим присутствием все наиболее выдающиеся деятели русофильского лагеря, представители ЦСЧС и русофильских студенческих организаций Польши. По результатам двух съездов были приняты три резолюции, которые (с небольшими поправками) дублировали аналогичные документы 1930 г.²³ В отличие от мероприятия 1930 г. второй съезд не обошелся без скандалов. Так, во время выступления лидера Автономного земледельческого союза, депутата чехословацкого парламента Андрея Бродия (1895–1946) и произнесения им пафосной фразы: «Да здравствует Подкарпатская Русь!», из зала прозвучало: «Но без Гембеша (Дюла Гембеш (1886–1936) — премьер-министр Венгерского Королевства в 1932–1936 годах. — К. К.)!». Реплика, которая недвусмысленно намекала на провенгерскую деятельность Бродия, принадлежала студенту юридического факультета Карлова университета, по совместительству — редактору политического журнала «Живая мысль» Ивану Андрашко (1909–1984), вызвала у большинства присутствовавших аплодисменты и возгласы «Бродий — ирредентист!». А сам парламентарий, грубо ответив студенту, покинул зал²⁴.

В 1933 г. в истории объединения произошло еще несколько знаковых событий: в августе ЦСПС собственными силами организовал этнографическую поездку чешских студентов по населенным пунктам Подкарпатской Руси и Пряшевины²⁵, а в конце года членом ЦСПС стало Общество карпатурских студентов «Стой» (основано в августе 1933 г. в Сваляве по тому же принципу, что и «Друг», «Родина» и «Восход». — К. К.), таким образом, в его составе (хотя и формально) состояло уже 7 организаций²⁶.

Следующий год стал началом нового этапа междоусобиц внутри ЦСПС. Дело в том, что деятельность организации сосредотачивалась исключительно в Праге, большинство руководящих должностей в ней занимали «возрожденцы», а материальные блага (стипендии, финансовая помощь и т.д.) распределялись лишь среди студентов пражских вузов. До тех пор, пока членами ЦСПС были только «Возрождение» и его земляческие филиалы, никаких вопросов на сей счет не возникало, но со вступлением в ЦСПС общества «Добрянский» ситуация изменилась. В 1934 г. представитель ОКС «Добрянский» Ф. Чекан высказал справедливые претензии, что его организация вынуждена решать свои проблемы или проблемы своих членов без малейшего участия ЦСПС и потребовал справедливого (в материальном плане) отношения к братиславским студентам. «Возрожденцы» же такие претензии приняли с крайним недовольством и даже попытались исключить ОКС «Добрянский» из ЦСПС²⁷.

В это же время к внутренней нестабильности в ЦСПС добавились и общие для всего чехословацкого студенчества проблемы, связанные с последствиями экономического кризиса 1932–1933 годов. Во-первых, результатом кризиса стала тотальная безработица, основными жертвами которой были недавние выпускники вузов. «По окончании высшей школы невозможно было найти работу. Доктора права работали кондукторами трамваев, некоторые не сумели получить работу и за 300–400 крон ежемесячно», — вспоминал этот период В. Шандор²⁸. Во-вторых, в посткризисных условиях правительство ЧСР вынуждено было пойти на принятие ряда непопулярных антисоциальных законодательных актов, которые также негативно отразились на студенчестве. К последним относилось так называемое постановление «Об аспирантах», принятое осенью 1934 г. Согласно ему, выпускники средних, средних специальных и высших учебных заведений ЧСР, приступая к работе в государственных учреждениях, вынуждены были 3 месяца работать на бесплатной основе, а потом еще 2 года — за минимальную зарплату²⁹. Именно безработица и скандальное постановление стали ключевыми темами Третьего съезда карпаторусского студенчества, состоявшегося 8 января 1935 г. в Мукачеве. Выступая на съезде, председатель

ЦСПС В. Тудоший в резкой форме раскритиковал постановление «Об аспирантах». Студент философского факультета Степан Добош (1912–1978) отчитался о результатах исследования уровня безработицы среди молодой интеллигенции Подкарпатской Руси и Пряшевщины, проведенного ЦСПС в 1934 г. Его коллега Петр Линтур (1909–1969), говоря о взаимоотношениях старшего и младшего поколений подкарпатской интеллигенции, обратил внимание, что старшие товарищи очень часто абстрагируются от социальных проблем молодежи. К концу съезда делегаты приняли меморандум, в котором требовали отменить: 1) испытательные экзамены для выпускников гимназий и семинарий при поступлении на педагогическую работу; 2) повышение тарифов на железнодорожный транспорт (были повышены в 1934 г. — К. К.); 3) Постановление «Об аспирантах»³⁰ (забегая вперед, отметим, что усилия подкарпатского и всего чехословацкого студенчества оказались не напрасными, и осенью 1936 г. скандальное постановление было отменено³¹). Негативное отношение участники съезда высказали и к лояльным чехословацкому правительству политикам. Так, представитель правительственной Народно-Социалистической партии сенатор Илларион Цурканович (1878–?) вынужден был покинуть мероприятие под свист и оскорбительные возгласы студентов.

Проведенный накануне парламентских выборов съезд углубил также и конфликт между руководством ЦСПС и ОКС «Добрянский», добавив в него политическую подоплеку³². Как следствие — на общем собрании ЦСПС, состоявшемся 17 февраля 1935 г., в состав его руководства не был избран ни один представитель братиславского студенчества. При этом сама структура руководящих органов была наиболее широкой за все годы существования организации и состояла из 19 должностей. На прежние должности были переизбраны Василий Тудоший и Иван Шлепецкий (1907–1976) (занял должность по квоте ОКС «Добрянский», хотя никакого отношения к нему не имел. — К. К.), заместителем председателя ЦСПС стал Степан Добош, генеральным секретарем — студент философского факультета Карлова университета Василий Крайняница (1913–1994), секретарем — студент-медик Адальберт Качуровский (?–?). Собрание также приняло

заявление, в котором осуждалось поведение представителей ОКС «Добрянский» на недавнем мукачевском съезде³³.

Тем не менее, внутренняя нестабильность на сей раз никоим образом не отразилась на позициях ЦСПС в общечехословацком студенческом движении. Даже наоборот — они только укрепились. В 1935/1936 учебном году ЦСПС в порядке очереди получил право на руководство в ЦСЧС. На очередном съезде ЦСЧС (9–10 марта 1935 г.) на эту должность единогласно был избран С. Анталовский³⁴. 28 июля того же года под его руководством в Праге состоялся XVII съезд Международной студенческой конфедерации, в работе которого приняли участие делегации большинства европейских стран (кроме СССР) и США. Кстати, во время работы съезда представителям ЦСПС удалось установить контакты с некоторыми организациями студентов Европы и студентов-белоэмигрантов. Тогда же возникла идея провести в 1936 г. в Белграде Всеславянский студенческий конгресс³⁵. Активную международную деятельность ЦСПС в этот период проводил и самостоятельно. Так, в январе 1936 г. он организовал поездку по Подкарпатской Руси и Пряшевщине делегации общества студентов-сербов «Задруга»³⁶. Летом того же года делегация ЦСПС из 12 человек во главе с В. Тудошием и С. Добошем совершила ответный визит в Югославию, а представитель ЦСПС студент юридического факультета Карлова университета Владимир Гассай (?–?) принял участие в работе Славянского собеседования (София, 30 августа 1936 г.), организованного студенческими организациями Болгарии³⁷. Кроме этого, в конце 1935 г. руководство ЦСПС сделало несколько громких заявлений, в которых изложило свою позицию относительно ряда актуальных для Подкарпатской Руси и Пряшевщины геополитических вопросов. Так, в декабре 1935 г. ЦСПС распространил заявление, в котором осудил действия Словацкой лиги, направленные на словакизацию русинов Пряшевщины³⁸. Фактически одновременно с этим руководители ЦСПС резко осудили провенгерскую позицию секретаря Карпаторусского союза Америки Алексея Геровского (1883–1972) и заявили, что всегда выступали и будут выступать за сохранение территориальной целостности ЧСР³⁹.

В 1935–1936 годах конфликт между ЦСПС и ОКС «Добрянский» достиг апогея и полностью перешел в публичную форму. Выступая в средствах массовой информации, представители ОКС «Добрянский» аргументировано отмечали: несправедливое распределение руководством ЦСПС материальной помощи между студентами-русинами в Праге и Братиславе (этой теме было посвящено специальное выступление Ф. Чекана в эфире Кошицкого радио в декабре 1936 г.), пребывание в руководстве ЦСПС лиц, уже окончивших обучение в вузах, членстве в ЦСПС «нестуденческих» организаций («Друг» и др.) и т. д.⁴⁰. Руководство ЦСПС в свою очередь называло действия коллег из Братиславы раскольническими и угрожало подать в суд на лидеров ОКС «Добрянский» Фому Чекана, Рудольфа Ройковича (1912–1971) и Андрея Штилиху (1917–1981)⁴¹. По понятным причинам стороне руководства ЦСПС в конфликте приняли и земляческие студенческие кружки. В частности, ОКС «Восход» и ККС «Друг» сделали по этому поводу специальные заявления, где осудили деятельность лидеров ОКС «Добрянский», так же назвав ее раскольнической⁴².

В этот период кроме уже озвученных выше причин в конфликте появился еще и религиозный фактор. Его причиной стала публичная кампания пражского Общества карпаторусских православных студентов «Пролом» (основано в декабре 1933 г., председатель — И. Шлепецкий) против губернатора Подкарпатской Руси Константина Грабаря (1877–1938), поддержанная руководством ЦСПС и «Возрождения». ОКС «Добрянский» раскритиковало такие действия и обвинило руководителей ЦСПС в дискриминации студентов-греко-католиков⁴³. В результате противостояния в правление ЦСПС, избранное на общем собрании 3 марта 1936 г., вновь не попал ни один из братиславских студентов. Кроме того, новым председателем ЦСПС был избран Степан Добош, который в 1935 г. проявил себя наиболее активным оппонентом лидеров ОКС «Добрянский». Другие руководящие должности заняли «возрожденцы»: Павел Дубай (?–?) — первый заместитель председателя, студент философского факультета Михаил Грига (1913–?) — заместитель председателя, Михаил Лявинец (?–?) — генеральный секретарь и студент-юрист Василий Гошовский (1916–1999) —

секретарь⁴⁴. Кроме того, 14 марта 1936 г. в Брно было создано Общество карпаторусских студентов «Верховина», которое было моментально принято в ЦСПС, еще более укрепив там позиции «возрожденцев»⁴⁵. Полное игнорирование ОКС «Добрянский» в этот период ощущалось и в отношениях ЦСПС — ЦСЧС. Так, к примеру, на съезде ЦСЧС (21–22 марта 1926 г.) подкарпатских студентов кроме «возрожденцев» представляли лишь члены недавно созданного ОКС «Верховина» — Андрей Смужаница (1911–1951) и Августин Сокол (1915–?)⁴⁶.

Неожиданное потепление в отношениях ЦСПС и ОКС «Добрянский» наметилось в начале 1937 г. Причины столь резких изменений озвучены не были. Поэтому осмелимся предположить, что конфликтующие стороны, недовольные общественным резонансом вокруг этой темы, в частном порядке договорились отказаться от взаимных претензий, сохранив тем самым позитивный имидж своей центральной структуры. 20 февраля 1937 г. на девятом общем собрании ЦСПС студенты из Братиславы отозвали все предыдущие претензии к руководству союза. Тогда же было избрано и новое правление. Председателем стал студент юридического факультета Карлова университета Юлий Попович (1912–?), его первым заместителем — Фома Чекан, заместителем, генеральным секретарем и секретарем — студенты философского факультета Карлова университета: Иван Олас (1913–?), Иван-Георгий Керча (1914–1951) и Эмерих Шандор (1913–1939)⁴⁷.

Однако, несмотря на то что консенсус между братиславским и пражским студенчеством был найден, некоторое напряжение в их отношениях в течение 1937 г. еще ощущалось. Окончательная точка в этом вопросе была поставлена лишь на рубеже 1937 и 1938 годов, когда руководство в обществах «Возрождение» и «Добрянский» переняли студенты младших курсов, персонально незадействованные в предыдущем конфликте. На десятом юбилейном собрании ЦСПС (5 марта 1938 г.) новоизбранный председатель ОКС «Добрянский» Василий Дубай (1916–1978) принес руководству Союза извинения за действия предшественников и заявил, что студенчество Братиславы желает в дальнейшем действовать в едином ключе с коллегами из Праги и Брно.

Результатом окончательного примирения стало и то, что новым руководителем ЦСПС (впервые за всю его историю) был избран не «возрожденец», а уже упомянутый представитель ОКС «Добрянский», студент медицинского факультета университета им. Я.А. Коменского В. Дубай. Правда, остальные ключевые должности сохранились за членами «Возрождения», студентами Карлова университета: первым заместителем председателя стал филолог Кирилл Яськов (1916–?), заместителем — природовед Степан Бунганич (1914–2004), генеральным секретарем — медик Александр Эрфан (1914–1993), а секретарем — филолог Георгий Маркус⁴⁸ (1915–?) 10–11 сентября 1938 г. ЦСПС провел в Мукачеве свой четвертый (последний. — К. К.) съезд. Борьба местной политической элиты за автономию Подкарпатской Руси к тому времени уже вошла в решающую стадию, что и задало основной тон мероприятия. В частности, с пафосной автономистской речью на съезде выступил И. Ковач, а в политической резолюции делегаты изложили свое видение будущей автономии: а) установление четких исторических границ между Подкарпатской Русью и Словакией (присоединение Пряшевщины к Подкарпатской Руси. — К. К.), б) избрание автономного Сейма, в) полная передача исполнительной власти в крае представителям местного населения. Как и в предыдущие годы, съезд почтили своим присутствием все видные подкарпатские политики-русофилы. Потому и на этот раз не обошлось без скандалов. Так, студенты-«фенциковцы», составлявшие на съезде большинство, несколько раз попытались воспрепятствовать выступлению А. Бродия, а создателя Русского автономного блока А. Геровского вообще освистали и вынудили покинуть зал⁴⁹.

Политические события, произошедшие в Чехословакии в октябре–ноябре 1938 г., внесли серьезные коррективы в русофильское движение. Арест премьер-министра автономного правительства Подкарпатской Руси, обвиненного в шпионаже в пользу Венгрии, Первый Венский арбитраж и откровенная провенгерская позиция многих политиков-русофилов (руководителей Автономного Земледельческого Союза (АЗС), «вождя» Русской Национально-Автономной Партии (РНАП) С. Фенцика и др.) привели к дезориентации актива многих организаций русофильского ла-

геря. Не был исключением и ЦСПС. В этот период объединение фактически разделилось на две самостоятельные группы, каждая из которых пыталась выступать от его имени. Вхождение части Подкарпатской Руси в состав Венгерского Королевства публично поддержали Василий Чепинец (1912–?) и Эмерих Шандор (в действующем правлении ЦСПС они занимали должности руководителей комиссий по культуре и вопросам средних школ). 3 ноября 1938 г. они оба вошли в руководство созданного в Ужгороде провенгерского Русского национального совета. Кроме того, поставили свои подписи под коллективным письмом, адресованным правительствам европейских государств, в котором попросили содействовать проведению референдума о территориальном самоопределении в той части Подкарпатской Руси, которая после Венского арбитража осталась в составе Чехословакии⁵⁰.

В это же время в Праге не менее активную деятельность вели лидеры ЦСПС, сохранившие лояльность Чехословакии. Тут от имени объединения выступали его генеральный секретарь Александр Эрфан и один из руководителей Союза карпатских аграрных академиков (организация студентов-русинов, принадлежавших к Аграрной партии, была основана в январе 1924 г., официально в ЦСПС не входила. — К. К.), студент-юрист Петр Кухта (1913–?). Координируя действия с руководством хустского Русского национального совета (создан 14 ноября 1938 г. политиками-русофилами, сохранившими лояльность ЧСР; лидеры Василий Караман (1903–1961), Павел Цибере, Петр Сова (1894–1984), Павел Федор (1884–1952) и др.) и студентами-издателями пражской газеты «Дневник» (Степан Анталовский, Иван Гебей (1912–?), Эмиль Балецкий (1919–1980), Петр Бунганич (1918–1996), Иван Шлепецкий и др.), они выступили с резкой критикой «украинизации» Подкарпатской Руси и антидемократических действий ее автономного правительства во главе с Августинем Волошиным (1874–1945). В частности, 20 ноября пражские представители ЦСПС подписали меморандум, адресованный правительству ЧСР, в котором потребовали препятствовать политическим репрессиям на территории Подкарпатской Руси/Карпатской Украины и создать новое автономное правительство, учитывая пропорциональное представительство русофилов и ук-

раинофилов. В отдельном меморандуме ЦСПС обратился к депутатам чехословацкого парламента с требованием ни в коем случае не легализовать название «Карпатская Украина» в будущем законе «Об автономии...»⁵¹. В этот период студенты также часто посещали находящиеся в Праге дипломатические представительства европейских стран, информируя их о нарушениях демократии на территории автономии. Однако уже к концу года под действием внешних факторов их активность была сведена к минимуму⁵².

Политические изменения конца 1938 г. нанесли серьезный удар и по структуре ЦСПС, поскольку в этот период деятельность большинства организаций, входящих в него, прекратилась: Церковно-Литературная школа и «Друг» были запрещены венгерской военной администрацией; «Родина», «Восход» и «Стой» — автономным правительством Подкарпатской Руси/Карпатской Украины. После распада ЧСР (март 1939 г.) немецкие оккупационные власти запретили деятельность «Возрождения» и «Верховины» (ОКС «Добрянский» продолжало свою деятельность, но исключительно на территории независимой Словакии). Таким образом, в марте 1939 г. существование ЦСПС полностью прекратилось. Средства с его счетов в Ужгороде были конфискованы венграми еще в ноябре 1938 г., остальное имущество, находящееся в Праге, конфисковали немецкие оккупационные власти⁵³.

Отметим также, что в последующие годы (в условиях иных политических режимов) студенты-русины предприняли ряд попыток возобновить работу ЦСПС, но особого эффекта они не дали. Так, в сентябре 1940 г. в Ужгороде был создан Центральный союз русских университетских студентов (Центральный союз русских университетских студентов, председатель — И. Ковач)⁵⁴. Однако в условиях хортистского режима никакой активной деятельности развить он не смог. В 1948 г. в послевоенной Чехословакии был создан Центральный союз русских и украинских студентов ЧСР, основателями которого выступили возобновившие свою деятельность «Возрождение», «Добрянский» и «Маковица» (бывшая «Верховина». — К. К.). Но уже в 1949 г., после прихода к власти коммунистов, эта структура была распущена, а организации, основавшие ее, слились с Чехословацким союзом молодежи (чехословацкий аналог комсомола. — К. К.)⁵⁵.

Исходя из вышеизложенного, отметим, что предыстория создания Центрального союза подкарпаторусских студентов и его непосредственная деятельность как верховной структуры русинского студенчества межвоенной Чехословакии не были однозначными. Можно считать позитивной его роль в процессе интеграции студентов-русинов в общечехословацкое студенческое движение и представление их интересов на уровне государства: регулярное избрание русинов в руководство ЦСЧС (в т.ч. на должность председателя), их участие в общечехословацких и международных (по квоте ЧСР) студенческих съездах, получение «подкарпатской квоты» из Фонда Т.Г. Масарика и т.д. Основным же негативом, бесспорно, был отход от идеи консолидации всего закарпатского студенчества. В результате чего ЦСПС, хотя и был признан верховным органом закарпатских студентов на уровне ЧСР, в действительности представлял лишь его русофильское крыло, тоже не всегда консолидированное. Деструктивную роль в этом сыграли амбиции «возрожденцев», претендовавших на доминирование в ЦСПС и желавших представлять его на уровне государства. Они спровоцировали выход из объединения СПРС (1928 г.) и серьезный конфликт с обществом «Добрянский» (1934–1937 гг.). Консолидационные же тенденции, которые наметились в ЦСПС в 1937–1938 годах, были оборваны последующими политическими событиями и потому окончательных результатов не дали. Будущие же аналоги ЦСПС, созданные в иных политических условиях, оказались попросту нежизнеспособными.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Н.Р. [Николай Риздорфер] Наши высокошкольные студенты // Русин [Ужгород]. 1920. № 15. С. 3; А. Ф. [Александр Фединец] Як поживають наши руськи высокошкольные студенты в Праге // Там же. 1920. № 21. С. 3.

² Председателем КРСК «Возрождение» был избран уроженец Пряшевщины, медик Степан Рокицкий, секретарем — уроженец Подкарпатской Руси, юрист Юрий Перевузник. На момент создания кружок объединил всех студентов-русинов из Подкарпатской Руси и Пряшевщины, и еще большее число эмигрантов из Галичины и Лемковщины, которые (ввиду отсутствия чехословацкого гражданства) «держались в тени» и официально не входили в руководящее кружка. В чиле последних были такие известные впоследствии деятели русофильского движения, как: Симеон Пыж, Василий Ваврик, Василий Саврук, Мирослав Грабец и др.: Камтий И.И. Десятилетие // Молодая Русь [Прага]. 1931. № 7–8. С. 3–4.

³ Председателем союза был избран студент Высшей технической школы Адальберт Балаж, секретарем — студент медицинского факультета Александр Фединец — оба уроженцы Подкарпатской Руси. На момент создания организация объединила 10 студентов. С

осени 1921 г. организация именовалась — Союз Социальной помощи для Подкарпатских Русских Студентов: *Федак В.* З життя Союзу Підкарпатських Руських Студентів в Празі // Пчілка [Ужгород]. 1931/1932. № 5. С. 125.

⁴ Первый публичный «языковой конфликт» между организациями зафиксирован в начале 1921/1922 учебного года. 28 ноября 1921 г. «Возрождение» направило президенту ЧСР Т.Г. Масарику меморандум, в котором осудило перенесение в Прагу Украинского свободного университета, поддержку чехословацким правительством «штучного создания украинского и русинского языков», и потребовало устранить из Отдела школ и народного просвещения гражданского управления Подкарпатской Руси «лиц, занимающихся языковыми экспериментами» (галицких украинофилов: Владимира Бирчака, Ивана Панькевича и др., работавших над созданием украинских учебников для школ края. — *К. К.*). В альтернативном документе от 16 декабря 1921 г. члены союза осудили поступок «возрожденцев», поблагодарили президента за перенесение Украинского свободного университета и однозначно заявили, что считают своим родным творчество Т. Шевченка, И. Франка и других украинских классиков наряду с творчеством подкарпатских просветителей. Тексты обоих документов см.: *Мушинка М.* Невідомі документи з архіву Т.Г. Масарика // Науковий збірник Музею українсько-руської культури у Свитнику. Т. 21. Пряшів, 2008. С. 149–150.

⁵ Руське студентство на Підкарпатті // *Свобода-Svoboda* [Джерсі Сіті]. 1922. № 169. С. 3.

⁶ В 1921 г. президент ЧСР Т.Г. Масарик пожертвовал из личных сбережений 12 000 000 крон на нужды студенчества республики. За студентами из Подкарпатской Руси была закреплена квота в размере 5 000 000 крон, однако условием их получения были существования у них центральной организации и ее членство в ЦСЧС, который и был распорядителем средств: *Могильницкий В.К.* Карпаторусское студенчество // *Карпатский свет* [Ужгород]. 1928. № 5. С. 130.

⁷ Всестудентский подкарпатский конгресс // Подкарпатский студент [Прага]. 1922. № 2. С. 7 [Программа конгресса. Подписал: А. Балаж].

⁸ По утверждению участника событий, «возрожденца» Константина Стрипского в процессе переговоров представители «Возрождения» настаивали исключительно на названии «Центральный союз карпаторусских студентов» с «великорусским» языком делопроизводства, представители же союза выдвинули 4 более-менее нейтральных варианта: «Центральный союз студентов — подкарпатских русинов» (официальный язык — русинский), «Центральный союз малорусских студентов» (официальный язык — русский), «Центральный союз карпаторусских студентов» (официальный язык — русинский), «Центральный союз подкарпатских студентов» (официальный язык — русский). В результате — ни один из них так и не был утвержден: *Стрипский К.И.* Союз — Возрождение // *Карпато-Русский Вестник* [Ужгород]. 1922. № 38. С. 3–5.

⁹ Более подробно см.: *Гумецкий Л.К.* Краткая история о-ва карпаторусских студентов «Возрождение» и его деятельность в настоящее время // *Карпаторусские достижения.* Мукачево, 1930. С. 145–158.

¹⁰ *М. М. [Михайло Мандзюк].* 3 Соц. Союзу Підкарпатських Студентів у Празі // *Наша земля* [Ужгород]. 1927. № 10. С. 14–15.

¹¹ *Могильницкий В.К.* Указ. соч. С. 130.

¹² В учредительном собрании ЦСПС участвовали 14 делегатов студенческих организаций (9 — от «Ворождения», 5 — от СПРС, согласно квоте: 1 делегат от 20 членов организации) и 8 их заместителей (5 — от «Ворождения», 3 — от СПРС, согласно квоте: 1 делегат от 35 членов): *Катишинский Э.* Новая организация карпаторусского студенчества // *Народная газета* [Пряшев]. 1928. № 8. С. 2.

¹³ В. Могильницкий сложил полномочия председателя ЦСПС на членском собрании ОКС «Возрождение» 13.02.1929, а новое правление избрано не было: Отчет о членском собрании ОКС «Возрождение» // *Свободное слово* [Мукачево]. 1929. № 6. С. 3 [От 13.02.1929. Подписали: И. Молчаный (зам. председателя), С. Лизак (секретарь)]

¹⁴ *Гумецкий Л.К.* Указ. соч. С. 152.

¹⁵ *ГИК [Иван Керча].* Вступительное слово // Накануне: Сборник стихов и прозы Ужгородской литературной школы. Ужгород, 1941. С. 4.

¹⁶ *Андрашко И.В.* Десятилетняя работа карпаторусского студенчества // *Молодая Русь* [Прага]. 1931. № 5–6. С. 3–4.

¹⁷ Державний архів Закарпатської області (ДАЗО). Ф. 2. Оп. 1. Спр. 65. Арк. 84–86.

¹⁸ В новое руководство ЦСПС вошли также: П. Цибере — референт по финансам, В. Анталовский — референт по культуре, В. Татинец — референт по социальным вопросам, И. Левканич — пресс-секретарь, С. Стасев — референт по иностранным делам, В. Могильницкий — председатель ревизионной комиссии, И. Молчаний — председатель третейского суда и др.: Годичное общее собрание Центрального Союза Подкарпатских Студентов // Свободное слово. 1931. № 7. С. 3 [Отчет об собрании ЦСПС от 7 февраля 1931 г. Подписали: М. Мацков (председатель), И. Ковач (секретарь)].

¹⁹ В правлении ЦСЧС на 1931/1932 учебный год студенты-русины получили должности: зам. председателя (М. Мацков), руководителя культурной комиссии (С. Анталовский) и референта правления (В. Анталовский). На съезде в Бухаресте ЦСПС представляли — С. Анталовский и С. Стасев: *И.-нич [Игорь Левканич]*. Успехи нашего студенчества // Народная газета. 1931. № 12. С. 3; Карпатороссы на Съезде молодежи Малой Антанты // Русская земля [Ужгород]. 1931. № 13–14. С. 2.

²⁰ Съезд Центрального Союза Чсл. студенчества в Ужгороде // Народная газета. 1932. № 8. С. 1.

²¹ Комуникат Союзу Підкарпатських Студентів // Свобода [Ужгород]. 1932. № 16. С. 2–3; *Шандор В.* Спомини. Т I: Карпатська Україна 1938–1939. Ужгород, 1995. С. 100–101.

²² В руководство ЦСПС вошли так же: В. Тимкович и Н. Катеринок — протоколисты, И. Ильюк — референт по финансам, И. Скиба — референт по социальным вопросам, И. Ковач — референт по иностранным делам, П. Линтур — референт по культуре, П. Кубиний — референт по спортивным вопросам, Ф. Ситканич — референт по вопросам средних школ, И. Олас — пресс-секретарь, Е. Иванчов и В. Бабич — заместители членов правления, С. Добош — председатель ревизионной комиссии, Н. Данкулинец — председатель третейского суда и др.: Общее собрание ЦСКС // Русский вестник [Ужгород]. 1933. № 8–9. С. 4 [Отчет об общем собрании ЦСПС от 4 февраля 1933 г. Подписали: С. Анталовский (председатель), П. Цибере (зам. председателя, за секретаря)].

²³ ДАЗО. Ф. 2. Оп. 1. Спр. 150. Арк. 75–82.

²⁴ Неприязнь И. Андрашко к А. Бродию имела и сугубо личные мотивы: в начале 1931 г. газета «Русский вестник» (редактором которой тогда был А. Бродий) обвинила Андрашко в присвоении и растрате средств ЦСПС, не сумев это впоследствии доказать. Ирония истории: нагрубив студенту в июле 1933 г., амбициозный депутат не мог представить, что конфликт между ними со временем перенесется в совсем иную (роковую для него плоскость) и, что в 1946 г. именно И. Андрашко (тогда уже прокурор Закарпатской области) выступит главным обвинителем в «деле коллаборациониста А. Бродия» и добьется для него высшей меры наказания. О процессе над А. Бродием и роли в нем А. Андрашко см.: *Разгулов В.* Белая книга. Ужгород, 1999. С. 3–8.

²⁵ Подробнее о ней см.: *Берджис У.* Из поездки чсл. студентов // Карпаторусский голос [Ужгород]. 1933. № 171. С. 2–3; *Шлепецкий И.С.* Из культурной поездки чсл. студентов по Карпатской Руси // Там же. № 182. С. 2–3.

²⁶ *Ковач И.И.* Карпаторусское студенчество и его организации // Календарь на 1938 год: Издание Русской национально-автономной партии. Ужгород, 1937. С. 78.

²⁷ В правлении ЦСПС 1934/1935 учебного года все ключевые посты занимали «возрожденцы»: В. Тудоший — председатель, И. Шлепецкий — первый зам. председателя, А. Ольховой — генеральный секретарь, И. Олас — секретарь, тогда как представитель ОКС «Добрянский» Ф. Чекан получил лишь второстепенную должность референта по культуре: *Добош С.В.* Человеку без имени // Наш путь [Ужгород]. 1936. № 93. С. 3.

²⁸ Цитируется в переводе с украинского: *Шандор В.* Указ. соч. С. 102.

²⁹ В ответ на постановление студенты-русины 30 ноября 1934 г. провели в Праге протестное собрание, где резкой критикой документа выступил студент философского факультета Карлова университета Петр Линтур. Там же была принята резолюция ЦСПС с требованием отменить постановление: Наши студенты протестуют в Праге // Наш карпаторусский голос [Ужгород]. 1934. № 1. С. 3

³⁰ Аспирантский закон: Из доклада председателя ЦСПС В. Тудошия на мукачевском съезде // Там же. 1935. № 28. С. 2; Доклад С.В. Добоша на студенческом съезде // Там же. № 7. С. 2; № 8. С. 2; № 9. С. 2; № 10. С. 2; № 11. С. 2; Проблема двух поколений карпатороссов: Доклад П. Линтура на Мукачевском съезде // Там же. № 12. С. 2; № 14. С. 2; № 15. С. 2; № 16. С. 2; № 19. С. 2; № 22. С. 2; № 25. С. 2; Меморандум карпатор. студенчества и молодой интеллигенции // Там же. № 15. С. 3.

³¹ Аспирантский закон знесеней // Наша школа [Ужгород]. 1936. № 8. С. 15.

³² На момент съезда пражское и братиславское общество подкарпатских студентов-русифилов были в значительной степени политизированы. Большинство лидеров («Возрождения») (соответственно и ЦСПС) ориентировались на Стефана Фенцика, который в то время завершал работу по созданию собственной политической силы (спустя несколько месяцев после съезда многие активные «возрожденцы» вошли в руководство фенциковской Русской национально-автономной партии). Представители же ОКС «Добрянский» еще с 1933 г. поддерживали А. Бродия и возглавляемый им Автономный земледельческий союз. На съезде они попытались распространить среди делегатов агитационные материалы АЗС, но натолкнулись на противодействие со стороны руководства ЦСПС: ДАЗО. Ф. 2. Оп. 1. Спр. 194. Арк. 50–57.

³³ В руководство ЦСПС, избранное 17 февраля 1935 г. вошли также: В. Бабич — председатель финансовой комиссии, И. Олас — председатель культурной секции, А. Фаринич — референт по культуре, В. Анталовский — председатель социальной комиссии, В. Химинец — референт по социальным вопросам, С. Анталовский — председатель секции иностранных дел, И. Ковач — референт по иностранным делам, П. Теняк — пресс-секретарь, Н. Кампий — референт по спорту, П. Линтур — председатель комиссии средних школ, В. Добош — референт по вопросам средних школ, М. Фуцич, М. Варга и М. Флигель — заместители членов правления, В. Могильницкий — председатель ревизионной комиссии, Ю. Попович — председатель третейского суда и др.: Заявление общего собрания ЦСПС состоявшегося 17 февраля в Праге [1935 г.] // Наш карпаторусский голос. 1935. № 41. С. 2 [Подписали: В. Тудоший (председатель), В. Крайняница (генеральный секретарь)]

³⁴ Кроме него в руководство ЦСЧС вошли В. Тудоший (член Международной студенческой конфедерации) и И. Шлепецкий (член третейского суда); Теняк П. Собрание чехословацкого студенчества // Наш карпаторусский голос. 1935. № 55. С. 2.

³⁵ Забегая наперед, отметим, что никакой работы в этом направлении больше проведено не было и Конгресс не состоялся: Фаринич А. Международный конгресс студентов // Наш путь. 1935. № 19. С. 2.

³⁶ Экскурсия длилась с 8 по 13 января. К этому событию были приурочены концертные программы и банкеты в Ужгороде (организатор — «Возрождение»), Мукачеве (организатор — «Друг»), Чинадиеве (организатор — «Родина»), Воловце (организатор — «Стой»), Хусте (организатор — «Восход») и Пряшеве (организатор — Объединение Русской Молодежи на Словакии): Добош С.В. Впечатления и отзывы о поездке югославянских студентов // Наш путь 1936. № 81. С. 3.

³⁷ Во время поездки (июль–август 1936 г.) представители ЦСПС установили дружественные контакты с Национальной организацией югославянских студентов, Просветительским дружеством, Культурно-национальным союзом югославских русинов и др. общественными организациями: Карпаторусские студенты в Югославии // Наш путь № 149. С. 4; № 153. С. 2; № 154. С. 3; № 157. С. 3; № 158. С. 3; № 159. С. 3; Студенчество // Там же. № 157. С. 3.

³⁸ Причиной стала изданная Лигой книга публициста Яна Румана «Otázka slovensko-gusínskeho pomeru p vuhodnom Slovensku» (Кошице, 1935), в которой Пряшевщина была названа исторической словацкой территорией: Открытое письмо Словенской Лиге в Братиславе // Православная Русь [Владимирава]. 1936. № 1. С. 7. [Подписали: В. Тудоший (председатель), И. Шлепецкий (первый зам. председателя), А. Фаринич (референт по культуре)].

³⁹ Воззвание Центрального Союза Подкарпаторусских Студентов в Ужгороде. Всем русским организациям в далекой Америке, всем искренним патриотам и верным сынам Подкарпатской Руси // Карпаторусское слово — Карпаторuské Slovo [Ужгород]. 1935. № 22. С. 2. [Подписали: В. Тудоший (председатель), С. Анталовский (председатель секции по иностранным делам), В. Крайняница (ген. секретарь)]

⁴⁰ [Чекан Ф.]. Quo usque tandem abutere // Русский вестник. 1936. № 5. С. 2; Деятельность О.К.Ст. «Добрянский» в Братиславе // Неділя [Ужгород]. 1936. № 19. С. 3.

⁴¹ Добош С.В. Разрушители студенческих организаций // Наш путь. 1936. № 109. С. 3; Его же. Провокация братиславских студентов продолжается // Там же. № 162. С. 3; Крайняница В.И. Как помочь карпаторусским студентам? // Там же. № 193. С. 3.

⁴² Обвинителям ЦСПС и его членам // Наш путь. 1936. № 118. С. 3. [Заявление ОКС «Восход». Подписали: В. Пацкан (председатель), Зосима (секретарь)]; Студенческая жизнь // Там же. № 114. С. 3.

⁴³ Православные студенты-русины критически отнеслись к назначению К. Грабаря, поскольку тот был греко-католическим священником. ЦСПС и «Возрождение», которыми в этот период так же руководили православные, поддержали эту инициативу, сделав несколько совместных с ОКПС «Пролом» заявлений. На общем собрании ЦСПС 3 марта 1936 г. православное большинство отклонило предложение Ф. Чекана выслать губернатору приветственную телеграмму, чем спроводировало соответствующие действия со стороны ОКС «Добрянский». Как следствие — в июле 1936 г., при непосредственном участии братиславских студентов, в Ужгороде было создано альтернативное ЦСПС объединение — Центральный Союз Карпаторусских Греко-Католических Студентов, в который вошли организации студентов греко-католиков Братиславы, Праги, Ужгорода и Пряшева. Подробнее об этих событиях см.: *Куцов К.О.* Становлення і діяльність конфесійних об'єднань закарпатського студентства в міжвоєнній Чехословаччині та міжконфесійні взаємини у студентському середовищі 1920–1930 рр. // Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Історія / [Редкол.: М.М. Вегеш (голова) та ін.]. Вип. 26. Ужгород, 2011. С. 42–45.

⁴⁴ В руководство ЦСПС, избранное 3 марта 1936 г., вошли также: И. Станканинец — протоколист, С. Бунганич — председатель финансовой комиссии, И. Волощук — председатель комиссии по культуре, В. Крайняница — председатель комиссии по социальным вопросам, В. Тудоший — председатель комиссии по иностранным делам, И. Олас — пресс-секретарь, И.-Г. Керча — председатель комиссии по вопросам средних школ, И. Шлепецкий — председатель ревизионной комиссии, Ю. Попович — председатель третейского суда и др.: *Объявление // Наш путь. 1936. № 98. С. 3.* [Отчет общем собрании ЦСПС от 03.03.1936. Подписали: С. Добош (председатель), М. Лявинец (ген. секретарь)].

⁴⁵ ОКС «Верховина» было создано путем реорганизации существовавшего в Брно филиала «Возрождение», потому никаких противоречий между «верховинцами» и «возрожденцами» в рамках ЦСПС возникнуть не могло: *Молодежь — будущее народа // Наш путь. № 124. С. 3.*

⁴⁶ В руководство ЦСЧС тогда вошли С. Добош (зам. председателя) и В. Тудоший (член Международной студенческой конфедерации): *Наши студенты в новом правлении Союза чсл. Студентов // Наш путь. № 107. С. 3.*

⁴⁷ В руководство ЦСПС, избранное 20 февраля 1937 г., вошли также: В. Нискач — протоколист, А. Смужаница — референт по финансам, С. Добош — референт по культуре, В. Крайняница — референт по социальным вопросам, И. Ковач — референт по иностранным делам, И. Волощук — пресс-секретарь, В. Мартинович — референт по спорту, А. Фаринич — референт по вопросам средних школ; М. Лявинец — председатель ревизионной комиссии, И. Гебей — председатель третейского суда и др.: *Извещение // Наш путь. 1937. № 209. С. 3.* [Отчет об общем собрании ЦСПС от 20.02.1937. Подписали: Ю. Попович (председатель), И.-Г. Керча (ген. секретарь)].

⁴⁸ В руководство ЦСПС вошли также: П. Пацкан — протоколист, В. Крайняница — председатель финансовой комиссии, В. Чепинец — председатель комиссии по культуре, И. Реберка — председатель комиссии по социальным вопросам, Ю. Попович — председатель комиссии по иностранным делам, И. Ковач — пресс-секретарь, П. Куцин — председатель спортивной комиссии, Э. Шандор — председатель комиссии по вопросам средних школ, Иван Станканинец — председатель ревизионной комиссии, Иосиф Станканинец — председатель третейского суда: *Студенчество единое! // Наш путь. 1938. № 311. С. 4; Объявление // Там же. № 309. С. 3.* [Отчет об общем собрании ЦСПС от 05.03.1938. Подписали: В. Дубай (председатель), А. Ерфан (ген. секретарь)].

⁴⁹ А. Геровский прибыл в ЧСР весной 1938 г. Вскоре по его инициативе в Подкарпатской Руси был создан «Русский автономный блок», объединивший на тот момент парламентского представителей краевой организации Аграрной партии и Автономного земледельческого союза. Негативная реакция студентов на появление А. Геровского на съезде объясняется несколькими причинами: 1) учитывая многолетнюю провенгерскую деятельность А. Геровского, они не считали его нынешнее участие в автономистском движении искренним; 2) идею «Автономного блока» на первых порах (вероятнее всего, руководствуясь собственными амбициями) не поддерживал С. Фенцик — «вождь» РНАП, к которой принадлежали практически все руководители Съезда: ДАЗО. Ф. 2. Оп. 2. Спр. 757. Арк. 49–52.

⁵⁰ Организован Русский Национальный Совет // *Карпаторусский голос. 1938. № 5. С. 1; Высоким Правительствам Чехословакии, Англии, Франции, Германии, Италии, Польши, Румынии, Венгрии и Югославии // Там же. С. 2.*

⁵¹ *Баран О.* Карпатська Україна: шлях до державності. Вінніпег, 2003. С. 143–144; Протест Центрального Союзу Подкарпаторусских Студентов // Дневник [Прага]. 1938. № 2. С. 2.

⁵² В декабре 1938 г. автономное правительство А. Волошина через своего пражского представителя В. Шандора добилось закрытие газеты «Дневник», чем лишило студентов русофилов возможности доносить их мнение общественности: *Шандор В.* Указ. соч. С. 183–185.

⁵³ *Ковач И.И.* Куда девалось имущество бывших студенческих организаций // Русское слово [Ужгород]. 1941. № 18. С. 2.

⁵⁴ Собрание универз. молодежи // Карпатска Неділя [Унгвар]. 1940. № 67. С. 2.

⁵⁵ *М.Р. [Михайло Ричалка].* Центральный Союз Русских и Украинских Студентов Чехословакии // Краєзнавчий словник русинів-українців: Пряшівщина. Пряшів, 1999. С. 366.

Татьяна Николаевна
КУРОХТИНА

ОТОБРАЖЕНИЕ СУРЖИКА В УКРАИНСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗОВ Б. ЖОЛДАКА)

Художественная литература всегда считалась зеркалом, отражающим процессы, происходящие в обществе. Мастера слова, описывающие окружающие реалии, не могут оставить в стороне тех языковых явлений, которые проявляются в речи их современников. Не мог остаться незамеченным и такой языковой феномен как суржик, характерный для языковой ситуации на Украине. Термин «суржик» был заимствован из сельскохозяйственной лексики и изначально обозначал смесь разных сортов зерна. В настоящее время этот термин в его непрямом значении прочно закрепился в украинском языкознании и используется для обозначения смешанного языка, в котором «искусственно объединены без соблюдения литературных норм элементы разных языков» [УМ-Енциклопедія 2004:665]. В современной украинистике до сих пор не сформировалось единой точки зрения относительно данного языкового феномена. Ученые определяют его и как «некодифицированный разговорный язык, образовавшийся вследствие длительного массового украинско-русского двуязычия в его диглоссной форме» [Ставицька, Труб 2007], и как «разновидность украинского просторечия, в котором немотивированно используются элементы русского языка» [Мала філологічна енциклопедія 2007:402], и как «самостоятельный язык, возникший в результате действия определенных законов интерференции и обладающий собственной системой» [Радчук 2000; Flier 2000]. Изучение суржика ведется в различных направлениях. Исследуются причины, время и условия возникновения этой языковой смеси, описываются его лингвистические особенности, изучаются социальные и психологические факторы, способствующие его быстрому распространению. Востребованным в последние годы направлением

в изучении суржика является исследование сфер его функционирования. Использование русско-украинской языковой смеси наблюдают в двуязычной семье [Кузнецова 1999], в молодежной среде [Ставицька 2005, Bilaniuk 2004], в СМИ [Сербенська 1994], в массовой культуре [Масенко 2011], а также в художественной литературе [Полищук 2003, Bracki 2009].

Целью данной статьи является анализ языковых особенностей суржика, представленного в произведениях современного украинского писателя Б. Жолдака. Суржик художественных текстов обладает особой спецификой, о которой будет сказано ниже. Для того чтобы разграничить исследуемый письменный вариант суржика от его устных форм бытования, определим объект своего анализа как «литературный» суржик, т.е. украинско-русская языковая смесь, используемая в художественной литературе в качестве стилистического приема.

Первые попытки использовать суржик в литературе в качестве художественного приема обычно связывают с именами таких украинских писателей, как И. Котляревский и Г. Квитка-Основьяненко. Ставшие уже хрестоматийными примеры суржиковой речи отдельных персонажей произведений этих авторов рассматриваются лингвистами как одно из доказательств того, что суржик уже в начале XIX в. был актуальной языковой реалией на Украине. В первых художественных произведениях, написанных на украинском языке, суржик используется как способ стилизации, а также типизации и индивидуализации персонажей, как яркая речевая характеристика для создания комического эффекта.

Смешанная украинско-русская речь, отображенная в произведениях И. Котляревского и Г. Квитки-Основьяненко, представляет собой интересное явление с точки зрения современного понимания этого языкового феномена. Говоря о суржике тех времен, необходимо, прежде всего, учитывать тот факт, что в рассматриваемый период нормы литературного украинского языка еще окончательно не сформировались и авторы при написании своих произведений опирались на те говоры, которые были им знакомы и близки: для И. Котляревского наиболее привычными были поднепровские говоры, для Г. Квитки-Основьяненко — слобожанские. Историк украинского языка В. Русановский от-

мечает, что даже с точки зрения украинского литературного языка, представленного в творчестве Т. Шевченко, в произведениях И. Котляревского и Г. Квитки-Основьяненко имеются отклонения и в фонетике, и в морфологии [Русанівський 2001:152]. Что же касается словарного состава их сочинений, то уже современному читателю бросается в глаза наличие большого количества русизмов и лексических дублетов, которые можно объяснить влиянием близкой полосы переходных русско-украинских говоров. В связи с описанными выше особенностями украинского языка начала — середины XIX в. суржик в произведениях того периода также представляет собой необычное явление.

Языковая смесь, вложенная в уста героев произведений И. Котляревского и Г. Квитки-Основьяненко, является способом стилистической маркировки речи персонажа, придает особый колорит и индивидуализацию характеру говорящего и применяется в основном для высмеивания определенного типа, который не должен вызывать симпатий у читателя или зрителя. Специфика макаронической речи, которую писатели использовали в своих произведениях, проявляется не только в большом количестве лексических русизмов¹, но и в избытке архаизмов, канцелярских штампов, наличии причастий и деепричастных оборотов, что является яркими признаками письменной речи. В качестве примера можно привести реплику Возного, одного из персонажей пьесы И. Котляревского «Наталка-Полтавка»:

«Не віриш? Так знай же, що я тебе давно уже — тее-то як його — полюбив, як тільки ви перейшли жити в наше село. Моїх діл околичності, виникаючій із неудобних обставин, удерживали соділати признаніє пред тобою; тепер же, читая — тее-то як його — благость в очах твоїх, до формального опреділенія о мойй участі, открий мні, хотя в терміні, партикулярно, резолюцію: могу лі — тее-то як його — без отсрочок, волокити, проторов і убитков получитьи во вічне і потомственное владініє тебе — движимое і недвижимое імініє для душі моеї — з правом владіти тобою спокійно, безпрекословно і по своєї волі — тее-то як його — розпоряджати? Скажи, говори, отвічай, отвітствуй, могу лі бити — тее-то як його — мужем пристойним і угодним душі твоєї і тілу?» [Котляревський 2000:238]

Образ Возного в пьесе отражает типичные (как языковые, так и поведенческие) черты судебного чиновника того времени, имевшего репутацию почтенного, образованного человека. Его речь переполнена старославянизмами и юридическими терминами, заимствованными из русского языка и получившими украинскую огласовку. Прочитываемый отрывок является яркой иллюстрацией украинско-русской языковой смеси, характерной для рассматриваемого периода. Но, несомненно, автор в целях высмеивания и привлечения внимания к негативным чертам современного ему украинского чиновничества в некоторой степени преувеличивал концентрацию макаронических элементов речи своих литературных героев.

С момента создания первых произведений на украинском языке прошло более двух столетий, в течение которых украинский язык окончательно сформировался как полноценный литературный язык. Тем не менее, суржик все так же является неотъемлемой частью современной языковой ситуации на Украине. Но если раньше смешанная украинско-русская речь была характерной приметой человека, пытающегося казаться в глазах неграмотных украинских сельских жителей образованным, причастным к русскому языку, культуре и пр., то в наше время суржик стал отличительной чертой языкового портрета малообразованных индивидов, не владеющих и не стремящихся овладеть нормами ни украинского, ни русского языка. Несмотря на то что украинский язык уже прочно закрепился во всех сферах общественной жизни Украины, суржик не теряет своей актуальности, приобретает новые функции и продолжает свое существование в художественной литературе. Многие современные писатели так же, как и их предшественники, в целях передачи специфики нынешнего времени в своих произведениях активно прибегают к использованию русско-украинской языковой смеси, которая становится стилистическим приемом не только для характеристики персонажей, но также и для моделирования существующей языковой ситуации. Примеры из художественных текстов демонстрируют возможность разнофункционального употребления суржиковой речи.

Я. Полищук в своей статье «Лингвистический и металингвистический феномен суржика» [Полищук 2003] рассматривает

тексты современных украинских писателей, демонстрируя при этом разные функции, в которых суржик может выступать в коммуникации. Так, автор статьи разбирает рассказы таких украинских писателей, как А. Ирванец, В. Даниленко, Е. Кононенко и В. Диброва, и анализирует различные языковые ситуации, выделяя условия, в которых герои могут прибегать к использованию суржика. По мнению исследователя, русско-украинская смешанная речь передает, главным образом, общую культуру, интеллект, условия воспитания персонажа. В художественных произведениях, которые анализирует Я. Полищук, представляют особый интерес обстоятельства, вынуждающие героев сознательно переходить с суржика на украинский или русский языки. Это свидетельствует о том, что суржик воспринимается многими говорящими на нем как особый код. Также для осуществления более успешного акта коммуникации и для обеспечения понимания с людьми определенного круга персонажи сознательно переходят с нормативного языка на суржик. Такого рода примеры наглядно иллюстрируют существующую языковую ситуацию на Украине.

Исследователи интерферированной речи нередко прибегают к анализу литературных текстов, написанных с использованием украинско-русской языковой смеси, поскольку они демонстрируют не просто языковую ситуацию, в которой функционируют смешанные формы языка, но и отображают такие черты суржика, которые носителями украинского литературного языка считаются наиболее характерными. Нам кажется, что ввиду острого недостатка больших объемов языкового материала, иллюстрирующего устное бытование украинско-русской смешанной речи, пристальные лингвистические исследования «литературного» суржика могут быть весьма полезны для дальнейшей успешной разработки теоретической и практической базы изучения этого языкового феномена.

При написании данной работы было обработано около двадцати рассказов современного украинского писателя Б. Жолдака (примерно 200 страниц) из сборника «Топінамбур, сину. Extra drive stories» [Жолдак 2002]. Во многих из них встречаются отдельные вкрапления суржика, и только в некоторых подобная речь является основной формой повествования. Ярче всего результат

интерференции отображен в речи сельских жителей, однако и некоторые горожане в рассказах Б. Жолдака также используют суржик. В основном это люди без высшего образования, водители, кондукторы в общественном транспорте, официантки, криминальные элементы и проч. Примечательно, что слова автора всегда написаны на литературном украинском языке, т.е. писатель четко разграничивает литературный язык как основной язык художественного произведения и суржик как стилистический прием, используемый для создания ярких жизненных образов.

Отличительной особенностью художественных текстов является стремление автора передать характерную атмосферу и языковую ситуацию на Украине. С этим связана специфика суржика в литературе. Пытаясь провести четкую границу между украинским языком и интерферированной речью, а также противопоставить их носителей, писатели часто утрируют результаты взаимодействия русского и украинского языков. Тем не менее, по нашему мнению, вариант суржика в художественных текстах является интересным примером того, как внимательные к реальным деталям и жизненным ситуациям писатели воспроизводят его в своих произведениях.

Объем данной работы не позволяет дать подробную характеристику всех интерференционных процессов, отображенных в выбранных для анализа произведениях. Рассмотрев каждый языковой уровень, в рамках которого происходит взаимодействие украинского и русского языков, остановимся лишь на чертах, наиболее ярко характеризующих суржик Б. Жолдака.

Фонетический уровень

По письменным источникам вообще сложно судить о фонетических особенностях какого-либо языка, даже если его письмо основано на фонетическом принципе, как в случае с украинским языком [Курс СУЛМ 1951:158]. Однако наиболее типичные черты фонетической интерференции находят свое отражение в анализируемых рассказах.

Исследователи отмечают, что для русско-украинской смешанной речи характерной чертой является редукция гласного [o] [Труб 2011, Монахова 2004]. В отличие от русского, в украинском

языке этот звук произносится одинаково как в ударной, так и в безударной позициях. Однако, по наблюдениям лингвистов, в речи эта фонетическая норма довольно часто нарушается, что отчасти подкрепляется примерами из анализируемых рассказов Б. Жолдака:

не нада, харóша² (власть), харашó, пасматрі, навтаряють, па-бистраму, панімаєш, спасіба, канєшно.

Но стоит отметить, что перечисленные примеры представляют собой практически полный список лексем, в которых представлена редукция безударного *о*. Обращает на себя внимание тот факт, что все они заимствованы из русского языка. Естественно, что не все лексические русизмы в художественных текстах отражают «аканье»: *собитій, согласилися, наоборот, понятно, продовженіє, опасні* и т. п. Ведь писатель использует перечисленные выше слова для создания общего колорита в своем произведении, для привлечения внимания читателя к особенностям речи своих персонажей, для формирования социальных характеристик и создания обобщенных образов. Писатель не может перегружать свои тексты ненормативными написаниями, даже если они будут отражать реальную речевую картину. Поэтому авторы отбирают для использования в своих произведениях случаи наиболее яркие, позволяющие одним «мазком» характеризовать сложное языковое явление.

Анализ качества согласных рассматриваемых текстов осложнен тем, что очень сложно найти какую-либо закономерность в обозначении их твердости и мягкости, что связано с ограниченностью графических средств отображения палатализованности и веляризованности.

Некоторые исследователи суржика отмечают, что смягчение шипящих, губных согласных и *р* в позициях, где они в соответствии с орфоэпической нормой украинского языка бывают только твердыми, представляет собой весьма характерное явление для интерферированной речи [Монахова 2004]. К примеру, А. Сербенская утверждает, что эта тенденция (сильное смягчение согласных звуков) особенно усилилась в последнее время и является одним из ярких проявлений интерференции [Сербенська 1994:112–113].

Однако анализ «литературного» суржика демонстрирует несколько иную картину. Характерная для орфоэпической нормы украинского языка твердость губных согласных отображается в письменных текстах по-разному и, несомненно, является более регулярной характеристикой, чем мягкость. Так, в анализируемых произведениях находим следующие примеры, демонстрирующие твердость губных: *див'яносто*³, *прив'яжіть*, *пам'ятає*, *врем'я*, *зав'язь*, *представ*. В качестве примера мягкой реализации губного согласного можем привести всего лишь одну лексему — *время*. Можно предположить, что в собственно украинских лексемах (не имеющих общего с русским языком корня) твердость губных согласных будет сохраняться.

В большинстве случаев, когда под влиянием русского языка происходит переход <e> в [i] в безударной позиции, губные согласные не смягчаются (ни в русских лексемах, ни в словах, общих для двух языков), что графически передается украинской буквой *и* (представляющей более задний звук, чем *і*): *амириканця* (укр. *американець*), *пичатають* (укр. *друкують*), *призидентом* (укр. *президентом*) и пр.

Что же касается согласного *p*, то в рассматриваемых текстах этот звук весьма последовательно реализуется как твердый, что соответствует орфоэпическим нормам украинского литературного языка: *сiрйозно* (укр. *серйозно*), *предложеніє* (укр. *пропозиція*), *требував* (укр. *вимагав*), *впереді* (укр. *попереду*), *прежде* (укр. *перед*) и т. п. Из примеров видно, что все лексемы, вне зависимости от их происхождения, оформляются исходя из фонетических особенностей украинского языка.

Анализ качества согласных перед гласными переднего ряда также усложнен регулярным смешением в лексемах обоих языков украинской буквы *і* и русской *и*, которые в этих языках обозначают один и тот же звук, а также буквы *е*, которая в украинском языке обозначает твердость предыдущего согласного, а в русском — мягкость и соответствует украинской *є*. Попеременное использование этих букв в одних и тех же лексемах ставит под сомнение качество согласных (их мягкость или твердость), стоящих перед ними. Так, к примеру, в одном рассказе могут соседствовать друг с другом такие слова: *об'єктивне і суб'єктивне*

(право); *інформації* и *обсервації*; *писатілі* — *писателі* — *писатель*, *система* — *система* и др.

Анализ фонетических особенностей художественных текстов приводит нас к выводу, что, несмотря на наличие некоторых закономерностей в воспроизведенной на письме интерференционной речи, графическая непоследовательность в отображении произношения одних и тех же лексем в значительной степени подвергает сомнению некоторые устоявшиеся в научной литературе предположения относительно наиболее типичных суржиковых черт.

Морфология

Несмотря на то, что уровень грамматики традиционно считается достаточно устойчивым к иноязычным влияниям [Языковые ситуации 1989:122–123], процесс интерференции русского и украинского языков явственно отражается в изменении форм слов и прослеживается в рамках грамматических категорий всех основных частей речи. К тому же, в отличие от фонетической интерференции, плохо отраженной в письменных источниках, морфологические особенности интерферированной речи находят в них свое выражение весьма отчетливо. Рассмотрим в рамках каждой части речи наиболее яркие результаты интерференции, отраженные Б. Жолдаком в рассказах.

Имя существительное

Анализ морфологических особенностей «литературного» суржика в некоторой степени подтверждает результаты исследований, полученные лингвистами при изучении украинско-русской межъязыковой интерференции. По наблюдениям исследователей, в интерферированной речи, к примеру, отсутствует четкий приоритет в выборе флексии в форме Р.п. ед.ч. у существительных II склонения м.р. [Жиронкина, Романова 2003]. В украинском языке, как и в русском, существуют правила распределения окончаний Р.п. ед.ч. *-а/-я* и *-у/-ю* в существительных второго склонения мужского рода. Так, в русском языке окончания *-у/-ю* являются показателем неопределенного количества вещества (*сахару, чаю*) и употребляются наряду с окончанием *-а*. В украинском же языке распределение флексий *-а* и *-у* регулируется семантикой

слов. Например, флексии *-а/-я* обычно выступают в одушевленных существительных мужского рода, в наименованиях конкретных предметов, в терминах, названиях мер длины, веса, времени и некоторых других словах. Окончания *-у/-ю* демонстрируют тенденцию к экспансии и распространяются на всю абстрактную лексику, названия веществ и материалов, совокупность людей или предметов [СУМ-Підручник 2001:127] и т. п.

Таким образом, для русского языка маркированным является окончание *-у*, а для украинского — флексия *-а*. В анализируемых текстах отражено частичное замещение украинских флексий русскими:

- а: *путьом радянського бокса, жажда ответа, по причині позора, зверталися до фершальського пункта, по причині одтока, од полного ужаса, за допомогою свого таланта* и пр.
- у: *діждатися випадку, не чекав такого повороту, нема порятунку, з усього розмаху, свого часу, місце злочину, для собачого нюху, од одного вигляду, сільського фасону* и пр.

В соответствии с нормой украинского языка во всех приведенных выше лексемах должно быть окончание *-у*. Однако из примеров очевидно, что в «литературном» суржике оба окончания функционируют равноправно. Единственное, что, возможно, влияет на выбор определенной флексии, — это происхождение слова. Если лексема заимствована из русского языка, то она, скорее всего, будет оформляться русской флексией *-а*: *ответа, позора, ужаса, одтока*. Собственно украинские лексемы в форме Р.п. ед.ч. имеют окончание *-у*: *випадку, порятунку, вигляду, злочину*. В общих же для обоих языков словах возможно использование как русской, так и украинской флексии. Впрочем, стоит отметить, что, несмотря на четко прописанные в грамматиках украинского языка правила распределения окончаний в рассматриваемой форме существительных, узус допускает некоторые отступления от нормы, т. е. в разговорном украинском языке одна и та же лексема может быть употреблена как с флексией *-а*, так и *-у*⁴. Возможно, что беспорядочное использование в интерферированной речи обоих окончаний является не только результатом взаимодействия с русским языком, но также подкрепляется узусом украинского языка.

Интересно проследить использование автором специфической для украинского языка формы звательного падежа (далее — Зв.п.). В украинском языке, как и в ряде других славянских языков, для одушевленных существительных всех склонений имеется набор окончаний, свойственных именно этой падежной форме. Однако по наблюдениям лингвистов, в суржике этот показатель утрачивается, и вместо него используется форма Им.п., как в русском языке (см. об этом [Сербенська 1994:99–100; Жиронкина, Романова 2003]). В суржике рассказов Б. Жолдака формы Зв.п. то совпадают с Им.п., то обозначены специфическими для украинского языка флексиями:

Окончания Им.п.: *дядінька, не троньте мене собакою, давай, красавіца, злязій; що це знизу, ласточка, так хорошо видать; за это можеш смикать, Тося; ану, сука, бери оці лантухи; спасіба, дед;*

Окончания Зв.п.: *це саме інтересне місце, Тосю; ех, Петю, Петю...; Олю, ти прости, помниш, Олько; злязай, суко; тьотю, одчинить* и т.п.

Исходя из примеров, можно сделать вывод, что украинскими флексиями в большинстве случаев оформляются имена собственные, тогда как в нарицательных существительных при обращении используется форма Им.п.

Нельзя утверждать с полной уверенностью, что процесс исчезновения форм Зв.п. в украинском проходит под влиянием только русского языка. Украинские лингвисты признают, что в настоящее время Зв.п. постепенно выходит из употребления, этот процесс затрагивает в основном бытовую сферу общения украинцев [Сербенська 1994]. Нам, однако, кажется, что это утверждение нельзя считать безусловным. Хотя узус и допускает употребление Им.п. вместо Зв.п., наличие звательных форм в «литературном» суржике, а также собственные наблюдения не позволяют нам говорить о полной утрате этого падежа в разговорных формах украинского языка.

Вопреки утверждениям лингвистов о том, что в интерферированной речи происходит процесс утраты специфического для Дат.п. ед.ч. украинского окончания *-ові* в существительных II склонения [Особливості мови... 1983:58], эта флексия зафиксирована в «литературном» суржике Б. Жолдака:

підчинявся Матвейові, надання університетові (дерева), підіймалася по стовбурові.

Тем не менее, основным показателем формы Дат.п. в анализируемых рассказах все же является окончание *-у/-ю*, что также является нормой для литературного украинского языка [Остапчук 2006]:

Матвею, (нема порятунку) ніякому чоловіку; (присуцими кожному) язика, передаються глядачу, по вибору.

В научной литературе, посвященной изучению результатов украинско-русской интерференции, нередко отмечается тенденция к замещению украинских флексий русскими в существительных в форме творительного падежа ед.ч. ж.р. и Предл.п. ед.ч. м. и ж.р. Грамматиками украинского языка зафиксирован только один возможный вариант окончания в форме Тв.п. ед.ч. ж.р. — окончание *-ою/-ею*. Однако в произведениях классиков украинской литературы, а также в речевой практике говорящих иногда выступает флексия *-ої/-ей*, которая свойственна некоторым украинским диалектам⁵ и к тому же совпадает с показателем Тв. п. ед.ч. в русском языке. Несмотря на наличие в анализируемых рассказах Б. Жолдака форм Тв.п. с окончанием *-ої*, свойственным русскому языку (*обходити сторонкою, з сестрою, газети виходять їхньою мовою*), флексия *-ою/-ею* все же является более употребительной: *за лісосмугою, будучи дитиною, з лопатою, собакою, за допомогою, над дівчиною, із цією лікарнею, ставали нормою, писати мовою.*

Что же касается форм Предл.п., то в рассматриваемых текстах существительные всех склонений оформляются в соответствии с нормами литературного украинского языка, т.е. окончаниями *-ові* или *-і* (с присущим этой форме чередованием):

скриватися в напрямкові (рус. скриваться в направлении), на ставці охоранника (рус. на ставке), в науці (рус. в науке), висіти на гілці (рус. висеть на ветке), в магазині, у фруктовому лісі.

Интересно отметить, что в анализируемых художественных произведениях украинская морфема Р.п. мн.ч. *-ів* также является более частотной, чем *-ов*, но тем не менее формы с русской флексией также имеются: *созріванія садів, донесли до потомков.* Отметим, что окончание *-ів* присоединяется не только к русским и украинским основам мужского рода, оно может оформлять и

слова других родов: *яблуків* (ср. укр. *яблуко* — *яблук*), *мислів* (ср. укр. *думка* — *думок*), *женщинів* (ср. укр. *жінка* — *жінок*). Подобные гибриды редки, однако они демонстрируют продуктивность украинской флексии в этой форме.

Имя прилагательное

В системе прилагательных наиболее ожидаемыми отклонениями от норм украинского литературного языка являются формы Им.п. ед. и мн.ч., а также формы компаратива. Обычно в суржиковой речи отмечается отсутствие стяженных форм окончаний в ж. и ср. роде ед.ч. и во мн.ч. прилагательных. Однако в рассматриваемых текстах нестяженных форм, совпадающих с русскими аналогами, отмечено не было. Все единицы вне зависимости от их происхождения при склонении оформляются по правилам украинского литературного языка:

м.р.: *мировий (уровинь)* (ср. укр. *світовий рівень* — рус. *мировой*), *заказний (лист)* (ср. укр. *рекомендований лист* — рус. *казаное письмо*);

ср.р.: *слідуюче (завдання)* (ср. укр. *наступне завдання* — рус. *следующее*), *прошле (нарушеніє)* (ср. укр. *колишнє порушення* — рус. *прошлое*), *запрещонне (місце)* (ср. укр. *заборонене* — рус. *запрещенное*);

ж.р.: *(така) приятнінька* (ср. укр. *приємна*), *неізнесна (незнайомка)* (ср. укр. *незнайома* — рус. *неизвестная*);

мн.ч.: *децькі* (ср. укр. *дитячі* — рус. *детские*), *любї* (ср. укр. *будь-які* — рус. *любые*) и т.п.

Особо интересны для анализа формы компаратива. В рассказах Б. Жолдака они представлены в немалом количестве и способы их образования весьма разнообразны. Наряду с собственно украинскими формами в рассматриваемых текстах встречается немало заимствованных форм. По украинской модели формы компаратива чаще всего образуются от украинских основ (*хитріша, сильнішого, страшніші, товстіший, найсолодшими, краще, легше, менше, вище, найяскравіше* и т.п.), однако и русские корни также могут быть оформлены украинскими формообразующими элементами (*найінтіресніші газети* (ср. укр. *найцікавіші*), *удачніший* (ср. укр. *більш вдалиий*)).

В текстах также встретились и другие способы образования сравнительной степени:

боліі страшні хижаци, менеє жилаві, менеє молоді дядьки, щось боліі важне (ср. укр. *найстрашніші, менш жилаві, менш молоді, більш важливе/найважливіше*) — эти формы компаратива прилагательных (с украинской и русской основой) образованы при помощи русских наречий *более* и *менее*. В украинском языке также возможна подобная модель образования компаратива (с аналогичными наречиями *більш* и *менш*), однако с точки зрения нормативности более предпочтительной является синтетическая — при помощи особых суффиксов [Ющук 1998:85].

Кроме прямого перенесения лексемы, образующей форму компаратива в русском языке, в суржике художественных текстов используется и другой способ образования сравнительной степени — при помощи русских суффиксов: *новійші, сильнейший* (ср. укр. *новіші, сильніший*). Суржиковая морфема *-ійш-* в слове (*новійші*) является результатом контаминации украинского суффикса *-іш-* и русского *-ейш-*.

Нередко в анализируемых рассказах встречается словоформа *лучче*: (*буде видавати*) *ще луччі* (ср. укр. *ще кращі*), *напиши лучче* (укр. *краще*) — в данном случае мы имеем дело с заимствованной из русского языка формой компаратива прилагательного и наречия. А такое написание отражает фонетический процесс (прогрессивную ассимиляцию), имевший место в основе слова *лучше*.

В текстах также имеются примеры, демонстрирующие заимствование из русского языка модели образования формы превосходной степени: *у самому опасному місці* (ср. укр. *найбільш небезпечний*), *саме інтересне* (ср. укр. *найцікавіше*), *самий перший* (ср. укр. *найперший*). Однако таких примеров немного.

Местоимение. Числительное

Интересно проследить, как Б. Жолдак передает результаты взаимодействия украинского и русского языков в формах местоимений и числительных. Несмотря на то, что в рассматриваемых рассказах были обнаружены лишь незначительные отклонения от норм украинского литературного языка, некоторые встретившиеся формы заслуживают отдельного комментария.

Так, ожидаемым для суржика отклонением считается использование формы Р. и В. пп. мн.ч. личного местоимения *вони* (їх) вместо притяжательного *їхній*, поскольку в русском языке формы личного и притяжательного местоимения омонимичны. Тем не менее, в рассматриваемых текстах был отмечен только один случай некорректного употребления местоимения *їх*: *тоді виліз один їх пісатель* (ср. укр. *їхній письменник*) — в остальных случаях используется притяжательное местоимение: *їхнюю літературу вже зліквідували, мог їхній актовий зал бути без мікрофона, кабінети в їхній літературі, ужас поволі передався їхнім двоногим односельцям*.

Можно предположить, что столь заметное преобладание в рассказах Б. Жолдака формы *їхній* могло быть спровоцировано влиянием русского языка, но не литературного, а просторечного. Возможно, писатель, чувствуя ненормативность данной формы, экстраполировал ее на суржик, что привело к своего рода гиперкоррекции.

В анализируемых текстах были обнаружены хоть и единичные, но достойные внимания примеры форм личных местоимений, не соответствующих нормам украинского языка:

(не тягні) міня — этот пример является передачей произношения формы Р.п. ед.ч. русского местоимения *я* — *меня* [м'ин'а] (в украинском языке ему соответствует форма *мене*);

з ней — в данном случае мы имеем дело с допустимым узусом и в некоторых диалектах⁶ вариантом формы Тв.п. ед.ч. местоимения *вона* (однако предпочтительной в литературном украинском языке формой является *нею*);

получають ув ньом одклик (ср. укр. *в ньому*) — такая форма Предл.п. ед.ч. личного местоимения *він* могла возникнуть в результате прямого заимствования из русского языка вместе с русскими же лексемами, в окружении которых находится данное местоимение.

В большей степени влиянию русского языка подвергаются местоимения, схожие по своей структуре с прилагательными (относящиеся к разряду притяжательных, определительных местоимений). Так, в Р.п. ед.ч. ж.р. местоимения могут иметь не свойственное литературному украинскому языку окончание *-ой*:

не було такої команди (ср. укр. такої), од їхньої такої літератури (ср. укр. від їхньої такої). В Предл.п. ед.ч. местоимений всех родов также наблюдаются отклонения от норм украинского языка: в їхньої (літературі) (ср. укр. в їхній), в усьому мірі (ср. укр. в усьому/в усім), щоб при своїм умі жизнь кінчати (ср. укр. при своєму).

Судя по небольшому количеству примеров, найденных в анализируемых рассказах, в суржике числительные нередко являются русскими по происхождению (например, після див'яносто першого⁷ року, ср. укр. дев'яносто першого року) и склоняются в соответствии с нормами русского языка (например, почалася в сімидесятих роках, вм. укр. в сімдесятих роках; іспользується для двух, вм. укр. двох).

Итак, основные отклонения от литературной нормы в местоимениях и числительных, найденных в анализируемом источнике, касаются использования русских флексий в Р. и Предл. падежах местоимений, а также использования русских числительных, что, в свою очередь, влияет на их формоизменение.

Глагол

В глагольных формах «литературного» суржика также не наблюдается существенных отклонений от норм украинского языка. Наиболее ярким отклонением, проявляющимся в рассказах Б. Жолдака, являются инфинитивные окончания. Наряду с украинским окончанием *-ти* в художественных текстах параллельно функционирует *-ть*, свойственное русским инфинитивам:

похвалитися, жилиють жити, наказати (укр. *покарати*), *почала виступати, кінчай виделуватись* — *боюся лазить* (укр. *лазити*), *знать не жилав* (укр. *знати*), *треба жить* (укр. *жити*), *почали обходить* (укр. *обходити*), *добавить* (укр. *додати*), *можуть спалить* (укр. *спалити*), *можеш смикать* (укр. *смикати*).

Из примеров видно, что распределение окончаний инфинитива не зависит от происхождения лексемы: как украинские, так и русские глаголы могут оформляться флексиями *-ти* и *-ть*. Подобная вариативность в оформлении инфинитивов неудивительна. Формы на *-ть* являются вполне приемлемыми в разговорном украинском языке и широко употребляются в художественном

стиле [УП-Проект 1999:145]. Данный факт объясняется не столько взаимодействием с русским языком, сколько проникновением в разговорную речь диалектных черт украинского языка⁸.

В анализируемых художественных текстах русские глаголы также получают украинские флексии: *мучає сон* (укр. *мучить*), *вкус досягає* (укр. *досягає*), *пользує тайну* (укр. *використовує*), *похищає яблука* (укр. *викрадає*), *ящик вознікає* (укр. *виникає*), *діло потребує привички* (укр. *потребує*), *предложеніє він не делає* (укр. *робить*), *не хватає* (укр. *не вистачає*).

Украинский социолингвист Л. Масенко, являющаяся одним из ведущих исследователей украинско-русских языковых контактов, в своих работах отмечает близость суржика украинским диалектам [Масенко 2008]. Примеры из рассказов Б. Жолдака подтверждают это утверждение. Наиболее ярко диалектные черты проявляются в глагольных формах. Кроме упомянутого выше параллелизма в использовании формантов инфинитива *-ть* и *-ти* характерной особенностью языка анализируемых рассказов является смешение окончаний глаголов I и II спряжения в форме 3 л. ед.ч. (особенность юго-восточных говоров Украины):

ніхто не повіре (укр. *повірить*), *він не віре* (укр. *не вірить*), *сама робе* (укр. *робить*), *воно її держе* (укр. *держить/тримає*) и др.

В текстах находит свое отражение еще одна диалектная черта (характерная для юго-восточных говоров [Монахова 2010:78]), а именно, усечение окончаний глаголов с основой на *-й*: *почина ізучать* (укр. *починає*), *почина наносить удари*, *ніхто її не зна* (укр. *знає*).

Упомянутые диалектные особенности настолько сильны, что они проявляются и в русских лексемах, например,

- усечение окончания: *досяга* результатів (укр. *досягає*), *Матвей* *поніма* (укр. *розуміє*) и
- распространение флексии 3 л. ед.ч. глаголов I спряжения на глаголы II спряжения: *хто памне танцюльки* (укр. *хто пам'ятає*).

В рассказах Б. Жолдака было зафиксировано небольшое количество глаголов в форме 1 л. мн.ч. Тем не менее по имеющимся примерам можно сделать вывод о параллельном функционировании

нии окончаний *-мо* и *-м*: *чого ж ми сидим, за що п'єм, давайте не будем — давайте ж вип'ємо, лишаємося, маємо*.

Необходимо, однако, отметить, что в литературной норме предпочтение отдается флексии *-мо*, тогда как узус допускает использование окончания *-м* в устной речи и поэзии⁹ и поддерживается аналогичной русской морфемой. Этим может быть обусловлено более частое употребление усеченной формы *-м* в нашем материале при параллельном функционировании окончания *-мо*.

В системе украинского глагола зоной, наиболее подверженной интерференционному процессу, считается форма будущего времени. В украинском языке существует два варианта образования будущего времени от глаголов несовершенного вида: при помощи вспомогательного глагола *бути*, как в русском языке, и при помощи особых окончаний. Так, к примеру, у глагола *працювати* (рус. *работать*) возможны следующие формы будущего времени: *буду/будеш/буде ... працювати* или *працюватиму / працюватимеш / працюватиме* и т.д. В интерферирующей речи, по мнению ученых, специфическая украинская форма утрачивается, а предпочтение отдается форме, общей с русским языком [Жиронкина, Романова 2003]. Рассказы Б. Жолдака, к сожалению, представляют нам скудный материал по образованию формы будущего времени глаголов, который демонстрирует склонность к употреблению аналитической модели будущего времени: *буду поїти, не буду казати, буде видавати*. В текстах, где автором был использован суржик, нами зафиксирован лишь один случай употребления синтетической формы будущего времени: *собака завжатиме* (рус. *собака будет мешать*). Интересно отметить, что в произведениях, написанных на литературном украинском языке, синтетические формы будущего времени встречаются намного чаще. Следовательно, можно предположить, что в рассказах, в которых был использован суржик, писатель сознательно избегал этой специфической украинской формы.

Исследователи, изучающие процессы взаимовлияния украинского и русского языков, отмечают еще одну зону интерференции в глагольной системе украинского языка, а именно образование форм повелительного наклонения [Шевчук 2009:137]. В отличие

от русского языка, в украинском форма 1 л. мн.ч. повелительного наклонения образуется синтетически — *заспіваймо!* (давайте споем), *поміркуймо!* (давайте подумаем) и проч. В интерферированной речи, по мнению исследователей, чаще всего используется русский вариант образования этой формы.

В нашем материале формы повелительного наклонения представлены ограниченным числом примеров. Использование формы императива 1 л. мн.ч. отражено в следующих примерах: *давайте ж вип'ємо, давайте не будем*. Как видно, обе встретившиеся формы образованы по аналитической модели русского языка, в украинском языке они звучат так: *випиймо, не будьмо*.

В образовании формы 2 л. мн.ч. в русском и украинском языках также имеются различия, однако в рассматриваемых рассказах влияния русского языка в этой области не прослеживается: все словоформы соответствуют литературной норме украинского языка, даже если глагол заимствован из русского: *тьотю, одчинить; повірте; придивітьця до неї; ізвініть, ви звиніть, тільки ви прив'яжіть свого собаку*.

Как уже выше говорилось, многие глагольные формы, выявленные нами в ходе анализа художественных текстов, можно объяснить влиянием украинских диалектов. Следовательно, рассматривать их исключительно как русские заимствования нельзя. Однако в рассматриваемых текстах находят отражение в основном те диалектные особенности, которые совпадают с нормативными аналогами в русском языке (например, параллельное функционирование инфинитивных окончаний *-ть* и *-ти*; использование флексий *-м* и *-мо* в форме 1 л. мн.ч.).

Лексика

Весьма разнообразен лексический состав «литературного» суржика. Однако этот языковой уровень является самым сложным для анализа¹⁰. Главная проблема при исследовании лексем, возникших в результате украинско-русской интерференции, заключается в том, что этот процесс охватывает фонетический, грамматический и словообразовательный уровни взаимодействующих языков и, таким образом, лексические образования могут варьироваться практически до бесконечности. Тем не менее, на

основе выбранного материала можно выделить несколько основных моделей лексических суржикизмов:

1. Прямое перенесение слов:
 - а) с сохранением русской звуковой оболочки;
 - б) с изменениями в соответствии с синтагматическими и парадигматическими правилами звуковой системы украинского языка.
2. Гибридное словообразование:
 - а) перенесение корня с замещением деривативного аффикса;
 - б) использование исконного корня с приспособлением заимствованных аффиксов.
3. Межъязыковые омонимы и кальки.
4. Устойчивые словосочетания и фразеологические гибриды.

Рассмотрим теперь состав каждой из групп в отдельности.

Согласно принятой нами классификации, первую группу составляют *слова, перенесенные из русского языка* с сохранением их звуковой оболочки или с минимальными признаками адаптации в соответствии с особенностями украинского языка. Следовательно, в этой группе основным признаком заимствования является его фонетическая адаптация. Однако, как уже выше отмечалось, судить об акустических качествах звуков по письменным источникам весьма затруднительно. В связи с этим более корректно будет объединить в рамках этой группы все лексические единицы, принадлежность к русскому языку которых очевидна, — в основном эти лексемы воспроизводятся в том же виде или звучании, в котором они функционируют в исходном языке:

діжурства, інтіресно, жилають, крепкий, наконєц, особино, охраннык, ответа, полностью, предварітально, существо, тїлівїзор, целїком и др.

Из примеров видно, что в них не отражено «аканье», характерное для русской произносительной нормы, тогда как «иканье» графически воспроизводится регулярно.

Намного шире в анализируемых текстах представлены *гибридные образования, составляющие вторую группу заимствований*. В зависимости от того, какие морфемы заимствуются из русско-

го, а какие переносятся из украинского языка, слова этой группы подразделяются на две подгруппы.

А. В первую подгруппу входят лексемы, возникшие в результате объединения заимствованной из русского языка основы и украинских аффиксов:

Так, к русским по происхождению корням при образовании различных частей речи могут присоединяться украинские:

Приставки:

розсудженія (шляхом дедуктивних *розсудженій*) — ср. рус. *рас-суждение* и укр. *розмірковування*);

одвікатися (ти ни *одвікайся*) — ср. укр. *відволікатися*, рус. *отвлекаться*;

одток (по причині *одтока* із села в місто) — ср. укр. *відтік*, рус. *отток*;

підчинявся (*підчинявся* він лише Матвейові) — ср. укр. *підкоря-тися*, рус. *подчиняться*.

Как видно из примеров, в рассмотренных случаях происходит заимствование целого слова, а приставки лишь преобразуются в аналогичные украинские морфемы. Так, русские префиксы *рас-* и *под-* соответствуют украинским *роз-* и *під-*, а приставка *од-* представляет собой фонетический вариант украинской приставки *від-* и эквивалент русской морфемы *от-* и употребляется в анализируемых текстах для оформления русских корней.

Суффиксы:

воздействувать (собака привикла до людей найкраще, і знає, як *воздействувать*) — ср. укр. *впливати/відгукуватися*, рус. *воздействовать*;

виделуватись (вобщім ти кінчай *виделуватись*) — укр. *коцюбити-ся*, рус. *выделяваться*;

спрашувать (я *спрашую*: ви уже допили?) — ср. укр. *пита-ти/запитувати* и рус. *спрашивать*;

проглядування (а плаття не затуляє її ніскілечки од *прогляду-вання* знизу) — укр. *підглядання*, рус. *проглядывание* — лексема образована по модели русского слова, где русский суффикс *-ыва-* соответствует украинскому *-ува-* и русская словообразовательная морфема абстрактных отглагольных существительных заменена на аналогичную украинскую.

Сюда же мы отнесем и единственный встретившийся нам пример присоединения украинского постфикса *-сь* к наречию: *почімусь* (А в тебе твоя *почімусь* не така), ср. укр. *чомусь* и рус. *почему-то*.

Как видно из примеров, в этой подгруппе наиболее продуктивным является суффикс глаголов несовершенного вида *-ува-*. По сравнению с ним другие украинские словообразовательные морфемы, оформляющие русские корни, встречаются в «литературном» суржике намного реже.

Гибридные образования:

В рассказах Б. Жолдака было отмечено несколько гибридных образований, созданных на русской (или общей) основе с наложением разноязычных морфем:

зліквідірували (їхнюю літературу вже *зліквідірували*) — ср. укр. *зліквідувати* и рус. *ликвидировать* — в этой лексеме происходит наложение русского и украинского суффиксов;

записуваєш (коли когось умних *записуваєш*) — ср. укр. *записуєш* и рус. *записываешь* — в украинских глаголах несовершенного вида при спряжении суффикс *-ва-* выпадает (*записувати* — я *записую*, ти *записуєш* и т.д.), в данном случае глагол спрягается как в русском языке с сохранением этого элемента.

Б. Лексемы, в состав которых входят украинские корни (нередко они совпадают с аналогичными русскими основами) и русские аффиксы, образуют вторую подгруппу гибридных образований.

В связи с общностью корней может показаться, что рассматриваемые в рамках данной группы лексемы скорее следует относить к полным заимствованиям из русского языка. Однако то обстоятельство, что большинство из них имеет украинское звуковое оформление, позволяет нам рассматривать эти корни именно как украинские. К тому же в украинском языке эти основы оформляются совсем другими аффиксами:

возникає (ящик негадано *возникає* із тьми) — ср. укр. *виникає*, рус. *возникает*;

позозрівав (собаковод й не *позозрівав*, що Танька знає цей сад) — ср. укр. *підозрював*, рус. *подозревал*;

садоводчеський (вичікуючи на новий *садоводчеський* сезон) — ср. укр. *садоводський*, рус. *садоводческий*.

Сравнивая количество примеров в каждой из подгрупп, можно констатировать, что в «литературном» суржике явно отдается предпочтение объединению русских корней с украинскими аффиксами. Однако надо отметить, что рассмотренная группа всегда открыта для новых лексических интерферем. Это связано с тем, что украинские и русские морфемы в рамках одного слова могут чередоваться произвольно.

Третья группа заимствований, которую составляют межъязыковые омонимы и кальки, представлена в анализируемых рассказах довольно ограниченным набором лексем. Сюда относятся украинские лексемы, которые под влиянием омонимичных русских лексем в суржике приобретают новое значение:

красний — укр. *червоний* (навіть у пащі, де був лише *красний* язик) — ср. укр. *красний* — рус. *красивый*;

уважати — укр. *шанувати* (начальство дуже *уважало* Матвея) — ср. укр. *уважати* — рус. *считать, думать*;

усиляти — укр. *зміцнювати* (він *усиляв* свою охрану) — ср. укр. *усиляти* — рус. *протягивать, просовывать*.

Устойчивые словосочетания и фразеологические гибриды. В рамках этой группы рассматривается влияние русского языка на комбинирование различных элементов устойчивых словосочетаний и фразеологизмов.

В украинском и русском языках существует ряд устойчивых выражений, которые в этих языках имеют различную сочетаемость. Данный факт является основной причиной частой контаминации единиц этих языков в рамках одного словосочетания, что продемонстрировано в анализируемых художественных текстах:

вони мухи не обідають (ср. укр. *і мухи не скривдять* — рус. *и мухи не обидет*);

безо всяких задніх мислів (ср. укр. *без прихованих, потайних думок* — рус. *без всяких задних мыслей*);

переписані ним цілком і повністю вручну (ср. укр. *цілком і сповна, геть цілком* — рус. *целиком и полностью*);

почали обходити його сторонкою (ср. укр. *триматися осторонь* — рус. *обходить стороной*);

не питався із Матвейом роздавити флакона (ср. укр. *перепустити пляшечку, флакон* — рус. *раздавить флакон*);

якби вона й мисль допустила (ср. укр. *думку припустити* — рус. *допустить мысль*);

лучше ни тїрай время (ср. укр. *не марнуй час* — рус. *не теряй времени*);

моє терпіння лопне (ср. укр. *в мене терпець урветься* — рус. *терпение лопнет*).

Во всех случаях использования устойчивых словосочетаний и фразеологизмов наблюдается прямое перенесение русских эквивалентов с некоторой адаптацией к фонетическим и грамматическим особенностям украинского языка.

Стилистическая дифференциация лексических интерферем

Выше были рассмотрены простые и сложные заимствованные лексические единицы с точки зрения их оформления и структуры, однако не менее интересным является рассмотрение их принадлежности к определенному стилю.

В анализируемых художественных текстах имеются лексемы, принадлежащие разным стилистическим пластам, и их сочетание в рамках одного предложения используется автором для создания комического эффекта, так что и книжная, и нейтральная лексика в рассказах Б. Жолдака приобретает оттенок просторечности: *страшна нужда в смислі бідності. Усіліна ростом цен налогообложенія...; вона кричала по-японському чи по-якому хоч, запугана передварітільно собакою; цей хищник польує тайну неразглашонності проісходящого; сліди є, а нарушітільници, молодой, юной при цьому, каблукастой такой — нема; і щоб не бить при цьому голословним, я скажу.*

Не в меньшей степени в текстах представлены просторечия. С точки зрения литературной нормы все русские слова, встречающиеся в украинской речи, относятся к этой категории: *діжурний, ізячний, канешно* и проч. [СУМ-Підручник 2001:72]. Мы, однако, не склонны рассматривать подобные слова как просторечия. По нашему мнению, просторечными лексемами и вульгаризмами следует считать слова, которые не соответствуют литературной норме ни русского, ни украинского языков: например, *туалет, тухвель, кукургудза, (безплатно) вкалуя, бомажки, фершалським*

пунктом, *дражнилка, обсмислювати, обхарькати, їздю* (вм. укр. *їжджу*), *танцюльки* и др.

Сложность анализа лексических суржикизмов связана с особенностью этого языкового уровня, который всегда открыт для проникновения новых единиц. Процесс заимствования невозможно постоянно контролировать, особенно когда речь идет об интерференции двух близкородственных языков.

Синтаксис

Синтаксическая организация украинского и русского языков во многом совпадает. Исследователи утверждают, что «типы предложения, внутренняя связь и взаимозависимость его составных компонентов, способы выражения его синтаксических отношений и значений характеризуются высокой степенью подобия» [Басова и др. 2003:22]. Тем не менее, в синтаксическом строе украинского языка имеются специфические черты, отличающие его от русского. Сильнее всего отличия проявляются в структуре словосочетания, и именно в этой зоне наблюдается наиболее интенсивный процесс украинско-русской интерференции, который чаще всего находит свое выражение в неправильном употреблении предлога или в неправильном управлении.

Считается, что одной из причин отступления от норм глагольного управления является несовпадение валентности украинских и эквивалентным им русских глаголов, что выражается в замене предложных конструкций на беспредложные и наоборот.

Наиболее очевидной зоной взаимодействия украинского и русского языков на синтаксическом уровне считаются сравнительные конструкции. В соответствии с нормой украинского языка в состав компаратива обязательно должны входить предлоги *від, за* или союз *ніж*, но исследователи отмечают регулярные отклонения от литературной нормы, т. е. использование беспредложных конструкций, как в русском (ср. рус. *сестра младше брата* — укр. *сестра молодша за/від брата//сестра молодша ніж брат*). Тем не менее, анализ рассказов Б. Жолдака демонстрирует использование сравнительных конструкций по модели украинского языка:

ще луччі од їхньої літератури (ср. рус. *лучше их литературы*), *набагато страшніші навіть за будь-якого вовка* (ср. рус. *страшнее любого волка*), *краще за свої* (ср. рус. *лучше своих*), *краще за нього* (ср. рус. *лучше него*), *в зошитах, товстіших за самі ті книжки* (ср. рус. *толще самих книг*), *пахтить дужче за всі на світі фрукти* (ср. рус. *сильнее всех фруктов на свете*).

Следует также отметить, что практически во всех случаях в состав конструкции входит прилагательное в форме сравнительной степени, а не наречие, как в русском языке.

Другой не менее распространенной чертой интерферированной речи считается более частое, по сравнению с литературным украинским языком, использование предлога *по* [Шевчук 2009:137]. К тому же его нередко употребляют в сочетании с Дат.п., что соответствует нормам русского языка, однако противоречит нормам украинского. В анализируемых художественных текстах обнаружено не так много примеров, иллюстрирующих использование предлога *по*, однако тенденция очевидна: *собацюру, по національності* (Дат.п.) *дога* (ср. укр. *за національністю* — Тв.п.), *по віку* (Дат.п.) *менше молоді* (ср. укр. *за віком* — Тв.п.).

Более характерной особенностью анализируемых художественных текстов является наличие в них большого числа заимствованных из русского языка предлогов:

останицяця благодаря міні (укр. *завдяки*), *при допомозі перцю* (укр. *за допомогою*), *записано нащот життя* (укр. *щодо*), *по причині собачої неграмотності* (укр. *через*), *любов к труду* (укр. *до*), *впереді всіх собитій* (укр. *попереду*).

Из примеров видно, что в большинстве случаев перечисленные предлоги употребляются в окружении русских лексем, т.е. представляют собой своего рода «цитату» из русского языка.

Еще одной отличительной чертой письменного варианта суржика, отображенной в рассказах Б. Жолдака, является регулярное использование причастий и причастных оборотов, которые характерны для русского языка, но малоупотребительны в украинском [Ющук 1998:119–120]. В украинском языке свойственное причастью или причастному обороту значение выражается с помощью придаточных определительных предложений:

пользує тайну неразглашюності проісходящого, доведшого себе до такої степені полювання, істочайме тепло девіч'їх ніг, путем тайно іздаваемых через свисток сигналів, я маю на увазі собаку, приручену людиною; вони об'єднуються в колективи, взаємствувані у людей и т.п.

В литературном украинском языке эти обороты были бы заменены сложноподчиненным предложением с союзными словами *який/яка/яке* или *що*. Скорее всего, большое количество причастных оборотов связано с попыткой писателя отразить особенности письменного стиля русского языка, одной из основных характеристик которого является наличие сложных синтаксических конструкций, в том числе причастных оборотов. Данная особенность «литературного» суржика еще раз демонстрирует активное влияние русского языка.

В связи с тем, что синтаксические различия украинского и русского языка на структурном уровне минимальны, разнообразие возможных интерферентных процессов также ограничено. Примеры из анализируемых суржиковых художественных произведений демонстрируют, с одной стороны, устойчивость к русскоязычному влиянию особых украинских конструкций (компаративные конструкции), с другой стороны, активную тенденцию к заимствованию русских предлогов с характерным для них управлением.

В статье мы попытались отметить наиболее интересные факты суржиковой речи, отображенные в рассказах Б. Жолдака. Многолетние исследования, проводимые лингвистами в области украинско-русской интерференции, выявляют определенные закономерности взаимодействия украинского и русского языков. Анализ «литературного» суржика, с одной стороны, подтверждает предыдущие исследования, с другой стороны, демонстрирует некоторые расхождения с общепринятыми представлениями о лингвистических особенностях суржика. Так, на фонетическом уровне не находит подтверждения мнение о влиянии на речь суржиковоговорящих произносительных норм русского языка: в письменном суржике не отображена редукция гласных, а качество шипящих и губных согласных соответствует орфоэпическим нормам украинского языка. На уровне мор-

фологии опровергается точка зрения относительно преобладания в суржике русских по происхождению падежных флексий. В анализируемых литературных текстах, например, регулярно используется украинская морфема *-iv* в существительных м.р. в форме Р.п. ед.ч., для прилагательных ср.р. и ж.р. характерны украинские нестяженные варианты окончаний в Им.п. ед. и мн.ч. На уровне синтаксиса в «литературном» суржике, вопреки мнению лингвистов, отмечается систематическое употребление компаративных конструкций по модели украинского языка. Несмотря на наличие обозначенных выше особенностей «литературного» суржика, в рассказах Б. Жолдака находят отражение и типичные суржиковые черты, как то: грамматическая близость к украинским диалектам, избегание специфических для украинского языка флексий и словообразовательных моделей, обилие просторечной лексики, использование русских предлогов и многое другое. Очевидно, что «литературный» суржик в большей степени подтверждает результаты исследований лингвистов, чем опровергает их. Некоторые отклонения от общепринятых позиций относительно наиболее слабых зон взаимодействия украинского и русского языков можно оправдать еще одной особенностью суржика — а именно, его нестабильностью и разнородностью даже в речи одного говорящего. Рассмотренный вариант суржиковой речи представляет собой видение суржика одним конкретным носителем языка, писателем Б. Жолдаком.

Значимость суржика, который используют в своих произведениях украинские писатели, невозможно переоценить. В ситуации, когда нет доступной объемной базы языкового материала, тексты художественных произведений могут служить дополнительным ценным источником данных для исследований в области украинско-русского языкового взаимодействия.

ИСТОЧНИКИ

Жолдак Б. Топінамбур, сину: *Extra drive stories*. Львів, 2002.

Котляревський І.В. Енеїда: Поема; Наталка Полтавка: П'єса. Київ, 2000.

ЛИТЕРАТУРА

Басова Г.Д. и др. Сопоставительная грамматика русского и украинского языков. Киев, 2003.

Жиронкина, Романова 2003 — *Жиронкина О.Ю., Романова Е.В.* Новые языки новых государств: явления на стыке близкородственных языков на постсоветском пространстве // Текст размещен на Интернет-странице: www.eu.spb.ru/ethno/projects/project3/ukraine/007/015.htm.

Змінювання дієслів у теперішньому і простому майбутньому часах // Текст размещен на Интернет-странице: <http://ukrainskamova.narod.ru/Links/Morphology/132.HTM>

Кузнецова Т.В. Мова білінгвальної сім'ї у функціональному аспекті: дис... канд. філол. наук: 10.02.01 / Т.В. Кузнецова. Київ, 1999.

Курс СУЛМ 1951 — Курс сучасної української літературної мови. Т. 1 / За ред. Л.А. Булаховського. Київ, 1951.

Мала філологічна енциклопедія / Укл. О.І. Скопненко, Т.В. Цимбалюк. Київ, 2007.

Масенко Л. Суржик: історія формування, сучасний стан, перспективи функціонування // *Belarusian Trasjanka and Ukrainian Suržyk. Structural and social aspects of their description and categorization. Studia Slavica Oldenburgensia* / G. Hentschel, S. Zaprudski. Oldenburg, 2008. С. 1–34.

Масенко Л. Суржик: між мовою і язиком. Київ, 2011.

Мельничайко В.Я., Добрянська І.В. Про культуру нашого мовлення. Тернопіль, 1991.

Монахова Т.В. Кризовий стан мовленнєвої культури в південно-українському регіоні // Наукові записки. Т. 34. Філологічні науки. Київ, 2004. С. 38–41.

Монахова Т.В. Українська діалектологія: Навчальний посібник. Миколаїв, 2010.

Особливості мови... 1983 — Особливості мови і стилю засобів масової інформації. Київ, 1983.

Останчук О.А. Языковое варьирование как фактор внутренней динамики в современном украинском языке: уровни и способы манифестации. // Глобализация — этнизация: этнокультурные и этноязыковые процессы. Кн. 2. М., 2006. С. 210–238.

Полищук Я. Лінгвістичний та металінгвістичний феномен суржика // Українська мова: сучасність — історія. Т. 4 / Под ред. Ф. Чижевського и П. Гриценко. Люблин, 2003. С. 267–278.

Радчук В. Мова в Україні: стан, функції, перспективи // Українська мова та література. 2000. № 6. Лютий.

Русанівський В.М. Історія української літературної мови. Підручник. Київ, 2001.

Сербенська О. Антисуржик. Львів, 1994.

Ставицька Л.О. Суржик: суміш, мова, стиль? // Динамизм соціальних процесів в постсоветському обществі. Вип. 2. Ч. 1: Філологічні науки. Луганськ, 2001. С. 102–119.

Ставицька Л. Арго, жаргон, сленг. Соціальна диференціація української мови. Київ, 2005.

Ставицька, Труб 2007 — Ставицька Л.О., Труб В.М. Суржик: міф, мова, комунікація // Українсько-російська двомовність. Лінгвокультурні аспекти. Київ, 2007. 31–121

СУМ-Підручник 2001 — Сучасна українська мова: Підручник / За ред. О.Д. Пономарева. Київ, 2001.

Терлак З., Сербенська О. Український язук для починаючих. Львів, 1999.

Труб В. Типи мовленнєвих відхилень як особливості ідіолекту українсько-російських білінгвів. // Мова і суспільство. 2011. Вип. 2.

УМ-Енциклопедія 2000 — Українська мова. Енциклопедія. Київ, 2000.

УМ-Енциклопедія 2004 — Українська мова. Енциклопедія. 2-ге видання. Київ, 2004.

УП-Проект 1999 — Український правопис. Проект найновішої редакції. Київ, 1999.

Шевчук О. Граматична інтерференція в сучасній українській літературній мові (на матеріалі україномовної преси міста Донецька) // Вісник Львівського університету. Серія філол. 2009. Вип. 46. Ч. 1. С. 134–139.

Ющук І.П. Практичний довідник з української мови. Київ, 1998.

Языковые ситуации 1989 — Языковые ситуации и взаимодействие языков / Отв. ред. Ю.А. Жлуктенко. Киев, 1989.

Bilaniuk L. A typology of surzhyk: Mixed Ukrainian-Russian language // International Journal of Bilingualism 8/4. 2004. S.409–425.

Bracki A. Surzhyk: Historia i terażniejszość. Gdańsk, 2009.

Flier M.S. Surzhyk: The Rules of Engagement / Harvard Ukrainian Studies. Volume XXII (1998). Cultures and Nations of Central and Eastern Europe. Cambridge, 2000. S. 113–136.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ввиду описанного вище состояния украинского языка того периода о фонетических и морфологических чертах суржика говорить не приходится.

² Все примеры, взятые из рассказов Б. Жолдака, будут представлены в работе в тех графических и грамматических формах, в которых они зафиксированы в текстах.

³ Апостроф после губного в позиции перед йотированным гласным указывает на твердость согласного.

⁴ Подобная вариативность наблюдается также в некоторых других формах, о которых будет сказано ниже. Подробнее о дублетных вариациях в узусе украинского языка см. [Ос-танчук 2006: 210–238].

⁵ Параллелизм именных форм в Тв.п. ед.ч. ж.р. характерен, к примеру, для восточно-полесских, степных и слобожанских говоров (Подробнее см. [УМ-Енциклопедія 2000]).

⁶ О параллелизме именных форм в Тв.п. см. выше.

⁷ Данное числительное представляет собой не просто заимствование из русского языка, в нем отражены фонетические черты и украинского (твердость губных *в* (обозначенная апострофом) и *и* (обозначенная гласным *е*)), и русского языка (графическое отображение «иканья»).

⁸ Так, к примеру, окончание *-ть* в инфинитиве характерно для восточнополесских говоров, а в средненадднепрянских и слобожанских говорах функционируют оба показателя инфинитива *-ть* и *-ти*.

⁹ Змінювання дієслів у теперішньому і простому майбутньому часах // <http://ukrainskatova.narod.ru/Links/Morphology/132.HTM>

¹⁰ Различные подходы к исследованию лексических интерферем, возникших в результате взаимодействия украинского и русского языков, представлены в работах украинских лингвистов [Мельничайко, Добрянська 1991; Flier 2000], российских исследователей [Жиронкина, Раманова 2003] и др.

**РЕЦЕНЗИИ
И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ
ОБЗОРЫ**

*Константин Васильевич
ИВАНГОРОДСКИЙ*

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН ДОМОНГОЛЬСКОГО ПЕРИОДА В СОВРЕМЕННЫХ УКРАИНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Этногенез украинцев, так или иначе связанный с историей восточных славян, представляет центральный вопрос национальной украинской историографии. Не является исключением и современный процесс историописания, посвященный анализу этой проблематики. После исчезновения господства коммунистической идеологии в научной мысли и возрождения на территории бывшего Советского Союза национальных историографических школ, согласно меткому наблюдению Г. Касьянова, стал актуальным вопрос определения собственного национального «я» и очерчивания «образа Другого»¹. В пределах «новых» восточнославянских государств такими «другими» в первую очередь оказались именно сообщества восточных славян, в частности, их этническая история.

Отшлифованная схема восточнославянского этногенеза в советские времена оказалась не такой уже и нерушимой, но утверждать, что специалистам сразу удалось решить этот вопрос неангажированно, также не приходится. Кроме того (как выяснилось вскоре), этот вопрос приобрел еще более заметную политизацию и идеологическую окраску, которая, несомненно, лишь препятствует установлению научной истины. Хотя, анализируя современную украинскую историографию этой проблемы, можно отметить и движение в направлении ее объективизации, лишенной предубежденности и телеологических инсинуаций.

Можно согласиться и с В. Рычкой, что ход этногенетических процессов в средневековом славянском мире продолжает оставаться одной из наиболее контроверсионных тем для восточноев-

ропейской науки². Об этом же идет речь и во вступительном слове редколлегии «Украинского исторического журнала» к круглому столу, проведенному в 2001 г., на тему: «Этнические процессы в средневековом славянском мире», кстати, единственном пока что (насколько нам известно) научном мероприятии подобного уровня, в пределах которого обсуждались новейшие подходы к отмеченной проблематике представителями всех современных восточнославянских историографий. Опубликованные в журнале тексты (а также их переиздание в сборнике «Ruthenica» за 2002 г.) засвидетельствовали, с одной стороны, разнообразие взглядов и подходов ученых из Украины, Беларуси и России к характеру, содержанию и сущности этнических процессов на Востоке Европы эпохи средневековья, а с другой — характеризуют состояние и перспективы дальнейшего исследования этой проблематики в упомянутых странах³.

Кроме слабого и нестабильного научного диалога между современными восточнославянскими учеными, в частности в сфере этнической истории, следует отметить, что в настоящее время отсутствует и надлежащая историографическая рефлексия относительно этногенеза восточных славян в современном научном дискурсе, что, конечно, не способствует глубокому осознанию проблем, позитивных достижений, перспектив подобных исследований, их научной, социальной, политической ролей. Хотя в определенной степени историографический анализ проблемы, несомненно, присутствует в разработках украинских историков, посвященных собственно проблеме этнической истории сообществ восточных славян. К ним принадлежат труды таких специалистов, как В. Баран, Л. Зализняк, Д. Козак, С. Макаруч, А. Моця, В. Рычка, А. Толочко, П. Толочко и др. Отдельно стоит выделить историографические исследования Н. Бондаренко⁴ и Н. Юсовой⁵, где в соответствующих главах дан анализ и современных студий славянского этногенеза в целом и концепции древнерусской народности в частности.

Так, можно полностью согласиться с Н. Бондаренко, что современную украинскую историографию следует охарактеризовать «как качественно новый этап в развитии этноисторических исследований в украинской исторической науке»⁶. Трудно не со-

гласиться и с мыслью, что в сфере изучения общеславянской и национальной этноистории украинской наукой накоплен значительный опыт, который может быть с успехом творчески использован также белорусскими и русскими специалистами⁷. В этом контексте достаточно симптоматической следует признать реплику одного из участников научного форума по поводу диалога русской и украинской историографий средневековья: «И давайте вспомним, что у нас есть еще один „претендент на древнерусское наследство” — Беларусь. Давайте иногда заглядывать и туда. Они тоже что-то делают и что-то могли бы сказать. По крайней мере, послушаем и будем знать, что они о нас думают»⁸.

В свою очередь А. и П. Толочко также замечают: «На протяжении длительного времени историки ведут страстные дискуссии относительно права на наследство Киевской Руси. Принадлежит она россиянам или украинцам? При этом нередко забывают, что есть еще и белорусы, которые также имеют непосредственную причастность к этому наследству»⁹. Все это, несомненно, касается и «этнического» наследства, споры вокруг которого в имперские времена породили концепт «общерусской», а в советские времена — «древнерусской» народностей, о чем речь детальнее будет идти ниже.

Характеризуя украинскую историографию этногенеза восточных славян 1990-х годов, Н. Бондаренко выделяет четыре основных тенденции ее развития. Первая, представленная «пределами академической науки», хранит преемственность с разработками предыдущих десятилетий. С другой стороны, некоторая часть «историко-археологического содружества» пробовала «пропагандировать псевдонаучные взгляды, которые начали удревнять до абсурда и мифологизировать происхождение украинского народа». В конечном итоге, в противовес и «осторожному консерватизму академической элиты», и «некомпетентности националистически настроенных фальсификаторов» в Украине сложилось направление этноисторических и связанных с ними исследований, которое ориентировалось на нормы современной европейской науки (Я. Грицак, А. Толочко, Н. Яковенко). К сожалению, «целостной концепции украинского, а тем более древнерусского и славянского этногенеза они не создали». Еще одним отдельным направ-

лением, по мнению Н. Бондаренко, которое сформировалось в условиях независимой Украины под воздействием англо-американской традиции, стали исследования, «ориентированные на осмысление прошлого и современности Украины в глобально-цивилизационном контексте» (Ю. Павленко, А. Реент, В. Ткаченко)¹⁰.

Следующее десятилетие, на наш взгляд, не выявило особенного развития цивилизационно-глобалистской теории относительно исследования этнической истории восточных славян, следовательно, не совсем уместным является его выделение в отдельное направление современной украинской историографии отмеченной проблематики. В то же время нельзя не согласиться с тем, что историографическая преемственность при творческом переосмыслении отечественного наследия и достижений современной западной науки может быть залогом будущих достижений украинской этноисторической науки.

Если начинать современный этап украинской историографии с 1991 г., то, по мнению Н. Бондаренко, первым трудом, посвященным проблеме формирования украинской нации, следует назвать изданную в том же году книгу В. Смолия и А. Гуржия¹¹, которая «выдержана в традиционном для украинской историографии советском ключе» и достаточно последовательно развивает подходы, заложенные трудами К. Гуслистого, В. Голобуцкого и Е. Апанович¹². А. и П. Толочко утверждают, что для украинской историографии 1990-х годов характерно наследование «практически всех традиций исторического мнения дооктябрьского периода». Причем «речь идет не только об альтернативности выводов ученых относительно проблемы этнического развития Киевской Руси, но и о системе аргументации», которая базируется «на эмоциональном восприятии явлений истории, априорной убежденности в неизменной этнической ситуации от средневековья до наших дней или даже просто на политических убеждениях»¹³. На этой специфике современной украинской историографии останавливается и А. Моця: «Между концепциями существует определенное подобие: и при утверждении наличия древнерусской народности, и о появлении отдельных восточнославянских народов эти этнические структуры рассматриваются как что-то стабильное и неизменное в своем развитии»¹⁴.

Не менее проблемной тенденцией, «своеобразным „камнем преткновения”» (В. Рычка) для современной украинской (но не только для нее) историографии является «древнерусская народность». Спектр взглядов в этом ракурсе распространяется от полного невосприятия собственно концепта «древнерусская народность» до осторожных суждений о незавершенности формирования древнерусской этнокультурной общности и ее невыразительности. Даже апологет концепции существования древнерусской народности среди нынешних украинских историков П. Толочко вынужден признать: «Мы разные сегодня потому, что разными были всегда, в том числе и во времена Киевской Руси. В наибольшей степени эта тенденция характеризует новейшую украинскую историографию, но заметна также в русской и белорусской»¹⁵. Ученый вынужден также констатировать и разные задачи в изучении этнической истории восточнославянских сообществ, которые ставят перед собой сегодня украинские, белорусские и российские историки, усомнившиеся в историчности древнерусской народности.

Анализируя современную украинскую историографию проблемы, исследователи вполне правильно критикуют и взгляды коллег относительно «позднего» этногенеза, в частности украинцев. Так, например, С. Макарчук замечает: «Некоторые из современных украинских историков идут еще дальше, утверждая, что [лишь] в XV в. „из аморфной Руси” начал вычленяться „украинский народ” (речь о Н. Яковенко. — *К. И.*)... При этом [исследователи] допускают серьезную методологическую ошибку. Они будто хотят обосновать одними и теми же историческими фактами как процессы формирования политической мысли и политических структур, так и этническое развитие народа»¹⁶. То есть речь идет о фактически ошибочном отождествлении этногенеза и политических процессов, которые практически никогда не совпадают в исторической реальности.

На этом фоне прослеживается и тенденция роста роли этноцентризма для современных восточнославянских историографий, в том числе и украинской. Исследуя это обстоятельство, Ю. Павленко пришел к заключению, что именно с отказом от системы советского истмата философско-историческое понимание дви-

жения человечества в нашем обществе в начале 1990-х годов испытало определенную полусознательную редукцию на уровне рассмотрения всей истории как этнической. Под воздействием политических страстей распространилось представление о том, что содержанием исторического процесса является именно этнический процесс: утверждения наций и их государственное конституирование¹⁷. Невзирая на неоспоримую важность такого рода исследований, подобное «политизирование» собственно этнической истории ощутимо вредит объективному поиску истины.

То же самое, по нашему убеждению, можно сказать и относительно исключительной «археологизации» проблемы этногенеза восточных славян, что стало заметно в последнее время, в частности и в украинской исторической науке. В целом сегодня четко выделились три основных направления поиска источников раннеславянской культуры. По мнению Д. Козака, можно говорить о трех научных школах: краковской, московской и киевской, каждая из которых «эксплуатирует определенную идею»¹⁸. Создав мощную источниковую базу раннеславянской археологии, согласно утверждению Л. Зализняка, представители киевской школы стали генераторами многих современных идей относительно происхождения и ранних этапов развития славянства¹⁹. Вместе с тем, некоторые положения этой школы подвергаются критике, например, тот же Л. Зализняк полемизирует с Р. Терпиловским касательно начала этногенеза украинцев²⁰.

Вышеупомянутый исследователь дискутирует и с другими современными учеными, которые касаются проблемы этногенеза восточных славян. Так, достаточно справедливо Л. Зализняк критикует труд В. Седова «Славяне в раннем средневековье» (1995), в котором известный советский и российский археолог-славист по существу проигнорировал истоки украинского этноса²¹. Не соглашается он и с В. Балужком по поводу того, что конец XII — начало XIII вв. были периодом «завершения формирования единого (украинского. — Л. З.) этноса». Ведь если украинский народ появился лишь накануне татарского нашествия, то кто населял княжеский Киев и Южную Русь в X—XII вв.? И если в начале XIII в., по мнению В. Балужка, формирование украинцев завершилось, то когда оно началось?²². Особенную остроту в послед-

нее десятилетие приобрела полемика Л. Зализняка с Н. Юсовой по поводу концепции древнерусской народности, прерванная, к величайшему сожалению, из-за смерти молодой киевской исследовательницы.

В целом, как можно убедиться, профессиональный анализ современной украинской историографии этнической истории восточных славян домонгольского периода является достаточно фрагментарным, кое-где поверхностным и, как правило, беглым, касается преимущественно лишь определенных аспектов отмеченной проблематики. Кроме этого, современным украинским ученым часто не удается избежать чрезмерной эмоциональности в собственных утверждениях относительно работ коллег. Также необходимо отметить практическую неосведомленность (либо сознательное игнорирование?) в современных работах в сфере этногенеза восточных славян мнения специалистов из соседних стран и, прежде всего, из восточнославянских. К величайшему сожалению, это часто объясняется ангажированностью и предубежденностью некоторых украинских исследователей.

Все это вынуждает нас детальнее остановиться на определении основных тенденций в современной украинской историографии этнической истории восточных славян домонгольского периода, которые, собственно, и представляют цель этой публикации. В качестве объекта исследования выступает новейший историографический процесс на современной Украине, предметом — этническая история восточнославянских сообществ в концепциях современных украинских историков, этнологов, археологов, лингвистов, антропологов.

Прежде всего, анализируя современную украинскую историографию по указанной проблематике, необходимо отметить тенденцию к ее политизации и идеологизации. Правда, нельзя не признать, что упомянутая традиция имеет достаточно давние корни, начиная еще с дискуссий вокруг так называемой «норманнской теории» в середине XVIII в. Ошибочно будет утверждать, что эта проблема свойственна лишь современной украинской историографии. Не меньший политический градус вокруг этого наблюдается и в среде российского научного истеблишмента²³. Некоторые белорусские историки также демонстрируют тенден-

ции к подобному «сепаратизму», но пока что «официальная» историография не способствует им.

Не в последнюю очередь такая ситуация связана с отказом от односторонней методологической трактовки проблемы этногенеза восточных славян. Ведь, кроме формирования неизвестных ранее исследовательских перспектив, появилась и определенная теоретическая растерянность части ученых, которые разработали собственные практики в советское время. Определенным выходом из этой ситуации, как считает, например Н. Бондаренко, стало «стремление идеологизировать науку уже в новом, националистическом ключе»²⁴. Причем, по убеждению А. Толочко, «лишь в нашем (т. е. украинском. — К. И.) случае идеологи предыдущего нарратива оказались самыми успешными практикантами национальной истории»²⁵.

Вместе с тем, процесс «национализации» истории означал не только поиск и кристаллизацию собственной идентичности, но и идентификацию тех, кто должен был быть выведен за рамки «своего» сообщества. Вследствие этого, как справедливо замечает Г. Касьянов, этнические и культурные индикаторы вполне естественно служили средством «іншування» («отбрасывания чужих») как для профессиональных историков, так и для политиков и идеологов. Формирование же образа этнического Другого стало неотъемлемой частью и культурной, и политической мобилизации, реализации политики памяти в вновь объявленных государствах. К тому же значительная часть профессионального исторического сообщества стала в этом смысле не только исполнителем соответствующего «государственного заказа», но и существенным фактором влияния на формирование этого заказа²⁶. Следовательно, этническая история восточных славян и в дальнейшем оставалась больше идеологическим творением, обернутым в формулу научного знания, чем последним.

Сетуют в первую очередь на чрезмерную политизированность истории этнического развития Киевской Руси. Согласно наблюдению П. Толочко, эта сложная сама по себе тема часто становилась объектом политических и националистических спекуляций, с попытками утвердить постулат неизменности этнической ситуации от раннего средневековья до наших дней. Интерполяция же

современной этнополитической ситуации на далекое прошлое, по мнению украинского академика, приводит к тому, что «украинский» Киев и Киевскую Русь противопоставляют «русскому» Владимиру и Северо-Восточной Руси или «белорусскому» Полоцку²⁷. Свое разрушительное влияние на объективное освещение этнической истории восточных славян, таким образом, политическая конъюнктура имеет донныне.

Кроме этого, чрезмерная пафосность или проповедь исключительности (мессианства) украинцев, что также нередко встречается в последнее время в литературе, наносит профессиональным поискам истины не меньший вред. Подобные публикации не только вводят и ученых, и общество в заблуждение, но и предопределяют скептическое отношение к украинской исторической науке. Впрочем, следует согласиться с В. Бараном и Я. Бараном, что, с другой стороны, кое-где «нас пытаются привязать, буквально привить к другим соседним народам, убедить нас и мировую общественность в том, что мы их меньшая или младшая часть, отказывая украинскому народу в самобытности его этнического и исторического развития»²⁸. Следовательно, проблема ангажированности украинской национальной историографии не является исключительно «внутренней», а во многом предопределена и этноисториографическими стереотипами соседних историографий. Учитывая это, преодоление политизированности, в частности этнической истории восточных славян, возможно лишь благодаря толерантному, непредвзятому и профессиональному диалогу между представителями всех современных восточнославянских историографий и не только их.

Очерченная выше ситуация с идеологическим плюрализмом, который кардинально изменил украинскую историографию за последние десятилетия, вызвала к жизни и новые тенденции в сфере исследования этногенеза восточных славян домонгольской эпохи. Правда, не все из них адекватно подходят к научному предмету своих исследований. С точки зрения В. Рычки, из-за потрясений начала 1990-х годов «стараниями профессиональных патриотов и вчерашних компартийных пропагандистов» было создано много «околонаучных трудов, призванных удревнить и, так сказать, улучшить украинскую историю». По-

добными попытками «исправить» украинскую историю этот исследователь объясняет и «всплеск мифомании в постсоветском историографическом пространстве, которой Европа переболела еще в конце XVIII — начале XX вв.»²⁹.

В принципе, как замечает Л. Зашкильняк, вся историография мифологична, ведь на определенный период времени отображает лишь культурное состояние, взгляды, традиции, присутствующие на этот момент в определенном сообществе³⁰. Однако, к сожалению, в современной украинской историографии наблюдается тенденция не к созданию национального мифа посредством профессионального историописания, а к обычному придумыванию исторического прошлого, где достаточно часто этногенез и украинцев, и остальных славян начинается едва ли не с палеолита.

Нередко такие пафосные версии этногенеза восточнославянских сообществ связаны с определенным желанием возродить языческие культы, и содержат, как правило, откровенно негативный стереотип соседних этносов. По мнению Н. Бондаренко, такой мифологизацией этнической истории восточнославянских народов занимаются, прежде всего, их собственные представители — главным образом, «интеллектуальные маргиналы, которые не имеют профессиональных знаний как о теории этноса вообще, так и, в частности, о собственно этнической истории Евразии»³¹. Конечно, подобные «концепции» поддаются конструктивной критике со стороны современных ученых, но их авторы в погоне за «научной сенсацией» ничего не хотят слышать и если вступают в дискуссию — оперируют не фактами, а вымышленными (или сфальсифицированными) источниками (например, так называемой «Велесовой книгой»).

В некоторых монографиях, которые предлагают «новую концепцию» этногенеза восточных славян, их авторы, ссылаясь на отсутствие источников, руководствуются лишь собственными рассуждениями и желаниями. Например, в труде В. Скляренко посредством «историко-этимологического исследования» установлено, что варяги были славянами и назывались «рутенами». Причем последние были потомками и кельтского племени, которое «участвовало в этническом формировании славян острова Рюген», где проживали варяги-руги, которые и трансформирова-

ли это название в «русы». Однако «кроме варягов-русов (славян острова Рюген), к которым Новгород обратился за помощью в IX–X вв., по свидетельству византийских и восточных источников (правда, автор не называет каких именно. — *К. И.*), существовали также азовско-черноморские русы, тесно связанные с антами». Далее оказывается, что и последние приобрели имя «русы» благодаря кельтскому племени *rutheni*, а их потомками были запорожские казаки³². Опровержение таких «историко-этимологических» инсинуаций займет слишком много места, но вряд ли исследователь объяснит, почему при таком широком (и на севере, и на юге Восточной Европы) доминировании кельты не ассимилировали русов и антов, как и то, почему такое «значительное» этническое сообщество, как кельты-рутены, не известны ни одному тогдашнему автору.

Альтернативный, но более взвешенный взгляд на «русов» предлагает Ю. Павленко. Последний считает их потомками этнокультурного симбиоза славян и сарматов (роксоланов, россомонов), которые вскоре (от середины I тыс. н.э.) вошли в славянскую конфедерацию антов-полян. Именно в третьем разделе своего труда «Предыстория древних Русов» Ю. Павленко, в контексте органичной взаимосвязи с мировым историческим процессом эпохи поздней античности и раннего средневековья, пытается реконструировать историю древних славян Среднего Поднепровья. Основное внимание исследователь уделил истории полянского (антского) этнополитического объединения и выделения из его среды социального организма древних русов (росов, «народа рос»). Именно вокруг них происходит консолидация киевских полян после аварского погрома и именно эта новая предгосударственная структура славян Поднепровья получает название «Русская земля» (тут и далее прилагательные «русская», «русский» мы пишем с одним «с», как производные от слова «Русь», а не «Россия»), трансформируясь вскоре в Киевскую Русь³³.

Вместе с тем исследователь избегает версий скандинавского происхождения термина «русы» (русь). Во вступлении Ю. Павленко по этому поводу замечает, что целью его исследования является предыстория древних русов (росов), а поскольку соответствующий этноним фиксируется в письменных источниках,

начиная с VI в., постольку события более позднего времени, в частности проблема роли варягов в ранней истории Киевской Руси, выходит за пределы предлагаемой темы³⁴. В свою очередь, С. Макарачук поддерживает позицию, что имени «русь» варяги на украинские земли не приносили, а «это имя и страны, и народа существовало задолго, возможно, за 1000 лет до появления на пространстве Поднепровья северных норманнов»³⁵. В целом приходится констатировать, что в украинской историографии до сих пор непопулярной остается «норманнская теория», которая, напротив, получила сегодня заметное возрождение в историографии российской.

Анализ современной украинской историографии этнической истории восточных славян убеждает нас также в том, что одной из наибольших проблем в этой сфере остается чрезвычайно ее низкий теоретико-методологический уровень. При этом, к большому сожалению, наблюдается стойкое нежелание анализировать теоретические аспекты этноисторических исследований, что, с одной стороны, создает ощутимую терминологическую путаницу, а с другой — непонимание закономерностей развития человеческих сообществ, как и их таксономической поливариантности. Однако есть надежда на качественные сдвиги и в этом сегменте: определенная часть современных украинских ученых осознает необходимость теоретико-методологических исследований, но нередко ограничиваются лишь общей констатацией проблемы, не предлагая в итоге каких-то более-менее конкретных направлений ее решения.

Кроме этого, можно также согласиться с замечанием А. Моци, что в восточнославянской историографии средневековых этнических процессов «зафиксировано значительное количество теорий, в которых (мягко говоря) присутствует недостаточное количество фактов для их подтверждения»³⁶. Для постсоветского положения украинской (но не только ее) исторической науки в целом характерно снижение внимания к методологическим основам. Раньше они искусственно стимулировались идеологией, а сегодня (очевидно, подсознательно) многими используются без критического переосмысления, что эпистемологически является крайне опасным явлением, особенно в условиях современного

постмодернистского дискурса, с его признанием относительности вообще любого знания и, прежде всего, этнологического, с претензиями последнего на универсалистские категории в реконструировании прошлого.

Все это в полной мере касается и реконструкции этнической истории восточных славян, с ее немногочисленными письменными источниками и проблемой этнической принадлежности археологических культур. Установить последнюю (о чем речь дальше будет идти подробнее), как справедливо констатирует В. Баран, «очень трудно и почти невозможно», в результате чего «исследователи славянского этногенеза результаты своих разработок излагают преимущественно в виде предположений и гипотез»³⁷. Следовательно, по мнению В. Рычки, «приходится ошупью, да еще и с помощью несовершенного методологического инструментария, искать исторические корни украинского этноса в широкой тысячелетней исторической ретроспективе»³⁸. В свою очередь и Н. Бондаренко считает, что именно отсутствие теоретической определенности относительно периода становления и развития восточнославянских этнических сообществ не позволяет создать убедительную картину, в частности, этнической истории Украины³⁹.

Одновременно эту исследовательницу удивляет и то обстоятельство, что после издания в 1991 г. труда В. Смолия и А. Гуржия (см. об этом выше) «из стен Института истории Украины НАН Украины за следующие полтора десятилетия так и не вышла качественно новая, лишенная „родимых пятен“ истмата, последовательная и теоретически обоснованная концепция происхождения украинского народа»⁴⁰. Такой попыткой, в известной степени, стала коллективная монография «Этническая история Древней Украины», изданная сотрудниками Института археологии НАН Украины в 2000 г. Ее авторы пытались воссоздать по имеющимся археологическим данным ход этноисторических процессов с самых древних времен до эпохи Средневековья на землях южной части Восточной Европы⁴¹.

Однако и этот труд вряд ли может убедительно решить отмеченную проблему, и в методологически-теоретическом контексте он далеко не однозначен. К примеру, Ю. Павленко, рецензируя эту монографию, заметил, что, несмотря на важность исследова-

ния локальных археологических культур, без общеконцептуального подхода к проблеме славянского этногенеза, ее в принципе невозможно разрешить⁴². При этом исследователь справедливо утверждает, что научная разработка концепции места Украины в истории с точки зрения философско-исторического понимания этнического процесса кажется крайне важной. В конечном итоге он также вынужден констатировать, что «до сих пор отсутствует обобщающая концепция украинского этногенеза, созданию которой препятствует нехватка соответствующих теоретико-методологических разработок»⁴³.

В целом можно отметить, что Ю. Павленко чуть ли не единственный современный украинский ученый, который действительно пытается исследовать этногенез восточных славян с теоретико-методологических позиций. По мнению Н. Бондаренко, его подход к проблемам этноисторического процесса и его реализации на территории Украины отличается тремя чертами, не свойственными в целом современной украинской историографии. Во-первых, это сознательная опора на этнотеоретические разработки ученых 1950–1980-х годов, прежде всего В. Генинга, Ю. Бромлея и Л. Гумилева. Во-вторых, рассмотрение этноисторического процесса в Восточной Европе во всемирно-историческом, цивилизационном контексте. В-третьих, стремление охватить весь этноисторический процесс на территории Украины в целом с самых давних времен до современности⁴⁴.

Исследование социокультурного процесса под этнонациональным углом зрения, согласно самому Ю. Павленко, предусматривает наличие глубоко разработанной этнической теории. Этого, к сожалению, — констатирует ученый, — сегодня мы также не имеем. Более того, те продуктивные наработки, которые появились в советское время в этой отрасли, сегодня почти не используются, а между тем никакой теории этноса и этнического развития человечества из-за границы к нам не пришло, ее там просто не существует. Следовательно, разрабатывать эти вопросы нам надо самостоятельно, на фоне наработок предыдущих десятилетий⁴⁵. Полностью солидаризируясь с предлагаемым мнением, можем также заметить, что, невзирая на отсутствие в западной этнологической науке теории этноса, игнорировать ее советские

достижения никоим образом нельзя. Ведь игнорируя советские концепции (якобы они настолько ангажированы, что вовсе не отображают действительность), украинская историческая наука по существу обрекает себя на теоретический вакуум, в том числе и в сфере реконструкции этногенеза восточных славян.

Следом за другими современными исследователями необходимо констатировать и чрезвычайно упрямое игнорирование новых подходов в этнотеоретической сфере со стороны большинства современных украинских (но не только) историков. С другой стороны, обращение к наработкам западной науки имеет, как правило, ограниченный характер, без каких бы то ни было попыток их сопоставления с отечественными подходами и обратной критики. Характерным примером может быть монография Н. Юсовой, посвященная историографическому анализу концепции древнерусской народности⁴⁶. В ней исследовательница вспоминает лишь одного (!) западного специалиста «по образованию этносов и наций» — Э. Смита, которому, по существу, отведена роль репрезентанта всей современной западной этнологии, что, конечно, в любом случае несправедливо и не отвечает реальному положению дел.

Закономерным результатом слабой теоретически-методологической основы современных этноисторических исследований является и неопределенность в соответствующей понятийной оснащенности таких студий, которая предопределяет, согласно высказыванию Т. Поповой, «смешивание понятий»⁴⁷. В этом плане характерно следующее утверждение: «Летописные сообщения о восточнославянских племенах X в. удостоверяют важные *этнические изменения* (здесь и дальше курсив наш. — К. И.), которые произошли в их среде одновременно с процессами *политической консолидации*. К. Маркс писал, что „нация” возникает только тогда, когда племена, объединенные одним управлением, сливаются в единый народ. Термин „нация” употреблен здесь в значении „народность”. Следовательно, речь идет, по существу, об образовании *политической народности*»⁴⁸.

Зададимся, как предлагает В. Рычка, вслед за Э. Кинаном, отнюдь не риторическим вопросом: «Как можно обсуждать вопрос „нации” и „этничности” на примере домодерного общества,

где первый вопрос почти ничего не означал»?⁴⁹ То же, очевидно, касается и термина «народность», если он в выше цитируемом утверждении употреблен вместо понятия «нация». Если же речь идет об образовании «политической народности», то теряется этнологическая сущность последнего термина, а следовательно, констатация «этнических изменений» в среде восточнославянских племен не доказывает ничего, поскольку в этнологии давно известно, что этническая и политическая сферы, хотя и взаимосвязаны, но вовсе не тождественны и не являются взаимоопределяющими. В то же время мы можем лишь догадываться, что собственно имели в виду историки под терминами «этнические изменения», «нация», «народность», «политическая народность» или же «этнические процессы на Руси», которые, по мнению А. и П. Толочко, «источники позволяют воссоздать достаточно реалистично»⁵⁰? В целом мы вынуждены констатировать, что, к сожалению, практически все исследователи этнической истории восточных славян вовсе не пытаются конкретизировать, что они имеют в виду под тем или другим примененным понятием и насколько корректным является его употребление.

Подобная терминологическая неопределенность не позволяет исследователям провести и четкую границу собственно между этническим и социальным, как и выяснить теоретическую особенность их симбиоза — этносоциальную специфику сообществ людей. Поэтому и сегодня можно натолкнуться на не совсем корректные утверждения, например, что «этнос — это не биологическая, но прежде всего социальная категория»⁵¹ (ведь в такой интерпретации этнос — это исключительно этническая категория, которая включает и биологические, и социальные компоненты). Поэтому не приходится удивляться, что в конечном итоге исследователь приходит к отождествлению с этносом такой сугубо политической категории, как государство: «Если понимать народность как социальный или социокультурный организм, вывод о решающей роли государства в его складывании не может быть поставлен под сомнение»⁵².

Однако именно в таком отождествлении и заключается основное сомнение, ведь народность представляет собой не сугубо этнический, а этносоциальный организм⁵³, для которого полити-

ческие факторы хотя и являются важными, но далеко не определяющими (средневековые империи (Римская, Франкская, Византийская) как нельзя лучше доказывают этот факт). Поэтому, даже исходя из признания существования древнерусской народности, как можно «политически» объяснить образование украинской и белорусской народностей без существования соответствующих государств, которые должны были бы сыграть «решающую роль» в их «оформлении»?

Кстати, похожая проблема присутствует и в попытках этнической интерпретации так называемых восточнославянских «союзов племен», которые почему-то при молчаливом согласии большинства историков однозначно относятся к категории сообществ этнических, хотя при более внимательном анализе они (как собственно и конструкт «древнерусская народность») таксономически принадлежат к сообществам этнополитического разряда, которые, в отличие от сугубо этнических, никогда не существуют долго, учитывая переменчивую природу самого явления политики. С этой точки зрения стоит согласиться с М. Видейко, что «в древние времена на исторической арене могли выступать, так сказать „сборные команды“, союзы племен с разной материальной культурой и даже языком», а «цель такого объединения — [была] сугубо политическая: общими силами дать отпор более сильному противнику»⁵⁴.

Незнание историками этнотеоретических аспектов предопределяет и другие контроверсионные предположения, например, относительно так называемой «безэтничности» населения, прежде всего Киевской Руси. Так, А. Моця утверждает: «На наш взгляд, для конца I — начала II тыс. н. э. большинство людей в Восточной Европе, в первую очередь крестьяне, было в современном понимании этого термина (к сожалению, исследователь не уточняет, в чем именно заключается это современное понимание. — К. И.) безэтническим»⁵⁵. В другом труде он объясняет «безэтничность» населения тем, что в указанный период, вроде бы, «еще нельзя говорить о существовании русской, украинской и белорусской наций или хотя бы народностей»⁵⁶. Однако, кроме того, что и нация, и народность не являются сугубо этническими сообществами, а следовательно, не обязательно должны иметь

общую этничность (скажем, современная американская нация), безэтничность невозможна уже как явление в социальном пространстве, ведь иноэтнические сообщества четко отличают «мы» от «они» (например, византийские источники четко отделяли славян от других сообществ, ведь для них это была другая / отдельная этническая группа).

Критикует предлагаемую концепцию «безэтничности» населения Киевской Руси и Л. Зализняк, определяя основные недостатки «раннесредневековой концепции украиногенеза». Иначе как недоразумением, — замечает он, — утверждение о безэтничности не назовешь, поскольку «отрицать этническое разделение средневековой Европы лишь на основании отсутствия в ней современных наций современного типа нельзя»⁵⁷. В свою очередь, мы не можем согласиться с утверждением этого исследователя, что «этническое разделение человечества — видовой признак *Homo sapiens*»⁵⁸, так как этнос — не биологическая популяция (хотя в этнологии подобные взгляды присутствуют, что, впрочем, составляет совсем иной объект для анализа, здесь не столь важный).

Трудно согласиться и с другими теоретическими «новациями» в сфере исследования этногенеза восточных славян, предлагаемыми тем же Л. Зализняком. Прежде всего, это касается обозначенных им неких «универсальных законов этнического развития европейских народов», несоответствие которым, согласно рассуждениям этого специалиста, представляло главную проблему советской историографической концепции этногенеза восточных славян⁵⁹. Чувствуя, наверное, чрезмерную претенциозность термина и концепта «универсальные законы этнического развития», Л. Зализняк недавно предложил более гибкое понятие (хотя и не менее дискуссионное) — «признанные в Европе этнологические принципы»⁶⁰. Жаль, но исследователь не сообщает, кем эти принципы из европейских ученых предложены (поэтому в статье нет ни одной на это ссылки) и насколько они созвучны украинской этнологии в теоретическом контексте.

Не меньшие теоретические трудности для современных исследователей этнической истории восточных славян домонгольского периода представляют и лингвистические категории, в частности этноязыковая специфика тогдашних сообществ.

Так, например, вполне справедливой является критика Л. Зализняка лингвистических инсинуаций относительно восточных славян известного российского медиевиста В. Седова. Последний убеждает, что «об украинских диалектах в рассматриваемое время (X в.) не может быть и речи»⁶¹, полемизируя при этом с румынским лингвистом Э. Претвичем, который доказал украинские влияния на румынский и молдавский языки на протяжении X — XI вв. По мнению же В. Седова, это объясняется влиянием языка антов. В свою очередь Л. Зализняк подытоживает: «Категорическим отказом украинцам в их существовании в X в. (в отличие от поляков, чехов, сербов, хорватов, румын) классик российской медиевистики сам того не желая опустил корни украинского этноса в V в., признав наличие украиноязычной специфики в языке антов»⁶².

Лингвистический контекст, таким образом, также существенно расширяет теоретические возможности выяснения этногенеза восточных славян. Современный украинский филолог Г. Пивторак пришел к следующему заключению: «Поскольку большинство украинской этноязыковой территории совпадает с восточным ареалом славянской прародины, вполне естественно, что украинцы унаследовали материальную и духовную культуру своих предков-праславян этого региона, а украинский язык перенял от праславянского значительный специфический лексический фонд и немало фонетических и грамматических черт, которые в других славянских языках заменились новыми, а у нас (украинцев. — *К. И.*) они составили самую древнюю группу языковых особенностей»⁶³.

Логично констатируя целесообразность переосмысления теоретически-методологического базиса реконструкции этнической истории восточных славян, в первую очередь в контексте «обветшалости доктрины о древнерусской народности», Г. Пивторак (как и немало его коллег) справедливо замечает, что «в настоящее время явно нуждаются в уточнении и сами понятия этнос, народ, народность, нация»⁶⁴. Однако дальше констатации такой необходимости (как и немало его коллег) исследователь не идет, отмечая: «Но мы пока что абстрагируемся от этой неуместности»⁶⁵. При этом немало удивляет, почему важные этнологические кате-

гории ученый именует «неуместностями», а тем более непонятно, как можно исследовать этноисторические процессы, абстрагировавшись от теоретической и понятийной базы?

Фактически это лишний раз подчеркивает и некоторую боязнь этнотеоретических вопросов со стороны современных исследователей (а отсюда и дистанцирование от их основательно-го выяснения), и теоретически-методологическую халатность, предопределенную не стремлением поиска истины, а желанием лишь декларировать свои предположения, и элементарное отсутствие междисциплинарного диалога, в результате которого специалисты-историки не знают (или же и не хотят узнать), что предлагают специалисты этнологи (не путать с этнографами), лингвисты и даже археологи (и наоборот). Все это, понятно, не улучшает уровня современной украинской историографии, в том числе и этнической истории восточных славян домонгольского периода, чем пользуются и историки-шарлатаны, и представители соседних восточнославянских историографий, объявляя украинскую историческую науку ангажированной, политизированной, а следовательно — несостоятельной в решении таких вопросов, что, естественно, совершенно несправедливо и не отвечает действительности.

Проблемы теоретического характера свойственны и современному уровню археологических исследований славистики. Хотя необходимо подчеркнуть, что сегодня это направление в украинской историографии проблемы стало во многом определяющим, благодаря исчезновению идеологического контроля и существенному расширению количества восточнославянских древностей. Современная археология сумела предложить достаточно адекватные версии того, где и как жили восточные славяне в догосударственный период. Так, иногда элементарное картографирование находок, согласно наблюдениям М. Видейко, или установления их точного датирования вносит серьезные коррективы в построения историков⁶⁶.

По мнению не менее известного современного украинского археолога Д. Козака, этногенез славянских народов вообще является «глобальной проблемой археологической науки»⁶⁷. Исследователь также отмечает, что, благодаря значительному пополнению

источниковой базы новыми материалами, в основном археологическими, в последние десятилетия сократился спектр взглядов на проблему происхождения славян. Более того, даже наблюдается сближение позиций исследователей⁶⁸. Зато Р. Терпиловский, в свою очередь, отмечая, что «приоритет в изучении проблемы этногенеза славян принадлежит именно археологии, которая стремительно расширяет круг своих источников, опережая языкознание и историю», все же менее оптимистично трактует, обозначенное его коллегой, «сближение» взглядов. Он вынужден констатировать, что, «невзирая на тенденцию к сближению взглядов археологов-славистов разных школ, обусловленную расширением источниковой базы и усовершенствованием методик исследования, до единодушия в этом вопросе пока что далеко»⁶⁹.

Самым главным фактором этой дифференциации современных археологов является поиск так называемой «прародины славян», дискуссии вокруг которой наблюдаются уже не первый век. Согласно утверждению современного российского историка Ю. Денисова, «поиск прародины славян усложняется еще и тем, что этот процесс не ограничивается лишь борьбой научных идей, а охватывает сферы идеологии и политики»⁷⁰. Поэтому, наверное, и сегодня вопрос, — где появились первые славяне, — остается открытым.

Одну из современных альтернативных версий в выяснении этой проблемы предложил российский археолог В. Седов. Ее суть заключается в том, что прародиной славян, которые пришли в северо-восточные «русские» земли, был Север Польши и Германии⁷¹. Вместо этого украинский этнолог С. Макаруч, анализируя предложенный подход, констатирует следующее его красноречивое противоречие: «Если эта версия известного авторитета российской археологии и науки этногенеза славян не является ошибочной, то она уж очень сильно отмечает отличия в этногенезе русских и украинцев. В любом случае ее нелегко принять безоговорочно, потому что она разрушает классический историографический стереотип формирования предков современных русских из славянских мигрантов с территории современной Украины и местного балтского и финского элемента, который проживал на территории современной европейской России»⁷².

Прародина славян является предметом научных поисков и в трудах современных украинских археологов. Так, М. Видейко считает, что именно в начале XXI в. наконец-то удалось определить местоположение «этой загадочной местности». Ученый убежден, что большая ее часть сегодня находится на территории именно Украины, а при употреблении всех средств для ее поиска «следы ведут на Днепр, на Волынь, а также на Юг Беларуси и в восточные районы Польши»⁷³. Кроме этого, он призывает коллег объединить усилия для выяснения этого вопроса, привлекая к ее изучению генетиков, историков, лингвистов, то есть всех, «кто может помочь в поисках неуловимой прародины славян».

Эффективность подобного сотрудничества, по мнению М. Видейко, доказывают, в частности, недавно проведенные исследования генетического родства славян. Сопоставление результатов показало тесное родство украинцев как с восточными, так и западными славянами, которые являются дополнительным свидетельством в пользу Днепровской «прародины». К тому же именно со Средним Поднепровьем связаны первичные носители гаплогруппы *R1a*, общей для всех славян. Вместе с тем, по мнению исследователей из России и Беларуси, именно «белорусская популяция» находится ближе всего к «славянскому пра-этносу». Аргумент — проведенное ими исследование генофонда русских, украинцев и белорусов засвидетельствовало, что последние имеют все специфические особенности первых двух популяций. То есть территорию Беларуси также следует включать в «прародину», из которой выдвигались разные славянские этнические группы⁷⁴.

Дискуссионным остается и вопрос об общем этногенезе славян. С точки зрения Р. Терпиловского, слияние воедино культурно-бытового комплекса (что охватывает формирование достаточно близких славянских археологических культур, единство социально-экономической структуры их носителей, единство идеологических представлений, проявляющееся в существовании нескольких основных вариантов захоронений с кремацией), общность языка, зафиксированного древними авторами и реконструированного современными лингвистами, а главное — рост самосознания, отображенный в широком использовании самоназвания «славяне», позволяет говорить о завершении про-

цесса общеславянского этногенеза в середине I тыс. н. э. Дальше речь может идти уже об этнической истории славян и одновременно об этногенезе украинцев, русских, белорусов и других современных славянских народов⁷⁵.

Перспективным, хотя пока сравнительно слабо разработанным можно считать тезис, согласно которому славяне от начала существования никогда не представляли единого (монолитного) этнического сообщества, то есть были, скорее всего, этносоциальным организмом, который включал значительный конгломерат разнообразных этносов, несомненно родственных. Среди современных украинских ученых подобную позицию демонстрирует В. Баран: «Изучая исторические истоки украинского народа как части славянского мира, мы выходим из того, что славяне никогда не были одной этнической общностью. Они уже с самого начала в самые отдаленные эпохи выступали как отдельные, хотя и родственные праславянские и славянские большие или меньшие этноязыковые группы (объединения родов, племена, союзы племен)»⁷⁶. В другой монографии археолог уточняет: «Лингвистические, исторические, археологические материалы убеждают нас в том, что славяне никогда не были единым этническим сообществом. Они, как и народы иранского, фракийского, иллирийского, германского, романского корней, выступали как отдельные этноязыковые группы, объединенные в племена и племенные союзы, которые были этносоциальными единицами»⁷⁷.

Не менее сложна — и теоретически, и практически — попытка идентификации и соотнесенности любой археологической культуры с определенной этничностью. В полной мере это касается и проблемы этногенеза восточных славян, ведь, как отмечает тот же В. Баран, «установить этническую принадлежность археологических культур глубокой древности без ретроспективной их привязки к более поздним этнически определенным древностям и сопоставлении с данными письменных источников и результатами исследований других наук (лингвистики, антропологии) очень трудно и почти невозможно»⁷⁸. Вследствие этого, как нами уже отмечалось выше, почти все исследования в этой сфере представлены, как правило, предположениями, которые фактически не поддаются верификации.

Нетождественность археологической культуры этническому сообществу порождает и разные трактовки в профессиональной литературе конкретной принадлежности тех или иных древностей славянам. Например, Д. Козак не разделяет «малообоснованные утверждения В. Седова и В. Барана о существовании „славянских” локальных вариантов в черняховской культуре», так как «все черняховские археологические памятники, — по его мнению, — являются скифо-сарматскими, германскими или такими, этнический признак которых не установлен»⁷⁹. Относительно восточных славян археолог отмечает: «Известно три разновидности археологической культуры славян, которые принадлежали разным веткам восточного славянства: пражско-корчацкая, пеньковская и колочинская. Первая принадлежала историческим славянам, вторая — антам, а третья продолжила традиции киевской культуры... До конца VII в. культурные особенности этих групп нивелируются, и на пространствах от Вислы до Днепра формируется единая восточнославянская культурно-историческая общность — культура Луки-Райковецкой»⁸⁰.

Дулэбов, антов и склавинов отождествляет с археологическими культурами пражской и пеньковской соответственно и Л. Зализняк. На протяжении V — VII вв., по его мнению, эти культуры «трансформировались в праукраинские летописные племена Волыни, древлян, полян, белых хорватов, уличей, тиверцев, которые составили Лука-Райковецкую культуру», которая «была непосредственной генетической почвой Южной Руси». Именно этот «средневековый этнос, — продолжает ученый, — создал государство Русь, которая быстро трансформировалась в ранне-средневековую империю, осуществлявшую в X — XII вв. мощную колонизацию пространств севера Восточной Европы. В результате же колонизации балтских и финских племен «появились молодые балто-русские (белорусы, псково-новгородцы) и фино-русские (россияне) этносы»⁸¹.

Схема этногенеза восточных славян, согласно привязке этнических сообществ к археологическим культурам, раскрывается и в монографии «Исторические истоки украинского народа» В. и Я. Барана. Согласно этим ученым, белорусы происходят от колочинской культуры, русские — от имениковской, поляки — от

дзедзицкой (венеды), украинцы — от пражско-корчацкой (склавины) и пеньковской (анты). В отличие от трех предыдущих, две последние стали субстратами и для таких славянских этносов, как поляки, словаки, моравяне, чехи, сорбы, сербы, болгары, македонцы, хорваты⁸². И если упомянутые исследователи отождествляют венедов с дзедзицкой культурой, которая стала субстратом поляков, то Д. Козак убежден, что племенам венедов соответствует зубрицкая культура, которая принадлежала к древнеславянскому этносу⁸³. В конечном итоге археолог приходит к мысли, что «этнокультурное развитие венедского общества в течение первой половины I тыс. н. э. завершилось созданием первого в истории восточного славянства протогосударственного образования, известного из письменных источников под названием „дулибы”»⁸⁴.

Нерешенной окончательно остается и проблема археологической «привязки» так называемых «летописных союзов племен» восточных славян, которые были потомками склавинов и антов. Можно согласиться с Г. Пивтораком, что «историки выдумали для них не совсем удачные названия „племена” и „союзы племен”, хоть сами себя они так никогда не называли». Кроме этого, по мнению филолога, есть все основания считать их отдельными этносами⁸⁵. В свою очередь В. Баран в этих «славянских племенных союзах» видит «уже не отдельные племена», а «зарождения основ будущих славянских народностей, в том числе украинской на обоих берегах Днепра Лесостепной Украины»⁸⁶.

Подтверждают разную этническую принадлежность союзов племен и современные антропологические исследования. К примеру, ведущий украинский специалист в этой сфере С. Сегеда утверждает, что «по некоторым основным признакам, в частности черепному показателю и ширине скул, отдельные территориальные группы потомков летописных средневековых восточных славян все же существенно отличались между собой»⁸⁷.

Впрочем, не все историки соглашались с достаточно искусственным отождествлением восточнославянских союзов племен и археологических культур. А. и П. Толочко по этому поводу резонно замечают: «Нельзя избавиться от впечатления, что исследователи, выделяя в археологическом материале специфически „древлянские” или, скажем, „полянские” черты, руководству-

ются не так археологическими реалиями, как попыткой во что бы то ни стало подтвердить правдивость летописной картины этнографии Восточной Европы. Пример с „неуловимостью” полян побуждает серьезно задуматься как над самой возможностью таких попыток, так и над природой летописных „племен” и принципом построения летописцем в XII в. панорамы восточноевропейской этнографии»⁸⁸. Примечательно, что восточнославянские союзы племен авторы относят к этнографическому уровню, что, с точки зрения П. Толочко⁸⁹, должно подтверждать «этническое» единство древнерусской народности, включающей соответствующие субэтноты, на уровне которых сформировалась этнографическая (?) основа будущих украинской, белорусской и русской народностей.

Со своей стороны, А. Толочко считает, что в определении характера «племен» (то есть, «восточнославянских этнографических групп») существует стойкая традиция трактовать их не только как этнографические группы, но и как этнические и социальные сообщества. Такой «двойной стандарт», по мнению историка, позволяет интегрировать «племена» и в общую схему государственного развития X — XIII вв., и в схему этнического развития Киевской Руси. Главным фактором этнического развития при этом избирается государство: именно с его образованием возникает «плавильный котел», который перетапливает полян, северян, кривичей, словен в киевлян, черниговцев, смолян, новгородцев. С исчезновения государства (после середины XIII в.) начинается обратный процесс распада единой древнерусской народности на ряд этнических сообществ⁹⁰.

Вместо этого современные украинские археологи если не критикуют, то, по крайней мере, обходят этноисториографический концепт «древнерусская народность», руководствуясь в исследованиях исторических истоков украинцев закономерностями этноисторического процесса. Соответствующая схема сводится к нескольким иерархически-историческим этапам: индоевропейцы, германо-балто-славяне, праславяне, славяне, славянские народы. Из этой цепочки древнерусская народность явно выпадает, поскольку имеет, прежде всего, этнополитическую природу, не тождественную этноисторической стабильности. Например,

известный советский археолог П. Третьяков доказал, что обычай белить мелом стены жилья (признак классических украинских хат) был распространенным уже во II в. н. э. среди населения зарубинецкой культуры.

По мнению же Г. Пивторака, «поскольку зарубинецкая культура была распространена на территории современной Украины, в ее ареале возникали и развивались также локальные этнографические черты, значительная часть которых дошла и до нашего времени и стала самобытными этнокультурными признаками украинской нации»⁹¹. Похожая логика прослеживается и в трудах других украинских исследователей, которые предлагают «историю украинцев как отдельного этноса» начинать от середины I тыс. н. э. Так, украинский этнолог С. Макаручук убеждает, что «украинский этнос как южные русы восточнославянского пространства стал выделяться из общеславянской общности от середины I тыс. н. э., тогда же, когда на фоне славянского массива начали выделяться чехи, болгары, ляхи и другие этносы»⁹².

Фактически подобный подход основывается на концепции, предложенной еще в начале XX в. М. Грушевским. При этом не совсем корректными выглядят «обвинения» в адрес современных украинских ученых, которые объективно приходят к похожему выводу, в слепом желании как угодно подтвердить этот взгляд на восточнославянский (и украинский в частности) этногенез (кстати, многие современные белорусские исследователи также «начинают» истоки этноса белорусов от этого же рубежа, но своего М. Грушевского они не имеют). Справедливой в этом контексте можно признать аргументацию В. Барана: «Наше задание сегодня заключается в том, чтобы на основе археологических источников очертить регионы становления и кристаллизации славянских раннесредневековых культур, которые отвечают склавинам и антам, и путем ретроспективы раскрыть их истоки». В конечном итоге ученый приходит к заключению, что «интеграция антов и склавинов, их большое расселение и перегруппировка приводят к возникновению, а потом и к отделению той группы восточнославянских племен, которая стала основой образования украинского народа». Следовательно, резюмирует В. Баран, «анты — окраинные, хотя и интегрированные склавинами, оставляют свой

выразительный след в названии „Украина”, которое, просуществовав рядом с официальным книжным названием „Русь”, пережив несколько этапов своего возрождения и упадка, полностью вытесняет его и становится определяющим для отдельного славянского народа»⁹³.

Подтверждением концепции «отдельного» этногенеза восточнославянских сообществ от середины I тыс. является и так называемая «субстратная теория». Причем следует особо отметить, что своими истоками она обязана не мнимому желанию украинских (или белорусских) националистов удревить историю украинцев (белорусов), а результатам советской археологии, прежде всего в лице ее неопровержимого авторитета В. Седова. Последний, традиционно резко критикуя «концепцию Грушевского» (особенно на современном этапе развития восточнославянских историографий соответствующей проблематики), поневоле сам же и подтвердил ее рациональность, несмотря на то, что предметом его исследования был этногенез древнего населения территории Беларуси.

Следовательно, не приходится удивляться, что в современной белорусской историографии этногенеза восточных славян именно «субстратная теория» получила наибольшее развитие. В соответствии с этой теорией особенность формирования белорусского этноса была предопределена тем, что на современной белорусской территории испокон веков проживали не славяне, а балты. Собственно непосредственными предками белорусов были кривичи, дреговичи и радимичи, ставшие результатом симбиоза славян и балтов, что и определило этническую специфику будущих белорусов, хотя и с восточнославянской доминантой. Определенные постулаты этой концепции присутствуют и в современной украинской историографии, хотя, опять же, в большей степени это присуще в первую очередь археологическим студиям, а вот историки пока практически ничего об этом не говорят.

Отмеченная концепция тесным образом связана с процессом так называемого «большого расселения славян» V — VII вв. В результате последнего славяне активно начали осваивать Балканы, Подунавье, Север и Северный Восток Европы. Анализируя это явление, современный украинский археолог В. Баран утверждает

ет: «Большое расселение славян не только зафиксировано письменными источниками, но и фундаментально представлено археологическими памятниками. Оно обусловило их разделение на основные группы, которые в своем дальнейшем развитии *становятся основой формирования современных славянских народов* (курсив наш. — К. И.). Эта историческая закономерность в одинаковой степени относится ко всем славянам — южным, западным и восточным. Интеграция славянских переселенцев с местным населением на новых землях, постепенное поглощение ими чужих субстратов привела к зарождению новых славянских этносов как на Балканах и в Подунавье, так и на Двине, и на Волге»⁹⁴.

В другом исследовании, написанном совместно с Я. Бараном, этот же специалист относительно роли субстратов в восточнославянском этногенезе замечает: «Основное внимание в нашем труде направлено на изучение процессов и причин зарождения славянских народностей в период раннего средневековья. В отличие от украинского народа, давние предки которого занимали коренные славянские земли, ряд других славянских народов, в том числе восточнославянских, занявших в процессе своего расселения большие территории с чужим (балтским и угро-финским) населением, *испытывали влияние этих субстратов* (курсив наш. — К. И.). Это оказало решающее влияние на формирование их этнического самосознания. Отмеченные факторы не были нивелированы в период киево-русской государственности. Это и стало исторической основой для завершения процессов формирования трех восточнославянских народов»⁹⁵.

Осторожнее к «субстратной теории» подходит еще один видный представитель киевской археологической школы — Р. Терпиловский, отмечая общий характер историко-культурных процессов, которые происходили на территории современной Украины, Беларуси и Юга России во второй половине I тыс. Называя естественным то, что «разнообразные субстраты определяли этнокультурное своеобразие восточнославянских группировок», специалист все-таки считает, что «следующие многократные перемещения населения в результате войн, неурожаев, политики тех или других государств не позволяют переоценить роль этих процессов в формировании современных народов»⁹⁶.

Совершенно адекватным, по мнению М. Видейко, выглядит и представление лингвистов относительно балто-славянского языкового единства, в частности, с точки зрения современных генетиков. Ведь славян (за исключением южных) с потомками балтов роднит именно значительное присутствие генома *R1a* (смотри об этом выше). Например, у жителей Литвы он составляет 34 %, а Латвии — даже 41 % (против 50 % в среднем у славян). Следовательно, убеждает археолог, не только язык у нас с балтами был когда-то общим, но и предки⁹⁷. Конечно, новые подходы в исследовании этногенеза восточных славян существенно расширяют исследовательские горизонты, но окончательные выводы, в частности связанные с результатами генетики, делать, на наш взгляд, пока что рано, поскольку биологическая составляющая этнической сферы нуждается еще в глубоком теоретически-методологическом обосновании.

Не менее сложным вопросом для современной украинской историографии остается и этническое развитие восточнославянского населения Киевской Руси. И если еще в конце 1990-х годов А. и П. Толочко убеждали, будто «объективно проблема этнического развития Руси не принадлежит к слишком сложным», поскольку для этого «имеется большой круг источников (письменных и археологических)»⁹⁸, то уже в середине следующего десятилетия П. Толочко, в частности, демонстрирует противоположную позицию: «Исследование этнического развития эпохи Киевской Руси убеждает, что решение этого вопроса усложнено в значительной степени через нечеткость предмета поиска»⁹⁹.

В то же время, проанализировав историографию этой проблемы, в том числе и современную, этот украинский историк обоснованно подчеркивает, что «проблема этнического развития эпохи Киевской Руси, как и раньше, предопределяет живую заинтересованность среди археологов, историков, этнологов и филологов и, понятно, нуждается в дальнейших ее исследованиях»¹⁰⁰. Хотя трудно согласиться с мнением этого специалиста, будто, «исследуя проблему этнического развития периода Киевской Руси, необходимо постоянно иметь во внимании летописные свидетельства, которые *однозначно* (?!; курсив наш. — К. И.) указывают на то, что много чего в ее этнической истории определилось еще

на догосударственной стадии жизни восточных славян»¹⁰¹. Кроме того, что исследователь сам же критикует «этнографическую карту», предлагаемую летописцем, как уже отмечалось выше, доверять Летописи «однозначно» (к тому же в реконструкции этнических процессов), на наш взгляд, является достаточно дискуссионным принципом.

Относительность летописных свидетельств во многом усложняет интерпретацию этнической истории Киевской Руси, особенно учитывая то обстоятельство, что это восточнославянское государство не было по этнополитической структуре моноэтничным, включая значительный конгломерат неславянских этносов. Хотя, несомненно, «основой образования Киевского государства была южная группа восточнославянских племен — предков украинского народа, социально-экономическое развитие которых было выше, сравнительно с другими восточнославянскими группами»¹⁰². По мнению В. Барана, речь в этом случае должна идти, прежде всего, о полянах, а не о «славянских русах, которые якобы поглотили все восточнославянские племена, упомянутые Летописью, и создали единую восточнославянскую этническую общность». С точки зрения исследователя, название «русь» навязали полянам варяги, утвердившие в Киеве норманнскую династию князей, в результате чего это название распространилось на все население государства. Следовательно, «русь» была не этнонимом, а обозначала «в широком понимании все население Киево-Русского государства от Вислы до Волги»¹⁰³.

Приблизительно столетнее существование Киевской Руси с центральным великокняжеским управлением фактически нарушило естественный характер этнокультурных процессов, которые определились в результате расселения славян в V–VIII вв. Государственная структура на некоторое время достигла относительной политической и экономической стабильности. По этому поводу В. Баран замечает: «К сожалению, в литературе эту государственно-политическую ситуацию нередко трактуют как этническое единство, которое ведет к образованию древнерусской народности. Но это только подмена понятий, которая не отображает объективных реалий. За сто лет на огромных пространствах местные этноязыковые и культурные отличия разных восточнославян-

ских племенных групп не были нивелированы. Они оставались и, по-видимому, более остальных повлекли распад Киевского государства, которое фактически было империей Рюриковичей»¹⁰⁴. По мнению же Г. Пивторака, «есть основания считать, что уже на конец XII в. украинская народность в том понимании, к которому мы привыкли еще со школьной скамьи, в основном сформировалась и имела два ответвления: галицко-волынское (оно сохранило за собой традиционное название Русь) и Поднепровье, для которого с конца XII в. появляется название Украина»¹⁰⁵.

Проблема этнического развития Киевской Руси, как нетрудно в этом убедиться, в первую очередь лежит в плоскости интерпретации взаимосвязи этнической и политической. Поэтому следует согласиться с С. Макаручком, что «нельзя пренебрегать ролью государства в этническом развитии народа, но нельзя и абсолютизировать, как это делала плеяда российских академиков и донныне кое-кто продолжает в Украине». Ведь этническое развитие сообществ происходит по собственным автономным нормам и закономерностям, которые историки и этнологи до сих пор детально не выяснили¹⁰⁶. Поэтому, анализируя «русскую историческую общность людей X–XIII вв.», указанный этнолог пытается в первую очередь выяснить: «формировался ли весь восточнославянский суперэтнос к X в. на основе одних и тех же предыдущих этнических субстратов?»¹⁰⁷

С. Макаручук пришел к следующему выводу: «В этническом смысле славянский суперэтнос на восточноевропейском пространстве не только в условиях русской государственности IX–XIII вв., но и еще до ее появления состоял из трех выразительно отличных между собой этнокультурных общностей, — назовем их праукраинской, прарусской и прабелорусской... Придерживаясь точки зрения, что в составе Киевской Руси (как государства) славянский суперэтнос от самого начала государственности уже был дифференцирован этнически на праукраинский, прабелорусский и прарусский этносы, нужно признать: в составе одного государства эти три этноса на протяжении IX – первой половины XIII вв. испытали влияние конвергентных процессов, которые при определенных объективных обстоятельствах могли бы способствовать не только политической, но и этнокультурной консолидации Руси»¹⁰⁸.

Отдельного внимания заслуживает анализ концепции этнического развития восточных славян периода Киевской Руси, которую последние два десятилетия разрабатывает украинский археолог Л. Зализняк. Он также исходит из того положения, что относительное государственное единство Руси не может быть аргументом в пользу единства этнического. Значительные сомнения у ученого вызывает и утверждение о едином этническом сознании населения Киевской Руси¹⁰⁹. Предлагая собственную версию этногенеза украинцев, которая «базируется на признанной современной этнологией универсальной схеме происхождения народов» (эвристическая проблемность этой категории уже обсуждалась нами выше), исследователь пытается ответить на вопрос: существовал ли украинский этнос в Киевской Руси? «По моему мнению, — утверждает Л. Зализняк, — жители княжеских Киева, Переяслава, Чернигова, Галича были в той же мере украинцами, как и тогдашние жители Гнезно, Парижа и Лондона были, соответственно, поляками, французами и англичанами»¹¹⁰.

Кроме этого, ученый предлагает рассматривать Киевскую Русь как «украинскую империю», которая поспособствовала появлению новых восточнославянских этносов в результате своеобразной политики «русификации»: «Как древний Рим романизировал свою варварскую периферию, так княжеский праукраинский Киев русифицировал (от Русь, а не Россия) лесной север Восточной Европы». В результате же «колониционных усилий праукраинского княжеского Киева на далекой северной периферии империи сформировались молодые этносы белорусов, псковичей, новгородцев, россиян». И хотя «украинский этнос потерял созданную им империю», все же он продолжил свое существование в безгосударственном состоянии на своей этнической территории¹¹¹. Учитывая это, констатирует Л. Зализняк, «начинать историю россиян от основания княжеского Киева такая же бессмыслица, как начинать историю румынов или французов с основания Лондона, а мексиканскую — с возникновения Мадрида»¹¹².

Невзирая на достаточно радикализованный характер этой концепции, она, на наш взгляд, содержит и рациональные постулаты. В частности, относительно отдельности этно- и державообразования восточных славян в домонгольский период. С дру-

гой стороны, достаточно дискуссионным является тезис о сугубо украинской этносоциальной сущности Киевской Руси, которая породила другие восточнославянские этносы, поскольку, руководствуясь такой логикой, этногенез украинцев имеет отдельные от остальных восточных славян, а к тому же еще и более древние корни. Еще одним важным тезисом предлагаемого подхода является собственно отрицание существования древнерусской народности как отдельного восточнославянского этнического сообщества периода Киевской Руси.

Следует признать, что именно концепт «древнерусская народность» в современной украинской историографии является одним из самых дискуссионных и наиболее артикулированным, а следовательно, и наиболее остро критикуемым исследователями этнической истории восточных славян. Стоит также отметить, что в российской и белорусской историографиях обозначенной проблемы дискуссии по этому поводу почти отсутствуют, а собственно концепция древнерусской народности фактически априорно поддерживается большинством историков (в Беларуси она и дальше остается по существу «официальной», хотя многие исследователи пытаются ее все же опровергать).

В пределах украинской исторической мысли сегодня наибольшим сторонником существования древнерусской народности остается П. Толочко. По мнению последнего, «в IX — начале XII вв., на основе полутора десятка восточнославянских племенных объединений сложилась относительно единая древнерусская этническая общность, главным условием консолидации которой была Киевская Русь»¹¹³. Причем специалист, как мы уже это заметили, делает акцент на политическом приоритете в формировании этого явления: «Со времени введения в историческую литературу термина „древнерусская народность“ исследователи не сомневались, что явление, им обозначенное, появилось в значительной степени благодаря объединительным действиям государства»¹¹⁴.

П. Толочко категорически утверждает: «Все же вывод советской историографии относительно определяющей роли государства в складывании древнерусской народности не может быть обжалован. По существу, это взаимообусловленные исторические явления. Сначала этнос с названием „Русь“ создал государ-

ство, а потом это государство способствовало консолидации всех восточных славян и распространению на всех них общего имени „Русь”»¹¹⁵. Формирование этнокультурной и этнополитической общности народа Руси, согласно утверждению историка, прежде всего, подтверждают именно летописные термины «Русь» и «Русская земля»¹¹⁶. Более того он убежден, что уже «для Иллариона, Нестора, Никона, других древнерусских летописцев Киевская Русь была не просто совокупностью земель, а единым государственно-территориальным и этническим целым»¹¹⁷.

Вместе с тем П. Толочко не соглашается с современной критикой концепции древнерусской народности, особенно в украинской историографии, где «концепция единой древнерусской народности как „колыбели трех братских восточнославянских народов” объявляется творением официальной советской исторической науки и на этом основании отбрасывается»¹¹⁸. При этом, с точки зрения ученого, «никакие другие аргументы относительно несостоятельности концепции общности происхождения восточнославянских народов не приводятся», что не должно удивлять, ведь «в большинстве случаев из-за этой проблемы волновались люди, которые никогда профессионально ее не исследовали, а следовательно, не владеют ни источниковой базой, ни историографическим достоянием предыдущих поколений историков»¹¹⁹. В свою очередь, мы не можем согласиться с тем, что отмеченная концепция критикуется и отбрасывается современными исследователями лишь из-за ее «советской прописки», а также с тем, что представители «лагеря критики» являются любителями или дилетантами, которые, согласно П. Толочко, «просто плохо знают труды предшественников»¹²⁰.

Не воспринимая, таким образом, никакой критики концепции древнерусской народности, историк тем не менее и сам излагает определенные сомнения, по крайней мере, в ее понятийном наполнении: «Исследователи, которые еще вчера спокойно пользовались словосочетанием „древнерусская народность”; — замечает П. Толочко, — вдруг усомнились в его исторической корректности. Более совестливые начали смягчать свою позицию разными оговорками. Конечно, этническая общность была, но, во-первых, не абсолютная, а во-вторых, не на всем огромном пространстве

восточнославянского мира. Среди „оговаривавшихся” был и автор этих строк, которому показалось, что термин „этнокультурная” или „этнополитическая” общность больше отвечает консолидационному положению древнерусского общества. По существу это то же, что и народность, но менее жестко терминологически»¹²¹. Нетрудно при этом заметить, что в результате подобных «оговорок» этническая общность была и не была; была, но не везде, а к тому же и не этническая, а этнокультурная или этнополитическая. Следовательно, концепция древнерусской народности также нуждается в первую очередь в существенном теоретическом переосмыслении и, в частности, лишения статуса ее безапелляционного восприятия / невосприятия, к тому же средствами совести или через призму историографической целесообразности.

Не воспринимает предлагаемую позицию в этом вопросе и современный украинский этнолог С. Макарчук: «Академик П. Толочко, — отмечает он, — издал книгу „Древнерусская народность”, в которой попробовал несколько сгладить агрессивную претенциозность российской историографии на древнерусское историческое и культурное наследие и попробовал внедрить для определения той „народности” прилагательное „русская”, „русский” с одним „с”... Но в конце концов, из благого намерения украинского академика вышел пшик. Петербургское издательство дало название книге не „Древнерусская народность”, а „Древнерусская народность”»¹²². Однако С. Макарчук не ограничивается лишь упреками «полиграфическо-редакторского» недоразумения, но и указывает на другие существенные проблемы теоретически-методологического характера относительно интерпретации концепции древнерусской народности.

Ученый в то же время предлагает выяснить, насколько удачным и обоснованным вообще может быть в этом случае употребление самого термина «народность». Поскольку он свойственен для всех восточнославянских языков, то в советское время употреблялся для определения национальной принадлежности людей, то есть имел семантическое содержание слова «национальность», как в современном польском языке «narodowość». Выходит, однако, — продолжает С. Макарчук, — что во второй половине XX в., когда наука начала широко пользоваться категориями «этнос»,

«этникос», «субэтнос», «суперэтнос» и другими, термин «народность» историографически оказался менее удачным и содержательно менее четким¹²³.

Выше мы уже отмечали, что этот львовский этнолог придерживается точки зрения, согласно которой еще до появления Киевской Руси восточнославянский суперэтнос имел признаки этнической дифференциации. Поэтому, по мнению С. Макаруча, «не правы те авторы, которые утверждают, что украинский, русский, белорусский народы выделились из состава „древнерусской народности“ в связи с политическими событиями XIII в. (В. Пичета, В. Мавродин, Б. Рыбаков, П. Толочко и др.)». Даже если допустить такой сценарий этнического развития восточных славян, «тогда трудно было бы объяснить, почему другие политические катаклизмы и более ранних, и последующих веков не создали на украинской земле этносов пророссийского, пролитовского, пропольского, проавстрийского, провенгерского, проумынского, протурецкого или другого родства»¹²⁴.

Не поддерживают объективности существования древнерусской народности и другие современные украинские историки. Например, В. Баран, который (как мы уже видели выше) также не поддерживает взгляд о тождественности этнического и государственно-политического развития Киевской Руси. Он убежден, что относительное политическое единство в древнерусский период не нивелировало этническую специфику разных сегментов ее населения, и этот факт «прекрасно понимают сторонники концепции всеохватывающего этнического единства». Именно поэтому, по мнению археолога, «они прибегают к созданию мифических славянских русов, которые якобы поглотили все другие восточнославянские племена». Ведь «если к приходу норманнских князей из династии Рюриковичей не существовало славянских русов, ни русской земли, а это неоспоримый факт, то никогда не существовало в догосударственный период и славянского этноязыкового единства, а в период Киевского государства — и древнерусской народности»¹²⁵. В конечном итоге ученый предлагает такой вывод: «Киевские князья создали государство имперского типа, но не создали и не пытались создать единую древнерусскую народность. Ее выдумали историки»¹²⁶.

В свою очередь А. Толочко утверждает, что «концепции древнерусской народности существенно вредит распространенная в литературе этнизация этого понятия, то есть понимание ее как реального „народа“, обязательно скрепленного единством биологического происхождения, лингвистически и культурно однородного». То есть древнерусская народность понимается как еще одно летописное «племя», только разросшееся до пределов всей Руси¹²⁷. Осознавая, что эту проблему нельзя преодолеть «без методологических инноваций», исследователь предложил применить теорию так называемых «воображаемых сообществ» («imagined communities») Б. Андерсона, в контексте «антропологического понимания» древнерусской народности.

Эта идея пока что не получила глубокого анализа, но против нее выступил в частности Л. Зализняк, по мнению которого «экстраполировать модель Б. Андерсона на этнические процессы X—XII вв. не совсем корректно». По крайней мере, «для этого необходима существенная ее адаптация к специфике европейского средневековья»¹²⁸. В целом же необходимо отметить, что именно Л. Зализняк в современной украинской историографии этнической истории восточных славян является самым пылким оппонентом теории существования древнерусской народности, считая, что «в наше время идеологические реликты советских времен, наподобие древнерусской народности, стоят на пути объективного решения проблемы украиногенезиса»¹²⁹.

Одним из главных недостатков этой концепции он считает тот факт, что по существу она является своеобразным «политическим инструментом» в отношениях Украины и России. По этому поводу Л. Зализняк высказывается достаточно эмоционально: «Не секрет, что многие в Украине смотрят на ее прошлое, нынешнее и будущее глазами Москвы и Петербурга. Поэтому ключевые моменты украинской истории являются полем перманентной борьбы украинцев с оппонентами... К числу ключевых принадлежит и проблема древнерусской народности, лежащей гнилой колодой поперек украинской истории, укорачивая ее вдвое, отбирая у украинцев право на культурно-историческое наследие княжеского Киева в пользу „Великой России“. Поэтому вся критика этого краеугольного камня „Великорусской истории“ вызывает сопро-

тивление многочисленных приверженцев белокаменной»¹³⁰. Называя древнерусскую народность «модификацией имперского мифа о колыбели трех братских народов», Л. Зализняк утверждает также, что она призвана «фальсифицировать реальную историческую картину с очевидной целью создания идеологической почвы для реанимации империи»¹³¹.

В пользу политической ангажированности концепции древнерусской народности, с точки зрения Л. Зализняка, свидетельствует и тот факт, что она по существу стала основой одиозных Тезисов ЦК КПСС «О праздновании 300-летия воссоединения Украины с Россией», опубликованных в 1954 г. Несмотря на то, что до того эта концепция критиковалась ведущими русскими учеными, а в существовании древнерусской народности усомнился даже сам ее автор (В. Мавродин), она все равно легла в основу официальной советской концепции этнической истории восточных славян. Причем проблема была переведена в политическое русло и любые научные дискуссии или сомнения относительно древнерусской народности стали невозможными¹³².

Прозрачная же неоимперская сущность этой официальной советской концепции обеспечила ее популярность в советской и живучесть в постсоветской историографиях. Именно поэтому на таких позициях и поныне стоит большинство российских медиевистов¹³³. Несколько иную ситуацию исследователь фиксирует в современной украинской историографии. По его мнению, в частности сборник «Ruthenica» (Киев, 2002) засвидетельствовал «существенную трансформацию взглядов среднего поколения академических историков и археологов на „священную корову“ советской медиевистики — древнерусскую народность»¹³⁴.

Не ставя под сомнение обстоятельность аргументов относительно опровержения сущности положений концепции древнерусской народности, которые приводит Л. Зализняк, в свою очередь Н. Юсова не соглашается с его представлениями об историографическом процессе вокруг этой научной конструкции¹³⁵. В целом дискуссия этих двух историков вокруг отмеченного концепта была одной из самых заметных в прошлом десятилетии в современной украинской историографии этнической истории восточных славян. В итоге Л. Зализняк даже предложил в опре-

деленной степени украиноцентрический подход к древнерусской народности: «Я соглашаюсь с призывом Н. Юсовой конструктивно обновить наработку поколения сталинских этнологов и предлагаю переименовать древнерусскую народность в древнеукраинскую... В отличие от основателей и сторонников древнерусской народности, которая видела в ней то отдельный восточнославянский этнос, то первую фазу развития великороссов, под древнеукраинской народностью я имею в виду не отдельный этнос, а древнерусский этап развития украинцев, которому предшествовала племенная фаза украиногенезиса»¹³⁶.

Не соглашаясь с Л. Зализняком, что концепция древнерусской народности имела в первую очередь идеологическую, а не научную конструкцию, Н. Юсова в конечном итоге и сама приходит к заключению, что этот конструкт предопределялся во многом «партийно-государственными решениями в отрасли исторического образования и науки». Ведь именно в идеологических условиях еще довоенного периода были выдвинуты «положения о Киевской Руси как общем периоде истории восточнославянских народов». Причем это «новое видение Киевской Руси как „общерусского“ государства в конце 1930-х гг. было официально признано и внедрялось в сферу исторической науки и образования в СССР. Эта советская концепция, — подчеркивает Н. Юсова, — создала основную идейно-научную почву для возникновения учения об общем предке современных восточнославянских народов — древнерусской народности»¹³⁷.

В свою очередь Л. Зализняк, не соглашаясь с упреками в свой адрес относительно чрезмерной патриотичности его взглядов, заметил: «[Моя] Концепция опирается на огромную источниковую базу и многочисленные научные аргументы... По-видимому, стоит обсуждать не степень патриотизма научных конструкций, а конкретные научные положения, на которых она построена... Концепции не разделяются на конъюнктурные, политизированные, патриотические, непрофессиональные или профессиональные, устаревшие и современные, а на научные и ненаучные»¹³⁸. С последним высказыванием трудно не согласиться, а следовательно, придется надеяться на дальнейший рост научного конструктивизма, в том числе и относительно исследований этнической истории восточных славян, в частности и в сфере украиногенезиса.

Подытоживая анализ основных тенденций в современной украинской историографии этнической истории восточных славян домонгольского периода, стоит отметить, что, невзирая на теоретически-методологический плюрализм, который появился в научной среде с начала 1990-х гг., проблема этногенеза и украинцев, и других восточнославянских сообществ так и не приобрела более-менее завершенного концептуального оформления. С другой стороны, это позволяет поддерживать существование советских этноисториографических стереотипов отмеченной проблематики, хотя та же концепция «единой древнерусской народности» испытывает сегодня на себе достаточно конструктивную критику.

Нельзя не отметить и расширение исследовательских практик относительно восточнославянского этногенеза и как следствие — появление разных альтернативных его версий. Правда, большинство из них нуждаются в существенном усовершенствовании, углублении и, в первую очередь, основательной теоретически-методологической оснастке, причем не только в историческом, но и в этнологическом контекстах. Последнее, по нашему убеждению, является наибольшим изъяном современных этноисторических изучений восточнославянского прошлого. Надеемся, что более плодотворным в будущем станет и научный диалог в обозначенной сфере между учеными нынешних восточнославянских историографических традиций, что, несомненно, значительно продвинет анализирувавшуюся выше проблему. Ведь осознание наших реальных этнических истоков во многом может предопределить в будущем исторические судьбы всего восточного славянства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Касьянов Г. Націоналізація історії та образ Іншого: Україна і посткомуністичний простір // Образ іншого в сусідніх історіях: міфи, стереотипи, наукові інтерпретації (Матеріали Міжнародної конференції, Київ, 15–16 грудня 2005 р.). Київ, 2008. С. 15.

² Ричка В. Київсько-руська проблематика в українській історіографії останнього десятиліття // Україна–Росія: діалог історіографій. Київ, Чернігів, 2007. С. 33.

³ Етнічні процеси у середньовічному слов'янському світі (Матеріали «круглого столу») // Український історичний журнал (далее — УИЖ). 2001. № 3. С. 3.

⁴ Бондаренко Н.С. Славянский этногенез и становление украинского народа (историографический анализ). Киев, 2007.

⁵ Юсова Н.М. Генезис концепції давньоруської народності в історичній науці СРСР (1930-ті – перша половина 1940-х рр.). Вінниця, 2005. С. 5.

- ⁶ Бондаренко Н.С. Указ. соч. С. 212.
- ⁷ Там же. С. 5
- ⁸ Україна-Росія: діалог історіографій / Редкол.: В.Ф. Верстюк та ін. К.; Чернігів, 2007.
- C. 40.
- ⁹ Толочко О.П., Толочко П.П. Київська Русь // Україна крізь віки. Т. 4. Київ, 1998. С. 288.
- ¹⁰ Бондаренко Н.С. Указ. соч. С. 322–323.
- ¹¹ Смолій В.А., Гуржій О.І. Як і коли почала формуватися українська нація. Київ, 1991.
- ¹² Бондаренко Н.С. Указ. соч. С. 241.
- ¹³ Толочко О.П., Толочко П.П. Київська Русь. С. 293.
- ¹⁴ Моця О.П. Рівні етнічної самосвідомості давньоруського населення // УІЖ. 2006. № 2. С. 5.
- ¹⁵ Толочко П.П. Древнерусская народность: воображаемая или реальная. СПб., 2005. С. 12.
- ¹⁶ Макарчук С.А. Етнічна історія України. Київ, 2008. С. 461.
- ¹⁷ Павленко Ю. Теоретико-методологічні засади дослідження етногенезу східнослов'янських народів у цивілізаційному контексті // Ruthenica. Київ, 2002. Вип. 1. С. 10.
- ¹⁸ Козак Д.Н. Венеди. Київ, 2008. С. 11.
- ¹⁹ Залізняк Л.Л. Чи скресла крига давньоруської народності над Київською Руссю? // Магістеріум. Київ, 2003. Вип. 11. С. 83.
- ²⁰ Там же. С. 84.
- ²¹ Залізняк Л.Л. Ранньосередньовічна версія походження українців // Магістеріум. Київ, 2011. Вип. 45. С. 7.
- ²² Залізняк Л.Л. Походження українців. У лещатах імперських міфів // Магістеріум. Київ, 2005. Вип. 20. С. 97, 98.
- ²³ Шнирельман В. Президенты и археология, или что ищут политики в древности: далекое прошлое и его политическая роль в СССР и в постсоветское время // Ab Imperio. 2009. № 1. С. 302–303.
- ²⁴ Бондаренко Н.С. Указ. соч. С. 7.
- ²⁵ Образ іншого в сусідніх історіях: міфи, стереотипи, наукові інтерпретації (Матеріали Міжнародної конференції, Київ, 15–16 грудня 2005 р.) / Упор. і наук. ред. Г. Касьянов. Київ, 2008. С. 25.
- ²⁶ Касьянов Г. Націоналізація історії та образ Іншого: Україна і посткомуністичний простір. С. 15.
- ²⁷ Толочко П.П. До проблеми етнічної історії Київської Русі // УІЖ. 2001. № 3 С. 14.
- ²⁸ Баран В.Д., Баран Я.В. Історичні витоки українського народу. Київ, 2005 С. 5.
- ²⁹ Ричка В. Указ. соч. С. 22.
- ³⁰ Образ іншого в сусідніх історіях: міфи, стереотипи, наукові інтерпретації. С. 29.
- ³¹ Бондаренко Н.С. Указ. соч. С. 223.
- ³² Скляренко В.Г. Русь і варяги: Історико-етимологічне дослідження. Київ, 2006 С. 113.
- ³³ Павленко Ю.В. Передісторія давніх Русів у світовому контексті. Київ, 1994. С. 319–320, 366, 368 и др.
- ³⁴ Там же. С. 359.
- ³⁵ Макарчук С.А. Указ. соч. С. 96.
- ³⁶ Моця О. З «міфів народів світу»: про час появи східнослов'янських націй // Ruthenica. К., 2002. Вип. 1. С. 64.
- ³⁷ Баран В.Д. Давні слов'яни // Україна крізь віки. Т. 3. Київ, 1998 С. 14.
- ³⁸ Ричка В. Указ. соч. С. 32–33.
- ³⁹ Бондаренко Н.С. Указ. соч. С. 250–251.
- ⁴⁰ Там же. С. 244.
- ⁴¹ Етнічна історія Давньої України: Колективна монографія / П.П. Толочко, Д.Н. Козак, О.П. Моця та ін. Київ, 2000.

- ⁴² *Павленко Ю.* На шляху до створення наукової концепції походження українського народу: Етнічна історія Давньої України. — К., 2000 // Український гуманітарний огляд. Київ, 2001. Вип. 6. С. 25.
- ⁴³ *Павленко Ю.* Теоретико-методологічні засади дослідження етногенезу східнослов'янських народів у цивілізаційному контексті. С. 9.
- ⁴⁴ *Бондаренко Н.С.* Указ. соч. С. 261–262.
- ⁴⁵ *Павленко Ю.* Теоретико-методологічні засади дослідження етногенезу східнослов'янських народів у цивілізаційному контексті. С. 10–11.
- ⁴⁶ *Юсова Н.М.* Указ. соч.
- ⁴⁷ *Попова Т.* Историография сегодня: три штриха с резюме к проблеме институционального кризиса // Историографічні дослідження в Україні. Київ, 2008. Вип. 19. С. 63.
- ⁴⁸ *Толочко О.П., Толочко П.П.* Київська Русь. С. 300.
- ⁴⁹ *Ричка В.* Указ. соч. С. 32.
- ⁵⁰ *Толочко О.П., Толочко П.П.* Київська Русь. С. 288.
- ⁵¹ *Толочко П.П.* Древнерусская народность: воображаемая или реальная. С. 20.
- ⁵² Там же. С. 23.
- ⁵³ *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. М., 1983 С. 286–287; *Івангородський К.В.* Теоретична інтерпретація і типологізація етносоціальних організмів // Матеріали до української етнології: Зб. наук. пр. / За ред. Г. Скрипник. Вип. 8 (11). Київ, 2009.
- ⁵⁴ *Видейко М.Ю.* Украина: от Антов до Руси. Київ, 2009. С. 33.
- ⁵⁵ *Моця О.П.* Дві імперії — два етноси? // УІЖ. 2001. № 3. С. 23.
- ⁵⁶ *Моця О.* З «міфів народів світу»: про час появи східнослов'янських націй. С. 67.
- ⁵⁷ *Залізняка Л.Л.* Ранньосередньовічна версія походження українців. С. 9.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ *Залізняка Л.Л.* Проблеми етногенезу українців з позиції сучасної європейської етнології // Магістеріум. — Київ, 2001. Вип. 6. С. 49.
- ⁶⁰ *Залізняка Л.Л.* Ранньосередньовічна версія походження українців. С. 6.
- ⁶¹ *Седов В.В.* Славяне в древности и раннем средневековье. Т. 2: Славяне в раннем средневековье. М., 1995. С. 107.
- ⁶² *Залізняка Л.Л.* Ранньосередньовічна версія походження українців. С. 9.
- ⁶³ *Півторак Г.П.* Походження українців, росіян, білорусів та їхніх мов (Міфи і правда про трьох братів слов'янських зі «спільної колиски»). Київ, 2001 С. 45.
- ⁶⁴ Там же. С. 58.
- ⁶⁵ Там же. С. 58–59.
- ⁶⁶ *Видейко М.Ю.* Указ. соч. С. 185.
- ⁶⁷ *Козак Д.Н.* Венеди. С. 11.
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ *Терпиловський Р.* Біля витоків слов'янства (за матеріалами Подніпров'я) // Ruthenica. Київ, 2002. Вип. 1. С. 25.
- ⁷⁰ *Денисов Ю.Н.* Славяне: от Эльбы до Волги. М., 2009. С. 4.
- ⁷¹ *Седов В.* Освоєння слов'янами лісових земель Східної Європи // Етногенез та рання історія слов'ян: Нові наукові концепції на зламі тисячоліть: Матеріали міжнародної конференції. Львів, 2001. С. 21–33.
- ⁷² *Макарчук С.А.* Указ. соч. С. 102–103.
- ⁷³ *Видейко М.Ю.* Указ. соч. С. 5, 38.
- ⁷⁴ Там же. С. 36–37.
- ⁷⁵ *Терпиловський Р.* Указ. соч. 39–40.
- ⁷⁶ *Баран В.Д.* Давні слов'яни. С. 12.
- ⁷⁷ *Баран В.Д., Баран Я.В.* Історичні витоки українського народу. С. 7.
- ⁷⁸ *Баран В.Д.* Давні слов'яни. С. 14.

- ⁷⁹ Козак Д.Н. Основні напрями етногенетичного розвитку племен України в 1 тис. н. е. (проблема етногенезу слов'ян) // УІЖ. 2001. № 3 С. 13.
- ⁸⁰ Там же. С. 13–14.
- ⁸¹ Залізняк Л.Л. Проблеми етногенезу українців з позиції сучасної європейської етнології. С. 50; Залізняк Л. Етногенез українців, білорусів та росіян // Пам'ять століть. 1997. № 4. С. 9–13.
- ⁸² Баран В.Д., Баран Я.В. Історичні витоки українського народу. С. 195.
- ⁸³ Козак Д.Н. Венеди. С. 7.
- ⁸⁴ Там же. С. 217.
- ⁸⁵ Півторак Г.П. Указ. соч. С. 35.
- ⁸⁶ Баран В.Д. Давні слов'яни. С. 77.
- ⁸⁷ Сегеда С.П. Етногенетичні процеси на території Русі-України за даними антропології // УІЖ. 2001. № 3. С. 89.
- ⁸⁸ Толочко О.П., Толочко П.П. Київська Русь. С. 33.
- ⁸⁹ Толочко П.П. Древнерусская народность: воображаемая или реальная. С. 26.
- ⁹⁰ Толочко А.П. Воображенная народность // УІЖ. 2001. № 3. С. 29.
- ⁹¹ Півторак Г.П. Указ. соч. С. 23.
- ⁹² Макачук С.А. Указ. соч. С. 459.
- ⁹³ Баран В.Д. Давні слов'яни. С. 31, 214, 217.
- ⁹⁴ Там же. С. 247.
- ⁹⁵ Баран В.Д., Баран Я.В. Історичні витоки українського народу. С. 8.
- ⁹⁶ Терпиловський Р. Указ. соч. С. 39.
- ⁹⁷ Видейко М.Ю. Указ. соч. С. 38.
- ⁹⁸ Толочко О.П., Толочко П.П. Київська Русь. С. 288.
- ⁹⁹ Толочко П.П. Древнерусская народность: воображаемая или реальная. С. 11.
- ¹⁰⁰ Там же. С. 60.
- ¹⁰¹ Там же. С. 66.
- ¹⁰² Баран В.Д., Баран Я.В. Історичні витоки українського народу. С. 193.
- ¹⁰³ Баран В.Д. Давні слов'яни. С. 248.
- ¹⁰⁴ Там же. С. 250.
- ¹⁰⁵ Півторак Г.П. Указ. соч. С. 67.
- ¹⁰⁶ Макачук С.А. Указ. соч. С. 112.
- ¹⁰⁷ Там же. С. 99.
- ¹⁰⁸ Там же. С. 104, 107.
- ¹⁰⁹ Залізняк Л.Л. Чи скресла крига давньоруської народності над Київською Руссю? С. 86–87.
- ¹¹⁰ Залізняк Л.Л. Ранньосередньовічна версія походження українців. С. 11.
- ¹¹¹ Залізняк Л.Л. Проблеми етногенезу українців з позиції сучасної європейської етнології. С. 50.
- ¹¹² Залізняк Л.Л. Ранньосередньовічна версія походження українців. С. 12.
- ¹¹³ Толочко О.П., Толочко П.П. Київська Русь. С. 294.
- ¹¹⁴ Толочко П.П. Древнерусская народность: воображаемая или реальная. С. 23.
- ¹¹⁵ Там же. С. 24.
- ¹¹⁶ Толочко П.П. До проблеми етнічної історії Київської Русі. С. 15.
- ¹¹⁷ Толочко О.П., Толочко П.П. Київська Русь. С. 312.
- ¹¹⁸ Там же. С. 295.
- ¹¹⁹ Там же.
- ¹²⁰ Толочко П.П. Древнерусская народность: воображаемая или реальная. С. 31.
- ¹²¹ Там же. С. 13.

- ¹²² *Макарчук С.А.* Указ. соч. С. 97–98.
- ¹²³ Там же. С. 99.
- ¹²⁴ Там же. С. 111.
- ¹²⁵ *Баран В.Д.* Давні слов'яни. С. 250.
- ¹²⁶ *Баран В.Д., Баран Я.В.* Історичні витоки українського народу. С. 7–8.
- ¹²⁷ *Толочко А.П.* Воображенна народність. С. 115.
- ¹²⁸ *Залізняк Л.Л.* Чи скресла крига давньоруської народності над Київською Руссю? С. 90.
- ¹²⁹ *Залізняк Л.Л.* Древнерусская чи давньоукраїнська народність? // Магістеріум. Київ, 2009. Вип. 36. С. 70.
- ¹³⁰ Там же.
- ¹³¹ *Залізняк Л.Л.* Походження українців. У лещатах імперських міфів. С. 99.
- ¹³² *Залізняк Л.Л.* Проблеми етногенезу українців з позиції сучасної європейської етнології. С. 53.
- ¹³³ Там же. С. 51.
- ¹³⁴ *Залізняк Л.Л.* Чи скресла крига давньоруської народності над Київською Руссю? С. 82.
- ¹³⁵ *Юсова Н.М.* Указ. соч. С. 30.
- ¹³⁶ *Залізняк Л.Л.* Древнерусская чи давньоукраїнська народність? С. 72, 74.
- ¹³⁷ *Юсова Н.М.* Указ. соч. С. 363–364, 386.
- ¹³⁸ *Залізняк Л.Л.* Ранньосередньовічна версія походження українців. С. 11.

Сергей Алексеевич
ГАНУС

**Офіцинський Р.А. Іван Франко
в історіографічному трикутнику:
інтерпретації, джерела, взаємини.
Ужгород: Гражда, 2011. 244 с.**

Жизнь и деятельность фигур масштаба Ивана Франко как в исторической публицистике, так и в исследованиях, претендующих на статус научных, удостоивается оценок в превосходной степени. Определений его значения в истории и культуре Украины, соответствующих многогранности личности Ивана Франко, имеем множество: выдающийся поэт и писатель, известнейший, оперативно реагирующий на события и склонный к глубоким обобщениям публицист, талантливый ученый, крупный политический деятель, один из основателей первой в Украине политической партии современного типа, творец национальной идеи и т.д. Со всем этим поспорить трудно. Даже у таких ультраконсервативных в национальном вопросе авторов, как С.Н. Щеголев и Н.И. Ульянов, изыскивавших проявления и истоки «украинского сепаратизма», мы не найдем раздраженных упреков в его адрес.

В советские времена, особенно с момента возрождения великодержавной схемы отечественной истории в 1930-х гг. лидеры и идеологи украинского национального движения, в лучшем случае, были преданы забвению, а в худшем — заклеены то ли как реакционные представители украинского буржуазного национализма, то ли как агенты влияния австро-германского империализма. С Иваном Франко этого не произошло, и его «легитимность» также не подвергалась сомнению. Это было обусловлено потребностью выработать уточненные координаты истории Украины в связи с присоединением западно-украинских земель после «четвертого раздела» Польши в 1939 г. Чтобы заменить националистическую традицию чествования И.С. Мазепы,

М.С. Грушевского и иных мифологизированных поборников украинской национальной идеи, советская власть буквально вскоре после 17 сентября 1939 г. начала развивать на западно-украинских землях официальный культ Ивана Франко как местного соответствия Т.Г. Шевченко, «двойного отца» — протосоциалиста и отца нации. Восточно-украинские придворные поэты Микола Бажан и Андрей Малышко возглавили первое официальное паломничество к погребению Ивана Франко во Львове всего через 10 дней после вступления Красной армии в город¹. Однако канонизация этого во многом выдающегося человека началась значительно раньше, уже в первые годы после его безвременной кончины. Этот импульс не исчерпан и поныне.

На современном этапе трудности, связанные с конструированием приемлемой для всего многонационального украинского общества концепции национальной истории, каковая, помимо всего прочего, строилась бы на фундаменте строгой научности, являются вопросом, который со всей остротой продолжает пребывать на повестке дня. Для бывших имперских окраин, а после — республик Союза ССР, в том числе и для Украины, самый простой способ найти основу для формирования новой идентичности — это построить ее, отталкиваясь от имперского и советского прошлого как от некоей антитезы². Используя мифы как самый подходящий «клей истории»³, постсоветские историографии (и украинская не является исключением) создают пантеон персоналий собственного национального прошлого, наделяя их не важно, положительными или отрицательными акцентированными и гиперболизированными чертами героев/антигероев, что является прямым продолжением эпистемологии, свойственной их предшественнице — историографии советской.

Все это создает для исследователя очевидные трудности при попытках оживить, «очеловечить» образ Ивана Франко, представить непредвзятые и взвешенные оценки фактов его жизни, творческой и политической деятельности. Но в наличии также и предпосылки, могущие помочь в решении этой задачи. Библиография, посвященная Ивану Франко, насчитывает более 6 тысяч наименований, то есть в изучении различных аспектов его биографии можно опереться на давнюю традицию и накопленный

опыт. Создана также институциональная структура, являющаяся ведущим центром исследований соответствующих вопросов. Речь идет об Институте франковедения при Львовском национальном университете. К Ивану Франко не ослабевает общественный интерес, а многие публичные и научные мероприятия, связанные с его именем, обеспечены поддержкой государства. Свидетельством его востребованности, в частности пользователями интернета, может стать статистика посещений страниц украинского сегмента Википедии. Статья, посвященная Ивану Франко, находится на четвертом месте по частоте посещений по состоянию на конец 2010 г. после таких страниц, как «Тарас Григорьевич Шевченко», «Украинский язык», «Всемирная история» (С. 16 предлагаемой вниманию книги⁴). И, пожалуй, главное: в распоряжении и ученых, и обычных читателей есть 50-томное собрание сочинений, изданное в 1976–1986 годах и оказавшееся... далеко не полным. В нем подвергнуты купюрам многие произведения Ивана Франко, особенно — его политическая публицистика. На сегодняшний день оно дополнено еще 3 томами. Кроме того, много писем осталось в архивах. Поэтому Институт франковедения совместно с Институтом литературы им. Т. Шевченко Национальной академии наук Украины инициировали не совсем типичный для глобальной электронной сети проект по свободному доступу к цифровым копиям. Таким образом, в распоряжении исследователей — достаточно обширная источниковая база с упрощенным режимом доступа.

Представляемая монография профессора Ужгородского национального университета Р.А. Официнского является результатом достаточно длительной (еще со студенческих лет) разработки автором различных, зачастую малоизвестных срезов биографии, личностных контактов Ивана Франко, его самореализации как ученого, публициста, писателя, политика. Конечно же, с учетом уже достаточно объемного багажа накопленных знаний об Иване Франко пытаться вновь воссоздавать в целостном виде его биографию — значит обрекать себя на неизбежные повторы уже давно и хорошо известного. Собственно, автор и не ставил это своей целью. Книга представляет собой ряд исторических очерков. Такая композиция обусловлена намерением автора ознакомить

читателя с историографическими интерпретациями, а также наполнить содержанием малоизвестные страницы жизни Ивана Франко, его деятельности как историка и археографа. Первый очерк, служащий введением ко всей книге, содержит небезыңтересные сообщения о том, как сам автор формировал на протяжении уже более двадцати лет научный интерес к своему главному герою. Это дает нам возможность проникнуть на исследовательскую «кухню», а также понять логику «развития сюжета», подплеку высказанных автором суждений, выбора изучаемых им проблемных вопросов франковедения.

Следующий очерк любопытен стремлением автора представить синтез обстоятельств земной жизни Ивана Франко и ее прямого продолжения — жизни в памяти потомков, общественном сознании, на страницах книг, в сюжетах фильмов, медиапроектов и т. д. О том, что в воссоздании отдельных эпизодов биографии Ивана Франко вполне возможны пусть и небольшие, но тем не менее открытия, уточнения, новые интерпретации, имеется, хоть и косвенное, однако довольно красноречивое свидетельство. В 2007 г. в запаснике Закарпатского областного художественного музея им. И. Бокшая был выявлен выполненный в 1908 г. маслом в импрессионистской манере портрет Ивана Франко кисти известного украинского художника-модерниста Ивана Труша. Очевидно, что к подобным открытиям стремится и Р.А. Официнский, который сообщает о перипетиях неудавшегося номинирования Ивана Франко на Нобелевскую премию в области литературы, малоизвестных фактах его научной карьеры, которая вовсе не представляла собой усыпанного лепестками роз пути к вершинам признания, о его попытках выдвинуть свою кандидатуру на выборах в австрийский рейхсрат, обстоятельствах его троекратного ареста (причем власть во всех трех случаях не смогла предъявить доказательных обвинений) и т. д.

Отдельного внимания заслуживают суждения Р.А. Официнского по поводу отстаиваемой современным украинским историком Я. Грицаком гипотезы о наличии в родословной Ивана Франко немецких предков. Соответственно, его фамилию следует произносить с ударением на первом слоге, как у испанского каудильо, на чем настаивали, в частности, дети Ивана Франко

во время обучения в школе. Сам он был убежден в том, что его отец происходил из немецких колонистов, пришедших в Галицию в начале австрийского господства (С. 53). Стремясь опровергнуть эту версию, Р.А. Официнский ссылается на распространенное в крае смещение ударения с последнего на предыдущие слоги в произношении личных имен и различных наименований (С. 54). По нашему мнению, используемый диалектологический аргумент недостаточно убедителен. Нельзя исключить влияния немецкого языка на особенности речевых конструкций в местах значительного присутствия в прошлом колонистов. Мы можем также сослаться на отмеченное Л. Рудницким — глубоким знатоком литературного и эпистолярного наследия Ивана Франко — совершенное и органичное владение немецким языком, «чему мог бы позавидовать не один немецкий писатель»⁵, что может также быть объяснено генетически унаследованным влиянием. В любом случае, для подтверждения или же опровержения «немецкой гипотезы» происхождения Ивана Франко требуются дополнительные генеалогические изыскания. Ну а источники для решения этой задачи — приходские метрические книги — в упорядоченном состоянии хранятся в Центральном государственном историческом архиве Украины в г. Львове.

Еще один сложный сегмент биографии Ивана Франко, представленный в рассматриваемой книге, — это его извилистая и не вполне успешная по формальным критериям стезя научной карьеры. Получение им высшего образования и докторской степени связано с тремя университетами — Львовским, Черновицким и Венским. К овладению докторским дипломом Иван Франко стремился и по собственным побуждениям, и по настоянию супруги Ольги Хоружинской, а ранее — отца Ольги Рошкевич, брак с которой по ряду обстоятельств не состоялся (С. 36). Несомненно, что эти практически мыслящие люди из его близкого окружения верно оценивали все материальные и социальные выгоды предполагаемой профессорской карьеры.

«Крестным отцом» докторской работы Ивана Франко стал ученый с мировым именем Ватрослав Ягич, работавший к тому времени в Венском университете. В славистическом семинаре у Ягича им был прочитан реферат о старохристианском романе

«Варлаам и Иоасаф». Несмотря на то, что Иван Франко ранее уже занимался творчеством крупного украинского церковного писателя XVI в. Ивана Вышенского и планировал предложить в качестве диссертации посвященную ему немецкоязычную монографию, Ягич сумел настоять на смене направления исследования, результатом чего стала успешная защита докторской работы 1 июля 1893 г. (С. 37–39). Однако тот же Ягич позже сыграл роль своего рода злого гения, выставив возражения против выдвижения кандидатуры Ивана Франко на звание члена-корреспондента Санкт-Петербургской академии наук на вакантное место по разряду изящной словесности в связи с кончиной академика Александра Николаевича Веселовского.

Справедливости ради отметим, что выдвижение кандидатуры Ивана Франко, предпринятое А.А. Шахматовым и Ф.Е. Коршем, было заблокировано также В.И. Ламанским, А.И. Соболевским, Е.Е. Голубинским, Н.П. Кондаковым⁶. Единодушные консервативно настроенных академиков было просто поразительным, ибо Е.Е. Голубинский был историком церкви и относился к иному академическому разряду, а Н.П. Кондаков являлся действительным членом Академии художеств. Это вызвало искренний гнев Ф.Е. Корша, который выплеснул его в письме А.А. Шахматову от 16 марта 1907 г.: «А какое мерзостное явление — черная сотня, то ли в Академии, то ли на улице? Кто ее жертвы? Не такие же чело-веконенавистники и убийцы, как ее гласные и негласные члены, а Герценштейн, Иоилос и — Франко»⁷. Таким образом, имя Ивана Франко было расположено рядом с именами убитых во время погромов евреев и сам он, в той или иной мере, предстал как жертва поднявшейся в России во время революции 1905–1907 годов шовинистической черносотенной волны.

Вернувшись к В. Ягичу, мы вынуждены отметить, что его возражения были едва ли не решающими, ибо, будучи действительным членом Академии наук, он имел также во многом заслуженную репутацию одного из ведущих в мировой науке славистов, да еще и руководил докторской диссертацией самого соискателя. Ягич был человеком охранительно-лоялистских убеждений. В письме А.А. Шахматову от 2 марта 1907 г. он резко высказывался против «мечтаний малороссийского юношества» по поводу не-

зависимого украинского государства, одновременно пространно рассуждая о перспективах переустройства России на либеральных началах (С. 43). В его понимании, очевидно, Австро-Венгрия была уже вполне переустроена на подобных началах. Нельзя исключить и отмеченных авторитетным специалистом по истории славяноведения Л.П. Лаптевой таких нелицеприятных личностных черт В. Ягича, как высокомерное отношение к деятельности многих русских (как видим, и украинских. — С. Г.) ученых, что объяснено, среди иного, западным снобизмом⁸.

А вот письмо В. Ягича А.А. Шахматову от 8 ноября 1905 г., упоминаемое Р.А. Официным, имеет отношение к иному, хотя также академическому сюжету. Речь идет о знаменитом запросе российского Министерства народного просвещения по поводу целесообразности сохранения запретительных мер против употребления украинского языка, адресованном в Академию наук. Для его рассмотрения предполагалось создать комиссию во главе с Ф.Е. Коршем с участием В. Ягича и Ивана Франко. Вот тогда Ягич, хотя опять же не впервые, высказал свое мнение, обосновывая отвод кандидатуры последнего. Еще ранее таким же образом он выступил против привлечения своего ученика к проекту издания «Энциклопедии славяноведения», где Ивану Франко планировалось поручить написание раздела о развитии украинского литературного языка. В письме А.А. Шахматову от 2 апреля 1905 г. Ягич, не скрывая своего раздражения, писал: «Очень конечно плохо, что они (т.е. М.С. Грушевский и И.Я. Франко. — С. Г.) возглавляют весь литературный и научный процесс и что центр «малороссийской духовной жизни» перешел во Львов. Что касается украинского языка, то они даже писать на украинском языке не умеют, то как они напишут исторический очерк «О развитии украинского литературного языка»?⁹ Подобные вещи странно читать о людях, являющихся носителями оногo. Если Грушевского действительно можно упрекнуть в небезупречности литературной стороны его украиноязычных сочинений, то Иван Франко имел и достаточный научный опыт в сфере филологических и фольклористических исследований, и был часто печатаемым, востребованным публицистом и писателем, плодотворно занимающимся, помимо прочего, переводческой

деятельностью. Кто же, в таком случае, мог лучше его справиться с задачей составления энциклопедического очерка относительно развития украинского языка? Может быть, сам Ягич был более компетентен в этом вопросе? Комментарии, как говорится, излишни. В силу этого, навряд ли он стал протестовать против выдвижения кандидатуры Ивана Франко на вакантную академическую должность, как отмечено Р.А. Официнским, неожиданно (С. 42). Его реакция являлась вполне предсказуемой и логичной, причем проявленной уже в который раз.

В книге верно поясняется, что возглавляющий администрацию королевства Галиции и Лодомерии граф Казимир Бадени, заигрывавший с местными национал-либералами, стал главным препятствием на пути Ивана Франко к приват-доцентуре во Львовском университете им. императора Франца. Соискатель прошел все необходимые габилитационные процедуры, а именно: рассмотрение уровня его квалификации специально созданной для этого комиссией с обязательной оценкой опубликованного монографического научного произведения; сдачу экзамена и прочтение пробной лекции, посвященной разбору поэмы Т.Г. Шевченко «Наймичка». Университетский сенат принял решение в пользу кандидата. Оставалось лишь подать формальное прошение в Министерство вероисповеданий и просвещения в Вену, что было прерогативой галицийского наместника. Однако тот отказал, мотивируя это сомнительным политическим прошлым (С. 41) и вменив в вину Ивану Франко связи с «известным радикальным украинофилом Драгомановым», а также создание украинской радикальной партии, «которая имеет социалистические тенденции на национальной почве, враждебно выступает против государства, церкви, зажиточных классов»¹⁰. Нам бы лишь хотелось добавить к этому одну немаловажную деталь. Поскольку полная «формула неблагонадежности» была налицо, то, по мнению К. Бадени, ее не перевешивали даже несомненные блестящие способности и красноречие соискателя должности, который, устроившись в университет, тем самым получил бы возможность «заманивать университетскую молодежь в радикальный или социал-демократический лагерь»¹¹. В конечном итоге должность приват-доцента так и не была получена.

За этими штрихами биографии Ивана Франко просматривается тот исторический контекст, который является необходимым для успеха любого исследования в жанре портрета на фоне эпохи. На данном конкретном примере мы получаем один из многочисленных доводов для вывода об ограниченности конституционно-либерального переустройства Австро-Венгрии и законодательных гарантий свободы политической деятельности, по поводу которых известный австрийский ученый Э. Цёлнер — автор обобщающей работы по истории своей страны — рассуждает вполне трезво, взвешенно и без особых восторгов. В то же время в современной украинской историографии наблюдается известная переоценка либеральных тенденций во внутренней политике правительства Цислейтании. Эта политика, по словам отдельных авторов, вела к бурному развитию национально-культурной жизни и становлению гражданского общества в Восточной Галиции¹². Английский автор Э. Вилсон, на мнение которого часто ссылаются, выстраивая такие суждения, как нам кажется, ясно и недвусмысленно объяснил мотивацию действий австрийской власти в ее политике уступок в украинском вопросе. Он пишет, что русинов «обеспечили ключевыми институциональными и социальными ресурсами, чтобы сдержать польские амбиции в таких рамках, которые отвечали бы интересам Габсбургов»¹³. Такого же мнения и известный канадский историк П.-Р. Магочи, который, указав на зависимость венского правительства от главенствующего в Галиции социально-политического слоя, состоявшего почти сплошь из поляков, прямо утверждал, что украинцы стали меньшинством, вынужденным отчаянно бороться за каждую уступку в национальном вопросе¹⁴. Один из наиболее основательных российских украинистов И.В. Михутина резонно отмечает также, что антироссийский вызов умеренных галицийских либералов-народовцев на фоне все более заметного российско-австрийского антагонизма был на руку официальной Вене как действенный инструмент ее политики. Столь же перспективной представлялась австрийским министрам уравнивающая роль народовства в отношении москвофилов¹⁵. Такая ситуация длилась до 1918 г.

Более выгодные условия национально-культурного развития и общественно-политической активности украинцев Восточной

Галиции по сравнению с практикой жестких запретов и удерживаний, осуществляемой в отношении украинского вопроса в России, являются очевидными. Не стремясь преуменьшить значение первых, мы, тем не менее, солидаризируемся с теми исследователями, которые оценивают их как уступки тактического характера, которые помогали управлять большим регионом многонациональной Дунайской монархии, опираясь на принцип «разделяй и властвуй». Выход за субъективно трактуемые кем-либо из властей предрешающих рамки дозволенного, как нам показал пример Ивана Франко, влек за собой негативные последствия в виде арестов, заключения, препятствий в трудоустройстве по призванию и квалификации и т. д. Обращаем особое внимание, что в качестве соискателя он соответствовал всем необходимым требованиям для занятия должности приват-доцента в университете. Однако в решении его судьбы оказалось достаточно субъективных мотивов, одного лишь предположения высокопоставленного чиновника о том, что тот будет в стенах высшего учебного заведения заниматься недозволенной деятельностью, поскольку имел к ней отношение в прошлом. Ну а Русско-украинская радикальная партия, одним из лидеров которой был Иван Франко, отнюдь не пребывала в подполье. Эта была легальная партия, вовсе не призывающая к немедленным бунтам и восстаниям, свержению престола и имевшая представительство в австрийском парламенте и Галицийском краевом сейме. Однако членство в ней, по мнению К. Бадени, было лишним свидетельством неблагонадежности и непреодолимым препятствием к преподавательской карьере. С учетом всего этого, да еще и детально описанных в рассматриваемой книге обстоятельств преследования Ивана Франко по политическим мотивам на основании весьма шатких обвинений с троекратными арестами и содержанием под стражей в общей сложности 14 месяцев (С. 44–45), как-то сильно тускнеет образ «гражданского общества», якобы выпестованного австрийской властью в «украинском Пьемонте».

Весьма характерными нам представляются отмеченные Р.А. Официнским попытки представителей зачастую диаметрально противоположных политических сил современной Украины записать Ивана Франко в свой актив (С. 46). Он действительно

дает для этого основания, будучи смолоду адептом социалистической идеи (причем в разных ее модификациях — драгомановец, марксист, фабианец, радикал), впоследствии, в конце 1890-х годов перейдя в правый лагерь национал-демократов (С. 48–49). Объяснением этому является отнюдь не эластичность мировоззренческих и политических принципов Ивана Франко. В этом отношении он безупречен. Поскольку в мышлении Ивана Франко отсутствовал догматизм, то он, соответственно, «не воспринимал какую-либо доктрину на веру, критически взвешивая ее жизнеспособность» (С. 49). Так, разобравшись в существующем каноническом варианте социалистического учения, он отверг его краеугольный камень — концепцию «народного государства», в котором правящая верхушка наделена властью, какой «не имели наибольшие деспоты» (С. 48). В то же время, присоединившись в 1899 г. к Национал-демократической партии, Иван Франко вышел из нее через несколько лет, мотивируя свой шаг невыполнением ею программных установок (С. 47–48).

Нам кажется достаточно важной констатация Р.А. Официнским того факта, что на протяжении политической деятельности Иван Франко не подвергал кардинальному пересмотру своего отношения к некоторым принципиальным положениям социалистических теорий (С. 48), представлявшимися ему применимыми к общественной практике (об этом поведем речь несколько ниже). Он не отказался от них даже после перехода в правоцентристскую Национал-демократическую партию. Этого от него и не требовалось, ибо, по наблюдению С. Плохия, указанная партия, возникшая вследствие энергичных инициативных действий М.С. Грушевского после его переезда во Львов, была призвана объединить усилия части радикалов и либералов-народовцев, недовольных скромными достижениями «нового курса» австрийской политики в регионе (1890–1894 гг.), инициированного К. Бадени. Грушевский лично убеждал Ивана Франко в целесообразности такого объединения, чтобы заменить маргинальную, по его мнению, группу левых представительной политической партией с широкой социально-политической базой. Партия имела своеобразный минимум и максимум выдвигаемых целей. Конечной целью ее программа провозглашала достижение культурной, экономичес-

кой и политической независимости объединенного «украинско-русского народа». Ну а в существующих условиях первым шагом должна была стать национальная автономия украинских земель в Габсбургской монархии с одновременной всесторонней поддержкой украинского движения в Российской империи¹⁶. К слову, в связи с тем, что партия не предпринимала каких-либо серьезных усилий в достижении программных задач по причине нахождения у руля руководства соглашательских народо-вских политиков, от нее отошел не только Иван Франко, но и М.С. Грушевский.

Так где же ключ для понимания политических зигзагов в биографии Ивана Франко? А он лежит на поверхности. В автобиографических записях, два пространных отрывка из которых мы вынуждены процитировать, он сам пояснял: «Как сын украинского крестьянина, выкормившийся черным крестьянским хлебом... чувствую себя обязанным барщиной целой жизни отработать эти гроши, выданные крестьянской рукой на то, чтобы я мог выкарабкаться на высоту, где... яснее общечеловеческие идеалы. Мой украинский патриотизм — это... тяжелое ярмо, которое судьба возложила на мои плечи... скинуть его я не могу, другой родины искать не могу, потому что тогда бы я совершил подлость по отношению к своей совести. И если что облегчает мне двигать это ярмо, так это то, что вижу украинский народ, как он, хоть угнетенный... но все-таки помалу поднимается... Таким образом, стоит работать для этого народа и никакой честный труд не пропадет напрасно»¹⁷.

Как бы это ни звучало непривычно в нынешних прагматических условиях, Иван Франко как человек, политик, литератор руководствовался возвышенными мотивами поиска идеала, тех совершенных общественных форм, которые могли бы облегчить страждущую юдоль народа, к которому он принадлежал. Р.А. Официнский в своей книге делает оговорку о том, что клеймо неблагонадежности было получено Иваном Франко вследствие его увлечения идеями М.П. Драгоманова, который из прекрасного далёка — безопасной Женевы дистанционно дирижировал молодыми галицийскими единомышленниками (С. 45). Мощное влияние Драгоманова на формирование мировоззрения Ивана Франко является несомненным, о чем свидетельствует

увесистый том их переписки¹⁸. Однако вряд ли в их отношениях кто-то был ведущим, а кто-то ведомым. Сторонником драгомановского «громадовского», или же общинного социализма Иван Франко стал не по недомыслию, не вослед некоей моде или же по причине слабовольности. В определенный период его жизни идеи М.П. Драгоманова стали его собственными по глубокому убеждению. Очевидно, что Р.А. Официнский и сам это понимает, подчеркивая, что девиз «для Украины жить», провозглашенный Иваном Франко, сочетающим в себе такие личностные качества, как интеллектуальную свободу и гражданское мужество, обозначает воплощение общественного идеала, а не реализацию чисто личных интересов (С. 50). Этому есть множество подтверждений.

Очень важно знать, что Иван Франко вовсе не идеализировал «народ», не выписывал его умилительный лубочно-этнографический образ и не наделял его мыслимыми и немислимыми добродетелями. Характеристики этого «народа» жестки и беспощадны, когда Иван Франко пишет: «Не люблю русинов. Так мало среди них нашел я правдивых характеров, а так много мелочности, узкой глупости, двуличности и заносчивости, что, действительно, не знаю, за что мог бы я их любить... Даже Руси нашей не люблю так и в такой мере, как это делают или притворяются, что делают, патентованные патриоты... Чтобы любить ее историю, для того довольно хорошо ее знаю, очень горячо люблю общечеловеческие идеалы справедливости, братства и свободы, чтобы я не мог чувствовать, как мало в истории Руси примеров... правдивой любви... Почти на каждом шагу следовало бы разве рыдать над нею... Или, может, должен любить Русь как расу, — эту расу отягощенную, неуклюжую, сентиментальную... так мало способную к политической жизни..., а такую изобильную на перевертышей? Когда, вместе с тем, чувствую себя русином, то... принуждает меня к этому чувству собачьей обязанности»¹⁹. В силу этого нам кажется неслучайным творческий интерес Ивана Франко к образу ветхозаветного пророка Моисея, выведшего еврейский народ из плена египетского. Ему посвящена одноименная драма, на сюжет которой украинский композитор Мирослав Скорик написал монументальную оперу. Поэзия и политика — как и в польской романтической традиции — в понимании Ивана Фран-

ко также взаимопереплетаются. В силу этого очень удачным нам представляется название одной из книг Я. Грицака, в которой Иван Франко назван «пророком в своей отчизне».

В советской историографии, пользовавшейся определением революционера-демократа к месту и не к месту, замалчивались страницы биографии и письменного наследия Ивана Франко, которые не вписывались в априорно сконструированный образ. Этим, кстати, объясняется заметное количество изъятий в 50-томнике его произведений. Отношение Ивана Франко к революционной идее неоднозначно по следующим соображениям. Он не отвергал революционного пути как способа решения назревших социальных и политических проблем, хотя, по всей видимости, не считал его единственным. В силу этого нам представляются достаточно убедительными аргументы канадского автора С. Екельчика, который полагает, что характеристика Ивана Франко как революционера-демократа, по крайней мере в отдельные периоды его жизни, вполне отображает реальное положение вещей. Оппонируя известному диаспорному историку И. Лысяку-Рудницкому, отрицающему принадлежность Ивана Франко к революционному крылу общественно-политического движения по той причине, что тот не предусматривал необходимость вооруженного переворота или каких-либо иных насильственных политических действий, С. Екельчик приводит доводы из его литературного, публицистического, эпистолярного наследия, аргументированные интерпретации фактов его биографии²⁰. В письме невесте Ольге Рашкевич от 20 сентября 1878 г. Иван Франко пояснял, что под революцией он понимает не бунт бедных против богатых, не всемирную резню. Революция есть «целый великий ряд таких культурных, научных и политических фактов, будь они кровавы или же вовсе нет, которые изменяют все существующие понятия и основу и целое развитие какого-либо народа поворачивают на совершенно иной путь»²¹. Как мы видим, радикальные изменения в жизни общества, по убеждению Ивана Франко, могут быть достигнуты как революционным порывом, так и ненасильственными действиями, т. е. путем глубоких реформаторских преобразований, могущих иметь кардинальные последствия.

После смерти М.П. Драгоманова в 1895 г. Иван Франко постепенно отходит от социалистической теории, сохраняя при этом в своем идейном арсенале некоторые ее принципы. Как полагает Р.А. Официнский, этот процесс был завершен в 1903 г., когда появилась его программная статья «Что такое прогресс?» («поступ» по терминологии И. Франко). В западной науке портрет Ивана Франко как идеолога и политика традиционно изображают двумя красками, отличая молодого и зрелого мыслителя²². Этого в целом верного взгляда придерживается и Р.А. Официнский. Однако привела ли Ивана Франко эволюция его общественно-политических убеждений в либерально-демократический лагерь, как отмечается в рассматриваемой книге (С. 49)? В этом мы считаем необходимым усомниться. Вышеизложенные мысли из автобиографических записей, разочарование в Национал-демократической партии дают возможность утверждать, что речь шла не о поправении Ивана Франко как политика и идеолога. Собственно, сам Р.А. Официнский пишет о том, что он видел будущее своего народа в выработке высокого уровня национального сознания, создании независимой украинской государственности и следовании по пути социального прогресса (С. 46, 48–49). Однако в тех реальных исторических условиях, которые имели место на родине Ивана Франко в то время, социальный прогресс был немислим без слома существующей системы социально-экономических отношений, при которой трудящемуся люду жилось весьма несладко. Наиболее удачное определение идейного статуса Ивана Франко в зрелый период жизни, по нашему мнению, предложил Я. Грицак, отнеся его к сторонникам демократического национализма²³ (довольно редкостной его разновидности в странах Центрально-Восточной Европы. — С. Г.).

Мы уже отмечали, что в книге Р.А. Официнского Иван Франко «очеловечен», демифологизирован, что является как достижением автора, так и следованием уже сложившейся определенной традиции создания научной биографии, в том числе и нашего главного героя. Реализация подобного подхода была достигнута разбором паутины личных взаимоотношений Ивана Франко с близкими ему людьми, единомышленниками и оппонентами, а также показом тех реальных обстоятельств, которые складывались в его жизни, причем вовсе не приукрашенных.

Тщательно выписаны проявления романтических увлечений Ивана Франко, возымевших заметное влияние на его поэтическое творчество, поиски спутницы жизни, прежде всего среди представительниц учительской профессии польского и украинского происхождения, и, наконец, его женитьба на дворянке, получившей педагогическое образование в Харьковском Институте благородных девиц и на Высших женских курсах в Киеве Ольге Хоружинской. Этот брак был назван гостями на свадьбе «соборным», ибо супруги представляли две разделенные части Украины. По социальным критериям брак был неравным (внучка генерала), а вот по человеческим — наоборот. Ольга Хоружинская владела пятью языками, занималась этнографическими исследованиями, сотрудничала в украинском журнале «Жизнь и слово». Однако основной своей обязанностью она считала налаживание комфортного домашнего быта и взаимопонимания в семье. В 1995 г. было издано принадлежащее ее авторству пособие «Практическая кухня» в трех выпусках. Брак Ивана Франко и Ольги Хоружинской можно было бы назвать счастливым, если бы не поразивший женщину тяжелый душевный недуг. Что же касается Ивана Франко, то с молодых лет он слыл сторонником эмансипации, феминизма, гендерного равенства (С. 57–64), что повлияло на установление гармонии в его семейных отношениях.

В последнее время в газетно-журнальных и интернет-изданиях, исходя из мотивов сенсационных «разоблачений» рейтинговых исторических деятелей и, соответственно, повышения читательского спроса, стала тиражироваться версия о том, что, дескать, склонность Ивана Франко к амурным похождениям возымела последствия в виде дурной болезни. Этот вопрос был поднят Р.А. Официнским (С. 66–67). Действительно, в последние годы жизни Иван Франко страдал тяжкими психосоматическими расстройствами, кстати, наследственными в его семье. Сначала его мучили ужасные боли в кистях рук, потом случился частичный паралич. Это усложнялось приступами бреда и галлюцинациями. Причиной смерти в заключении врачи записали: «Общий атеросклероз, миокардит, нефрит. Сифилис головного и спинного мозга». От последнего Иван Франко принимал лечение йодистыми и ртутными препаратами выраженного токсического, в

том числе галлюциногенного действия. Профессор Львовского медицинского университета Дмитрий Луцик заявил для прессы, что вывод о дурной болезни, по данным экспертизы, написан совсем другим почерком, чем строки об артериосклерозе, миокардите и нефрите²⁴. Кому и зачем понадобилась приписка с подобным диагнозом, можно лишь теряться в догадках.

Поскольку речь шла о культовой персоне украинской истории, да еще и в наличии был официальный документ о причинах смерти Ивана Франко, то ученые-медики еще в 1970-х годах подняли вопрос о правильности постановки диагноза, не вынося его, что естественно в те времена, за пределы узкого профессионального круга. Сегодня об этом можно говорить публично, дискутировать и искать истину. Тщательно изучив анамнез Ивана Франко, симптомы болезни, его визуальное состояние по сохранившимся фотографиям, профессор кафедры госпитальной терапии Ивано-Франковской медицинской академии Нестор Середюк пришел к выводу, что он страдал ревматоидным артритом. Это отчетливо выражено на фотографиях. Что же касается галлюциногенных проявлений, то, по мнению Н. Середюка, это поясняется постоянным влиянием стрессов. (А мы уже знаем, что далеко не все в жизни Ивана Франко удавалось в соответствии с его намерениями. — С. Г.) Ученый определил главные причины недугов «пациента»: постоянные переохлаждения, влияние стрессогенных факторов и неверный диагноз, поставленный доктором Овчаровским, который излечивал больного вышеупомянутыми препаратами ртути и йода, которые лишь усугубляли его состояние²⁵. Современная медицинская наука обращает внимание на выраженную психопатологическую составляющую ревматоидного артрита, отнесенного к классическим психосоматическим заболеваниям. Выделяются такие его проявления, как астеническая симптоматика, депрессивные явления с тревогой, страхами, идеями самообвинения, психопатоподобные расстройства, связанные с нарушениями функционирования центральной нервной системы, и нередко явления психоорганического синдрома²⁶. Кажется, достаточно оснований для исключения скользкого в нравственном смысле диагноза. Тем более, что потомство Ивана Франко было вполне здоровым, а сын

Тарас и дочь Анна прожили до весьма преклонных лет, соответственно, до 82 и 96 (С. 65). В любом случае, конечный медицинский вердикт должны вынести специалисты.

Два сюжета в книге Р.А. Официнского, дополняющие биографический очерк, посвящены взаимоотношениям Ивана Франко с Александром Филипповичем Мишугой и Михаилом Сергеевичем Грушевским. А.Ф. Мишуга (1853—1922), земляк Ивана Франко, обладая завидными вокальными данными (лирико-драматический тенор), не без помощи добродетелей, особенно на раннем этапе своей карьеры, стал одним из известнейших исполнителей наиболее сложных партий мирового оперного репертуара (П.И. Чайковского, С. Монюшко, Дж. Верди, Г. Доницетти). Руджеро Леонкавалло, очарованный мастерством исполнения партии Канио в своей опере «Паяцы», подарил А.Ф. Мишуге клавиры сего музыкального произведения с подписью: «В Милане, днем открытия сезона, слушал Синьора Филиппи (творческий псевдоним Мишуги. — С. Г.) в партии Канио и был неизмеримо доволен его точной интерпретацией и волшебным искусством пения»²⁷. Если такого мнения был прославленный композитор, трепетно относящийся к своему творению, то что говорить о зрителях. Обычно на постановках с его участием были аншлаги. Современники сообщают, что экзальтированная публика после спектакля часто выносила певца на руках к экипажу, устилая дорогу цветами. А.Ф. Мишуга был востребованным артистом, часто гастролирующим и получающим баснословные гонорары и подарки, вполне сопоставимые с доходами нынешних звезд шоу-бизнеса. Так, например, контракт с Варшавской оперой предусматривал ежегодную выплату в размере 12 тысяч рублей²⁸, что сопоставимо с тогдашним окладом генерал-губернатора.

Будучи человеком весьма состоятельным, А.Ф. Мишуга, по словам крупного помещика, мецената и известного украинского общественно-политического деятеля Е.Х. Чикаленко, «любил Украину до глубины собственного кармана» (С. 227). Он не скупился на вспомоществование украинским образовательным и культурным учреждениям, основывал стипендии для талантливой студенческой молодежи, выделял средства на политические и благотворительные цели, хорошо помня, что в свое время сочув-

ствующие его скромному положению горожане Львова и Перемышля собрали 1200 гульденов, давшие ему возможность выехать для обучения в Италию.

Судьба свела А.Ф. Мишугу и Ивана Франко. Возможно, между ними существовала переписка, о которой есть упоминания, однако ни одного письма не опубликовано в 50-томнике сочинений Ивана Франко (С. 224). Причем певец, по обыкновению, проявил себя как щедрый меценат, благородный и отзывчивый человек, не страдающий звездной болезнью. Он неоднократно наносил визиты в семью Ивана Франко, «статный, красивый, в дорогом костюме, и, обязательно, с подарками для нас», как описывал позже его сын Тарас Франко свои детские впечатления (С. 229). Р.А. Официнский внес важные коррективы в комментарии к 50-томнику, где пояснялись обстоятельства получения финансовой поддержки на издание журнала «Жизнь и слово». Донатором был А.Ф. Мишуга, хоть ранее считалось, что журнал финансировала Ольга Хоружинская из средств своего приданого. Мишуга также вручил Ивану Франко 500 золотых гульденов на издание его сборника интимной лирики «Увядшие листья» — своего рода эталона в украинской поэзии соответствующего жанра. В день выхода книги из печати ее экземпляр был препровожден Мишуге с подписью «Великому Артисту и Другу с уважением и благодарностью Иван Франко» (С. 225, 227).

Обстоятельства, побудившие Мишугу сделать этот дар, изложенные на С. 226–227 книги Р.А. Официнского, драматичны и добавляют характерные штрихи к портретам и певца, и поэта, которым ничто человеческое было не чуждо и они находили в этом вопросе достаточное взаимопонимание. Свой поэтический шедевр Иван Франко создал под впечатлением романтического увлечения полькой Целиной Журовской, не ставшего взаимным. Что же касается А.Ф. Мишуги, то певца в этом плане вообще постиг трагический удар. Его возлюбленная артистка Мария Висновская по неизвестным мотивам была убита 30 июля 1890 г. на балу в Варшаве выстрелом корнета Бартенева, тетушка которого служила при дворе фрейлиной императрицы Марии Федоровны. Этот представитель «золотой молодежи» за совершение дерзкого преступления отбыл незначительное наказание (С. 226). Ис-

следователи добавили к печальной истории отдельные детали. В день похорон Марии Висновской в Варшавской опере должен был состояться спектакль «Фаворитка» Г. Доницетти с участием Мишуги. Дирекция оперы даже собиралась его отменить, однако певец настоял, что будет петь. В зал набилось столько людей, что были сняты двери, однако всех желающих невозможно было вместить. Только из-за того, что на оперу приехал генерал-губернатор, она все же началась. Мишуга исполнял в спектакле роль Фернандо, который потерял любимую Леонору, и настолько искренне отдался роли, что с самого начала оперы в зале были слышны отдельные всхлипывания. А когда в конце арии Мишуга со спазмическим плачем упал на гроб Леоноры, то, как записали его биографы, «вместе с ним плакал весь зал, рыдали артисты, хор, оркестр и дирижер, который так и не смог уже довести до конца спектакль». На судебном процессе Мишуга отказался присягать по православному обряду и свидетельствовать на русском языке. Более того — когда спросили, какой он национальности, он ответил: «Я воспитан поляками, значит — поляк». Это сделало прославленного певца политически подозрительным в глазах российской власти, поэтому его контракт с Варшавской оперой по совету генерал-губернатора не был продлен. Когда в 1911 г. Мишуга, проживая в Киеве, попросил российского подданства, то также получил отказ²⁹. Опять перед нами многозначащие факты, отображающие эпоху.

Отношения двух творцов украинской идеи — Ивана Франко и М.С. Грушевского уже многожды получали освещение в научных разработках, причем в ракурсах диаметрально противоположных. В советские времена было принято писать о Грушевском не иначе, как в негативном смысле. Во время погромных кампаний против интеллигенции, пришедшихся на начало 1930-х годов («академическое дело», следствие по делу «Союза освобождения Украины»), рьяный блюститель идеологической чистоты партийный публицист Андрей Речицкий в майском номере «Большевика Украины» за 1931 г. — в главном рупоре республиканской организации ВКП(б) — кроме методологических «ошибок» историка вменил Грушевскому в вину, что тот, никогда не будучи революционером-народником, способствовал тому, что Иван

Франко также свернул с революционного народнического пути на платформу национал-демократов³⁰. То есть факт влияния Грушевского на Ивана Франко был общеизвестным даже в то время. Кстати, близкий к истине вывод А. Речицкого свидетельствует о том, что иконописный образ Ивана Франко как последовательного революционера-демократа от начала и до конца его жизни еще не сложился.

Впоследствии, если о взаимоотношениях М.С. Грушевского и Ивана Франко каким-то образом и упоминалось, то только лишь с педализированием разногласий и идейных конфликтов, которые, соответственно, были искусственно раздуты, дабы они возымели вид непримиримого мировоззренческого антагонизма. Такой подход должен был служить делу «легитимации» Ивана Франко в ипостаси, удобной для употребления в идеологических целях, и шельмованию Грушевского как яркого представителя буржуазного национализма. Катехизисный непритязательный характер агитпропа, рассчитанного на готовые «истины» для массового восприятия, а также активно навязываемое науке черно-белое видение прошлого требовали как «героя», так и его прямой противоположности — «антигероя» без каких бы то ни было полутонов.

В характере взаимоотношений Ивана Франко и М.С. Грушевского, опираясь на достигнутое к сегодняшнему времени качество разработки вопроса, счел необходимым разобраться Р.А. Официнский, специально обратив внимание на то, что современное их понимание отошло от конфликтной парадигмы и предвзятых построений. В этом смысле принципиально, что автор не ударился в другую, не столь уж редкую крайность, и не стал подвергать «лакировке» реальное положение вещей, правомерно отметив, что «линия межличностных отношений не всегда равна» (С. 199). В книге достаточно места нашлось показу недоразумений на бытовой почве (особняки Ивана Франко и Михаила Грушевского возводились в тогдашнем предместье Львова Софиевке рядом и даже по одному архитектурному проекту — С. 64, 202), идейным и научным спорам и т.д.

В литературе, о чем упомянуто на С. 198 представляемой книги, во взаимоотношениях Ивана Франко и М.С. Грушевского вы-

деляются три периода: личное знакомство (от начала 1890-х гг. до 1894 г.), тесное сотрудничество (1897–1907 гг.) и охлаждение отношений (1907–1916 гг.). Не все поначалу было гладко и сразу. 14 декабря 1894 г. на заседании габилитационной комиссии Львовского университета, рассматривавшей личное дело Ивана Франко, Грушевский высказался против его зачисления на должность приват-доцента. Однако вскоре у Грушевского не было среди ученых и политиков более близкого человека. Они взаимно рецензировали выходящие из печати их произведения, тесно сотрудничали в Украинско-русском издательском союзе, в Научном Обществе им. Т. Шевченко (НОШ), возглавляемом Грушевским. Иван Франко исполнял в нем должность зам. главы археографической комиссии и председательствовал в этнографической комиссии. Статья о Грушевском с показом его научных и организаторских заслуг в авторстве Ивана Франко была помещена в 41-м томе Энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона. В свою очередь, Грушевский кроме весьма лестных отзывов о научном и литературном творчестве Ивана Франко способствовал решению вопроса о повышении его оклада в качестве редактора «Литературно-научного вестника» — печатного органа НОШ — в три раза, а также установлению ему ежемесячной пенсии в размере 200 крон в 1910 г. в связи с пошатнувшимся состоянием здоровья. Показателем интенсивности отношений Франко и Грушевского служит количество упоминаний в дневнике последнего — в двух сотнях ежедневных позиций за 1904–1910 гг. (С. 198–207).

Критический разбор Иваном Франко «Истории Украины-Руси» Грушевского, опубликованный им в 1912 г., был наполнен довольно острыми суждениями. Указывалось, в частности, на склонность автора к излишней детализации, отсутствие дара группировки фактов, неравномерное аргументирование изложения источниками, манеру писать «холодной прозой», заметные недостатки литературного стиля, засоренность текста русизмами и полонизмами и т. д. Очевидно, Иван Франко исходил из известного принципа: «Платон мне друг, но истина дороже». Вышло так, что крайний антинорманизм Грушевского не выдержал испытания временем, а более взвешенное отношение Ивана Франко к норманнскому фактору в истории княжеской Руси оказалось

верным (С. 212–214). Однако это не препятствовало сохранению теплых межличностных отношений, совместному проведению летнего досуга в селе Криворивня, где Грушевский приобрел дачу, и т.д. (С. 205–207). Их творческое сотрудничество продолжилось и во время подготовки синтетического исследования по истории украинской литературы, которое уже пришлось доводить до конца Грушевскому, посвятившему своему почившему товарищу второй том издания, где шла речь о «Книжной словесности Киевских времен» (С. 215–216).

В итоге, нам представляется достаточно убедительным конечный вывод Р.А. Официнского о том, что в идеологическом и концептуальном смысле Иван Франко был союзником М.С. Грушевского (С. 214), а имевшие место коллизии и разногласия в их взаимоотношениях не носили принципиального характера.

Большое внимание автор представляемой книги уделил рассмотрению научных достижений Ивана Франко. Этому посвящено два очерка, один из которых касается его дебюта в жанре исторической биографии (монография «Жизнь Ивана Федоровича и его времена»), а следующий — археографической деятельности в НОШ. Пиетет перед Иваном Франко столь велик, что была сделана попытка зарезервировать за ним первенство в биографическом жанре³¹. Это, конечно, неверно, ибо зачинателем исторической биографистики в украинской историографии, бесспорно, является Н.И. Костомаров. Иван Федорович (1811–1870) — персонаж просопографического опыта Ивана Франко — был крупным галицийским землевладельцем, известным в свое время общественным деятелем и политиком, депутатом австрийского рейхсрата времен революции 1848–1849 годов. Р.А. Официнский задался целью представить в предлагаемом очерке структурный историографический анализ биографического исследования Ивана Франко, которое еще не являлось предметом специального изучения. Отталкиваясь от методологии анализа научного текста (С. 161), автор кропотливо рассмотрел мотивы и стимулы, которыми руководствовался Иван Франко при подготовке своего сочинения, организационные моменты решения его исследовательской задачи, способы интерпретации им опубликованных и архивных документов.

Важно и другое. Текст не может не отражать особенностей когнитивного стиля как коллективного, так и единичного субъекта: какой объект попадает прежде всего в фокус восприятия, какие признаки являются наиболее информативными при концептуализации действительности, под какие ментальные категории подводятся соответствующие сведения и др.³² То есть показательным будет являться то, насколько первый научный опыт Ивана Франко имел логическую увязку с его последующими разработками по выбору объекта изучения, насколько он отражал его мировоззренческие позиции и «общественный запрос»; какой угол зрения был избран в освещении вопроса и т. д. Интерес одного к революционной эпохе, эпизодам крупных социально-политических потрясений в Галиции имел устойчивый характер и был реализован в последующем также в таких его исследованиях, как «Полстолетия. Очерк истории Австрии от года 1840 по 1890» (1891), «Барщина и ее отмена в 1848 г.» (1898), «Лукьян Кобылица» (1902). А вот конкретные мотивы имели более прозаический характер. Нуждаясь в денежных средствах, необходимых для поездки в составе группы галицийской интеллигенции в Канев к погребению Т.Г. Шевченко³³, Иван Франко в 1883 г. взялся за выполнение заказа Владислава Федоровича по изданию биографии его отца (С. 161). Получаемые от него частями в качестве гонорара суммы давали возможность разрешать самые насущные жизненные вопросы, в частности, на приемлемом уровне организовать свадебный обряд в 1886 г. (С. 166).

Документальной основой для заказанного сочинения должны были послужить бумаги из богатого фамильного архива семьи Федоровичей в имении Окно на Тернопольщине. Одной лишь корреспонденции за 1835–1870 гг. насчитывалось более 5 тыс. единиц. По словам Ивана Франко, «письма проливают достаточный свет на довольно темные времена с 1835–1846, на мероприятия польских демократов в 40-ых годах, а особенно на события 1848 года, когда И[ван] Фед[орович] был послан из Тернополя в сейм Венский» (С. 165). Кроме этих документов были использованы материалы из рукописного отдела библиотеки Оссолинских во Львове, опубликованные источники и различные библиографические издания, собственные выписки из польской и немецкой печати.

Ивана Франко кормило его авторское перо. Поскольку существовала необходимость совмещения основной редакторской работы и выполнения научного заказа, то в Окне он бывал наездами, останавливаясь тут порой на несколько недель для интенсивной работы с бумагами днем и ночью. Среди них встречались весьма ценные находки для освещения вопросов, которые касались общенаучных интересов Ивана Франко. В декабре 1884 г. ему попала на глаза инвентарная опись Гримайловского ключа — латифундии, охватывающей 35 сел (1800 г.), легшая в основу 60-страничного исследования, вышедшего в 1900 г. (С. 168). Здесь мы отчетливо наблюдаем, как Иван Франко, так сказать, «вошел во вкус», не ограничиваясь формальным выполнением воли заказчика, который особо автора и не торопил. Отдельно были также опубликованы политические афоризмы И. Федоровича, очевидно, достаточно острые, поскольку тираж второго номера журнала «Заря» за 1886 г., в котором они появились в печати, был конфискован (С. 169). Несмотря на то, что Иван Франко подготовил рукописный вариант лишь первой части задуманной монографии, не вышедшей по неизвестным причинам, его работа не пропала зря. Собранные материалы были использованы им в уже упомянутых опубликованных трудах, которые органически связаны с первым его серьезным научным опытом (С. 181). Ну а поскольку фамильный архив Федоровичей был уничтожен во время Первой мировой войны, то значение приложенных Иваном Франко усилий возрастает тем более.

Что же касается археографической деятельности Ивана Франко, то отдельные украинские авторы в своих историографических и источниковедческих наработках в той или иной мере затрагивали его вклад в разработку теории и практики публикации исторических источников³⁴. Но, опять же, специально этот вопрос не выделялся. Р.А. Официнский пишет, что Иван Франко, как основательный знаток украинских древностей, приложил немалые усилия для введения в широкий научный оборот массива неизвестных дотоле важных исторических источников (С. 184). Поскольку редколлегия «Записок НОШ» не позволяла, за редкими исключениями, оперативно публиковать новые документы в большом объеме (в частности, их подборки), то для этого были

использованы иные способы — «Сборник историко-филологической секции НОШ», серийные издания «Украинско-руський архив», «Литературно-научный вестник», «Студии на поле общественных наук и статистики». В частности, Иван Франко в тесном сотрудничестве с исследователем-аматором греко-католическим священником Михаилом Зубрицким в 1902 г. подготовил к печати основательное издание документов (на 328 страницах) «Материалы к культурной истории Галицкой Руси XVIII и XIX века» в качестве 5-го тома «Сборника историко-филологической секции НОШ». К сожалению, первичный замысел не удалось реализовать полностью, ибо не вышла третья часть указанных материалов, которые должны были содержать источники по истории науки и литературного процесса. Но и то, что дошло до читателя, впечатляет. Первый отдел «Материалов к культурной истории Галицкой Руси XVIII и XIX века» касался положения галицко-русского духовенства в XVIII в., а второй — освещал историю народного просвещения (1772—1848 гг.). Р.А. Официнский полагает, что по своему качественному уровню (продуманности структуры, группировке материалов, пояснениям и указателям, качеству перевода текстов) эта публикация документов вполне соответствует требованиям археографии (С. 186).

Показательной для научных и общественных интересов Ивана Франко является еще одна публикация документов по социально-экономической истории, которая вместе с исследованием «Общественные шпихлиры³⁵ в Галиции. 1784—1840» вышла в 1907 г. в качестве второго тома серии «Украинско-руський архив» (С. 186—187). Резонансная общественная дискуссия вокруг иницированного в 1859 г. галицийским наместником Агенором Голуховским перевода правописания на латиницу с использованием чешской орфографии нашла свое отображение в «Материалах к истории азбучной войны 1859 г.», представлявших собой восьмой том «Украинско-руського архива» (С. 187—188). Кроме того, Иван Франко, по подсчетам автора, около сорока раз позиционировал как археограф в рубрике «Разное» «Записок НОШ», в которой появлялись отдельные оригинальные источники. Некоторые публикации были достаточно объемны, например, такой литературный источник, как польская поэма об Уманской резне (пос-

ледняя известна также как гайдамацкое восстание Колиивщина 1768 г.), вышедшая в 1904 г., или же материалы к биографии члена «Русской троицы» Ивана Вагилевича (1907). Однако по общему правилу публикации источников в «Записках НОШ» составляли несколько страниц (С. 188–193).

Ну и, наконец, остановимся на, пожалуй, наиболее оригинальном очерке книги Р.А. Официнского, названном «Закарпатское франковедение в 1898–2011 годах». Несомненной является потребность подвести определенные итоги франковедческим изучением в Закарпатье, ибо их традиция, представленная 15-ю именами исследователей, как мы видим, достаточно давняя. Однако это было бы лишь полдела, даже начало дела. По убеждению А.В. Гордона, то, что составляло с XIX в. привилегированный предмет историографии как вспомогательной и описательной дисциплины, является, по современным понятиям, лишь одним из уровней, точнее — уровнем базовым. Следующим является институциональный уровень, одна из разновидностей которого как раз относится к жанру историографических портретов и биографий ученых³⁶. Преимущественно на этом уровне обобщения строит свои суждения Р.А. Официнский, представив квалифицированный обзор исследований обстоятельств биографии и творческого наследия Ивана Франко с конца XIX в. до современности, осуществленных интеллектуалами Закарпатья. Каждый из сегментов данного очерка имеет емкий содержательный заголовок, отображающий характеристику вклада того или иного исследователя в франковедческие изучения. К примеру: Основоположник. Иван Панькевич; Первооткрыватель. Яков Штернберг. Скептик. Олег Мазурок и т. д. Эти определения буквально интригуют читателя. Параллельно опровержениям неустоявшихся, а то и вовсе надуманных точек зрения (например, по поводу так называемого «неоднократного» пребывания Ивана Франко на Закарпатье — С. 110–119) Р.А. Официнский, кропотливо и содержательно анализируя историографические факты, представляет свое видение определенного вопроса, сопутствующие ему аргументы и доказательства.

Внимательное прочтение очерка «Закарпатское франковедение в 1898–2011 годах» дает основания утверждать, что ав-

тор исподволь вышел на высший уровень историографического обобщения, стремясь во многих случаях установить связь исторического знания с социокультурной традицией³⁷. Так, вспышка интереса к Ивану Франко буквально в первые послевоенные годы объяснена текущим конъюнктурным контекстом — включением Закарпатья в состав УССР, что придавало вопросу «исторических связей» первостепенное идейно-политическое значение (С. 92). Подобная тенденция представлена в каждом конкретном случае с разной выразительностью, однако, тем не менее, практически в каждом сегменте очерка она присутствует.

Конечно, Р.А. Официнский, исследуя закарпатское франковедение, о чем он прямо упомянул, стремился представить влияние Ивана Франко на местную интеллектуальную традицию и в более узком смысле на гуманитаристику (С. 70). Одновременно автор рассматриваемой книги затронул еще один очень важный вопрос, уже достаточно давно будоражающий общественное мнение и научные круги. Речь идет о постепенном распространении среди русинов Закарпатья украинского национального самосознания, до начала XX в. имеющего размытый, неоформленный, интуитивный в своих проявлениях характер в условиях неполной социальной структуры локальной общности и малочисленного слоя местной интеллигенции, что было свойственно многим регионам Центральной и Восточной Европы в целом³⁸.

Современные российские исследователи русинского вопроса в подавляющем большинстве полагают, что украинизация края, и, в частности, системы народного просвещения, представляла собой искусственно навязываемую населению политику Пражского града в межвоенный период³⁹. В крайнем случае при более корректном подходе речь может также вестись о привнесении украинского национального самосознания на Закарпатье извне, из Восточной Галиции при попустительстве чехословацкого правительства, которому украинизация была политически выгодной⁴⁰. Специфический и далеко не бесстрастный интерес к русинской проблематике обуславливает и подобные точки зрения, и даже выход за пределы строгих критериев научности с целью во что бы то ни стало доказать «естественность» современного русинского проекта и «неестественность» осуществленной в свое вре-

мя украинизации⁴¹. К.В. Шевченко, к примеру, оперирует просто немислимыми, захватывающими дух цифрами численности русинов в современной Украине — до 600 тыс. чел., или же, ссылаясь на мнение П.Р. Магочи, — до 740 тыс. чел. Авторитетный канадский историк, кстати, никак не поясняет, на каких основаниях он произвел свои вычисления. Справедливости ради отметим, что К.В. Шевченко упомянул и данные, заслуживающие внимания как источник, а именно, численность русинов по всеукраинской переписи населения 2001 г., когда опрашиваемые граждане имели свободную возможность соотносить себя с какой угодно национальностью (10200 чел.) и по сведениям русинских организаций (22–28 тыс. чел.). Без тени сомнения пример с определением идентичности русинов и украинцев Словакии может экстраполироваться на украинские реалии, хотя они, очевидно, отличаются друг от друга⁴². Кстати, посетивший в 1946 г. Закарпатье профессор МГУ, будущий декан истфака Г.А. Новицкий на заседании кафедры истории южных и западных славян 9 января 1947 г. излагавший свои впечатления от недавней поездки, отметил наличие в крае двух культурных течений — москвофилов и украинофилов (выделено нами. — С. Г.). Причем, как подчеркнула проанализировавшая этот факт М.Ю. Досталь, Г.А. Новицкий представил тогдашнее понимание проблем Закарпатья с точки зрения непосредственного наблюдателя, впечатления которого были «незамутнены» предшествующей (часто тенденциозной) литературой и позднейшей официальной пропагандой⁴³.

Таким образом, если сознательно и предвзято не выносить за скобки распространение на Закарпатье определенных форм украинского национального самосознания (пусть даже в варианте «народничества»), то нельзя не заметить очевидного: среди местной интеллигенции его спорадические проявления отмечены рубежом XIX–XX вв. Столь позднее их появление объясняется известными причинами: оторванностью и изолированностью Закарпатья в географическом и административном отношении, весьма настойчивой и на редкость последовательной мадьяризацией, узостью интеллектуального слоя края, его неполной социальной структурой и т. д. Процесс «этнизации» русинов Закарпатья как составляющая часть формирования украинской нации не является чем-то

уникальним. Podobно словенцям, українська етнічна територія була роздроблена між різними державами, адміністративно-територіальними формуваннями і підвергалась асиміляції, приче́м в Ю́жній Каринтії, як і в слу́чає з Закарпаття́м впо́ль до 1918 р.⁴⁴ Етно-культу́рне і соціально-політичне розви́тє лока́льної общи́ни при отно́сительній усто́йчивості границь регіону прои́сходило в усло́вях скла́дыва́ння на протя́женні длі́тельного вре́мени о́пределено́го ти́па наро́дно-быто́вої і професіона́льної культу́ри, соотве́тствующого о́бразу жи́зни і че́рт етнічного со́знання⁴⁵, чо́ накладывало на етно-націо́нальні процеси зримий о́тпечаток.

Отно́ся се́бя к сто́ронникам теорі́ї «воображае́мых общи́н» Б. Андерсона, ми не може́м не о́тметити проя́влєній конкуре́нції на Закарпаття́х рі́зних культу́рно-націо́нальних проє́ктів. Одна́ко, в лю́бом слу́чає, етно-націо́нальне «констру́ирование» не може́т бы́ти произво́льным в це́лях из како́го уго́дно «первичного ма́териала» со́здати чо́-ли́бо. Бази́сный етні́ческий субстра́т проя́вляє воспри́имчивость і́ли же невоспри́имчивость к о́существляе́мым в е́го отно́шении «сверху́» і́ли же «извне́» соотве́тствующим ме́роприяти́ям. Ве́дь за сто́летия пре́быва́ния в со́ставе владє́ній Свято́стєфанско́й коро́ны ру́си́нам Закарпаття́ удало́сь сохрани́ти сво́ю восточносла́вянскую і́дентичность в праќтически «незамутне́нном ви́де». В то́ же вре́мя за до́статочно ко́роткий сро́к была́ приобре́тена украї́нская націо́нальна і́дентичность, о́сознание кото́рой было́ і́ єсть сво́йственне́м, как показыва́ют заслужи́вающие до́верия статисти́ческие да́нные, бо́льшинству насе́ления.

Р.А. Офи́цинский че́рез при́зму франко́ведческих і́зучє́ній представи́л процє́с кро́потливо́й органи́ческой культу́рно-просвети́тельской ра́боты «снизу́»⁴⁶, о́существляе́мой о́тдельными энту́зиастами украї́нской і́деї, как о́ни е́е понима́ли. Зачи́нате́лями на ру́беже ХІХ–ХХ вв. бы́ли ме́стные уро́женцы — гре́ко-като́лический свяще́нник Ю́рий Калман Жа́ткович і́ учє́ный Пя́дор Стри́пский, зна́комые с Ива́ном Франко́, со́стоявшие с ним в пере́писке і́ перево́дившие, а та́кже популя́ризи́ровавшие нау́чные і́ літерату́рные прои́зведе́ния сво́его ви́зави в Ве́нгері́и і́ на Закарпаття́х (С. 71–78). В ме́жвоє́нный пе́риод эста́фєта в

сфере франковедения в исследовательском, популяризаторском и просветительском отношении была подхвачена галицийскими украинцами Иваном Панькевичем и Владимиром Бирчаком (С. 71–90). К слову, в качестве контраргумента сторонникам тезиса о настойчивой, едва ли не насильственной и поддерживаемой чехословацким правительством украинизации системы школьного образования Закарпатья отметим, что значительное внимание в учебном процессе в 1920–1930-х гг. отводилось изучению богатейшего наследия русской классической литературы⁴⁷. А общественные организации любых имеющих распространение на Закарпатье ориентаций и направлений деятельности практически беспрепятственно выполняли свои уставные задачи и предназначение, если они не пресекали при этом довольно либеральных рамок законодательства республики.

Подытоживая, заметим, что национальное развитие, достигнув какого-то промежуточного результата, продолжает свою поступь, видоизменяясь со временем в своих формах и проявлениях, опираясь на некоторые константные значения и символы. В последнем мы как раз и усматриваем непреходящее значение жизни и творчества Ивана Франко. Отметим, что на материале Восточной Галиции профессор Я. Грицак блестяще исследовал его роль в смене национальной ориентации галицийской молодежи с москвофильской на украинскую⁴⁸. Рассмотренная книга Р.А. Официнского, таким образом, является продолжением определенной тенденции, точнее — франковедческой традиции в украинской историографии и заслуживает внимания заинтересованного в данной проблематике читателя как достаточно квалифицированно по содержанию и стильно по литературной форме выполненная работа. Полагаем, что высказанные альтернативные соображения автор учтет в последующей разработке проблемы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Єсельник С. Імперія пам'яті. Російсько-українські стосунки в радянській історичній уяві. Пер. з англ. Київ, 2008. С. 98.

² Ганус С.А. Политика памяти в Украине в контексте отношений с Россией (1990–2000-е годы) // Россия и Восточно-Центральная Европа: в поиске новой формулы отношений. Сборник статей участников VIII международной конференции «Россия и Центральная Европа в новых геополитических реальностях» Москва, 3–4 декабря 2010 года / Институт Европы РАН. М., 2011. С. 253.

- ³ *Бордюгов Г., Бухараев В.* Вчерашнее завтра: как «национальные истории» писались в СССР и как пишутся теперь. М., 2011. С. 190.
- ⁴ И далее в скобках мы будем ссылаться на страницы книги, служащей предметом рассмотрения.
- ⁵ *Рудницький Л.* Іван Франко і німецька література. 2-е уточнене і розширене вид. Львів, 2002. С. 15.
- ⁶ *Матвеева Т.С.* Veritatem dies aperit (До 150-річчя від дня народження І.Я. Франка) // Universitates-Університети. Наука и просвещение. 2006. № 4. Текст розміщен на інтернет-сторінці: http://universitates.univer.kharkov.ua/arhiv/2006_4/matveeva/matveeva.html.
- ⁷ Цит. по: *Матвеева Т.С.* Veritatem dies aperit (До 150-річчя від дня народження І.Я. Франка).
- ⁸ *Лантева Л.П.* История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005. С. 137.
- ⁹ *Ідзьо В.* Іван Франко і Російська Академія наук. Текст розміщен на інтернет-сторінці: <http://lib.if.ua/franko/1313655468.html>.
- ¹⁰ Іван Франко: Документи і матеріали (1856–1965). Київ, 1966. С. 185.
- ¹¹ Там же. С. 187.
- ¹² См: *Рябчук М.* Від Малоросії до України: парадокси запізнілого націєтворення. Київ, 2000. С. 108–109; Ресент О. Україна в імперську добу (XIX — початок XX ст.). Київ, 2003. С. 305–311.
- ¹³ *Вілсон Е.* Українці: несподівана нація / Пер. з англ. Київ, 2004. С. 176.
- ¹⁴ *Маточій П.-Р.* Україна. Історія її земель та народів. Ужгород, 2012. С. 407.
- ¹⁵ *Михутин І.В.* Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX в.). М., 2003. С. 38.
- ¹⁶ *Плохий С.* Великий переділ. Незвичайна історія Михайла Грушевського / Пер. з англ. Київ, 2011. С. 56.
- ¹⁷ *Франко І.Я.* Дещо про себе самого // Самі про себе: Автобіографії видатних українців XIX ст. Нью-Йорк, 1989. С. 264.
- ¹⁸ Листування Івана Франка та Михайла Драгоманова. Львів, 2006. 560 с.
- ¹⁹ *Франко І.Я.* Дещо про себе самого. С. 164.
- ²⁰ *Єкельчик С.* Українофіли. Світ українських патріотів другої половини XIX ст. Київ, 2010. С. 173–174.
- ²¹ *Франко І.* Лист до О.М. Рошкевич від 20 вересня 1878 р. // Франко І. Зібрання творів у 50 тт. Київ, 1986. Т. 48. С. 111.
- ²² *Єкельчик С.* Українофіли. Світ українських патріотів другої половини XIX ст. С. 172.
- ²³ *Грицак Я.* «Дух, що тіло рве до бою»: Спроба політичного портрету Івана Франка. Львів, 1990. С. 170.
- ²⁴ Текст розміщен на інтернет-сторінці: <http://mtex.com.ua/page/klejmo-venery-nacheloveskoj-istorii>.
- ²⁵ *Копистинська Ірина.* Лікар Овчаровський прискорив смерть Івана Франка. Текст розміщен на інтернет-сторінці: http://www.aratta-ukraine.com/text_ua.php?id=460.
- ²⁶ Основные психосоматические расстройства. Текст розміщен на інтернет-сторінці: <http://pncz.ru/prakticheskaja-dejatelnost/2-psihsomaticheskie-rasstrojstva/14-osnovnye-psihsomaticheskie-rasstrojstva.html>.
- ²⁷ Текст розміщен на інтернет-сторінці: http://www.markarbejde.ru/m/s/mishuga_aleksandr_filippovich.
- ²⁸ *Литовецкий С.* Александр Мишуга. Жизнь личная и национальная. Текст розміщен на інтернет-сторінці: <http://dmitrykrasnoukhov.kiev.ua/katalog/lyudi/aleksandr-mishuga-zhiznlichnaya-i-nacionalnaya>.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ *Плохий С.* Вказ. твір. С. 271.
- ³¹ *Басс І., Каспрук А.* Іван Франко: життєвий і творчий шлях. Київ, 1983. С. 167–168.
- ³² *Гришаева Л.И.* Содержание культурно-специфических стереотипов и организация текста // Историческая наука сегодня. Теория, методы, перспективы. Изд. 2-е. М., 2011. С. 199.

³³ Так сложилось, что подобные посещения приобрели характер ритуального действия. С достаточными основаниями, если воспользоваться терминологией Пьера Нора, погребение Т. Шевченко в Каневе уже в рассматриваемое время имело статус «места памяти» для украинцев. Причем этот статус был сформирован спонтанно и органично, вопреки воле властных органов, которые всячески препятствовали публичным общественным манифестациям в Каневе.

³⁴ Кроме упомянутых Р.А. Официнским исследователей см.: *Богданина О.М.* Джерезознавство історії України: питання теорії, методики, історії. Харків, 2008. С. 144.

³⁵ Шпихлиры — склады продовольствия, своеобразные резервные фонды на случай форс-мажорных обстоятельств. Основаны указом императора Иосифа II от 8 июня 1788 г. в Чехии и Моравии. Были созданы, как мы видим, и в иных провинциях Австрийской империи.

³⁶ *Гордон А.В.* Великая Французская революция в советской историографии. М., 2009. С. 7.

³⁷ Там же.

³⁸ *Матвеев Г.Ф.* Русинский вопрос в Чехословакии и Польше в межвоенный период // Карпатские русины в славянском мире: актуальные проблемы. Материалы международного научного круглого стола. М.—Братислава, 2009. С. 90.

³⁹ Например: *Шевченко К.В.* Культурно-национальная политика властей Чехословакии в русинском вопросе в 1920-е годы // Там же. С. 134–156 и иные его работы. Ссылаясь на такой тенденциозный источник, как периодическая пресса, в частности, на «подходящую» русинскую газету «Карпаторусский голос» за 8 февраля и 14 марта 1934 г., К.В. Шевченко в данной статье стремится продемонстрировать «засилье галицких украинцев среди работников просвещения в Подкарпатской Руси» (С. 155–156). Однако это совершенно не соответствует действительности и с реальным положением дела этот автор, по всей видимости, не знаком. Так вот, по данным реферата (управления) просвещения Подкарпатской Руси (Государственный архив Закарпатской области. Ф. 28. Оп. 2. Д. 356. Л. 10об.) в 1919 г. для кадрового обеспечения народных (начальных) и горожанских (неполных средних) школ в край прибыло 11 учителей-иммигрантов, в 1920 г. — 62 (работало 70), в 1921 г. их прибыло 28 (работало 93). Положительная динамика возрастания прибывших и фактически работавших учителей-иммигрантов длилась до 1923 г., когда в народных и горожанских школах учительствовало 119 человек таковых. Со следующего 1924 г. указанные показатели пошли на спад. В школах работало 118 учителей-иммигрантов, а с 1925 г. их на педагогическую работу уже не принимали. Был зят курс на обеспечение школ местными кадрами, получившими соответствующую образовательную подготовку. Поэтому в 1928 г. среди учителей лишь 43 были иммигрантами. Аналогичной картина была и в гимназиях Подкарпатской Руси. В 1919 г. — 11 гимназических профессоров прибыли из-за рубежа. В 1923 г. таковых было уже 19, а со следующего 1924 г. началась их убыль до 8 человек в 1928 г. Учетные документы касаются всех прибывших на работу в качестве иммигрантов, без различия приехавших из Восточной Галиции, Великой Украины или же из России. Интересными для сравнения окажутся и обобщающие показатели численности педагогических работников края в целом. В народных школах общее число учителей составляло в 1919 г. 674 человека, в 1920 г. — 867, в 1923 г. — 1027, в 1928 г. — 1171 (*Попов А.В.* Школьное дело на П.-Руси в 1919–1929 годах // Карпаторусские достижения. Мукачево, 1930. С. 42, 49). Таким образом, удельный вес прибывших на Подкарпатскую Русь из-за пределов республики педагогов никогда не превышал 10 %, даже в 1923 г., когда он был наибольшим. К концу же 1920-х годов он снизился до нескольких процентов как вследствие возвращения многих работавших на родину, так и по причине принятия гражданства Чехословакии. Поэтому ни о каком «засилье» украинских учителей именно из Галиции не может идти и речи, ибо среди иммигрантов было немало выходцев и из Советской Украины.

⁴⁰ *Матвеев Г.Ф.* Указ. соч. С. 111.

⁴¹ Подоплека бытующих в современной русинистике оценок и выводов, в принципе, понятна. В энциклопедии «Народы и религии мира», вышедшей в 1998 г. под эгидой Института этнологии и антропологии РАН подчеркивается (С. 449), что «потомки древнейшего коренного русского населения Карпатской Руси, частично Киевской Руси (самоназвание русины, т. е. «сын Руси»; русичи, руснаки, карпатороссы, утророссы, русские галичане, угрские русины, Галицкие русины, буковинские русины, другое название — рутены) — жи-

тели основных исторических регионов современной Западной Украины (Прикарпатской Руси и Закарпатской Руси; живут также в Польше, Словакии, Сербии, Франции, США и др.), которые, несмотря на многовековое существование в составе различных государств (особенно Австро-Венгрии), оторванность от России, сохранили русское этническое самосознание, русский язык и православную веру» (выделено нами. — С.Г.). Последнее является скорее призывом или же пожеланием, где фигурирует и общественный, и политический запрос. Зададимся умоглядным вопросом: а что если бы в понимании авторов соответствующих формулировок русины «не сохранили бы» «русское этническое самосознание, русский язык и православную веру»? Думается, что интерес к ним был бы не столь обостренным и не вышел бы за пределы академического, как в случае с лужицкими сербами или же кашубами и т. д.

⁴² Шевченко К.В. Славянская Атлантида: Карпатская Русь и русины в XIX — первой половине XX вв. М., 2010. С. 3–15.

⁴³ Досталь М.Ю. Как Феникс из пепла... Отечественное славяноведение в период Второй мировой войны и первые послевоенные годы. М., 2009. С. 98.

⁴⁴ Фрейдзон В.И. Нация до национального государства. Историко-социологический очерк Центральной Европы XVIII — начала XX вв. Дубна, 1999. С. 13, 76–85.

⁴⁵ Там же. С. 10.

⁴⁶ А в условиях ассимиляционистской политики официального Будапешта иной она и быть не могла.

⁴⁷ См.: Маляр Л.В. Вивчення творчості класиків української і зарубіжної літератури у школах Закарпаття (друга половина XIX — перша половина XX ст.): Автореф. дис. ...канд. пед. наук. Івано-Франківськ, 2004; и другие публикации этого автора.

⁴⁸ Грицак Я. Пророк у своїй вітчизні. Франко та його спільнота (1856–1886). Київ, 2006.

*Михаил Юрьевич
ДРОНОВ*

**Vedecký zborník
Múzea ukrajinskej kultúry vo Svidníku
(Bibliografický súpis článkov č. 1–10)/
Ed. Z. Džupinková. Prešov, 2010. 192 s.**

**Naukovi zapisky:
článková bibliografia č. 1–19/
Ed. M. Ňachajová. Prešov, 2010. 128 s.**

Хотя город Прешов (Пряшев) расположен на словацкой государственной и этнической территории, в России и на Украине он известен как национально-культурный центр местного русинского населения, проживающего в северо-восточных районах Словакии. Неоднократные общественно-политические трансформации в течение XX в. явились причиной того, что сегодня русины в Словацкой Республике разделены на тех, кто относит себя к самостоятельной русинской национальности, и тех, кто считает себя частью украинского народа. Несмотря на это, речь, несомненно, идет о едином этническом массиве, который является, по сути, западным продолжением коренного восточнославянского населения Закарпатской области Украины. Поэтому Прешов также крайне важен в общерусинском контексте, не говоря уже о сфере словацко-русинских и словацко-украинских контактов.

Имидж Прешова как признанной «русинской столицы» поддерживает прешовская Государственная научная библиотека, одними из профильных направлений которой являются именно русинское и украинское. Здесь проходят библиографическую обработку все издания словацких русинов и украинцев. Отдельной похвалы достойна интенсивная исследовательская и издательская деятельность библиотеки. Так, ценным вкладом в русинистику (в русинской традиции) или карпатоведение (в ук-

раинской традиции) можно считать недавний выход библиографических указателей известных многотомных изданий «Научный сборник Музея украинской культуры в Свиднике» (с 1965 г.) и «Научные записки Культурного союза украинских трудящихся» (1972–1994). Авторами-составителями указателей выступили работники библиотеки Зузана Джупинкова и Мария Няхаёва.

Названные книжные серии не нуждаются в представлении для специалистов по истории и культуре Восточной Словакии и Закарпатья. К сожалению, далеко не все даже словацкие книгохранилища могут похвастаться полными комплектами этих книг. В то же время их значение для исследователя сложно переоценить. Правда, и сборник, и записки — это типичные продукты своей эпохи, а именно периода административного утверждения среди русинов Словакии украинской этнонациональной идентичности. Но, несмотря на специфическую терминологию, оба издания являются ценными собраниями публикаций по русинскому и собственно украинскому языкознанию, литературоведению, истории, фольклористике, этнографии и другим дисциплинам. Исключения представляют собой отдельные сугубо идеологические статьи, без которых сложно представить печать десятилетий социализма.

Указатель «Научного сборника Музея украинской культуры в Свиднике», вышедший под редакцией З. Джупинковой, открывается краткими замечаниями составителя и двуязычным введением (по-словацки и по-украински), автором которого выступил директор свидницкого музея Мирослав Сополига. Само библиографическое описание статей построено по хронологическому принципу. Оно охватывает первые десять томов сборника (на сегодняшний день вышло 25 томов) и насчитывает 431 позицию. Названия украиноязычных материалов для удобства словацкого читателя переданы латиницей и снабжены переводом. В конце книги находятся именной, географический и предметный указатели, а также иллюстративный материал, почерпнутый из описываемых сборников.

Библиография 19 выпусков «Научных записок», подготовленная М. Няхаёвой, построена приблизительно на тех же самых принципах. Книгу открывают содержательные статьи «“Запис-

ки Наукового товариства”, издававшиися Украинским научным обществом» и «Украинское научное общество при Культурном союзе украинских трудящихся в Чехословакии». Автором первой является составитель, а второй — другой известный прешовский библиограф — Йозеф Шелепец. Основная, собственно библиографическая, часть книги насчитывает 246 позиций. Заключают издание справочный аппарат и избранные иллюстрации.

Составление и издание библиографий, подобных описанным, без сомнения, являются крайне важными для сохранения культуры словацких русинов и украинцев. Прешовской же научной библиотеке остается пожелать новых библиографических проектов, посвященных местному восточнославянскому населению. В частности, это относится не только к описанию последующих томов «Научного сборника Музея украинской культуры в Свиднике», но и к появлению библиографий других важных изданий. Так, например, до сих пор не изданы библиографии статей выпускавшихся в Прешове «Народной газеты» (1924–1935) и «Русского слова» (1924–1938) (в первой половине XX в. среди русинской интеллигенции доминировала русская идентичность и пользовался популярностью русский литературный язык). Также, на наш взгляд, не менее достойны собственных библиографических указателей новейшие русинские издания — газета «Народны новинки» (с 1991 г.) и журнал «Русин» (с 1990 г.). Несомненно, что вне Прешова проделать подобную работу вряд ли будет кому-то под силу.

Елена Юрьевна
БОРИСЕНОК

Светлана Станиславовна
ЛУКАШОВА

Магочій П.-Р. Україна. Історія її земель та народів / Пер. з англ.: Е. Гйдель, С. Грачова, Н. Кушко, О. Сидорчук; наук. ред. С. Біленький; ред. укр. вид. Л. Ільченко; відп. ред. В. Падяк. — Ужгород: Вид-во В. Падяка, 2012. — 789 + [5] + XXII с. + карти + табл. — Бібліогр. в кінці розд.

Магочій П.-Р. Ілюстрована історія України = = Ukraine: an illustrated history / Павло-Роберт Магочій; [переклав з англ. С. Біленький]. — Київ: Критика, 2012., 2012. — 448 + [2] + XLVIII с. + арк. кольор. іл. + іл. + табл.

В 2012 году на Украине вышли в свет две научно-популярных работы известного ученого, руководителя кафедры украиноведческих исследований в Торонтском университете, профессора Павла-Роберта Магочи. Первая — украиноязычная версия книги, напечатанной в 2007 г. в Торонто (*Magocsi P.R. Ukraine: an illustrated history / Paul Robert Magocsi. Toronto-Washington: University of Toronto Press, Inc., 2007*). Вторая является переводом дополненного и переработанного издания 2010 года «Истории Украины» (*Magocsi P.R. A History of Ukraine. The Land and Its Peoples / Paul Robert Magocsi. Toronto: University of Toronto Press, Inc., 2010. 2nd ed.*)

Известный ученый, доктор исторических наук, профессор департамента истории Гарвардского университета С.М. Плохий называет «Историю Украины» Магочи, вышедшую в 1996 г., «первой серьезной попыткой написать территориальную, многоэтническую и мультикультурную историю Украины», причем считает ее аль-

тернативой более традиционного нарратива Ореста Субтельного «Ukraine: A History», впервые напечатанного в 1988 г., а затем в украинском и русском переводах не раз переизданного на Украине (*Плохий С.М. Якої історії потребує сучасна Україна? // Український історичний журнал. — 2013. № 3. С. 7*). Действительно, при этнонациональном подходе история Украины рассматривается как история украинского народа, основное внимание уделяется национальному проекту и борьбе за его осуществление. Принципиальное отличие труда Магочи — изучение истории страны, а не только его титульной нации. Магочи подчеркивает, что он рассматривает историческое развитие территории в границах современной Украины, для обозначения территории используется термин «Украина», а термин «украинцы» или «этнические украинцы» — для наибольшего на этой территории народа. Магочи предупреждает, что о периоде IX–XIV веков применительно к рассматриваемой территории употребляется термин «Русь» или «Киевская Русь», а к ее жителям — «русский народ». Как пишет ученый, постепенный переход от использования названия «Русь» к названию «Украина», от «русский» до «украинский народ» в книге аналогичен использованию названий франки/французы или римляне/итальянцы в работах, посвященных истории Франции или Италии (С. 10).

Как пишет сам Магочи, его предшественники, конечно, не игнорировали существование и других национальностей, однако в большинстве случаев рассматривали их лишь как факторы негативного влияния на этнических украинцев. В отличие от таких версий истории государства Украины, пишет Магочи, русские, поляки, евреи, карпаторусины, крымские татары, немцы, румыны, греки наряду с другими народами, проживающими на территории Украины, рассматриваются и понимаются как неотъемлемая часть украинской истории, а не просто противники этнических украинцев в их собственной вековой борьбе за национальное выживание (С. V). Это действительно так. В книге канадского ученого Украина и украинцы рассматриваются не в качестве какой-то замкнутой структуры, противостоящей внешним влияниям, а представлены как часть общего, взаимодействующего с государством, в которое входили украинские земли, и с

народами, населяючими їх. Хотя стоит признать, что в центре внимания ученого находятся все-таки украинцы, остальным народам уделяется существенно меньшее внимание.

Вводный раздел, описывающий географическое и этнолингвистическое разделение Украины, написано в расчете на западного читателя, не знакомого с базовыми историческими фактами, например, где именно расположены украинские земли и как происходило их заселение. Магочи в качестве установленного и не подлежащего обсуждению факта выделяет четыре восточнославянских языка: русский, белорусский, украинский и карпаторусский (С. 7), однако не комментирует отсутствие особой карпаторусской (или русинской) национальности в результатах официальной переписи населения Украины 2001 г.

С самого начала, обосновывая свой подход к написанию истории Украины, Магочи отмечает, что современное видение истории Восточной Европы в целом и Украины в частности преимущественно базируется на исторических концепциях, сформулированных в XIX в. и различающихся в зависимости от того, с какой перспективы — российской, польской, украинской или советской — уже в XX в. писал ее автор или авторы (С. 21). Как подчеркивает Магочи, в своем труде он уделяет больше внимания не вопросу принятия или непринятия каких-либо теорий, а показу в хронологической последовательности событий, которые происходили приблизительно с первого тысячелетия до н. э. и до наших дней на территории, которая с декабря 1991 года является независимым государством Украина (С. 22). Стоит отметить, что Магочи стремится быть аккуратным в оценках событий, вызывающих особенно оживленные споры и среди историков, и среди широкой общественности. Он предпочитает показывать весь спектр мнений, перечисляет все основные существующие точки зрения, но прямо не заявляет о своей поддержке какой-либо одной.

Вместе с тем историк не избегает и обсуждения и острых, не получивших однозначной научной оценки проблем. Для них используются особые вставки в общий текст, иногда довольно объемные, до 8 страниц. В таких вставках, посвященных узким вопросам и выделенных серым фоном, можно встретить инфор-

мационные справки (например, «Что такое “Восточная Европа”?» [С. 13], «Трипольская цивилизация» [С. 24], «Христианство на Украине» [С. 66], «Органы управления казацкого государства» [С. 229] и т. д.), публикации исторических документов по истории Украины (Мартовские статьи 1654 г. [С. 209], Валуевский циркуляр 1862 г. [С. 357] и пр.), историографические обзоры, посвященные дискуссионным, зачастую политизированным темам («Прародина славян» [С. 37], «На каком языке разговаривали в Киевской Руси?» [С. 93], «Хмельницкий и евреи» [С. 197]). Кроме того, во вставках размещены обширные цитаты, раскрывающие взгляды отдельных историков, например, выдержки из статьи Н.И. Костомарова о происхождении украинцев, русских и поляков (*Костомаров Н.И. Две русские народности // Основа. 1861. Т. 3*) [С. 19], из книги Н. Ашерсона о распространении чумы в Северном Причерноморье (*Ascherson N. Black Sea. New York, 1995*) [С. 104], из статьи Д. Джиллингема об «оранжевой революции» (*Gillingham J. The meaning of Maidan // Harvard Ukrainian Research Institute News. Cambridge Mass., 2006*) [С. 676–677]. Однако большинство вставок представляет собой авторский текст, проиллюстрированный одной или несколькими цитатами из исторических документов («Название “Украина”» [С. 172], «Умань как символ для украинцев, поляков и евреев» [С. 187–289], «Не убий» — о деятельности митр. Шептицкого в 1942 г. [С. 623] и т. д.), который можно расценивать как одну из точек зрения, высказанную определенно, но без излишней навязчивости.

Тот же подход он стремится продемонстрировать в оценке отдельных событий. Например, Магочи очень взвешенно описывает межконфессиональный конфликт XVI–XVII вв., подчеркивая амбивалентный характер унии 1596 г.: «В сущности, Брестская уния... стала двойным источником неприятностей. Те православные русы, которые отказались присоединиться к унии, не считали брестские решения легитимными, а Римско-католическая церковь, хотя и признала Брестскую унию, так и не приняла Конституцию 1595 г. В конце концов, папа отвечает лишь перед Богом и ни с кем не заключает договоров. Как максимум, он может “принять во внимание и вдумчиво отнестись” к “прошениям и предложениям” униатов» (С. 157).

Осторожно оценивается и болезненная тема вхождения гетманской Украины в состав Российской империи в XVII—XVIII вв. Характеризуя Переяславский процесс, историк заключает, что «схемы украинской политики Хмельницкого повторяли его наследники. Будучи не в силах создать собственную государственную структуру и стремясь занять выгодное положение в составе другого государства, казацкие лидеры решили, что будущее Украины связано с Московией... Кроме того, постоянные трения между казацкой старшиной..., с одной стороны, и запорожцами, менее социально расслоившимися, с другого,... теперь использовали в своих интересах московские власти. По сути, запорожское казачество на Сечи и в низовьях Днепра и селяне, которые его поддерживали, отдали предпочтение союзу с царем» (С. 214).

Очень интересны разделы, посвященные XIX веку. Магочи пишет, что украинская история в Российской империи — это, прежде всего, история региона, чья экономическая и социальная структура была интегрирована, подчинена и зависима от развития остальной империи. Однако, несмотря на, казалось бы, полную интеграцию Надднепрянской Украины в Российскую империю, регион имел давнюю и отдельную культурную традицию, память про которую сохранялась в произведениях небольшой группы интеллектуалов — национально сознательной интеллигенции, которая смогла создать национальное движение, которое, в конце концов, завоевало сердце и разум этнических украинцев, и приготовила их к идее суверенного государства (С. 303).

Магочи, подчеркивая включенность Украины в Российскую империю, стремится продемонстрировать ее полиэтничный, многокультурный характер. Для этого он обращает особое внимание на то, что на Украине проживали представители разных народов и религий, в том числе русские, поляки, евреи, немцы, крымские татары и др. Причем, если представители одних народов жили преимущественно в отдельных регионах, другие были сосредоточены в городах. Вообще города в Надднепрянской Украине XIX в. были «островами неукраинской культуры» (С. 318). Магочи старается показать поливариантность интеллектуальных и культурных течений. Так, высшие должности в администрации Надднепрянщины занимали русские, многие из них, а также русифи-

цированные украинцы и евреи, родившиеся или работавшие там, играли значительную роль в научной жизни края как профессора университетов. Немало представителей творческой интеллигенции, родившихся или работавших на Украине, внесли свой вклад в развитие культурной жизни империи и, независимо от своего этнического происхождения, ассоциировались и продолжают ассоциироваться с достижениями русской культуры XIX—XX вв. (Н.В. Гоголь, К.Ф. Рылеев, А.Н. Толстой, Н.А. Бердяев Н.С. Лесков, И.Е. Репин, И.К. Айвазовский и др.) (С. 321). Упоминает он и представителей польской, еврейской, немецкой культуры и пр., проживавших или родившихся на Украине. По его мнению, «Надднепрянская Украина была родиной не только этнических украинцев, которые составляли подавляющее большинство населения, но и многих других народов. Такими, в частности, были русские и поляки, которые играли непропорционально большую роль в политической, социальной и экономической жизни края, а также евреи, немцы, крымские татары и другие, более мелкие группы, которые преимущественно вели обособленный экономический и культурный способ существования, как правило, несмотря на ближайшее этнически украинское население» (С. 339).

Что же касается непосредственно украинского вопроса, то он рассматривает украинское национальное движение в Российской и в Австрийской империи через призму национализма интеллигентского типа (С. 342), в котором Магочи выделяет три стадии: стадию «собирания наследия», организационную и политическую. Впрочем, Магочи подчеркивает, что к началу Первой мировой войны украинское национальное движение в Надднепрянской Украине прошло максимум первую стадию интеллигентского национализма. Политическая ситуация в Российской империи блокировала его дальнейшее развитие, не давала достаточно времени для развития организационных и политических процессов, вследствие чего проукраинская интеллигенция не получала достаточных возможностей работать с населением и воспитывать у него украинский национальный дух. Городские же жители были объектом насаждения государством и ее имперской идеологией русского национального движения в школе, церкви и армии (С. 369).

Иначе дело обстояло в Австро-Венгрии. Здесь рубежом в истории национального движения был 1848-й год. До него Магочи говорит о «собирании наследия», а после 1848 года, до Первой мировой войны, украинское национальное движение перешло к второй и третьей стадии (С. 424). Впрочем, между различными регионами существовали значительные отличия. Так, украинское движение в Буковине до 1848 года не прошло ни одной стадии национального возрождения (С. 388), а Закарпатье прошло начальную стадию национального пробуждения (С. 389).

Магочи подчеркивает, что украинское движение развивалось в Российской империи и в Австро-Венгрии в различных условиях. Если в Российской империи «украинство» подавлялось, то в австрийской Галиции были созданы все условия для национальной жизни (историческая идеология, язык, литература, культурные организация, просвещение, религия и политика). Габсбургские правители, пишет ученый, не отождествляли себя ни с одной национальностью империи, и украинцы могли существовать среди принятой структуры иерархии различных лояльностей, не отказываясь от собственной национальной идентичности: галичанин или буковинец мог быть одновременно украинским национальным патриотом и лояльным подданным Австрийской империи. Поэтому абсолютное большинство украинских лидеров оставалось верными идее Габсбургской империи вплоть до последних месяцев Первой мировой войны (С. 450). В Российской империи восточный славянин в Украине (Малороссии) мог быть только русским из Малороссии или просто русским. Быть украинцем, т. е. лицом другой национальности, в Российской империи означало отрицать господствующие социальные и политические ценности, признать себя маргиналом социума (С. 442).

По словам Магочи, украинцы в 1917–1920 гг. еще не стали сознательной нацией, а потому не имели стремления бороться и жертвовать собой ради украинской государственности. Это стало одной из причин провала попыток в период украинской революции создания суверенного государства, которое охватывало бы все населенные украинцами территории (С. 506). Кроме того, следует обратить внимание на выводы исследователя, касающиеся отношения к украинской революции других национальностей Над-

днепрянской Украины. Магочи указывает, что они, за отдельными исключениями — неважно, идет ли речь о евреях, русских или поляках, — пребывали в оппозиции к идее независимости Украины и отделения ее от России (С. 488). Так, на настроения евреев большое влияние оказали погромы 1919–1920 гг. в Надднепрянской Украине, существенно осложнившие еврейско-украинские отношения (С. 489). Русские же были убеждены, что они проживали в Малороссии, неотъемлемой части российской отчизны, а украинство большинство русских считало политической идеей, сконструированной «несколькими обманутыми интеллектуалами, или побочным продуктом антироссийских планов иностранных государств (в основном Австро-Венгрии и Германии)» (С. 92).

Касаясь проблемы голода 1932–1933 гг., Магочи подчеркивает, что однозначно мнения о причинах голода нет, существует множество различных точек зрения (голод был результатом аппаратных игр во время компании коллективизации; или частью борьбы против непокорного крестьянства; или попытками ликвидировать национальную оппозицию на тех территориях, которые были наиболее важны для Советского Союза; или же актом геноцида, направленного именно против этнических украинцев). Ученый, перечислив указанные позиции, не высказал приверженности ни к одной из них, однако указывает, что цифра в 4,8 миллиона — это самая скромная оценка количества жертв голода и связанных с ним болезней (С. 548–549)¹.

Межвоенный период внес существенные отличия в украинское национальное движение. Исследователь указывает, что Советская Украина двигалась в двух направлениях. Первое — борьба за политическую, экономическую и культурную автономию; второе — попытки интеграции украинской жизни в широкое советское общество. Причем 1920–1927 гг. Магочи считает периодом наибольшего тяготения к автономизации; в 1928–1932 гг. центральное советское правительство и советская Украина начали изменять свою политику и приоритеты. В 1933–1939 гг. произошли события, которые окончательно обозначили для Украины путь полной интеграции со всем советским обществом (С. 517).

Отдельный раздел посвящен «другим народам Украины» — русским, евреям, полякам, немцам, крымским татарам, грекам,

болгарам. Как пишет Магочи, 20 % жителей страны составляли представители других народов (не украинцы), которые после 1924 г. формально обозначались термином «национальные меньшинства» (С. 559). Пытаясь разобраться в их отношении к происходившим в УССР процессам, в том числе в национальной области, Магочи обращает внимание на то обстоятельство, что русские никогда не считали себя национальным меньшинством, считали себя представителями господствующей культуры и языка в «малороссийском» отечестве, и языковые аспекты украинизации для них выглядели по крайней мере надоевшими (С. 562). Евреи по советским законам, отмечает Магочи, стали полностью равноправными с другими народами. Те, кто принимал новые общественные и политические правила, получили выгоды. Немало евреев вступило в КП(б)У (С. 564). Вообще Магочи считает, что с 1924 г. советский режим разрешал достаточно высокий уровень свободного культурного и экономического развития, который содействовал развитию всех народов советской Украины и Крымской АССР. Но с началом сталинской революции 1928 г., которая сделала акцент на централизованном планировании, коллективизации сельского хозяйства и административной регламентации всех сторон советской жизни, национальные меньшинства должны были исполнять директивы компартий из Москвы (С. 572).

Если в межвоенный период вопрос с украинской идентичностью в УССР Магочи считает вполне определенным (ученый признает, что после установления советской власти над Надднепрянской Украиной этнические украинцы были признаны отдельной национальностью (С. 559)), то ситуация в Подкарпатской Руси, входившей в ЧСР, была несколько иной. Магочи употребляет в отношении восточнославянского населения Подкарпатской Руси термин карпаторусины/украинцы. Он подчеркивает, в общественной жизни проблема национальной идентичности была очень важна. Как и в соседней Восточной Галиции и Северной Буковине конца XIX в., в межвоенный период в Закарпатье шла борьба между украинофильскими и русифильскими интеллектуалами за благосклонность местного населения. Кроме того, теперь существовала и третья, русинофильская ориентация, в

соответствии с которой восточнославянское население Закарпаття не было ни русским, ни украинским, а составляло отдельную карпаторусинскую национальность (С. 596). В польских кресах, особенно в Восточной Галиции, на национально-культурном фронте украинцы обошли русофилов, хотя Магочи признает, что русофилы еще оставались политической силой в течение межвоенного периода (С. 583).

В изложении событий Второй мировой войны Магочи стремится проанализировать ситуацию, сложившуюся на украинской территории в этот период. Большое внимание уделяется политике фашистской Германии в отношении Украины и народов, населявших ее, основным принципам нацистского правления. Движение сопротивления со стороны населения Украины он подразделяет на три различные формы: 1) стихийная борьба как самозащита; 2) организованное националистическое (и антисоветское) движение; 3) советское партизанское движение (С. 625). Касаясь проблемы ОУН, Магочи пишет, отношение этой организации к немцам было сложным и зависело от обстоятельств, к тому же было неодинаковым у двух фракций организации — бандеровцев и мельниковцев. Нацистское же руководство считало сотрудничество ОУН полезным на территориях, куда немецкая армия собиралась вторгнуться. Однако нацистское руководство отрицало какое-либо серьезное сотрудничество с местными жителями украинского происхождения. Кроме того, они были против любой уступки украинцам, в качестве доказательства ученый приводит отношение немецких властей к акту провозглашения Украинского государства 30 июня 1941 г. (С. 616–617). В то же время, ликвидировав радикальные националистические элементы в украинском обществе, немецкая гражданская власть, казалось, готова была сотрудничать со сторонниками умеренных действий (С. 618).

В разделе, посвященном Волынской резне, историк указывает, что политическая напряженность между поляками и украинцами нарастала в предыдущие десятилетия и в годы войны никуда не делась, а нацистская оккупация только усугубила ситуацию. Вопрос — кто начал этот цикл насилия — он не склонен рассматривать с какой-либо одной позиции, подчеркивая, что этот воп-

рос остается предметом часто эмоциональных споров среди очевидцев и историков, и считает, что с обеих сторон были большие потери: 50 тыс. поляков и 20 тыс. украинцев убитыми он считает наиболее обоснованными данными (С. 627).

Событиям 1945–1985 гг. в книге уделено сравнительно немного внимания: им отведено меньше места, нежели предвоенным и военным годам. Магочи считает, что основной целью в послевоенные годы оставалось нивелирование национальных различий среди советского общества и создание нового советского человека (С. 639). К моменту смерти Сталина национальный вопрос и проблема украинской идентичности подлежали той же политике, которую советская центральная власть проводила повсюду — индивидуальное национальное выражение позволялось, но при определенных условиях, то есть при жестком соблюдении марксистско-ленинской теории как основы для коммунистической социально-экономической системы и в рамках существовавшей политической мысли, что недвусмысленно согласовывалось с верховенством русской культуры и языка как модели и способом выражения (С. 643–644).

Отмечая изменения, произошедшие после смерти Сталина, Магочи выделяет в качестве знакового события назначение А. Кириченко первым секретарем КПУ (1953). Это назначение знаменовало новый период в политической жизни Советской Украины. Впервые с начала 1920-х годов Компартию Украины возглавил этнический украинец, его преемники на этой должности также были этническими украинцами: Н. Подгорный (1957–1963), П. Шелест (1963–1972), В. Щербицкий (1972–1989). Больше того, подчеркивает автор, выходцы из Украины начали играть заметную роль в высших эшелонах руководства СССР (С. 646), и в самой КПУ постоянно увеличивался процент украинцев. Этнические украинцы составляли не только большинство ЦК КПУ и его политбюро, три четверти высших партийных и государственных должностей в республике также занимали этнические украинцы (С. 647).

Говоря о смягчении жесткой регламентации культурной сферы в 60-х гг., Магочи придерживается достаточно распространенной точки зрения о поддержке Шелестом украинского

культурного развития, а также шелестовской оппозиции к экономической централизации в пользу Москвы (С. 654). Фигуре Шелеста ученый противопоставляет «представителя днепропетровской мафии» Щербицкого (С. 655), при котором власть была полна решимости ликвидировать любой намек на культурную и административную отдельность Украины от остального советского общества (С. 655). Уделяется внимание и деятельности украинских диссидентов. Последнее десятилетие брежневской эпохи автору напоминает период царской Надднепрянской Украины. Диссиденты 1970–1980-х гг. (подобно своим предшественникам в XIX в., которые приняли веру Шевченко в отдельную национальную идентичность), тоже составляли мизерное меньшинство населения Советской Украины (в стране с населением свыше 48 миллионов человек было 975 диссидентов). Можно было быть одновременно этническим украинцем и советским гражданином. Однако если в царское время «малороссийские» русские часто полностью ассимилировались, то советское украинство было формой политического приспособления без ассимиляции. Невзирая на все большее доминирование русских форм в украинской политической, общественной и культурной жизни (увеличение числа русскоязычных школ и изданий и поощрение двуязычия в начальных школах), советская система одновременно производила высокообразованный и национально сознательный украинский слой населения (С. 656).

Поэтому ученый подчеркивает, что провозглашение независимости в 1991 г. в Украине было мирным процессом, причем по иронии судьбы старая коммунистическая элита принимала участие наряду со значительными слоями населения (С. 667). В последнем разделе книги, посвященной независимой Украине, Магочи пишет о политической реструктуризации, внешней и внутренней политике, общественном и культурном развитии. Магочи подчеркивает, что Украина остается многонациональной страной (С. 687), причем региональные различия не являются чем-то новым для современной Украины. Однако преувеличивать эти различия Магочи не склонен, он подчеркивает, что идея единой Украины как нормы политической жизни получила поддержку большинства населения (С. 691).

К сожалению, нельзя не указать на неизбежную неравноценность отдельных разделов. Так, для написания раздела по истории средневековья использовалась устаревшая историография, не отражающая современного уровня исследований.

Интересно, что западные методологические подходы, которыми руководствуется П.-П. Магочи, в некоторых случаях приводят его к выводам, которые оказываются ближе к оценкам современной российской, нежели украинской историографии. Это проявляется при изложении истории Киевской Руси, процесса формирования украинской народности в XIII–XVI вв., событий Северной войны начала XVIII в. и др.

«Иллюстрированная история Украины» представляет собой формально тот же текст, данный в сокращении, с тем же делением на разделы и главы, но без аналитических и цитатных вставок. Значительное уменьшение объема приводит к исчезновению отдельных дискуссионных тем, и в целом изложение материала приобретает более академический характер. Вместе с тем, огромное количество иллюстраций (карт, фотографий местностей, персоналий, документов, страниц летописей, литературных и художественных произведений и т. д.) придает изданию самостоятельную ценность и делает его незаменимым пособием по истории Украины.

Представленные работы Магочи представляют несомненный интерес не только (и не столько) для специалистов, но и для широкой общественности, интересующейся историей Украины. Среди книг западных ученых, переведенных на украинский язык, труды Магочи занимают заслуженно высокое место.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Демографические потери от голода являются предметом дискуссий. Украинскими учеными приводятся разные цифры. Так, директор Института демографии и социальных исследований НАН Украины С.И. Пирожков в 1998 году провел исследование, с помощью которых пытался определить прямые и косвенные потери от голода (включая снижение рождаемости в показателях естественного движения населения) и репрессий (включая депортации по социальному или национальному признакам). Эти потери за период 1929–1938 годов он определил в 4,8 млн человек. В 2008 году Институт демографии и социальных исследований заново проделал расчеты потерь от голода. По их данным, совокупные демографические потери в 1932–1933 годах составляют 4,5 млн человек. Из этого количества 3,4 млн относится к превышению нормального уровня смертности, которое было вызвано голодом, а 1,1 млн — к снижению нормального уровня рождаемости по этой же причине. См.: *Кульчицкий С. Украинский Голодомор как геноцид // Современная российско-украин-*

ская историография голода 1932–1933 гг. в СССР. М., 2011. С. 194. Для сравнения: российский ученый А.В. Шубин выступает против выдвигаемых украинскими учеными цифр и считает, что на Украине непосредственно от голода погибли 1–2 млн человек. Подробнее см.: *Кондрашин В.* Голод 1932–1933 гг. в современной российской и зарубежной историографии: взгляд из России // Там же. С. 53. Таким образом, Магочи приводит максимальные величины из числа научно обоснованных.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БОРИСЕНОК Елена Юрьевна (г. Москва) — к.и.н., Институт славяноведения РАН.

ВАБИЩЕВИЧ Александр Николаевич (г. Брест, Беларусь) — д.и.н., Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина.

ВАСИЛЬЕВ Игорь Юрьевич (г. Ростов-на-Дону) — к.и.н., Научно-исследовательский центр традиционной культуры ГНТУ «Кубанский казачий хор».

ГАЙ-НЫЖНЫК Павло Павлович (г. Киев, Украина) — д.и.н., академик НАНУ, Институт политических и этнонациональных исследований НАН Украины.

ГАНИН Андрей Владиславович (Москва) — к.и.н., Институт славяноведения РАН.

ГАНУС Сергей Алексеевич (г. Ужгород, Украина) — к.и.н., Ужгородский национальный университет.

ДЕДУРИН Геннадий Геннадиевич (г. Харьков, Украина) — к.и.н., доц., Харьковский университет внутренних дел.

ДРОНОВ Михаил Юрьевич (г. Москва) — к.и.н., Институт славяноведения РАН.

ИВАНГОРОДСКИЙ Константин Васильевич (г. Черкассы, Украина) — доц., Черкасский национальный университет им. Б. Хмельницкого.

КАЛЬЧЕНКО Тимур Валерьевич (г. Киев, Украина) — д.экон.н., проф., ГВУЗ «Киевский национальный экономический университет имени Вадима Гетьмана».

КУРОХТИНА Татьяна Николаевна (г. Москва) — к.фил.н., Институт славяноведения РАН.

КУЦОВ Константин (г. Ужгород, Украина) — НИИ политической регионалистики Ужгородского национального университета.

ЛУКАШОВА Светлана Станиславовна (г. Москва) — к.и.н., Институт славяноведения РАН.

МАХАНЬКО Мария Александровна (г. Москва) — к. искусствовед., редакция Церковной археологии и искусства Церковно-научного центра «Православная энциклопедия».

МИХУТИНА Ирина Васильевна (г. Москва) — д.и.н., Институт славяноведения РАН.

РОБИНСОН Михаил Андреевич (г. Москва) — д.и.н., Институт славяноведения РАН.

ТЭРЫЦЭ Мариус Орестьевич/ Tăgîță Marius Orest (г. Кишинев, Молдова) — к.и.н., Институт истории, государства и права Академия Наук Молдовы.

ФЕДЕВИЧ Клементий Клементьевич (г. Москва) — к.и.н., Центр украинистики и белорусистики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

ФЕНИЧ Владимир Иванович (г. Ужгород, Украина) — д.и.н., Ужгородский национальный университет.

ФЛОРЯ Борис Николаевич (г. Москва) — д.и.н., член-корреспондент РАН, Институт славяноведения РАН.

ХЛЫНИНА Татьяна Павловна (г. Ростов-на-Дону) — д.и.н., Южный научный центр РАН.

ШУБИН Александр Владленович (г. Москва) — д.и.н., руководитель Центра истории России, Украины и Белоруссии ИВИ РАН.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- В.И. Фенич.*
«Монастырская Церковь»: происхождение
и ранняя история Мукачевского епископства
в «Летописи» Самойла Величко 4
- Б.Н. Флоря.*
Украинское общество XVII века и его элита
в «Летописи» Самойла Величко 34
- М.А. Маханько.*
Культурное влияние Малороссии в церковном
искусстве казанской епархии XVII–XVIII вв. 72
- К.К. Федевич.*
Малорусский монархизм и Черная сотня
в империи Романовых как часть истории
украинского движения 89
- М.О. Тэрыцэ.*
Украинцы Хотинского уезда Бессарабской губернии
в Российской империи. 1812–1918 110
- П.П. Гай-Ныжнык.*
Игорь Кистяковский: российский кадет
и государственный деятель Украины 138
- А.В. Шубин.*
Национальный и социальный состав
юго-востока Украины и революционный процесс
1917–1921 годов на примере Александровского уезда
Екатеринославской губернии 160
- А.В. Ганин.*
Подготовка кадров
украинского Генерального штаба в период
Гражданской войны и эмиграции (1917–1924 гг.) 167
- И.В. Михутина.*
Первые недели польско-советской
военной кампании 1920 года 214

<i>Т. В. Кальченко.</i>	
Киевское правое духовенство в эмиграции: биографические материалы	270
<i>А. Н. Вабищевич.</i>	
Украинская общественно-политическая и культурно-просветительская деятельность на Полесье в 1918–1939 годах	288
<i>Г. Г. Дедурин.</i>	
Белорусский вектор в политике Юзефа Пилсудского	300
<i>М. А. Робинсон.</i>	
Русские ученые-слависты и Белорусская академия наук в 1920-е годы	319
<i>Т. П. Хлынина, И. Ю. Васильев.</i>	
Украинизация на Кубани: замыслы, воплощение, итоги	373
<i>К. Куцов.</i>	
Центральный Союз Подкарпатских Студентов (1928–1939) – Верховная структура русинского студенчества в межвоенной Чехословакии: краткая история	385
<i>Т. Н. Курохтина.</i>	
Отображение суржика в украинской художественной литературе (на примере рассказов Б. Жолдака)	407

РЕЦЕНЗИИ

И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ

<i>К. В. Ивангородский.</i>	
Этническая история восточных славян домонгольского периода в современных украинских исследованиях	439
<i>С. А. Ганус.</i>	
<i>Официнський Р. А.</i> Иван Франко в історіографічному трикутнику: інтерпретації, джерела, взаємини. Ужгород: Гражда, 2011. 244 с.	484

М.Ю. Дронов.

Vedecký zborník Múzea ukrajinskej kultúry vo Svidníku
(Bibliografický súpis článkov č. 1–10) /

Ed. Z. Džupinková. Prešov, 2010. 192 s.

Naukoví zapisky: článková bibliografia č. 1–19 /

Ed. M. Nachajová. Prešov, 2010. 128 s. 518

Е.Ю. Борисенко, С.С. Лукашова.

Магочій П.-Р. Україна. Історія її земель та народів /

Пер. з англ. : Е. Гейдель, С. Грачова, Н. Кушко, О. Сидорчук;
наук. ред. С. Біленький; ред. укр. вид. Л. Ільченко;
відп. ред. В. Падяк. – Ужгород: Вид-во В. Падяка, 2012. –
789 + [5] + XXII с. + карти + табл. – Бібліогр. в кінці розд.

Магочій П.-Р. Ілюстрована історія України =

= Ukraine: an illustrated history / Павло-Роберт Магочій;

[переклав з англ. С. Біленький]. – Київ : Критика, 2012. –
448 + [2] + XLVIII с. + арк. кольор. іл. + іл. + табл. 521

Сведения об авторах..... 535

Научное издание

Институт славяноведения
Российской академии наук

**БЕЛОРУССИЯ И УКРАИНА:
ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА**

Выпуск 5

Главный редактор
член-корреспондент РАН
Б.Н. Флоря

Компьютерная верстка
П.Н. Морозов

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Институт славяноведения РАН
119334, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32-А

Подписано в печать 08.06.2015. Формат 60×84^{1/16}.
Гарнитура NewtonС. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Объем 33,75 печ. л.

Заказ № 86.

Тираж 500 экз.

Белоруссия и Украина: история и культура

ISBN 978-5-7576-0334-6

9 785757 603346

inslav